

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

HL 2A05 -

Digitized by Google

Harvard College Library

FROM

Library of the Imperial University of St. Petersburg

Apr 20 1915.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОСТОЯННО НЕЙТРАЛЬНОЕ

ГОСУДАРСТВО.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Барона Б. Э. НОЛЬДЕ,

ДОЦЕНТА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1905.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОСТОЯННО НЕЙТРАЛЬНОЕ

Postmo neutrale. gouvernatum.

ГОСУДАРСТВО.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Барона Б. Э. НОЛЬДЕ,

ДОЦЕНТА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1905.

INT. 402

Digitized by Google

HARVARD COLLEGE LIBRARY
NOV 14 1906
CAMBRIDGE, MASS.

Library of
Imperial University of St. Petersburg.
April 5, 1915
Transferred to Law Library

3425

APR 20 1915

По опредѣленію Экономическаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института печать разрѣшается. 7 февраля 1905 г.

Деканъ *А. Посниковъ.*

Digitized by Google

Два основныхъ мотива побудили меня остановиться на вопросѣ, которому настоящее изслѣдованіе посвящено; они опредѣляются содержаніемъ научныхъ интересовъ автора. Наука международнаго права бѣдна въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, она часто работаетъ надъ скуднымъ, уже давно переработаннымъ и растолкованнымъ матеріаломъ и рѣдко рѣшается на его обновленіе; положительный матеріалъ учебниковъ и огромнаго большинства монографій представляетъ по составу своему скорѣе случайный подборъ данныхъ, едва ли годныхъ служить базисомъ научнаго построенія. Старая литература, выросшая изъ естественнаго права, не нуждалась въ немъ. Гроцію довольно было ссылокъ на священное писаніе и Цицерона. Новая литература, лишь постепенно покидавшая почву естественноправовыхъ предпосылокъ, почувствовала нѣкоторую необходимость изыскать этотъ матеріалъ, но удовольствовалась немногимъ, и это не многое въ душѣ считала повидимому опаснымъ новшествомъ; мы знаемъ, насколько скуденъ положительный матеріалъ Г. Фр. Мартенса и Клюбера. Быть можетъ, на первый разъ имъ можно было довольствоваться; но тѣмъ болѣе прискорбно, что литература вяло пополняла пробѣлы этихъ писателей, ограничиваясь дополненіемъ ихъ путемъ случайныхъ ссылокъ на особенно крупныя по своему значенію современныя ей событія въ исто-

Digitized by Google

ріи международнаго права. Сознательная задача изученія положительныхъ данныхъ до послѣдняго времени никѣмъ не была поставлена, и лишь недавно замѣтили, что этотъ багажъ, легко переносный и малаго вѣса, не достаточенъ для серьезнаго и научнаго предпріятія въ области изученія международнаго правопорядка; сдѣлавъ въ отдѣльныхъ случаяхъ попытку пойти нѣсколько дальше въ глубь богатаго историческаго и догматическаго матеріала, ученые замѣтили, что этотъ матеріалъ безконечно разнообразнѣе, интереснѣе и поучительнѣе, нежели „примѣры", переходившіе въ порядкѣ законнаго наслѣдованія изъ одного учебника въ другой, что случайно всплывшій на поверхность научнаго изслѣдованія фактъ пріобрѣтаетъ въ совокупности съ сотнеи другихъ фактовъ, оставшихся неизвѣстными, совсѣмъ иное значеніе, что отдѣльныя нормы и цѣлые институты складываются въ совершенно иной формѣ, съ гораздо большею опредѣленностью и полнотой, когда найденъ этотъ положительный матеріалъ, чѣмъ если бы пришлось ограничиваться пересмотромъ давно извѣстныхъ казусовъ. Между тѣмъ этотъ матеріалъ былъ давно уже подъ рукою; удивительно, что даже сборникъ трактатовъ Мартенса остается до сихъ поръ во многихъ частяхъ неиспользованнымъ, не говоря уже объ огромномъ количествѣ архивныхъ документовъ, напечатанныхъ въ послѣдніе десятки лѣтъ, объ англійскихъ „English and foreign state papers", парламентскихъ изданіяхъ разныхъ государствъ, сборникѣ Р. И. О. и т. д., и т. д. Теперь, когда дорога къ этимъ неизвѣданнымъ матеріаламъ открыта, нельзя болѣе медлить, и одной изъ основныхъ задачъ современной науки международнаго права нельзя не признать дружную и рѣшительную работу надъ монографическимъ анализомъ богатыхъ залежей этихъ матеріаловъ. Изученіе ихъ залогъ истиннаго научнаго обогащенія. Въ этомъ отношеніи не должно быть никакихъ колебаній, и, не идя смѣло по этому пути,

Digitized by Google

наука международнаго права легкомысленно принесла бы въ жертву привычной умственной лѣни возможность самаго разносторонняго обновленія своихъ выводовъ.

Во-вторыхъ, наука права международнаго бѣдна въ логически-конструктивныхъ своихъ выводахъ. Грандіозное движеніе, приведшее въ послѣдніе десятки лѣтъ къ перестройкѣ на новыхъ началахъ доктринъ государственнаго и административнаго права, почти не коснулось права международнаго. Правда, въ послѣдніе годы въ учебники и монографіи начинаютъ проникать категоріи, найденныя новѣйшей наукой права государственнаго, но дѣлается это въ большинствѣ случаевъ безсознательно и пассивно въ формахъ простого механическаго заимствованія: смежныя понятія вносятся въ систему международнаго права, не справляясь съ тѣмъ, отвѣчаютъ ли они строенію международныхъ институтовъ и тѣмъ вопросамъ, которые возникаютъ при изученіи международныхъ нормъ. Вся цѣнность новѣйшаго движенія лежитъ прежде всего въ томъ пересмотрѣ методы, ея очищеніи и преобразованіи, которое имъ сдѣлано, и только этимъ и именно этимъ должна воспользоваться наука международнаго права; рабское воспріятіе готовыхъ выводовъ дисциплины, изучающей совсѣмъ иной матеріалъ, не можетъ замѣнить самостоятельной, творческой въ этомъ направленіи работы. Между тѣмъ эта новая публицистическая метода способна безспорно оказать услугу наукѣ международнаго права. Можетъ быть, ни одна современная научная дисциплина въ такой степени не страдаетъ внутренней разноголосицею, вызванной невыработанностью научной методы, какъ наука международнаго права. Въ ней рядомъ съ остатками классическихъ естественноправовыхъ тезисовъ мирно уживаются облеченныя меньшею торжественностью, но сходныя по существу политическія благопожеланія, строго догматическіе выводы и случайныя юридическія конструкціи. Только свѣтъ точной и ясной методы мо-

Digitized by Google

жетъ освѣтить этотъ хаосъ, можетъ дать историческую перспективу, которая позволитъ опредѣлить отдѣльныя историческія наслоенія и отдѣлить живое отъ мертваго, можетъ помочь разобраться въ дѣйствительно дѣйствующемъ правѣ и создать научную его систему; отвлекая юридическія нормы отъ житейски связанныхъ съ ними явленій совершенно иного порядка, „юридическая метода“ научитъ познать эти нормы въ ихъ чистотѣ, найти ихъ внутреннюю между собою связь и создать въ истинномъ смыслѣ единую ихъ систему.

Таковы теперь двѣ основныхъ въ наукѣ международнаго права задачи, и надъ выполненіемъ ихъ на нашъ взглядъ слѣдуетъ работать съ особенной настойчивостью. Каждая юридическая дисциплина живетъ въ извѣстной степени своей особой жизнью и имѣетъ свои собственныя прегрѣшенія и доблести; я вовсе не считаю, чтобы во всѣхъ другихъ юридическихъ наукахъ въ настоящую минуту стояли на первой очереди задачи, подобныя отмѣченнымъ выше. Напротивъ того, я съ радостью привѣтствую въ области права гражданскаго, стремленіе освободить себя отъ гнета чрезмѣрнаго увлеченія мелочнымъ изученіемъ дѣйствующаго права и схоластической догматикой, реакцію противъ исторической школы и Іеринга, въ пользу обновленія творческихъ юридическихъ силъ, работы надъ дѣломъ созиданія новаго права. Но именно въ этихъ недостаткахъ всего менѣе повинно международное право; нигдѣ, быть можетъ, столько научной энергіи не тратится на проповѣдь правового идеала. Я конечно не думаю, чтобы и въ этомъ отношеніи было сказано послѣднее слово, и не считаю, чтобы такая проповѣдь, съ одной стороны, достигла уже своей конечной цѣли, а, съ другой, всегда велась съ логической точки зрѣнія безукоризненно; во всякомъ случаѣ, однако, для правильной ея постановки зачастую не хватаетъ именно прежде всего истиннаго научнаго знакомства съ положитель-

Digitized by Google

ными нормами права, а безъ этого едва ли можно сознательно приступить къ творчеству идеала, призваннаго стать на мѣсто этого права положительнаго. Истинное научное знакомство съ положительными нормами права можетъ дать лишь расширеніе матеріала, подвергаемаго изслѣдованію, и изслѣдованіе его во всеоруженіи современной юридической методы.

Предпринимая изслѣдованіе вопроса о постоянно нейтральномъ государствѣ, какъ самостоятельномъ типѣ международноправовой личности, я прежде всего имѣлъ въ виду тѣ указанныя двѣ задачи, которыя я привыкъ считать основными Я исходилъ изъ того предположенія, что, работая надъ изученіемъ института, мало и поверхностно изслѣдованнаго, я найду богатый и не изученный правовой матеріалъ и внесу съ своей стороны хотя бы по одному вопросу нѣсколько новыхъ данныхъ въ общую сумму попавшихъ въ научный оборотъ довольно скудныхъ положительныхъ свѣдѣній; я расчитывалъ, съ другой стороны, что мнѣ удастся на этомъ расширенномъ фундаментѣ дать построеніе строго юридическаго характера, чуждое методическихъ недомолвокъ или механическаго заимствованія у сосѣднихъ научныхъ дисциплинъ. Кончая работу, я не въ правѣ говорить о томъ, ошибся ли я или нѣтъ въ этихъ надеждахъ; объ этомъ пусть судятъ другіе, но я позволю себѣ лишь заявить здѣсь, что работа не разрушила во мнѣ этихъ руководившихъ мной научныхъ стремленій. Я попрежнему и, можетъ быть, еще больше прежняго убѣжденъ, что ближайшее будущее нашей науки зависитъ прежде всего отъ того, насколько ясно поставлены будутъ двѣ основныхъ задачи: обогащеніе изученія положительныхъ нормъ путемъ расширенія предѣловъ изслѣдуемаго и очищенія методы изслѣдованія.

Я счастливъ тѣмъ, что на долю мою въ заключеніе только что сказаннаго выпадаетъ обязанность принести глубокую благодарность людямъ, имена которыхъ мо-

Digitized by Google

гутъ служить свидѣтельствомъ того, насколько плодотворна можетъ быть работа въ указанномъ направленіи. Это имена Ф. Ф. Мартенса въ Петербургѣ, Георга Еллинека въ Гейдельбергѣ и Альбера Сореля въ Парижѣ. Какъ школьнику и потомъ въ первыхъ шагахъ самостоятельныхъ изысканій мнѣ привелось оказаться въ положеніи ученика этихъ лицъ, и я не могу не выразить здѣсь искренней признательности за ихъ указанія и за ту поддержку, которую дало мнѣ знакомство съ ихъ научной работой.

Согласно доброму обычаю я присоединяю выраженіе живой благодарности учрежденіямъ, облегчившимъ мнѣ осуществленіе предпринятой мною работы: Государственному и С.-Петербургскому Главному Архивамъ, Парижской Національной Библіотекѣ, тамошнему архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, богатой Парижской Польской библіотекѣ, Городской Библіотекѣ Цюриха, Брюссельскимъ Королевской Библіотекѣ и Библіотекѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, наконецъ Берлинской Королевской Библіотекѣ и библіотекамъ Прусской Палаты Депутатовъ и Германскаго Рейхстага. Всѣ знаютъ, сколь многимъ обязанъ работникъ такимъ хранилищамъ разума прошлаго и настоящаго; перечисляя ихъ, вспоминаешь минуты радостной, спокойной научной работы, и трудно отказать себѣ въ удовольствіи лишній разъ отдаться этимъ воспоминаніямъ.

Сорренто—Петербургъ.
1902—1905.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первое постоянно нейтральное государство: учредительный актъ постояннаго нейтралитета Швейцаріи 1

1. Общія условія возникновенія институтовъ въ системѣ международнаго права и вопросъ о происхожденіи института постояннаго нейтралитета (1). 2. Наполеоновская Цвейцарія (8). 3. Швейцарскій вопросъ и освобожденіе Европы (19). 4. Почему швейцарскій вопросъ получаетъ рѣшеніе въ формулѣ постояннаго нейтралитета (22). 5. Выработка текста Вѣнской декларации 20 марта 1815 года о дѣлахъ Гельветическаго Союза и Парижскаго акта признанія и гарантіи постояннаго нейтралитета Швейцаріи 20 ноября 1815 года (28). 6. «Старинный швейцарскій нейтралитетъ» и договоръ 1815 года. (50). 7. Догматическій анализъ конститутивнаго акта швейцарскаго постояннаго нейтралитета (61). 8. Формальныя свойства этого акта (72).

ГЛАВА ВТОРАЯ. Успѣхъ формулы 1815 года и кристаллизація типа никогда не воюющаго государства.—Вольный городъ Краковъ 89

1. Почему швейцарская формула постояннаго нейтралитета была заимствована при рѣшеніи вопроса о Краковѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ (89). 2. Договорные тексты о нейтралитетѣ Кракова и ихъ догматическій анализъ (102).

Digitized by Google

СТР.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Продолженіе.—Бельгія 113

1. Бельгія и Европа въ 1830 году (113). 2. Признаніе независимости Бельгіи и вытекавшіе изъ этого признанія вопросы (130). 3. Одиннадцатый протоколъ Лондонской конференціи (141). 4. Происхожденіе ст. 7 Лондонскаго договора 1831 года о нейтралитетѣ Бельгіи (147). 5. Договоръ 1839 года (156). 6. Содержаніе договорной характеристики бельгійскаго нейтралитета (162).

Примѣчаніе къ главѣ III. Вопросъ объ источникахъ нейтралитета въ далекомъ прошломъ бельгійскихъ провинцій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Продолженіе.—Доктрина въ серединѣ прошлаго вѣка; неуспѣхъ попытки разорвать учредительный актъ швейцарскаго нейтралитета; результаты развитія института въ формулѣ постояннаго нейтралитета Люксембурга 172

1. Доктрина въ серединѣ прошлаго вѣка (172). 2. Споръ о постоянномъ нейтралитетѣ Швейцаріи въ 1832—1848 гг. (175). 3. Люксембургскій вопросъ: историческія условія его возникновенія (188). 4. Проекты рѣшенія (204). 5. Лондонскій договоръ о нейтралитетѣ Люксембурга (219). 6. Обзоръ его содержанія (214).

ГЛАВА ПЯТАЯ Развитіе на практикѣ внутренняго содержанія института постояннаго нейтралитета.—Обязанности нейтральнаго въ мирное время 226

§ 1. 1. Практическая интерпретація договорныхъ текстовъ въ системѣ международнаго права (226). 2. Международный правопорядокъ эпохи конгрессовъ и обязанности нейтральнаго въ мирное время (229). 3. Парижская конференція и союзный конклузумъ 1823 года о полиціи иностранцевъ въ нейтральной Швейцаріи (232). 4. Дальнѣйшая исторія вопроса въ Швейцаріи (238). 5. Паденіе доктрины объ особыхъ обязанностяхъ по охранѣ неприкосновенности иностранной государственной власти въ

Digitized by Google

СТР.

Швейцаріи (256). 6. Особыя обязанности по охранѣ иностранной власти въ исторіи Кракова (264).

§ 2. 1. Причины широкаго толкованія обязанностей нейтральнаго въ мирное время (281). 2. Право заключенія политическихъ союзовъ съ иностранными государствами въ Швейцаріи (282). 3. Проекты таможеннаго объединенія Бельгіи съ Франціей и постоянный нейтралитетъ первой (288). 4. Вопросъ объ уступкѣ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ Франціи и общіе результаты развитія доктрины о неправомѣрности нѣкоторыхъ внѣшнихъ договоровъ нейтральныхъ (303).

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Продолженіе.—Охрана постояннаго нейтралитета 312

§ 1. 1. Охрана внутренняя и внѣшняя (312). 2. Гарантія бельгійскаго нейтралитета на практикѣ; 1831 г. (314). 3. 1832 г. (320). 4. 1870 г.; общіе выводы бельгійской практики; гарантія Люксембургскаго нейтралитета (327)

§ 2. 1. Внутренняя санкція нейтралитета (344). 2. «Вооруженный нейтралитетъ» Швейцаріи (345). 3. Крѣпости и войско въ Бельгіи (357). 4. Грань между оборономъ нейтралитета и наступательной войною нейтральнаго: Нешатель (369).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.—Нарушеніе обязанностей нейтралитета и правовыя его послѣдствія 388

1. Правонарушеніе въ системѣ права международнаго (388). 2. Борьба державъ съ нарушеніями нейтралитета Краковомъ (1833—1836) (289). 3. Паденіе независимости Кракова (394). 4. Нарушенія нейтралитета въ исторіи Люксембурга (406).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Современная доктрина постояннаго нейтралитета; нейтральный Конго и движеніе въ пользу дальнѣйшаго распространенія института. 410

1. Доктрина послѣ половины прошлаго вѣка (410). 2. Проектъ постояннаго нейтралитета Греціи (417). 3. Эльзасъ и Лотарингія (419). 4. Египетъ

Digitized by Google

СТР.

(419). 5. Провозглашеніе постояннаго нейтралитета Конго. Раздѣлъ центральной Африки (420). 6. Берлинская африканская конференція и Независимое Государство Конго (428). 7. Ст. 10 Главнаго Акта Африканской конференціи (437). 8. Декларація нейтралитета Конго 1 августа 1885 года. Вопросъ о факультативности нейтралитета Конго и доказательство тождественности основныхъ свойствъ этого нейтралитета съ нейтралитетомъ другихъ государствъ (448). 9. Договорная характеристика нейтралитета Конго (460). 10. Вопросы нейтралитета, связанные съ проектами присоединенія Конго къ Бельгіи (462) 11. Идея «скандинавскаго нейтралитета» (472).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Ограниченіе права на войну, какъ основное положеніе правовой характеристики постоянно нейтральнаго государства 478

1. Сводъ положеній, опредѣляющихъ международноправовой status постоянно нейтральнаго (478) 2. Вопросъ объ основномъ признакѣ института: постоянно нейтральное государство и государство буферъ (482). 3. Ограниченія въ правѣ на войну въ соединеніи государствъ на равномъ и на неравномъ правѣ (485). 4. Право на войну въ доктринѣ: теорія условнаго права (505). 5. Люберовское направленіе (524). 6. Вопросъ о правѣ на войну у Еллинека и Гейльборна; попытка рѣшенія вопроса (532). 7. Результаты для построенія постоянно нейтральнаго государства (547).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Постоянно нейтральное государство и общее ученіе о субъектахъ международнаго права . 549

1. Постановка вопроса (549). 2. Два пута правовой нормировки оборота (550). 3. Существуютъ ли они въ международномъ правѣ? (558). 4. Ученіе о лицѣ въ общей теоріи права (564). 5. Теорія лица въ международномъ правѣ (577). 6. Государство-лицо въ господствующей доктринѣ (578). 7. Критика (583). 8. Самостоятельность понятій государства и лица въ смыслѣ права международнаго (591). 9. Доктрина суверенитета въ международномъ правѣ. Су-

Digitized by Google

стр.

перенитетъ внѣшній и внутренній (598). 10. Содержаніе понятія суверенитета въ теоріи международнаго права (607). 11. Опредѣленіе постоянно нейтральнаго государства въ связи съ общимъ ученіемъ о лицѣ въ международномъ правѣ (612). 12. Значеніе института въ общей схемѣ развитія международнаго правопорядка (616).

НЕОБХОДИМЫЯ ИСПРАВЛЕНІЯ.

Стран.				*вмѣсто*	*слѣдуетъ читать*
37	прим. 47	4	стр.	engagé	engagées
—	» —	11		intérieur	intérieure
56	3 строка	снизу		центрѣ	театрѣ
107	6 »	сверху		o'autre	l'autre
117	10 »	»		обновленія	обновленіемъ
123	1 »	»		спасеніи	о спасеніи
141	7 »	»		Въ этомъ протоколѣ...	3. Въ этомъ протоколѣ...
189	прим. 32	2	стр.	der	des
214	15 строка	сверху		государстъ	государствъ
322	5 »	»		ихъ	Ихъ
372	3 »	снизу		съ союзныхъ дѣлъ	въ союзныхъ дѣлахъ
425	прим. 36	1	стр.	формулировать	формулированъ
426	прим. 57	13	»	propre	propres
439	1 строка	снизу		американскаго	американскаго
457	15 »	сверху		взглядомъ	взглядамъ
461	1 строка снизу и прим.			[82])	[82 a])
462	1 строка снизу и прим.			[83])	[83 a])

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первое постоянно нейтральное государство: учредительный актъ постояннаго нейтралитета Швейцаріи.

1. 20 марта 1815 года Австрія, Испанія, Франція, Великобританія, Португалія, Пруссія, Россія и Швеція подписали на Вѣнскомъ конгрессѣ «Декларацію о дѣлахъ Гельветическаго Союза», вступленіе которой гласило такъ:

> Les Puissances appelées à intervenir dans l'arrangement des affaires de la Suisse... ayant reconnu, que l'intérêt général réclame en faveur du Corps Helvétique l'avantage d'une neutralité perpétuelle, et voulant par des restitutions territoriales et des cessions fournir les moyens d'assurer son indépendance et maintenir sa neutralité,
>
> Aprés avoir recueilli toutes les informations sur les intérêts des différents Cantons et pris en considération les demandes qui leur ont été adressées par la Légation Helvétique,
>
> Déclarent,
>
> Que, dès que la Diète Helvétique aura donné son accession en bonne et due forme aux stipulations renfermées dans la présente transaction, il sera fait un Acte portant

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первое постоянно нейтральное государство: учредительный актъ постояннаго нейтралитета Швейцаріи.

1. 20 марта 1815 года Австрія, Испанія, Франція, Великобританія, Португалія, Пруссія, Россія и Швеція подписали на Вѣнскомъ конгрессѣ «Декларацію о дѣлахъ Гельветическаго Союза», вступленіе которой гласило такъ:

> Les Puissances appelées à intervenir dans l'arrangement des affaires de la Suisse... ayant reconnu, que l'intérêt général réclame en faveur du Corps Helvétique l'avantage d'une neutralité perpétuelle, et voulant par des restitutions territoriales et des cessions fournir les moyens d'assurer son indépendance et maintenir sa neutralité,
>
> Aprés avoir recueilli toutes les informations sur les intérêts des différents Cantons et pris en considération les demandes qui leur ont été adressées par la Légation Helvétique,
>
> Déclarent,
>
> Que, dès que la Diète Helvétique aura donné son accession en bonne et due forme aux stipulations renfermées dans la présente transaction, il sera fait un Acte portant

Digitized by Google

la reconnoissance et la garantie de la part de toutes les Puissances de la neutralité perpétuelle de la Suisse dans ses nouvelles limites...

Послѣдовавшій затѣмъ актъ 20 ноября 1815 г. провозгласилъ «постоянный нейтралитетъ» Швейцаріи, въ томъ же 1815 г. постоянно нейтральнымъ признанъ былъ вольный городъ Краковъ, въ 1831 году—Бельгія, въ 1867—Люксембургъ и въ 1885—Независимое государство Конго. Появляющіяся въ декларацiи 20 марта 1815 года въ первый разъ слова: «neutralité perpétuelle», «постоянный нейтралитетъ» и внесенное ими въ европейское правосознаніе понятіе новаго правового института сдѣлалось такимъ образомъ съ теченіемъ времени прочнымъ достояніемъ современной системы международнаго права.

Но если мы станемъ на точку зрѣнія людей 1815 года и спросимъ себя, что значило тогда это понятіе, то мы натолкнемся на существенныя затрудненія, вытекающія изъ невозможности искать ключъ къ нему въ предшествующихъ Вѣнскимъ актамъ доктринѣ или практикѣ. Объявляя Швейцарію «постоянно нейтральнымъ государствомъ», тогдашняя Европа не могла связывать съ этими словами какихъ-либо опредѣленныхъ, почерпнутыхъ изъ опыта прошлаго представленій и создавала въ данномъ случаѣ положеніе, которому не было примѣровъ. Если такой вопросъ задать въ настоящее время, то отвѣтъ будетъ очень простъ; скажутъ: посмотрите въ учебникѣ международнаго права, а этотъ послѣдній отошлетъ васъ къ ряду договоровъ; между тѣмъ ни въ литературѣ, ни въ договорахъ, предшествовавшихъ 1815 году, никакой характеристики «постоянно нейтральнаго государства» мы не находимъ.

Между тѣмъ однако вопросъ, обращенный къ людямъ 1815 года о томъ, что разумѣли они подъ этимъ понятіемъ, надо полагать, не остался бы безъ отвѣта. «Постоянный нейтралитетъ» не былъ для нихъ случайнымъ сочетаніемъ двухъ словъ, и мысль объ этомъ типѣ между-

Digitized by Google

народноправовой личности не родилась безсознательно. Напротивъ того, этимъ словамъ отвѣчалъ совершенно опредѣленный кругъ представленій. «Постоянный нейтралитетъ» Швейцаріи былъ для людей 1815 года совершенно яснымъ выраженіемъ нѣкоторыхъ политическихъ пожеланій, вытекавшихъ изъ всей совокупности данныхъ тогдашней политической минуты. А потому, не имѣя возможности связать въ 1815 г. съ этимъ понятіемъ какихъ-либо представленій, почерпнутыхъ изъ опыта прошлаго, мы должны обратиться къ изученію политическихъ пожеланій, которымъ оно отвѣчало.

Ставя такъ задачу изученія возникшаго въ 1815 году международноправового института, мы избираемъ тотъ единственный путь, который годенъ вообще для изученія большинства международноправовыхъ институтовъ. Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, насколько справедливо это указаніе, слѣдуетъ имѣть въ виду общія условія развитія международноправовыхъ нормъ. Крайне слабое обособленіе правотворящихъ силъ въ средѣ носителей правъ и обязанностей, ими создаваемыхъ, приводитъ къ тому, что огромное большинство международноправовыхъ институтовъ выливается непосредственно изъ договора. Законодательнаго органа здѣсь не существуетъ, невозможно сознательное и отвлеченное творчество заранѣе опредѣленныхъ, готовыхъ типовъ правоотношеній, къ которымъ примѣняются и которымъ подчиняются отдѣльныя лица, весь международный оборотъ покоится на общихъ или частныхъ соглашеніяхъ между этими послѣдними. Возможно ли при такихъ условіяхъ возникновеніе того, что принято называть юридическимъ институтомъ? Намъ кажется, что да, и вотъ почему. Прежде всего, что такое юридическій институтъ? Въ совокупности правоотношеній, изъ которыхъ состоитъ правовой оборотъ, выдѣляются нѣкоторые особые узлы ихъ, маленькія внутри себя законченныя системы отношеній; появленіе этихъ узловъ вполнѣ понятно: соціальная жизнь выростаетъ подъ вліяніемъ закона повторяемости явленій, въ томъ числѣ явленій правовыхъ; отдѣльные люди и

Digitized by Google

отдѣльныя группы людей стремятся построить свою правовую жизнь по общему, заранѣе извѣстному образцу; это влечетъ за собою образованіе въ составѣ правоотношеній, число которыхъ теоретически можетъ казаться неограниченнымъ, извѣстныхъ руководящихъ типовъ ихъ, по образцу которыхъ строятся другія. Повторяемость соціальныхъ явленій влечетъ за собою затѣмъ и тотъ фактъ, что повторяются не только отдѣльныя правоотношенія, но и цѣлыя ихъ группы. Разсматривая отрасль какого-нибудь дѣйствующаго права, прежде всего останавливаешься на этихъ типическихъ правоотношеніяхъ и группахъ правоотношеній, имѣющихъ первенствующее значеніе. Наука давно уже установила терминъ, которымъ она обозначаетъ эти типическія явленія. Она говоритъ въ такомъ случаѣ объ институтахъ права: «правовые институты суть правомъ установленныя основныя формы, въ которыхъ движется общественная жизнь... Отдѣльныя велѣнія права порождаютъ правоотношенія, правоотношенія сгущаются въ правовой институтъ, правовые институты въ совокупности своей составляютъ отрасль права, отдѣльныя отрасли образуютъ право въ его цѣломъ, въ его единствѣ» (Regelsberger).

Когда подъ руками законодательный кодексъ, изученіе юридическаго института не представляетъ особыхъ внѣшнихъ затрудненій. Поставивъ себѣ цѣлью изслѣдованіе договора личнаго найма по германскому праву, мы открываемъ B. G. B., находимъ въ немъ шестой титулъ седьмого отдѣла второй книги, озаглавленный «Dienstvertrag» и имѣемъ подъ руками подробную характеристику этого института. Представимъ себѣ совокупность совсѣмъ иныхъ условій: допустимъ, что кодекса нѣтъ, а что есть лишь договоры, заключенные между отдѣльными лицами и устанавливающіе нѣкоторыя частныя правоотношенія. При этихъ условіяхъ констатировать наличность института труднѣе. Для этого придется произвести подробный инвентарь возникшихъ такимъ путемъ правоотношеній, выяснить степень повторяемости ихъ и степень повторяемости комбинацій этихъ право-

Digitized by Google

отношеній и тогда уже говорить о типичности тѣхъ или иныхъ правовыхъ явленій. Съ такой задачей можно было бы съ нѣкоторыми усиліями справиться. Въ дѣйствительности же однако затрудненій гораздо больше и они гораздо серьезнѣе. То обстоятельство, что правоотношенія возникаютъ не въ силу велѣнія объективнаго права, а въ силу договоровъ, за которыми не стоитъ никакихъ объективныхъ нормъ, неминуемо отражается и на содержаніи правоотношеній. Люди, заключающіе договоры и дающіе въ нихъ жизнь новому правоотношенію, хорошо знаютъ, что дѣлаютъ, и не чувствуютъ необходимости подробно и систематически описывать это правоотношеніе. За этими людьми идутъ другіе, которые, воспроизводя созданныя первыми отношенія, довольствуются ссылкою на близко извѣстный имъ прецедентъ и также воздерживаются отъ анализа. Можетъ оказаться такимъ образомъ, что извѣстное правоотношеніе или извѣстный узелъ правоотношеній пріобрѣтетъ съ теченіемъ времени типическій и руководящій характеръ, значеніе правового института, и тѣмъ не менѣе содержаніе его можетъ остаться въ значительной степени не выясненнымъ. Возьмемъ, какъ примѣръ, первый договоръ личнаго найма въ системѣ гражданскаго права, не выработавшей еще права объективнаго, и прослѣдимъ превращеніе его въ правовой институтъ. Въ первый разъ произносится слово «личный наемъ», въ первый разъ одно лицо можетъ сказать другому: «я тебя нанялъ»; никто вокругъ него прежде не произносилъ этого слова, не зналъ этого понятія. Произнося это слово, лицо имѣетъ въ виду хорошо ему понятное отношеніе къ другому лицу. Зачѣмъ произносится это новое слово? Оно расчитано на то, чтобы закрѣпить въ сознаніи вызываемый мыслью объ этомъ отношеніи образъ. Это закрѣпленіе, фиксированіе, имѣющее въ началѣ смыслъ логической прежде всего операціи, отражается непосредственнымъ образомъ на развитіи права. Образованіе понятія крайне облегчаетъ распространеніе отношеній, подобныхъ тому, которое имѣется въ виду при его образованіи.

Digitized by Google

Понятіе облегчаетъ заимствованіе; въ первый разъ обозначенное словомъ «наемъ» отношеніе легче превращается въ прецедентъ, легче поддается повторенію, нежели то неописанное, подразумѣвающееся отношеніе, которое составляетъ его prius. Пользуясь этимъ прецедентомъ, люди въ цѣломъ рядѣ случаевъ могутъ ограничиться указаніемъ, что заключаютъ договоръ найма, и не входить въ дальнѣйшія разсужденія. Такимъ путемъ слагается новый правовой институтъ. Если мы при этихъ условіяхъ поставимъ вопросъ о томъ, что такое личный наемъ, то мы должны будемъ прежде всего имѣть въ виду, что имъ первые контрагенты желали вкратцѣ описать хорошо для нихъ понятное отношеніе. Если спросить нанимателя: а что ты разумѣешь подъ понятіемъ найма, онъ отвѣтитъ характеристикой того житейски яснаго ему отношенія, которое онъ фиксируетъ. Первый наемъ есть такимъ образомъ не что иное, какъ отношеніе между двумя лицами AA и NN, которому ими впервые дано названіе; въ договорѣ мы не найдемъ обыкновенно ничего другого, кромѣ этого слова. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ поэтому для того, чтобы понять въ моментъ возникновенія новаго института, что онъ изъ себя представляетъ, мы будемъ имѣть только одно средство—изученіе того отношенія, которое разумѣлось лицами AA и NN. Понятіе личнаго найма въ моментъ возникновенія института является описаніемъ или уже существующаго фактическаго отношенія или отношенія, которое желаютъ создать. Въ послѣднемъ случаѣ на лицо будетъ творческій актъ не только въ смыслѣ логическомъ, въ смыслѣ созданія новаго понятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ творческій и въ смыслѣ соціальномъ, въ смыслѣ созданія новаго отношенія. Если это такъ, если новое понятіе можетъ быть не только актомъ описанія существующаго отношенія, но и того отношенія, которое должно существовать, но еще не существовало, то отсюда двоякій путь къ изученію нарождающагося института—первый заключается въ томъ, что дается характеристика существующаго отношенія, второй въ томъ, что дается характеристика того отношенія, къ которому

Digitized by Google

стремились. Возвращаясь къ нашему примѣру, мы можемъ сказать, что, когда въ первый разъ произнесено слово «личный наемъ», то выяснить значеніе этого понятія можно лишь обратившись къ изученію того индивидуальнаго отношенія двухъ лицъ AA и NN, которое имѣлось въ виду при произнесеніи этихъ словъ; это отношеніе можетъ существовать уже прежде возникновенія этихъ словъ, но можетъ и не быть на лицо, а родиться вмѣстѣ съ возникновеніемъ ихъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ опредѣленіе понятія должно почерпнуть въ изученіи того, какое отношеніе лица AA и NN желали создать между собою. Свойства этого частнаго отношенія AA къ NN въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ ихъ идеалѣ, будутъ давать матеріалъ для сужденія о томъ, что такое, съ ихъ точки зрѣнія, «личный наемъ».

Передъ аналогичной проблемой стоимъ мы, приступая къ изученію большинства международноправовыхъ институтовъ и института постояннаго нейтралитета государствъ въ частности. Тутъ также въ договорномъ актѣ создано было новое понятіе, это понятіе также сдѣлалось прецедентомъ и также ни въ первомъ актѣ, ни въ послѣдующихъ не подверглось юридическому анализу. Поэтому-то для выясненія природы этого юридическаго института основнымъ средствомъ является изученіе того, что имѣлось въ виду государственными людьми 1815 года при провозглашеніи постояннаго нейтралитета Швейцаріи. Если принять далѣе во вниманіе, что въ данномъ случаѣ правоотношеніе возникло одновременно съ возникновеніемъ понятія постояннаго нейтралитета, а не имѣло ранѣе того фактическаго бытія, то окажется необходимымъ выяснить прежде всего, какъ представляли себѣ люди 1815 года желательное отношеніе между Швейцаріей и другими государствами.

Такая постановка вопроса вызываетъ необходимость погрузиться въ изученіе матеріала, который, на первый взглядъ, можетъ скорѣе интересовать историка, нежели юриста, а именно дипломатической переписки эпохи Вѣнскаго конгресса.

Digitized by Google

Только этотъ матеріалъ дастъ возможность понять, во-первыхъ, почему вообще возникло сознаніе необходимости принципіально опредѣлить положеніе Швейцаріи среди европейскихъ государствъ и, во-вторыхъ, почему такая необходимость привела къ признанію этого государства именно «постоянно нейтральнымъ», что въ свою очередь явится отвѣтомъ на вопросъ о природѣ даннаго международнаго правового института въ моментъ его возникновенія.

2. Вѣнскому конгрессу выпало на долю совершить дѣло величайшей исторической важности. Въ моментъ открытія его Европа представляла собою не что иное, какъ огромный военный лагерь. Казалось, что всякій международный порядокъ, всякая опредѣленность границъ и разграниченность властей исчезли, уступивъ мѣсто всеобщему хаосу. Въ этомъ внѣшнемъ хаосѣ лежали однако готовые элементы новой правовой организаціи.—Среди приведенныхъ въ движеніе народовъ были побѣдители и побѣжденные. Побѣдила коалиція, а побѣждена была Наполеоновская Франція. Побѣдители стояли военнымъ лагеремъ въ областяхъ, отнятыхъ у побѣжденнаго, охраняя ихъ, въ ожиданіи той минуты, когда будетъ произнесено рѣшеніе участи этихъ областей. Вѣнскій конгрессъ собрался для того, чтобы положить конецъ этому хаотическому состоянію, и сказать, какъ быть съ огромнымъ количествомъ оставшихся, за упраздненіемъ Наполеона, «безхозяйныхъ» территорій. Въ числѣ этихъ территорій была Швейцарія. Опредѣленіе ея судьбы вслѣдъ за паденіемъ Наполеона было одной изъ задачъ конгресса. Результатомъ политической сдѣлки, опредѣлившей судьбу Швейцаріи, и было возникновеніе ея «постояннаго нейтралитета», своеобразной международноправовой характеристики, выросшей въ тотъ институтъ, который составляетъ предметъ нашего изученія.

Подробности только что указаннаго историческаго процесса даютъ полное объясненіе положенія, созданнаго Вѣнскимъ конгрессомъ для Швейцаріи. Грандіозное дѣло Наполеона вылилось въ созданіе сѣти договоровъ, обнимавшей всю Европу и радикальнымъ образомъ измѣ-

Digitized by Google

нившей старыя политическія отношенія. Этой сѣтью договоровъ, политическій смыслъ которой заключался въ расширеніи предѣловъ и увеличеніи могущества одной державы въ ущербъ другимъ, создана была сложная и не имѣющая образца ни въ прошломъ, ни въ позднѣйшемъ строѣ Европы система международныхъ отношеній. Система эта заключалась въ томъ, что вокругъ Франціи, значительно расширенной, созданъ былъ кругъ государствъ, находившихся отъ нея въ зависимости. Правовой анализъ этой системы до сихъ поръ не сдѣланъ въ литературѣ; попытаемся отмѣтить хотя бы основные ея моменты. Степени политической зависимости, въ которой большинство государствъ Европы стояло отъ императорской Франціи, были неравны и опредѣлялись разнообразными правовыми формулами. Можно указать двѣ основныя группы такихъ формулъ. Одни государства de jure поставлены были въ низшее сравнительно съ Франціей положеніе и принципіально признавались неполноправными; другія государства, оставаясь независимыми, принимали на себя частныя обязательства по отношенію къ Франціи, которыя дѣлали ихъ фактически орудіемъ политики Наполеона. Къ числу государствъ, которыя ограничены были въ своей общей правоспособности, относились Италія, Голландія, государства Рейнскаго союза, Герцогство Варшавское, Испанія и Неаполь. Италія объединена была съ Франціей общностью монарха: Наполеонъ былъ «Императоромъ Французовъ и Королемъ Италіи». Связь эта, правда, признавалась временною: Наполеонъ обязанъ былъ при наступленіи извѣстныхъ условій отказаться отъ итальянской короны, но оставлялъ за собою право назначить себѣ преемника [1]). Въ Голландіи властвовалъ одинъ изъ братьевъ На-

[1]) Les Couronnes de France et d'Italie seront séparées à perpétuité. S. M. l'Empereur d'Allemagne et d'Autriche s'engage à reconnaître, lors de la séparation, le successeur que S. M. l'Empereur des Français se sera donné comme Roi d'Italie. Ст. 5 Пресбургскаго договора 1805 года между Франціей и Австріей. De Clercq. Recueil des traités de la France, t. II, Paris, 1864, 145 ss.

Digitized by Google

полеона, Людовикъ Наполеонъ; договоръ, опредѣлившій отношенія этого Королевства къ Франціи, гласитъ, что Наполеонъ «назначилъ» Людовика Наполеона и «разрѣшилъ» ему принять корону, опредѣляетъ затѣмъ условія, на которыхъ эта корона передается, и ставитъ ихъ подъ гарантію Наполеона [2]). Аналогичныя формы личной зависимости одного государства отъ другого, воспроизводившія въ цѣломъ рядѣ пунктовъ старыя ленныя отношенія, были установлены между Франціей и Испаніей (права на испанскій престолъ уступались Наполеономъ своему брату Іосифу подъ условіемъ возвращенія ихъ къ Французскому Императору въ случаѣ отсутствія потомства у Іосифа) [3]), королевствомъ Вестфальскимъ [4]) и королевствомъ обѣихъ Сицилій [5]). Нѣсколько иного характера отношенія связывали Францію съ государствами Рейнскаго союза: союзъ признаетъ Французскаго Императора своимъ протекторомъ; въ качествѣ такового Наполеонъ назначаетъ такъ называемаго Prince-Primat, предсѣдательствующаго въ союзномъ сеймѣ [6]). Наконецъ Герцогство Варшавское, само не входя въ составъ Рейнскаго союза, было отдано въ обладаніе Саксонскаго Короля, члена Союза [7]).

---

[2]) Парижскій договоръ между Франціей и Батавской республикой 24 Мая 1806 года, ст. 1, 2, 4, 6; ibid, 165 ss.

[3]) Байоннскій договоръ 5 Іюля 1808 г., ст. 1, 2, 3, 9; ibid, 257 ss.

[4]) ср. Тильзитскій договоръ 9 Іюля 1807 г. между Франціей и Пруссіей, ст. 6, 8; ibid., 217 ss.

[5]) Байоннскій договоръ между Императоромъ Французовъ и Великимъ Герцогомъ Бергскимъ и Клевскимъ 15 Іюля 1808 г.; ibid., 263 ss.

[6]) Парижскій договоръ 12 Іюля 1806 г., ст. 12; ibid., 171 ss. Какъ Наполеонъ понималъ это отношеніе, видно изъ Lettre adressée le 11 septembre 1806 par l'Empereur Napoléon au Prince Primat sur la souveraineté des Etats confédérés du Rhin; ibid, 187 s.-Cf. Georg Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, 5 Auflage, Leipzig. 1899, 87 ff.; Schroeder, Lehrbuch der Deutschen Rechtsgeschichte, 4 Auflage, Leipzig. 1902, 874 ff.

[7]) Тильзитскій договоръ между Франціей и Россіей 25 Іюня (7 Іюля) 1807 г., ст. 5; Мартенсъ, Собраніе Трактатовъ и Конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными Державами, XIII, С.-Петербургъ, 1902, 309 слл.; Тильзитскій договоръ между Франціей и Пруссіей 9 Іюля

Digitized by Google

Рядомъ съ государствами, поставленными въ зависимыя отношенія отъ Франціи, стояли другія, съ которыми Франція связана была простыми политическими союзами, не исключавшими отнюдь ихъ правовой независимости и лишь de facto подчинявшими ихъ Франціи. Наиболѣе типичной формой такихъ союзовъ является оборонительный и наступательный союзъ, въ которомъ устанавливались размѣры военнаго контингента, который обязывались давать союзники, постановлялось о незаключеніи мира однимъ изъ союзниковъ безъ другого и о взаимной гарантіи владѣній (съ 1807 года въ этихъ договорахъ включалось условіе о приступленіи къ системѣ коммерческой блокады). Таковы условія договоровъ съ Батавской республикой 1803, съ Лигурійской республикою 1804, съ Баваріей, Баденомъ и Вюртембергомъ 1805, Даніей 1807, Пруссіей и Австріей 1812 годовъ [8]); если къ этому добавить, что въ нѣкоторыхъ договорахъ, относящихся къ первой группѣ, т.-е. устанавливающихъ непосредственную зависимость ряда государствъ отъ Франціи, содержались аналогичныя постановленія объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ (такъ Рейнскій союзъ [9]) и Королевство обѣихъ Сицилій [10])), то станутъ понятными источники огромнаго военнаго могущества Франціи, которая постепенно собрала подъ своими знаменами всю Европу. Но эта форма союза не представляется исключительно господствующею во второй группѣ договорныхъ отношеній Европейскихъ госу-

---

1807 г.; De Clercq, II, 207 ss. Cf. интересное изслѣдованіе Bonnefons, Un allié de Napoléon, Frédéric Auguste, Premier Roi de Saxe et Grand Duc de Varsovie, Paris, 1902, 226 ss.

[8]) De Clercq, II, 69 ss., 84 ss., 120 ss., 123 s., 126 ss., 237 ss., 354 ss., 369 ss.

[9]) Il y a entre l'Empire français et les Etats confédérés du Rhin, collectivement et séparément une alliance en vertu de laquelle toute guerre continentale que l'une des parties contractantes aurait à soutenir deviendra immédiatement commune à toutes les autres (ст. 5).

[10]) Il y aura une ligue offensive et défensive sur terre comme sur mer entre S. M. l'Empereur des Français et S. M. le Roi des deux Siciles et entre leurs successeurs respectifs (Ст. 8).

Digitized by Google

дарствъ къ Франціи. Въ видѣ исключенія въ нихъ встрѣчается другая, очень своеобразная форма: договоръ о нейтралитетѣ, неучастіи извѣстнаго государства въ войнахъ между Франціей и другими Державами, искупаемомъ принятіемъ нѣкоторыхъ обязательствъ по отношенію къ этой послѣдней. Таковы договоры съ Испаніей 1803 и Португаліей 1804 гг. Первый изъ нихъ заключалъ въ себѣ слѣдующія двѣ статьи: «Первый Консулъ соглашается на то, чтобы обязательства, лежащія на Испаніи въ силу договоровъ, соединяющихъ оба государства, были обращены въ денежную помощь въ размѣрѣ шести милліоновъ франковъ въ мѣсяцъ, которая будетъ даваться Испаніей своему союзнику, начиная отъ возобновленія враждебныхъ дѣйствій до конца войны» (ст. 5); «Во вниманіе къ сему и пока эти условія будутъ исполняться, Франція будетъ признавать нейтралитетъ Испаніи» (ст. 6) [11]). Второй договоръ отличается отъ перваго лишь въ опредѣленіи размѣра денежной помощи (ст. 1 и 6) [12]). Нѣтъ сомнѣнія, что когда эти договоры называли договорами о нейтралитетѣ, этому послѣднему термину придавали нѣсколько неожиданное значеніе: внѣшняя форма, въ которую облекалось участіе Испаніи и Португаліи въ войнѣ Франціи, не могла измѣнить смысла отношенія, устанавливавшагося этими договорами; эти государства, конечно, не могли быть признаны дѣйствительно нейтральными и терминъ являлся маской, въ которой они становились въ рядъ всѣхъ другихъ государствъ, находившихся въ зависимости, правовой или политической, прямой или косвенной, отъ Наполеона.

Сосѣдняя съ Франціей и слабая Швейцарія не могла, конечно, избѣжать общей участи и подпала вліянію Франціи. Положеніе ея среди другихъ государствъ, находившихся въ сферѣ воздѣйствія Франціи, опредѣлялось двоякаго рода

---

[11]) Конвенція о нейтралитетѣ и денежной помощи, заключенная въ Парижѣ 19 октября 1803 г.; ibid., 82 ss.

[12]) Лиссабонскій договоръ 19 Марта 1804 г.; ibid., 86 s.

Digitized by Google

отношеніями къ Наполеоновской имперіи. Прежде всего, она связана была съ нею договоромъ, аналогичнымъ двумъ только что указаннымъ договорамъ Франціи съ Испаніей и Португаліей: Наполеонъ признавалъ швейцарскій «нейтралитетъ» въ европейскихъ войнахъ и компенсировалъ его другими выгодами, извлекавшимися имъ изъ Швейцаріи. Договоръ 27 сентября 1803 года гласилъ: «Между Французской республикой и Швейцаріей будетъ миръ, дружба и на 50 лѣтъ оборонительный союзъ» (ст. 1). «Такъ какъ однимъ изъ послѣдствій сего является забота о томъ, чтобы независимость и безопасность Швейцаріи не потерпѣли ущерба, то Французская республика обѣщаетъ постоянно свои добрыя услуги къ признанію нейтралитета Швейцаріи и обезпеченію пользованія ею этимъ правомъ по отношенію къ другимъ государствамъ» (ст. 2) [13]). Компенсація этого признанія нейтралитета заключалась въ другомъ договорѣ того же числа, такъ называемой военной капитуляціи. Швейцарія соглашалась предоставлять Франціи за извѣстное вознагражденіе право набирать въ Швейцаріи корпусъ войска въ 16 тысячъ человѣкъ [14]). Благодаря капитуляціи Швейцарія вносила свою долю въ общую массу военныхъ силъ, служившихъ Франціи, искупала свой нейтралитетъ подобно Испаніи и Португаліи въ 1803—1804 гг., правда, въ нѣсколько иной формѣ. Далѣе однако, уже титулъ Наполеона: «Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, Médiateur de la Confédération Suisse» указывалъ, что, кромѣ договоровъ 1803 года, между Швейцаріей и Франціей существовала еще иная постоянная связь. Связь эта заключалась въ слѣдующемъ. Крайняя запутанность внутреннихъ отношеній въ Швейцаріи, вызванная занятіемъ этого государства французскими революціонными войсками въ 1798 году и

[13]) Ibid., 76, ss.; Bluntschli, Geschichte des Schweizerischen Bundesrechtes, II, Urkundenbuch, Zürich, 1852, 335 ff., и въ рядѣ другихъ сборниковъ.

[14]) De Clercq, II, 71 ss.

Digitized by Google

водвореніемъ тамъ единой республики по образцу Франціи на смѣну прежней формы союза суверенныхъ кантоновъ, острая борьба «унитарнаго» и «федеративнаго» началъ, повлекла за собою въ 1803 года вмѣшательство Наполеона. Чтобы положить конецъ полной анархіи, которая мало-помалу овладѣвала Швейцаріей и которая была невыгодна Франціи съ точки зрѣнія безопасности ея восточныхъ границъ, Первый Консулъ пригласилъ въ Парижъ депутатовъ отъ раздѣлявшихъ Швейцарію партій и, по совѣщанію съ ними, установилъ новую конституцію, такъ называемый актъ медіаціи, которая была принята Швейцаріей и дѣйствовала въ теченіе десяти лѣтъ. Если политическое содержаніе этого акта было совершенно понятно, то труднѣе опредѣлить правовую сторону конституціи 1803 года. Вступленіе ея говоритъ, что Первый Консулъ «постановилъ ее въ качествѣ посредника» (en qualité de médiateur... sans entendre nuire à l'indépéndance de la Suisse... statuons ce qui suit) [15]). Она получила обязательное дѣйствіе въ Швейцаріи въ силу акта швейцарской верховной власти: декретъ Гельветическаго Сената отъ 5 марта 1803 года выражалъ признательность Наполеону за актъ посредничества (acte de médiation) и приглашалъ гражданъ Гельветической Республики подчиниться ему [16]). Это какъ бы заставляетъ предположить, что роль Наполеона въ созданіи конституціи заключалась въ установленіи, согласно желанію Швейцаріи, лишь ея содержанія и что источникъ обязательности ея находится внѣ его воли, а ея принятіе и отказъ отъ нея дѣло доброй воли Швейцаріи. Это предположеніе исключается однако, если обратить вниманіе на дальнѣйшее содержаніе акта медіаціи; въ заключеніе его Наполеонъ говорилъ: «Мы признаемъ Гельвецію, организованную согласно настоящему акту, за независимое государство. Мы гарантируемъ федеральную конституцію и конституціи отдѣльныхъ

---

[15]) Текстъ ibid., 1 ss.; Bluntschli, II, 322 ff.

[16]) De Clercq, II, 56.

Digitized by Google

кантоновъ (Acte de médiation обнималъ и то, и другое) отъ враговъ спокойствія Швейцаріи, кто бы они ни были...» Гарантія акта медіаціи и признаніе независимости Швейцаріи лишь подъ условіемъ существованія этого акта устанавливали несомнѣнно нѣкоторую принципіальную подчиненность Швейцаріи Франціи и въ этомъ отношеніи титулъ «Médiateur de la Confédération Helvétique» могъ по праву стоять на ряду съ титуломъ «Roi d'Italie» и «Protecteur de la Confédération du Rhin».

По строгому смыслу актовъ 1803 года вліяніе Наполеоновской Франціи на Швейцарскій союзъ было несомнѣнно узаконено. Фактическія условія давали чрезвычайно широкій смыслъ возникавшимъ вслѣдствіе того ограниченіямъ свободнаго самоопредѣленія союза. Что касается, во-первыхъ, договора о нейтралитетѣ этого государства и военной капитуляціи, то необходимо отмѣтить, что капитуляція говорила лишь о правѣ Наполеона набирать войско въ Швейцаріи, а на дѣлѣ Франція требовала, чтобы Швейцарія съ своей стороны оказывала къ тому содѣйствіе. Огромные недочеты, происходившіе въ составѣ швейцарскаго корпуса, благодаря непрерывнымъ войнамъ, дѣлали новые наборы для его пополненія чрезвычайно затруднительными. Обязанность содѣйствія набору превращалась на практикѣ въ прямую обязанность Швейцаріи восполнять недочеты, и въ этомъ отношеніи требованія Наполеона были настойчивы и устраняли всякую возможность сопротивленія. Несмотря на то, что въ 1807 году швейцарскія власти въ отвѣтъ на требованія императора выказали величайшее усердіе въ дѣлѣ комплектованія и удостоились одобренія Наполеона [17]), уже въ 1810 г. эти требованія возобновились, сопровождаемыя на этотъ разъ угрозами уничтожить независимость Швейцаріи. Сеймъ

[17]) Wyss. Leben der beiden Zürcherischen Bürgermeister David von Wyss, I, Zürich, 1884, 540 ff; Muralt, Hans von Reinhard, Bürgermeister des eidgenössischen Standes Zürich und Landamman der Schweiz, Zürich, 1838, 162, 479 f.

Digitized by Google

поторопился принять рѣшеніе, которымъ устанавливался обязательный наборъ войскъ на французскую службу, и лишь полученіе извѣстія объ этомъ рѣшеніи успокоило Наполеона [18]). Въ 1812 году новый взглядъ на обязанности, которыя Швейцарія должна была нести въ силу капитуляцій, былъ окончательно закрѣпленъ. На смѣну капитуляціи 1803 года была заключена другая, въ силу которой доставленіе наемнаго войска сдѣлалось прямою обязанностью союза [19]). Вслѣдъ за русской кампаніей Наполеона, въ которой значительная часть швейцарцевъ погибла, вопросъ о комплектованіи пріобрѣлъ снова острый характеръ. На этотъ разъ, однако, новыя требованія Франціи опоздали; событія 1813 года освободили Швейцарію отъ этого налога кровью въ пользу Наполеона [20]).

На ряду съ этимъ измѣненіемъ, внесеннымъ практикою въ пониманіе договорныхъ отношеній Швейцаріи и Франціи, важное принципіальное значеніе имѣетъ другое. Право держать на своей службѣ швейцарскія наемныя войска дѣлается исключительною принадлежностью Франціи и тѣхъ государствъ, которыя отъ нея непосредственно зависѣли, между тѣмъ какъ въ старину Швейцарія поставляла войска большинству европейскихъ государствъ. Послѣ 1803 года лишь небольшой отрядъ швейцарцевъ продолжалъ оставаться на англійской службѣ. Но и существованіе этого послѣдняго казалось Французскому императору несовмѣстнымъ съ договоромъ 1803 года. 18 мая 1807 года Наполеонъ обратился къ швейцарскому ландамману (президенту) съ письмомъ, въ которомъ говорилось: «Мнѣ остается выразить одно желаніе, которое, къ сожалѣнію, я упустилъ изъ виду въ актѣ

---

[18]) Wyss, I, 557 ff; Muralt, 182, 202, 207 ff.

[19]) Капитуляція 28 марта 1812 года у De Clercq II, 372 f. Въ вознагражденіе за эту новую невыгодную для Швейцаріи постановку дѣла составъ швейцарскихъ войскъ былъ уменьшенъ до 12 тысячъ.

[20]) Oechsli. Die Verbündeten und die schweizerische Neutralität im Jahre 1813, Zürich, 1898, 12 (на основаніи документовъ Парижскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Digitized by Google

посредничества; оно заключается въ томъ, чтобы Швейцарія не дозволяла набора въ своей странѣ другимъ иностраннымъ государствамъ, кромѣ Испаніи, Голландіи и вообще тѣхъ, которыхъ система связана съ моей. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это запрещеніе было установлено закономъ» [21]). Швейцарія не замедлила исполнить волю Императора: сеймъ 1807 года издалъ соотвѣтствующее постановленіе [22]). Въ 1810 г. это постановленіе по требованію Императора было дополнено отозваніемъ подъ страхомъ кары за ослушаніе всѣхъ подданныхъ союза, находившихся на англійской службѣ [23]).

Оба эти момента, внесенные жизнью въ пониманіе договорныхъ отношеній 1803 года—комплектованіе состава швейцарскихъ войскъ на французской службѣ какъ прямая обязанность союза и запрещеніе всѣхъ другихъ капитуляцій — совершенно измѣнили характеръ этихъ отношеній. Если съ точки зрѣнія актовъ 1803 г. договорному признанію нейтрилитета Швейцаріи не противорѣчатъ безусловно капитуляціи въ старой ихъ формѣ, то съ нимъ, по существу дѣла, несовмѣстна та форма, которая установилась на практикѣ. Нейтральнымъ не могло быть государство, на которомъ лежали обязанности доставлять одному изъ воюющихъ значительный корпусъ войска и запретъ оказывать такую помощь другому. Значеніе нейтралитета 1803 года ограничивалось для Швейцаріи лишь территоріальной ея неприкосновенностью во время военныхъ дѣйствій. Нейтралитетъ Швейцаріи въ этомъ отношеніи Наполеонъ признавалъ во всѣхъ войнахъ, которыя онъ велъ. И въ 1805 году, и въ 1809, когда нарушеніе швейцарской территоріи могло легко совершиться, онъ не переступилъ предѣловъ союза. Этого мало: онъ стремился къ тому, чтобы укрѣпить защиту швейцарскихъ границъ со стороны Австріи, побуждалъ Швейцарію принимать соотвѣтствующія мѣры, и дѣйствительно нейтраль-

---

[21]) Письмо напечатано цѣликомъ у Muralt, 479 f.
[22]) Wyss, I, 541.
[23]) Muralt, 207; Wyss, I, 557.

Digitized by Google

ность швейцарской территоріи другими государствами въ эпоху 1803—1813 не была нарушена, несмотря на то, что общій характеръ отношеній союза къ Франціи давалъ имъ несомнѣнно право считать Швейцарію не нейтральной, а воюющей стороною [24]).

Параллельно съ тѣмъ, какъ устанавливалось это пониманіе договоровъ 1803 года, совершался и другой процессъ, процессъ укрѣпленія той зависимости Швейцаріи отъ Франціи, источники которой находятся въ актѣ посредничества. Гарантія этого акта, которую принялъ на себя Наполеонъ, давала ему основаніе постоянно вмѣшиваться во внутреннія швейцарскія дѣла; всякій разъ, какъ интересы Франціи требовали направленія внутренней политики Швейцаріи въ ту или другую сторону, французскій посланникъ передавалъ швейцарскимъ властямъ совѣтъ, обоснованный формально какъ толкованіе акта посредничества, а на дѣлѣ носившій смыслъ приказанія [25]).

---

[24]) Документы изъ Staatsarchiv Zürich y Schweizer, Geschichte der Schweizerischen Neutralität, Frauenfeld, 1895, 535 f.; cf. Muralt, 156 ff., 168; Wyss, I, 524 f., 559; Hilty, unter dem Protectorat, 147, 195, 229.—Конечно, принципіальнаго значенія для этой хаотической, съ точки зрѣнія права, эпохи лишенъ фактъ перехода французскаго корпуса черезъ Рейнскій мостъ въ Базелѣ до начала войны 1809 года: Наполеонъ заявилъ, что этотъ переходъ совершился безъ его вѣдома. Muralt, 173; Wyss, 550.

[25]) Многочисленные примѣры даютъ Hilty, Eidgenössische Geschichten. Erste, Unter dem Protectorat, въ Hilty's Politisches Jahrbuch der schweizerischen Eidgenossenschaft 1886, Bern, 72 f., 97, 187 ff., и др.; Oechsli, 10 ff.; Wyss, I, 515, 517, 536, 548. — Швейцарскіе писатели толкуютъ отношенія между Швейцаріей и Франціей 1803—1813 весьма различно. Hilty, 72: es kann . . wohl keine bessere Bezeichnung gefunden werden als Protectorat, oder Schutzherrschaft (впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ, 67: eine Art Vasallenstaat Frankreichs), ср. Hilty, Die Neutralität der Schweiz, 2 Auflage, Bern, 1889, 33; Oechsli, 10: ein dienst—und tributpflichtiges Unterthanenland Frankreichs; Calonder, Ein Beitrag zur Frage der schweizerischen Neutralität (Diss), Zürich, 1890, 106 f.: Vasallenstaat; Schopfer, Le principe juridique de la neutralité (Diss), Lausanne, 1894, 196: protectorat; Bluntschli, I, Zurich, 1849, 478: eine Art von

Digitized by Google

Итакъ Швейцарія въ Наполеоновскую эпоху составляла государство, подчиненное Франціи и служившее ея цѣлямъ. Но если къ этому выводу подойти съ другой стороны и отмѣтить, что, при всей зависимости, Швейцарія все же продолжала оставаться государствомъ, то невольно возникаетъ вопросъ, почему Наполеонъ оставилъ за Швейцаріей самостоятельное существованіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается, какъ это ни странно, въ очерченномъ выше отношеніи, вытекавшемъ изъ признанія Франціей нейтралитета Швейцаріи. Положительныхъ выгодъ полное обладаніе страною бѣдною и наполненною непроходимыми тогда горами не представляло; между тѣмъ, поскольку, благодаря нейтралитету, Швейцарія оставалась закрытою отъ иностраннаго вторженія, постольку восточныя границы Франціи находили себѣ въ ней естественную защиту. Швейцарскій «нейтралитетъ» 1803—1813, не мѣшая Наполеону извлекать изъ этой страны прямыя выгоды въ формѣ капитуляціи и косвенныя, находя въ немъ естественный оплотъ французской границы, вмѣстѣ съ тѣмъ стратегически не стѣснялъ Наполеона. Опытъ войны въ Швейцаріи, сдѣланный въ 1799 году, показалъ ему, что переносить туда театръ военныхъ дѣйствій было большой ошибкой въ военномъ отношеніи, и онъ лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ рѣшился бы его повторить [26]). На выгодность для себя нейтралитета швейцарской территоріи самъ Наполеонъ неоднократно указывалъ въ своихъ сношеніяхъ съ швейцарцами [27]).

3. Войдя въ 1803 году въ сферу вліянія Наполеона и

Schirmhoheit des französischen Staatsoberhaupts über die Schweiz. — De jure можно говорить лишь о гарантіи конституціи, которой наличность еще недостаточна для признанія протектората; едва ли указанныя формулы чисто юридическаго содержанія удачны, если имѣется въ виду дать простую характеристику фактическихъ отношеній между Швейцаріей и Франціей.

[26]) Pictet de Rochemont, De la neutralité de la Suisse dans l'intérêt de l'Europe, nouvelle édition, Paris-Genève, 1860, 42 ss.

[27]) Muralt, 176, 482.

Digitized by Google

связанная съ его системой тѣми узами, которыя охарактеризованы выше, Швейцарія оставалась въ этомъ положеніи вплоть до того времени, когда волна обратнаго историческаго движенія смела въ Европѣ владычество Наполеона и разрушила основы того европейскаго международнаго порядка, который воздвигнутъ былъ его усиліями. Части колоссальнаго зданія Наполеоновской Европы одна за другой дѣлались достояніемъ освободительнаго движенія и, падая, замѣнялись новыми. Въ этомъ паденіи лежало начало новой Европы 19-го вѣка. Изучая этотъ историческій процессъ, мы въ состояніи понять основы новаго международнаго порядка. Швейцарія, наравнѣ съ другими государствами, переживала этотъ кризисъ, результатомъ котораго было для нея провозглашеніе ея постояннаго нейтралитета. Въ томъ рядѣ союзныхъ договоровъ, которыми опредѣлялись задачи освободительнаго движенія и борьбы противъ Наполеона (Эребро, Рейхенбахъ, Теплицъ, Шомонъ), вопросъ объ освобожденіи Швейцаріи ставится сравнительно поздно, а именно въ первой отдѣльной секретной статьѣ Шомонскаго договора $\frac{17 \text{ февраля}}{1 \text{ марта}}$ 1815 г., которая гласитъ: Le rétablissement d'un équilibre des Puissances et une juste répartition de forces entre elles étant le but de la présente guerre Leurs Majestés Impériales et Royales s'engagent à diriger tous leurs efforts vers l'établissement réel du système suivant en Europe, savoir..... La Fédération Suisse dans ses anciennes limites et dans une indépendance placée sous la garantie des grandes Puissances de l'Europe, la France y comprise [28]).

Это обстоятельство понятно: говорить объ искорененіи французской власти въ сосѣдней съ Франціей Швейцаріи стало возможнымъ лишь послѣ того, какъ могущество Наполеона было значительно поколеблено и совершилось освобожденіе болѣе отдаленныхъ отъ Франціи го-

[28]) Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій. III, С.-Петербургъ, 1876, 163 сл.

Digitized by Google

сударствъ. Вопросъ о Швейцаріи дѣлается предметомъ соглашенія между государствами, боровшимися съ Наполеономъ, одновременно, и въ той же статьѣ Шомонскаго договора, какъ вопросъ о Германіи, Италіи, Испаніи и Голландіи. Уже одно это свидѣтельствуетъ, что отнюдь не невниманіемъ слѣдуетъ объяснять сравнительно позднюю постановку швейцарскаго вопроса въ союзныхъ договорахъ освободительной эпохи и что ему придавалось несомнѣнно важное значеніе въ дѣлѣ освобожденія.

Въ фактѣ появленія Швейцарскаго вопроса нѣтъ ничего неожиданнаго: всякій разъ какъ Европа предпринимала борьбу противъ Наполеона, она включала въ свою программу рѣшеніе этого вопроса, ставя себѣ цѣлью положить предѣлъ господству тамъ Французовъ. Такъ, въ эпоху разрыва между Англіей и Франціей, въ 1803 году, вмѣшательство Наполеона во внутреннія ея дѣла служило однимъ изъ главныхъ пунктовъ спора; Англія протестовала противъ акта медіаціи, настаивая на независимости Швейцаріи [29]), и считала нарушеніе послѣдней однимъ изъ оправданій войны [30]). Въ высшей степени любопытно, что Императоръ Александръ I, который взялъ на себя посредничество между двумя государствами, старался примирить интересы предложеніемъ во многомъ совершенно сходнымъ съ тѣмъ, что было сдѣлано въ 1815 году. Проектъ статей мирнаго договора, предложеннаго Россіей въ іюлѣ 1803 года, включалъ слѣдующій 4-й пунктъ: Voulant suivre, autant que possible, l'esprit des traités qui ont terminé la guerre passée, et pour se conformer à leurs stipulations à cet égard, la reconnaissance des républiques Bataves, Suisse, Italienne, Ligurienne et Ionienne pour des Etats libres et indépendants est renouvelée dans

[29]) Note verbale from Lord Hawkesbury to Mr. Otto, October 10 1802; Correspondence, despatches, and other papers of Viscount Castlereagh, Second series, V, London. 1851, 47 f.

[30]) Grounds for the justification of the British Government in case of the renewal of war by Lord Castlereagh; ibid., 68.

Digitized by Google

toute l'acceptation du terme; et comme le premier et le plus précieux droit et signe distinctif de l'indépendance est le pouvoir de conserver sa neutralité aussi longtemps qu'on le juge à propos, ce droit est solennellement assuré à ces états, de manière qu'aucune des deux puissances, dans le cas d'une guerre entre elles ne pourra, sans violer évidemment le présent acte, prétendre dans aucun cas les forcer à cesser d'être neutres». Такимъ образомъ, мысль о независимости Швейцаріи и провозглашеніи права ея быть нейтральною составляла одну изъ основъ программы умиротворенія еще 1803 году; любопытно, что въ тѣ же статьи включалось постановленіе, по которому всеобщій европейскій конгрессъ долженъ былъ развить постановленія этого проекта англо-французскаго договора въ актъ, гдѣ были бы даны основы европейскаго международнаго правопорядка [31]). Позднѣе провозглашеніе независимости Швейцаріи составило содержаніе ст. 18 Пресбургскаго договора 26 декабря 1805 года между Франціей и Австріей [32]).

4. Въ Шомонскомъ договорѣ швейцарскій вопросъ разрѣшается простой и ясной формулою: Швейцарія независима, ея независимость гарантируется великими державами. Въ этомъ первоначальномъ рѣшеніи лежитъ источникъ одного изъ свойствъ установленнаго въ декларации нейтра-

---

[31]) Проектъ предварительныхъ статей, приложенный къ рескрипту Моркову $^{7}/_{19}$ іюля 1803 года, §§ 4 и 9. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 77, С.-Петербургъ, 1891, 282 слл.—Нѣсколько мѣсяцами ранѣе, до возникновенія войны, Россія предлагала аналогичное соглашеніе: s'il était possible d'insérer dans cette transaction une nouvelle garantie pour les états d'Italie, y faire encore entrer l'empire d'Allemagne, la Hollande et la Suisse, et en assurant la neutralité de ces pays, enchainer en quelque façon la France dans ses bornes actuelles ce serait sans doute tout ce que votre habileté pourrait produire de plus parfait; А. Воронцовъ Моркову, $^{10}/_{22}$ апрѣля 1803 года, ibid, 109 сл. Французское Правительство готово было согласиться на подобную сдѣлку, Талейранъ Эдувилю, Paris, 29 prairial an XI ($^{7}/_{19}$ іюня) ibid, 221.

[32]) De Clercq, II, 145 ss.

Digitized by Google

литета 1815 года международнаго положенія Швейцаріи: здѣсь впервые появляется мысль о европейской гарантіи, мысль, что Швейцарія сама по себѣ не въ силахъ постоять за себя и что для обезпеченія условій ея существованія необходима помощь державъ. Объясненіе развитія этой формулы и превращенія ея въ гораздо болѣе сложную формулу 1815 года, элементы коей мы видимъ уже въ документахъ 1803 года, слѣдуетъ искать въ политическихъ переговорахъ,—отчасти предшествовавшихъ и отчасти позднѣйшихъ Шомонскому договору, между коалиціей и Швейцаріей. Послѣ битвы подъ Лейпцигомъ театръ борьбы съ Наполеономъ быстро перенесся на западъ и сосредоточился вдоль Рейна; при этихъ условіяхъ выяснить отношеніе Швейцаріи къ борьбѣ съ Наполеономъ стало насущною политической и стратегическою необходимостью. Въ самой Швейцаріи съ самаго начала 1813 года вопросъ о томъ или другомъ направленіи ея внѣшней политики сдѣлался предметомъ самаго живого обсужденія. Швейцарскими государственными людьми руководило прежде всего стремленіе во что бы то ни стало избѣжать участія въ войнѣ за или противъ Наполеона и сохранить неприкосновенность территоріи союза. Вліяніе французскаго посланника и нерѣшительность швейцарскихъ властей, отвыкнувшихъ за цѣлое десятилѣтіе отъ проявленія самостоятельности, мѣшали въ началѣ года открыто высказать эти пожеланія, но въ ноябрѣ пришлось выйти изъ выжидательнаго положенія [33]). Чрезвычайный союзный сеймъ объявилъ, что «Швейцарскій союзъ воздерживается отъ всякаго участія въ возгорѣвшейся войнѣ и будетъ тщательно соблюдать по отношенію ко всѣмъ государствамъ совершеннѣйшій нейтралитетъ, какъ основаніе ея дружескихъ вѣковыхъ отношеній къ нимъ». Въ томъ же смыслѣ составлена была декларація, сообщенная государствамъ коалиціи и Франціи, а одновременно приняты были военныя мѣры для защиты швейцарскихъ границъ [34]).

[33]) Oechsli, 12 ff.; Wyss, II, Zürich, 1886, 3 ff.

[34]) Muralt, 233; Schweizer, 539 ff.

Digitized by Google

Такая политика не удовлетворила коалицію. Государство, вполнѣ зависѣвшее отъ Наполеона и служившее ему въ теченіе долгихъ лѣтъ, не могло, съ ея точки зрѣнія, претендовать на уваженіе нейтралитета, представлявшагося выраженіемъ робкаго и эгоистическаго желанія избѣжать тѣхъ жертвъ, которыя связаны были съ освободительною войной. Этотъ нейтралитетъ являлся въ ихъ глазахъ лишь новой услугой, которую Швейцарія оказывала Наполеону, ибо онъ закрывалъ наиболѣе открытую часть французскихъ границъ. Онъ противорѣчилъ общимъ цѣлямъ коалиціи и не согласовался съ тѣмъ независимымъ положеніемъ, которое Швейцарія должна была бы, по мнѣнію коалиціи, занимать въ Европѣ. Нейтралитетъ Швейцаріи, вообще законный и согласный съ интересами другихъ державъ, въ данномъ случаѣ казался лишь отголоскомъ прежняго рабства; лишь тогда, когда Швейцарія, съ паденіемъ владычества Наполеона, сдѣлается свободною, истинный нейтралитетъ этого государства снова станетъ возможнымъ. Эта мысль ясно выражена въ инструкціи, съ которою отправлены были въ Швейцарію австрійскій и русскій представители въ ноябрѣ 1813 года, въ тотъ моментъ когда театръ военныхъ дѣйствій приблизился къ Швейцаріи. «Цѣль наша, говоритъ этотъ крайне важный для исторіи возникновенія постояннаго нейтралитета Швейцаріи документъ, заключается въ томъ, чтобы убѣдить Швейцарію отказаться отъ связи своей съ Франціей и укрѣпить свою независимость въ минуту, когда благопріятныя обстоятельства дѣлаютъ это вполнѣ возможнымъ... Интересъ общаго дѣла союзниковъ, совпадающій съ интересомъ Швейцаріи, кажется намъ слишкомъ яснымъ, чтобы сомнѣваться, что Швейцарія въ моментъ, когда наши усилія увѣнчаны такимъ блестящимъ успѣхомъ, будетъ колебаться сбросить нейтралитетъ, который союзныя державы въ теперешнемъ его видѣ не могутъ допустить. Нейтралитетъ государства не ограничивается нейтралитетомъ его территоріи. Франція пользуется помощью Швейцаріи въ борьбѣ противъ насъ; кровь швейцарцевъ льется въ ря-

Digitized by Google

дахъ французовъ. Допускать столь односторонній нейтралитетъ мы болѣе не въ состояніи... Посланники должны объясниться въ этомъ смыслѣ съ союзнымъ президентомъ и добавить: 1) что военныя операціи приблизятъ наши войска къ границамъ республики и что слѣдовательно союзныя державы должны знать, въ какихъ отношеніяхъ онѣ стоятъ къ этому государству; 2) что союзные дворы, твердо рѣшивъ поставить будущій нейтралитетъ Швейцаріи подъ гарантію великихъ европейскихъ державъ, не могутъ однако признать нейтральнымъ государство, которое находится въ союзѣ съ Франціей и обязано доставлять послѣдней военный контингентъ, что поэтому Швейцарія должна заявить, намѣрена ли она отозвать войска, находящіяся въ наймѣ у французовъ, и отказаться отъ акта медіаціи; 3) что Швейцарія въ такомъ случаѣ должна будетъ или занять нейтральное положеніе или заключить союзъ съ коалиціей. При такой двоякой перспективѣ Державы готовы: a) если Швейцарія займетъ нейтральное положеніе, признать его и потребовать лишь для своихъ войскъ права перехода черезъ ея территорію, если эта мѣра необходима будетъ по военнымъ соображеніямъ. Онѣ обязуются въ этомъ случаѣ гарантировать Швейцаріи ея настоящіе предѣлы и принять подъ эту гарантію признаніе будущаго ея нейтралитета; b) если Швейцарія присоединится къ общему дѣлу, Державы примутъ на себя слѣдующія обязательства: не складывать оружія, пока Швейцаріи не будутъ возвращены недавно отторгнутыя отъ нея части и пока подъ гарантію Державъ не будетъ поставлена полная независимость Швейцаріи въ административномъ и политическомъ отношеніи» [35]) [36]). Не оста-

[35]) Инструкція 11 ноября 1813 цѣликомъ напечатана у Oncken, Aus den letzten Monaten des Jahres 1813, въ Historisches Taschenbuch, 6-e Folge, II, Leipzig, 1883, 30 ff.

[36]) Миссія, которая поручена была русскому и австрійскому представителямъ, вызвана была въ особенности—на это указываютъ нѣкоторыя мѣста приведеннаго только что документа—тѣмъ, что въ намѣ-

Digitized by Google

навливаясь на всѣхъ подробностяхъ этой инструкціи, историческая важность которой не позволила намъ сократить только что приведенную выдержку, необходимо отмѣтить общій ея смыслъ. Державы стремятся освободить Швейцарію; эта задача вызываетъ необходимость разрушить кажущійся нейтралитетъ Швейцаріи; они сожалѣютъ объ этой необходимости, но послѣдняя послужитъ къ возстановленію истиннаго нейтралитета; польза общему дѣлу, которую Швейцарія принесетъ временнымъ отказомъ отъ нейтралитета, будетъ вознаграждена тѣмъ, что Державы при заключеніи

ренія части коалиціи входилъ планъ вступленія союзныхъ войскъ во Францію черезъ территорію Швейцаріи. Планъ этотъ возникъ въ австрійскихъ военныхъ кругахъ и поддерживался австрійской дипломатіей; несмотря на то, что со стороны русскаго императора онъ былъ встрѣченъ враждебно, Меттернихъ добился его осуществленія. Противодѣйствіе Александра I всецѣло объяснялось его нежеланіемъ вводить войска въ Швейцарію безъ согласія на то Союза; миссія дипломатовъ имѣла цѣлью прежде всего изучить настроеніе кантоновъ; когда же обнаружилось, что Союзъ настаиваетъ на нейтралитетѣ, Александръ торжественно обѣщалъ сохранить его (ср. разсказъ Генца: Gentz an Caradja, Prag, 20 November 1813, въ сборникѣ Oesterreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen, herausg. von Richard Fürst Metternich-Winneburg, Wien, 1887, 124 f.. и выдержку изъ неопубликованныхъ мемуаровъ Monod—одного изъ видныхъ швейцарскихъ дѣятелей эпохи—у Van Muyden, La Suisse sous le pacte de 1815, 1813—1830, Lausanne—Paris, 1890, 40 ss.). Воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ Александра I изъ главной квартиры, Меттернихъ устроилъ такъ, что войска коалиціи вступили въ Швейцарію. Гнѣвъ Александра былъ великъ, но ему оставалось лишь подчиниться совершившемуся факту (объ этомъ въ перепискѣ Меттерниха съ Шварценбергомъ въ Oesterreichs Theilnahme, 775 ff., и въ Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, I, Paris, 1880, 147 ss.; cf. Castlereagh, Correspondence, 3-d series, IX, London, 1853, 95 ff.). Эпизодъ не лишенъ значенія: негодуя на вступленіе войскъ въ Швейцарію, императоръ съ особенной настойчивостью ухватился за ту мысль, что нарушеніе ея нейтралитета послужитъ поводомъ къ возстановленію его на твердыхъ основаніяхъ. Въ этомъ одинъ изъ основныхъ политическихъ факторовъ въ дѣлѣ возникновенія швейцарскаго постояннаго нейтралитета, намѣченнаго уже въ ноябрской инструкціи.

Digitized by Google

общаго мира, прочно обезпечатъ нейтралитетъ освобожденной Швейцаріи. Въ этомъ документѣ первая мысль о договорномъ и гарантированномъ постоянномъ нейтралитетѣ Швейцаріи; если самая формула «постоянный нейтралитетъ» и не появляется, то общее содержаніе этого понятія выясняется вполнѣ.

Процессъ возникновенія постояннаго нейтралитета изложенъ тутъ въ какъ бы чисто діалектической формулѣ: односторонній Наполеоновскій нейтралитетъ—тезисъ—отрицается союзниками—антитезисъ—и, пройдя черезъ отрицаніе, дѣлается истиннымъ нейтралитетомъ, гарантированнымъ всѣми—синтезисъ. Послѣдующія событія протекаютъ дѣйствительно согласно этой схемѣ.

Въ концѣ 1813 года швейцарскій нейтралитетъ вступаетъ въ періодъ своего «отрицанія». Войска коалиціи вступили на Швейцарскую территорію, несмотря на указанныя выше заявленія Союза; Швейцарія встала въ ряды коалиціи и разорвала съ Наполеономъ. Но въ самый моментъ вступленія иностранныхъ войскъ въ Швейцарію представители Австріи и Россіи обращаются къ союзному президенту съ нотою, въ которой воспроизводится содержаніе приведенной выше инструкціи и которая торжественно обѣщаетъ Швейцаріи, что, принеся временную жертву необходимости, она получитъ изъ рукъ Европы хартію дѣйствительно цѣннаго, истиннаго нейтралитета.

Эта нота, 20 декабря 1813 года, говоритъ: «Императоръ Наполеонъ установилъ прямое и постоянное вліяніе на Швейцарію, вліяніе, которое несовмѣстно было съ свободой республики, вѣками уважавшейся всѣми европейскими государствами, служившей основной гарантіей доброжелательныхъ отношеній ихъ къ Швейцаріи и вмѣстѣ являющейся основнымъ условіемъ нейтралитета всякаго государства..... Державы желаютъ, чтобы Швейцарія вмѣстѣ со всей остальной Европой вступила въ обладаніе независимости, этого перваго права государствъ. Но онѣ не могутъ допустить нейтралитета, который при нынѣшнихъ отношеніяхъ Швей-

Digitized by Google

царіи существуетъ только по имени. Войска союзныхъ Державъ, вступая въ Швейцарію, надѣются встрѣтить друзей. Ихъ Величества принимаютъ на себя торжественное обѣщаніе не складывать оружія, пока ей не будутъ возвращены части, отнятыя Франціей. Не желая вмѣшиваться во внутреннія швейцарскія дѣла, они не позволятъ, однако, чтобы это государство оставалось подъ иностраннымъ вліяніемъ. Когда оно будетъ свободнымъ и независимымъ они признаютъ его нейтралитетъ» [37]).

5. Швейцаріи дано было, такимъ образомъ, торжественное обѣщаніе «признать ея будущій нейтралитетъ»; исполненіе этого обѣщанія пріурочено было къ моменту окончательнаго освобожденія Европы, къ тому «общему миру», который имѣлось въ виду заключить послѣ побѣды надъ Наполеономъ. Должны были, однако, пройти два года, прежде чѣмъ это обѣщаніе было исполнено. Несмотря на то, что за это время великія державы дважды, въ Парижѣ въ маѣ 1814 г. и въ Вѣнѣ зимою 1814—1815 гг., собирались на конгрессахъ и что были заключены два международныхъ акта первостепенной важности, декларація постояннаго нейтралитета могла состояться лишь на второмъ Парижскомъ конгрессѣ 1815 года. Хотя причины этого опозданія лежатъ по содержанію своему внѣ разсматриваемаго нами вопроса, ихъ необходимо затронуть, чтобы понять дальнѣйшую исторію идеи «признаннаго Европой нейтралитета Швейцаріи». Освободить Швейцарію отъ власти Наполеона значило не только уничтожить договоры 1803 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ разорвать и тѣ отношенія, которыя создавались «актомъ посредничества», не только передѣлать

[37]) Нота Лебцельтерна и Каподистріи, 20 декабря 1813; Muralt, 487 ff. Смыслъ этой ноты повторяется въ прокламаціи, изданной австрійскимъ главнокомандующимъ при вступленіи въ Швейцарію, выдержки изъ которой у Schweizer, 543 ff.; тамъ же любопытныя выдержки изъ современной политической литературы.—Нота принадлежитъ перу Меттерниха: Gentz an Caradja, Freiburg, 26 December 1813, Oesterreichs Theilnahme, 150 f.

Digitized by Google

швейцарскій нейтралитетъ, но еще передѣлать и тѣ внутреннія швейцарскія отношенія, которыя возникли благодаря французскому вліянію. Въ ноябрьской инструкціи объ эти стороны дѣла освобожденія Швейцаріи сознавались весьма отчетливо и ставились рядомъ [38]).

Дѣятельность представителей коалиціи въ Швейцаріи сосредоточилась на обоихъ пунктахъ этой программы; они сразу же заняли враждебное положеніе по отношенію къ акту посредничества и формально потребовали замѣны его новымъ конституціоннымъ договоромъ [39]). Есть полное основаніе думать, что, связывая задачу освобожденія Швейцаріи въ смыслѣ возстановленія ея нейтралитета съ задачей пересмотра акта медіаціи, коалиція не отдавала себѣ отчета въ тѣхъ огромныхъ осложненіяхъ, которыя не могъ не вызвать этотъ пересмотръ: она упускала изъ виду, что значилъ, съ внутренней швейцарской точки зрѣнія, актъ посредничества. Она забывала, что въ немъ вылились результаты всего развитія государственныхъ отношеній Швейцаріи въ эпоху революціи; отмѣнить его значило вернуться къ отношеніямъ, которыя не имѣли ничего общаго съ отношеніями 1813 г. Дореволюціонный швейцарскій союзъ представлялъ крайне сложное тѣло, которое состояло 1) изъ полноправныхъ кантоновъ, 2) такъ называемыхъ «примыкавшихъ мѣстъ» (zugewandte Orte), самостоятельныхъ политическихъ мелкихъ единицъ; связанныхъ оборонительными и наступательными союзами съ кантонами, и 3) областей, находившихся подъ властью отдѣльныхъ кантоновъ и пользовавшихся лишь незначительной административной самостоятельностью (Vogteien). Швейцарская революція 1798 г., вспыхнувшая подъ вліяніемъ французской, основывалась на стремленіи этихъ зависимыхъ областей, въ частности Во и Ааргау, сбросить лежавшее на нихъ иго и

---

[38]) Въ томъ же смыслѣ: Metternichs Vortrag an Kaiser Franz, Freiburg, den 15 Dezember 1813, опубликованный Oechsli, 43 ff.

[39]) См. ноту представителей коалиціи 29 декабря 1813 года; Muralt, 469 ff.

Digitized by Google

стать полноправными членами союза; благодаря вмѣшательству французовъ эта цѣль была достигнута. На началахъ, завоеванныхъ революціей, покоился и актъ посредничества: вмѣсто прежнихъ XIII кантоновъ онъ признавалъ XIX, въ числѣ которыхъ находились всѣ освободившіеся въ 1798 г. мѣстности. Предлагая Швейцаріи отказаться отъ акта посредничества, Державы ставили, такимъ образомъ, вопросъ о судьбѣ «новыхъ кантоновъ»; они будили въ кантонахъ, которые въ дореволюціонную эпоху властвовали надъ ними, стремленіе къ возстановленію этой власти и вызывали въ новыхъ кантонахъ опасеніе за свою независимость. Не трудно понять весь переполохъ, который вызывала политика коалиціи; намъ нѣтъ надобности входить въ изученіе всѣхъ долгихъ споровъ и острой борьбы, раздѣлявшихъ Швейцарію въ теченіе 1813 и 1814 годовъ; достаточно будетъ сказать, что внутренняя смута дошла до предѣловъ, обнаружившихъ полное безсиліе страны справиться съ затрудненіями и необходимость вмѣшательства державъ въ дѣло созданія новой швейцарской конституціи. Отказаться отъ участія въ немъ коалиція уже не могла, и весь швейцарскій вопросъ оказался крайне осложненнымъ [40]). Задача внутренняго переустройства отвлекаетъ на время исключительное вниманіе, всѣ другія стороны швейцарскаго вопроса остаются въ тѣни. Европейская дипломатія въ Швейцаріи дѣятельно работаетъ надъ этой задачей; при ея содѣйствіи удается, наконецъ, установить нѣкоторое единство среди представителей раз-

---

[40]) Переписка между Шварценбергомъ и Меттернихомъ въ концѣ 1813 года свидѣтельствуетъ, что для руководителей политики коалиціи по отношенію къ Швейцаріи указанныя затрудненія были неожиданностью. Шварценбергъ 17 декабря 1813 г. пишетъ: que ferez vous pour tranquilliser les nouveaux cantons? Est-il prudent de les irriter par trop de raideur bernoise? (главный представитель политики реставраціи былъ Бернъ). Tachez de grace... de faire en sorte que nous ne laissions point de foyer de mécontents derrière nos armées... На слѣдующій день: L'affaire de la Suisse a grand besoin de Votre attention toute particulière.. и т. д.—Oesterreichs Theilnahme, 781 ff.

Digitized by Google

ныхъ партій и приступить къ составленію союзнаго акта. Первый Парижскій мирный договоръ, которымъ закончилась борьба съ Наполеономъ, совпалъ съ этимъ періодомъ въ исторіи вопроса, и статьи его о Швейцаріи отражаютъ цѣликомъ это положеніе. Довольствуясь простымъ провозглашеніемъ независимости Швейцаріи (ст. 6) и не упоминая о нейтралитетѣ, этотъ договоръ останавливается, кромѣ того, лишь на ея внутреннихъ дѣлахъ: «Франція признаетъ и гарантируетъ вмѣстѣ съ союзными государствами политическое устройство, которое даетъ себѣ Швейцарія подъ покровительствомъ (sous les auspices) сказанныхъ союзныхъ государствъ на основаніяхъ, установленныхъ по соглашенію съ ними» (ст. 2 секр.).

Несмотря на то, что усилія дипломатовъ привели къ извѣстному умиротворенію и извѣстному компромиссу внутри Швейцаріи, все же оставались нѣкоторые вопросы того же порядка, которыхъ окончательное рѣшеніе коалиціи пришлось взять на себя, такъ какъ иначе они продолжали бы служить источниками внутренняго раздора. Чтобы обезпечить принятіе Союзомъ началъ, которыя державы имѣли въ виду ей предложить съ этою цѣлью, по почину русскаго представителя въ Швейцаріи, рѣшено было обусловить дарованіе обѣщаннаго Швейцаріи признанія независимости и нейтралитета принятіемъ выработаннаго державами компромисса [41]). Подъ вліяніемъ этого соображенія окончатель-

[41]) Le Pacte Fédéral (проектъ Сейма) a été envoyé au XIX cantons pour être râtifié par eux. Les Patriciens tacheront de retarder l'émission des votes de leurs Cantons, dans la vue de gagner du temps et dans l'espoir de parvenir à relever le système des XIII cantons, des Républiques Alliées, peut être même des pays-sujets. N'osant point articuler hautement ces désirs, reprouvés par la masse de la nation, n'osant non plus sacrifier à des intérêts personels l'existence de leur patrie, ces Magistrats se flattent d'obtenir des Alliés que la Suisse soit reconnue indépendante sans conditions, comme elle l'était d'après le traité de Lunéville, et sans qu'on fasse mention de la Constitution, se reservant ainsi la faculté de renverser celle que la Diète actuelle a tracée sur les bases approuvées par les Puissances Alliées... Il est donc très urgent de le reprimer (cet espoir) en

Digitized by Google

ное рѣшеніе Швейцарскаго вопроса въ его цѣломъ, т.-е. признаніе нейтралитета Союза и выработка проекта соглашенія по внутреннимъ вопросамъ, перенесено было на Вѣнскій конгрессъ, на которомъ должны были быть установлены основы всего вообще европейскаго строя и подведены окончательные итоги дѣла европейскаго освобожденія.

Если политика коалиціи осложняла вопросъ о признаніи швейцарскаго нейтралитета по содержанію, то перенесеніе его на Вѣнскій конгрессъ осложняло его съ формальной точки зрѣнія, и прежде всего тѣмъ, что къ рѣшенію его призывались другія, кромѣ прежнихъ союзниковъ, державы. Замѣтное вліяніе могло оказать при этомъ участіе Франціи, поставленной подъ властью Бурбоновъ снова въ рядъ великихъ державъ и съумѣвшей, благодаря таланту своего уполномоченнаго, занять на конгрессѣ руководящее положеніе. Для успѣха идеи признаннаго государствами нейтралитета Швейцаріи было весьма благопріятно, что Франція, не колеблясь, стала на ея сторону. Инструкція Талейрана, представлявшая произведеніе высокаго политическаго смысла [42]), заключала слѣдующія указанія по этому вопросу: «Швейцарія пользовалась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ европейскихъ войнахъ, несмотря на положеніе свое между двумя соперничавшими большими государствами, нейтралитетомъ, всегда уважавшимся и равно выгоднымъ ей и другимъ. Этимъ нейтралитетомъ не только сокращался театръ войны, но еще предупреждались многіе поводы къ послѣдней, и Франція из-

---

declarant dès ce moment aux XIX cantons: Que l'indépendance et la neutralité de la Suisse ne seront reconnues par les Alliés que sur les bases et la garantie d'une reconstitution fondée sur les principes adoptés par la Diète actuelle. Всеподданнѣйшая записка Каподистріи, утвержденная Императоромъ Александромъ 27 мая 1814 года въ Парижѣ. Государственный и С.-Петербургскій Главный Архивы, картонъ «Suisse 1814». По поводу этого документа слѣдуетъ замѣтить, что, какъ увидимъ ниже, гарантія новаго союзнаго швейцарскаго строя состоялась въ нѣсколько иной формѣ, нежели предлагаетъ Каподистрія.

[42]) Какъ извѣстно авторомъ ея былъ самъ Талейранъ.

Digitized by Google

бавлена была отъ необходимости употреблять долю своихъ средствъ и силъ на защиту наиболѣе уязвимой части своихъ границъ, закрывавшейся всегда нейтральной Швейцаріей. Если въ будущемъ Швейцарія лишена была бы свободы оставаться нейтральной или, что то же самое, ея нейтралитетъ не былъ бы уважаемъ, то такое положеніе вещей, вліяніемъ своимъ на соотношеніе силъ сосѣднихъ съ нею государствъ, измѣнило бы и могло бы даже разрушить равновѣсіе, которое хотятъ установить. Договоръ 30 мая (Парижскій) говоритъ лишь о гарантіи внутренняго строя Швейцаріи, необходимо, чтобы ея будущій нейтралитетъ былъ равнымъ образомъ гарантированъ» [43]). Большое значеніе имѣло затѣмъ и то обстоятельство, что вопросъ о нейтралитетѣ Швейцаріи дѣлался достояніемъ конгресса, который осуществлялъ идею высшаго законодательнаго органа Европы, призваннаго создать новую эпоху въ ея исторіи. Благодаря этому обстоятельству вопросъ терялъ прежнее значеніе случайнаго эпизода въ войнѣ между Наполеономъ и его противниками и пріобрѣталъ европейское, а слѣдовательно и міровое тогда значеніе.

Швейцарскіе уполномоченные явились на конгрессъ съ совершенно опредѣленными пожеланіями. Письма, которыя они отъ имени Союза вручили участникамъ конгресса, говорили, что «Швейцарія ожидаетъ отъ благосклонности августѣйшихъ союзныхъ монарховъ возстановленія и гарантіи ея нейтралитета, который всегда былъ ея самымъ дорогимъ благомъ и залогомъ ея безопасности. Швейцарія, организованная на тѣхъ же основаніяхъ, что и прежде, и поставленная въ прежнемъ положеніи между двумя великими державами, можетъ продолжать свое существованіе лишь подъ сѣнью этого благодѣтельнаго принципа» [44]).

---

[43]) D'Angeberg. Le Congrès de Vienne et les traités de 1815, I, Paris, 1863, 224 или Mémoires du Prince de Talleyrand publiés par le Duc de Broglie, II, Paris, 1891, 231.

[44]) La Suisse ose encore attendre de la bienveillance des augustes Monarques alliés le rétablissement et la garantie de sa neutralité, qui

Digitized by Google

Удовлетвореніе этого пожеланія не встрѣтило никакихъ затрудненій: всѣ участники конгресса оказались совершенно готовыми признать швейцарскій нейтралитетъ.

Правда, среди прусскихъ государственныхъ людей до конгресса циркулировала мысль о присоединеніи Швейцаріи къ германскому союзу, но она прошла безслѣдно для занятій конгресса, а можетъ быть особенно укрѣпила сознаніе необходимости поставить это государство въ то особое положеніе, которое могло обезпечить его отъ дальнѣйшихъ притязаній [45]). Это единогласіе очень знаменательно, ибо оно отразилось на всей постановкѣ вопроса о швейцарскомъ нейтралитетѣ, придавая послѣднему нѣчто въ родѣ того, что даетъ французскому учрежденію актъ признанія его d'utilité publique; въ сознаніи всѣхъ оно укрѣпляло ту политическую истину, что швейцарскій нейтралитетъ соотвѣтствуетъ интересамъ всей Европы, что признаніе его вызывается требованіями европейскаго равновѣсія и должно составить необходимый элементъ нормальнаго европейскаго международнаго строя.

Но если въ этой его части разрѣшеніе швейцарскаго вопроса не встрѣчало затрудненій, то гораздо сложнѣе ока-

---

fut toujours son bien le plus cher et le gage de sa sûreté. Constituée sur les mêmes bases qu'autrefois, replacée dans les mêmes rapports entre deux grandes Puissances, elle ne peut exister qu'à l'ombre de ce principe salutaire. Изъ копіи письма Союза къ Александру I, Цюрихъ, 15 сентября 1814 года.—Гос. и Спб. Гл. Арх., картонъ «Vienne Congrès 1814».

[45]) Проектъ союзной Германской конституціи Гарденберга 13 сентября 1814 г., ст. XL: On invitera... la Suisse à conclure une alliance perpétuelle avec la Confédération Germanique; D'Angeberg, I, 249; проектъ того же акта 16 октября 1814 г. уже не упоминаетъ о Швейцаріи; Klüber, Acten des Wiener Congresses, I, Erlangen, 1815, 57 ff.— Cf. Talleyrand au Roi Louis XVIII, Vienne, 30 Novembre 1814; Correspondance inédite du Prince de Talleyrand et du Roi Louis XVIII pendant le Congrès de Vienne publiée par Pallain, Paris, 1881, 153 s.— О проектѣ Гумбольдта обезпечить независимость Швейцаріи, поставивъ ее по отношенію къ Германскому союзу въ то положеніе, въ которомъ она находилась по отношенію къ Наполеону (Апрѣль 1814) Schweizer, 548 f.

Digitized by Google

залось найти выходъ изъ тѣхъ внутреннихъ швейцарскихъ споровъ, которые порождены были отмѣною акта посредничества. Вниманіе Вѣнскаго конгресса поглощено было главнымъ образомъ этой задачею [46]). Спеціальный Швейцарскій комитетъ, учрежденный конгрессомъ, въ рядѣ засѣданій установилъ наконецъ компромиссъ между разнообразными интересами, раздѣлявшими кантоны. Комитетъ придавалъ важное значеніе этому компромиссу, видя въ немъ единственное средство установить внутренній порядокъ въ союзѣ; дабы обезпечить успѣхъ его, онъ прибѣгнулъ къ той мѣрѣ, которая, какъ мы видѣли, была намѣчена еще до открытія конгресса, а именно обусловилъ принятіемъ его Швейцаріей признаніе ея нейтралитета державами. Комитетъ въ своемъ заключительномъ отчетѣ давалъ оправданіе этой мѣры, указывая въ слѣдующихъ положеніяхъ результаты своихъ занятій: «1) установлено, что единственный способъ умиротворить Швейцарію заключается въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, которые ее раздѣляютъ; 2) установлено, что вмѣшивающіяся Державы, заинтересованныя въ томъ, чтобы исполнить свои обязательства по отношенію къ Швейцаріи, и къ тому обязанныя, должны поставить это государство въ такое положеніе, которое дало бы ему возможность исполнить свои обязанности, что, слѣдовательно, эта важная и благая цѣль ихъ уполномочиваетъ и даетъ имъ право произнести въ качествѣ послѣдней инстанціи свое рѣшеніе, хотя бы онѣ и не были къ тому оффиціально приглашены швейцарскими кантонами; 3) установлено, что, дабы обезпечить удовлетворительный успѣхъ компромиссу, слѣдуетъ сдѣлать принятіе его необходимымъ условіемъ, во-первыхъ, возвращенія областей, нѣкогда принадлежавшихъ Швейцаріи, и, во-вторыхъ, признанія нейтралитета и

[46]) Къ ней присоединились еще нѣкоторые территоріальные вопросы: коалиція обѣщала Швейцаріи улучшеніе ея границъ, исполненіе чего требовало уступокъ со стороны сосѣднихъ государствъ, въ частности Франціи и Австріи, а это влекло не всегда легкіе переговоры между уполномоченными конгресса.

Digitized by Google

независимости этого государства» [47]). Въ полномъ согласіи съ этимъ заключеніемъ комитета, конгрессъ издалъ «Декларацію державъ о дѣлахъ Гельветическаго союза» (Déclaration des Puissances concernant les affaires de la Confédération Suisse) 20 марта 1815 года. Этотъ важный для исторіи постояннаго нейтралитета актъ приведенъ въ началѣ настоящей главы. Въ немъ всѣ державы, признававшіяся на Вѣнскомъ конгрессѣ вершительницами судебъ Европы (Австрія, Испанія, Франція, Великобританія, Португалія, Пруссія, Россія и Швеція), повторяли Швейцаріи обѣщаніе, данное ей двумя представителями коалиціи въ концѣ 1813 года, и тѣмъ сообщали совершенно новый правовый смыслъ и силу этому обѣщанію: обѣщаніе 1813 года имѣло силу для двухъ державъ; теперь оно сдѣлалось обязательнымъ для всей Европы.

По содержанію своему декларація 20 марта 1814 года представляла много новаго. Во-первыхъ, она ясно формулировала фактъ единогласія государствъ по вопросу о нейтралитетѣ Швейцаріи—«для пользы общей нужно союзу Гельветическому доставить выгоды всегдашняго нейтралитета»; положеніе это не заключало въ себѣ, конечно, прямого юридическаго содержанія и не устанавливало никакой нормы международнаго права, и тѣмъ не менѣе оно имѣетъ большое значеніе для пониманія постояннаго нейтралитета. Оно указываетъ, что признаніемъ нейтралитета имѣлось въ

---

[47]) Этотъ документъ отъ 19 декабря 1814 года напечатанъ у Wyss, II, 112 ff.—Позднѣйшій отчетъ комитета, гдѣ еще опредѣленнѣе высказывается та же мысль, приведенъ у Schweizer, 552 f. Онъ говоритъ: «Les Puissances alliées se sont engagé à reconnaître et à faire reconnaître à l'époque de la pacification générale la neutralité perpétuelle du corps Helvétique, de lui restituer les pays qui lui furent enlevés...; mais de ne considérer ces engagements comme obligatoires qu'autant que la Suisse en compensation des avantages qui lui étaient réservés offrirait à l'Europe tant par ses institutions cantonales que par la nature de son système fédératif une garantie suffisante de l'aptitude de la nouvelle Confédération à maintenir sa tranquillité intérieur et par celà même à faire respecter la neutralité de son territoire» (16 января 1815 года).

Digitized by Google

виду создать нѣчто прочное, не случайную политическую комбинацію, отвѣчающую интересамъ минуты, а институтъ, отвѣчающій болѣе высокимъ и постояннымъ интересамъ. Тотъ историческій путь, который привелъ къ возникновенію мысли о дарованіи Швейцаріи постояннаго нейтралитета, эта формула игнорируетъ, какъ бы забывая, что къ этой мысли пришли подъ вліяніемъ исключительныхъ политическихъ обстоятельствъ, созданныхъ борьбою съ Наполеономъ.

Во-вторыхъ, содержаніе того, что обѣщается Швейцаріи, выражено болѣе опредѣленно, чѣмъ прежде. Въ раннихъ документахъ говорится о «признаніи нейтралитета», здѣсь — о признаніи и утвержденіи постояннаго нейтралитета (neutralité perpétuelle). Опредѣленіе «постоянный» ярко освѣщаетъ смыслъ того, что разумѣли державы, давая свое обѣщаніе Швейцаріи. Вполнѣ отвѣчая отмѣченному только что положенію декларації 20 марта о постоянномъ характерѣ интересовъ, связанныхъ съ признаніемъ нейтралитета, оно выражаетъ ту мысль, что Швейцарія принципіально и навсегда должна отказаться отъ участія въ войнахъ между другими государствами. Прибѣгая къ этому опредѣленію, авторы декларації, конечно, не имѣли въ виду обѣщать Швейцаріи что-то новое сравнительно съ тѣмъ, что они обѣщали ей ранѣе; они хотѣли лишь лучше выразить свое обѣщаніе. И тѣмъ не менѣе появленіе термина «постоянный нейтралитетъ» имѣло безспорное значеніе; оно фиксировало понятіе и давало ему индивидуальность. То, что было выражено этими словами, сознавалось и ранѣе въ переговорахъ по швейцарскому вопросу, но только послѣ открытія этого термина понятіе «постоянный нейтралитетъ» получаетъ совершенно опредѣленное мѣсто въ международномъ правосознаніи.

Въ третьихъ, наконецъ, необходимо отмѣтить въ Декларації 20 марта слово «гарантія»: «il sera fait un Acte portant la reconnaissance et la garantie de la part de toutes les puissances de la neutralité perpétuelle de la Suisse». Въ документахъ Вѣнскаго конгресса нѣтъ прямого указанія на то,

Digitized by Google

что разумѣли державы, дополняя этимъ понятіемъ прежнее «признаніе» нейтралитета; единственный намекъ заключается въ отчетѣ Комитета по швейцарскимъ дѣламъ, гдѣ эта фраза выражена была такъ: les puissances alliées se sont engagées à reconnaitre et à faire reconnaître la neutralité perpétuelle.... Повидимому, именно въ смыслѣ обязательства державъ «заставлять признавать» швейцарскій нейтралитетъ и понималась «гарантія», обѣщанная Швейцаріи. Этой гарантіей имѣлось въ виду усилить значеніе обѣщанія, подчеркнуть характеръ всеобщей обязательности устанавливавшихся международноправовыхъ отношеній.

27-го мая 1815 г. Швейцарія приступила къ предложенному ей компромиссу. Въ Актѣ приступленія выражена была надежда, что восемь государствъ, подписавшихъ декларацію 20 марта, исполнятъ теперь обѣщаніе, въ ней изложенное, и даруютъ Союзу новую международную хартію [48]). Къ тому времени, однако, когда послѣдовало приступленіе, въ Европѣ совершился рядъ событій, которыя снова отдалили моментъ окончательной сдѣлки по вопросу о швейцарскомъ нейтралитетѣ: Наполеонъ высадился во Франціи и наступили сто дней, ознаменовавшіеся въ началѣ потрясающимъ успѣхомъ императора, угрожавшимъ паденіемъ всему, что достигнуто было усиліями коалиціи и двухъ конгрессовъ. Приходилось начинать снова борьбу, которая уже поглотила столько силъ. Положеніе требовало чрезвычайныхъ мѣръ; нужно было воскресить коалицію противъ Наполеона. Съ точки зрѣнія державъ, борьба, которую онѣ должны были вновь начать противъ Наполеона, не была войной двухъ равноправныхъ противниковъ. Наполеонъ былъ врагомъ всей Европы, Европы какъ цѣлаго, и поставилъ себя «внѣ закона»; коалиція была исполнительницею воли этой Европы, осуществляла своего рода карательную власть, принимала уголовную мѣру противъ человѣка, покусившагося противъ только что установленнаго международнаго

[48]) Мартенсъ, Собраніе, III, 470 слл.

Digitized by Google

правопорядка. Это своеобразное построеніе [49]) отражается на судьбѣ Швейцарскаго постояннаго нейтралитета. Война возникаетъ между сосѣдними съ Швейцаріей государствами, Швейцаріи обѣщано провозглашеніе ея постояннаго нейтралитета; на первый взглядъ кажется, что тутъ-то и должно послѣдовать это провозглашеніе, дабы при первомъ удобномъ случаѣ дать Швейцаріи возможность воспользоваться, говоря словами декларації 20 марта, «выгодами постояннаго нейтралитета». Между тѣмъ своеобразное пониманіе борьбы противъ Наполеона приводитъ къ совершенно обратному выводу: развѣ можетъ быть рѣчь о нейтралитетѣ, когда дѣло идетъ объ уголовной карѣ по отношенію къ врагу европейскаго правопорядка? Отказываться отъ участія въ борьбѣ съ Наполеономъ не значитъ оставаться нейтральнымъ, а значитъ проявить предосудительное равнодушіе къ общему дѣлу той самой Европы, которая только-что столько

---

[49]) Эта конструкція можетъ служить доказательствомъ того, что въ международномъ общеніи возможно возникновеніе международнаго уголовнаго права въ собственномъ смыслѣ слова (не въ томъ неточномъ значеніи, въ которомъ оно употребляется примѣнительно къ вопросамъ судебной помощи по уголовнымъ дѣламъ и опредѣленія предѣла дѣйствія уголовной нормы, гдѣ рѣчь идетъ объ уголовномъ правѣ отдѣльныхъ государствъ): для этого необходимо однако предварительное построеніе совокупности международныхъ субъектовъ въ коллективную личность,—въ данномъ случаѣ роль эту играетъ «Европа»,—которая издаетъ карательную норму и наказываетъ за ея ослушаніе. Договоръ о заключеніи Наполеона на островѣ Св. Елены 21 іюля (2 августа) 1815 года построенъ совершенно какъ уголовный приговоръ международнаго характера: Napoléon Bonaparte est regardé par les Puissances... comme leur prisonnier (Art. 1) Sa garde est spécialement confiée au gouvernement britannique (Art. 2). Можно было бы даже отмѣтить, что эта международная карательная власть построена на «теоріи предупрежденія»: les mesures les plus propres à rendre impossible toute entreprise de sa part (Napoléon Bonaparte) contre le repos de l'Europe... Мартенсъ, Собраніе, XI, 239 слл.—Подобная же конструкція въ нормахъ о торговлѣ невольниками и о пиратахъ, ср. Gareis, Die Interdiction von Sklavenhandel und Seeraub въ Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts, II, Hamburg, 1887, 555 f., 572 f.

Digitized by Google

сдѣлала для «блага народовъ» и для блага Швейцаріи въ частности.

Извѣстіе о возвращеніи Наполеона вызвало въ Швейцаріи большую тревогу и рѣшеніе вооружаться. Смыслъ этихъ вооруженій выраженъ былъ довольно неопредѣленно. Хотѣла ли Швейцарія держаться нейтралитета и лишь защищать свои границы или она рѣшалась на болѣе дѣятельную политику, это оставалось не договореннымъ въ сообщеніяхъ, которыя сдѣлала Швейцарія державамъ по этому поводу [50]). Изъ этой неопредѣленности, отражавшей конечно сомнѣніе, умѣстно ли было Швейцаріи въ такую минуту говорить о нейтралитетѣ, скоро вывели ее заявленія, полученныя изъ Вѣны. Содержаніе ихъ было приблизительно слѣдующее: обѣщанія, данныя державами относительно признанія нейтралитета Швейцаріи въ данныхъ обстоятельствахъ не только не исключаютъ участія ея въ борьбѣ съ Наполеономъ, но, напротивъ того, скорѣе должны заставить ее присоединиться къ коалиціи. Получая «драгоцѣнное благо» нейтралитета, Швейцарія должна ясно сознавать, что это благо возможно только при условіи господства въ Европѣ правового порядка, на который покусился Наполеонъ, и что, принявъ участіе въ борьбѣ съ нимъ, она поможетъ возстановить именно тѣ условія, при которыхъ нейтралитетъ представляется единственно возможнымъ. Поэтому пусть Швейцарія пойметъ, что во имя этого нейтралитета ей необходимо принять участіе въ борьбѣ и откровенно стать на сторону коалиціи [51]).

---

[50]) Такъ, въ нотѣ посланнику Людовика XVIII 13 марта 1815 года Сеймъ говорилъ: ces mesures ont le double but de garantir le territoire suisse contre toute invasion et de prouver la volonté bien déterminée des cantons de marcher constamment sur la ligne des devoirs qui résultent de leurs liaisons anciennes et nouvelles avec les rois de l'auguste maison de Bourbon... Archives des affaires étrangères, v. 497, Suisse 1814—1815, f. 318.

[51]) Projet d'instruction au Baron de Krudener, Vienne, le 17/29 Mars 1815: Les mesures adoptées par la Diète de la Confédération à l'effet de

Digitized by Google

Нѣтъ сомнѣнія, что въ моментъ полученія заявленій державъ въ самой Швейцаріи на этотъ счетъ не возникало большихъ колебаній; прямо отказаться отъ коалиціи никому въ голову не приходило, а усилія направлены были лишь на

placer la Suisse dans une attitude militaire au moment où la France est menacée d'un bouleversement honore les Etats fédérés et leur donne de nouveaux titres à l'estime et à la confiance des Puissances européennes. Elles ont déclaré la guerre au perturbateur du repos de la France, à l'ennemi de l'ordre social et de la moralité des peuples. Les armées victorieuses dont les succès ont ramené en Europe l'empire des principes conservateurs sont prêtes à marcher partout où le génie malfaisant des révolutions et l'homme qui le reproduit en France oseraient porter leurs attentats criminels. La Suisse exposée par sa proximité à leur influence immédiate était appelée la première à s'en garantir. Elle a répondu à cet appel par un mouvement aussi spontané qu'énergique et l'unanimité qui a présidé à ses armements annonce qu'elle est non seulement en état de repousser vigoureusement de ses frontières l'ennemi commun, mais même qu'elle est disposée à se joindre à la ligue européenne pour le poursuivre et le combattre si les circonstances venaient à l'exiger. Telle est l'opinion que S. M. s'est formé de la Suisse après avoir accordé une attention particulière au contenu de vos rapports... Des événements majeurs pourraient exiger que les Puissances alliées eussent à compter d'une manière plus positive sur la coopération de la Suisse. C'est pour ce cas que S. M. I. m'autorise de vous munir de l'instruction suivante. Les Puissances en vertu de l'acte qui concerne la pacification des Etats Helvétiques s'engagent à reconnaître solennellement le principe de la neutralité perpétuelle de la Suisse. S. M. l'Empereur... désire dès à présent et dans cette circonstance extraordinaire lui garantir la jouissance de cet avantage essentiel. Mais pour rendre cet intention bienfaisante de l'Empereur aussi utile au Corps Helvétique que S. M. le désire il est urgent que la Confédération s'engage à faire cause commune contre Bonaparte... Les mesures qu'elles a prises jusqu'ici ne sauraient être envisagées que comme des témoignages de ses bonnes dispositions. Il s'agit de les mettre à l'épreuve. D'après ces considérations il vous est enjoint, Monsieur le Baron, de concerter avec vos collègues les démarches qui pourront être jugées nécessaires à l'effet d'obtenir un acte public de la Confédération par lequel elle déclare les motifs qui l'ont déterminée à mettre ses frontières en état de défense militaire... Vous êtes autorisé à lui remettre au nom de S. M. I. une note par laquelle vous inviterez la Suisse à s'unir aux puissances européennes, soit pour garantir l'inviolabilité de son territoire, soit pour coopérer, en cas de besoin, au rétablissement de

Digitized by Google

то, чтобы по возможности достигнуть извѣстнаго компромисса между наступательной по отношенію къ Наполеону политикой и принципами нейтралитета; такой компромиссъ былъ едва ли возможенъ, и приходилось прибѣгать къ двусмысленнымъ и уклончивымъ отвѣтамъ на заявленіе державъ о необходимости примкнуть къ остальной Европѣ [52]).

Удовольствоваться недомолвками державы не хотѣли. Напротивъ того, онѣ считали, что Швейцарія можетъ оказать имъ дѣятельную помощь, отказавшись отъ нейтралитета и пропустивъ черезъ свою территорію союзныя войска въ предѣлы Франціи. Стратегическое значеніе этой услуги мы можемъ понять изъ тѣхъ усилій, которыя прилагалъ Наполеонъ послѣ занятія Парижа къ тому, чтобы добиться отъ Швейцаріи недопущенія этого перехода. Одною изъ первыхъ заботъ правительства ста дней было стараніе обезпечить восточныя границы утвержденіемъ нейтралитета Швейцаріи. Спеціальному представителю Наполеона было поручено приложить всѣ усилія къ тому, чтобы «возвратить это государство къ его истинной системѣ» [53]). Министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона обратился кромѣ того непосредственно къ союзному президенту съ письмомъ, въ которомъ говорилъ: «Императоръ не хочетъ видѣть въ вооруженіяхъ Швейцаріи наступательный характеръ; ему хочется вѣрить, что Швейцарія, всегда вѣрная своимъ принципамъ и своимъ

---

l'ordre de choses promis à l'Europe par le traité de Paris. Dès que la Suisse se sera prononcée d'une manière aussi satisfaisante vous travaillerez d'accord avec vos collègues à la fin de déterminer la Diète d'accéder au traité de la grande Alliance, et à stipuler les conditions par lesquelles son accession puisse se concilier avec la jouissance des avantages relatifs à la neutralité de son territoire.—Гос. и С. П. Б. Гл. Архивы, картонъ «Suisse 1815».

[52]) Швейцарскій представитель на конгрессѣ пишетъ президенту союза 28 марта: Ich wünsche die Diskussion zu vermeiden und sage nur: die Schweiz ist auf der politischen Linie der Alliirten. Von diesen trennen wir uns weder im Krieg noch Frieden. Reinhard an Wyss; Wyss, II, 188.

[53]) Rapport à l'Empereur, Paris, 1 Avril 1815 и инструкція M. Rouyer, Paris, 4 Avril 1815. Arch. Aff. Etr., Vol. 498, ff 4—5, 19—20.

Digitized by Google

наиболѣе цѣннымъ интересамъ, захочетъ остаться въ состояніи нейтралитета; онъ не допускаетъ, что она заключила договоръ, заставляющій ее отказаться отъ этого состоянія. Каковы бы ни были ея новыя отношенія, положеніе страны не измѣнилось, и Союзъ не могъ пожертвовать дѣлу какой-нибудь другой державы своей независимостью и системою, которой онъ всегда держался. Франція требуетъ категорическихъ объясненій» [54])... Всѣ эти шаги, оставшіеся безъ результата, свидѣтельствуютъ, что въ дѣлѣ борьбы между коалиціей и Наполеономъ Швейцарія могла сыграть нѣкоторую роль. Роль эта опредѣлялась прежде всего тѣми выгодами, которыя представляла для государствъ, боровшихся съ Наполеономъ, свобода прохода черезъ Швейцарскую территорію; на болѣе дѣятельную помощь со стороны Союза они едва ли расчитывали. Во всякомъ случаѣ вслѣдъ за возвращеніемъ Наполеона въ Парижъ въ Швейцарію отправленъ былъ австрійскій генералъ, дабы установить, наконецъ, истинный смыслъ Швейцарскихъ вооруженій и побудить Союзъ приступить къ коалиціи, и прежде всего открыть союзникамъ дорогу (черезъ Симплонъ и Базель) во Францію [55]). Обѣ задачи были исполнены: не только въ Швейцаріи окончательно отказались отъ мысли о нейтралитетѣ [56]), но 20 мая 1815 г. была заключена военная конвенція между нею и коалиціей. Обязательства, которыя взялъ на себя Союзъ въ силу этой кон-

---

[54]) Wyss, II, 255 f.; Arch. Aff. Etr. Vol. 498, ff. 90, 105—106.

[55]) Инструкція Шварценберга генералъ-маіору Штейгентешу, Вѣна, 17 апрѣля 1815, и вся переписка Штейгентеша опубликованы Hilty въ Hilty, Politisches Jahrbuch der Schweizerischen Eidgenossenschaft, 1888, Bern, 1888, 596 ff.

[56]) Steigentesch an Schwarzenberg, 4 Mai 1815: Von der Neutralität der Schweiz ist in diesem Augenblicke keine Rede mehr. Dies Wort wird selbst in den öffentlichen Bekanntmachungen vermieden; in diesen sprechen sie bloss von der Vertheidigung ihrer Grenzen gegen Frankreich, und der Schweizer Soldat, der jetzt überal gegen dieses Land aufgestellt ist, kennt keinen andern Feind als die Franzosen; ibid., 617.

Digitized by Google

венціи, заключались въ слѣдующемъ: Швейцарія присоединяется къ коалиціи, обязывается не отказываться отъ нея и не заключать никакого союза и не входить ни въ какіе переговоры, которые противны ея участію въ ней (ст. 1). Отсюда вытекаетъ обязанность ея защищать всѣми силами свои границы (ст. 2) и пропускать черезъ свои предѣлы союзныя войска, въ случаѣ, если это будетъ необходимо для общихъ интересовъ (ст. 4). Съ своей стороны коалиція обязывается «въ моментъ общаго мира наблюсти за сохраненіемъ за Швейцаріей всѣхъ преимуществъ, данныхъ ей актами вѣнскаго конгресса» (ст. 1) [57]). Слѣдуетъ прибавить, что участіе Швейцаріи въ войнѣ противъ Наполеона выразилось на дѣлѣ въ болѣе широкихъ предѣлахъ, нежели то устанавливала конвенція 20 мая: воспользовавшись незначительнымъ фактомъ нападенія французовъ на Швейцарію, швейцарскія войска вышли (единственный разъ въ теченіе 19-го столѣтія) изъ предѣловъ родины и приняли участіе въ осадѣ французской крѣпости Гюнингена и въ нѣкоторыхъ другихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи [58]).

Въ этихъ обстоятельствахъ дѣло признанія постояннаго нейтралитета Швейцаріи не могло найти завершенія. Конференція посланниковъ въ Цюрихѣ, которой было поручено передать соотвѣтствующій актъ Швейцаріи, какъ только послѣдняя примкнетъ къ декларації 20 марта, затруднилась, послѣ заключенія военной конвенціи, исполнить это и постановила испросить новыя инструкціи, предлагая оговорить въ актѣ признанія нейтралитета, что онъ вступитъ въ дѣйствіе лишь послѣ возстановленія Парижскаго договора 1814 года, т.-е. послѣ окончанія кампаніи

---

[57]) Мы пользовались копіей французскаго архива: Arch. Aff. Etr., Vol. 478, ff. 191—192. Напечатанъ у Hilty, Eidgenössische Geschichten. Dritte: Die Restauration, I въ Hilty, Politisches Jahrbuch 1888, 341 ff.

[58]) Объ этомъ разсказано подробно ibid., 368—438, 718—729.

Digitized by Google

противъ Наполеона [59]). Противорѣчіе между такимъ актомъ и конвенціей о присоединеніи къ борьбѣ съ Наполеономъ было бы дѣйствительно велико. Если припомнить, однако, своеобразное пониманіе этой борьбы, установленное коалиціей въ моментъ появленія Наполеона во Франціи, то не должно поразить содержаніе отвѣта, полученнаго однимъ изъ посланниковъ на представленіе о необходимости повременить передачей деклараціи нейтралитета. «Его Величество считаетъ совершенно законной и исполнимой просьбу президента сейма относительно формальнаго акта, въ которомъ державы единогласно признали бы нейтралитетъ Швейцаріи, въ согласіи съ тѣми обязательствами, которыя онѣ приняли на этотъ счетъ. Исполненіе этихъ обязательствъ отнюдь не противорѣчитъ содѣйствію, которое Швейцарія обѣщала въ настоящей войнѣ... Швейцарія своей увѣренностью въ томъ, что ея нейтралитетъ будетъ утвержденъ, обязана той новой системѣ, которая основана парижскимъ миромъ и укрѣплена вѣнскимъ конгрессомъ и отъ которой отдѣлиться она не можетъ, не компрометируя тотчасъ же тѣмъ самымъ своего нейтралитета и своей независимости. Швейцарія... не находится въ войнѣ ни съ однимъ изъ государствъ, составляющихъ европейскую систему (La Suisse n'est en guerre avec aucun des Etats identifiés au système européen), она не нарушаетъ поэтому нейтралитета, о которомъ она хлопочетъ, и соглашеніе ея... съ великимъ союзомъ отнюдь не обозначаетъ отказа отъ него». Эти соображенія приводили въ результатѣ къ разрѣшенію русскому представителю, совмѣстно съ другими дипломатами въ Цюрихѣ, составить и передать союзному правительству актъ признанія постояннаго нейтраилтета [60]). Несмотря на это предпи-

[59]) Le Baron de Krudener au Comte Nesselrode, Zurich, $\frac{20 \text{ mai}}{1 \text{ juin}}$ 1815; Гос. и Спб. Гл. Арх., картонъ «Suisse 1815».

[60]) Projet de dépêche au Baron de Krudener, Heidelberg, $\frac{30 \text{ mai}}{11 \text{ juin}}$ 1815 (рукою Императора Александра: «быть по сему»); Гос. и Спб. Гл. Арх, картонъ «Suisse 1815».

Digitized by Google

саніе, актъ нейтралитета оставался еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ проектѣ; причины этой задержки установить въ точности, на основаніи имѣющихся данныхъ, трудно; повидимому она вызвана была обстоятельствами случайнаго характера [61]). Во всякомъ случаѣ окончательное рѣшеніе швейцарскаго вопроса было отложено до второго парижскаго конгресса.

То новое осложненіе, которое только что изложено, подобно предшествующимъ, въ извѣстной степени отразилось на пониманіи идеи, происхожденіе которой мы изучаемъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но переговоры, вызванные участіемъ Швейцаріи въ борьбѣ съ Наполеономъ, несомнѣнно укрѣпили сознаніе принципіальнаго значенія, даннаго въ 1813 году и повтореннаго 20 марта 1815 года обѣщанія. Содержаніе двухъ русскихъ инструкцій, приведенныхъ выше, свидѣтельствуетъ, что событія эпохи ста дней обнаружили непосредственную связь и тѣсную близость между установленіемъ швейцарскаго постояннаго нейтралитета, съ одной стороны, и существова-

---

[61]) Составитель текста декларації 20 ноября Pictet de Rochemont приписываетъ задержку англійскому посланнику въ Цюрихѣ (знаменитому впослѣдствіи Стратфорду Каннингу), который будто бы не могъ согласиться съ своими товарищами относительно редакціи акта; письмо съ парижскаго конгресса, отъ первыхъ чиселъ ноября 1815; Pictet, Biographie, travaux et correspondance diplomatique de C. Pictet de Rochemont, Genève, 1892, 316.—Это свѣдѣніе можно дополнить на основаніи данныхъ С.-Петербургскаго Архива: задержка вызывалась сначала тѣмъ, что не всѣ посланники получили во-время соотвѣтствующія инструкціи, и тѣмъ еще, что часть ихъ разъѣхалась лѣтомъ 1815 года изъ Цюриха; повидимому только русское правительство настаивало въ это время на скорѣйшемъ окончаніи дѣла; засимъ, по предложенію австрійскаго посланника, рѣшено было выждать окончательнаго урегулированія разныхъ мелкихъ внутреннихъ вопросовъ, связанныхъ съ компромиссомъ, предложеннымъ державами. См. projet de dépêche au Baron de Krudener, $\frac{31 \text{ juillet}}{12 \text{ Août}}$ 1815 и Baron Krudener au Comte Nesselrode, $^{2}/_{14}$ septembre 1815; Гос. и Спб. Гл. Арх., картонъ «Suisse 1815».

Digitized by Google

ніемъ общей международноправовой системы, установленной на вѣнскомъ конгрессѣ, съ другой; мысль, что нейтралитетъ Швейцаріи составляетъ необходимую часть права новой Европы, ясно выраженная въ этихъ документахъ, еще болѣе подчеркиваетъ намѣченный уже въ Вѣнѣ взглядъ, что постоянный нейтралитетъ этого государства есть не случайная и временная политическая комбинація, а правовой институтъ, существованіе котораго покоится на всеобщемъ интересѣ.

На парижскомъ конгрессѣ состоялось окончательное рѣшеніе по вопросу о нейтралитетѣ Швейцаріи; участники его, ясно сознавая необходимость исполнить наконецъ данное два года передъ тѣмъ обѣщаніе, приступили къ выработкѣ текста соотвѣтствующаго договора; обстоятельства вполнѣ благопріятствовали спокойному довершенію дѣла. Международный правопорядокъ былъ возстановленъ, и «постоянный нейтралитетъ» Швейцаріи, казавшійся необходимою частью этого правопорядка, могъ сдѣлаться предметомъ тщательнаго обсужденія. Можно было надѣяться, что при этомъ будетъ дано нѣкоторое догматическое развитіе понятію, выросшему непосредственно на почвѣ чисто политическихъ интересовъ и не подвергавшемуся еще никакому воздѣйствію юридическаго анализа. Къ сожалѣнію этого не совершилось. Редакція международнаго соглашенія по этому вопросу осталась въ рукахъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые уже участвовали въ предшествующихъ фазисахъ развитія вопроса и которымъ политическая сторона дѣла была настолько ясна, что всѣ другія отъ нихъ ускользали. Предварительный проектъ, по порученію русскаго и англійскаго представителей на конгрессѣ, былъ выработанъ швейцарскимъ посланникомъ; почти цѣликомъ онъ былъ одобренъ другими державами и составилъ «Актъ, устанавливающій признаніе и гарантію постояннаго нейтралитета Швейцаріи и неприкосновенности ея территоріи»—Acte portant reconnaissance et garantie de la neutralité perpétuelle de la Suisse et de l'inviolabilité de son territoire, под-

Digitized by Google

писанный пятью великими державами 20 ноября 1815 года, въ день подписанія второго парижскаго договора. Историческія данныя относительно возникновенія текста этого акта указываютъ, что лишь на двухъ пунктахъ останавливалось вниманіе при обсужденіи проекта швейцарскаго посланника. Отмѣтимъ ихъ мимоходомъ: они лишены особой важности. Первый касался словъ декларацiи о томъ, что въ общихъ интересахъ Европы лежитъ, чтобы ни одна держава не пріобрѣтала исключительнаго вліянія въ Швейцаріи. По этому поводу нѣкоторые представители высказывали убѣжденіе, что Австрія, противъ которой политически, будто бы, эти слова были направлены, выскажется за ихъ исключеніе изъ текста; на дѣлѣ они прошли безъ возраженій [62]). Второй пунктъ касался гарантіи нейтралитета, которую должны были взять на себя великія державы; англійскій представитель на конгрессѣ не хотѣлъ принять этого обязательства, но вынужденъ былъ согласиться на него послѣ того, какъ ему указано было, что гарантія обѣщана Швейцаріи въ декларацiи 20 марта [63]). Кромѣ указанныхъ сомнѣній, ничто въ текстѣ Акта 20 ноября не вызвало обсужденія; повидимому содержаніе его казалось настолько понятнымъ, что никому не хотѣлось тратить времени на его разъясненіе. Мы увидимъ ниже, что причиною того являлись отнюдь не внутреннія достоинства этого акта.

«Актъ признанія и Гарантіи» гласилъ:

L'accession de la Suisse à la Déclaration donnée à Vienne le vingt Mars mil huit cent quinze par les Puissances signataires

---

[62]) J'y ai introduit une phrase destinée à bien établir que l'intérêt de l'Europe entière est qu'aucune puissance étrangère n'exerce en Suisse d'influence; Capo d'Istria s'attend à ce que Metternich en fera la mine; comme les trois autres cabinets tiendront ensemble, peu importe. Quant au Duc de Richelieu, il sera bien aise de voir l'Autriche bridée. Pictet de Rochemont à Turettini, начало ноября 1815; Pictet, 317.

[63]) Lord Castlereagh a observé qu'on ne pouvait pas garantir. J'ai répondu que la déclaration du 20 Mars portait solennellement ce mot. Pictet à Wyss, Paris, novembre 1815; Wyss II, 324 s.

Digitized by Google

du Traité de Paris ayant été duement notifiée aux Ministres des Cours Impériales et Royales par l'Acte de la Diète Helvétique du vingt sept Mai suivant, rien ne s'opposait à ce que l'Acte de la reconnaissance et de la garantie de la neutralité perpétuelle de la Suisse dans ses nouvelles frontières fût fait conformément à la Déclaration susdite. Mais les Puissances ont jugé convenable de suspendre jusqu'à ce jour la signature de cet Acte à cause des changements que les événements de la guerre et les arrangements qui devaient en être la suite pouvaient apporter aux limites de la Suisse, et des modifications qui pouvaient aussi en résulter dans les dispositions relatives au territoire associé au bienfait de la neutralité du Corps Helvétique.

Ces changements se trouvant déterminés par les stipulations du Traité de Paris de ce jour, les Puissances signataires de la Déclaration de Vienne du 20 Mars font par le présent Acte une reconnaissance formelle et authentique de la neutralité perpétuelle de la Suisse, et Elles lui garantissent l'intégrité et l'inviolabilité de son territoire dans ses nouvelles limites, telles qu'elles sont fixées tant par l'Acte du Congrès de Vienne que par le Traité de Paris de ce jour et telles qu'elles le seront ultérieurement: conformément à la disposition du Protocole du trois Novembre, ci joint en extrait qui stipule en faveur du Corps Helvétique un nouvel accroissement de territoire, à prendre sur la Savoie pour arrondir et désenclaver le Canton de Genève.

Les Puissances reconnaissent et garantissent également la neutralité des parties de la Savoie désignées par l'Acte du Congrès de Vienne du 29 Mars mil huit cent quinze et par le Traité de Paris de ce jour, comme devant jouir de la neutralité de la Suisse, de la même manière que si elles appartenaient à celle ci.

Les Puissances signataires de la Déclaration du 20 Mars reconnaissent authentiquement par le présent Acte que la neutralité et l'inviolabilité de la Suisse et son indépendance de toute influence étrangère sont dans

Digitized by Google

les vrais intérêts de la politique de l'Europe entière. Elles déclarent qu'aucune induction défavorable aux droits de la Suisse relativement à sa neutralité et à l'inviolabilité de son territoire ne peut ni ne doit être tirée des évènements qui ont amené le passage des troupes alliées sur une partie du sol helvétique. Ce passage librement consenti par les Cantons dans la Convention du 20 Mai a été le résultat nécessaire de l'adhésion franche de la Suisse aux principes manifestés par les Puissances signataires du traité d'alliance du 25 Mars.

Les Puissances se plaisent à reconnaître que la conduite de la Suisse dans cette circonstance d'épreuve a montré qu'elle savait faire de grands sacrifices au bien général et au soutien d'une cause que toutes les Puissances de l'Europe ont défendue et qu'enfin la Suisse était digne d'obtenir les avantages qui lui sont assurés, soit par les dispositions du Congrès de Vienne, soit par le traité de Paris de ce jour, soit par le présent Acte, auquel toutes les Puissances de l'Europe sont invitées à accéder.

En foi de quoi la présente Déclaration a été faite et signée à Paris le vingt Novembre de l'an de grâce mil huit cent quinze [64]).

6. Приведенный на предшествующихъ страницахъ матеріалъ даетъ достаточное представленіе о той сложной комбинаціи условій и факторовъ, которая привела къ возникновенію своеобразнаго и новаго въ международныхъ отношеніяхъ юридическаго института, именуемаго «постоянно нейтральное государство». Онъ объясняетъ, какъ возникла задача «освобожденія Швейцаріи», какъ эта задача привела къ возникновенію «швейцарскаго вопроса» и сознанія необходимости дать ему международное рѣшеніе, почему это международное рѣшеніе ориентировалось въ смыслѣ «возстановленія истиннаго нейтралитета» Союза, почему Швейцаріи дано было Державами соотвѣтствующее обѣщаніе и подъ влія-

[64]) Текстъ Акта, извѣстный въ двухъ варіантахъ, подвергся всестороннему изслѣдованію съ внѣшней стороны въ книгѣ Schweizer, 587 f.; напечатанный здѣсь текстъ заимствованъ у него.

Digitized by Google

ніемъ какихъ обстоятельствъ состоялось исполненіе этого обѣщанія, наконецъ, какимъ путемъ политическая сдѣлка, предложенная Союзу въ 1813 году, превратилась въ 1815 году въ нераздѣльную часть европейской системы международнаго права.

Прежде чѣмъ перейти на основаніи этого матеріала къ догматическому толкованію Акта Признанія и Гарантіи необходимо на нѣсколько минутъ остановиться на одномъ изъ факторовъ только что изложеннаго историческаго процесса, на нашъ взглядъ лишеннаго особенно крупнаго значенія, но которому склонны придавать иногда рѣшающее значеніе въ пониманіи возникшаго 20 ноября 1815 года института.

Въ только что очерченномъ историческомъ процессѣ нѣкоторую роль не могла не играть и дѣйствительно играла воля самой Швейцаріи. Каждый разъ какъ въ дѣлѣ рѣшенія «Швейцарскаго вопроса» предоставлялось слово Союзу, послѣдній неизмѣнно возвращался къ одной и той же темѣ. Въ моментъ кризиса 1813 года онъ заявляетъ, что желалъ бы сохранить свой «исконный нейтралитетъ»; на Вѣнскій Конгрессъ его уполномоченные являются съ тѣмъ же идеаломъ возстановленія прежняго нейтральнаго положенія, тотъ же мотивъ руководитъ Швейцарцами, когда выражается нежеланіе принять участіе въ борьбѣ за освобожденіе, возобновившейся послѣ возвращенія Наполеона во Францію; наконецъ, на Парижскомъ Конгрессѣ швейцарскій представитель настаиваетъ опять таки на обезпеченіи традиціоннаго нейтралитета Швейцаріи.

Что же такое этотъ старинный швейцарскій нейтралитетъ? Это— сложное историческое явленіе, объясненіе котораго лежитъ въ обстоятельствахъ довольно ранняго періода новой исторіи.

Группа городскихъ и сельскихъ германскихъ общинъ, расположенныхъ въ Швейцаріи, въ 14-мъ вѣкѣ объединившаяся во имя борьбы за непосредственную подчиненность Имперіи, вопреки домогательствамъ разныхъ феодальныхъ владѣтелей на господство надъ нею, а затѣмъ выросшая

Digitized by Google

въ союзъ, фактически самостоятельный и отъ Имперіи,— исторіей поставлена была въ самомъ центрѣ европейской политики и европейскихъ войнъ. Мало по-малу, будучи не въ силахъ принимать активное участіе въ борьбѣ своихъ могущественныхъ сосѣдей и вести съ успѣхомъ дѣятельную политику, эта группа общинъ выработала своеобразный modus vivendi въ тогдашней Европѣ. Въ 15-мъ и въ началѣ 16-го вѣка Союзъ еще ничѣмъ не отличается отъ другихъ государствъ: онъ воюетъ, заключаетъ оборонительные и наступательные договоры, подписываетъ трактаты, ведетъ чисто политическіе переговоры и т. д. Послѣ реформаціи, породившей глубокій разладъ между католическими и протестантскими членами Союза и тѣмъ создавшей источникъ внутренняго безсилія Швейцаріи, въ этомъ отношеніи происходитъ существенная перемѣна. Прежде активная политика смѣняется желаніемъ избѣгать внѣшнихъ осложненій; всѣ усилія сосредоточиваются на томъ, чтобы отклонить отъ себя участіе въ чужихъ войнахъ и не начинать войнъ по собственной иниціативѣ. Фактъ отказа отъ военныхъ предпріятій доминируетъ всю исторію Швейцаріи отъ 16-го до 19-го вѣка. Швейцарскіе историки [65]) составили тщательный инвентарь тѣхъ европейскихъ войнъ, отъ участія въ которыхъ Союзъ отказывался. Выдержку изъ этого инвентаря слѣдуетъ привести здѣсь.

Въ 1507 и 1508 гг. Союзъ, призванный рѣшить вопросъ объ участіи въ войнѣ Императора съ Франціей, предпочелъ отвѣтить, что будетъ «stillsitzen». Во время крестьянской войны въ Германіи большинство кантоновъ писало Цюриху, имѣвшему намѣреніе воевать: «uf daz ist... unser ernstlich Bitt, ir wellent allen Fliss und Ernst fürwenden, damit ir und die üwern verstillint, damit sy by Hus und Hof bliben und uns und üch mit einen sölichen tödtlichen Krieg utladint». По почину того же Цюриха Союзъ въ 1536 году заявилъ, что не будетъ помогать ни Карлу V, ни Франциску I въ ихъ

[65]) Въ особенности Calonder, 10—104, и Schweizer, 188—528.

Digitized by Google

войнѣ за Миланъ. Во время Шмалькальденской войны союзный сеймъ постановилъ «sich des ganz und gar unpartyisch halten». Въ 17-мъ вѣкѣ принципъ неучастія въ войнахъ Европы подчеркивается Швейцаріей, быть можетъ, еще болѣе настойчиво [66]). Когда передъ 30-лѣтней войной евангелическая партія въ Германіи обращается къ союзу съ просьбой о помощи, послѣдній отвѣчаетъ, что онъ будетъ «still sitzen und sich neutral zu halten», и дѣйствительно, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ кантонахъ и находили себѣ мѣсто поползновенія броситься въ борьбу, въ концѣ концовъ, въ теченіе всѣхъ долгихъ лѣтъ войны, Швейцарія оставалась въ мирѣ со всѣми Державами; ко времени войнъ Людовика XIV въ Швейцаріи окончательно укрѣпляется убѣжденіе, что нейтралитетъ есть безусловно необходимая внѣшняя политика Союза; въ 1674 году Сеймъ постановляетъ, «dass wir uns als ein Neutralstandt halten und vorsorgen, uns nach keiner Seite soweit einzumischen, dass wir uns auch in den Krieg verwickeln könnten»; въ согласіи съ этой программой Швейцарія держится вдали отъ сражающихся и даже во время войны за Испанское наслѣдство, когда извнѣ нейтралитету угрожаютъ другія государства и извнутри раздаются голоса въ пользу болѣе активнаго образа дѣйствій, политика союза не измѣняется; то же наблюдается въ 18-мъ вѣкѣ (война за польское наслѣдство, за австрійское наслѣдство, 7-лѣтняя) вплоть до конца первой войны коалиціи съ революціонной Франціей.

Такого рода порядокъ находилъ себѣ выраженіе и въ договорныхъ отношеніяхъ Швейцаріи къ европейскимъ государствамъ. Система ихъ очень любопытна: она состояла въ томъ, что кантоны послѣдовательно заключили со всѣми сосѣдними державами союзные договоры, иногда просто говорившіе о вѣчномъ мирѣ между контрагентами, а иногда оборонительнаго или оборонительнаго и наступательнаго

---

[66]) Съ конца 17-го вѣка въ Швейцаріи начинаютъ постоянно высказывать убѣжденіе, что нейтралитетъ составляетъ «die Grundfeste der eidgenössischen Republik», «eine feste Grundsäule ihres Ruhestands» и т. д.

Digitized by Google

характера, причемъ въ каждый такой договоръ вносилась обыкновенно оговорка о томъ, что онъ не отмѣняетъ всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ между Швейцаріей и державами союзныхъ договоровъ, т.-е. Швейцарія, несмотря на такой договоръ, не обязана все же нарушать мирныя отношенія свои къ другимъ государствамъ; благодаря тому, что постепенно кругъ договоровъ съ такими оговорками расширялся и обнялъ въ концѣ концовъ большую часть тогдашнихъ государствъ, Швейцарія оказалась въ договорномъ мирѣ почти со всей Европою [67]). Стоитъ сопоставить оговорки болѣе раннихъ договоровъ и позднѣйшихъ, чтобы оцѣнить все значеніе для Швейцаріи развитія сѣти указанныхъ соглашеній: въ «Erbvereinigung» съ Австріей 1511 года поминаются лишь римскій престолъ и священно-римская имперія, черезъ пять лѣтъ въ договорѣ съ французскимъ королемъ число такихъ государствъ доходитъ до восьми [68]). Указанная система договоровъ не могла не содѣйствовать обезпеченію полнаго внѣшняго мира: политическіе союзы со всѣми государствами, опредѣленно исключавшіе возможность военныхъ мѣропріятій противъ всѣхъ, создавали своеобразную хартію нейтралитета, вполнѣ отвѣчавшую, какъ мы знаемъ, ясно усвоенной Швейцаріей программѣ внѣшней политики.

Нейтралитетъ былъ фактически на лицо въ прошломъ Союза; всѣ историческія воспоминанія говорили швейцарцамъ 1815 года, что страна твердо и неуклонно слѣдовала

---

[67]) Подробный списокъ этихъ договоровъ даетъ Vogt, Zur Geschichte der schweizerischen Neutralität въ Deutsche Vierteljahres-Schrift 1862. I Heft, 107 f., ср. также Schweizer, 161 ff. Часть ихъ напечатана у Bluntschli, Urkundenbuch, 144—236.

[68]) Unser der Eidgenossen halb sind vorbehalten, unser Allerheiligste Vatter der Pabst Leo der Zehende, der Heilige Römische Stuhl, die Kayserliche Mayestät, das Heilige Römische Rych, das Durchläuchtig Hus von Oesterreich, die Durchläuchtigsten Hertzogen von Savoy und Wirtenberg, der Durchläuchtig Herr Lorentz und das Hus de Medices, der Staat und Commun zu Florentz; § 15 договора 1516 года; Bluntchli, Urkundenbuch, 187; договоръ 1511, § 28, ibid., 169.

Digitized by Google

въ теченіе многихъ вѣковъ началу мирной политики, полнаго воздержанія не только отъ участія въ чужихъ войнахъ, но и вообще отъ веденія войны. Но говоря въ 1813, 1814 и 1815 годахъ о возстановленіи исконнаго, истиннаго нейтралитета, швейцарцы, какъ это всегда бываетъ въ эпоху наплыва историческихъ воспоминаній, тѣмъ не менѣе игнорировали цѣлый рядъ сторонъ этого прошлаго; дѣло въ томъ, что, если дѣйствительно нейтралитетъ могъ считаться «исконнымъ», то онъ отнюдь не можетъ быть названъ въ 16—18 вѣкахъ «истиннымъ»; нейтралитетъ носилъ въ то время своеобразный характеръ, мало понятный съ точки зрѣнія современныхъ понятій, и во всякомъ случаѣ былъ непохожъ на нейтралитетъ государства, какъ мы его теперь понимаемъ. Если, какъ одно цѣлое, Швейцарскіе кантоны слѣдовали политикѣ добровольнаго отказа отъ войны, то прежде всего потому, что это цѣлое было настолько само по себѣ безсильно, что не могло играть какую бы то ни было иную роль; глубокая пропасть, образовавшаяся между евангелическими и католическими кантонами, влекла за собой крайнее ослабленіе союзныхъ связей; кантоны тяготѣли къ двумъ разнымъ центрамъ, и этотъ процессъ шелъ въ ущербъ союзной власти. Если вспомнить, что всѣ войны, наполнявшія собою 16-й и 17-й вѣка, носили религіозный характеръ, то понятно будетъ, что союзъ, именно на религіозной почвѣ всего болѣе раздробленный, никакъ не могъ какъ цѣлое принять сторону того или другого противника. Единство кантоновъ было настолько мало выражено въ этомъ отношеніи, что отдѣльные кантоны представляли собой совершенно самостоятельныя политическія величины, дѣйствовавшія, сообразуясь прежде всего со своими собственными интересами. Соблюдая въ совокупности своей единственно возможную при этихъ условіяхъ мирную политику, кантоны католическіе и евангелическіе тянули каждый въ свою сторону, и въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ обыкновенно шли въ разрѣзъ съ строго нейтральной политикою Союза. Сосѣднія сильныя государства хорошо знали внутреннее положеніе Швейцаріи и направляли свои

Digitized by Google

усилія на то, чтобы укрѣпить вліяніе свое именно въ кантонахъ, добиться отъ отдѣльныхъ частей Союза тѣхъ выгодъ, которыя они не могли получить отъ Союза какъ цѣлаго. Внутренній разладъ между кантонами разныхъ исповѣданій былъ настолько великъ, что рядомъ съ органами Союза государственная жизнь Швейцаріи знала постоянные органы католической и евангелической ея частей; на ряду съ общими сеймами фигурировали сеймы католиковъ въ Золотурнѣ и протестантовъ въ Ааргау [69]). Эти органы и служили проводниками воздѣйствія иностранныхъ державъ и самостоятельно вели внѣшнюю политику, во многомъ противорѣчившую основамъ политики Союза. Рядомъ съ никогда не глохнувшими стремленіями внутри этихъ двухъ группъ активно поддерживать тѣ враждовавшія между собой силы Европы, которыя по религіознымъ соображеніямъ казались болѣе близкими, стремленіями, которыя подавлялись лишь сознаніемъ неблагоразумія на свой страхъ и рискъ открыто принять участіе въ европейской борьбѣ [70]), мы наблюдаемъ въ исторіи Швейцаріи 17-го и 18-го вѣковъ постепенный переходъ части кантоновъ подъ одностороннее вліяніе иностранныхъ державъ, установленіе внѣшней зависимости, дѣлавшей ихъ служебнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Это—періодъ, который швейцарскіе историки характеризуютъ какъ эпоху «Sonderbündelei». «Нейтралитетъ въ это время, говоритъ одинъ изъ нихъ, не что иное какъ внутренній политическій индиферентизмъ со стороны Союза, а со стороны кантоновъ постоянное связываніе внутреннихъ политическихъ вопросовъ съ крупными движеніями на европейскомъ центрѣ войны и мира, т.-е. въ обоихъ этихъ отношеніяхъ прямая противоположность истинному нейтралитету. Такая система

[69]) Bluntschli, I, 395 ff. Функціонированіе этихъ органовъ можно ближе наблюдать, знакомясь съ отдѣльными страницами швейцарской дипломатической исторіи; интересны, напр., данныя у Fazy, Les Suisses et la neutralité de la Savoie 1703—1704, Genève, 1895, 181 ss.

[70]) Исторія тридцатилѣтней войны даетъ яркіе образцы; Schweizer, 221 ff.

Digitized by Google

въ особенности выражается въ иностранной военной службѣ швейцарцевъ, которая въ старыя времена стояла въ тѣснѣйшей зависимости отъ системы политическихъ союзовъ съ сосѣдними государствами... Эта иностранная военная служба въ своей первоначальной формѣ служитъ наиболѣе яркимъ опроверженіемъ взгляда, будто Швейцарія уже тогда принципіально придерживалась системы нейтралитета» [71]). Дѣйствительно, стоитъ остановиться на одномъ хотя бы примѣрѣ изъ исторіи «Sonderbündelei», чтобы понять противорѣчіе между тогдашней внѣшней политикой кантоновъ и понятіемъ нейтральной политики въ ея чистомъ видѣ. Въ 1715 году Людовикъ XIV заключилъ въ Золотурнѣ договоръ съ католическими кантонами Люцерномъ, Ури, Швицомъ, Унтервальденомъ, Цугомъ, Гларусомъ, Фрейбургомъ, Золотурномъ, Аппенцелемъ, Иннеръ Роденъ и Валлисомъ, содержаніе коего въ высшей степени интересно съ указанной точки зрѣнія. Онъ даетъ прежде всего постановленіе, въ силу котораго контрагенты взаимно обязываются помогать другъ другу въ случаѣ опасности; но помощь эта совершенно различна для каждой изъ сторонъ: кантоны обязаны, когда Франціи грозятъ враги, давать ей наемное войско въ количествѣ 16 тысячъ человѣкъ; за это Франція обязывается, съ одной стороны, въ случаѣ нужды защищать кантоны отъ внѣшняго нашествія, а съ другой, обѣщаетъ кантонамъ свое посредничество, когда другіе кантоны не исполнятъ по отношенію къ нимъ своихъ обязанностей, соглашается «принуждать обидчиковъ подчиняться правиламъ союзныхъ договоровъ» и признаетъ себя обязанною гарантировать тѣ соглашенія, которыя католическіе кантоны будутъ заключать съ остальными для устраненія на будущее время столкновеній внутри союза. Такимъ образомъ роли контрагентовъ Золотурнскаго договора 1715 года совершенно не сходны и равенства между ними нѣтъ. Франція беретъ подъ свое покровитель-

[71]) Vogt, 111 ff. Это талантливое изслѣдованіе къ сожалѣнію мало извѣстно въ Швейцаріи.

Digitized by Google

ство своихъ маленькихъ союзниковъ, которые отвѣчаютъ ей обязанностью поставлять наемниковъ—солдатъ; отношенія складываются на началахъ односторонней зависимости и дѣлаютъ совершенно невозможной для указанной группы кантоновъ самостоятельную и нейтральную въ истинномъ смыслѣ слова политику. Но это не все; договоръ содержитъ еще цѣлый кодексъ, опредѣляющій положеніе швейцарскаго наемнаго войска въ Швейцаріи; тщательность, съ которой выясняется всякая подробность дѣла, доказываетъ, какъ крѣпко утвердилась такъ называемая система капитуляцій. То развитіе ея, до котораго доходитъ договоръ 1715 года, ясно обнаруживаетъ своеобразный характеръ стараго швейцарскаго нейтралитета; послѣдній уживался съ постояннымъ косвеннымъ участіемъ отдѣльныхъ кантоновъ въ войнахъ сосѣдей, причемъ участіе это, повидимому, не мѣшало Союзу, какъ цѣлому, продолжать говорить о нейтралитетѣ, какъ одной изъ «Grundsäule» своей политики [72]).

Таковъ въ своемъ подлинномъ историческомъ обликѣ тотъ фактъ, который Швейцарія вспоминала въ 1813—1815 годахъ, настаивая на возвращеніи ей исконнаго нейтралитета. Трудно видѣть въ немъ ключъ къ объясненію происхожденія декларации 20 ноября 1815 года, создавшей первое «постоянно-нейтральное» государство, и утверждать, что актъ, выработанный эпохой Вѣнскаго и Парижскаго конгрессовъ, сводится къ простой реставраціи дореволюціоннаго международнаго положенія Союза.

Словомъ «реставрація» вообще часто злоупотребляютъ, толкуя тотъ историческій процессъ, который совершился въ 1813—1815 годахъ: не слѣдуетъ забывать, что на дѣлѣ едва ли найдется хотя бы одна сторона въ жизни тогдаш-

---

[72]) Текстъ договора см. у Bluntschli, Urkundenbuch, 222 ff. въ особ. ст. IV, V, VI—XIX, XXXII. По исторіи капитуляцій можно указать недавно вышедшее довольно поверхностное сочиненіе Burin des Roziers, Les capitulations militaires entre la Suisse et la France, Paris, 1902; о договорѣ 1715 года p. 199 ss.

Digitized by Google

ней Европы, гдѣ бы конгрессы просто-на-просто вернулись къ 18-му столѣтію. Въ частности же и въ томъ вопросѣ, который насъ занимаетъ, едва ли дѣйствительно можетъ идти рѣчь о томъ, будто весь смыслъ декларації 20 ноября сводится къ возвращенію къ «исконному» нейтралитету Союза. А между тѣмъ въ литературѣ, особенно въ швейцарской, обнаруживается стремленіе во что бы то ни стало умалить значеніе Акта Признанія утвержденіемъ, что постоянный нейтралитетъ Швейцаріи есть старинная не писанная ея международная хартія, а декларація 1815 года есть лишь извѣстнаго рода констатированіе этой обычной хартіи. Въ этомъ отношеніи наиболѣе грѣшитъ Schweizer, который въ своемъ огромномъ изслѣдованіи по исторіи Швейцарскаго нейтралитета прямо утверждаетъ, что постоянно нейтральныя государства распадаются на двѣ ничего общаго между собой не имѣющія группы. Эти группы таковы: «durch Verträge anerkannte prinzipielle Neutralität» и «durch Verträge geschaffene ewige Neutralität». Швейцарскій постоянный нейтралитетъ относится къ первой группѣ — «договоромъ признанный нейтралитетъ», всѣ остальные случаи его входятъ въ группу «договоромъ созданнаго постояннаго нейтралитета». Швейцарскій нейтралитетъ есть покоющійся на свободной волѣ Швейцаріи «традиціонный» ея нейтралитетъ, который лишь признали другія государства, причемъ значеніе этого признанія крайне невелико, ибо «и безъ того уваженіе нейтральнаго положенія государства составляетъ международную обязанность». Совсѣмъ другое дѣло — искусственно созданный договорами постоянный нейтралитетъ; такое «искусственное созданіе дипломатіи» направлено всегда на подавленіе свободнаго самоопредѣленія государства и въ этомъ отношеніи отдѣлено глубокой пропастью отъ «признаннаго» лишь традиціоннаго постояннаго нейтралитета, который есть результатъ самоопредѣленія государства [73]).

[73]) Schweizer, 72 ff.; въ томъ же смыслѣ Payen, La neutralisation de la Suisse въ Annales de l'école libre des sciences politiques, VII,

Digitized by Google

Мы не будемъ входить въ обсужденіе того, насколько основательно исторически противопоставленіе отдѣльныхъ примѣровъ постоянно нейтральныхъ государствъ и попытка на этомъ основаніи построить различіе въ юридическихъ послѣдствіяхъ акта 1815 г. и, напримѣръ, актовъ 1831 и 1867 годовъ. Здѣсь слѣдуетъ поставить лишь одинъ вопросъ, а именно: можно ли сказать, что постоянный нейтралитетъ Швейцаріи не созданъ Декларацією 1815 года, а существовалъ ранѣе; на этотъ вопросъ слѣдуетъ, конечно, категорически отвѣчать въ отрицательномъ смыслѣ. Причины возникновенія «постоянно-нейтральнаго» положенія Швейцаріи въ системѣ европейскихъ государствъ намъ извѣстны; мы знаемъ, что это—юридическая комбинація, выросшая на почвѣ политическихъ отношеній Наполеоновской эпохи, что она являлась лишь частью дѣла «освобожденія Европы» и что лишь благодаря случайной необходимости привлечь Швейцарію въ ряды коалиціи и колебаній ея по этому поводу дано было обѣщаніе закрѣпить за Швейцаріей нейтралитетъ, какъ постоянный ея международно-правовой status. Конечно, воспоминанія изъ старой швейцарской исторіи съиграли извѣстную роль въ этомъ процессѣ: они мотивировали домогательства Союза, но ссылаться исключительно

1892, 619: les diplomates du congrès de Vienne qui ont soumis la Suisse au régime de la neutralité perpétuelle, ont ils fait oeuvre entièrement nouvelle?.. Nous ne le croyons pas... Ceux ci ont seulement consacré en droit un état de fait; Wampach, Le Luxembourg neutre (thèse). Paris, 1900, 246 s. Еще категоричнѣе Simon Kaiser, Untersuchungen über die Neutralität der Schweiz, Solothurn, 1894, 3, n. 3: Der Kongress von Wien hat in Bezug auf die Neutralität der Schweiz kein neues Recht geschaffen; er hat das bestehende und seit vielen Jahren geübte Recht anerkannt.... Болѣе правильна точка зрѣнія: Geffcken, Die Neutralität y Holtzendorff, IV, 636 f; Mazade, L'Europe et les neutralités, Paris, 1893, 64 ss.; Hilty, Die Neutralität der Schweiz, 27 ff.; Piccioni, Essai sur la neutralité perpétuelle, Paris, 1891, 26 s.; Tswettcoff, De la situation juridique des états neutralisés en temps de paix (thèse), Genève, 1895, 12 ss.; Martens, La neutralisation du Danemark, въ Revue des Deux Mondes, 15 Novembre 1903, 319 и т. д.

Digitized by Google

на эти воспоминанія, объясняя происхожденіе декларації 1815 года, значитъ сознательно лишать себя средства понять Актъ Признанія и Гарантіи.

Еще менѣе позволительно отождествлять содержаніе старой швейцарской политики съ тѣмъ образомъ дѣйствія, который предписывался Союзу Актомъ 20 ноября. Державы хотѣли въ немъ дать Швейцаріи нѣчто совершенно противоположное «ложному нейтралитету» Швейцаріи въ Наполеоновскую эпоху, а развѣ старый нейтралитетъ Швейцаріи не есть нѣчто близкое и однородное именно этому признанному Наполеономъ въ 1803 году «нейтралитету» Союза, развѣ договоръ 1715 года, приведенный выше, не похожъ на договоръ 1803 года? Именно противъ нейтралитета, который не мѣшалъ Союзу—одинаково и въ 1715 году, и въ 1803 году,—быть служебнымъ орудіемъ въ рукахъ Франціи, и боролась коалиція; именно освобожденія Швейцаріи отъ стараго односторонняго нейтралитета и добивались дѣятели эпохи конгрессовъ.

7. За Актомъ Признанія и Гарантіи слѣдуетъ безспорно признать основное и руководящее значеніе въ дѣлѣ толкованія природы постоянно нейтральнаго государства. Провозглашеніе постояннаго нейтралитета Союза послужило тѣмъ прецедентомъ, примѣнительно къ которому создавались другіе акты того же содержанія и который послужилъ исходной точкой въ процессѣ образованія этого новаго типа международноправовой личности. Въ этомъ смыслѣ Швейцарія первое по своему историческому мѣсту и значенію постоянно-нейтральное государство [74]), и та

---

[74]) Хронологически это не совсѣмъ такъ. Строго говоря, первое постоянно нейтральное государство Вольный городъ Краковъ, учредительный актъ котораго датируется $\frac{21\ \text{Апрѣля}}{3\ \text{Мая}}$ 1815 года, но мы увидимъ ниже въ главѣ II, что именно Швейцарія послужила образцомъ при признаніи Кракова нейтральнымъ. Историческіе розыски, охотно

Digitized by Google

характеристика, которая дана была Союзу въ Актѣ Признанія и Гарантіи,—первый камень, заложенный въ системѣ права международнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается еще не законченное, но все же самостоятельное юридическое построеніе. Первый камень не могъ не повліять на направленіе послѣдующей работы, и мы должны прило-

---

производимые въ современной литературѣ, приводятъ иногда къ неожиданнымъ открытіямъ въ изучаемой нами области. Milowanowitch, Les traités de garantie au XIX siècle, Paris, 1888, 25 указалъ, какъ на первые примѣры постояннаго нейтралитета, на планъ Леопольда II, «qui voulait neutraliser la Pologne pour la préserver du second partage» и на рецессъ Германской Имперіи 1803 года, который будто бы «plaçait dans la neutralité perpétuelle les villes libres et immédiates Augsbourg, Lübeck, Nürenberg, Francfort, Brême et Hambourg»; указанія сербскаго ученаго достаточно опровергнуты Morand, Les origines de la neutralité perpétuelle, Revue générale de droit international public, 1894, 526 ss. Разсуждая о происхожденіи нейтралитета Бельгіи, Dollot, Les origines de la neutralité de la Belgique et le système de la Barrière, Paris, 1902, 47 относитъ къ 1632 году рожденіе de l'idée rudimentaire encore de la neutralité de la Belgique; объ этомъ ниже спеціальный экскурсъ. — О глубокихъ историческихъ корняхъ, которые приписываютъ Швейцарскому нейтралитету, см. выше § 6.—Morand, ibid., 528 ss., а за нимъ Nys, Notes sur la neutralité въ Revue de droit international, II-e série, t. II, 1900, 586 s. указали на ст. 10 Аміенскаго договора, въ которой опредѣлялось положеніе о. Мальты формулой, аналогичной формуламъ 1815, 1831, 1867, 1885 гг. Не отрицая основательности этого указанія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ присоединяемся къ словамъ Morand: cette première tentative n'a... pas abouti; aussi ne faut il pas s'étonner du peu d'importance que l'on semble y avoir attaché en Europe, ni de la rapidité avec laquelle le souvenir s'en est effacé. Можно было бы помимо того: сослаться на нѣкоторые документы 1803 года, приведенные въ текстѣ, въ коихъ высказывается мысль объ обезпеченіи нейтралитета ряда европейскихъ государствъ, затѣмъ привести ст. V русско-французскаго договора 1801 г., гдѣ говорилось, что le Royaume de Naples sera considéré comme Puissance neutre et jouira de tous les bénéfices de la neutralité après que le sort de l'Egypte sera décidé... (Мартенсъ, XIII, 267), припомнить, наконецъ, что въ 1814 году «суверенный орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго», ходатайствуя о возстановленіи его территоріальныхъ правъ, говорилъ о «neutralité constitutionnelle de l'Ordre envers tous les chrétiens» (Klüber, Acten des Wiener Congresses,

Digitized by Google

жить всѣ усилія къ тому, чтобы по возможности точно описать его внутренній составъ, его достоинства и недостатки. Воспользуемся же изложенными на предшествующихъ страницахъ историческими данными и постараемся съ помощью ихъ выяснить юридическое содержаніе Акта Признанія и Гарантіи.

Несмотря на то, что участники составленія акта повидимому остались совершенно довольны своей редакціей и выслушали по этому поводу рядъ комплиментовъ отъ товарищей, [75]) едва ли будетъ большою строгостью признать, что она сбивчива и многословна. Правовое содержаніе ряда строкъ, посвященныхъ провозглашенію нейтралитета, сводится къ тремъ основнымъ положеніямъ. Во-первыхъ, державы признаютъ постоянный нейтралитетъ Швейцаріи, во-вторыхъ, онѣ гарантируютъ неприкосновенность ея территоріи въ тѣхъ предѣлахъ, которые даны были Союзу Вѣнскимъ и Парижскимъ договорами, въ-третьихъ, онѣ признаютъ, что нейтралитетъ и неприкосновенность Швейцаріи и ея независимость отъ всякаго иностраннаго вліянія лежатъ въ общихъ

I, 85 ff.). Едва ли однако слѣдуетъ придавать серьезное значеніе всѣмъ этимъ фактамъ для исторіи и теоріи постоянно-нейтральныхъ; эти единичныя явленія не оставили никакого слѣда и стоятъ внѣ связи съ процессомъ, благодаря коему сложился изучаемый нами институтъ. Только послѣ декларацiи 20 Марта и 20 Ноября 1815 года родится эта своеобразная личная характеристика государствъ, какъ сознательная, принципіальная и самостоятельная формула.

[75]) Cette rédaction me semble de nature à répondre à toutes les craintes et à satisfaire à tous les voeux raisonnables; Schlussbericht des Herrn Pictet, vom 27 Wintermonat (November) 1815; Abschied der am 1. Heumonat 1816 in Zürich zusammengetretenen und am 4. Herbstmonat gleichen Jahres geschlossenen ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung, Zweite Ausgabe, (1847), Anhang Litt. H, 6. (это собраніе протоколовъ Сейма, печатавшееся какъ рукопись, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, рѣдко въ библіотекахъ даже Швейцаріи. Мы пользовались коллекціей Цюрихской Stadtbibliothek). Cf. Pictet an Wyss, 5 und 6 November 1815; Wyss, II, 324; Pictet à Turettini, начало ноября; Pictet, 317.

Digitized by Google

политическихъ интересахъ Европы. Попытаемся дать анализъ значенія и взаимной связи этихъ положеній.

Основное изъ нихъ—«признаніе постояннаго нейтралитета» Швейцаріи. Что разумѣется подъ словами «постоянный нейтралитетъ» актъ не говоритъ: для составителей значеніе этихъ словъ было совершенно ясно: они хорошо знали исторію акта; къ какой же догматической формулѣ сводятся результаты этой исторіи?

Какъ ни странно звучатъ эти слова, но для людей 1815 года «постоянный нейтралитетъ» есть, быть можетъ, прежде всего право Швейцаріи на нейтралитетъ.

Нарушивъ послѣдній въ 1813 году, заставивъ Швейцарію принять участіе въ войнѣ и сославшись на то, что зависимая Швейцарія не имѣетъ права на иное поведеніе, державы въ видѣ вознагражденія обѣщали ей возстановленіе независимости и, какъ послѣдствіе независимости, право на нейтралитетъ. Въ документахъ 1813 года, приведенныхъ въ текстѣ, эта формула встрѣчается постоянно (интересно, что она господствуетъ равнымъ образомъ и въ русскихъ текстахъ 1803 года, относящихся къ плану общаго умиротворенія, предложенному тогда Александромъ I). «Право на нейтралитетъ» не совсѣмъ понятно съ современной точки зрѣнія; оно принадлежитъ всякому независимому государству, и спеціальный актъ для его установленія представляется безсодержательнымъ. А между тѣмъ для современниковъ и въ частности для того поколѣнія въ Швейцаріи, которое было свидѣтелемъ возникновенія декларації 20 ноября, смыслъ послѣдней прежде всего сводился къ провозглашенію права быть нейтральнымъ [76]).

Если ближе взглянуть на дѣло, то быть можетъ, за этой

[76]) Циркулярная нота по поводу грозившей послѣ іюльской революціи европейской войны отъ 5 января 1831 года: le droit de la Suisse reconnu par des traités formels est de garder invariablement sa neutralité; Abschied der vom 23. Christmonat 1830 bis zum 7 Mai 1831 versammelt gewesenen ausserordentlichen eidgenössischen Tagsatzung, 8 f.

Digitized by Google

на первый взглядъ безсодержательной формулой кроется опредѣленное юридическое содержаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что, подписавъ Актъ Признанія и Гарантіи, европейскія государства взяли на себя извѣстныя по отношенію къ Швейцаріи обязательства. Эти обязательства заключаются въ томъ, что ни при какихъ условіяхъ они не должны нарушать нейтралитетъ Союза; въ этомъ первое изъ двухъ основныхъ послѣдствій понятія постоянный нейтралитетъ. Ко второму мы перейдемъ нѣсколько ниже, а пока мы должны взвѣсить, что̀, съ точки зрѣнія именно обязанностей державъ, юридически значитъ включеніе признака постоянства въ опредѣленіе Швейцарскаго нейтралитета. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, оно влечетъ за собою безусловность запрета, наложеннаго на контрагентовъ. Иного смысла это слово имѣть не можетъ; оно принято, конечно, не въ видахъ обезпеченія фактическаго бытія отношенія на вѣчныя времена, а для выраженія той мысли, что исключаются въ данномъ случаѣ тѣ условія, при которыхъ обыкновенно дозволено нарушеніе однимъ государствомъ нейтралитета другого. Запретъ нарушенія нейтралитета существуетъ въ общемъ порядкѣ только пока съ нейтральнымъ не воюютъ; какъ только нейтральному объявлена война, объ обязанности уважать нейтралитетъ больше нѣтъ и рѣчи. Условность запрета устраняется въ тѣхъ случаяхъ, когда признанъ постоянный нейтралитетъ государства; ему нельзя объявить войны, и именно въ этомъ смыслѣ его нейтралитетъ постояненъ. Итакъ, первая часть созданной Актомъ Признанія и Гарантіи системы правоотношеній заключается въ томъ, что на государствахъ, подписавшихъ этотъ актъ, лежитъ безусловная обязанность уважать Швейцарскій нейтралитетъ, т.-е. безусловный запретъ войны противъ Союза. Право Швейцаріи на нейтралитетъ разумѣетъ именно то притязаніе ея, которое соотвѣтствуетъ этой обязанности державъ, являясь требованіемъ, чтобы съ ней не воевали.

Этимъ не исчерпывается однако содержаніе юридиче-

Digitized by Google

скихъ связей, установленныхъ признаніемъ постояннаго нейтралитета Швейцаріи. Декларація 20 ноября вытекаетъ изъ настойчиваго стремленія, проявленнаго союзомъ сохранить нейтральное положеніе въ войнѣ съ Наполеономъ: державы приняли къ свѣдѣнію это желаніе, нашли его вообще законнымъ и сказали Союзу, что впредь его положеніе среди другихъ державъ будетъ опредѣляться началомъ «постояннаго нейтралитета». Санкціонируя навсегда этотъ принципъ, державы такимъ образомъ создали для Швейцаріи постоянную, т.-е. безусловную обязанность быть нейтральною и прежде всего обязанность не участвовать въ войнахъ между другими государствами. Этой обязанности соотвѣтствуетъ право другихъ державъ требовать, чтобы Швейцарія воздерживалась отъ участія въ войнахъ между ними. Обязанность не принимать участія въ чужихъ войнахъ не есть еще, строго говоря, обязанность отказаться вообще отъ войны, такъ какъ мыслимъ, конечно, еще и случай объявленія Швейцаріей войны другому государству, ни съ кѣмъ въ это время не воюющему, или объявленія этимъ государствомъ войны Швейцаріи. Послѣднее, мы сказали, подверглось запрету; но наложенъ ли соотвѣтствующій запретъ на Швейцарію, вытекаетъ ли изъ Акта Признанія и Гарантіи обязанность только не участія въ войнахъ между третьими, или вообще не веденія войны? Врядъ ли люди, создавшіе актъ 20 ноября, особенно задумывались надъ такой дилеммой; историческіе документы свидѣтельствуютъ, что центръ интересовъ лежалъ именно въ томъ, чтобы навсегда элиминировать Швейцарію въ качествѣ союзницы Франціи или какой-либо иной державы. Какъ активный дѣятель европейской политики, Швейцарія давно уже не существовала и устранять перспективу самостоятельныхъ военныхъ предпріятій съ ея стороны не могло приходить въ голову. Но именно потому, что мирная политика союза кажется чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ, державы безсознательно произносятъ формулу, которая имѣетъ въ виду обѣ стороны дѣла. Признавая и гарантируя «постоянный нейтралитетъ» Швейцаріи, онѣ го-

Digitized by Google

ворятъ тѣмъ самымъ, что Союзъ—«постоянно нейтральное государство» и создаютъ, не произнося этихъ послѣднихъ словъ, характеристику, которая вызываетъ представленіе о государствѣ, никогда не воюющемъ; такимъ путемъ совершенно отчетливо намѣчается то положеніе о безусловности запрета войны для Союза, которое кажется намъ теперь безспорнымъ.

Говоря, что только что указанное положеніе нельзя непосредственнно обосновать ссылками на тексты, касающіеся исторіи возникновенія акта 1815 года, и что онъ лишь косвенно вытекаетъ изъ самаго термина «постоянный нейтралитетъ», мы отнюдь не утверждаемъ еще, что этотъ выводъ не сознавался въ тотъ моментъ, когда составлялась окончательная редакція декларації 20 ноября. Напротивъ того, въ текстѣ ея есть указаніе, что выводъ этотъ былъ сдѣланъ. Если сравнить Вѣнскую декларацію съ декларацією Парижской, то видно, что въ послѣдней появляется положеніе о гарантіи территоріальной неприкосновенности Швейцаріи, котораго не было въ первой и которое, по тексту декларації 20 ноября, является послѣдствіемъ постояннаго нейтралитета. Гарантировать территоріальную неприкосновенность Швейцаріи значитъ признать, что Швейцарская территорія никогда не должна служить объектомъ военныхъ дѣйствій; признать это безусловно можно лишь, если предварительно признать запрещенными всѣ случаи войны между Швейцаріей и другими государствами, т.-е. не только въ формѣ участія Швейцаріи въ чужой войнѣ, но и въ формѣ самостоятельной войны Швейцаріи противъ всякаго другого государства, ибо безусловная гарантія территоріальной неприкосновенности есть послѣдовательный выводъ изъ признанія нейтралитета только тогда, когда сознается запретъ всякой войны для постоянно нейтральнаго.

Признаніе постояннаго нейтралитета Швейцаріи дополняется и развивается двумя положеніями: во-первыхъ, тою гарантіею территоріальной неприкосновенности, которой мы только-что коснулись, и, во-вторыхъ, признаніемъ независи-

Digitized by Google

мости отъ всякаго иностраннаго вліянія. Понятіе гарантіи появилось, мы знаемъ, въ Вѣнской декларації, гдѣ оно отнесено было къ слову нейтралитетъ: говорилось о гарантіи нейтралитета. Въ Парижской декларації гарантія нейтралитета оказалась замѣненной гарантіей территоріальной неприкосновенности. Однимъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи швейцарскаго нейтралитета—Schweizer'омъ—сдѣлана была попытка построить на основаніи этого различія между двумя декларациями цѣлую теорію о томъ, что швейцарскій постоянный нейтралитетъ, въ отличіе отъ постояннаго нейтралитета другихъ государствъ, не гарантированъ [77]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, на сколько по существу дѣла велика разница между «признаніемъ и гарантіей постояннаго нейтралитета» и простымъ его «признаніемъ», мы не можемъ, однако, обойти молчаніемъ этой, по нашему мнѣнію, едва ли правильной точки зрѣнія. Что значитъ гарантировать постоянный нейтралитетъ? Это значитъ возложить на государства, взявшія на себя гарантію, обязанность тѣми или другими мѣрами (вопросъ объ этихъ мѣрахъ остается открытымъ) не допускать нарушенія этой правовой нормы. Въ чемъ выражается подобное нарушеніе? Можно отвлеченно построить много примѣровъ его; можно представить себѣ такой случай, что другое государство заставляетъ Швейцарію мѣрами не военнаго принужденія вступить въ наступательный союзъ съ собою, или что

[77]) Schweizer, 595 ff. Онъ идетъ даже дальше, утверждая, что территоріальная гарантія касается лишь тѣхъ частей Швейцаріи, которыя перешли къ ней по Вѣнскому и Парижскому договорамъ: нѣтъ ни малѣйшаго основанія давать такой узкій смыслъ словамъ garantissent l'intégrité et l'inviolabilité de son territoire dans ses nouvelles limites. — Разсужденія Schweizer'а покоятся главнымъ образомъ на томъ, что о гарантіи нейтралитета въ теченіе предшествующихъ переговоровъ говорится только въ Вѣнской декларації, что слѣдовательно этотъ терминъ есть случайность редакціи этой декларації, которая и была исправлена на Парижскомъ конгрессѣ; сила такого аргумента, конечно, не велика. Всѣ другія разсужденія автора о неясности вообще понятія гарантіи, о несовмѣстности гарантіи съ независимостью государства и т. д., даже если бы они были основательны, что̀ не всегда такъ, къ дѣлу не относятся.

Digitized by Google

нибудь въ этомъ родѣ, но основной и практически единственно мыслимый случай нарушенія постояннаго нейтралитета есть военное вторженіе другого государства въ предѣлы территоріи нейтральнаго. Поэтому то, гарантируя территоріальную неприкосновенность Швейцаріи державы гарантируютъ ее отъ единственно практически мыслимаго случая нарушенія нейтралитета, и можно сказать, что гарантія постояннаго нейтралитета практически то же самое, что гарантія территоріальной неприкосновенности. Въ виду этого едва ли будетъ правильнымъ придавать особое значеніе тому, что въ текстѣ акта 20 ноября не говорится о гарантіи нейтралитета, а лишь о гарантіи территоріальной неприкосновенности.

Къ тому же въ актѣ находятся несомнѣнныя доказательства, что авторы ея отнюдь не придавали того значенія измѣненію редакціи Парижской деклараціи сравнительно съ деклараціей Вѣнской, которое придаетъ ему Schweizer. Первое доказательство заключается въ томъ, что актъ именуется въ заглавіи актомъ признанія и гарантіи постояннаго нейтралитета; второе доказательство въ той фразѣ, которой устанавливается нейтралитетъ части Савойи: les Puissances reconnaissent et garantissent également la neutralité....; слово «également» свидѣтельствуетъ, что и относительно Швейцаріи эта гарантія имѣлась въ виду.

Не придавая того значенія различію редакцій 20 марта и 20 ноября, которое придаетъ ему Schweizer, мы можемъ, однако, спросить себя, отчего оно возникло. Въ отвѣтъ можно высказать лишь предположеніе: редакція акта носитъ въ ея цѣломъ характеръ «исторической справки»; если оставить двѣ-три фразы чисто правового содержанія, актъ является простымъ изложеніемъ предшествующихъ переговоровъ по Швейцарскому вопросу; естественно при этихъ условіяхъ, что авторъ пользуется тѣми фразами, которыя ему подсказываетъ исторія; исторія говоритъ ему о томъ, что слѣдуетъ по возможности предупредить повтореніе вторженія союзниковъ въ Швейцарію, и онъ заноситъ гарантію территоріальной неприкосновенности вмѣсто, быть можетъ,

Digitized by Google

болѣе общей, но во всякомъ случаѣ менѣе опредѣленной гарантіи постояннаго нейтралитета.

Вторымъ дополненіемъ признанія постояннаго нейтралитета является аутентическое признаніе, что нейтралитетъ, территоріальная неприкосновенность и независимость отъ всякаго иностраннаго вліянія лежатъ въ истинныхъ интересахъ политики цѣлой Европы. Если бы въ данномъ случаѣ говорилось лишь о нейтралитетѣ и территоріальной неприкосновенности, то мы были бы вправѣ не останавливаться на этомъ положеніи, такъ какъ оно ничего не прибавило бы къ ранѣе сказанному. Но тутъ отмѣчается новый моментъ—независимость отъ всякаго иностраннаго вліянія. Имѣетъ ли эта фраза какое либо правовое содержаніе или она провозглашаетъ лишь политическій принципъ и носитъ характеръ благопожеланія? Если смотрѣть на нее внѣ связи съ остальнымъ текстомъ, то приходится рѣшить этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ. Но если принять во вниманіе общую неточность и шаткость редакціи акта 20 ноября, то всякій юридическій ригоризмъ покажется неумѣстнымъ. Эта неточность и шаткость выражаются уже въ словѣ «признаніе» примѣнительно къ установленію постояннаго нейтралитета Швейцаріи: слово «признаніе» (reconnaissance) въ точномъ смыслѣ выражаетъ актъ узаконенія въ международномъ порядкѣ извѣстнаго существующаго факта (такъ, признаніе новаго государства, признаніе новаго правительства и т. д.). Въ данномъ случаѣ, наличнаго факта «постояннаго нейтралитета» нѣтъ, напротивъ того, актъ исторически возникаетъ именно потому, что постояннаго нейтралитета нѣтъ налицо, но творцы акта хотятъ, чтобы онъ возникъ. Признаніе здѣсь является актомъ творчества, и слова «постоянный нейтралитетъ признается» значатъ: «отнынѣ дѣлается обязательнымъ постоянный нейтралитетъ». Не болѣе точнымъ является и приведенное положеніе, признающее, что независимость отъ иностраннаго вліянія лежитъ въ интересахъ Европы. Слово «признаніе» въ данномъ случаѣ выражаетъ то же, что оно выражало въ другихъ частяхъ акта, и придаетъ положенію

Digitized by Google

несомнѣнный характеръ обязательности: политическій принципъ, который можетъ казаться простымъ пожеланіемъ, пріобрѣтаетъ въ общей связи текста смыслъ обязательной юридической нормы.

Если это положеніе имѣетъ правовое содержаніе, то въ чемъ оно заключается и какова связь его съ поставленными рядомъ признаніемъ нейтралитета и гарантіей территоріальной неприкосновенности? Нѣтъ сомнѣнія, что составитель акта 20 ноября почерпаетъ его изъ исторіи предшествующихъ акту двухъ лѣтъ. Оно является простымъ парафразомъ аргументаціи, которой оправдывалась невозможность признать нейтралитетъ Швейцаріи, пока она зависѣла отъ Наполеона (die Schweiz ist nicht neutral, weil sie nicht independent ist [78]). Положеніе о независимости отъ иностраннаго вліянія исторически является условіемъ признанія нейтралитета. Можно было бы предположить поэтому, что содержаніе указанной части декларації 20 ноября сводится къ слѣдующему положенію: постоянный нейтралитетъ Швейцаріи существуетъ лишь подъ условіемъ полной независимости этого государства; какъ только зависимость возникаетъ, Актъ Признанія и Гарантіи перестаетъ дѣйствовать. Между тѣмъ, по тексту акта, независимость отъ иностраннаго вліянія скорѣе послѣдствіе постояннаго нейтралитета, нежели его условіе, и, опираясь на декларацію 20 ноября, трудно было бы обосновать положеніе о томъ, что постоянный нейтралитетъ существуетъ подъ условіемъ независимости Швейцаріи. Такое положеніе отвѣчало бы, конечно, существу дѣла: государство, ограниченное одностороннимъ правовымъ воздѣйствіемъ извнѣ, не можетъ соблюдать ту объективность, которую требуетъ нейтральная въ истинномъ смыслѣ политика.

Указаніе, которое даетъ декларація, несмотря на свою неточность и незаконченность, все же не лишено значенія. Къ краткой характеристикѣ международноправового положенія Швейцаріи, которую даетъ Актъ Признанія и Гарантіи

[78]) Слова Metternichs Vortrag an Kaiser Franz, цитир. въ прим. 38.

Digitized by Google

и которая сводится къ двумъ словамъ «постоянный нейтралитетъ», оно прибавляетъ намекъ на то, что подобная характеристика должна быть въ цѣломъ рядѣ отношеній дополнена и что провозглашеніе нейтралитета влечетъ за собой цѣлый рядъ своеобразныхъ юридическихъ послѣдствій. Мы увидимъ ниже, какъ жизнь и международная практика дополнили и развили декларацію 20 ноября, какъ внутри созданной этимъ актомъ характеристики впослѣдствіи обрисовалась сложная система правоотношеній, какъ сложился въ деталяхъ своихъ институтъ, который мы знаемъ теперь. Изучая дальнѣйшіе фазисы развитія постояннаго нейтралитета государствъ, мы встрѣтимся еще съ тѣмъ моментомъ, который только-что отмѣченъ нами въ декларації 1815 года, и узнаемъ, что тезисъ о «независимости отъ всякаго иностраннаго вліянія», какъ условіи постояннаго нейтралитета, съигралъ въ немъ не лишенную значенія роль.

Въ результатѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній относительно Акта Признанія и Гарантіи мы можемъ сказать, что этимъ актомъ установлена совокупность слѣдующихъ правоотношеній: Швейцарія имѣетъ право и обязана не участвовать въ войнахъ между другими государствами; Швейцарія лишена права сама воевать съ другой державой и всякая другая держава лишена права воевать съ нею; государства, подписавшія актъ, санкціонируютъ постоянный нейтралитетъ въ формѣ гарантіи территоріальной ея неприкосновенности; намѣчается положеніе, что нейтралитетъ обусловленъ независимостью Швейцаріи отъ всякаго посторонняго вліянія.

8. Только что сказаннымъ можно было бы закончить разборъ декларації 20 ноября 1815 года: сдѣлавъ сначала попытку объяснить тотъ историческій путь, который привелъ къ постановкѣ «швейцарскаго вопроса» и къ рѣшенію его посредствомъ созданія особаго для Союза международноправового положенія, мы постарались затѣмъ выяснить содержаніе, которое Актъ Признанія и Гарантіи вложилъ въ появляющееся впервые въ исторіи международнаго права понятіе постоянно нейтральное государство.

Digitized by Google

На этомъ однако невозможно остановиться, ибо Актъ Признанія ставилъ еще одинъ любопытный вопросъ, а именно, какова формальная его природа, т.-е. къ какому разряду источниковъ международнаго права онъ относится и почему онъ обязателенъ для Швейцаріи, его не подписавшей.

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо добавить къ предшествующему изложенію нѣкоторыя историческія данныя. Вѣнская декларація 20 марта подписана была, какъ сказано, восемью государствами (кромѣ пяти великихъ державъ: Испанія, Португалія и Швеція); Парижская была вручена Швейцарскому уполномоченному на конгрессѣ лишь съ пятью подписями представителей великихъ державъ. Получивъ ее, швейцарскій сеймъ 1816 года принялъ внесенное представителями кантона Ааргау предложеніе обратиться къ Испаніи, Португаліи и Швеціи, какъ къ державамъ, подписавшимъ Вѣнскій договоръ, съ просьбой, чтобы онѣ равнымъ образомъ приняли участіе въ признаніи швейцарскаго постояннаго нейтралитета и дали о томъ торжественную оффиціальную декларацію [79]). Согласно просьбѣ швейцарскаго правительства въ теченіе ближайшихъ лѣтъ указанныя три государства передали Союзу за своей подписью тождественныя съ актомъ 20 ноября деклараціи [79a]). Мы можемъ поэтому считать, что актъ 20 ноября подписанъ, подобно акту 20 марта, восемью державами.

Совершенно понятно, каково значеніе деклараціи для державъ, подписи которыхъ стоятъ подъ нею: актъ 20 ноября обязателенъ для нихъ какъ результатъ взаимнаго ихъ соглашенія, обязателенъ какъ всякій другой международный договоръ, какое бы наименованіе онъ ни носилъ.

Десятокъ лѣтъ тому назадъ мы могли бы удовольствоваться такимъ опредѣленіемъ. Но за послѣднее время въ лите-

---

[79]) 17 іюля 1816 года; Abschied 1816, 94.

[79a]) Швеція и Испанія въ 1817 г., Португалія въ 1818; Abschied der am 7. Heumonat 1817 in Bern zusammengetretenen und am 5. Herbstmonat gleichen Jahres geschlossenen eidgenössischen Tagsatzung, 2-e Ausgabe, 1847, 121 ff.

Digitized by Google

ратурѣ понятіе международнаго договора подверглось весьма существенной дифференціаціи. Съ разныхъ сторонъ сдѣланы были попытки внутри этого понятія провести грань между обыкновенными договорами и особой ихъ формой, называемой въ нѣмецкой терминологіи «Vereinbarungen», «соглашеніями» [80]). Двоякаго рода соображенія обусловили изобрѣтеніе этой группировки; они весьма несходны по своему содержанію и совпадаютъ лишь въ своихъ результатахъ. Съ одной стороны, германскій ученый міръ встрѣтился съ такой задачей: какъ извѣстно, сѣверо-германскій союзъ 1867 года возникъ путемъ сначала договоровъ между правительствами сѣверо-германскихъ государствъ о выработкѣ, совмѣстно съ имѣющимъ собраться общимъ парламентомъ, союзной конституціи, а затѣмъ установленія, по соглашенію между этими правительствами и парламентомъ, текста самой конституціи, которая и опубликована была Прусскимъ королемъ въ первомъ номерѣ Bundes-Gesetzblatt des Norddeutschen Bundes [81]). Оспаривая дѣйствительно не отвѣчающій существу историческаго процесса взглядъ, по которому источникомъ обязательности конституціи 1867 г. является международный договоръ, выдающійся нѣмецкій юристъ (Binding) пришелъ къ той мысли, что въ данномъ случаѣ нельзя говорить о договорѣ въ обычномъ смыслѣ этого слова, а что тутъ налицо какая-то особенная форма его; эту особую форму онъ назвалъ Vereinbarung, указавъ, что ея отличіе отъ договора сводится къ тому, что послѣдній представляетъ сдѣлку, которая возникаетъ въ силу двухъ исходящихъ отъ разныхъ субъектовъ, преслѣдующихъ одну цѣль и взаимно другъ друга дополняющихъ воль разнаго

---

[80]) Русское слово не совсѣмъ отвѣчаетъ содержанію понятія, но, повидимому, трудно найти совершенно точное выраженіе для перевода слова Vereinbarung въ его новѣйшемъ специфическомъ значеніи.

[81]) См. въ издаваемыхъ Binding, Deutsche Staatsgrundgesetze, Heft I, Leipzig, 1901, 66 ff. Подробности у Laband, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, 3-e Auflage, Freibung i. B. und Leipzig, 1895, I, 8—33 и Georg Meyer, 154—167.

Digitized by Google

содержанія, между тѣмъ какъ «соглашеніе», «Vereinbarung», представляетъ объединеніе нѣсколькихъ по содержанію одинаковыхъ воль, единственное средство для выраженія единой общей воли: договоръ можетъ быть уничтоженъ волей контрагентовъ, «соглашеніе», напротивъ того, даетъ выраженіе единой общей волѣ, отказаться отъ которой невозможно; сѣверо-германская конституція результатъ «соглашенія» воль правительствъ и рейхстага, а не договора, и въ этомъ—объясненіе возникновенія изъ германскихъ государствъ единаго союзнаго государства, существованіе котораго не зависитъ уже отъ воли суммы отдѣльныхъ членовъ [82]). Формулой, построенной для объясненія нѣмецкихъ государственноправовыхъ явленій, воспользовались затѣмъ въ совсѣмъ иныхъ видахъ. Второй рядъ соображеній, обезпечившій успѣхъ понятія «соглашенія» какъ особой формы международныхъ актовъ, имѣлъ своимъ источникомъ издавна ощущавшуюся потребность объяснить возможность рожденія объективнаго права въ международной правовой системѣ. Уже Bergbohm въ серединѣ 70-хъ годовъ пытался установить различіе между договорами-сдѣлками и договорами, содержаніемъ коихъ является установленіе объективныхъ нормъ [83]); развивая усвоенную въ дальнѣйшей литературѣ точку зрѣнія Bergbohm'a и въ поискахъ доказательства возможности объективнаго международнаго права, въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія Triepel пришелъ къ той мысли, что ключъ къ построенію этого доказательства лежитъ именно въ Binding'омъ изо-

---

[82]) Binding, Die Gründung des Norddeutschen Bundes, Leipzig, 1889, 69 ff.

[83]) Bergbohm, Staatsverträge und Gesetze, als Quellen des Völkerrechts, Dorpat, 1877, 79 ff. Въ томъ же смыслѣ Jellinek, Die rechtliche Natur der Staatenverträge, Wien, 1880, 65 f.; Мартенсъ, Современное международное право, I, изд. 3-е, С.-Петербургъ, 1895, 189; Holtzendorff, Die Quellen des Völkerrechts въ Holtzendorff, Handbuch, I, 97 f. и т. д. Обстоятельныя цитаты даетъ Triepel, Völkerrecht und Landesrecht, Leipzig, 1899. 48, n. 1.

Digitized by Google

брѣтенномъ понятіи «соглашенія». Пользуясь этимъ понятіемъ, онъ построилъ совершенно новую теорію источниковъ международнаго права, сущность которой заключается въ слѣдующемъ: объективное право происходитъ путемъ изъявленія воли о томъ.. что то или другое положеніе должно быть правомъ; содержаніе такой воли есть объективное право. Дабы изъявленіе воли, содержащей объективную норму, могло быть правомъ международнымъ, не достаточно наличности воли одного государства, а необходимо единство воли нѣсколькихъ государствъ, ихъ общая воля. Каково средство создать эту общую волю или, что то же самое, каковы источники объективнаго международнаго права? Говорятъ о договорѣ, какъ такомъ источникѣ, это невѣрно— и тутъ Triepel переходитъ на линію разсужденій Binding'а— договоръ не есть объявленіе, что то или другое положеніе должно быть правомъ, не есть единая по содержанію своему воля, а есть, напротивъ того, соединеніе двухъ или нѣсколькихъ воль, совершенно разныхъ по своему содержанію. Поэтому договоръ не можетъ служить источникомъ международнаго права, предполагающимъ изъявленіе единой по содержанію общей воли государствъ. Такое изъявленіе даетъ особая форма договоровъ—«соглашенія», представляющія именно выраженіе единой воли нѣсколькихъ государствъ. «Соглашеніе» и служитъ источникомъ международнаго объективнаго права. Въ соглашеніи содержаніе воли каждаго отдѣльнаго контрагента тождественно; для каждаго вытекаютъ совершенно одинаковыя обязанности и права; результатъ соглашенія одинъ и тотъ же для всѣхъ участниковъ его и отвѣчаетъ одинаковымъ ихъ интересамъ [84]).

Обращаясь къ оцѣнкѣ теоріи «соглашенія» въ ея окон-

---

[84]) Triepel, 27 ff. Уже ранѣе того, Jellinek, System der subjectiven öffentlichen Rechte, Freiburg i. B., 1892, 195 ff. указалъ, что выработанное Binding'омъ понятіе Vereinbarung должно играть видную роль въ теоріи международнаго права и сдѣлалъ въ этомъ направленіи нѣсколько интересныхъ замѣчаній; обоснованіе теоріи принадлежитъ однако Triepel'ю.

Digitized by Google

чательной формулировкѣ, мы не можемъ не признать за ней въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ извѣстной цѣнности. Нѣтъ сомнѣнія, что грань между договорами въ собственномъ смыслѣ и договорами—«соглашеніями» имѣетъ значеніе, и провести разницу между соединеніемъ по содержанію одинаковыхъ воль и воль по содержанію своему различныхъ необходимо. Въ Актѣ Признанія и Гарантіи мы имѣемъ безъ сомнѣнія примѣръ такого изъявленія воли государствъ, единой по своему содержанію, и въ этомъ отношеніи можно говорить о декларации 20 ноября, какъ о «соглашеніи». Но было бы ошибочно думать, что установленное Triepel-емъ понятіе годно для построенія формальной классификаціи источниковъ международныхъ правъ и обязанностей, и считать, что договоръ въ собственномъ смыслѣ не создаетъ объективнаго права, а «соглашеніе» служитъ источникомъ этого послѣдняго. Первоначальная ткань каждой системы права слагается изъ правъ субъективныхъ, возникающихъ путемъ примѣненія къ отдѣльнымъ случаямъ не абстрактно формулированныхъ нормъ, а прямо творимыхъ контрагентами для опредѣленія взаимнаго своего положенія; при этомъ вовсе не требуется, чтобы содержаніе этихъ субъективныхъ обязанностей и правъ, возникающихъ договорнымъ путемъ, было для каждой стороны равное, какъ то полагаетъ Triepel, а, напротивъ того, легко можетъ случиться, что содержаніе ихъ будетъ совершенно одинаковымъ; изъ этого послѣдняго обстоятельства, конечно, не будетъ слѣдовать еще, что возникло объективное право; для того, чтобы послѣднее было на лицо, требуется нѣчто бо́льшее: формальное обособленіе правотворящихъ органовъ отъ носителей правъ и обязанностей. Вотъ этого-то мы и не находимъ въ «соглашеніяхъ» Binding'a и Triepel'я; носители правъ и обязанностей сами творятъ, правда одинаковыя, но все же свои и для себя, права и обязанности; ничего «объективнаго» въ «соглашеніяхъ» усмотрѣть поэтому мы не въ состояніи.

Примѣняя теорію «соглашенія», которой суждено, повидимому, имѣть успѣхъ въ германской наукѣ, къ деклара-

Digitized by Google

ціи 20 ноября 1815 года, мы можемъ провѣрить ея основательность. Если взять Актъ Признанія и Гарантіи внѣ историческихъ условій, которыя его породили, то мы увидимъ, что для государствъ, его подписавшихъ, возникаютъ извѣстныя субъективныя права и обязанности, по содержанію своему одинаковыя; слѣдуетъ ли отсюда, что создана норма объективнаго права? Едва ли такой выводъ будетъ правильнымъ; чтобы обосновать его, необходимо было бы доказать, что права и обязанности контрагентовъ имѣютъ какой то объективный источникъ, отличный отъ воли восьми державъ: различить въ этой волѣ—волю, творящую объективное право, отъ воли, творящей одновременно возникающія права субъективныя—взявъ чисто случайный въ этомъ отношеніи признакъ, какимъ нельзя не признать общность или различіе содержанія правъ,—было бы игрой словъ и ничего не говорящей subtilitas.

Въ формальной сторонѣ Акта Признанія и Гарантіи скрывается совсѣмъ иной вопросъ, какъ-будто на первый взглядъ имѣющій нѣкоторое сходство съ только что разрѣшеннымъ, но въ дѣйствительности съ нимъ ничѣмъ не связанный. Въ догматическомъ анализѣ акта указано было, что созданный имъ узелъ правоотношеній состоитъ между прочимъ изъ правъ и обязанностей Швейцаріи; говоря это, мы тѣмъ самымъ предрѣшили, что декларація 20 ноября обязательна для Швейцаріи, хотя, какъ мы знаемъ, послѣдняя ее не подписала и никакимъ формальнымъ актомъ не замѣнила этого отсутствія своей подписи. Что отсюда слѣдуетъ? Обязываетъ ли Швейцарію декларація 20 ноября 1815 года и если да, то гдѣ источникъ этой обязательности. На это можно дать двоякій отвѣтъ. Можно предположить, во-первыхъ, что нейтралитетъ все же покоится на договорномъ соглашеніи, что элементы этого соглашенія лежатъ въ предшествующихъ акту 20 ноября переговорахъ и соглашеніе состояло изъ раздѣленныхъ во времени волеизъявленій Швейцаріи, съ одной стороны, и Державъ, съ другой, причемъ декларація 20 ноября окончательное волеизъявленіе

Digitized by Google

одного изъ контрагентовъ. Можно, во-вторыхъ, отрицать этотъ договорный характеръ и все же признавать обязательную для Швейцаріи силу декларації, видя въ волѣ восьми державъ особый авторитетный источникъ правовыхъ нормъ, способный обязать всякаго третьяго. Конечно, отрицая договорный источникъ обязательности для Швейцаріи акта нейтралитета, легко придти и къ обратному выводу: существуетъ мнѣніе, по которому актъ обязателенъ лишь для восьми державъ и не обязателенъ для Швейцаріи.

Совокупность этихъ сомнѣній, связанныхъ съ цѣлымъ рядомъ основныхъ проблемъ международнаго права, лишь частями и въ видѣ исключенія затрагивается въ литературѣ. Это заставляетъ отнестись къ нимъ съ особымъ вниманіемъ. Остановимся прежде всего на договорной теоріи [85]). Три правовыхъ момента въ исторіи акта могутъ быть отмѣчены въ доказательство существованія договорнаго отношенія. 20 марта Вѣнская декларація обѣщала признать нейтралитетъ, какъ только Швейцарія приметъ компромиссъ, 27 мая Швейцарія приняла компромиссъ и просила исполнить обѣщаніе, 20 ноября обѣщаніе было выполнено и актъ послѣдовалъ. Можно ли вывести отсюда, что между Швейцаріей и 8 державами за-

---

[85]) Собственно говоря, эта теорія никогда систематически не формулировалась въ литературѣ, но, въ связи съ другими вопросами, постоянно говорилось объ актѣ нейтралитета, какъ о договорѣ. Можно привести много примѣровъ; въ связи съ вопросомъ объ обязанностяхъ Швейцаріи во время мира: Snell, das verletzte Völkerrecht an der Eidgenossenschaft, Zürich, 1834, 9 ff.: ein solcher Friedensvertrag ist nun allerdings der Neutralitätsvertrag, welchen die Schweiz mit anderen Staaten abgeschlossen hat; Baumgartner, Minderheitsgutachten der Tagsatzungskommission über die Angelegenheit der Flüchtlinge, mit Bezugnahme auf die allgemeine Stellung der Schweiz zum Ausland, St. Gallen, 1836, 10 f.; въ связи съ вопросомъ о конституціонномъ пересмотрѣ въ Швейцаріи: въ нотахъ и инструкціяхъ Меттерниха, напр. Metternich an Colloredo Wien, 29 Dezember 1847; Aus Metternichs nachgelassenen Papieren, VII, Wien, 1883, 527, въ коллективной нотѣ 18 января 1848 года; Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1847, II. Theil, 186 ff.

Digitized by Google

ключенъ былъ путемъ обмѣна конгруентныхъ волеизъявленій договоръ о нейтралитетѣ? Несомнѣнно, что отношеніе, которое установлено было въ концѣ этого ряда актовъ, носило совсѣмъ иной характеръ; прежде всего не было налицо соотвѣтствующихъ другъ другу волеизъявленій: обѣщаніе, данное Швейцаріи, носило неопредѣленный характеръ и было исполнено въ иномъ видѣ, чѣмъ было дано; относительно окончательной формы акта 20 ноября мнѣніе Швейцаріи не было предварительно запрошено, и она была для Союза неожиданною. Актъ 20 ноября носитъ вполнѣ односторонній характеръ, въ текстѣ его мы не находимъ никакихъ слѣдовъ того, что онъ составлялъ результатъ соглашенія державъ съ Швейцаріей. Отмѣченные моменты съ правовой точки зрѣнія выражаются не въ рядѣ: офферта, акцептъ и договоръ, а въ рядѣ: обѣщаніе дара подъ условіемъ, выполненіе условія и даръ.

Отрицая договорный характеръ акта нейтралитета, мы, повидимому, должны тѣмъ самымъ признать, что актъ этотъ лишенъ для Швейцаріи всякой обязательной силы. Источникъ обязательности международной нормы для государства лежитъ въ его собственной волѣ, а въ данномъ случаѣ акта воли Швейцаріи недостаетъ. Этотъ выводъ, который кажется безспорнымъ какъ съ точки зрѣнія классической теоріи, такъ и съ точки зрѣнія новѣйшаго ученія о «соглашеніи», былъ сдѣланъ по отношенію къ Швейцарскому нейтралитету лишь въ серединѣ 90-хъ годовъ, Kaiser'омъ [86]), который смѣло заявилъ, что всеобщее убѣжденіе, будто декларація 20 ноября обязательна для Швейцаріи, вполнѣ ошибочно, что акты доказываютъ, что договора не было [87]), и что поэтому актъ признанія имѣетъ силу только для 8 державъ.

[86]) Kaiser, 12 ff.

[87]) Kaiser, 13 говоритъ: Formell ist ein Vertrag gar nicht vorhanden, sondern nur zwei einseitige Erklärungen, die allerdingst in Uebereinstimmung gebracht sind. Если бы такъ было на самомъ дѣлѣ, то можно было бы говорить о договорѣ. Въ текстѣ указано, что и этого «Uebereinstimmung» не было.

Digitized by Google

Отсюда дѣлается весьма логичный, съ точки зрѣнія Kaiser'a, выводъ, что Швейцарія «можетъ быть нейтральной, но можетъ и не быть; этотъ вопросъ она рѣшаетъ самостоятельно». Уже этотъ выводъ заставляетъ усомниться въ справедливости приведеннаго воззрѣнія. Едва ли, устанавливая права и обязанности Швейцаріи, государства, подписавшія актъ нейтралитета, могли думать, что онъ останется для Швейцаріи res intes alios acta, что Швейцарія во всякій данный моментъ вправѣ сказать: мнѣ нѣтъ дѣла до того, какъ вы опредѣляете мое международное положеніе.

Если бы былъ хоть малѣйшій поводъ думать о возможности такого оборота дѣла, то державы, конечно, потребовали бы отъ Швейцаріи формальнаго акта признанія обязательности для нея Парижской декларації. Этого сдѣлано не было, и обязательность не подлежала никакому сомнѣнію ни въ 1815 году, ни въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій. На чемъ же покоился авторитетный характеръ декларації? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ.

Что представляла собой совокупность восьми державъ, волею которыхъ создана была декларація 20 Ноября 1815 г.? Это—группа, выдѣленная на Вѣнскомъ конгрессѣ изъ общаго состава собравшихся на немъ державъ, для подписанія главнаго акта, кодифицировавшаго всѣ состоявшіяся на конгрессѣ частныя соглашенія. Смыслъ этой кодификаціи выраженъ былъ во вступленіи къ главному акту словами: «желая внести въ одинъ общій договоръ... частныя положенія... и утвердить оныя взаимными своими ратификаціями», т.-е. задачею своею конгрессъ поставилъ созданіе единаго международнаго кодекса, покоющагося на какомъ-то высшемъ сравнительно съ волею непосредственно заинтересованныхъ державъ авторитетѣ и охраняемаго этимъ высшимъ авторитетомъ. Такая широкая по своимъ размѣрамъ и честолюбивая задача описывалась конгрессомъ въ оффиціальномъ документѣ такъ: «предстояло создать вновь то, что двадцатью годами смуты было разрушено, выстроить политическое зданіе

Digitized by Google

изъ развалинъ, которыми покрыло Европу ужасное сотрясеніе, поднять государства, развалившіяся подъ тяжестью своихъ несчастій, но необходимыя въ европейской системѣ, дать другимъ справедливые размѣры, опредѣлить судьбу массы территорій, поглощенныхъ потокомъ колоссальнаго владычества и оставшихся безъ хозяина послѣ паденія этого владычества, создать путемъ установленія равновѣсія между главными политическими единицами помѣху для погубнаго преобладанія одного надъ другими и для возвращенія опасностей, которыхъ примѣръ ужаснулъ и далъ урокъ міру» [88]).

Для того, чтобы осуществить задачу такого объема, требовалось найти мощный правотворящій органъ, котораго воля имѣла бы достаточный авторитетъ, чтобы, распоряжаясь судьбами всей Европы, заставить всѣхъ себѣ повиноваться. Этотъ авторитетъ нашелъ себѣ воплощеніе въ лицѣ восьми главныхъ европейскихъ державъ; договоръ, ими подписанный, пріобрѣталъ въ глазахъ вѣнскаго конгресса независимую отъ обязательности частныхъ соглашеній, сведенныхъ въ немъ воедино, силу для всѣхъ государствъ Европы; права и обязанности, установленныя волею восьми, носили характеръ международныхъ правъ и обязанностей въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, правъ и обязанностей всякаго относительно всѣхъ. Концепція эта, къ которой принято относиться съ осужденіемъ какъ къ чему-то нарушающему суверенитетъ второстепенныхъ державъ и противному началу равенства государствъ, представляла результатъ присущаго всякой правовой системѣ стремленія къ извѣстной централистической орга-

---

[88]) Проектъ декларації о закрытіи конгресса, оставшійся, по случайнымъ причинамъ, не опубликованнымъ; Oesterreichs Theilnahme, 531 ff.—Cf. Histoire du congrès de Vienne par l'auteur de l'histoire de la diplomatie francaise, I, Paris, 1829, VIII: Le Congrès de Vienne... réparateur du droit public européen et créateur de nouvelles harmonies politiques...; Klüber, Uebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Congresses überhaupt und in Besondenheit über wichtige Angelegenheiten des teutschen Bundes, Frankfurt a. M., 1816, Vorrede, въ особ. 3 f., 11 f.

Digitized by Google

низаціи, потребности законодательнаго органа въ замѣнъ обычнаго порядка соглашенія отдѣльныхъ воль. Было бы напрасно возражать противъ этой концепціи, утверждая, что всякая форма «законодательства» въ широкомъ смыслѣ слова какъ порядка, при которомъ дающій приказаніе обособленъ отъ повинующагося, немыслима въ международныхъ отношеніяхъ, ибо возможность осуществленія ея доказывается цѣлымъ рядомъ фактовъ. Правда, для этого требуется не часто встрѣчающаяся благопріятная фактическая среда, но все же время отъ времени и въ той или другой области международная «законодательная» власть существуетъ. Возьмемъ классическій примѣръ: европейскій концертъ на турецкомъ востокѣ. Читая Берлинскій договоръ, мы видимъ, что имъ создаются извѣстныя права и обязанности для цѣлаго ряда государствъ, которыя этого договора не подписывали. Тѣмъ не менѣе ни одно изъ этихъ государствъ никогда не выражало сомнѣнія въ обязательности для него Берлинскаго акта, а напротивъ того, всѣ они ссылаются на него, какъ на обязательную для нихъ норму. Фактъ этотъ внѣ спора, и было бы наивно, если бы (воспроизводя аргументацію Kaiser'a, отмѣченную выше) Болгарія, Румынія, Сербія или Черногорія стали говорить, что не признаютъ Берлинскаго договора, такъ какъ его не подписывали. Можно привести еще нѣсколько примѣровъ [89]), но мы остановимся лишь на томъ, который составляетъ предметъ нашего разсужденія—на Вѣнскомъ актѣ. Въ немъ находится рядъ статей (наибо-

[89]) Подобныя явленія изъ исторіи «концерта» въ 1896—1897 гг. указаны Streit, Les grandes puissances dans le droit international; Revue de droit international, 2-e série, II, 1900, 5 ss. Напрасно, однако, Streit, 7 видитъ въ этихъ явленіяхъ что-то новое.—Въ результатѣ авторъ приходитъ къ выводу: comme commencement d'une organisation de la société internationale, l'hégémonie juridique des grandes puissances ne paraît ni indiqué, ni possible (24 s.). Можно спорить, конечно, о цѣлесообразности такой организаціи (organisation aristocratique de la société internationale, по остроумному выраженію Streit), но въ возможности ея нельзя сомнѣваться.

Digitized by Google

лѣе характерны касающіяся Италіи статьи 98—104), которыя по смыслу своему должны обязывать государства, никакого участія въ созданіи акта не принимавшія и не подписавшія ни главнаго акта, ни приложенныхъ къ нему частныхъ соглашеній, и несмотря на это, обязательность ихъ для этихъ государствъ никогда не подлежала сомнѣнію. Въ литературѣ первой половины 19-го столѣтія ясно сознавалась объясняющая этотъ фактъ и указанная выше концепція. У публицистовъ, изучавшихъ положительное международное право эпохи, мы находимъ указанія, вполнѣ совпадающія съ приведеннымъ разсужденіемъ. Karl Heinrich Ludwig Pölitz въ двадцатыхъ годахъ даетъ слѣдующую характеристику праву эпохи вѣнскаго конгресса. «Въ это время, говоритъ онъ, Европа не представляетъ, какъ прежде, совокупности разъединенныхъ въ своихъ цѣляхъ и практическихъ интересахъ государствъ, между которыми время отъ времени, сначала только въ минуты опасности и необходимости, заключаются бо̀льшіе или ме́ньшіе союзы; Европа составляетъ теперь союзъ государствъ, имѣющій самостоятельныя мірового значенія цѣли и интересы, осуществляемые великими державами въ своихъ сношеніяхъ между собою и въ отношеніяхъ своихъ къ державамъ второго и третьяго разряда». Характеризуя этотъ великій европейскій союзъ (europäisches Staatenverein), Pölitz продолжаетъ: «Великія державы произнесли свое рѣшеніе въ общихъ дѣлахъ Европы... На волѣ ихъ покоится вся современная европейская система; вся остальная Европа преклонилась передъ провозглашенными ими принципами и не въ состояніи противиться авторитету этой совокупности великихъ державъ» [90]) [91]).

---

[90]) Pölitz, Practisches (europäisches) Völkerrecht; Diplomatie; und Staatspraxis, 2-e Autlage, Leipzig, 1828 (Die Staatswissenschaften im Lichte unsrer Zeit, V), 11 f., 57. Cf. Schmelzing, Systematischer Grundriss des praktischen Europäischen Völker-Rechts, I, Rudolstadt, 1818, 12. — Историкъ Сорель, давшій глубокое изслѣдованіе о Вѣнскомъ конгрессѣ, хорошо понялъ то, что такъ ясно Pölitz'у и что потомъ было забыто онъ говоритъ: l'Acte final du 9 Juin 1815 est le plus vaste traité qui

Digitized by Google

Только имѣя въ виду этотъ законодательный характеръ актовъ Вѣнскаго конгресса, можно понять, почему декларація восьми державъ о постоянномъ нейтралитетѣ можетъ быть обязательною для Швейцаріи. Она обязательна потому, что исходитъ отъ того органа, который правосознаніемъ современниковъ призванъ былъ служить европейскимъ законодательнымъ органомъ, и потому, что составляетъ часть общаго правопорядка Европы, имъ установленнаго. Что̀ это хорошо сознавалось въ то время, когда декларація послѣдовала, доказывается тѣмъ, что она не вызвала никакихъ недоумѣній и никто въ Швейцаріи и не думалъ ставить себѣ въ моментъ

---

ait jamais été signé. C'est le premier essai qui ait été tenté de donner à l'Europe une charte, au moins territoriale, de déterminer l'état de possession de chacun, et de fonder sur la reconnaissance solennelle qui en était faite, sur la garantie qui y était donnée par la signature des huit principales puissances européennes, sur l'impossibilité de rompre ce pacte sans se placer hors du droit public, sur la possibilité, au contraire, de le modifier du consentement de ceux qui l'avaient sanctionné, bref de fonder sur un contrat collectif, la paix générale. C'est un fait nouveau. Une Europe où les droits de chacun résultent des droits de tous, était quelque chose de si étranger aux hommes d'état de l'ancien régime qu'il avait fallu une guerre d'un quart de siècle pour leur en imposer la notion et leur en démontrer la nécessité. Encore, n'y vinrent-ils que par lassitude de combattre, par épuisement d'hommes, d'argent, de sang, d'expédients... Sorel, Le Congrès de Vienne, y Lavisse et Rambaud, Histoire générale, X, Paris, 1898, 56 s.

[91]) Мы не можемъ, къ сожалѣнію, въ спеціальной работѣ удѣлить мѣсто весьма интересной проблемѣ, связанной съ этими появляющимися время отъ времени явленіями централизованной организаціи въ системѣ права международнаго. Между тѣмъ проблема эта не только не рѣшена, но въ сущности и не поставлена. Доказательствомъ же того, что подобные вопросы невольно возникаютъ при внимательномъ изученіи исторіи международнаго права, можетъ служить фактъ появленія статей Nys, La notion et le rôle de l'Europe en droit international въ Revue de droit international, II-e série, V, 1903, 57—68, 111 — 137. Авторъ совершенно безсознательно и не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, почувствовалъ потребность написать длинный инвентарь случаевъ, когда говорится о «Европѣ» какъ организованной централистически системѣ

Digitized by Google

появленія акта нейтралитета вопроса,—подобнаго тому, который такъ затрудняетъ нѣкоторыхъ швейцарскихъ ученыхъ въ настоящую минуту, — объ источникахъ обязательности Акта Признанія и Гарантіи.

Въ литературѣ только одинъ писатель (Calonder) подошелъ къ правильному рѣшенію вопроса, но и то сдѣлавъ попутно рядъ крупныхъ ошибокъ. Послѣднія настолько характерны для пониманія разбираемаго нами вопроса, что полезно остановиться на высказанныхъ этимъ авторомъ взглядахъ.

Актъ 20 Ноября, утверждаетъ Calonder, не есть договоръ между Швейцаріей и другими державами, а приказаніе, обращенное къ Швейцаріи, не договоръ съ Швейцаріей, а договоръ о Швейцаріи; послѣдняя являлась простымъ его объектомъ. То обстоятельство, что актъ все же сталъ обязательнымъ для Швейцаріи, объясняется тѣмъ, что Союзъ въ теченіе 1813—1815 гг. не пользовался независимостью и стоялъ подъ протекторатомъ великихъ державъ; если существованіе протектората обусловило обязательность декларації, то изъ этого вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ и обратный выводъ: какъ только протекторатъ исчезъ, декларація потеряла единственное основаніе своей обязательности. Въ теченіе первыхъ десятилѣтій послѣ 1815 года Швейцарія продолжала оставаться подъ вліяніемъ (unter dem Einflusse) великихъ державъ и лишь послѣ того, какъ ей удалось отвергнуть вмѣшательство ихъ въ борьбу радикальныхъ кантоновъ съ Sonderbund'омъ и въ дѣло конституціоннаго пересмотра, она возстановила окончательно свою свободу; съ тѣхъ поръ какъ это случилось, декларація перестала быть обязательною [92]). Автору этой теоріи удалось близко подойти къ правильному пониманію декларації какъ соглашенія великихъ державъ о Швейцаріи, обязательнаго для нея независимо отъ ея воли; но онъ вполнѣ ошибается, стараясь объяснить себѣ этотъ фактъ существованіемъ сначала «протектората», а затѣмъ «вліянія» великихъ державъ въ Швейцаріи.

---

[92]) Calonder, 128 ff.

Digitized by Google

Говорить о протекторатѣ великихъ державъ надъ Швейцаріей въ 1813 — 15 гг. будетъ едва ли правильнымъ [93]). Отношеніе носило чисто фактическій характеръ, вызывалось внутренней анархіей въ Швейцаріи и особыми обстоятельствами борьбы съ Наполеономъ, но оно никогда не превращалось въ сколько нибудь устойчивую форму зависимости, которая могла бы дать оправданіе обязательности декларації 20-го Ноября помимо воли Швейцаріи. Еще менѣе въ этомъ отношеніи основательна ссылка на «вліяніе» великихъ державъ. Въ поискахъ за объясненіемъ авторъ напрасно обращается къ особому положенію Швейцаріи: объясненіе лежитъ въ общихъ условіяхъ тогдашняго европейскаго международнаго строя. Договоръ о Швейцаріи былъ обязателенъ для нея на томъ же совершенно основаніи, на которомъ договоръ объ итальянскихъ государствахъ былъ обязателенъ для этихъ послѣднихъ.

Теорія, которую мы опровергаемъ, ставитъ еще одинъ вопросъ, имѣющій принципіальное значеніе. Допуская, что по общимъ условіямъ времени законодательный актъ Европы былъ обязателенъ для Швейцаріи, мы должны спросить себя: остается ли онъ обязательнымъ послѣ того, какъ эти общія условія измѣнились. Современное правосознаніе не знаетъ въ сферѣ собственно европейскихъ отношеній актовъ, обязательныхъ для государствъ независимо отъ принятія ихъ послѣдними, и теперь декларація, подобная декларації 20 Ноября 1815 года, была бы невозможна [94]). Отразилось ли это измѣненіе на формальной силѣ акта нейтралитета, на обязательности его въ настоящую минуту. Вопросъ этотъ под-

---

[93]) Съ легкой руки Hilty, Eidgenössische Geschichten, Zweite: die lange Tagsatzung въ Hiltys Politisches Jahrbuch 1887, 356 въ современной швейцарской литературѣ постоянно говорится о протекторатѣ великихъ державъ въ Швейцаріи послѣ 1813 года; cf. Oechsli, 41, Schweizer, 623 ff. и др.

[94]) Поворотнымъ пунктомъ слѣдуетъ считать 1830 годъ; исторія возникновенія постояннаго нейтралитета Бельгіи показываетъ, какъ увидимъ ниже, насколько точка зрѣнія измѣнилась.

Digitized by Google

лежитъ, по нашему мнѣнію, безусловно отрицательному отвѣту. Нѣтъ сомнѣнія, во-первыхъ, что Швейцарія оффиціально никогда не допускала противнаго: не только ни одинъ актъ швейцарской власти не выражалъ отказа признавать обязательность декларацiи, но, напротивъ того, Швейцарія всегда ссылалась на нее какъ на дѣйствующую норму. Это понятно, потому что, во-вторыхъ, и по существу дѣла невозможно допустить, чтобы актъ дѣйствительно утратилъ свою силу (къ какому году мы бы ни пріурочивали этого измѣненія). Аналогія съ другими отраслями права убѣждаетъ насъ, что измѣненіе въ порядкѣ возникновенія нормъ не можетъ само по себѣ устранять обязательности нормъ, возникшихъ въ прежнемъ порядкѣ. Это правило, конечно, примѣнимо вполнѣ и въ данномъ случаѣ. Разъ актъ возникъ какъ обязательный, онъ остается обязательнымъ, хотя бы теперь порядокъ установленія его и былъ иной.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ

Успѣхъ формулы 1815 года и кристаллизація типа никогда не воюющаго государства. — Вольный городъ Краковъ.

1. Не безъ нѣкотораго основанія можно было бы сказать, что формула, которую изобрѣли государственные люди 1815 года, чтобы опредѣлить международноправовое положеніе Швейцаріи, родилась «случайно»; всецѣло связанныя съ условіями исторической минуты обстоятельства навели ихъ на мысль объ этой формулѣ, и въ возникновеніи ея не участвовало ни теоретическое размышленіе, ни сознательное творчество правового идеала. Выросшая непосредственно изъ конкретной группы политическихъ требованій формула оказалась тѣмъ не менѣе способной къ дальнѣйшему развитію; обнаружилось очень скоро, что ей присущи какія-то внутреннія достоинства, которыя обезпечивали ей дальнѣйшій успѣхъ. Исторія происхожденія новыхъ «постоянно нейтральныхъ» показала, что, отвѣчая въ началѣ конкретной группѣ требованій, формула 1815 года вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовала и болѣе общимъ потребностямъ международноправового оборота; создавая охрану политически слабымъ единицамъ и возбраняя имъ опасное участіе въ международной борьбѣ, постоянный нейтралитетъ оказался пригоднымъ для опредѣленія международнаго положенія не только Швейцаріи, но и ряда дру-

Digitized by Google

гихъ государствъ. Постепенно въ общемъ сознаніи совершенно ясно укрѣпилась мысль, то есть такія государства, для которыхъ умѣстна та правовая форма международнаго существованія, которая дается постояннымъ нейтралитетомъ. Съ тѣхъ поръ какъ это сознаніе появляется, можно говорить о возникновеніи самостоятельнаго международноправового института нейтральныхъ государствъ. Разсматривая процессъ превращенія «случайной» комбинаціи, возникшей какъ рѣшеніе швейцарскаго вопроса въ 1815 году, въ прецедентъ и предметъ заимствованій, а затѣмъ превращенія прецедента въ правовой институтъ, мы, конечно, не въ состояніи указать точныя грани этой эволюціи; превращеніе постоянно нейтральнаго государства въ типическую личную характеристику международныхъ субъектовъ совершается незамѣтно. Мы можемъ найти кое-какіе внѣшніе симптомы; можемъ, напримѣръ, слѣдя за литературной исторіей понятія намѣтить приблизительныя даты, когда въ правосознаніи Европы складывается болѣе или менѣе отчетливое представленіе о постоянно нейтральномъ и т. под., но этого недостаточно для опредѣленія указанныхъ граней. Взявъ начальный моментъ развитія института и его положеніе въ правосознаніи настоящей минуты, мы видимъ, что пройденъ довольно долгій путь, но пройденъ незамѣтными переходами.

Международноправовая система бѣдна въ одномъ отношеніи: общее количество субъектовъ правъ и обязанностей въ ней крайне ограниченно. Что такое десятки лицъ въ международномъ оборотѣ сравнительно съ милліонами и сотнями тысячъ въ оборотѣ гражданскомъ даже въ небольшихъ по своимъ размѣрамъ государствахъ? Эта бѣдность, значительно затрудняя возможность быстраго накопленія прецедентовъ и образованіе абстрактныхъ нормъ въ истинномъ смыслѣ слова, вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаетъ задачу изученія институтовъ этой системы. Мы можемъ изучить всѣ примѣры того или другого типическаго правоотношенія или той или другой типической группы правоотношеній и изучить ихъ до малѣйшихъ подробностей, — задача, невозможная въ системѣ

Digitized by Google

болѣе богатой, съ болѣе быстрымъ накопленіемъ прецедентовъ (мы разумѣемъ, конечно, систему, не выработавшую объективнаго права).

Такъ и въ данномъ случаѣ, не имѣя возможности, какъ сказано выше, ясно намѣтить грани развитія института постояннаго нейтралитета, мы, съ другой стороны, въ состояніи изучить всѣ отдѣльные случаи провозглашенія такой характеристики. Замѣняя грани развитія института цѣпью послѣдовательныхъ случаевъ его осуществленія въ живомъ правѣ, мы не будемъ забывать, что въ каждомъ изъ этихъ случаевъ постояннымъ объектомъ нашего изученія должна служить не столько конкретная подробность ихъ, сколько правовой типъ, который находилъ себѣ въ нихъ воплощеніе.

Цѣпь постоянно нейтральныхъ открывается вольнымъ городомъ Краковомъ. Мы знаемъ, что при открытіи Вѣнскаго конгресса въ сознаніи его участниковъ ясно складывалось уже представленіе о томъ, что Швейцаріи должно было быть даровано «провозглашеніе на будущее время ея нейтралитета и гарантія этого нейтралитета»; формула международноправового положенія этого государства была уже выработана къ этому времени. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ работъ конгресса совершенно неожиданно на очередь сталъ другой вопросъ, ничего общаго, повидимому, не имѣвшій съ швейцарскимъ, вопросъ о Краковѣ; задумываясь надъ его рѣшеніемъ, участники конгресса нашли, что наиболѣе удачнымъ будетъ воспользоваться выработанной для Швейцаріи формулою и постановили признать этотъ городъ постоянно нейтральнымъ. Какъ это случилось и гдѣ тѣ точки соприкосновенія двухъ вопросовъ, которыя побудили дать имъ одинаковое рѣшеніе и благодаря которымъ впервые обнаружились достоинства формулы, изученіе происхожденія коей составляло предметъ первой главы?

Самое происхожденіе вопроса представляется, мы сказали, неожиданнымъ. Казалось, что судьба стариннаго польскаго города Кракова прочно связала его въ эпоху раздѣловъ съ австрійскими землями, а потомъ съ той цен-

Digitized by Google

тральной массой польскихъ областей, которая именовалась Герцогствомъ Варшавскимъ; ни историческія данныя, ни положеніе его въ Польшѣ въ моментъ Вѣнскаго конгресса не давали ему никакихъ основаній разсчитывать на самостоятельное существованіе среди европейскихъ державъ, данное ему конгрессомъ. Въ числѣ множества притязаній на политическое бытіе, съ которыми приходилось имѣть дѣло конгрессу, мы не находимъ притязаній города Кракова; напротивъ того, городъ вполнѣ пассивно и равнодушно [1]) ожидалъ въ 1815 году опредѣленія, которому изъ го-

[1]) Вотъ какъ описываетъ историкъ вольнаго города его положеніе въ 1815 году: «Jakkolwiek jednak chwila, w któréj stypulacye traktatu dodatkowego miały wejść w wykonanie, była bliską, nie wiedziano jednak o niej w Krokowie nie pewnego, a tem więcej urzędownego. Wszędzie indziéj, zmianę podobnie ważną i radykalną dzienniki miejscowe zapowiedzałyby wcześnie mieszkańcom, i starałyby się do niéj przygotować umysły wychodził jeden dziennik publiczny, to jest Gazeta Krakowska, głyche w niéj co do Krakowa panowało milczenie, i gazeta ta pisała o wszystkiem, tylko nie o kongresie wiedeńskim, a tym mniéj o traktacie dotyczącym Krakowa. Miasto to bylo w ówczas stolicą jeszcze departamentu Krakowskiego, i należało do Księstwa Warszawskiego, którego terytorium zajmowały kolejno wojska pruskie, austryackie, polskie, francuzkie a nareszcie rossyjskie. Jako stolicą więc było siedliskiem władz departamentowych, które niem zarządzały tak, jak gdyby go nie czekała żadna zmiana polityczna. . . . . zajmowały go zaś wojska rossyjskie pod dowództwem generała Łańskoj. Stan wicę wojenny panował w niem ciągle jak widzimy, a stan taki nie sprzyja, jak wiadomo, wolności mysli i druku.— Dla tego też wczasie, gdy cała Europa radziła w Wiednie o Krakowie, gdy postanowienia kongressa Wiedeńskiego, dotyczące miasta Krakowa, w zagranicznych dziennikach od dawna ogłoszone były . . w tem samém czasie, mieszkańcy Krakowa, dowiadywali się zaledwie z dzienników obcych, o przyszłem przeznaczeniu i nowéj postaci kraju swego». Meciszewski, Hystorya Rzeczypospolitej Krakowskiéj, I, Krakow, 1851, 78—80 (лучшее сочиненіе по исторіи Кракова; къ сожалѣнію, даже первый томъ не былъ оконченъ печатаніемъ; рѣдкій экземпляръ его имѣется въ Парижской Польской Библіотекѣ; онъ указанъ былъ намъ завѣдующимъ библіотекой, г. Мицкевичемъ, за любезное вниманіе котораго къ нашимъ поискамъ считаемъ долгомъ выразить ему глубокую благодарность).

Digitized by Google

сударствъ, имѣвшихъ возможность произвести новый раздѣлъ Польши, онъ достанется въ числѣ другихъ польскихъ земель.—Чтобы понять появленіе этого государства, необходимо имѣть въ виду рядъ обстоятельствъ, порожденныхъ общими условіями Наполеоновской эпохи. Въ той системѣ Наполеоновской Европы, о которой говорилось въ первой главѣ, крайнее къ востоку мѣсто занимало Герцогство Варшавское, созданное ст. V Тильзитскаго договора 1807 г. Къ этому государству,—образовавшемуся путемъ захвата Франціей перешедшихъ въ 18-мъ вѣкѣ къ Пруссіи польскихъ областей и передачи ихъ члену Рейнскаго союза Королю Саксонскому, который долженъ былъ управлять въ нихъ на основаніи мѣстныхъ конституцій, и служившему предметомъ постоянныхъ заботъ французскаго императора,—въ 1809 году перешелъ отнятый Наполеономъ у Австріи Краковъ[2]). Процессъ освобожденіе Европы затронулъ прежде всего Варшавское Герцогство; освожденіе шло съ востока и Наполеоновская восточная«марка» уже въ 1813 году отдѣлилась отъ того центра, къ которому она тяготѣла съ 1807 года.

Возникшій въ силу факта паденія Наполеоновскаго вліянія въ герцогствѣ въ международной политикѣ «польскій вопросъ» представлялся во многомъ аналогичнымъ одновременно поставленному на очередь вопросу швейцарскому; въ обоихъ случаяхъ приходилось подумать, какъ быть съ оказавшейся безъ верховнаго властелина территоріей и какъ ею распорядиться на будущее время. Эти политическія проблемы, несмотря на свое сходство, получили совершенно различныя рѣшенія: швейцарскій вопросъ разрѣшенъ былъ деклараціей постояннаго нейтралитета, а вопросъ польскій — договоромъ о присоединеніи Герцогства Варшавскаго «на вѣчныя времена» къ Россіи. Причины этого различія рѣшеній извѣстны. Тѣ мотивы и факторы, которые въ эпоху

[2]) Обстоятельства перехода города къ Варшавскому Герцогству см. Vandal, Napoléon et Alexandre I-er, II, Paris, 1893, 115 ss.

Digitized by Google

раздѣловъ, привели къ паденію независимой Польши, продолжали дѣйствовать и въ 1813 году, и уже въ раннихъ договорахъ освободительной эпохи мы видимъ полное единодушіе трехъ сосѣднихъ великихъ державъ по вопросу о необходимости устранить самостоятельное существованіе польскаго герцогства; въ Рейхенбахскомъ договорѣ условлено было, что «Герцогство будетъ уничтожено, а провинціи, изъ которыхъ оно состоитъ, раздѣлены между Россіей, Пруссіей и Австріей» (Ст. II п. 1 и 2); въ томъ же смыслѣ говорилось въ Теплицкомъ договорѣ (ст. I секр.) [3]). Ничего подобнаго не было налицо въ швейцарскомъ вопросѣ, гдѣ всѣ сразу же признали необходимость возстановить самостоятельное существованіе союза.

Но если совпаденіе основныхъ посылокъ и не привело къ тождественному въ общемъ рѣшенію двухъ выдвинутыхъ освободительною войною политическихъ проблемъ, то въ составѣ польскаго вопроса оказался все же одинъ, по значенію своему скорѣе второстепенный, вопросъ, который въ видѣ исключенія оказался и поставленнымъ, и рѣшеннымъ совершенно аналогично вопросу швейцарскому. Это вопросъ о вольномъ городѣ Краковѣ. Въ моментъ открытія Вѣнскаго конгресса судьба Герцогства Варшавскаго была предрѣшена: изъ пяти великихъ державъ три взаимно обязаны были уничтожить независимость его посредствомъ раздѣла между собою, а двѣ другія, хотя и признавали желательнымъ воз-

[3]) Вопросъ о Польшѣ былъ принципіально рѣшенъ во время переговоровъ о присоединеніи Австріи къ коалиціи; Австрія категорически требовала уничтоженія герцогства, какъ одного изъ необходимыхъ условій европейскаго мира (графъ Стадіонъ въ Апрѣлѣ 1813 г. и Меттернихъ 7 іюня, см. Мартенсъ, III, 101, 103); въ іюнѣ мѣсяцѣ это условіе признается необходимымъ тремя государствами: Пруссія, стремившаяся ранѣе того обезпечить возвращеніе себѣ цѣликомъ нѣкогда принадлежавшаго ей герцогства (Кнезебекъ Кутузову 21 февраля, Мартенсъ, VII, С.-Петербургъ, 1885, 72), подчиняется ему, несмотря на его невыгодность. Четвертая держава коалиціи — Англія оставалась до Вѣнскаго конгресса повидимому равнодушною къ польскому вопросу; Мартенсъ, XI, С.-Петербургъ, 1895, 178, 198.

Digitized by Google

становленіе Польши, но понимали, что имъ не удастся добиться этого [4]). Раздѣлъ казался поэтому неминуемымъ, но тексты коалиціонныхъ договоровъ, оставляя открытымъ вопросъ, какъ онъ долженъ былъ быть произведенъ, создавали источникъ споровъ [5]). Конфликтъ интересовъ кругомъ польскаго вопроса заключался въ слѣдующемъ. Господиномъ положенія былъ Александръ I: Герцогство Варшавское было занято русскими войсками и фактически находилось подъ властью Россіи. Двоякіе интересы руководили императоромъ. Съ одной стороны, въ присоединеніи герцогства къ Россіи онъ видѣлъ русскій государственный интересъ — оно должно было послужить вознагражденіемъ за всѣ жертвы борьбы съ Наполеономъ [6]) и дать новую точку опоры вліянію

---

[4]) Французская инструкція представителямъ Людовика XVIII говорила: «Le rétablissement du Royaume de Pologne serait un bien et un très grand bien, mais seulement sous les trois conditions suivantes: 1° qu'il fût indépendant; 2° qu'il eût une constitution forte; 3° qu'il ne fallût pas compenser à la Prusse et à l'Autriche la part qu'il leur en était respectivement échue; conditions qui sont toutes impossibles, et la seconde plus que les deux autres...» Instructions pour les ambassadeurs du Roi au Congrès Août 1814. Talleyrand, Mémoires, II, 247 s. Англійскій документъ говоритъ: «.... it would be very desirable that there should, if possible, be some record of our having expressed our opinion, how desirable it would be to restore Poland on the principle of 1792, and of our having made some effort for that which we are more entitled to ask, the independance of the Duchy of Warsaw under a neutral Sovereign». Memorandum respecting Poland, приложенный къ депешѣ the Earl of Liverpool to the Viscount Castlereagh, Fife House, 14-th October 1814 въ Supplementary despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur Duke of Wellington, Vol. IX, London, 1862, 343—344.

[5]) Таллейранъ, отправляя Людовику XVIII тексты союзныхъ договоровъ 1813 г., писалъ: il peut être agréable à Votre Majesté de parcourir ces diverses pièces. Elle y trouvera l'explication d'une partie des difficultés contre lesquelles nous avons à lutter et la cause des embarras que les alliés ont eux mêmes éprouvés, particulièrement l'Autriche, faute d'avoir fait quand celà dépendait entièrement d'elle des stipulations que le sens le plus vulgaire devait lui faire considérer comme indispensables; Vienne, 20 février 1815; Pallain, 294; cf. Talleyrand, III, 78 s.

[6]) Instructions pour le Comte Nesselrode, Kamenny Ostrow, Août

Digitized by Google

Россіи въ Европѣ [7]). Рядомъ съ этимъ стояло другое противорѣчившее первому стремленіе Александра. Извѣстное увлеченіе его идеей возстановленія польской національности заставляло его противиться всякому новому раздѣлу Польши и мечтать о дарованіи ей національной автономіи подъ своею властью [8]). Естественно при этихъ условіяхъ, что Россія явилась на Вѣнскій конгрессъ съ требованіемъ присоединенія герцогства и рѣшеніемъ противиться раздѣлу. Такое настроеніе столкнулось съ стремленіями всѣхъ другихъ участниковъ конгресса. Австрія желала присоединить Галицію и съ опасеніемъ смотрѣла на польскія увлеченія Александра I [9]); Пруссія раздѣляла эти опасенія и предъявляла притязанія на обладаніе западной частью Варшавскаго Герцогства [10]); Франція и Англія равнымъ образомъ

1814 у Мартенса, III, 170 сл.; Polen. Eine Denkschrift von Gentz, 18 August 1814 въ Oesterreichs Theilnahme, 387.

[7]) Pallain, 2; Talleyrand, II, 303.

[8]) Lord Walpole to Lord Castlereagh, St. Petersbourg, August 9, 1814 Castlereagh, 3d series, II, 83 f.

[9]) Austria dreads Russia about Poland, especially if she is mistress of the question after a peace; Lord Castlereagh to Lord Liverpool, Langres, January 30, 1814. Castlereagh, I, 212 ff.—Mein Trost . . ist, dass es doch jetzt keinen Grund mehr gibt, Russland mit eigener Gefahr und eigenen Aufopferungen zu schonen, dass endlich die Coalition in jedem Sinne des Wortes ausgedient hat, und dass kein Quadrupel-Allianztractat uns hindern wird, für unser Interesse zu sorgen. Hier rechne ich nun wieder auf Ew. Durchlaucht mit unbedingten Vertrauen und denke, Der, welcher Napoleon im Meridian seiner Grösse nicht geschont hat, wird sich wohl von Alexander keine Gesetze vorschreiben lassen; письмо Генца Меттерниху 25 апрѣля; Oesterreichs Theilnahme, 328; cf. 384—399.

[10]) Die Grenze (для Россіи) von Thorn über Kalisch auf Krakau greift Oesterreich und Preussen an; sie stellt ausserdem gegen diese letztere eine Linie mit einspringenden Winkeln in West- und Ostpreussen auf, welche so wunderbar und unregelmässig ist, dass sie selbst in Friedenszeit jede Verwaltungsmassregel hemmt; Stein an den Kaiser Alexander, Вѣна, 6 октября 1814. Pertz, Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein, IV, Berlin, 1851, 164 ff. — Въ глазахъ Штейна опасность отъ дарованія конституціи Польшѣ превосходила однако еще невыгоды

Digitized by Google

не сочувствовали удовлетворенію русскихъ требованій [11]). Первый фазисъ въ исторіи польскаго вопроса на Вѣнскомъ конгрессѣ заключается въ борьбѣ этихъ разнообразныхъ стремленій; въ результатѣ его обнаружилось, что волю Россіи сломить не удастся и что рѣшеніемъ вопроса въ его цѣломъ будетъ полунезависимое Царство Польское, находящееся «въ силу своей конституціи» «въ неразрывной съ Россіею связи». Но въ теченіе этого фазиса отъ польскаго вопроса въ его цѣломъ откололись маленькіе вопросы, разрѣшенные совсѣмъ иначе.

Однимъ изъ этихъ маленькихъ вопросовъ былъ, какъ сказано, вопросъ о Краковѣ. Англійскій уполномоченный на конгрессѣ, взявшій на себя роль выразителя враждебныхъ Россіи стремленій, въ своей полемикѣ съ Александромъ I. первый выдѣлилъ этотъ маленькій вопросъ, настаивая на томъ, чтобы Австріи и Пруссіи оставлены были границы болѣе соотвѣтствующія ихъ интересамъ, нежели границы ихъ съ Герцогствомъ Варшавскимъ, и разумѣя при этомъ

уступки Торна: «Die Grenze, welche man im besten Fall zu erhalten die Wahrscheinlichkeit hat, wird nie so stark sein können, dass der nachtheilige Einfluss der Verfassung auf die Ruhe und Sicherheit der Nachbarn aufgehoben werde»; вмѣсто конституціи Штейнъ рекомендуетъ введеніе «einer Kommunal-, Municipal- und Provinzial-Verfassung»; Stein an Hardenberg, Вѣна, 6 октября 1814; Pertz, IV, 166 ff. — Ф. Ф. Мартенсъ приводитъ содержаніе письма Штейна къ Александру I отъ 12 октября 1814 того же содержанія, какъ приведенное у Pertz письмо отъ 6 октября, см. Мартенсъ, III, 218.

[11]) « . . . rétablir la Pologne pour la donner toute entière à la Russie, pour porter la population de celle ci, en Europe, à quarante quatre millions de sujets et ses frontières jusqu'à l'Oder, ce serait créer pour l'Europe un danger, et si grand, si imminent que, quoiqu'il faille tout faire pour conserver la paix, si l'exécution d'un tel plan ne pouvait être arrêtée que par la force des armes, il ne faudrait pas balancer un seul moment pour les prendre». Инструкція Талейрану; Talleyrand, Mémoires, II, 247 s.—

If the Duchy of Warsaw is to be an independent State under the Emperor of Russia, the independent principle will not only be preserved,

Digitized by Google

передачу Кракова Австріи и Торна Пруссіи [12]); Александръ I отвѣчалъ, что обладаніе Краковомъ не можетъ имѣть особаго значенія для Австріи, ибо стратегическое значеніе этого города ничтожно [13]). Затѣмъ, уже сами непосредственно заинтересованныя державы обращаются съ такимъ требованіемъ къ Россіи; на этотъ разъ Александръ I признаетъ необходимымъ уступить. Онъ заявляетъ, что, разъ русская граница съ Краковомъ и Торномъ кажется «агрессивною», онъ готовъ отъ нея отказаться; но отказъ этотъ отнюдь не будетъ уступкою этихъ городовъ Австріи и Пруссіи, на которую онъ не можетъ согласиться.

Какъ же быть съ этими городами. Вопросъ политически сводится къ слѣдующему — нужно, чтобы города были внѣ власти трехъ сосѣднихъ державъ. Достаточно ли для этого провозглашенія ихъ независимости? Политическая слабость двухъ самостоятельныхъ городовъ среди могущественныхъ государствъ, казалось бы, ясно рѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. А если такъ, то вопросъ о Краковѣ въ глазахъ участниковъ Вѣнскаго конгресса не можетъ не совпадать съ только что рѣшеннымъ швейцарскимъ вопросомъ, гдѣ благодаря ряду случайныхъ историческихъ обстоятельствъ оказалась изобрѣтенной формула «постоянный нейтралитетъ», способная съ точки зрѣнія великихъ державъ дать необходимыя обезпеченія дѣйствительной независимости слабаго государства. Естественно

---

but it will be preserved under a Monarch whose Power will be sufficient to give encouragement to the disaffected in the Austrian and Prussian Polisch provinces to seize the first opportunity of resisting their acknowledged Sovereigns, and of reuniting themselves under a head, whom they will consider as strong enough to protect them, and who will be the Sovereign of a country which they will regard as the parent stock of polish independance; цитированная въ прим. 4 инструкція Ливерпуля.

[12]) Viscount Castlereagh to the Emperor of all the Russias, Vienna, 12 th October, 1814; Wellington, Supplementary despatches, IX, 331.

[13]) Réponse au Memorandum въ письмѣ Имп. Александра къ Кастльри; Wellington, IX, 390.

Digitized by Google

было прійти къ мысли, что вопросъ о Краковѣ, отколовшійся отъ общаго польскаго вопроса, можетъ быть съ пользою рѣшенъ примѣнительно къ этому швейцарскому прецеденту. Въ отвѣтѣ своемъ Австріи Александръ I первый обратился къ этому прецеденту и предложилъ создать второе постоянно нейтральное государство. «Его Величество, говоритъ документъ, согласился бы, чтобы эти два города, какъ города вольные и независимые, подобно ганзеатическимъ, съ соотвѣтствующими округами и владѣніями, съ городскимъ самоуправленіемъ, полной свободой и признаннымъ ненарушимымъ, даже въ случаѣ войны, нейтралитетомъ, были поставлены подъ гарантіей и покровительствомъ союзныхъ державъ» (2 декабря 1814 года) [14]). Несмотря на противодѣйствіе, рѣшеніе, предложенное русскимъ императоромъ, восторжествовало. Отвѣчая Россіи, Австрія возобновила требованіе о присоединеніи Кракова, мотивируя его тѣмъ, что самостоятельный Краковъ неизбѣжно сдѣлается источникомъ смутъ и будетъ угрожать внутреннему порядку въ трехъ сосѣднихъ государствахъ [15]).

---

[14]) «. . . le Prince Czartorisky et le Baron Stein . . au nom de leur monarque, ont fait les déclarations suivantes: . . . . Sa Majesté . . . aurait consenti à ce que ces deux villes, comme villes libres et indépendantes, à l'égal des villes hanséatiques, avec des districts et domaines proportionnés, avec un gouvernement municipal, une liberté complète et une neutralité reconnue inviolable, même dans le malheureux événement d'une guerre, fussent placées sous la garantie et la protection des puissances alliées». Note verbale du premier plénipotentiaire de Prusse, Prince de Hardenberg, au premier plénipotentiaire d'Autriche, Prince de Metternich, Vienne, 2 décembre 1814. D'Angeberg, I, 485 ss.

[15]) L'Empereur (d'Autriche) . . . doit désirer que cette ville, ainsi que celle de Thorn, soient remises à l'Autriche et à la Prusse, pour être incorporées à leurs Etats. L'existence indépendante de ces deux villes menacerait au même degré la tranquillité des trois puissances avoisinantes; placées hors de toute influence directe elles serviraient bientôt de foyer de conspirations et de troubles à tous les mécontents; Metternich à Hardenberg, Vienne, le 10 décembre 1814. Mémoires, documents et écris diver

Digitized by Google

Отказъ Австріи оставилъ на нѣкоторое время вопросъ открытымъ, но Александръ не хотѣлъ уступить и съумѣлъ купить согласіе Австріи на предложенное имъ постановленіе о Краковѣ уступкою той части Галиціи, которая перешла къ Россіи по Вѣнскому договору 1809 года (Тарнопольскій округъ) [16]) [17]).

---

laissés par le Prince de Metternich, II, Paris, 1880, 503 ss. или d'Angeberg, I, 505 ss.

[16]) Lord Castlereagh to the Earl of Liverpool, Vienne, 17 -th December, 1814. Wellington, Suppl. despatches, IX, 484.

[17]) Позволительно спросить себя объ историческихъ причинахъ, побуждавшихъ Александра I настаивать на независимости Кракова. Въ литературѣ высказываются самыя разнообразныя предположенія. На ряду съ писателями, которые оставляютъ вопросъ открытымъ, говоря общимъ образомъ, что причина возникновенія Кракова кроется въ противорѣчіи интересовъ Россіи и Австріи (Utwór ten polityczny nie był niczem innem jak tylko wynikiem kompromisu między trzema macarstwami rozbiorowemi, skutkiem ich nieporozumieneń i wzajemnej o tę krainę zazdrości. Pamiętniki Hr. Stanislawa Wodzickiego, Kraków 1888, 31;—Weil Europa 1814 stark genug sich fühlte, um Russland nicht im Besitz des offenen Einganges zu den österreichischen Staaten zu lassen, musste der Petersburger Hof Verzicht auf Crakau leisten; weil Russland fest und entschieden genug sich zeigte, um die Meinung zu erwecken, dass ohne einen neuen europäischen Krieg Oestreich Crakau nicht erhalten werde, konnte der Wiener Hof die Stadt nicht gewinnen. Da ein Dritter als Herr von Crakau politisch nicht gedenkbar war, so musste die Stadt herrenlos oder, wie man es nannte, Freistaat werden. Perthes, Die Einverleibung Crakau's und die Schlussakte des Wiener Congresses, Hamburg und Gotha, 1846, 18), наиболѣе распространено указаніе, что главную роль игралъ стратегическій интересъ Кракова, съ одной стороны открывавшаго Россіи лѣвый берегъ Вислы, а съ другой опаснаго въ рукахъ австрійцевъ (въ этомъ смыслѣ Krolikowski, Mémoire historique et politique sur l'état actuel de la ville libre de Cracovie, Paris, 1840, 4 ss; Meciszewski, 17—18; Les deux annexions, Paris, 1860, 2 s.; ср. также предшествующую цитату изъ Perthes; непонятно, что значатъ слова Schopfer, 254: Cracovie étant convoitée.. en raison de l'avantage marquant que la possession de cette place donnait en Pologne...) высказывается затѣмъ утвержденіе, что Александръ I хотѣлъ сохранить полякамъ свободный центръ умственнаго и національнаго развитія, утвержденіе промелькнувшее въ оффиціальной перепискѣ по поводу инкорпораціи Кракова въ 1846 году: (Les deux annexions, 2: Alexandre

Digitized by Google

Этимъ рѣшенъ былъ Краковскій вопросъ: въ русско-австрійскихъ переговорахъ въ декабрѣ 1814 года намѣчены уже всѣ элементы будущей международной конституціи Кракова: независимость, нейтралитетъ, покровительство и оговорка Австріи объ опасности города для порядка въ сосѣднихъ государствахъ, послужившая для выясненія понятія постояннаго нейтралитета. Намъ остается теперь прослѣдить превращеніе этихъ еще слабо намѣченныхъ указаній въ договорную формулу, давшую окончательное рѣшеніе вопроса; предварительно однако нѣсколько словъ о проектѣ постоянно нейтральнаго Торна. Одно время можно было думать, что проектъ этотъ имѣетъ больше шансовъ на осуществленіе, нежели проектъ рѣшенія въ этомъ смыслѣ вопроса о Краковѣ. Въ то время, какъ Австрія продолжала настаивать на своемъ требованіи о присоединеніи Кракова, Пруссія добровольно отказалась отъ Торна и вы-

---

parut voir dans l'indépendance de Cracovie. . . l'expiation d'un grand crime politique; Piccioni, 28: Le Congrès de Vienne qui... porta le dernier coup à la nationalité polonaise, n'osa pas poursuivre son oeuvre jusqu'au bout: une ville de Pologne fut mise à part . . .; нота Гизо 4 декабря 1846 годъ: les souverains et les hommes d'Etat avaient voulu, au moment même où l'Europe réunie consacrait le partage de la Pologne, donner à la nation polonaise et à la conscience de l'Europe troublée par ce partage une certaine satisfaction morale, Martens-Murhard, N. R. G., IX, 116 ff). На основаніи документовъ можно признать извѣстное основаніе за каждымъ изъ этихъ мнѣній; военное значеніе города несомнѣнно признавалось въ то время весьма серьезнымъ: Александръ говорилъ, что Краковъ необходимъ ему для защиты польскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Вислы (въ бесѣдѣ съ Штейномъ; Pertz, IV, 196 f.), а австрійскіе военные круги думали, что для устраненія перспективы Кракова въ рукахъ Россіи можно было бы рискнуть даже войной (Viscount Castlereagh to the Earl of Liverpool, Vienna, 21-st November, 1814; Wellington, suppl. despatches, IX, 447 f); не слѣдуетъ упускать изъ виду и польскія симпатіи Александра; возражая Австрійцамъ, онъ говорилъ, что не откажется отъ города, который поляки чтутъ какъ гробницу своихъ королей, и съ этой точки зрѣнія независимость Кракова была ему болѣе по душѣ, нежели присоединеніе его къ Австріи (тоже, Vienna, 17-th December, 1814;—ibid., 484).

Digitized by Google

разила согласіе на его нейтралитетъ [18]). Вслѣдъ затѣмъ, однако, обостреніе развивавшагося параллельно съ польскимъ саксонскаго вопроса послужило поводомъ къ пересмотру въ принципѣ состоявшаго между Россіей и Пруссіей соглашенія: дабы заставить послѣднюю отказаться отъ части домогательствъ въ Саксоніи, Александръ I рѣшилъ въ ея пользу отступиться отъ нейтральнаго Торна [19]). Такимъ образомъ, проектъ двухъ самостоятельныхъ и нейтральныхъ польскихъ городскихъ республикъ осуществился лишь на половину: только по отношенію къ Кракову оказалось возможнымъ воспользоваться изобрѣтенной державами новой международно-правовой характеристикою.

2. Первый проектъ договорнаго постановленія о краковскомъ нейтралитетѣ мы находимъ въ статьяхъ о Польшѣ, выработанныхъ по порученію Александра I Чарторыжскимъ и Каподистріей, гдѣ Кракову посвящалось слѣдующее постановленіе: Les villes de Cracovie et de Thorn, avec le territoire qui leur sera assigné, sont déclarées cités indépendantes et neutres sous la protection des trois puissances [20]).

Этотъ проектъ былъ внесенъ на обсужденіе конференцій по польскому дѣлу (въ которыхъ принимали участіе сначала только четыре державы, а потомъ и Франція) на засѣданіи 31 декабря; австрійскій контръ-проектъ выразилъ полное согласіе на принятіе статьи о Краковѣ [21]). Окончательная ре-

---

[18]) Talleyrand au Roi, Vienne, 12 novembre 1814; Pallain, 109 s.; Viscount Castlereagh to the Earl of Liverpool, Vienna, 21-st november, 1814; Wellington, suppl. despatsches, IX, 447 f.—Проектъ постановленія о нейтралитетѣ Кракова и Торна, приведенный въ прим. 14, былъ выработанъ Россіей по соглашенію съ Пруссіей и чрезъ посредство Прусскихъ представителей былъ переданъ Австрійскому; см. Pertz, IV, 224.

[19]) Pallain, 264; Talleyrand, Mémoires, III, 52 s., 58; Klüber, VII, 102.

[20]) Приложенный къ нотѣ Нессельроде 31 Декабря 1814 года проектъ, безъ нумераціи статей; Klüber, Acten, VII, 71 ff.

[21]) Мартенсъ, III, 219 сл.; Talleyrand, Mémoires, II, 553 ss., III, 9; Oesterreichs Theilnahme, 483 f., 487.

Digitized by Google

дакція соглашенія о Польшѣ была передана затѣмъ особой коммиссіи, которая установила текстъ, во-первыхъ, «дополнительнаго договора» между Австріей, Пруссіей и Россіей «о Краковѣ, области его и конституціи» и, во-вторыхъ, частныхъ договоровъ между Россіей и Австріей и Россіей и Пруссіею «о Польшѣ», въ которые равнымъ образомъ включены были нѣкоторыя постановленія о Краковѣ [22]). Содержаніе этихъ актовъ обнимало провозглашеніе независимости и нейтралитета Кракова, опредѣленіе его границъ и правъ его по торговымъ сношеніямъ съ Австріей, характеристику положенія его какъ нейтральнаго по отношенію къ другимъ государствамъ, основы государственнаго устройства и управленія, университетскій строй, положеніе духовенства и архивовъ и, въ приложеніи, конституцію вольнаго города. Эти договоры были подписаны въ Вѣнѣ $\frac{21\ \text{Апрѣля}}{3\ \text{Мая}}$ 1815 года.

Согласно общему порядку постановленія, изложенныя въ указанныхъ договорахъ трехъ государствъ, были воспроизведены, въ основныхъ своихъ частяхъ, въ главномъ актѣ Вѣнскаго конгресса, подписанномъ восемью державами, признававшимися въ 1815 году вершительницами судебъ Европы и составили ст. I—XIV этого акта.

Постановленіе о постоянномъ нейтралитетѣ Кракова оказалось такимъ образомъ покоющимся на двоякаго рода фундаментѣ: съ одной стороны, на договорѣ трехъ государствъ, а съ другой, на договорѣ восьми. Мы знаемъ уже, какое значеніе современное правосознаніе приписывало этому послѣднему договору: оно видѣло въ немъ обязательный для всѣхъ европейскихъ государствъ международный кодексъ, изданный европейскою законодательною властью, и съ этой точки

---

[22]) Traité concernant la Pologne conclu à Vienne entre la Russie et l'Autriche; traité sur la Pologne conclu à Vienne entre la Russie et la Prusse u traité additionnel conclu à Vienne entre la Russie, l'Autriche et la Prusse, concernant la ville de Cracovie, son territoire et sa constitution; Мартенсъ, III. 317—378.

Digitized by Google

зрѣнія вполнѣ понятно, что Краковъ, котораго никому въ голову не приходило спросить, желаетъ ли онъ принять наложенныя на него по договору обязанности, едва ли могъ сомнѣваться въ авторитетномъ характерѣ постановленій, его касавшихся. Но, съ другой стороны, была уже отмѣчена та фраза во вступленіи къ главному акту, которая выражала его общую задачу («утвердить частныя положенія взаимными своими ратификаціями»); нельзя не сказать, что такого рода указаніе было недостаточно опредѣленно, чтобы ясно разрѣшить вопросъ о соотношеніи между частными соглашеніями, подписанными въ Вѣнѣ, и главнымъ актомъ. Благодаря принятому на конгрессѣ порядку, не могло не возникать сомнѣнія—слѣдуетъ ли видѣть въ главномъ актѣ лишь кодификацію, обязательность которой опредѣляется въ зависимости отъ обязательности частныхъ договоровъ, могутъ ли частные договоры быть измѣнены договаривающимися сторонами безъ согласія восьми державъ, подписавшихъ главный актъ, или, напротивъ того, постановленіе частнаго договора можетъ утратить свою силу только послѣ того, какъ оно видоизмѣнено въ главномъ актѣ державами, его подписавшими. Сомнѣніе это обнаружилось съ особенной настойчивостью по поводу инкорпораціи Кракова въ 1846 году и вызвало двоякое толкованіе законности ея. Намъ придется впослѣдствіи подробно остановиться на этомъ разногласіи, но и здѣсь, въ изложеніи происхожденія постояннаго нейтралитета Кракова, необходимо было указать, что конститутивный актъ его съ формальной стороны даетъ поводъ къ весьма существеннымъ недоразумѣніямъ.

Переходя къ догматическому анализу договорныхъ постановленій о Краковѣ, мы убѣждаемся, что и по содержанію своему они не всегда ясны.

Международное положеніе Кракова опредѣляется прежде всего признаніемъ его независимости, которое выражено такъ:

La ville de Cracovie est déclarée libre et indépendante ainsi que le territoire désigné dans le traité additionnel signé en commun entre les Cours de Russie, d'Autriche et de Prusse (ст. IV

Digitized by Google

договора Россіи и Австріи, ст. II договора Россіи и Пруссіи).

Содержаніе этой статьи развивается въ болѣе подробную характеристику въ ст. I дополнительнаго договора о Краковѣ, текстъ которой составилъ съ незначительнымъ варіантомъ ст. VI главнаго акта Вѣнскаго конгресса. Она гласитъ:

La ville de Cracovie avec son territoire sera envisagée à perpétuité comme cité libre, indépendante et strictement neutre sous la protection des trois hautes Parties contractantes [23]).

Въ приведенныхъ статьяхъ прежде всего заключаются два слѣдующихъ правовыхъ акта: во-первыхъ, создается государство, ранѣе не существовавшее, а во-вторыхъ, это новое государство принимается въ среду другихъ государствъ. Эти два акта, обыкновенно при возникновеніи государствъ раздѣльные, здѣсь слиты во-едино. Это понятно: налицо не было той фактической воли стать государствомъ, которая обычно даетъ рожденіе новому политическому цѣлому и которая впослѣдствіи получаетъ признаніе со стороны другихъ государствъ. Эта особенность отражается и на всѣхъ другихъ постановленіяхъ ст. I доп. дог. Актъ признанія новаго государства, большею частью блѣдный, являющійся освященіемъ фактически уже законченнаго историческаго процесса, здѣсь пріобрѣтаетъ исключительное значеніе, которое позволяетъ снабдить городъ подробной международноправовой характеристикою.

Признаніе Кракова государствомъ обусловлено этой характеристикою. Особенности ея заключаются въ томъ, что Краковъ находится подъ покровительствомъ трехъ сосѣднихъ государствъ и что онъ—«строго нейтраленъ». Оба эти свойства—необходимыя предположенія независимости города: съ точки зрѣнія договоровъ 1815 года безъ покро-

[23]) Въ ст. VI главнаго акта вмѣсто sera envisagée стоитъ est déclarée.

Digitized by Google

вительства и нейтралитета существованіе Кракова, какъ государства, юридически немыслимо, ибо признаніе слито воедино съ рожденіемъ города. Это влечетъ существенныя различія между нейтралитетомъ Кракова и нейтралитетомъ Швейцаріи: нейтралитетъ, какъ особый международный status, одинаково обязателенъ для обоихъ государствъ, но для Швейцаріи онъ не связанъ съ самымъ ея существованіемъ, тогда какъ для Кракова международноправовое существованіе обусловлено нейтралитетомъ [24]).

Какъ ближайшимъ образомъ опредѣляется для Кракова этотъ безусловный для него status? Мы знаемъ, что относительно Швейцаріи великія державы удовольствовались фразою «признанный и гарантированный постоянный нейтралитетъ», не попытавшись сколько-нибудь расчленить это понятіе на тѣ элементы, изъ которыхъ оно складывается. По отношенію къ Кракову признано было необходимымъ пойти гораздо дальше и намѣтить указанные элементы.

Ст. VI доп. дог., тождественная съ ст. IX главнаго акта, цѣликомъ посвящена развитію понятія «постоянный нейтралитетъ», она гласитъ:

Les trois Cours s'engagent à respecter et à faire respecter en tout tems la neutralité de la ville libre de Cracovie et de son territoire; aucune force armée ne pourra jamais y être introduite sous quelque prétexte

---

[24]) Въ новѣйшей литературѣ возникъ споръ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли видѣть въ такихъ условныхъ признаніяхъ новыхъ государствъ дѣйствительную «bedingte Anerkennung» или «Anerkennung mit Auflage». Ullmann, Völkerrecht, Freiburg i. B., 1898, 69 и Triepel, 292, n. 1 высказываются въ пользу перваго; Liszt, Das Völkerrecht systematisch dargestellt, Berlin, 1898, 26 въ пользу второго. Аргументы Triepel'я кажутся намъ убѣдительными: modus былъ бы мыслимъ, если бы государство, на которое онъ возлагается, было одной изъ сторонъ договора, чего обыкновенно нѣтъ на лицо. Въ данномъ случаѣ признаніе Кракова было безспорно условнымъ, и говорить о признаніи sub modo едва ли возможно.

Digitized by Google

que ce soit; en revanche, il est entendu et expressément stipulé, qu'il ne pourra être accordé dans la ville libre et sur le territoire de Cracovie, aucun asyle ou protection à des transfuges, déserteurs ou gens poursuivis par la loi, appartenans aux pays de l'une ou de l'autre des trois Puissances contractantes, et que sur la demande d'extradition, qui pourra en être faite par les autorités compétentes, de tels individus seront arrêtés sans délai et livrés sous bonne escorte à la garde qui sera chargée de les recevoir à la frontière.

Приведенный текстъ ясно указываетъ, что создаваемые постояннымъ нейтралитетомъ права и обязанности распадаются на двѣ части. Съ одной стороны, обязанности державъ формулированы какъ обязанности, во-первыхъ, уважать нейтралитетъ Кракова, во-вторыхъ, «требовать, чтобы онъ былъ отъ всѣхъ и всегда уважаемъ» и, въ третьихъ, не вводить войскъ на территорію города. При внѣшнихъ отличіяхъ формула эта всецѣло совпадаетъ съ формулами декларації 20 Ноября 1815 года о Швейцаріи. Мы знаемъ, что, кромѣ обязанности уважать нейтралитетъ Союза, участники швейцарской декларації гарантировали территоріальную неприкосновенность союзной территоріи; эта гарантія повторяется относительно Кракова, гдѣ она облечена въ болѣе конкрстную форму запрета вводить войска на территорію города, но сопровождается и отсутствовавшей въ текстѣ декларації 20 Ноября болѣе абстрактной гарантіей нейтралитета. Если припомнить то, что сказано было о гарантіи въ декларації 20 Ноября, то мы можемъ не придавать значенія этимъ редакціоннымъ оттѣнкамъ и должны будемъ признать, что, съ точки зрѣнія обязанностей державъ, жизненный обликъ международноправового положенія Кракова и Швейцаріи вполнѣ тождественъ.

Съ другой стороны, въ чемъ заключаются обязанности Кракова и, прежде всего, соотвѣтствуетъ ли обязанностямъ державъ обязанность города никогда не воевать съ дру

Digitized by Google

гими государствами? Договоръ молчитъ объ этомъ; молчаніе это вполнѣ понятно—военныя дѣйствія Кракова противъ трехъ сосѣднихъ могущественныхъ государствъ фактически немыслимы, и обстоятельная оговорка въ этомъ смыслѣ казалась бы противной здравому пониманію отношеній. Нѣтъ сомнѣнія однако, что характеристика Кракова какъ «строго нейтральнаго» (strictement neutre) города вполнѣ достаточна, чтобы признать существованіе безусловнаго запрета для него войны противъ другихъ государствъ. Рядомъ съ этой обязанностью, вытекающей изъ нейтралитета, дополнительный договоръ устанавливаетъ для города еще и другую. Краковъ не только обязанъ воздерживаться отъ военныхъ дѣйствій, но его территорія и для частныхъ лицъ, подданныхъ трехъ державъ, не можетъ служить мѣстомъ враждебныхъ дѣйствій противъ этихъ державъ; этой обязанности отвѣчаетъ право трехъ государствъ требовать выдачи своихъ подданныхъ, виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ въ предѣлахъ Краковской городской республики. Запретъ убѣжища, обращенный къ Кракову, признанъ, словомъ «en revanche», нераздѣльной частью и прямымъ послѣдствіемъ постояннаго нейтралитета. Это безспорное юридически положеніе въ высшей степени важно для пониманія типа постоянно нейтральнаго государства. Оно указываетъ, что въ правосознаніи участниковъ конгресса съ этимъ типомъ связано представленіе не только объ особыхъ обязанностяхъ такого государства въ отношеніи войны, но и о нѣкоторыхъ опредѣленныхъ обязанностяхъ въ мирное время. Мы увидимъ, что надъ доказательствомъ этого принципа было потрачено много усилій въ швейцарскихъ дѣлахъ и что одно время можно было считать установленнымъ, что обязанности въ мирное время, аналогичныя установленнымъ въ дополнительномъ договорѣ о Краковѣ, лежатъ и на Союзѣ. Въ этомъ отношеніи, также какъ и въ другихъ, между положеніемъ Кракова и Швейцаріи нѣтъ принципіальнаго различія: послѣднее сводится къ тому, что по отношенію къ Кракову обязанности въ мирное время установлены учредительнымъ актомъ

Digitized by Google

его нейтралитета, а въ Швейцаріи установленіе ихъ выпало на долю послѣдующей внутренней эволюціи началъ, положенныхъ въ основу декларації 20 Ноября.

Въ виду всего сказаннаго можно утверждать, что краковскій нейтралитетъ по содержанію своему является воспроизведеніемъ нейтралитета швейцарскаго. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что одинаковый въ обоихъ случаяхъ узелъ правоотношеній окруженъ извнѣ несходными между собою правовыми сферами. Было уже отмѣчено, что для Кракова нейтралитетъ—условіе международноправового существованія города, а для Швейцаріи—нѣтъ; другой пунктъ, который заслуживаетъ въ этомъ отношеніи вниманія, касается установленнаго надъ Краковомъ покровительства трехъ сосѣднихъ государствъ, котораго не существовало относительно Швейцаріи. Что значитъ такое покровительство? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко: предшествующая исторія международнаго права черпала понятіе протектората изъ старыхъ феодальныхъ формъ и современное развитіе этого понятія начинается именно Краковомъ и Іоническими островами, поставленными подъ англійскимъ покровительствомъ договоромъ 5 Ноября 1815 года [25]) Съ точки зрѣнія впослѣдствіи выработанныхъ понятій покровительство разумѣетъ извѣстныя отношенія зависимости и подчиненія между покровителемъ и покровительствующимъ. Къ принятію такого толкованія протектората трехъ державъ надъ Краковомъ акты 1815 года не даютъ однако никакихъ основаній. Прежде всего покровительство предусмотрѣно ими на ряду съ про-

---

[25]) Наполеоновскій протекторатъ воспроизводитъ феодальныя представленія и въ счетъ не идетъ; Despagnet, Essai sur les protectorats, Paris, 1896, 68 ss. начинаетъ исторію протектората съ Генуи, Монако и Санъ Марино (XIV—XV вѣка); данныя, которыя онъ приводитъ, не позволяютъ въ точности опредѣлить природу разнообразныхъ протекторатовъ надъ этими государствами, но, повидимому, они не чужды феодальныхъ элементовъ; другіе писатели, напр. Heilborn, Das völkerrechtliche Protektorat, Berlin, 1891, 28 ff., берутъ за исходную точку развитія протектораты надъ Краковомъ и Іоническими островами.

Digitized by Google

возглашеніемъ независимости Кракова, а это, съ точки зрѣнія современныхъ понятій, заключаетъ въ себѣ несомнѣнное противорѣчіе. Разсматривая другія постановленія о Краковѣ, мы видимъ, что въ нихъ равнымъ образомъ нѣтъ указаній на подчиненныя отношенія между городомъ и державами. Было бы ошибочно видѣть ихъ въ томъ, что державы по статьѣ VII доп. дог. даровали республикѣ конституцію: создавая государство тамъ, гдѣ его никогда не было, онѣ не могли не установить основы его государственнаго быта, дать первый толчекъ государственному его существованію. Государства не оставляютъ однако за собою права измѣнять эту конституцію и всецѣло устраняютъ себя отъ участія въ послѣдующей государственной жизни Кракова; конституція ни словомъ не упоминаетъ о державахъ-покровительницахъ, вся полнота государственной власти находится въ рукахъ органовъ республики и всѣ функціи отправляются ими безъ участія трехъ державъ. Поставленное послѣ провозглашенія независимости и нейтралитета, слово «покровительство» скорѣе выражаетъ поэтому ту мысль, что эти свойства охраняются державами, гарантируются ими; такая догадка подтверждается, повидимому, и тѣмъ, что въ первомъ очеркѣ международнаго положенія Кракова вмѣсто словъ «подъ покровительствомъ» стояло «подъ охраною и покровительствомъ» (нота Гарденберга 2 Декабря 1814 г.).—Но и такая догадка не вполнѣ удовлетворительна; во-первыхъ, она не находитъ себѣ твердой точки опоры въ текстѣ дополнительнаго договора, а во-вторыхъ, имѣется въ указанной уже ст. VII [26]) постановленіе о гарантіи конституціи города тремя государствами, которое можно привести въ послѣдовательную связь только съ покровительствомъ этихъ державъ надъ нимъ.

---

[26]) Les trois Cours ayant approuvé la Constitution qui devra régir la cité libre de Cracovie et son territoire, et qui se trouve annexée comme partie intégrante aux présens articles, Elles prennent cette Constitution sous leur garantie commune.....

Digitized by Google

При неопредѣленности понятія покровительства по тексту договора, оно не могло не послужить источникомъ извѣстнаго произвола. Одинъ изъ историковъ Кракова (Иларій Мечишевскій) замѣчаетъ, приступая къ своему изложенію, что подобно тому, какъ въ ариѳметикѣ не существуетъ особыхъ правилъ для счета въ тысячахъ и особыхъ для счета въ милліонахъ, такъ и въ политикѣ жизнь маленькихъ государствъ опредѣляется тѣми же законами, что и жизнь крупныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это наблюденіе не находитъ себѣ приложенія въ исторіи международнаго существованія Кракова; фактическія условія несомнѣнно односторонним образомъ отражались на томъ, какъ рѣшались взаимные споры о правахъ между державами и городомъ. Послѣдній былъ, по выраженію Меттерниха, «географическимъ атомомъ среди трехъ великихъ монархій» [27]); при подобномъ неравенствѣ охрана его правъ для Кракова была затруднительнѣе, чѣмъ для державъ. Послѣднія могли воспользоваться неопредѣленнымъ «покровительствомъ» своимъ надъ Краковомъ и истолковать его въ томъ смыслѣ, въ какомъ это было имъ нужно; Краковъ не могъ спорить, доказывая неосновательность такого оправданія устанавливавшагося державами воздѣйствія. Въ свою очередь такой произволъ отражался и на развитіи понятія нейтралитета вольнаго города. Вмѣсто предусмотрѣнной декларацією 20 Ноября независимости Швейцаріи отъ всякаго иностраннаго вліянія, для Кракова было установлено покровительство

---

[27]) Metternich à Dietrichstein à Londres et à Thom à Paris, Vienne, 6 novembre 1846; Martens—Murhard, N. R. G., X, 53 f.—Въ современномъ Кракову географическомъ изслѣдованіи почерпаемъ слѣдующія данныя: территорія республики равна 20 кв. милямъ; населеніе по счету 1818 года—96 тыс., по счету 1837—38 гг.—131 тыс.; войско состояло изъ 300 чел. ополченія и 80 жандармовъ; кромѣ того, было 150 полицейскихъ; см. у Possart, Lukaszewicz und Mulkowski, Das Königreich Polen und der Freistaat Krakau, Stuttgart, 1840, 153—184.

Digitized by Google

трехъ государствъ, открывавшее возможность внѣшняго воздѣйствія. При этихъ условіяхъ постоянный нейтралитетъ города не могъ не развиваться подъ совсѣмъ инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ нейтралитетъ Союза.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Продолженіе.—Бельгія.

1. Если припомнить общія замѣчанія, сдѣланныя въ началѣ книги, относительно условій возникновенія международно-правовыхъ институтовъ, то не трудно будетъ опредѣлить то крупное значеніе, которое, въ исторіи понятія постоянно нейтральнаго государства, слѣдуетъ признать за совершившимся въ 1831 году признаніемъ постояннаго нейтралитета Бельгіи. Вѣнскій конгрессъ впервые, примѣнительно къ Швейцаріи и Кракову, фиксируетъ это понятіе. Этотъ фактъ не остается единичнымъ и черезъ 16 лѣтъ, въ 1831 году, онъ воспроизводится въ другомъ концѣ Европы примѣнительно къ Бельгіи. Что это значитъ? Повтореніе свидѣтельствуетъ, что за понятіемъ признано уже принципіальное значеніе: въ немъ проявляется способность охватить не только извѣстное индивидуальное отношеніе, а еще и всякія другія отношенія, поскольку въ нихъ повторяются признаки общіе съ этимъ первымъ индивидуальнымъ отношеніемъ; понятіе отвлекается отъ опредѣленнаго историческаго состава, въ которомъ оно возникло, и, перенесенное на совершенно иной, пріобрѣтаетъ общій характеръ, характеръ извѣстнаго правового института, къ которому начинаютъ прибѣгать всякій разъ, какъ налицо имѣется аналогичный первому историческій составъ. Повтореніе свидѣтельствуетъ

Digitized by Google

о жизнеспособности понятія, и обезпечиваетъ за нимъ успѣхъ въ системѣ права международнаго. Изученіе того, какъ и почему въ 1831 году вспомнили объ изобрѣтенномъ въ эпоху Вѣнскаго конгресса понятіи, представляетъ, въ виду сказаннаго, принципіальный интересъ. Интересъ этотъ увеличивается еще тѣмъ, что, опредѣляя, какъ и почему при историческихъ обстоятельствахъ, во многихъ отношеніяхъ совершенно отличныхъ отъ обстоятельствъ 1815 года, остановились на этомъ понятіи, чтобы опредѣлить международное положеніе еще одного государства, мы тѣмъ самымъ дополняемъ характеристику содержанія изучаемаго понятія. Познакомившись съ тѣмъ, какихъ практическихъ результатовъ желали достигнуть, провозглашая бельгійскій постоянный нейтралитетъ и какъ совершилось это провозглашеніе, мы найдемъ новую точку опоры для правильнаго пониманія понятія, которое отчасти уже выясняется приведенными выше данными о томъ, къ чему стремились акты 1815 года. Съ этой двоякой точки зрѣнія—окончательнаго укрѣпленія принципіальнаго характера понятія и развитія его содержанія—мы приступаемъ къ изученію событій, приведшихъ къ провозглашенію постояннаго нейтралитета Бельгіи.

Въ августѣ и сентябрѣ 1830 года въ южныхъ, такъ называемыхъ бельгійскихъ провинціяхъ Нидерландскаго королевства вспыхнуло возстаніе, вызванное неудовольствіемъ противъ порядка управленія и сначала носившее мало опасный для цѣлости государственной власти характеръ. Укрѣпленное неудавшейся попыткой центральной власти подавить бунтъ военной силой, возстаніе приняло радикальную программу и, вмѣсто прежняго требованія реформъ, написало на своемъ знамени стремленіе обособить южныя провинціи въ отдѣльное государство. Образованное въ Брюсселѣ временное правительство 4 октября 1830 года издало такой декретъ: «Временное правительство, считая, что необходимо на будущее время опредѣлить положеніе Бельгіи, постановляетъ: Ст. 1. Бельгійскія провинціи, силою отторгнувшіяся отъ Голландіи, будутъ составлять независимое го-

Digitized by Google

сударство...» [1]). Національный конгрессъ новаго государства санкціонировалъ декретъ временнаго правительства: 18 ноября того же года онъ окончательно провозгласилъ «независимость бельгійскаго народа» [2]). Рядомъ другихъ мѣръ заложены были основанія государственнаго строя, и Бельгія начала существовать, какъ государство. Историческая судьба бельгійскихъ провинцій, впервые выступающихъ въ этихъ событіяхъ на міровую сцену въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго, весьма замѣчательна. Если въ сферѣ объектовъ международныхъ территоріальныхъ правъ въ Европѣ не существуетъ вообще объектовъ внѣ—оборотныхъ, extra commercium, то можно сказать, что ни одинъ край Европы не служилъ предметомъ столь оживленнаго международнаго оборота, столькихъ сдѣлокъ, какъ эти провинціи: послѣдовательно бургундскія, испанскія и австрійскія, онѣ захвачены были въ 1795 году французской республикой, освобождены въ эпоху рѣшительной борьбы съ Наполеономъ и затѣмъ переданы во власть Голландіи. Несмотря на постоянную смѣну хозяина, провинціи эти составляли, хотя и зависимое, но всеже единое цѣлое, главнымъ образомъ потому, что при всѣхъ сдѣлкахъ, предметомъ которыхъ онѣ служили, онѣ не подвергались раздѣлу. Единство это поддерживалось и тѣмъ, что Бельгія всегда представляла одну административную единицу, выдѣленную изъ состава остальныхъ земель того государства, которому она принадлежала; мѣстное населеніе пользовалось при этомъ старинною и твердою автономіей [3]). Австрійское владычество, продолжавшееся

[1]) Декретъ въ очень важномъ для исторіи 1830 — 1831 годовъ сборникѣ: Discussions du congrés national de Belgique 1830—1831 mises en ordre et publiées par le chevalier Emile Huytens, Bruxelles, 1844, IV, 10 s.

[2]) Ibid., I, 179 s.

[3]) Giron, Le droit public de la Belgique, Bruxelles, 1884, 17 ss., 40 ss.— Нѣкоторые писатели настаиваютъ на томъ, что Бельгія находилась въ личной уніи съ Испаніей и Австріей, такъ Descamps, La neutralité de la Belgique, Bruxelles & Paris, 1902, 15 ss.; эта теорія игнорируетъ,

Digitized by Google

отъ 1715 до 1795 гг., особенно содѣйствовало развитію, если не въ полномъ смыслѣ государственнаго, то во всякомъ случаѣ широкаго административнаго самоуправленія Бельгіи, и результатомъ его было возникновеніе въ ней чисто національнаго самосознанія. Это самосознаніе было настолько опредѣленно, что не могло быть стерто нѣсколькими годами французской власти, положившей въ разгаръ революціонныхъ войнъ предѣлъ автономіи бельгійскихъ провинцій, и когда послѣднія переданы были волею коалиціи Голландіи, то государю, который предназначенъ былъ стать во главѣ ея, державы сочли необходимымъ указать на трудность предстоявшей ему задачи ассимиляціи двухъ національностей въ одно политическое цѣлое и обставить передачу рядомъ оговорокъ въ пользу правъ бельгійской народности [4]). Движеніе 1830 года было возрожденіемъ этого національнаго самосознанія въ борьбѣ съ другой національностью, болѣе малочисленною, но занимавшею первенствующее положеніе въ соединенномъ королевствѣ, несмотря на принципіально установленное равенство обѣихъ его частей [5]).

Появленіе въ Европѣ этой доселѣ не признанной національности и ея борьба за государственное существованіе поставили на очередь цѣлый рядъ сложнѣйшихъ междуна-

---

что понятіе личной уніи для эпохи строго монархическаго строя едвали можетъ быть обосновано такъ же твердо, какъ теперь. Ср. вѣрныя замѣчанія Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, 82, и ниже наши замѣчанія относительно уніи Пруссіи и Нешателя.

[4]) Protocole de la Conférence tenue à Paris le 14 juin 1814 и Acte d'acceptation de la souveraineté des provinces belgiques au nom du Roi des Pays Bas, signé à la Haye, le 21 juillet 1814; D'Angeberg, I, 182 ss., 207 ss.

[5]) Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе причинъ бельгійской революціи; сошлемся на сочиненіе, по справедливости считающееся классическимъ въ Бельгіи, Nothomb, Essai historique et politique sur la révolution belge, 4-e édition, Bruxelles, 1876, I, 61 ss. и на новѣйшее изслѣдованіе duc de Broglie, Le dernier bienfait de la monarchie, Paris, 1902, 34 ss.

Digitized by Google

родныхъ вопросовъ. Чтобы понять смыслъ и содержаніе этихъ вопросовъ, необходимо вернуться назадъ и остановиться на томъ, что представляло изъ себя созданное актами 1814 — 1815 годовъ Нидерландское королевство, разорванное указанными только что событіями на двѣ самостоятельныя части. Акты 1814—1815 годовъ часто принято характеризовать понятіемъ «реставрація», но, мы сказали уже, безъ всякаго основанія. Дѣло, которое хотѣли создать и создали этими актами, было полнымъ обновленія старыхъ европейскихъ отношеній: никто не думалъ о простомъ возвращеніи къ порядкамъ, предшествовавшимъ революціи, а напротивъ того, всѣми сознавалась необходимость творческаго опредѣленія нормальныхъ основъ международнаго строя; результатомъ этихъ актовъ должна была явиться и явилась новая «европейская система». Въ этой работѣ надъ переустройствомъ Европы, крайне осложненной сталкивавшимися политическими выгодами державъ, являвшихся вершительницами ея судебъ, однимъ изъ основныхъ мотивовъ, раздѣлявшихся всѣми ея участниками, служила боязнь Франціи и стремленіе создать противовѣсъ ея опасному вліянію въ Европѣ. Парижскій договоръ 20 ноября 1815 года между Австріей, Великобританіей, Пруссіей и Россіей во второй своей статьѣ устанавливалъ: «разсуждая, что пагубныя революціонныя правила, кои способствовали успѣху послѣдней преступной узурпаціи, могутъ снова подъ другимъ видомъ возмутить спокойствіе Франціи и чрезъ то угрожать и спокойствію прочихъ державъ, высокія договаривающіяся стороны торжественно признаютъ себя обязанными въ таковыхъ обстоятельствахъ тщательно стараться о сохраненіи тишины и блага народовъ своихъ; для сего обѣщаютъ, при столь бѣдственномъ случаѣ, если нельзя будетъ отвратить оный, условиться немедленно между собою и съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ о мѣрахъ, кои признаютъ нужными для безопасности ихъ взаимныхъ владѣній и общаго спокойствія

Европы» [6]). Возводя всякое внутреннее революціонное движеніе во Франціи въ casus foederis, прежняя коалиція противъ Наполеона обнаруживала наглядно, насколько глубоко она была убѣждена, что Франція представляетъ постоянный источникъ потрясеній и взрывовъ.

Въ числѣ мѣръ, предназначенныхъ европейскими соглашеніями 1814—1815 годовъ служить оплотомъ противъ Франціи, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить образованіе Нидерландскаго королевства изъ бывшихъ голландскихъ и бельгійскихъ земель. По словамъ одного протокола [7]), новое королевство было «un état d'équilibre», выраженіе, которое трудно перевести на русскій языкъ, но которое вполнѣ характеризуетъ политическій смыслъ этого государства. Англійскіе политическіе дѣятели, предложившіе коалиціи образованіе этого «état d'équilibre», разсуждали слѣдующимъ образомъ: чтобы обезпечить безопасность германской границы со стороны Франціи, необходимо промежуточное государство между нею и нижнимъ теченіемъ Рейна. Если объединить въ одно цѣлое Голландію и Бельгію, то будетъ создано достаточно сильное государство, чтобы служить «передовымъ оплотомъ противъ Франціи» (poste avancé contre la France); несмотря на территоріальное увеличеніе, этотъ передовой оплотъ все же самъ по себѣ не достаточно силенъ и необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ условиться относительно помощи, которую ему должны будутъ доставлять сосѣднія государства, въ случаѣ нападенія со стороны Франціи [8]). Проектъ Англіи былъ принятъ съ полной готовностью

[6]) Ср. также ст. 3 и 5; Мартенсъ, Собраніе, IV. 1, С.-Петербургъ, 1878, 27 слл.

[7]) Les principes desquels partent les puissances relativement à la réunion de la Belgique et de la Hollande sont les suivants: 1. Cette réunion s'est décidé en vertu des principes politiques adoptés par elles pour l'établissement d'un état d'équilibre en Europe.... Protocole de la conférence tenue à Paris le 14 juin 1814; D'Angeberg, I, 182.

[8]) Memoir on continental politics, November, 1813; Correspondence, despatches, and other papers of Viscount Castlereagh, second Marquess of Londonderry, 3-d series, I, London, 1853, 80 ff.

Digitized by Google

всѣми остальными участниками коалиціи, такъ какъ вполнѣ отвѣчалъ ихъ общимъ намѣреніямъ [9]). Онъ вошелъ въ программу переговоровъ, которые велись съ Наполеономъ въ Шатильонѣ [10]), составилъ затѣмъ одно изъ условій Шомонскаго союза [11]) и наконецъ вошелъ въ составъ статей перваго парижскаго договора [12]). Подробности соглашенія выработаны были въ нѣсколькихъ другихъ актахъ [13]); эти подробности были затѣмъ сведены въ одно цѣлое въ ст. LXV и слл. главнаго акта Вѣнскаго конгресса [14]).

---

[9]) Переписка ibid., 197 f., 273. Австрія во имя этого идеала охотно отказалась отъ претензій, которыя она могла имѣть на принадлежавшія ей до революціи бельгійскія провинціи, считая къ тому же невыгоднымъ и опаснымъ обладаніе отдаленными землями и предпочитая компенсацію въ Италіи; ibid., 354 ff., 365 f.

[10]) Protocole de la séance du 17 février 1814, projet de traité, présenté par le prince de Metternich, art. IV: Sa Majesté l'Empereur des Français reconnaît formellement la reconstruction suivante des pays limitrophes de la France:... 3° La Hollande sous la souveraineté de la maison d'Orange avec un accroissement de territoire; D'Angeberg, I, 110 ss.

[11]) 1 марта/17 февраля 1814, art. 1 séparé et secret: Le rétablissement d'un équilibre des puissances et une juste répartition de force entre elles étant le but de la présente guerre LL. MM. II. et RR. s'engagent à diriger tous leurs efforts vers l'établissement réel du système suivant en Europe, savoir:.... La Hollande, état libre et indépendant sous la souveraineté du prince d'Orange avec un accroissement de territoire et l'établissement d'une frontière convenable. Мартенсъ, III, 163 сл.

[12]) Ст. VI; Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами европейскими, изд. Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, ч. I, т. I, С.-Петербургъ, 1823, 1 слл.

[13]) Указаны въ прим. 4.

[14]) Франція вынуждена была, конечно, равнымъ образомъ подписать статьи о новомъ королевствѣ; она не скрывала отъ себя политическаго смысла ихъ, но не возражала. Таллейранъ говоритъ по этому поводу: l'érection du nouveau royaume des Pays Bas, convenue antérieurement à la paix, était évidemment une mesure hostile contre la France, et ce projet avait été conçu dans la vue de créer auprès d'elle un état ennemi, que le besoin de protection rendait l'allié naturel de l'Angleterre et de la Prusse. Le résultat de cette combinaison cependant me parut moins

Digitized by Google

Коалиція не ограничилась тѣмъ, что пожертвовала дѣлу усиленія Голландіи бельгійскими провинціями, она постаралась создать въ Нидерландахъ рядъ укрѣпленій, которыя должны были помочь этому «état d'équilibre», этому «передовому посту противъ Франціи» съ честью исполнить свою международную роль. Протоколъ Парижскаго конгресса 20 ноября 1815 года выдѣлилъ изъ общей суммы наложенной на Францію контрибуціи, четверть на вооруженіе сосѣднихъ съ Франціей странъ и въ томъ числѣ 60 милліоновъ Нидерландскому королевству [15]). Крѣпости были въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ возведены подъ наблюденіемъ уполномоченнаго четырехъ державъ въ нѣсколькихъ пунктахъ бельгійской части королевства и составляли предметъ постоянныхъ ихъ заботъ [16]).

На Ахенскомъ конгрессѣ вопросъ объ этихъ крѣпостяхъ былъ снова подвергнутъ обсужденію и установлено было нѣсколько новыхъ положеній, еще яснѣе подчеркнувшихъ особенности международнаго положенія Нидерландскаго королевства. Подтверждая въ протоколѣ 3/15 ноября 1818 года, что casus foederis, который онѣ согласились въ 1815 году видѣть въ революціонномъ движеніи во Франціи, остается неизмѣннымъ, четыре державы одновременно подписали другой протоколъ, посвященный спеціально бельгійскимъ крѣпостямъ. Этимъ вторымъ протоколомъ условлено было «предложить Е. В. Королю Нидерландскому, когда casus foederis будетъ налицо, приглашать войска Его Британскаго Величества къ занятію крѣпостей Остенде, Нейпортъ, Иперъ и крѣпостей на Шельдѣ, а войска Его Прусскаго

---

dangereux pour la France qu'on ne le pensait, car le nouveau royaume aura longtemps assez à faire pour se consolider; Talleyrand, II, 296 s.

[15]) Protocole concernant la distribution de l'indemnité pécuniaire de 700 millions de francs imposée à la France par les Puissances alliées, art. 1 et 2. Мартенсъ, Собраніе, IV, 1, 18 слл.

[16]) Подробности у Goblet, Des cinq grandes puissances de l'Europe dans leurs rapports politiques et militaires avec la Belgique, Bruxelles & Leipzig, 1863, 31 ss.

Digitized by Google

Величества къ занятію цитаделей Гюи, Намюра и Динана, а также городовъ Шарлеруа, Маріенбурга и Филиппвилля» [17]). Это предписаніе, смягченное въ форму совѣта, но обязательное для Нидерландовъ, краснорѣчиво дополняло всѣ предшествующія соглашенія. Коалиціонная Европа создала новое сильное своимъ территоріальнымъ составомъ государство, предназначенное служить однимъ изъ ея оплотовъ противъ Франціи, возвела въ немъ сильныя укрѣпленія и теперь приписала себѣ обязанность и право занять эти укрѣпленія, въ случаѣ войны съ Франціей, своими войсками.

Все это внутри себя нѣлостное и послѣдовательное предпріятіе разрушено было совершившимися въ Бельгіи событіями. Сильное королевство распалось на двѣ враждебныя другъ другу части, изъ которыхъ каждая была сама по себѣ слишкомъ слаба, чтобы служить тѣмъ état d'équilibre, которымъ должны были быть Нидерланды; крѣпости оказались въ рукахъ одной изъ нихъ, Бельгіи, естественно враждебно настроенной по отношенію къ договорамъ 1814—1815 годовъ, отдавшимъ ее въ руки державы, власть которой была только что свергнута; судьба сервитута, установленнаго въ Ахенѣ въ пользу коалиціи, подверглась большой опасности. Международный порядокъ, созданный въ эпоху Вѣнскаго конгресса въ одной изъ своихъ самыхъ дорогихъ коалиціи частей былъ разрушенъ силою, дѣйствіе которой никѣмъ не предвидѣлось.

---

[17]) Оба протокола у Мартенса, Собраніе, VII, С.-Петербургъ, 1885, 314.—Смыслъ выписаннаго постановленія съ юридической стороны не вполнѣ ясенъ. Хотя занятіе перечисленныхъ въ немъ крѣпостей, согласно протоколу, совершается по приглашенію Нидерландскаго короля, т.-е. права Пруссіи и Англіи на первый взглядъ не нарушаютъ полноправности мѣстной власти, тѣмъ не менѣе по общему смыслу протокола приглашеніе обязательно для короля и отношеніе носитъ характеръ международноправового сервитута, возложеннаго на мѣстную власть въ пользу двухъ иностранныхъ государствъ. Ниже мы увидимъ, что вещный характеръ этого отношенія доказывается и тѣмъ, что оно перешло на Бельгію и что потребовалось особое соглашеніе, чтобы положить ему конецъ. — Сравни примѣчаніе въ концѣ главы.

Digitized by Google

Вопросъ о томъ, какъ отнестись къ проистекшимъ событіямъ, для всѣхъ великихъ державъ имѣлъ первостепенный политическій интересъ. Чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить его значеніе, стоитъ только припомнить, что послѣ Вѣнскаго и Парижскаго конгрессовъ въ Европѣ имѣло тенденцію прочно установиться своеобразное пониманіе международныхъ отношеній, которое отмѣчено было выше и которое заключалось въ признаніи охраны законнаго порядка, какъ въ междугосударственныхъ отношеніяхъ, такъ и внутри европейскихъ странъ, отъ посягательства революціонной силы международной обязанностью великихъ державъ.

Съ точки зрѣнія этой теоріи «великаго союза» для охраны законнаго европейскаго строя, рѣшеніе бельгійскаго вопроса не вызывало никакихъ сомнѣній; помощь голландскому королю въ его борьбѣ съ бельгійскимъ мятежемъ являлась несомнѣнной обязанностью великихъ державъ, ибо она вызывалась задачею какъ охраны внутренняго порядка въ Голландіи, такъ и охраны порядка международнаго. Послѣднее обстоятельство—совпаденіе въ данномъ случаѣ задачи водворенія внутренняго законнаго строя и возстановленія дѣйствія международнаго порядка—имѣетъ очень существенное значеніе. Наличность хотя бы только первой изъ нихъ была бы достаточной, если бы всѣ государства оставались вѣрны тому, что они установили на Ахенскомъ конгрессѣ; мы знаемъ однако, что на Троппаускомъ и Лайбахскомъ конгрессахъ система вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ была отвергнута Франціей и Англіей и что, хотя первая вернулась къ ней въ Веронѣ, вторая продолжала отклонять отъ себя ея обязательность. Въ этомъ отношеніи единство дѣйствія среди великихъ державъ не было, конечно, обезпеченнымъ, и лишь такъ называемыя «сѣверныя державы» (Пруссія, Австрія и Россія), оставаясь послѣдовательными, не колеблясь должны были вмѣшаться въ дѣла Голландіи, какъ они сдѣлали это въ 20-хъ годахъ въ Неаполѣ и Піемонтѣ. Но вопросъ носилъ сверхъ того въ данномъ случаѣ и чисто международный характеръ: дѣло шло

Digitized by Google

спасеніи «état d'équilibre», охрана котораго составляла для всѣхъ неоспоримую международную обязанность. Въ этомъ отношеніи, конечно, ближайшимъ образомъ затронуты были четыре великихъ державы, основавшія Нидерландское королевство и связанныя между собою тѣми особыми узами, которыя указаны выше. Мы знаемъ, что «коалиція» въ принципѣ продолжала жить и что она связана была спеціальными обязятельствами относительно Голландіи. Если бы этотъ союзъ, представлявшій внутри «великаго союза» родъ второй запасной и скрытой пружины, обезпечивавшей неприкосновенность созданнаго актами 1814—1815 гг. порядка, продолжалъ оставаться столь же твердымъ и яснымъ, какъ то было въ моментъ его возникновенія, то, насколько можно предполагать, рѣшеніе бельгійскаго вопроса свелось бы въ 1830—1831 годахъ къ военной экспедиціи, подобной итальянской и испанской экспедиціямъ 20-хъ годовъ. Но именно эта внутренняя пружина оказалась на дѣлѣ настолько слабою, что дѣйствіе всего механизма международнаго правопорядка, какъ онъ тогда понимался, было затруднено.

Что коалиція перестала существовать, доказали событія, имѣвшія мѣсто за два мѣсяца до бельгійской революціи. Въ Іюлѣ революціонное движеніе свергло законную династію во Франціи и установило новый государственный порядокъ. Casus foederis, предусмотрѣнный въ союзномъ договорѣ четырехъ государствъ 20 Ноября 1815 года, наступилъ, но договоръ остался неисполненнымъ, и правительство Луи Филиппа, несмотря на свое революціонное происхожденіе, было все-таки признано другими великими державами [18]).

Обнаруженное коалиціей внутреннее безсиліе по основному пункту ея программы естественно отразилось и на положеніи, которое она должна была занять по отношенію къ вопросу о Голландіи. Логика событій показывала, что для рѣшенія голландско-бельгійской распри нужно было

[18]) Broglie, 83 ss.

Digitized by Google

искать иной forum, нежели «коалиція» и дѣйствія вчетверомъ во имя договора, смерть котораго была только-что безспорно удостовѣрена. Это заключеніе не замедлило обнаружиться. Повидимому, только въ Россіи имѣлись по этому вопросу нѣкоторыя иллюзіи, но и тѣ скоро разсѣялись [19]); положеніе, которое за это время заняла Англія, исключало дѣйствительно всякую мысль о дѣйствіяхъ вчетверомъ, ибо уже въ самомъ началѣ Октября между Англіей и Франціей шли переговоры относительно Бельгіи и участіе «революціоннаго» правительства Луи-Филиппа въ рѣшеніи распри признано было въ Лондонѣ совершенно необходимымъ [20]).

Поэтому въ тотъ моментъ, когда Голландія рѣшилась оффиціально воспользоваться своимъ правомъ и потребовать военнаго вмѣшательства четырехъ державъ для подавле-

---

[19]) Въ началѣ Октября русскому представителю въ Лондонѣ предписывалось предложить англійскому правительству, совмѣстно съ «сѣверными» державами, вмѣшаться для подавленія бельгійскаго возстанія, а въ концѣ того же мѣсяца надежда возлагалась уже исключительно на Австрію и Пруссію; см. депешу Нессельроде 1/13 Октября 1830 г. и Высочайшее повелѣніе Николая I на докладѣ его отъ 30 Октября 1830 года, Мартенсъ, Собраніе, XI, С.-Петербургъ, 1895, 438, и VIII, С.-Петербургъ, 1888, 17.

[20]) Talleyrand au Comte Molé, Londres, le 3 Octobre 1830. Correspondance diplomatique de Talleyrand. Ambassade de Talleyrand à Londres 1830—1834, 1-ère partie, avec introduction et notes par Pallain, Paris, 1891, 10 ss. Англійское консервативное министерство, во главѣ котораго стояли Веллингтонъ и Эбердинъ, прошлымъ своимъ связанные съ системою коалиціи, обнаруживало правда нѣкоторое смущеніе, сообщая своимъ прежнимъ союзникамъ объ этихъ переговорахъ, но всеже полагало необходимымъ участіе Франціи въ соглашеніи; о бесѣдѣ Веллингтона съ прусскимъ посломъ: депеша Bülow'a 6 Октября 1830 года, цит. Droysen, Zur Geschichte der Preussischen Politik in den Jahren 1830—1832, въ Zeitschrift für Preussische Geschichte und Landeskunde, 11-er Jahrgang, Berlin, 1874, 594, п. 1. Любопытно сравнить эту бесѣду съ тѣмъ, что въ тотъ же день Эбердинъ заявлялъ французскому послу; Talleyrand au Comte Molé, Londres, le 6 Octobre 1830, Pallain, 18.

Digitized by Google

нія возстанія, она сама признала полезнымъ оговорить, что въ дальнѣйшихъ переговорахъ—послѣ вмѣшательства—участіе Франціи представляется ей желательнымъ [21]); въ отвѣтъ на эту оговорку, въ которой несомнѣнно выражалось сдѣлавшееся общимъ сознаніе неустойчивости коалиціи, Англія заявила безъ обиняковъ, что, по ея мнѣнію, рѣшеніе бельгійскаго вопроса принадлежитъ пяти державамъ и что Франція выразила уже согласіе участвовать въ концертѣ [22]).

Такимъ образомъ опредѣлилось безсиліе коалиціи, и бельгійскій вопросъ перенесенъ былъ на болѣе широкую арену переговоровъ между пятью великими державами. Споръ о подсудности былъ рѣшенъ вполнѣ правильно съ точки зрѣнія дѣйствовавшихъ въ эту эпоху международныхъ нормъ. Разъ Луи Филиппъ признанъ былъ преемникомъ Карла X, было естественно, что онъ займетъ его мѣсто въ «великомъ союзѣ», которому принадлежало руководство отношеніями между европейскими государствами. Но съ той минуты, когда Франція привлечена была къ участію въ разрѣшеніи вопроса, послѣдній рѣзко измѣнился въ своей постановкѣ. Правда, признаніе новаго французскаго правительства совершилось подъ условіемъ, что оно, съ своей стороны, признаетъ существующій въ Европѣ международный порядокъ [23]), но, несмотря на заявленную

---

[21]) M. Falck to the Earl of Aberdeen, Londres, le 5 Octobre 1830. Papers relative to the affairs of Belgium, Presented to both Houses of Parliament, 1833, B. I, 1 ff.

[22]) The Earl of Aberdeen to M. Falck, Foreign Office, 17 th October 1830: His Majesty's Ambassador at Paris had been instructed to invite the French Government, according to the treaties to which France is a contracting party, to join the deliberations of His Majesty and his Allies and to concur to such measures as by common concert should be thought indispensable for the reestablishment of order in the Netherlands, and which, at the same time, should be framed with a due regard to the security of other states, ibid., 5 f.

[23]) Австрійскій императоръ писалъ Луи-Филиппу: «я рѣшился не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи... въ твердой и законной увѣренности, что Ваше Величество, съ своей стороны, будете избѣ-

Digitized by Google

Франціей готовность не отступать отъ этого условія, отношеніе ея къ вопросу о возстаніи въ Нидерландахъ не могло быть совершенно одинаковымъ съ отношеніемъ къ нему четырехъ другихъ великихъ державъ.

Образованіе Нидерландовъ путемъ присоединенія Бельгіи къ Голландіи и укрѣпленіе этого государства было осуществленіемъ враждебнаго по отношенію къ Франціи плана, и требовать, чтобы она, не задумываясь приняла участіе въ въ возстановленіи невыгоднаго для себя положенія только для того, чтобы доказать свою преданность договорному строю 1815 года, было трудно.

Но этого мало: Франція, приглашенная судить голландскаго короля съ его бельгійскими подданными, была совсѣмъ не той Франціей, которая на Ахенскомъ конгрессѣ торжественно принята была въ составъ Великаго Союза. Она только что пережила Іюльскіе дни и съ тѣмъ вмѣстѣ важный переворотъ въ сферѣ принциповъ, призванныхъ руководить ея внѣшней и ея внутренней политикой. Намъ трудно издали понять, какое огромное значеніе, для самой Франціи и для всей Европы, приписывалось современниками

гать всего, что можетъ нарушить интересы и покой другихъ государствъ»; l'Empereur François au Roi Louis Philippe, Schlosshof, le 8 Septembre 1830, Mémoires, documents et écrits divers laissés par le Prince de Metternich, V, Paris, 1882, 28.—Прусскій документъ гласилъ: Der König wolle Frankreich sich selbst überlassen und sich in keiner Weise in dessen innere Angelegenheiten mischen, aber er wird auch mit höchsten Kraftaufwand jeden Angriff abwehren, der von dorther gegen die auf Tractate gegründeten Rechte und Besitzungen Preussens unternommen werden könne. Zur Herstellung und Befestigung der Ordnung in Frankreich wünsche er die möglichst schlennige Anerkennung des Herzogs von Orleans seitens der Mächte und von diesen dafür eine bindende Erklärung, dass von Seiten der neuen Frankreichs die Verpflichtungen, die das alte Frankreich seit 1815 eingegangen sei, anerkannt und gehalten werden sollten; Rescript vom 14 August 1830; Droysen, 589.—Въ томъ же смыслѣ письмо имп. Николая I 6 Сентября 1830, см. Татищевъ, Императоръ Николай и иностранные дворы, С.-Петербургъ, 1889, 159 сл.

Digitized by Google

революціонному кризису 1830 года. Во Франціи онъ съ силою пробудилъ всѣ традиціи и воспоминанія великой революціи, а въ сознаніи остальныхъ державъ — все, что связано было съ тяжелымъ испытаніемъ, перенесеннымъ Европою въ концѣ 18-го и началѣ 19-го столѣтія. Великая революція заключала въ себѣ не только внутренній политическій принципъ, но являлась носительницею грандіозныхъ замысловъ въ области международной политики Франціи, и возрожденіе революціонныхъ традицій не могло не быть поэтому обновленіемъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политической программы французовъ.

Въ чемъ заключалась эта внѣшняя программа Іюльской революціи? Какъ всякое революціонное движеніе, движеніе 1830 года было произведеніемъ разнообразныхъ общественныхъ силъ и разнообразныхъ настроеній, и вынесло на поверхность цѣлую гамму стремленій, начиная отъ самыхъ крайнихъ и кончая самыми умѣренными, отъ категорическихъ требованій революціонной пропаганды во внѣ, возвращенія границъ Рейна и т. д. до желанія во что бы то ни стало избѣжать разрыва съ консервативной Европой. Это разнообразіе взглядовъ вмѣстѣ съ общей неустойчивостью правительственнаго порядка приводило естественно къ тому, что правительство Луи-Филиппа не могло сразу остановиться на одномъ изъ нихъ: оно колебалось между крайними и умѣренными въ зависимости отъ того, насколько сильны были тѣ и другіе въ палатахъ и въ Парижѣ вообще. Но во всемъ этомъ разнообразіи оттѣнковъ былъ извѣстный минимумъ требованій отъ внѣшней политики Франціи, отказаться отъ котораго значило для французовъ того времени отказаться отъ основъ новаго порядка. Этотъ минимумъ заключался въ такъ называемомъ «принципѣ невмѣшательства», который и былъ твердо усвоенъ правительствомъ Луи-Филиппа. Принципъ этотъ имѣлъ чисто практическій, боевой смыслъ. Европа эпохи конгрессовъ не признавала за отдѣльными государствами свободы насильственно измѣнять свои государственные порядки; она подавила народныя

Digitized by Google

движенія въ итальянскихъ государствахъ и въ Испаніи и угрожала вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Франціи; хотя послѣдней удалось избѣгнуть его, но эта система должна была казаться ненавистной вышедшему изъ революціи правительству, ибо, признавая себя законнымъ выраженіемъ воли Франціи, оно не могло допустить мысли, что законность его могла бы оспариваться извнѣ; его «незаконное происхожденіе» [24]) естественно побуждало провозгласить обратное начало, начало свободы всѣхъ государствъ Европы измѣнять свою конституцію,—и отвергнуть это различіе законныхъ и незаконныхъ съ международной точки зрѣнія правительствъ. Этотъ немногосложный рядъ положеній, которыя опредѣлялись какъ принципъ невмѣшательства, составилъ одинъ изъ символовъ вѣры Іюльской революціи 1830 года, и бельгійскій вопросъ давалъ Франціи первый поводъ къ проведенію этого принципа въ жизнь.

Кромѣ двухъ указанныхъ только-что пунктовъ—враждебное отношеніе Франціи къ Нидерландскому королевству и провозглашенное ею начало невмѣшательства—отразившихся на постановку бельгійскаго вопроса, благодаря приглашенію Франціи къ рѣшенію его, былъ еще третій, касавшійся уже не Франціи, а другихъ державъ, но который равнымъ отказомъ возникъ по поводу этого приглашенія. Чтобы понять его, нужно перенестись въ эпоху 1830 года и обратить вниманіе на то, какой рядъ представленій необходимо возникалъ у всѣхъ свидѣтелей Іюльскихъ событій, смотрѣвшихъ на нихъ изъ-за французской границы.

Память великой революціи была еще жива: присутствуя при возрожденіи ея во Франціи, другія государства Европы не могли забыть содержаніе прежней революціонной программы и свойствъ внѣшней политики революціонной Франціи; имъ было достаточно перечесть текстъ союзнаго договора 1815 года, чтобы ярко воспроизвести въ своемъ со-

[24]) Остроумное сравненіе Ulmann'a, 66.

Digitized by Google

знаніи, что̀ представляла съ международной точки зрѣнія революція во Франціи.

Бельгійская революція заставила особенно насторожиться: сентябрьскія событія въ Брюсселѣ явились несомнѣннымъ отраженіемъ іюльскихъ событій въ Парижѣ, и эта связь наводила на мысль, что первыя были началомъ революціонной пропаганды, которую Франція, по примѣру великой революціи, предприняла въ Европѣ. На дѣлѣ было много указаній, подтверждавшихъ правильность этой мысли. Еще до возникновенія революціи недовольные правительствомъ бельгійцы искали помощи во Франціи, надѣясь, послѣ происшедшей въ ней перемѣны, побудить ее взять на себя освобожденіе государства, связаннаго съ нею языкомъ и общими воспоминаніями революціонной и Наполеоновской эпохи [25]). Когда мятежъ въ Бельгіи принялъ серьезные размѣры и привелъ къ объявленію ея независимымъ отъ Голландіи государствомъ, то всѣ надежды на успѣхъ бельгійцами по прежнему возлагались на Францію. Часть дѣятелей революціи видѣла единственный источникъ спасенія отъ консервативной Европы въ немедленномъ присоединеніи къ Франціи [26]). Если временное правительство и не

---

[25]) Приведемъ выдержку изъ біографіи одного изъ главныхъ дѣятелей бельгійской революціи. La révolution de juillet fut saluée avec enthousiasme par Alex. Gendebien. Il y vit le signe de la délivrance de la Belgique. Dès les premiers jours d'août il écrivit à Paris, pour demander «qu'on s'expliquât catégoriquement si on voulait les limites du Rhin», et il garantissait «un succès complet en cas d'attaque». Il n'obtint pas de réponse. Le même silence fut gardé lorsqu'il voulut savoir si le gouvernement français interviendrait, le cas échéant, pour repousser une agression prussienne. La timidité du cabinet du Palais Royal fut une grande déception pour Gendebien... D'accord avec d'autres patriotes, Alex. Gendebien avait pris la résolution de se rendre lui même à Paris pour solliciter plus activement l'appui du gouvernement français... Онъ вернулся съ дороги, узнавъ о революціи въ Брюсселѣ... Juste, Les fondateurs de la monarchie belge, Alexandre Gendebien, Bruxelles, 1874, 6 ss.

[26]) Переписка Alex. Gendebien съ правительствомъ, цит. ibid., 21 s.

Digitized by Google

рѣшалось прибѣгнуть къ этой радикальной мѣрѣ, то все же первый его мыслью было отправить одного изъ своихъ членовъ въ Парижъ; ему поручалось заручиться расположеніемъ Франціи и просить ея помощи на случай, если вопросъ о будущемъ Бельгіи составитъ предметъ международныхъ переговоровъ [27]). Надежды Бельгійцевъ находили живой отголосокъ во Франціи среди болѣе крайнихъ представителей іюльскаго движенія. Благодаря всѣмъ подобнымъ фактамъ, которые не могли ускользнуть отъ вниманія другихъ государствъ отношеніе Франціи къ бельгійцамъ сдѣлалось предметомъ постоянныхъ опасеній. Допустивъ ее къ участію въ обсужденіи вопроса, четыре державы прежде всего однако направили свои усилія къ тому, чтобы не допустить укрѣпленія въ Бельгіи односторонняго вліянія Франціи. Это создало совершенно новый факторъ, призванный играть роль въ разрѣшеніи вопроса,—соперничество Франціи и остальныхъ державъ на бельгійской почвѣ. Этотъ факторъ служилъ нѣкоторымъ суррогатомъ умершаго въ своемъ чистомъ и идеальномъ обликѣ представленія о коалиціи консервативной Европы, призванной къ охранѣ международнаго правопорядка.

2. Совокупность изложенныхъ соображеній имѣла цѣлью дать характеристику концерта пяти державъ, которому предстояло рѣшать бельгійскій вопросъ. Мы увидимъ сейчасъ, какъ указанные основные факторы, взаимодѣйствуя другъ на друга, привели къ тому рѣшенію этого вопроса, какимъ было провозглашеніе нейтралитета Бельгіи.

Первый фазисъ въ исторіи переговоровъ, вызванныхъ возстаніемъ въ Бельгіи, представляетъ собою борьбу двухъ противоположныхъ началъ, съ которыми можно было подойти къ рѣшенію вопроса: начала невмѣшательства, защитницей котораго явилась Франція, и началъ консервативнаго «великаго союза». Борьба эта происходила въ двухъ основныхъ пунктахъ: первая битва дана была Франціей

[27]) Инструкція 6 Октября 1830 г.; ibid, 25, n. 1.

Digitized by Google

Пруссіи, которую консервативныя государства хотѣли заставить вмѣшаться въ пользу голландскаго короля, вторая — Англіи.

Вслѣдъ за тѣмъ какъ въ Парижѣ получено было извѣстіе о бельгійскихъ событіяхъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ прусскому послу, что Франція не можетъ допустить, чтобы иностранныя войска вступили въ Бельгію для подавленія возстанія и что всякое вооруженное вмѣшательство заставитъ Францію объявить войну вмѣшавшемуся; заявленіе это укрѣпило въ Пруссіи и раньше существовавшее тамъ нежеланіе выступить передовымъ борцомъ за консервативный принципъ, и она поторопилась успокоить французское министерство [28]). Результатомъ этого эпизода было то, что единственная изъ строго консервативно настроенныхъ державъ, которая въ состояніи была въ виду близости къ Нидерландамъ оказать дѣйствительную помощь королю противъ его мятежныхъ подданныхъ, оказалась нейтрализованною. Россія пыталась сломить это рѣшеніе Пруссіи, но напрасно [29]); дѣйствовать же одна она не могла, въ особенности въ виду возникшаго вслѣдъ за бельгійскимъ движенія въ Польшѣ [30]); Австрія, вѣрная консертивнымъ на-

---

[28]) Il (Molé) lui signifia en termes catégoriques, que toute armée prussienne qui ferait mine d'entrer en Belgique y rencontrerait une armée française prête à lui disputer le terrain. . . Souvenirs du feu duc de Broglie, IV, Paris, 1886, 413; Graf Bernstorff an Bülow vom 3 October: Preussen habe in Betracht Belgiens keine besonderen Verpflichtungen, sondern nur die mit den übrigen Mächten gemeinsamen, und diese kämen erst zur Wirkung, wenn die belgische Frage eine europäische werde; напеч. Droysen, 597; cf. Talleyrand au Comte Molé. Londres,—8 octobre 1830; Pallain, 19 ss. и Broglie (сынъ), op. cit, 154 ss.

[29]) О миссіи Дибича Мартенсъ, Собраніе, VIII, 170 сл.

[30]) Вооруженія Россіи весьма безпокоили Францію и Англію; только въ концѣ Ноября 1830 года изъ Россіи стали приходить болѣе успокоительныя извѣстія; 1 Декабря русскій посолъ въ Лондонѣ заявилъ французскому: Les armements.. que nous avons faits ont été occasionnés par la première demande de notre allié le Roi des Pays Bas... Mais je puis vous dire avec autorité, parce que j'en ai le pouvoir, que nos

Digitized by Google

чаламъ, считала однако, что вѣдомство ея международной полицейской власти въ Европѣ простиралось на южныя государства и что въ данномъ случаѣ обязанность водворенія порядка лежала не на ней [31]). Вторая важная побѣда была одержана Франціей въ Лондонѣ. Правда, здѣсь не требовалось особыхъ настояній. Система вмѣшательства была мало популярна въ Англіи; она отдѣлилась отъ нея еще въ эпоху конгрессовъ начала 20-хъ годовъ и возвращеніе къ ней, даже для спасенія такой чисто англійской по своему происхожденію политической комбинаціи, какой было образованіе Нидерландовъ, при всемъ сочувствіи къ нему консервативнаго правительства, натолкнулось бы на сопротивленіе парламента; къ тому же послѣднее было мало популярнымъ вообще и должно было скоро уступить мѣсто своимъ противникамъ; при этихъ условіяхъ взять на себя иниціативу военной экспедиціи съ рѣзко выраженнымъ консервативнымъ характеромъ оно не могло [32]). Когда представитель французскаго правительства въ Лондонѣ явился къ англійскимъ министрамъ съ своею доктриною невмѣшательства, онъ «нашелъ ихъ почти обращенными» [33]) и полное обращеніе не заставило себя ждать.

---

troupes n'agiront et ne pourraient agir que d'accord avec les cinq puissances; sans leur aveu elles ne passeront pas les frontières. Talleyrand au Comte Sébastiani, Londres, 1 décembre 1830; Pallain, 116.

[31]) Объ этомъ любопытномъ раздѣлѣ Европы съ точки зрѣнія обязанностей борьбы съ революціей см. Metternich, V, Paris, 1882, 42 ss.

[32]) Матушевичъ Нессельроде, 3/15 Ноября 1830 г.; Мартенсъ, XI, 439 сл.

[33]) Таллейранъ такъ передаетъ свой разговоръ съ Эбердиномъ: Nous ne pouvons pas, me dit il, et vous ne pouvez assurément pas plus que nous rester insensible à ce qui se passe.—Vous avez raison, Mylord, c'est un sujet de grande sollicitude pour mon Gouvernement et ce qui complique vos embarras aussi bien que les nôtres c'est que la doctrine de l'intervention a été répudiée par vous dans plusieurs circonstances comme elle l'est irrévocablement par le nouveau gouvernement que s'est donnée la France.—Celà est vrai, me dit-il, mais il faut que nous trouvions en-

Digitized by Google

Результатомъ побѣды, одержанной принципомъ невмѣшательства, было устраненіе того рѣшенія бельгійско-голландской распри, которое могла бы дать ему вооруженная помощь, оказанная Нидерландскому королю. Вмѣсто того рѣшено было передать вопросъ на обсужденіе спеціальнаго совѣщанія пяти государствъ въ Лондонѣ. Первымъ формальнымъ актомъ Лондонской конференціи былъ протоколъ отъ 4 ноября 1830 года, который постановилъ предложить «обѣимъ сторонамъ» прекратить военныя дѣйствія и каждой изъ нихъ вывести свои войска за предѣлы той линіи, которая раздѣляла Голландію и Бельгію до 1814 года; это перемиріе должно было дать возможность пяти державамъ обсудить положеніе и найти выходъ изъ него [34]). Этимъ постановленіемъ формально отвергалось то рѣшеніе, которое съ точки зрѣнія господствовавшей послѣ 1815 года международноправовой системы, было единственнымъ правильнымъ и устанавливалась перспектива иного мирнаго рѣшенія — путемъ переговоровъ между пятью державами, выступающими въ качествѣ посредницъ между двумя враждующими сторонами, существованіе которыхъ было такимъ образомъ оффиціально признано.

Съ этимъ протоколомъ вопросъ вступилъ въ совершенно новый фазисъ: послѣ него простая реставрація прежняго порядка сдѣлалась невозможной; конференція поставила

---

semble le moyen d'empêcher les états qui craignent de voir se propager chez eux l'esprit d'insurrection de prendre des mesures violentes qui rendroient la guerre inévitable. . . Talleyrand au Comte Molé, Londres, 3 octobre 1830; Pallain, 113.—Въ рѣчи своей при передачѣ вѣрительной грамоты Таллейранъ сказалъ: Des principes communs resserrent encore plus étroitement les liens des deux pays. L'Angleterre, au dehors, répudie comme la France le principe de l'intervention dans les affaires intérieures de ses voisins. . . ibid., 17, n. 1.

[34]) Тексты протоколовъ Лондонской конференціи напечатаны въ цѣломъ рядѣ сборниковъ, мы будемъ цитировать по англійскимъ Papers relative to the affairs of Belgium, Presented to both Houses of Parliament, 1833, A, 1. Протоколы одновременно напечатаны были въ Англіи, Франціи, Голландіи и Бельгіи, объ этомъ Descamps, 134.

Digitized by Google

себѣ задачу изыскать такое новое положеніе, которое могло бы примирить всѣ разнообразные, замѣшанные въ дѣлѣ интересы. Можно сказать, что тутъ впервые поставленъ былъ бельгійскій вопросъ: пока возможность иностраннаго вмѣшательства въ цѣляхъ подавленія возстанія не была отвергнута, до тѣхъ поръ предметомъ вниманія была собственно Голландія; теперь центромъ явилась Бельгія, вопросъ о ея существованіи и положеніи въ Европѣ. Слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить, что положительное содержаніе этого протокола не исчерпывается постановкою собственно бельгійскаго вопроса. Онъ опредѣляетъ еще и власть, которой принадлежитъ разрѣшеніе этого вопроса. Это власть пяти великихъ державъ. Протоколъ опредѣленно указываетъ основанія, на которыхъ она зиждется. Пять державъ собрались «въ качествѣ державъ, подписавшихъ Парижскій и Вѣнскій договоры, которыми образовано Нидерландское королевство». Эта ссылка знаменательна: говоря, что рѣшеніе вопроса принадлежитъ тѣмъ, кто создалъ Нидерландское королевство, она тѣмъ самымъ указываетъ, что отъ этой власти зависитъ измѣнить договорныя постановленія 1814—1815 годовъ, если того потребуютъ интересы дѣла, и признаетъ, что державы не стѣснены дѣйствующими нормами, а могутъ устанавливать ихъ de lege ferenda.

Въ чемъ же, если не въ отвергнутомъ принудительномъ возвращеніи Бельгіи къ повиновенію, могло заключаться рѣшеніе бельгійскаго вопроса? Торжественно провозглашенный принципъ невмѣшательства сдѣлалъ свое дѣло. Французскій представитель на конференціи, по собственному его признанію, «исчерпалъ всѣ общія мѣста, которыя даетъ этотъ принципъ» [35]). Въ изысканіи рѣшенія бельгійскаго вопроса отдѣльные участники конференціи необходимо должны были

---

[35]) J'ai épuisé tous les lieux communs qu'il (le principe de non intervention) fournit. Mais à present il ne conviendrait plus.. de se retrancher dans la généralité de ce principe... Talleyrand au Comte Molé, Londres, 3 octobre 1830; Pallain, 13.

Digitized by Google

идти разными путями. Богатый матеріалъ опубликованныхъ историческихъ документовъ позволяетъ ясно намѣтить исходныя точки зрѣнія большинства участницъ Лондонской конференціи. Изъ числа строго консервативныхъ державъ Австрія первая убѣдилась въ невозможности реставраціи въ Бельгіи стараго порядка; она готова была поэтому признать независимое существованіе этой страны, но подъ двоякимъ условіемъ; первое заключалось въ томъ, чтобы новое государство не разрывало цѣликомъ своихъ связей съ Голландіей и поставлено было по отношенію къ ней въ такое положеніе, которое исключало бы возможность присоединенія его къ Франціи [36]), а второе—въ томъ, чтобы отъ освобожденія бельгійцевъ не пострадала та система укрѣпленій, которая воздвигнута была въ Нидерландскомъ королевствѣ усиліями державъ [37]).—Россія шла не такъ далеко по вопросу объ освобожденіи Бельгіи, но смыслъ ея желаній былъ тотъ же самый. Задачею конференціи должно было быть, по ея мнѣнію «умиротвореніе Нидерландскаго королевства посредствомъ измѣненія условій соединенія между Бельгіей и Голландіею, но съ сохраненіемъ неприкосновенности этого государства подъ властью Оранскаго дома и съ полной безопасностью крѣпостей, охраняющихъ его независимость» [38]).—Положеніе, занятое Англіей, было гораздо менѣе опредѣленнымъ. Министерству, во главѣ котораго стояли люди

---

[36]) Mon sentiment est que la cause des Pays Bas est entièrement perdue. Le dernier et en même temps le plus grand tour de force serait de placer encore ce pays, vis-à-vis de la couronne de Hollande, dans des rapports tels que la réunion complète avec la France devienne impossible... Metternich à l'Empereur François, Rapport, Vienne, le 15 octobre 1830; Metternich, V, 42.

[37]) L'importance, fondée sur l'intérêt général, de ne point affaiblir le système de défense établi au prix de tant de sacrifices entre le Rhin et la mer du Nord. Metternich à Wessemberg, instructions, Presbourg, 3 octobre 1830; ibid., 38 s.

[38]) Nesselrode à Matuscewicz, St. Pétersbourg, 19 octobre 1830, цитировано цѣликомъ у Talleyrand, Mémoires, III, 363 ss., ср. Мартенсъ, XI, 438.

Digitized by Google

1815 года, трудно было сразу согласиться съ невозможностью дальнѣйшаго существованія Голландскаго «état d'équilibre». Вся надежда ихъ, въ началѣ, заключалась въ томъ, что между враждующими сторонами состоится компромиссъ, который позволитъ избѣжать ломки установленнаго порядка [39]). Когда оказалось, что компромиссъ невозможенъ, недоумѣніе министерства было велико; поглощенное внутренними дѣлами, оно, повидимому, еще не успѣло выработать новой программы, когда должно было уступить мѣсто вигамъ; послѣдніе, не связанные традиціями 1815 года, открыто перешли на сторону противниковъ «état d'équilibre».—Но былъ одинъ пунктъ, по которому между четырьмя державами была полная солидарность; отмѣчено уже выше, что онѣ всѣми силами стремились устранить перспективу присоединенія Бельгіи къ Франціи; не въ состояніи будучи силою отстоять голландскій état d'équilibre, они шли на компромиссъ, но весь смыслъ этого компромисса сводился именно къ мысли, что относительная независимость Бельгіи отъ Голландіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и независимость отъ Франціи и что, заставивъ послѣднюю признать эту независимость, онѣ устранятъ французскія домогательства, которыя иначе пришлось бы устранять войной.

Если въ консервативной Европѣ рѣшеніе вопроса опредѣлялось мотивами вѣрности установленному договорному строю и опасеніемъ захватовъ Франціи, то Франціей руководили соображенія иного порядка: цѣлью ея было, конечно, прежде всего по возможности ослабить или совсѣмъ уничтожить направленную противъ нее военную линію; задачу эту облегчали совершившіяся въ Бельгіи событія, и поэтому ея первой заботой было добиться отъ другихъ державъ освященія распаденія прежняго Нидерландскаго королевства, т.-е. провозглашенія независимости Бельгіи отъ Голландіи.

---

[39]) Ср. Talleyrand au Comte Molé, Londres, 1 octobre 1830; Pallain, 9 ss., ср. цитату у Broglie, 146 s. и Talleyrand, Mémoires, III, 339 s.

Digitized by Google

Первый пунктъ инструкцій, данныхъ французскому представителю на конференціи, гласилъ: «мы полагаемъ, что единственный возможный базисъ соглашенія при существующихъ обстоятельствахъ заключается въ томъ, чтобы Бельгія была отдѣлена отъ Голландіи и сдѣлана независимымъ государствомъ подъ властью суверенпаго государя» [40]). Этотъ пунктъ оправдывался передъ другими державами тѣмъ соображеніемъ, что обстоятельства не даютъ возможности бороться съ совершившимся фактомъ: путемъ совѣтовъ нельзя надѣяться подѣйствовать на бельгійцевъ, а принудительныя средства исключаются доктриною невмѣшательства [41]). Второй пунктъ инструкціи отражалъ на себѣ то безпокойство и неудовольствіе, которое внушало Франціи существованіе голландской военной линіи вдоль ея сѣверо-восточной границы. Онъ гласилъ: «Вы должны прежде всего (péremptoirement) устранить всѣ предложенія, которыя могли бы быть Вамъ сдѣланы, о порученіи, хотя бы на минуту, какой-либо изъ бельгійскихъ крѣпостей охранѣ какого бы то ни было иностраннаго гарнизона» [42]). Эта часть инструкціи, затрогивавшая сама по себѣ лишь небольшую частность вопроса, имѣла большое значеніе: она доказывала, что французское правительство искало согласнаго съ своимъ достоинствомъ и интересами выхода изъ

---

[40]) Инструкція 4 ноября 1830 года напечатана у Talleyrand, Mémoires, III, 376 ss.

[41]) La nécessité de la séparation de la Belgique et de sa reconnaissance comme État indépendant résulte avec une telle évidence des événements qui ont eu lieu,qu'elle n'est vraiment susceptible d'aucune objection sérieuse. Elle nous apparaît et doit apparaître à tous comme un fait accompli sur lequel on ne saurait raisonnablement tenter de revenir. Les voies de la conciliation à cet égard seraient certainement impraticables, et toute autre voie deviendroit dans l'état actuel des esprits en Belgique non moins contraire au voeu de l'humanité qu'elle le seroit dans tous les cas à nos principes. Другая редакція инструкціи, отъ 6 ноября 1830 года; Pallain, 56 n 1. Соотношеніе этого документа и документа, указаннаго въ прим. 40 не совсѣмъ ясно; впрочемъ общій смыслъ ихъ аналогиченъ.

[42]) Ibid.

Digitized by Google

тягостнаго положенія, создававшагося существованіемъ крѣпостей; пока оно нашло лишь временный компромиссъ въ формѣ устраненія наиболѣе тягостныхъ послѣдствій этого положенія—права державъ, признаннаго въ 1818 году, занимать крѣпости своими гарнизонами. — Что этотъ выходъ изыскивался, свидѣтельствуютъ и другіе французскіе документы, относящіеся къ тому же промежутку времени. Наиболѣе простымъ и радикальнымъ выходомъ для Франціи было бы присоединеніе Бельгіи. Стремленія значительной части бельгійцевъ въ первый моментъ революціи, отмѣченныя выше, давали точку опоры такой политикѣ; перспектива самостоятельности, открытая для Бельгіи въ первомъ протоколѣ Лондонской конференціи, нѣсколько ослабила силы «французской партіи», но все же еще долго въ странѣ продолжало держаться убѣжденіе, что присоединеніе къ Франціи есть наиболѣе счастливый исходъ изъ запутаннаго внутренняго и внѣшняго положенія [43]). Но Франція сознавала себя не въ силахъ осуществить эту радикальную программу, и она была сознательно устранена французскими государственными людьми во имя того компромисса, который давала независимость Бельгіи [44]).

---

[43]) Нѣсколько фактовъ въ доказательство этого положенія. Въ началѣ Ноября первый представитель Бельгіи въ Лондонѣ Van de Weyer заявляетъ Эбердину: la résolution des Belges est bien prise: il repousseront toute espèce d'intervention... et, en désespoir de cause, plutôt que de la subir, ils se jetteront dans les bras d'une puissance voisine...; Rapport de M. Van de Weyer, 16 novembre 1830; Huytens, IV, 179 ss.; 3 Февраля 1831 года національный конгрессъ, послѣ долгой борьбы, избралъ младшаго сына Луи Филиппа Герцога Немурскаго королемъ, т. е. сознательно отдалъ себя во власть французовъ; Huytens, II, въ частн. 455; это самый крупный фактъ въ этой области, вызвавшій серьезныя международныя осложненія и державшій въ теченіе нѣкотораго времени Европу въ ожиданіи неминуемой всеобщей войны. Подробности въ историческихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи этого времени, напр. въ неоднократно цитированномъ предсмертномъ трудѣ талантливаго герцога Броля, или недавнемъ трудѣ Lannoy, Les origines diplomatiques de l'indépendance belge, Louvain, 1903, 150 ss.

[44]) Объ этомъ въ мемуарахъ дѣятелей Іюльской монархіи: Guizot,

Digitized by Google

Въ основу политики въ бельгійскомъ вопросѣ Французскій король положилъ поэтому начала, изложенныя имъ въ письмѣ на имя министра иностранныхъ дѣлъ такъ: «слѣдуетъ постараться устранить изъ переговоровъ все, что могло бы заставить приписать Франціи честолюбивые замыслы, которыхъ она не имѣетъ, ибо она хочетъ прежде всего, чтобы европейскій миръ не былъ нарушенъ и каждая держава сохранила тѣ границы, которыя она теперь имѣетъ» [45]). Естественнымъ выводомъ изъ отсюда было то, что, не отказываясь отъ мысли объ уничтоженіи воздвигнутыхъ противъ нея линіи крѣпостей, она стремилась отыскать такое рѣшеніе, которое было бы совмѣстно съ началомъ «европейскаго равновѣсія», какъ оно понималось консервативной Европой [46]).

Первое, на чемъ могли и должны были сойтись представители консервативной Европы, съ одной стороны, и французскій полномочный, съ другой, было признаніе независимости Бельгіи за исходный пунктъ переговоровъ: для первыхъ это признаніе было цѣннымъ потому, что устраняло угрожавшую имъ перспективу присоединенія этой страны къ Франціи и слѣдовательно всеобщей войны; для вторыхъ—потому, что ею устранялась возможность возстановленія силою стараго Нидерландскаго королевства и этому передовому посту консервативной Европы наносился непоправимый ударъ. Политически признаніе независимости Бельгіи было такимъ образомъ несомнѣннымъ компромиссомъ: оно основано было на взаимныхъ уступкахъ—консервативная Европа отказывалась отъ «état d'équilibre», Франція отъ плановъ присоединенія [47]). Являясь въ глазахъ обѣихъ

Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, II, Paris, 1859, 248 ss.; Broglie, Mémoires, IV, 37 ss.

[45]) Le Roi Louis Philippe au maréchal Maison, 11 novembre 1830, цѣликомъ у Talleyrand, Mémoires, III, 380 ss.

[46]) Инструкція Таллейрану 6 Ноября 1830.

[47]) Эта сторона дѣла ясна при сопоставленіи двухъ слѣдующихъ документовъ: донесеніе русскихъ представителей 12/24 декабря 1830 г.

Digitized by Google

сторонъ необходимымъ компромиссомъ, независимость Бельгіи не могла, однако, сама по себѣ служить конечнымъ рѣшеніемъ всѣхъ связанныхъ съ дѣломъ вопросовъ. Для консервативной Европы оставался открытымъ вопросъ о замѣнѣ какимъ-нибудь эквивалентомъ поколебленной голландской военной линіи, для Франціи—вопросъ о гарантіи того, что Бельгія въ этомъ отношеніи не будетъ служить наслѣдницей «état d'équilibre». Независимость есть поэтому лишь исходный пунктъ переговоровъ и тотъ минимумъ, которымъ можно было довольствоваться въ началѣ. Протоколъ Лондонской конференціи, въ которомъ впервые устанавливается независимость--20 декабря 1830 года за № 7—ясно говоритъ, что проблема этимъ не рѣшена. Онъ гласитъ: «полномочные собрались, дабы обсудить мѣры, имѣющія цѣлью исправить разстройство, внесенное въ созданную договорами 1814 и 1815 годовъ систему бельгійскими безпорядками. Устанавливая этими договорами соединеніе Бельгіи и Голландіи, державы... имѣли въ виду обосновать истинное равновѣсіе въ Европѣ и обезпечить общій миръ. Событія послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ доказали, къ сожалѣнію, что та полная и совершенная амальгама между двумя странами, о которой державы думали, не была достигнута и что теперь невозможно ея добиться, что такимъ образомъ смыслъ соединенія Бельгіи съ Голландіей разрушенъ и что при этихъ условіяхъ необходимо прибѣгнуть къ новому соглашенію для осуществленія тѣхъ намѣреній,

---

(въ изложеніи Ф. Ф. Мартенса) гласитъ: Prenant en considération... qu'il était impossible d'imposer aux deux nations une union étroite contre leur gré et que toute tentative de replacer les Belges par la force armée sous le sceptre du roi de Hollande les eut porter à se jeter dans les bras de la France, les deux plenipotentiaires ont signé le protocole... «Cette indépendance», selon leur avis, «valait mieux qu'une occupation française». Мартенсъ, XI, 446; въ то же время французскій посолъ пишетъ о протоколѣ, признавшемъ независимость Бельгіи: «le protocole renferme tout ce que raisonnablement nous pouvions désirer»... Talleyrand au Comte Sébastiani, Londres, 20 décembre 1830; Pallain, 142.

Digitized by Google

средствомъ къ которымъ это соединеніе должно было служить. Конференція займется поэтому обсужденіемъ и выработкою новыхъ началъ, способныхъ сочетать будущую независимость Бельгіи съ условіями договоровъ, съ интересами и безопасностью другихъ государствъ и съ сохраненіемъ европейскаго равновѣсія...» [48]).

Въ этомъ протоколѣ бельгійскій вопросъ формулируется такъ: что нужно сдѣлать съ Бельгіей, чтобы примирить всѣ интересы, исходя изъ признанія ея независимаго существованія? Приложенныя къ этой болѣе узкой по своему смыслу задачѣ указанныя выше разнообразныя точки зрѣнія государствъ, участвовавшихъ въ конференціи, даютъ въ результатѣ провозглашеніе постояннаго нейтралитета Бельгіи. Нѣсколько документовъ позволяютъ намъ какъ бы присутствовать при внутренней работѣ, вызванной въ политическомъ сознаніи главныхъ участниковъ конференціи задачей, формулированной седьмымъ протоколомъ.

Первый изъ нихъ (который относится ко времени, предшествующему седьмому протоколу, но исходитъ, однако, изъ необходимости признанія независимости Бельгіи, т.-е. остается въ рамкахъ этой проблемы) представляетъ письмо русскаго представителя на конференціи.

«Меня спросятъ, говорится въ немъ, что слѣдуетъ дѣлать? Прежде всего не пробовать невозможнаго и затѣмъ сдѣлать двѣ слѣдующія простыя вещи: во-первыхъ, противопоставить безпорядку единственное средство, дающее нѣкоторый лучъ надежды (разумѣется избраніе принца Оранскаго на бельгійскій вопросъ). Во-вторыхъ, спасти Бельгію отъ Франціи и Голландію отъ Бельгіи... Средство для спасенія Бельгіи отъ Франціи и Голландіи отъ Бельгіи было бы слѣдующее: пять державъ гарантируютъ сообща, посредствомъ протокола или трактата, существованіе Бельгійскаго Королевства и объявляютъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, ни нападать на него, ни занимать

[48]) Papers, A, 17 f.

Digitized by Google

его безъ согласія четырехъ другихъ державъ, и что кромѣ того, онѣ гарантируютъ равнымъ образомъ Голландію отъ всякаго нападенія со стороны Бельгіи» [49]). Второй документъ—депеша французскаго представителя: «Послѣ долгихъ и разнообразныхъ поисковъ и опытовъ я пришелъ къ мысли, которой осуществленіе, быть можетъ, никого вполнѣ не удовлетворяя, удастся лучше, чѣмъ другихъ: съ нею устраняются по крайней мѣрѣ интриги. Это образованіе въ Бельгіи федеральнаго правительства, подобнаго швейцарскому, т.-е. съ признаннымъ нейтралитетомъ; это не противорѣчитъ нисколько основамъ этой страны, гдѣ языкъ, религія и нравы различны въ отдѣльныхъ частяхъ ея» [50]). Къ этому документу примыкаетъ другой—отвѣтъ на эту депешу французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, вполнѣ одобряющій проектъ [51]).

Наконецъ, третій документъ, извѣстный лишь въ изложеніи, не совсѣмъ согласномъ съ данными второго, представляетъ донесеніе прусскаго представителя, въ которомъ говорилось приблизительно слѣдующее: «Таллейранъ пришелъ къ Бюлову (прусскому представителю) и сообщилъ

---

[49]) Le Comte Matuszewic au Comte Nesselrode 3/15 novembre 1830. Пользуюсь выдержками Мартенса, Собраніе XI, 439 сл. и его переводомъ. Оригинальный текстъ: Le moyen de préserver la Belgique de la France et la Hollande de la Belgique serait celui ci: Les cinq puissances garantiraient en commun, par un protocole ou traité, l'existence du royaume belge, et déclareraient qu'aucune d'elles ne pourra dans aucun cas l'envahir ou l'occuper sans le consentement des quatre autres, et que de plus, elles garantissent également la Hollande contre toute invasion de la part de la Belgique.

[50]) Talleyrand au Comte Sébastiani, Londres, le 16 janvier 1831 : . . la formation d'un gouvernement féderal en Belgique, anologue à celui de la Suisse, c'est à dire avec une neutralité reconnue; Pallain, 173.

[51]) Sébastiani à Talleyrand, 17 janvier 1831: Votre projet d'un gouvernement fédéral . . protégé par un système de neutralité, sous le garantie des grandes puissances, est une pensée profonde dont le Roi a été frappé, et veut y refléchir . . J'apperçois de grands avantages dans ce système, mais il me reste des doutes sur l'adhésion de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse à une combinaison de cette nature . . . Pallain, 173, n. 1.

Digitized by Google

ему, что изъ этого бельгійскаго лабиринта нѣтъ выхода и нельзя найти для новаго государства такого короля, который былъ бы пріятенъ всѣмъ державамъ, что, повидимому, слѣдуетъ сдѣлать изъ Бельгіи федеративное государство, подобное Швейцаріи. Бюловъ по этому поводу не упустилъ случая обратить его вниманіе на идею, въ которой онъ, Бюловъ, видѣлъ узелъ рѣшенія: во всякомъ случаѣ, Бельгіи долженъ быть присвоенъ постоянный нейтралитетъ и этотъ послѣдній долженъ быть поставленъ подъ гарантію всѣхъ державъ. Таллейранъ былъ съ этимъ совершенно согласенъ» [52]).

Не слѣдуетъ, сравнивая эти документы, обращать особое вниманіе на то, что они не согласны между собой по вопросу о томъ, кто первый и насколько самостоятельно пришелъ къ мысли о провозглашеніи Бельгіи постоянно нейтральной [53]), а слѣдуетъ, напротивъ того, прежде всего отмѣтить ихъ сходство: три участника конференціи почти одновременно пришли къ одинаковому рѣшенію проблемы, поставленной конференціей [54]). Это знаменательно и вмѣстѣ съ тѣмъ понятно. Рѣшеніе вопроса провозглашеніемъ по-

---

[52]) Документъ, изъ котораго почерпнуто это изложеніе, Droysen'омъ 611, не указанъ и не указана дата этого разговора; очевидно (имѣя въ виду другія части изслѣдованія Дройзена), что въ его рукахъ находилась депеша Бюлова изъ Лондона. Вотъ фраза Дройзена о нейтралитетѣ: Bülow wies es nicht ganz von der Hand, um den Gedanken anzuregen, in dem er den Hauptpunkt der Lösung sah: «in jedem Fall müsse für Belgien die ewige Neutralität ausgesprochen und diese unter Garantie aller Mächte gestellt werden». Talleyrand war sehr damit einverstanden . . .

[53]) Намъ неизвѣстно, насколько близки были къ этой мысли Англія и Австрія. Во всякомъ случаѣ, графъ Матушевичъ первый формулировалъ мысль о нейтралитетѣ, но не произнесъ самого термина: кто раньше сдѣлалъ послѣднее—Таллейранъ или Бюловъ—остается открытымъ вопросомъ.

[54]) Мы отбрасываемъ отдѣльныя подробности въ этихъ документахъ: проектъ гарантіи неприкосновенности Голландіи у Матушевича, проектъ федеративной Бельгіи у Таллейрана. Эти подробности вызваны интересами минуты и исчезли безслѣдно.

Digitized by Google

стояннаго нейтралитета Бельгіи дѣйствительно почти дано въ основныхъ элементахъ разбираемой политической задачи: Бельгія—постоянно нейтральное государство всецѣло устраняетъ опасеніе консервативной Европы, что Франція захватитъ ее, и устанавливаетъ извѣстную сдержку для этой послѣдней, выполняющую функціи прежняго état d'équilibre; вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ Франціи она знаменуетъ паденіе голландской военной линіи, имѣющей аггрессивный по отношенію къ ней характеръ.

При этихъ условіяхъ немудрено, что, когда конференція приступила къ выполненію программы, намѣченной въ седьмомъ протоколѣ, мысль о нейтралитетѣ, какъ лучшемъ рѣшеніи вопроса, нашла себѣ полное признаніе. Одиннадцатый протоколъ конференціи 20 января 1831 года, всесторонне опредѣлившій международное положеніе Бельгіи, во второй своей части говоритъ слѣдующее: «полномочные единогласно полагаютъ, что пять державъ во имя общихъ своихъ интересовъ и взаимнаго своего согласія, ради спокойствія Европы и исполненія взглядовъ, намѣченныхъ въ протоколѣ 20 декабря, должны дать торжественное свидѣтельство и безспорное доказательство своего твердаго намѣренія не искать въ соглашеніи о Бельгіи—какъ и вообще ни въ какихъ другихъ соглашеніяхъ—ни территоріальныхъ приращеній, ни исключительнаго вліянія и отдѣльныхъ выгодъ, и рѣшенія даровать этой странѣ и всѣмъ государствамъ, его окружающимъ, лучшія гарантіи спокойствія и безопасности. Слѣдуя этимъ началамъ и въ этихъ спасительныхъ видахъ полномочные рѣшили присоединить къ предшествующимъ статьямъ (посвященнымъ другимъ вопросамъ) еще слѣдующія:

Ст. 5. Бельгія, въ тѣхъ границахъ, которыя будутъ установлены и начертаны на основаніи ст. 1, 2 и 4 настоящаго протокола, составитъ постоянно нейтральное государство. Пять Державъ гарантируютъ ей этотъ постоянный нейтралитетъ, а равно цѣлость и неприкосновенность ея территоріи въ вышеуказанныхъ

Digitized by Google

границахъ. Ст. 6. Въ справедливую взаимность Бельгія будетъ обязана соблюдать этотъ нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ державамъ и не нарушать ихъ внутренняго и внѣшняго спокойствія» [55]).

Оцѣнка, которую участники конференціи давали протоколу 20 января 1831 г. въ моментъ его возникновенія, указываетъ наглядно, насколько удачнымъ казался выработанный, путемъ примѣненія къ Бельгіи швейцарскаго и краковскаго прецедентовъ, политическій компромиссъ. Франція находила, что протоколъ разрушилъ созданную въ 1815 году политическую систему, воздвигнутую изъ ненависти къ ней, что тринадцать бельгійскихъ крѣпостей, составлявшихъ постоянную угрозу для ея сѣверной границы, уничтожены имъ и она освобождена отъ этой помѣхи [56]). Установленіе бельгійскаго нейтралитета было поэтому, въ глазахъ ея, «большой побѣдой» (une grande victoire) [57]).—Побѣдой оно казалось и другимъ державамъ: мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о такомъ настроеніи англійскаго, прусскаго и русскаго представителей: первый пишетъ, что послѣ того, какъ Таллейранъ связалъ свое правительство «ограничиваю-

[55]) Papers, A, 26 ff. — Art. 5. La Belgique, dans les limites telles qu'elles seront arrêtées et tracées conformément aux bases posées dans les articles 1, 2 et 4 du présent protocole, formera un Etat perpétuellement neutre. Les cinq puissances lui garantissent cette neutralité perpétuelle, ainsi que l'intégrité et l'inviolabilité de son territoire dans les limites mentionnées ci—dessus. Art. 6. Par une juste réciprocité la Belgique sera tenue d'observer cette même neutralité envers tous les autres Etats et de ne porter aucune atteinte à leur tranquillité intérieure, ni extérieure.

[56]) Talleyrand au Comte Sébastiani, Londres, le 21 janvier 1831; Pallain, 182. Таллейранъ былъ крайне гордъ достигнутымъ результатомъ, онъ пишетъ: J'oserai dire . . que la journée d'hier est une de celles qui me paraissent devoir tenir une bonne place dans ma vie. Le Roi a effacé d'un trait de plume les exigences de l'étranger qui blessaient le plus l'orgueil national . . Talleyrand à Madame Adélaide, 22 janvier 1831, цит. Broglie, 303.

[57]) Talleyrand, Mémoires, IV, 17 ss.

Digitized by Google

щей его декларацией (selfdenying declaration), составляющей содержаніе протокола», ему не придется болѣе бороться съ завоевательными планами французовъ [58]); прусскій и русскій представители равнымъ образомъ убѣждены были, что протоколомъ нанесенъ тяжелый ударъ Франціи [59]).

Въ этихъ отзывахъ ключъ къ объясненію происхожденія ст. 5 и 6 одиннадцатаго протокола Лондонской конференціи: Бельгія была признана постоянно нейтральной, потому что этимъ признаніемъ достигалась, во-первыхъ, безусловная неприкосновенность ея для другихъ державъ и, во-вторыхъ, сведеніе къ нулю ея значенія въ смыслѣ военной помощи, прямой или косвенной, которую она могла бы оказывать тѣмъ или другимъ изъ этихъ державъ; ст. 5-ая воспроизводитъ первый изъ только что отмѣченныхъ двухъ пунктовъ (политически отвѣчающій интересамъ консервативной Европы), ст. 6-ая — второй (политически отвѣчающій интересамъ Франціи); между ними полное соотвѣтствіе: запрету войны, обращенному къ державамъ, отвѣчаетъ такой же запретъ, обращенный къ Бельгіи.

Включенная въ ст. 6 фраза: «Бельгія не должна нарушать внутренняго спокойствія остальныхъ государствъ» вскрываетъ другую сторону дѣла. Бельгійскій постоянный нейтралитетъ отвѣчалъ потребности найти рѣшеніе чисто политической задачи, но не сдѣдуетъ забывать, что рѣшеніе это найдено было въ формѣ примѣненія къ Бельгіи института, выработаннаго тогдашней системой международнаго права: оно было воспроизведеніемъ опредѣленныхъ правовыхъ прецедентовъ и, естественно, когда нужно было выразить въ правовой формулѣ новое положеніе Бельгіи, въ ней оказались подробности, понятныя только съ точки зрѣнія

---

[58]) Lord Palmerston to Viscount Granville, Jan. 21, 1831; Bulwer, The life of Palmerston, II, Leipzig, 1871, 35.

[59]) Таковъ смыслъ передаваемаго Мартенсомъ, Собраніе, XI, 450 сл., донесенія князя Ливена отъ $^{10}/_{22}$ января 1831 и донесенія Бюлова, на которомъ основано изложеніе Droysen, 611 f.

Digitized by Google

этихъ прецедентовъ [60]). Говоря о Краковѣ, мы видѣли уже, что, съ точки зрѣнія той эпохи, постоянный нейтралитетъ вызывалъ особенности въ международномъ положеніи государства не только по поводу войны, но и въ мирное время въ формѣ опредѣленнаго отношенія къ внутреннимъ политическимъ движеніямъ въ другихъ государствахъ. Воспроизводя изобрѣтенный въ 1815 году институтъ, Лондонская конференція помнитъ установленныя предшествующей практикою его свойства, повелѣвая Бельгіи не нарушать «внутренняго спокойствія» другихъ державъ; слѣдуя проторенному предшествующимъ развитіемъ института пути, она поступаетъ сознательно и признаетъ цѣнными всѣ извѣстныя ей стороны института [61]).

4. Ст. 5 и 6 одиннадцатаго протокола Лондонской конференціи представляютъ лишь первоначальный набросокъ международноправовыхъ отношеній, осуществленныхъ окончательно въ другомъ актѣ. Чтобы понять, почему одиннадцатому протоколу не суждено было служить окончательной формой, въ которой разрѣшился бельгійскій вопросъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что правовое значеніе протоколовъ конференціи вообще было крайне не ясно. Участники считали конференцію законной выразительницей воли Европы, призванной суверенно рѣшать вопросъ, предоставленный ея сужденію; «каждая нація, говорили они, имѣетъ свои частныя права, но и Европа имѣетъ свое право, данное ей общественнымъ порядкомъ» (chaque nation a ses droits particuliers; mais

---

[60]) Ссылки на прецеденты, главнымъ образомъ швейцарскій, постоянны въ перепискѣ, посвященной Бельгіи; см. документы, указанные въ прим. 50, 51 и 56.

[61]) Lord Palmerston invoqua en outre les arguments suivants en faveur de la neutralité. «Les Belges avaient été en tout temps une nation inquiète. Il semblait nécessaire de la condamner en quelque sorte à une existence paisible et de la forcer à porter son attention entière vers le commerce et l'industrie qui la rendraient tous les jours rivale à la France et plus disposée à la Hollande». Rapport du prince de Lieven du 10/22 janvier 1831, выдержка у Мартенса, Собраніе, XI, 451.

Digitized by Google

l'Europe aussi a son droit; c'est l'ordre social qui le lui a donné); «Европа» одна могла полновластно опредѣлить то положеніе, которое должна была занять среди другихъ державъ вновь создававшаяся Бельгія, и дѣло конференціи было опредѣлить это положеніе [62]). Это любопытное построеніе особой личности, стоящей выше отдѣльныхъ государствъ, этой имѣющей «свои права» Европы, органомъ которой являлась совокупность пяти великихъ державъ, столкнулось съ двумя другими факторами, которые не могли не оказывать вліянія на разрѣшеніе вопроса о Бельгіи и которые возстали противъ этихъ «правъ Европы». Эти два фактора были воля уже организовавшейся въ самостоятельное государство Бельгіи и воля Голландіи. Обстоятельства скоро показали, что конференціи необходимо было считаться и съ ними. Одиннадцатый протоколъ содержалъ, мы знаемъ, кромѣ статей о постоянномъ нейтралитетѣ, еще нѣсколько другихъ, въ томъ числѣ относительно границъ новаго государства. Этотъ пунктъ близко затрогивалъ интересы обѣихъ половинъ, на которыя должно было распасться Нидерландское королевство, и отнестись къ нему пассивно онѣ не могли. Когда въ Бельгіи стали извѣстны статьи одиннадцатаго протокола, то онѣ показались совершенно невозможными, и національный конгрессъ поторопился протестовать противъ нихъ. По существу дѣла протестъ вызывался исключительно территоріальными статьями протокола. Пренія конгресса свидѣтельствуютъ объ этомъ. Даже такой важный пунктъ, какъ будущій нейтралитетъ Бельгіи, былъ затронутъ всего однимъ изъ многочисленныхъ ораторовъ, говорившихъ о протоколѣ [63]). Но протестъ былъ облеченъ въ широкую и общую формулу, которая отразилась на всемъ послѣдующемъ ходѣ дѣла и которая заключалась въ отрицаніи права конференціи рѣшать бельгійскій вопросъ: «національный конгрессъ.... ни въ какомъ случаѣ не откажется, говорилось въ немъ, въ пользу иностранныхъ кабинетовъ отъ су-

[62]) протоколъ 19 февраля 1831; Papers, A, 45 ff.

Digitized by Google

веренитета, который довѣренъ ему бельгійской націей; онъ всегда будетъ требовать отъ иностранныхъ державъ соблюденія начала невмѣшательства» [64]). Начало невмѣшательства здѣсь появляется во второй разъ въ исторіи переговоровъ о Бельгіи и исполняетъ совершенно новую роль: въ устахъ Франціи до начала занятій конференціи оно было средствомъ разрушить возможность рѣшенія вопроса безъ ея участія; теперь оно обращено было какъ орудіе противъ конференціи и достигнутыхъ ею результатовъ. Національный конгрессъ, противопоставляя протоколамъ конференціи начало невмѣшательства, создалъ первое существенное препятствіе для успѣха работъ Лондонскаго совѣщанія.

Протестъ Бельгіи не заставилъ, правда, конференцію измѣнить высказанныя ею положенія (это тѣмъ болѣе понятно, что другая заинтересованная сторона, Голландія, ихъ приняла [65]), и она продолжала настаивать на принятіи протокола. Въ теченіе всей первой половины 1831 года тянется рядъ без-

---

[63]) Séance du 30 janvier 1831.... M. Van Meenen. Les dispositions de ces articles (5 et 6) ne sont pas claires. Je conçois la neutralité de notre territoire, en cas de guerre entre les puissances qui nous environnent. Mais je ne la conçois pas hors de là. S'il nous faudra rester perpétuellement neutres, il nous sera défendu de nous associer à une nation voisine, dans une guerre de principe par exemple. En cas de guerre même entre les puissances étrangères, je crois qu'il faudrait s'opposer à cette neutralité, car nous donnerons par là à ces puissances le droit d'intervenir dans nos affaires et de controler toutes les mesures que nous pourrons prendre pour nous garantir contre toute invasion.. Huytens, II, 324 s.

[64])..... Il n'abdiquera dans aucun cas l'exercice de la souveraineté que la nation belge lui a confiée;.. il réclamera toujours de la part des puissances étrangères le maintien du principe de la non intervention... Décret du congrès national du 1 février 1831; Huytens, IV, 245 s. Несомнѣнно протестъ Бельгіи не вполнѣ отвѣчалъ предшествующимъ ея актамъ. Временное правительство приняло первые протоколы, въ которыхъ было, конечно, не меньше «вмѣшательства», чѣмъ въ одиннадцатомъ. Эта непослѣдовательность сознавалась бельгійцами; ср. рѣчь Lebeau, министра иностранныхъ дѣлъ, 2 апрѣля 1831; ibid., III, 22 ss., и отчетъ его предшественника Van de Weyer, 31 марта 1831; ibid., IV, 298 ss.

[65]) Protocole du 18 février 1831, n° 18; Papers, A, 44.

Digitized by Google

плодныхъ рѣшеній въ этомъ смыслѣ [66]). Не слѣдуетъ удивляться скудности результатовъ, достигнутыхъ въ теченіе этихъ мѣсяцевъ. Помимо протеста Бельгіи дѣло осложнилось за это время, во вторыхъ, еще и острой борьбой по вопросу о будущей Бельгійской династіи. Чтобы оцѣнить трудности этого послѣдняго, слѣдуетъ замѣтить, что имъ въ новой формѣ бельгійскій вопросъ, цѣликомъ и какъ бы съ начала, ставился на очередь: кандидатура принца Оранскаго, которую долго не могли окончательно устранить и которая являлась символомъ реставраціи, и затѣмъ возникшая въ Бельгіи мысль призвать на престолъ одного изъ сыновей Луи Филиппа, казавшаяся всѣмъ другимъ державамъ маскою французскаго завоеванія. снова вернули всѣхъ къ минутамъ дипломатической борьбы, предшествовавшей признанію бельгійской независимости; всѣ интересы, замѣшанные въ вопросѣ, снова столкнулись по этому поводу, и лишь послѣ упорной борьбы состоялся компромиссъ, въ силу котораго герцогъ Немурскій, казавшійся опаснымъ четыремъ державамъ, и его противникъ (герцогъ Лейхтенбергскій), казавшійся опаснымъ Франціи, были устранены отъ престола; лишь послѣ того какъ удалось найти «нейтральнаго короля» въ лицѣ принца Леопольда Саксенъ Кобургскаго, сложный династическій вопросъ оказался исчерпаннымъ.

Эта новая форма бельгійскаго вопроса и переговоры относительно принятія Бельгіей выработанныхъ конференціей основаній ея международнаго положенія развивались параллельно и независимо другъ отъ друга, но скрестились въ моментъ выбора Бельгіей принца Леопольда, благодаря слѣдующему ряду обстоятельствъ.

---

[66]) таковы протоколы: 19 февраля № 19, содержащій оправданіе принятыхъ конференціей положеній, 17 апрѣля № 22, содержащій указаніе, что постановленія одиннадцатаго протокола имѣютъ окончательный характеръ и составляютъ условія признанія независимости Бельгіи пятью державами, и угрожающій разрывомъ дипломатическихъ сношеній, 10 мая № 23 и 6 іюня № 25, объ исполненіи двадцать второго протокола; Papers. A, 45 ff., 55 ff., 58 f., 60 f.

Digitized by Google

Для Бельгіи политической необходимостью было, чтобы принцъ принялъ предложенный ему престолъ—только королевской властью могла быть довершена начатая политическая организація страны, а другого кандидата не было; для принца Леопольда было крайне важно вступить на престолъ не ранѣе того, какъ окончательно выяснится международное положеніе Бельгіи, ибо его признаніе было обусловлено признаніемъ Бельгіи, а послѣднее принятіемъ ею январскаго протокола. Протестъ національнаго конгресса дѣлалъ это невозможнымъ, пока протоколъ оставался не измѣненнымъ. Поэтому всѣ усилія направлены были на измѣненіе послѣдняго: со стороны Бельгіи, потому что такимъ путемъ ей обезпечивался король, со стороны принца Леопольда — потому что такъ ему обезпечивалась Бельгія. Къ этому присоединялся, наконецъ, еще и политическій интересъ европейскихъ державъ: столько силъ было потрачено, чтобы найти «нейтральнаго» кандидата на Бельгійскій престолъ, что скомпрометировать достигнутый результатъ настойчивымъ нежеланіемъ внести какія-либо перемѣны въ январскій протоколъ онѣ не могли рѣшиться. Совокупность этихъ фактовъ привела къ возникновенію двадцать шестого протокола конференціи 26 іюня 1831 года, въ которомъ было постановлено «испробовать новые пути соглашенія» по бельгійскому вопросу и предложить Бельгіи и Голландіи пересмотрѣнный и видоизмѣненный текстъ статей, которыми должно было опредѣляться международное положеніе первой. Новый текстъ состоялъ изъ 18 статей и отличался отъ январскихъ постановленій, главнымъ образомъ, въ двухъ пунктахъ, служившихъ уступкой требованіямъ бельгійцевъ: первый пунктъ касался границъ новаго государства — онъ насъ не можетъ интересовать; второй носилъ болѣе принципіальный характеръ—18 статей были облечены въ форму проекта договора Бельгіи съ другими державами, чѣмъ признавалось, что онѣ могутъ сдѣлаться обязательными лишь съ ея согласія. Эта форма способна была успокоить бельгійское общественное мнѣніе, знаменуя отказъ конференціи отъ прежъ-

Digitized by Google

ней теоріи полновластной Европы, своею суверенной волею опредѣлявшей права и обязанности Бельгіи независимо отъ ея воли [67]). Измѣненіе, внесенное двадцать шестымъ протоколомъ, имѣетъ большое значеніе: во всѣхъ послѣдующихъ переговорахъ всѣ проекты рѣшенія вопроса носили форму договоровъ, и окончательный актъ, въ которомъ былъ установленъ бельгійскій нейтралитетъ, мы увидимъ, имѣетъ ту же форму. Со времени двадцать шестого протокола признаніе права Бельгіи подписать свой конституитивный актъ было окончательно завоевано ею.

Кромѣ двухъ указанныхъ пунктовъ въ проектъ договора внесены были еще редакціонныя измѣненія; такимъ измѣненіямъ подверглись и статьи о нейтралитетѣ. Мотивомъ измѣненія редакціи этихъ статей было желаніе Бельгійцевъ внести въ нихъ нѣкоторыя оговорки въ пользу самостоятельности своей страны. Одинъ изъ оффиціозныхъ агентовъ Бельгіи при конференціи такъ объясняетъ смыслъ этого желанія: «конференція, объявляя Бельгію нейтральной, не сочла (въ январскомъ протоколѣ) необходимымъ прибавить, что этотъ нейтралитетъ не ограничиваетъ ея внутренній су-

[67]) Насколько важенъ былъ въ глазахъ Бельгіи этотъ пунктъ свидѣтельствуетъ статья, напечатанная въ то время въ бельгійскомъ оффиціальномъ Moniteur'ѣ Parallèle entre les protocoles et les préliminaires du traité de paix, гдѣ говорилось: la conférence a enfin reconnu que son rôle est celui d'un médiateur; ce ne sont plus des lois qu'elle dicte à la Belgique et à la Hollande en exigeant une adhésion en quelque sorte passive et en se reservant une intervention indéfinie; elle propose aux deux pays un traité de paix, elle précise nettement le caractère et le but de ses propositions et décline elle même sa compétence pour l'avenir, en n'offrant que ses bons offices lorsqu'ils sont à la fois et librement reclamés par les deux pays.... Перепечатано у Huytens, III, 380, n. 1. Ср. также пренія о 18 статьяхъ въ національномъ конгрессѣ; Huytens, III, 365 ss.—Уступка доктринѣ невмѣшательства была сдѣлана лишь по формѣ: Бельгія всетаки оффиціально не принимала участія въ выработкѣ текста 18 статей, а лишь «оффиціозно»; проектъ договора былъ предложенъ ей съ строгой оговоркой, что конференція допускаетъ лишь положительный или отрицательный отвѣтъ, безъ права обсуждать статьи.

Digitized by Google

веренитетъ и права законной обороны: добавленіе это необходимо было, чтобы разсѣять нѣкоторыя безпокойства»[68]). Измѣненный согласно съ этимъ воззрѣніямъ бельгійцевъ текстъ статей о нейтралитетѣ гласилъ:

Art. 9. La Belgique, dans les limites...., formera un état perpétuellement neutre. Les cinq puissances, sans vouloir s'immiscer dans le régime intérieur de la Belgique, lui garantissent cette neutralité perpétuelle, ainsi que l'intégrité et l'inviolabilité de son territoire dans les limites mentionnées au présent article. Art. 10. Par une juste réciprocité, la Belgique sera tenue d'observer cette même neutralité envers tous les autres Etats et de ne porter aucune atteinte à leur tranquillité intérieure ou extérieure, en conservant toujours le droit de se défendre contre toute agression étrangère.

Если статьи январскаго протокола о нейтралитетѣ являлись чистымъ выраженіемъ мысли, одушевлявшей конференцію великихъ державъ, то оговорки, внесенныя въ нихъ въ двадцать шестомъ протоколѣ, служатъ несомнѣннымъ выраженіемъ бельгійскихъ взглядовъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ не суждено было сдѣлаться окончательными, такъ какъ вслѣдъ за принятіемъ Бельгіей 18 статей на сцену выступилъ доселѣ остававшійся въ тѣни голландскій факторъ. Нидерландскій король не только не принялъ двадцать ше-

[68]) La conférence, en déclarant la Belgique neutre, n'avait pas cru nécessaire d'ajouter que cette neutralité ne portait aucune atteinte à la souveraineté intérieure ni au droit de légitime défense: addition qu'on pouvait réclamer pour dissiper quelques inquiétudes: Nothomb, Essai historique et politique sur la révolution belge, 4-e édition, Bruxelles, 1876, I, 203. Объ этихъ безпокойствахъ: см. рѣчь Van Meenen'a, цит. въ прим. 63.—Часть важной переписки между бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Lebeau и агентами въ Лондонѣ Devaux и Nothomb относительно возникновенія 18 статей опубликована у Juste, Les fondateurs de la monarchie belge, Joseph Lebeau, Bruxelles, 1865 и въ Souvenirs personnels et correspondance diplomatique de Joseph Lebeau, Bruxelles, 1883, но она обходитъ молчаніемъ вопросъ о нейтралитетѣ.

Digitized by Google

стого протокола, но, напротивъ того, ссылаясь на то, что Бельгія не приняла въ указанный ей срокъ январскаго протокола, объявилъ, что перемиріе кончено, и началъ противъ нея военныя дѣйствія. Этотъ шагъ и результатъ его видоизмѣнили въ значительной мѣрѣ политическое положеніе. Бельгія потерпѣла въ этой борьбѣ нѣсколько пораженій и была спасена лишь благодаря появленію французскаго войска, вызваннаго на помощь. Счастливый для Голландіи исходъ кампаніи и обнаруженная Бельгіей слабость сдѣлали невозможнымъ требовать, чтобы Голландія безъ возраженій подчинилась невыгодному для нея двадцать шестому протоколу. Конференціи приходилось снова браться за пересмотръ своего проекта. На этотъ разъ дѣло было обставлено нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Конференція предложила сторонамъ свое посредничество для заключенія окончательнаго договора между ними; первымъ актомъ этого посредничества было предложеніе, обращенное къ Бельгіи и Голландіи, изложить конференціи свои желанія, по тремъ основнымъ пунктамъ спора; въ число ихъ не входило постановленіе о нейтралитетѣ, по которому разногласій не предвидѣлось [69]). Обмѣнъ взглядовъ обнаружилъ невозможность примирить требованія сторонъ, и конференція постановила сама выработать текстъ соглашенія [70]). 24 статьи этого соглашенія составили содержаніе сорокъ девятаго протокола 14 октября 1831 года; онѣ облечены были снова въ форму проекта договора между Голландіей и Бельгіей, который предлагался сторонамъ, но на сей разъ конференція твердо рѣшила настоять на ихъ принятіи. Съ этою цѣлью было объявлено, что принятіе статей одной стороной будетъ разсматриваться какъ послѣдовавшій торжественный договоръ между этой стороной и пятью державами, что пять державъ возьмутъ на себя гарантію испол-

[69]) Протоколъ 9 сентября 1831 года № 39; Papers, A, 100.

[70]) Протоколы 24 сентября 1831 года, № 43, и 26 сентября 1831 года, № 44; Papers, A. 105 ss.

Digitized by Google

ненія послѣдняго и заставятъ подчиниться ему другую сторону, если она добровольно не приметъ статей [71]). Это было исполнено. Когда Бельгія приняла текстъ соглашенія и Голландія отказалась это сдѣлать, въ Лондонѣ 15 ноября 1831 года подписанъ былъ дѣйствительно договоръ между пятью державами и Бельгіей, который воспроизводилъ 24 статьи сорокъ девятаго протокола, съ прибавленіемъ, сверхъ того, трехъ статей: 25-ой о гарантіи предшествующихъ статей пятью государствами, 26-ой о «дружбѣ» между ними и Бельгіей и 27-ой о размѣнѣ ратификацій. Это былъ первый формальный международный договоръ, въ которомъ опредѣлялось положеніе Бельгіи. Одна изъ статей его, 7-ая, посвящена была бельгійскому нейтралитету. Замѣняя ст. 5 и 6 январскаго протокола и ст. 9 и 10 протокола іюньскаго, она говорила:

La Belgique, dans les limites indiquées dans les articles 1, 2 et 4, formera un Etat indépendant et perpétuellement neutre. Elle sera tenue d'observer cette même neutralité envers tous les autres Etats.

Намъ не трудно понять происхожденіе этого текста. Онъ составился изъ редакціи іюньскаго протокола путемъ исключенія изъ нея постановленія о гарантіи и нѣкоторыхъ чисто редакціонныхъ сокращеній; выброшены были бельгійскія оговорки въ пользу невмѣшательства и права обороны и слова о ненарушеніи Бельгіей внутренняго и внѣшняго спокойствія другихъ странъ. Гарантія нейтралитета исчезла въ ст. 7 договора 15 ноября 1831 года по той простой

[71]) Annexe B. et C. протокола—note adressée par la conférence aux Plénipotentiaires des Pays Bas et au Plénipotentiaire Belge: les soussignés observent: 1° Que ces articles auront toute la force et valeur d'une convention solennelle entre S. M. le Roi des Pays Bas (la Belgique) et les cinq puissances, 2° Que les cinq puissances en garantissent l'exécution, ... 6° Enfin, que les articles en question contiennent les décisions finales et irrévocables des cinq Puissances qui d'un commun accord sont résolues à amener elles mêmes l'acceptation pleine et entière des dits articles par la partie adverse, si elle venait à les rejeter; Papers, A, 147 f.

Digitized by Google

причинѣ, что въ договоръ внесена была прежде не существовавшая общая гарантія всего его содержанія, изложенная въ ст. 25. (Les Cours de Russie, d'Autriche, de France, de Grande Bretagne et de Prusse garantissent à S. M. le Roi des Belges l'exécution de tous les articles qui précèdent). Указанная статья вполнѣ замѣняла по смыслу своему прежнюю гарантію нейтралитета, и нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ этой редакціонной перемѣнѣ какое то измѣненіе въ содержаніи института, какъ дѣлаютъ нѣкоторые бельгійскіе писатели [72]). — Что же касается отсутствія въ приведенномъ текстѣ бельгійскихъ оговорокъ и указанія на то, въ чемъ выражаются обязанности Бельгіи, какъ нейтральнаго, то ничто не указываетъ, чтобы конференція такимъ сокращеніемъ думала измѣнить содержаніе устанавливаемаго отношенія. Напротивъ того, сокращеніе свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, что эти два пункта считались подразумѣвающимися въ самомъ понятіи постояннаго нейтралитета, ибо трудно думать, чтобы у конференціи было желаніе уменьшить независимость Бельгіи, разъ она одновременно выкидывала и оговорку въ пользу независимости, и то постановленіе о ненарушеніи внутренняго мира другихъ государствъ, которое всего болѣе могло отражаться на полнотѣ бельгійскаго суверенитета.

5. Текстъ ст. 7 договора 15 ноября 1831 г. пяти державъ и Бельгіи по содержанію является окончательной формулой бельгійскаго постояннаго нейтралитета. Но не такъ

---

[72]) La clause de la neutralité fut remaniée et redigée sous une forme beaucoup moins explicite... Cette formule sèche, laconique, portant la trace de corrections hâtives, ne gardait rien des allures larges et bienveillantes de la rédaction du 26 juin. La mention de la garantie, celle de l'inviolabilité du territoire, étaient écartées; on ne s'interdisait plus toute ingérence dans le régime intérieur respectif... Van de Weyer, histoire des relations extérieures depuis 1830 въ Patria Belgica, Encyclopédie nationale, II, Bruxelles, 1873, 335. То же замѣчаніе повторяется у другихъ. Contra: Descamps, La neutralité de la Belgique, Bruxelles—Paris, 1902, 218 ss., 533 ss.

Digitized by Google

по формѣ. Формально этотъ текстъ дѣйствуетъ въ качествѣ ст. 7 договора 17-го апрѣля 1839 года между Бельгіей и Голландіей, гарантированнаго договоромъ отъ того же числа между первой и великими державами. Чтобы объяснить эту перемѣну, необходимо прибавить еще нѣсколько фактовъ къ сложной цѣпи переговоровъ по бельгійскимъ дѣламъ. Договоръ 15 Ноября 1831 года не былъ принятъ, какъ уже сказано, Голландіей; это создавало противорѣчіе между фактическимъ положеніемъ, въ которомъ находились взаимныя отношенія Голландіи и Бельгіи, и тѣмъ, которое было узаконено договоромъ: главный пунктъ различія заключался въ томъ, что въ рукахъ голландцевъ находился Антверпенъ, который по договору доставался Бельгіи. Противорѣчіе это было крайне тягостно для Бельгіи, для которой принятіе 24 статей было и безъ того большой жертвой и отказомъ отъ многихъ надеждъ. Ей удалось—не безъ нѣкотораго труда однако—добиться того, чтобы великія державы осуществили принятую ими на себя гарантію договора 1831 года путемъ военныхъ мѣръ, предпринятыхъ противъ Голландіи въ 1832 году и кончившихся взятіемъ Антверпена [73]). Послѣ этого удара, нанесеннаго Голландіи, державы снова обратились къ ней съ требованіемъ подписать договоръ съ Бельгіей на основахъ 24 статей. Требованія не имѣли успѣха. Франція и Англія добились лишь ея согласія подписать съ ними, а не съ Бельгіей соглашеніе, въ силу котораго она обязалась впредь до заключенія окончательнаго договора не возобновлять военныхъ дѣйствій противъ Бельгіи и уважать территоріальный status quo, созданный военными событіями 1832 года (конвенція, подписанная въ Лондонѣ 21 мая 1833 года между Франціей, Великобританіей и Голландіей, ст. 3 и article explicatif); двумъ государствамъ не удалось добиться отъ Голландіи даже признанія нейтралитета Бель-

[73]) Этотъ періодъ въ исторіи вопроса всего полнѣе у Goblet, Mémoires historiques, Dix huit mois de politique et de négociations se rattachant à la première atteinte portée aux traités de 1815, I—II, Paris, 1864—1865.

Digitized by Google

гіи, на которомъ онѣ настаивали, и Голландія отказалась отъ него, видя въ признаніи нейтралитета косвенное признаніе независимости Бельгіи [74]). Возобновленные вслѣдъ за заключеніемъ этого временнаго соглашенія переговоры объ окончательномъ договорѣ доказали, что Голландія далека отъ мысли принять 24 статьи [75]). Въ ноябрѣ 1833 г. они прекратились и возобновились лишь въ 1838 году, когда Голландія наконецъ выразила готовность подписать 24 статьи. Этотъ шагъ вызвалъ новыя осложненія. Съ 1833 года Бельгія пользовалась территоріальнымъ status quo, установленнымъ договоромъ между двумя державами и Голландіей,

---

[74]) Въ проектахъ соглашенія, предложенныхъ Голландіи, должна была заключаться статья такого содержанія: En attendant que l'engagement définitif... puisse être conclu, S. M. le Roi des Pays Pas, Grand Duc de Luxembourg, reconnait la neutralité de la Belgique dans les limites qui sont assignées par le traité du 15 novembre 1831; Goblet, annexes, 419; о причинахъ отказа Голландіи ibid., 235.

[75]) Оффиціальный документъ конференціи Récit de la négociation hollando-belge, depuis le 15 juillet 1833 jusqu'au 15 novembre de la même année въ Histoire parlementaire du traité de paix du 19 avril 1839 entre la Belgique et la Hollande, Bruxelles, 1839, I, 4—26. О нейтралитетѣ лишь мимоходомъ. Голландія предложила конференціи сдѣлать къ статьѣ договора о нейтралитетѣ то добавленіе, на которомъ она настаивала еще до военныхъ событій 1832 года въ мемуарѣ, приложенномъ къ 53-му протоколу конференціи 4 января 1832 года: «il est entendu que la Belgique ne pourrait jamais se prévaloir de sa neutralité pour manquer à ses obligations, résultant du traité»... (Papers, A, 168). По этому поводу въ Récit: 14e séance... Août 6... Les plénipotentiaires belges ne sauraient admettre les développements proposés par M. M. les Plénipotentiaires Néerlandais sur l'art. 7. Ils partagent l'opinion de M. M. les Plénipotentiaires des Pays Bas en ce sens que la neutralité ne pourrait jamais donner en effet à la Belgique le droit de manquer aux obligations qui résultent des traités; ils reconnaissent le principe qui est incontestable pour toutes les nations; mais les Plénipotentiaires Belges pensent qu'une stipulation expresse par laquelle on s'engagerait à ne pas profiter d'une circonstance quelconque pour se dispenser de remplir des obligations que l'on a souscrites serait contraire à la dignité d'un gouvernement qui se respecte et qui professe des doctrines conformes à la justice et à la saine morale; Histoire parlementaire, I, 20.

Digitized by Google

этотъ status quo былъ выгоденъ для нея, такъ какъ оставлялъ въ ея рукахъ, кромѣ Антверпена, нѣкоторыя области, которыя по 24 статьямъ должны были принадлежать Голландіи; она сжилась съ мыслью о принадлежности этихъ областей къ ея составу и возвратиться теперь къ договору 1831 года было для нея нелегко. Понятно, что при этихъ условіяхъ она сдѣлала попытку повліять на измѣненіе 24 статей; ей удалось достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ (главнымъ образомъ по вопросу о распредѣленіи долга), но въ цѣломъ она должна была подчиниться. Измѣненный въ нѣкоторыхъ частяхъ договоръ былъ, наконецъ, подписанъ 19 апрѣля 1839 года представителями Бельгіи и Голландіи. Онъ состоялъ изъ исправленныхъ 24 статей. Статья 7 этого договора, о постоянномъ нейтралитетѣ, въ точности воспроизводила ст. 7 договора 15 ноября 1831 года. Кромѣ этого договора, въ тотъ же день между пятью великими державами и Бельгіей подписанъ былъ другой, который ст. 2 отмѣнялъ договоръ 1831 года, а въ ст. 1 постановлялъ: S. M. l'Empereur de toutes les Russies, S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohème, S. M. le Roi des Français, S. M. la Reine du Royaume Uni de la Grande Bretagne et d'Irlande et S. M. le Roi de Prusse déclarent que les articles ci annexés et formant la teneur du Traité conclu en ce jour entre S. M. le Roi des Belges et S. M. le Roi des Pays Bas, grand duc de Luxembourg, sont considérés comme ayant la même force et valeur, que s'ils étaient textuellement insérés dans le présent Acte, et qu'ils se trouvent ainsi placés sous la garantie de Leurs dites Majestés.

Мы достигли конечнаго пункта въ исторіи происхожденія постояннаго нейтралитета Бельгіи. Прежде чѣмъ перейти къ анализу содержанія созданнаго договорами 1839 года отношенія, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на правовый источникъ, на которомъ оно покоится. Мы знаемъ, что постоянный нейтралитетъ Швейцаріи и вольнаго города Кракова основанъ на актахъ, заключенныхъ восемью державами безъ участія этихъ двухъ странъ. Бельгійскій нейтралитетъ покоится,

Digitized by Google

мы видѣли, на договорѣ между пятью великими державами и Бельгіей. Различіе это всецѣло объясняется совершившеюся между 1815 и 1839 годами перемѣною въ международномъ правосознаніи: «воля Европы», законнымъ органомъ выраженія которой въ 1815 году казались восемь державъ, въ 1839 году выражается пятью великими державами; въ этомъ первая перемѣна. Вторая заключается въ томъ, что, если въ 1815 году возможно было узаконить извѣстное международноправовое положеніе одного изъ европейскихъ государствъ безъ участія его самого, то въ 1839 году это болѣе невозможно — новое правосознаніе требовало, чтобы Бельгія формальнымъ актомъ приняла нормы, которыя должны были ее обязывать. Отмѣчая это различіе, мы не должны, однако, забывать того, что внутри этихъ актовъ лежитъ одна общая мысль: будь то актъ восьми державъ или пяти великихъ державъ вмѣстѣ съ заинтересованной державой, этотъ актъ одинаково является въ глазахъ современниковъ выраженіемъ «воли Европы». Привыкшій къ современному формализму теоріи международнаго права и вскормленный ученіемъ о самоограниченіи государственной воли, какъ единственномъ источникѣ международныхъ нормъ, взглядъ съ трудомъ становится на эту точку зрѣнія; ему чуждо понятіе «воли Европы», которое кажется яснымъ въ 1815 и 1839 годахъ; правда, онъ знаетъ его и теперь въ формѣ такъ называемаго европейскаго «концерта» въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросахъ, въ договорахъ и актахъ, касающихся Турціи, Дальняго Востока и т. д. (теперь въ болѣе широкой формулѣ, объединяющей Соединенные Штаты и иногда Японію), но обходитъ молчаніемъ эти формулы, мало гармонирующія съ его конструкціями, или довольствуется отрицаніемъ ихъ правоваго содержанія. Насколько, напротивъ того, это олицетвореніе Европы казалось понятнымъ еще въ 1839 году, легко доказывается, кромѣ приведенныхъ въ предшествующемъ изложеніи данныхъ, хотя бы такой ссылкой на слова бельгійскаго дѣятеля и выдающагося политическаго писателя того времени Nothomb'a: «разрѣшить

Digitized by Google

бельгійскій вопросъ насильственнымъ посредничествомъ это значило нанести ударъ безусловной независимости двухъ государствъ, но это значило, съ другой стороны, воздать дань уваженія суверенитету Европы ... Два рода суверенитета стояли другъ противъ друга: индивидуальный суверенитетъ двухъ народовъ и коллективный суверенитетъ Европы. Этотъ послѣдній суверенитетъ имѣлъ своимъ органомъ Лондонскую конференцію, которая, за отсутствіемъ болѣе совершеннаго политическаго представительства, призвана была пользоваться всѣми правами Европы. На этомъ правовомъ основаніи конференція признала себя посредникомъ, почерпая свою компетенцію въ соображеніяхъ высшаго порядка» [76]). Въ этихъ словахъ всѣ элементы своеобразной правовой конструкціи: Европа — правовая личность, обладающая суверенитетомъ и пользующаяся извѣстными правами; законный органъ этой личности—конференція пяти великихъ державъ, основанная на несовершенной формѣ представительства, но призванная осуществлять права, принадлежащія «Европѣ». Въ этой конструкціи нѣтъ ничего искусственнаго и книжнаго; сопоставляя ее съ указаніями, дававшимися выше, мы видимъ, что она вполнѣ отвѣчаетъ фактамъ; она представляетъ изъ себя безспорно выраженіе правосознанія эпохи. При внимательномъ отношеніи къ вопросу, мы находимъ, что эта чуждая намъ на первый взглядъ точка зрѣнія, лишенная, казалось бы, всякой точки опоры въ современномъ правосознаніи, безсознательно принимается нами въ своихъ

---

[76]) Résoudre la question belge par un arbitrage forcé, c'était porter atteinte à l'indépendance absolue des deux peuples, mais c'était rendre homage à la souveraineté européenne... Ainsi se trouvaient en présence deux genres de souveraineté: la souveraineté individuelle des deux peuples et la souveraineté collective de l'Europe. Cette dernière souveraineté avait pour organe la conférence de Londres, qui, en l'absence d'une représentation politique plus parfaite, était appelée à exercer tous les droits de l'Europe. C'est à ce titre que la Conférence se constitua... arbitre, puisant sa compétence dans des considérations d'ordre supérieur; Nothomb, I, 239 s.

Digitized by Google

послѣдствіяхъ. Дѣйствительно, говоря теперь «Бельгія—постоянно нейтральное государство», мы отнюдь не связываемъ съ этой формулой представленія о частныхъ правахъ и обязанностяхъ, существующихъ въ узкомъ кругѣ отношеній семи государствъ, напротивъ того, мы представляемъ себѣ этотъ постоянный нейтралитетъ, какъ нѣчто болѣе общее и широкое, какъ международное положеніе, создающее права и обязанности для всѣхъ державъ относительно Бельгіи и для Бельгіи относительно всѣхъ, разумѣя подъ этими «всѣми державами» — державы, входящія въ составъ международнаго общенія, прежде европейскія державы, впослѣдствіи державы европейской цивилизаціи. Война, объявленная Бельгіи Италіей или Соединенными Штатами, будетъ такимъ же нарушеніемъ ея нейтралитета, какъ если бы то сдѣлала Франція. Происхожденіе этого вывода [77]) ясно: говоря, что постоянный нейтралитетъ Бельгіи представляетъ международную норму всеобще-обязательнаго значенія, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что она создана властью, которая уполномочена была создавать такія нормы; слѣдовательно мы косвенно и безсознательно возвращаемся къ той теперь забытой конструкціи, которая закрѣплена въ приведенныхъ словахъ Nothomb'a. Сопоставляя этотъ выводъ съ тѣмъ, который выше сдѣланъ былъ относительно Швейцаріи, мы находимъ, что они взаимно подтверждаютъ другъ друга.

6. Постараемся теперь извлечь изъ всей совокупности изложенныхъ выше данныхъ, объясняющихъ происхожденіе статьи седьмой договора 19 апрѣля 1839 года, историко-догматическій комментарій къ этой статьѣ.

Въ статьѣ седьмой прежде всего поражаетъ то, что она распадается на двѣ части, изъ которыхъ вторая: «Бельгія

---

[77]) Въ томъ же смыслѣ Descamps, 536 ss. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что ст. 7 договора 1839 года говоритъ объ обязанности Бельгіи соблюдать нейтралитетъ envers tous les autres états, а не только относительно états signataires: дѣйствительно эти слова подтверждаютъ, что въ главахъ составителей этой статьи постоянный нейтралитетъ Бельгіи носитъ характеръ всеобщей обязательности.

Digitized by Google

обязывается соблюдать постоянный нейтралитетъ» какъ-будто уже заключается въ первой: «Бельгія будетъ составлять постоянно нейтральное государство». Сопоставленіе доказываетъ, что смыслъ первой части нѣсколько болѣе узкій, чѣмъ тотъ, который мы могли бы придать ей при отсутствіи второй части: если вторая часть статьи налагаетъ обязанности на Бельгію по отношенію къ другимъ государствамъ, то первая должна разумѣть обязанности другихъ государствъ по отношеніи къ Бельгіи. Такое единственно разумное объясненіе вполнѣ подтверждается болѣе ранними текстами, когда каждая изъ указанныхъ частей составляла самостоятельную статью, взаимное отношеніе которыхъ опредѣлялось словами «par une juste réciprocité».

Что понималось подъ обязанностью державъ уважать постоянный нейтралитетъ Бельгіи? Историческія данныя даютъ на это совершенно ясный отвѣтъ: всѣмъ державамъ запрещена война противъ Бельгіи. Этотъ правовой запретъ, ограниченіе, наложенное на себя державами, непосредственно вытекаетъ изъ переговоровъ по бельгійскому вопросу, ибо бельгійскій нейтралитетъ, политически и конкретно, значилъ прежде всего: Франція безусловно отказывается отъ захвата Бельгіи. Тотъ же принципъ выражается еще и въ иной формулѣ—неприкосновенность бельгійской территоріи для другихъ государствъ безусловно обязательна: они не имѣютъ права нарушить ее, даже прибѣгая къ войнѣ, средство, которое въ отношеніи всякаго другого, не постоянно нейтральнаго государства снимаетъ существующую всегда международную обязанность уважать чужое территоріальное право. Въ январскомъ и іюльскомъ текстахъ 1831 года этотъ выводъ дѣлался expressis verbis: гарантія постояннаго нейтралитета сопровождалась гарантіей территоріальной неприкосновенности.

Вторая часть статьи седьмой налагаетъ обязанности на Бельгію. Приказаніе быть всегда нейтральной, обращенное къ государству, значитъ, что ему запрещена война. Мысль объ этомъ запретѣ вытекаетъ, конечно, не изъ предвидѣнія

Digitized by Google

того случая, когда Бельгія одна и по собственной иниціативѣ начала бы военныя дѣйствія противъ другихъ государствъ: для этого она была слишкомъ слаба; установленная въ 1839 году норма имѣетъ прежде всего въ виду неучастіе Бельгіи въ войнахъ между другими государствами, конкретно паденіе бельгійской военной линіи, воздвигнутой противъ Франціи коалиціей. Какъ то было сдѣлано и относительно швейцарскаго нейтралитета, этотъ конкретный политическій принципъ оказался выраженнымъ въ правовой формулѣ, гораздо болѣе широкой по своему содержанію, чѣмъ самый принципъ — какъ обязанность «соблюдать постоянный нейтралитетъ относительно всѣхъ другихъ государствъ».

Въ первоначальныхъ текстахъ эта обязанность разъясняется добавленіемъ словъ: «и не нарушать ихъ внутренняго и внѣшняго спокойствія». Съ точки зрѣнія Лондонской конференціи, обязанность Бельгіи, какъ постоянно нейтральнаго государства, состоитъ такимъ образомъ изъ двухъ частей: ненарушеніе внѣшняго спокойствія другихъ государствъ, съ одной стороны, ненарушеніе внутренняго ихъ спокойствія, съ другой. Первое совершенно ясно—это и есть запретъ войны, наложенный на Бельгію; второе дѣлается понятнымъ, если вспомнить, что международная практика того времени признаетъ существованіе обязанностей нейтралитета и въ мирное время, которыя заключаются въ томъ, что постоянно нейтральное государство не должно, прямо или косвенно, поддерживать рознь, существующую внутри другихъ государствъ, обязано воздерживаться отъ поддержки, которую оно всегда въ состояніи оказать борющимся въ этомъ государствѣ элементамъ. Это разъясненіе не перешло въ текстъ статьи седьмой, которая сама по себѣ такимъ образомъ не даетъ точки опоры развитію доктрины объ особыхъ обязанностяхъ Бельгіи въ мирное время, какъ то имѣло мѣсто относительно Кракова.

При выработкѣ текста постановленій о постоянномъ нейтралитетѣ Бельгіи была сдѣлана попытка внести въ нихъ нѣко-

Digitized by Google

торыя спеціальныя разъясненія, которыя равнымъ образомъ не были въ концѣ концовъ включены въ текстъ дѣйствующаго постановленія. Два изъ нихъ представляются особенно интересными съ точки зрѣнія юридическаго анализа ст. 7. Это—два крайнихъ полюса пониманія постояннаго нейтралитета: голландская оговорка 1832 и 1833 года [78]), выражавшая сомнѣніе, какъ бы особое положеніе, въ которое поставлена Бельгія въ силу запрета войны противъ нея, не послужило ей своего рода «привилегіей ненаказуемости», не превратило ее въ государство, независимость котораго не находитъ границы даже въ договорахъ съ другими государствами, и бельгійская оговорка, внесенная въ 18 статей іюльскаго протокола 1831 года и свидѣтельствовавшая, напротивъ того, объ опасеніи, что постоянный нейтралитетъ способенъ ограничить независимость государства, давая, будто бы, другимъ право вмѣшательства. Конференція, устраняя обѣ оговорки, повидимому, исходила изъ совершенно основательнаго соображенія объ ихъ ненужности. Дѣйствительно, ни сомнѣніе Голландіи, ни опасенія Бельгіи не имѣютъ за себя ничего въ понятіи постояннаго нейтралитета: кругъ спеціальныхъ правъ и обязанностей, имъ устанавливаемыхъ, конечно, не только не можетъ освободить государство отъ исполненія какихъ-либо иныхъ правовыхъ требованій, но и не исключаетъ возможности всѣхъ иныхъ, кромѣ войны, средствъ воздѣйствія на постоянно нейтральное; вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ круга этихъ спеціальныхъ обязанностей никакихъ ограниченій независимости государства постоянный нейтралитетъ не влечетъ и «вмѣшательство», если оно и можетъ имѣть мѣсто по отношенію къ нему, то лишь въ предѣлахъ требованій объ исполненіи обязанностей нейтралитета.

Наконецъ, договоръ 1839 года ставитъ постоянный нейтралитетъ Бельгіи подъ гарантію пяти державъ. Въ чемъ можетъ состоять эта гарантія? Нѣтъ сомнѣнія, что прежде всего гарантируется первая часть статьи 7-й: Бельгіи обез-

[78]) См. текстъ въ прим. 75.

Digitized by Google

печивается, что другія государства не нарушатъ своихъ обязанностей, не будутъ воевать противъ нее. По смыслу договора, эта гарантія является гарантіей всѣхъ подписавшихъ актъ государствъ противъ каждаго изъ нихъ и противъ всякаго третьяго; ближайшихъ разъясненій о взаимныхъ отношеніяхъ поручителей и о способѣ отвѣтственности по поручительству договоръ не даетъ. Гарантируется ли, съ другой стороны, исполненіе Бельгіей ея обязанностей относительно державъ, т.-е. гарантируется ли вторая часть 7-й статьи? Едва ли договоръ предвидѣлъ такое положеніе. Въ первоначальныхъ текстахъ гарантія несомнѣнно относится лишь къ обязанностямъ другихъ государствъ относительно Бельгіи, и это вполнѣ понятно, ибо возможность того, чтобы пришлось прибѣгнуть къ гарантамъ, чтобы заставить Бельгію исполнить свои по нейтралитету обязанности практически едва ли мыслима.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ГЛАВѢ III.

За исходную точку въ исторіи происхожденія постояннаго нейтралитета Бельгіи мы брали въ предшествующемъ изложеніи фактъ образованія голландскаго état d'équilibre подъ особою охраною державъ консервативнаго европейскаго союза. Изъ факта существованія этого государства вытекали тѣ основные мотивы, которые привели къ рѣшенію бельгійскаго вопроса именно въ смыслѣ воспроизведенія въ договорахъ 1831 и 1839 годовъ международноправового института, созданнаго въ эпоху Вѣнскаго конгресса для урегулированія положенія Швейцаріи и Кракова, и намъ кажется, что объясненіе этого рѣшенія съ исторической точки зрѣнія исчерпывается признаніемъ наличности указанныхъ мотивовъ. Если мы обратимся къ литературѣ, посвященной бельгійскому нейтралитету, то увидимъ, что, повидимому, такая постановка исторической проблемы, возникающей при изученіи договоровъ 1831 и 1839 гг., не удовлетворяла многихъ и что весьма часто корни возникшихъ въ силу этихъ договоровъ отношеній пытались искать въ гораздо болѣе отдаленномъ, нежели эпоха 1815 года, прошломъ. Уже первая монографія о бельгійскомъ нейтралитетѣ (Arendt, Essai sur la neutralité de la Belgique, considérée principalement sous le point de vue du droit public, Bruxelles et Leipzig, 1843, 3 ss.) начинаетъ изложеніе происхожденія этого нейтралитета съ эпохи Вестфальскаго конгресса; по мѣрѣ того, какъ исторія бельгійскихъ провинцій до XIX в. дѣлала успѣхи, среди писателей все чаще и чаще обнаруживается та же тенденція относить къ далекому прошлому источники дѣйствующихъ нормъ; возникаетъ нѣсколько туманное утвержденіе, что Бельгіи «предопредѣлено» было съ минуты рожденія самостоятельной народности сдѣлаться постоянно нейтральнымъ государствомъ, и это воззрѣніе дѣлается постепенно ходячей монетой (Faider, La neutralité de la Belgique въ Revue de droit international, t. XVII, 1886, 89: la constitution internationale de la Belgique peut s'exprimer par le mot Neutralité. Cette

Digitized by Google

neutralité... fut assurée à la Belgique dès le IX-e siècle, parfois violée, jamais détruite; еще ярче Descamps, 26: La neutralité.. a... sa pierre d'attente nettement dessinée dans notre histoire. Je la trouve dans les conditions ethnographiques et géographiques qui ont présidé à la formation de notre peuple au sein de la communauté européenne et qui ont fait de la Belgique une nationalité d'élection. un «pays de milieu» entre deux grands Etats de l'Europe occidentale); наконецъ, въ самое послѣднее время сдѣлана была попытка придать этому взгляду болѣе опредѣленное содержаніе и прослѣдить, какъ на самомъ дѣлѣ осуществился этотъ «на роду написанный» процессъ превращенія Бельгіи въ постоянно нейтральное государство. Попытка эта принадлежитъ Dollot въ книгѣ Les origines de la neutralité de la Belgique et le système de la Barrière, Paris, 1902. Онъ исходитъ изъ того общаго положенія, что «on considère généralement la neutralité permanente comme une institution essentiellement juridique et d'ordre un peu factice; nous estimons, au contraire (?), qu'elle est le produit normal et rationnel de conditions historiques et géographiques déterminées...» и старается найти въ прошломъ Бельгіи тѣ элементы, которые создали характеристику 1839 года. Мы думаемъ, что именно на выводахъ этого писателя всего удобнѣе будетъ прослѣдить, насколько справедливы утвержденія, будто объясненіе происхожденія ст. 7 договора 1839 года возможно лишь путемъ обращенія къ старинѣ международнаго положенія Бельгіи. Исторія Бельгіи съ той минуты, какъ можно говорить о появленіи обособленной единицы національной и политической, сводится, утверждаетъ Dollot, къ постояннымъ колебаніямъ между двумя рѣшеніями ея судьбы, воспроизводящими или тотъ международный типъ, который установленъ былъ въ договорахъ 1815 года, или тотъ, который закрѣпленъ за Бельгіей провозглашеніемъ постояннаго нейтралитета этого государства; многовѣковой опытъ доказалъ, что именно второе изъ двухъ рѣшеній бельгійской проблемы разрубаетъ узелъ связанныхъ съ нею затрудненій, и только этими результатами многовѣкового опыта можно объяснить конечное торжество идеи постоянно нейтральной Бельгіи. Тезисъ автора покоится на слѣдующей цѣпи фактовъ. Со времени освобожденія Голландіи отъ испанской власти, бельгійскія провинціи, остававшіяся въ рукахъ Испаніи и ея болѣе или менѣе автономныхъ намѣстниковъ, оказались на перепутьи между сильными въ тѣ времена Генеральными Штатами и Франціей; съ 17-го вѣка судьба бельгійскихъ провинцій дѣлается предметомъ постоянныхъ переговоровъ этихъ двухъ государствъ, причемъ за спиною Голландіи находятся всѣ исконные соперники Франціи, стремящіеся укрѣпить вліяніе первой въ Бельгіи и противопоставить его завоевательнымъ замысламъ сосѣднаго сильнаго королевства. Въ 17-мъ вѣкѣ Ришелье стоитъ лицомъ къ лицу съ этой проблемою и останавливается на проектѣ, который и ранѣе мелькалъ въ политическомъ сознаніи тогдашней Европы и который сводился къ

Digitized by Google

провозглашенію независимости Бельгіи; въ 1635 году французскій посланникъ добивается согласія Голландіи на такую сдѣлку; при этомъ Ришелье включаетъ въ договоръ постановленіе о томъ, что оба сосѣднихъ государства будутъ находиться въ «союзѣ» съ Бельгіей. Этому рѣшенію, представляющему политическую комбинацію, имѣющую отдаленное сходство съ постояннымъ нейтралитетомъ, не суждено было восторжествовать; Бельгія продолжаетъ въ теченіе второй половины 17-го вѣка и всего 18-го быть провинціей Испаніи и Австріи; въ положеніи ея наступаетъ, правда, нѣкоторая перемѣна, но она противоположна тому, о чемъ думалъ Ришелье. По мѣрѣ того, какъ Франція утрачиваетъ созданное Ришелье доминирующее положеніе въ Европѣ, Голландія начинаетъ пріобрѣтать преимущественное вліяніе въ бельгійскихъ провинціяхъ; это вліяніе выражается въ такъ наз. «системѣ барьера» (système de la barrière), которая состояла въ томъ, что (по Утрехтскому договору 1713 года) Франція согласилась, чтобы нѣкоторые города бельгійскихъ провинцій поручены были охранѣ голландцевъ; смыслъ этой комбинаціи бевспорно враждебенъ Франціи: задача овладѣть охраной городовъ ставится какъ цѣль борьбы съ Людовикомъ XIV въ самомъ началѣ войны за испанское наслѣдство и главными приверженцами ея являются, кромѣ голландцевъ, англичане. Два года спустя, въ 1715 года «система барьера» окончательно узаконяется въ Антверпенскомъ договорѣ между Австріей и Голландіей, по ст. 4 котораго: l'Empereur accorde aux Etats Généraux garnison privative de leurs troupes dans les villes et châteaux de Namur et de Tournai et dans les villes de Menin, Furnes, Warneton, Ypres et le fort de Knocke. Этотъ международный сервитутъ въ пользу Голландіи стоитъ въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ интересами Франціи и естественно вызываетъ съ ея стороны попытку поставить на очередь предложеніе объ иномъ modus vivendi въ Бельгіи. Программой ея при этомъ служитъ въ общихъ чертахъ планъ Ришелье, но выливающійся въ болѣе опредѣленную формулу; эта формула такова: «mais Sa Majesté (Французскій король) n'a pas été plus tôt instruite de la signature du traité de Barrière qu'elle m'a ordonné de communiquer à Vos Seigneries (Генеральные Штаты) les moyens-ci. Elle se propose pour assurer de concert avec V. S. la tranquillité réciproque de ses Etats de la frontière des Pays Bas et de ceux de la même frontière qui sont présentement sous la domination de l'Empereur et occupés par les troupes de V. S. en convenant d'une neutralité, aussi étendue qu'elle sera jugée nécessaire, soit par rapport aux pays qui y seront compris, soit par rapport à sa durée, de manière que quelque évènement qui arrive, ce même pays soit toujours exempt des malheurs de guerre, et qu'elle ne puisse en aucun cas être portée de quelque part que ce soit et qu'aucun autre pays ne puisse pareillement être attaqué par les Pays Bas (mémoire de M. le Marquis de Chateauneuf présenté aux Etats Généraux le 17 décembre 1715). Предложеніе, конечно, не могло быть принято:

Digitized by Google

оно совпадало въ минутою торжества идеи «барьера». Но и эта идея не могла окончательно разрѣшить бельгійскую проблему: порабощеніе, хотя бы частное, бельгійскихъ провинцій Голландіи противорѣчило не только французскимъ, но ряду другихъ интересовъ, въ особенности же интересамъ самихъ провинцій, а слѣдовательно и Австріи; голландцы на практикѣ не въ состояніи оказались настоять на осуществленіи договорныхъ своихъ правъ въ теченіе послѣдующихъ событій, и право ихъ занимать гарнизонами бельгійскія крѣпости превратилось въ nudum jus. Въ концѣ 18-го вѣка отъ «системы барьера» не осталось и слѣда, благодаря завоеванію Бельгіи Франціей и гибели самостоятельности Голландіи; въ свою очередь революціонное рѣшеніе вопроса не было окончательнымъ, и въ 1815 году Англіи удалось достигнуть возстановленія «системы барьера», но уже на иныхъ болѣе радикальныхъ основаніяхъ—въ формѣ «état d'équilibre».

Таковы прецеденты внѣшней исторіи Бельгіи; въ этихъ прецедентахъ почерпается доказательство, что бельгійскій постоянный нейтралитетъ есть un produit normal et rationnel de conditions historiques et géographiques déterminées. Можно ли присоединиться къ этому положенію? Намъ кажется, что нѣтъ, и вотъ почему. Подъ обманчивою внѣшностью строго научнаго и проникнутаго историческою методою утвержденія, положеніе Dollot заключаетъ въ себѣ ту же самую теорію «предопредѣленія», которую мы уже отмѣчали выше. Въ теченіе 17-го, 18-го и 19-го вѣковъ предлагалось нѣсколько рѣшеній вопроса о Бельгіи: Dollot выдвигаетъ два—порабощеніе края и признаніе его нейтралитета, и говоритъ, что «выводъ» историческаго развитія заключается въ томъ, что первое отвергнуто, а необходимость второго безусловно доказана. Такое разсужденіе не можетъ считаться правильнымъ. Чтобы объяснить, почему въ 1831 году былъ провозглашенъ постоянный нейтралитетъ Бельгіи, нужно обратиться не къ неопредѣленной совокупности «историческихъ и географическихъ факторовъ», которые извлекаются изъ изученія далекаго прошлаго. Эти факторы лишены постояннаго характера: какъ заданія, такъ и рѣшенія вопроса непрерывно измѣняются. Въ ихъ разнообразной игрѣ нѣтъ никакого вывода въ пользу нейтралитета, и мы съ одинаковымъ правомъ могли бы считать, если бы стали на точку зрѣнія людей 1815 года, что выводъ историческаго процесса—порабощеніе Бельгіи. Теченіе событій не дѣластъ выводовъ въ пользу того или иного тезиса: при одной комбинаціи причинъ торжествуетъ одинъ тезисъ, при другой—другой. Объясненіе каждой точки развитія лежитъ въ обусловливающихъ непосредственно ее, а не болѣе раннюю или болѣе позднюю точку, причинахъ. Теорія Dollot не можетъ не носить поэтому характера вывода ex post и прилаживанія прошлаго къ настоящему. Къ тому же нѣтъ сомнѣнія, что прошлое Бельгіи не вращается въ кругѣ двухъ рѣшеній, выдвигаемыхъ этимъ писателемъ. Рядомъ съ

Digitized by Google

ними исторія знала и другія; самому Dollot приходится много разъ упоминать о проектахъ раздѣла бельгійскихъ провинцій между сосѣдями. А если это такъ, если въ прошломъ провинціямъ открыто было три такихъ перспективы: порабощеніе частичное или полное одному изъ сосѣдей, раздѣлъ между сосѣдями и независимость, опирающаяся на ту или иную договорную формулу, то не въ правѣ ли мы будемъ сказать, что исторія ставила Бельгію въ то положеніе, въ которомъ находится всякое слабое государство; при этихъ условіяхъ трудно отстаивать «предопредѣленный» характеръ договоровъ 1831 и 1839 гг.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе.—Доктрина въ серединѣ прошлаго вѣка; неуспѣхъ попытки разорвать учредительный актъ швейцарскаго нейтралитета; результаты развитія института въ формулѣ постояннаго нейтралитета Люксембурга.

1. Если въ рядѣ вопросовъ теорія международнаго права опережала развитіе позитивныхъ нормъ и даже вызывала ихъ къ жизни, то, съ другой стороны, часто жизнь шла впереди, создавая новыя формы правоотношеній и новые институты, о которыхъ современная доктрина и не помышляла. Въ такихъ случаяхъ мы наблюдаемъ очень любопытное явленіе: какъ бы досадуя на то, что ей не пришлось участвовать въ рожденіи нормъ, теорія долго не рѣшается признать ихъ существованіе и неохотно принимается за ихъ изученіе.— Это наблюденіе особенно справедливо, когда мы имѣемъ дѣло съ литературой международнаго права, предшествующей послѣднимъ десятилѣтіямъ; въ настоящее время, благодаря совершившемуся пересмотру научныхъ методы и пріемовъ, теорія живѣе схватываетъ возникающія безъ участія ея явленія, но во времена ея естественно-правового уклада игнорированіе позитивнаго права находило себѣ даже извѣстное оправданіе.

Безспорно своеобразный и замѣчательный типъ между-

Digitized by Google

народнаго субъекта созданъ былъ договорами 1815 и 1839 гг.; устраненіе изъ сферы международной борьбы путемъ правовой формулы трехъ государствъ тогдашней Европы не могло, казалось бы, не обратить вниманія теоретиковъ международнаго права. Новыя правовыя явленія ставили рядъ интересныхъ вопросовъ, не лишенныхъ ни чисто теоретическаго, ни практическаго значенія. А между тѣмъ, внимательно слѣдя за развитіемъ литературы, мы убѣждаемся, что она проявляетъ лишь весьма мало интереса къ типу постоянно нейтральнаго государства.

Первый, кто—поскольку намъ удалось прослѣдить—обратилъ вниманіе на существованіе своеобразнаго status'a Швейцаріи и Кракова, былъ Клюберъ. Издатель актовъ Вѣнскаго конгресса не могъ не знать постановленій его, и вставилъ въ свой, вышедшій въ 1819 году, курсъ международнаго права, въ параграфъ, посвященный обзору видовъ нейтралитета, примѣчаніе, которое гласило такъ: «La ville de Cracovie... a été déclarée libre, indépendante et strictement neutre, par le traité additionnel conclu à Vienne... De même, le congrès de Vienne a stipulé et garanti la neutralité perpétuelle de la Suisse... Comparez l'acte final du Congrès... et l'acte par lequel cette neutralité de la Suisse a été reconnue par les Puissances alliées, en date de Paris le 20 nov. 1815...» [1]). Несмотря на скудость этихъ указаній Клюбера, они все-таки доказываютъ недюжинное его вниманіе, ибо въ предшествующей теоріи никому въ голову не приходило даже мимоходомъ отмѣтить акты 1815 года [2]). Можно было бы ожидать, что въ послѣдующемъ развитіи литературы вліяніе Клюбера, вообще очень большое, должно было отразиться и на теоріи постоянно нейтральныхъ. На самомъ дѣлѣ, однако, толчекъ,

[1]) Klüber, Droit des gens moderne de l'Europe, éd. Ott, Paris, 1874, 400, n. a.

[2]) О нихъ молчитъ Das europäische Völker-Recht in acht Bücher von Geheimen Rath Schmalz zu Berlin, Berlin, 1817 и третье изданіе G. F. Martens, Précis du droit des gens moderne de l'Europe, вышедшее въ 1820 году; см. 2-е édition Vergé, Paris, 1864.

Digitized by Google

данный Клюберомъ, былъ воспринятъ вполнѣ пассивно, и можно сказать, что къ его «справкѣ» сводится доктрина института въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Въ качествѣ примѣчанія, почти дословно воспроизводящаго Клюберовское, эта справка фигурируетъ въ 1820 г. у Schmelzing'a [3]) и въ 1828 у Politz'a [4]); у Saalfeld'a въ 1833 г. она вносится въ текстъ параграфа о видахъ нейтралитета и перечисленіе примѣровъ «постояннаго» дополняется указаніемъ на бельгійскій договоръ [5]). Въ 1844 году Heffter дѣлаетъ то же самое. Въ послѣдующихъ изданіяхъ его курса [6]) дѣло не подвигается ни на шагъ впередъ, и лишь въ семидесятыхъ годахъ обнаруживается нѣкоторый переворотъ въ смыслѣ признанія теоретическаго интереса за институтомъ постояннаго нейтралитета.

Такое отношеніе къ вопросу въ литературѣ стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ жизнью. Если бы мы не знали исторіи развитія института постояннаго нейтралитета, можно было бы предположить, что со времени появленія курса Клюбера онъ утратилъ всякое жизненное значеніе. Ничто, однако, не могло бы быть ошибочнѣе этого предположенія. Мы знаемъ уже, что въ 1831 и 1839 годахъ формула, изобрѣтенная въ эпоху Вѣнскаго конгресса, дала рѣшеніе одного изъ сложнѣйшихъ политическихъ вопросовъ первой половины прошлаго столѣтія и что съ этимъ рѣшеніемъ формула закрѣплена была окончательно въ европейскомъ правосознаніи; ниже мы увидимъ, сколько сложныхъ усилій было потрачено международною практикою на разработку внутренняго содержанія этой формулы и съ какой подробностью выяснялось каждое правоотношеніе, на которое распадается

---

[3]) Julius Schmelzing, Systematischer Grundriss des practischen Europäischen Völkerrechtes, III, Rudolstadt, 1820, 261, n. 3.

[4]) Pölitz, Practisches (europäisches) Völkerrecht, 241, n. **

[5]) Saalfeld, Handbuch des positiven Völkerrechts, Tübingen, 1833, 273 f.

[6]) Heffter, Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart, § 145, въ четвертомъ изданіи Berlin, 1861, 257.

Digitized by Google

институтъ; намъ предстоитъ, наконецъ, сейчасъ констатировать, что въ теченіе десятилѣтій, слѣдующихъ за провозглашеніемъ нейтралитета Бельгіи, борьба за типъ постоянно нейтральнаго государства не прекращается. Въ 1832—1848 гг. эта борьба сосредоточена на охранѣ уже завоеванной позиціи и отражаются попытки упразднить постоянный нейтралитетъ Швейцаріи; въ 1867 году формула 1815 года дѣлаетъ новое завоеваніе и создается послѣднее европейское государство изучаемаго типа — Люксембургъ.

2. Процессъ возникновенія постояннаго нейтралитета Швейцаріи сложился такъ, что провозглашеніе его было поставлено въ зависимость отъ принятія союзомъ нѣсколькихъ статей, опредѣлявшихъ внутреннія междукантональныя отношенія, и что, лишь когда эти статьи были приняты, состоялась декларація 20 ноября 1815 года. Выше было объяснено, что въ такой постановкѣ дѣла Вѣнскій конгрессъ видѣлъ внѣшнее средство обезпечить принятіе Акта Посредничества, а отнюдь не исходилъ изъ того убѣжденія, что самое существованіе постояннаго нейтралитета должно быть навсегда обусловлено неприкосновенностью внутреннихъ отношеній, созданныхъ посредничествомъ. Связи между нейтралитетомъ и Актомъ Посредничества юридически послѣ 20 ноября 1815 года не существовало. Тѣмъ не менѣе въ памяти современниковъ историческая близость двухъ вопросовъ была еще жива, когда въ Швейцаріи стало возникать стремленіе къ пересмотру установленныхъ въ 1815 году государственныхъ отношеній. Внѣшніе противники пересмотра, въ борьбѣ за сохраненіе въ Швейцаріи старыхъ порядковъ, воспользовались этимъ лишеннымъ юридической точности воспоминаніемъ, и сдѣлали попытку доказать, что покушеніе на эти порядки есть покушеніе и на актъ нейтралитета, что Швейцарія должна быть лишена постояннаго нейтралитета, если она подыметъ руку на междукантональный строй 1815 года.

Такая теорія въ рукахъ враговъ конституціоннаго пересмотра въ Швейцаріи была, конечно, лишь средствомъ достигнуть опредѣленнаго политическаго результата и лишь

Digitized by Google

въ качествѣ средства представляла для нихъ интересъ; это обстоятельство не даетъ, однако, возможности отказаться отъ ея разсмотрѣнія. Борьба, выливающаяся въ форму спора о правѣ, рѣдко возникаетъ изъ побужденій чисто правовыхъ, а ведется въ большинствѣ случаевъ во имя достиженія извѣстныхъ практическихъ результатовъ, и тѣмъ не менѣе юристъ, откидывая эти внутреннія психологическія пружины, слѣдить за теченіемъ спора и развитіемъ юридическаго тезиса.

Внѣшними врагами переустройства швейцарскихъ междукантональныхъ отношеній выступили Австрія и Франція. Австрія явилась выразительницей идей консервативнаго европейскаго строя; въ Швейцаріи она считала себя призванной охранять отъ имени трехъ державъ, остававшихся вѣрными задачамъ эпохи конгрессовъ, прежніе союзные порядки, какъ часть установленной европейской системы; швейцарское движеніе совпадало и стояло въ связи съ революціоннымъ броженіемъ въ другихъ странахъ и тотъ или иной исходъ его не могъ не отразиться на сосѣднихъ государствахъ и въ частности въ сосѣдней австрійской Италіи; опасеніе, что побѣда «молодой Швейцаріи» послужитъ сигналомъ къ движенію «молодой Италіи», побуждало всѣми силами бороться съ первою [7]).—Отношеніе Франціи къ вопросу о пересмотрѣ союзныхъ порядковъ было нѣсколько болѣе сложнымъ. Оно складывалось подъ нѣсколькими вліяніями. Во-первыхъ, живы были традиціи дореволюціонной политики, когда точкою опоры французскаго вліянія въ странѣ служили почти автономные кантоны; это приводило къ мысли, что гибель этой автономіи съ побѣдою защитниковъ пересмотра будетъ паденіемъ возможности воздѣйствія на союзъ, и отсюда къ стремленію охра-

[7]) Ce qui est certain, c'est que l'issue de la lutte (engagée en Suisse) exercera une fort grande influence sur bien des situations, et en particulier sur le prochain avenir des Etats dans la péninsule italienne. Metternich à Lutzow à Rome. Vienne, 7 Novembre 1847. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, VII, Wien, 1883, 486, cf. 345. Cp. Guizot, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, VIII, Paris, 1867, 455 s.

Digitized by Google

нять status quo союзныхъ отношеній [8]). Съ другой стороны, мы знаемъ, что политика Франціи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сводилась къ стремленію убѣдить другія государства, что, несмотря на свое революціонное происхожденіе, правительство Луи Филиппа не покушается на установленный европейскій строй и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ рѣшимости не допускать вмѣшательства консервативнаго союза во внутреннія дѣла сосѣднихъ съ Франціей государствъ. Это сочетаніе консервативныхъ началъ и доктрины невмѣшательства, придававшее нѣкоторую неустойчивость французской политикѣ, отражалось и на отношеніи Франціи къ швейцарскимъ событіямъ: первыя заставляли стремиться къ сохраненію status quo, покушеніе на который вызвало бы международныя осложненія благодаря положенію, занятому Австріей; вторая ставила Францію во враждебное отношеніе къ австрійскимъ попыткамъ принять участіе во внутренней швейцарской борьбѣ. Но если одностороннее воздѣйствіе консервативныхъ державъ казалось ей недопустимымъ, то, какъ мы видѣли уже на примѣрѣ Бельгіи, изъ этого еще не слѣдовало, что, съ ея точки зрѣнія, она должна была сложить оружіе и ограничиться этой чисто отрицательной ролью; напротивъ того, сообща съ другими великими державами, она все-таки продолжала участвовать въ рѣшеніи международныхъ проблемъ. Это приводило къ программѣ, формулированной въ заявленіи французскаго правительства въ началѣ царствованія Луи Филиппа такъ: «Франція не допуститъ на своихъ границахъ, въ Швейцаріи, Бельгіи и Піемонтѣ, вмѣшательства

[8]) Французскіе дипломаты, смѣнявшіеся въ Швейцаріи, всѣ признавали это. Le Comte de Talleyrand au Duc de Richelieu, Berne, 29 avril 1817; Archives des Affaires Etrangères à Paris, vol. 504, f. 215—218. Le Marquis de Moustier au Vicomte de Chateaubriand, Berne, 28 Juillet 1823: on n'a rien ou peu à espérer de la confédération, envisagée comme corps de nation. C'est sur chaque canton en particulier qu'il faut agir, en tirant un utile parti des passions et des intérêts opposés qui les divisent; ibid, vol. 510, f. 231—234. Le Comte de Rayneval au Prince de Polignac, Berne, le 6 Septembre 1829; ibid., vol. 507, f. 272—273.

Digitized by Google

другихъ державъ, не вмѣшавшись сама, чего бы ей это ни стоило» [9]). Непослѣдовательность и шаткость такой точки зрѣнія вносили нѣкоторое отличіе въ политику Франціи сравнительно съ политикой Австріи. Преслѣдуя одинаковыя задачи, онѣ тѣмъ не менѣе не всегда могли успѣшно дѣйствовать заодно, ибо откровенное вмѣшательство не согласовалось съ основнымъ началомъ французской политики, и французскимъ государственнымъ людямъ приходилось не безъ нѣкоторыхъ усилій подыскивать мотивы, которые могли бы оправдать ихъ воздѣйствіе на Швейцарію.

Въ 1832 году въ Швейцаріи впервые подымаются голоса въ пользу измѣненія союзныхъ порядковъ и одновременно формулируется теорія о связи между этими послѣдними и нейтралитетомъ союза. По поводу созыва чрезвычайнаго сейма для конституціоннаго пересмотра Меттернихъ дѣлаетъ въ Швейцаріи слѣдующее заявленіе: «государства, доказавшія благосклонное вниманіе къ Швейцаріи тѣми выгодами, которыя они даровали, въ договорахъ 1815 года, союзу въ той его формѣ, въ которой онъ тогда существовалъ, не могутъ оставаться равнодушными, если союзному акту... будетъ нанесенъ ударъ; если болѣе или менѣе значительная часть кантоновъ, отклоняясь отъ союзнаго договора, отдѣлится отъ другихъ, которые будутъ оставаться вѣрными ему, или если кантоны вознамѣрятся на сеймѣ измѣнять основные пункты этого договора, то державы не согласятся признать за властью, вышедшей изъ подобныхъ событій, права, предоставленныя

---

[9]) Guizot, VIII, 422 ss. Французская политика въ Швейцаріи не лишена извѣстной двусмысленности: дѣйствуя въ однихъ случаяхъ за одно съ консервативными государствами, она въ другихъ поддерживаетъ радикальную политику союза. Такъ, по вопросу о пребываніи революціонеровъ. Ср. Tillier, Geschichte der Eidgenossenschaft während des sogenannten Fortschrittes, I, Bern, 1854, 169; Escher, Politische Annalen der eidgenössischen Vororte Zürich und Bern während der Jahre 1834, 1835 und 1836, I, Zürich, 1838, 230 ff., 516 ff (нѣсколько сгущены краски); не точно изложеніе Van Muyden, La Suisse sous le pacte de 1815, 1830—1838, Lausanne—Paris, 1892, 319.

Digitized by Google

по договорамъ союзу, и сохранить за нею гарантію договорнаго постояннаго нейтралитета; онѣ надѣются, что сеймъ съумѣетъ предупредить эти крайнія мѣры, оставшись вѣрнымъ союзному строю» [10]). Это положеніе, нашедшее себѣ поддержку и со стороны Франціи [11]), оказалось въ 1832 году формулированнымъ преждевременно, ибо пересмотръ союзнаго строя не имѣлъ за себя большинства въ союзѣ, но оно послужило исходною точкою всѣхъ послѣдующихъ споровъ. Въ немъ впервые устанавливается связь между существованіемъ нейтралитета и внутренними швейцарскими порядками 1815 г., причемъ—исторически безспорная—взаимная зависимость Акта Признанія и Гарантіи, съ одной стороны, и Акта Посредничества, съ другой, толкуется чрезвычайно широко; вмѣсто точной ссылки на Актъ Посредничества появляется ссылка на «союзный строй 1815 года». Въ такомъ видѣ аргументы, оправдывающіе покушеніе на швейцарскій постоянный нейтралитетъ, получаютъ еще меньшую юридическую достовѣрность, нежели отмѣченное выше историческое воспоминаніе. Актъ Посредничества есть рѣшеніе лишь нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ внутренней жизни союза, и конституціонный пересмотръ этому акту могъ и не противорѣчить: онъ уничтожалъ лишь союзный договоръ 1815 года, въ составленіи котораго иностранныя государства юридически не принимали участія [12]).

Несмотря на такую неточность, аргументы противниковъ реформы союзныхъ порядковъ закрѣпляются именно въ формѣ только что указаннаго австрійскаго заявленія 1832 года [13]). Появленіе ихъ вновь въ международныхъ перегово-

---

[10]) Memorandum sur l'état des affaires en Suisse relativement à la prochaine diète extraordinaire, Berne, le 5 Juin 1832; (cf. выдержки изъ донесеній швейцарскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ отъ 6—8 и 27—28 іюня 1832). Tillier, I, 162 n. 1, 161 f.

[11]) Выдержки изъ донесеній швейцарскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ 25 іюня и 2 іюля 1832; ibid., 163 f.

[12]) См. выше; 29 слл., 34 слл.

[13]) Теорія Меттерниха развивается въ тогдашней юридической ли-

Digitized by Google

рахъ относится къ слѣдующему десятилѣтію, когда вопросъ о союзной реформѣ въ остромъ видѣ снова ставится въ Швейцаріи. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ религіозный по своему происхожденію конфликтъ между защитниками пересмотра союзнаго акта и противниками его привелъ къ тому, что кантоны рѣзко раскололись на двѣ враждебныя части; радикальное большинство ихъ требовало отъ католическаго меньшинства измѣненія религіозной политики послѣднихъ; не соглашаясь на это, меньшинство ссылалось на суверенитетъ кантоновъ, узаконенный въ 1815 году, и было юридически вполнѣ право; невозможность для большинства найти въ рамкахъ союзнаго акта конституціонныя средства воздѣйствія на меньшинство привела въ 1844 году къ сознанію неизбѣжности междуусобной войны; католическіе кантоны сгруппировались въ Sonderbund, съ самостоятельной политической и военной властью; отвѣтомъ было постановленіе большинства кантоновъ о распущеніи католическаго союза и рѣшеніе военными мѣрами осуществить это постановленіе. Коренные недостатки союзнаго акта 1815 года заставили радикальное большинство прибѣгнуть къ войнѣ, и, естественно, на знамени его стояло требованіе объ измѣненіи акта; всѣмъ было ясно, что побѣда надъ Sonderbund'омъ будетъ концемъ прежнихъ политическихъ порядковъ, и

тературѣ; см. Ueber den gegenwärtigen politischen Zustand der Schweiz von Zachariä, Heidelberg, 1833. Онъ ставитъ вопросъ «von der rechtlichen Zulässigkeit des in Frage stehenden Unternehmens (пересмотра акта 1815) nach dem europäischen Völkerrechte» и приходитъ къ тому выводу, что въ Вѣнскомъ договорѣ 1815 года нѣтъ указаній на неизмѣнность союзнаго акта, S. 241 f., но что, какъ только въ послѣднемъ будутъ произведены измѣненія, которыя будутъ, по мнѣнію державъ, подписавшихъ декларацію нейтралитета, несовмѣстны съ нею, онѣ будутъ въ правѣ ее уничтожить; рѣшеніе вопроса о томъ, какія измѣненія несовмѣстны, принадлежитъ, конечно, этимъ державамъ, «denn das Urtheil einer selbstständigen Macht ist rechtskräftig», S. 26 f; это обстоятельство, конечно, даетъ право вмѣшательства, S. 28 f. Какъ видимъ, аргументація Zachariä нѣсколько отличается отъ аргументаціи Меттерниха, но она приходитъ къ тому же выводу.

Digitized by Google

международныя послѣдствія такого положенія не замедлили обнаружиться.

Вслѣдъ за первыми стычками между радикальными и консервативными кантонами, вылившимися въ формѣ вторженій радикальныхъ добровольцевъ (такъ наз. Freischaaren) въ предѣлы католическаго Люцерна, Франція поспѣшила въ 1845 году заявить въ Швейцаріи, что «внутреннее состояніе Союза неправильно и опасно съ европейской точки зрѣнія» и «способно возложить на заинтересованныя державы новыя обязанности» [14]). Австрія, находя этотъ намекъ недостаточно сильнымъ, предложила откровеннѣе установить «почву, узаконяющую вмѣшательство державъ» [15]). Не возражая, Франція предложила перенести вопросъ на международное обсужденіе, въ отвѣтъ на что Австрія представила проектъ соглашенія между державами, выраженный въ слѣдующей, воспроизводившей аргументацію 1832 года формулѣ: «великія державы будутъ видѣть въ уничтоженіи союзнаго договора 1815 года—совершится ли оно открыто или подъ покровомъ очевидно на то не уполномоченнаго сейма—фактъ, уничтожающій тѣ гарантіи, которыя дарованы Швейцаріи актами Вѣнскаго конгресса»; Австрія предлагала откровенно заявить это союзу, дабы онъ «узналъ непосредственныя послѣдствія и предугадалъ болѣе отдаленныя и серьезныя» отказа отъ союзнаго акта [16]). Вполнѣ присоединяясь къ этой формулѣ,

---

[14]) Депеша Гизо къ французскому посланнику въ Швейцаріи, предназначенная для сообщенія швейцарскимъ властямъ, 19 февраля 1845 г., напечатана у Guizot, VIII, 431 ss.

[15]) Elle (la dépêche de Guizot) esquive la base sur laquelle l'action morale des puissances sur la Confédération est légale, Metternich an Apponyi in Paris, Vienne, 15 mars 1845. Metternich, VII, 89.

[16]) Les cinq puissances regarderaient l'anéantissement du pacte de 1815... comme un fait annulant les garanties que les actes du Congrès de Vienne ont accordées à la Suisse; et cela, sans prejuger les mesures ultérieures que l'intérêt du maintien de l'ordre et de la paix en Europe pourrait forcer les puissances à prendre; Metternich à Apponyi, le 20 mai 1845; Guizot, VIII, 444 s.

Digitized by Google

Франція отклонила, однако, коллективное вмѣшательство державъ, находя его несвоевременнымъ [17]).

Нѣкоторое время вопросъ оставался открытымъ. По мѣрѣ приближенія къ развязкѣ внутренняго швейцарскаго кризиса, внѣшнее воздѣйствіе державъ на союзъ казалось все болѣе и болѣе необходимымъ. Въ іюлѣ 1847 года застрѣльщикомъ выступаетъ Франція. Гизо заявляетъ радикальнымъ кантонамъ: «Европа, давъ Швейцаріи драгоцѣнное преимущество нейтралитета и связавъ пользованіе имъ съ существованіемъ федеративнаго строя, имѣла въ виду обезпечить спокойствіе страны... Если Швейцарія станетъ внѣ тѣхъ условій, которыя она приняла, если она сдѣлается очагомъ революціоннаго движенія и грозящей миру сосѣдей агитаціи, то державы сочтутъ себя свободными отъ своихъ обязательствъ» [18]). На тему этого смягченнаго сравнительно съ Меттерниховскимъ положенія Гизо пытается создать концертъ великихъ державъ, но, благодаря отказу Англіи, безъ успѣха [19]). Объявленіе войны между радикальными кантонами и Sonder-

---

[17]) Metternich à Apponyi 27 juin 1845; Metternich, VII, 113 ss, 114 n.; въ томъ же смыслѣ высказывалась Англія; Guizot, VIII, 448. Меттернихъ позднѣе, подъ вліяніемъ наступившаго временнаго успокоенія въ Швейцаріи, съ своей стороны отказался отъ коллективной манифестаціи; Metternich à Apponyi, 27 juni 1845; Metternich, VII, 113 ss. Въ октябрѣ 1846 г. Меттернихъ снова старался склонить Францію къ вмѣшательству, но безъ успѣха; Guizot, VIII, 449 ss.; Metternich, VII, 173 ss.; въ январѣ 1847 года такую инициативу принялъ на себя французскій представитель въ Швейцаріи, но правительство не приняло его предложеній; Guizot, VIII, 463 ss.

[18]) Guizot à Bois-le-Comte, 2 juillet 1847; Guizot, VIII, 459 ss.

[19]) Duc de Broglie à Guizot, Londres, 5 et 7 juillet 1847; Guizot, VIII 468 ss.—Пальмерстонъ раздѣлялъ, повидимому, теорію обусловленности постояннаго нейтралитета Швейцаріи; Броль сообщаетъ слѣдующія его слова: «De quoi peut on menacer la Diète helvétique? On ne peut la menacer que d'une seule chose, de lui retirer la garantie de neutralité: et cela dans un seul cas, celui où la division de la Suisse en vingt deux cantons disparaîtrait pour faire place à une république unitaire. Ср., однако, Bulwer, The life of Palmerston, vol. III, ed. by Ashley, Leipzig, 1874, 269.

Digitized by Google

bund'омъ заставило Францію вернуться къ своимъ проектамъ; она обратилась къ великимъ державамъ съ предложеніемъ коллективно потребовать прекращенія военныхъ дѣйствій подъ угрозою уничтоженія постояннаго нейтралитета Швейцаріи [20]). Проектъ международнаго заявленія въ этомъ смыслѣ былъ встрѣченъ горячимъ сочувствіемъ консервативныхъ государствъ и осуществился бы, если бы Франція не обнаружила въ послѣднюю минуту нѣкоторой слабости. Обязанная въ силу общихъ свойствъ своей внѣшней политики искать согласованія воздѣйствія на Швейцарію съ началомъ «невмѣшательства», она стремилась найти поддержку Англіи, поддержку, которая въ ея глазахъ служила бы доказательствомъ, что она дѣйствуетъ не во имя консервативной международной системы трехъ «сѣверныхъ державъ», а во имя истиннаго и широкаго международнаго интереса [21]). Попытка склонить Англію къ участію въ воздѣйствіи на Швейцарію привела къ тому, что вмѣсто опредѣленнаго проекта вмѣшательства Гизо, Франціи пришлось принять за основу соглашенія проектъ «посредничества» между католиками и радикалами, окрашенный несомнѣннымъ сочувствіемъ къ послѣднимъ [22]); коллективная нота согласно этому англійскому проекту была подписана всѣми представителями великихъ державъ въ Парижѣ (по недоразумѣнію и консервативными послами къ великому негодованію Меттерниха) [23]); она была передана

---

[20]) 7 et 8 novembre 1848; ibid, VIII, 476 ss.

[21]) Французы сознавали, что съ участіемъ Англіи дѣло приметъ другой оборотъ, что «ou l'action à cinq, par voie de persuasion exclusivement, toute menace disparaissant momentanément, sauf à renaître si la médiation échoue; ou l'action à quatre, par voie de menace exclusivement, toute persuasion étant de pure forme; Duc de Broglie à Guizot, Londres, 16 novembre 1847; ibid., 486, но не рѣшились остановиться на «action à quatre».

[22]) Текстъ англійскаго контръ-проекта 18 ноября 1847, ibid., VIII, 489 ss.

[23]) Tandis que dans le premier projet de M. Guizot le droit des puissance de prendre connaissance des affaires de la Suisse était clairement établi et justement fondé... le projet anglais ne base l'intervention... que sur des

Digitized by Google

Союзу [24]), но не могла уже оказать вліянія на ходъ событій въ Швейцаріи: благодаря промедленію, сознательно вызванному англичанами, моментъ передачи ноты совпалъ съ концомъ борьбы съ Sonderbund'омъ; торжество радикальныхъ кантоновъ было полнымъ и смыслъ ноты не отвѣчалъ болѣе обстоятельствамъ, ибо не было уже тѣхъ двухъ партій, между которыми державы могли принять на себя посредничество, а то, что нота обѣщала радикаламъ, было уже въ ихъ рукахъ; въ довершеніе неудачи Англія, въ концѣ концовъ, въ послѣднюю минуту все таки отказалась отъ участія въ манифестаціи «въ виду совершенно измѣнившихся обстоятельствъ» [25]); сеймъ категорически отклонилъ посредничество, какъ покушеніе на цѣлостность объединенной побѣдою надъ Sonderbund'омъ Швейцаріи [26]).

Неудача не смутила Австріи, и Меттернихъ въ концѣ 1847 года сдѣлалъ новое, послѣднее усиліе, чтобы дать

---

sentiments généraux et sur un vague désir de maintenir la paix qui n'ont ensemble aucune portée réelle et efficace, la seule allusion faite aux traités de 1815 que la note renferme est si faible et si indistinctement redigée que loin d'établir elle amoindrit la valeur de l'unique position—mais qui est inexpugnable — que les Puissances aient à prendre pour intervenir dans les affaires de la Suisse...; Bemerkungen Metternichs zu den Palmerston'schen Notenentwurf въ приложеніи къ депешѣ послу въ Парижѣ, 26 ноября 1847, и самая депеша. Metternich, VII, 490 ff. — Отвѣтъ Пруссіи на проектъ Пальмерстона см.' Marquis de Dalmatie à Guizot, Berlin, 22 novembre 1847; Guizot, VIII, 495.

[24]) Австрійская и французская нота 30 ноября 1847, прусская нѣсколько позднѣе, но того же содержанія, русская еще позднѣе и другого содержанія. Текстъ первыхъ трехъ въ Abschied der ordentlichen eidgenössischer Tagsatzung des Jahres 1847, II. Theil, 169 f. и Metternich, VII, 502 ff.

[25]) Заявленіе чрезвычайнаго посланника Sir Stratford Canning изложено въ Abschied, II, 177. Роль Англіи въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно темна; повидимому, цѣлью Пальмерстона, въ переговорахъ съ Гизо, было стремленіе выиграть время и дать радикаламъ возможность одолѣть противниковъ; кромѣ документовъ Меттерниха и Гизо cf. Bulwer-Ashley, III, 170.—О нотахъ 30 ноября остроумныя замѣчанія у Schweizer, 796.

[26]) 7 декабря 1847; Abschied, II, 171 ff.

Digitized by Google

движеніе тому международному иску къ Швейцаріи, который, въ его глазахъ, вытекалъ изъ совершенныхъ союзомъ правонарушеній. «Задача настоящаго, писалъ онъ, въ томъ, чтобы извлечь изъ вчерашней ошибки полезное указаніе на завтра»; перемѣна въ области фактовъ не измѣнила обязанности державъ бороться противъ измѣненія союзнаго строя, происходившаго на глазахъ Европы вслѣдъ за паденіемъ Sonderbund'a [27]). Путь, намѣченный для осуществленія этихъ обязанностей, изложенъ былъ въ подробной инструкціи, данной чрезвычайному австрійскому послу, отправленному вмѣстѣ съ прусскимъ въ Парижъ для новыхъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ; содержаніе этой инструкціи Графу Коллоредо, представляющей наиболѣе интересный памятникъ въ области разсматриваемой нами теоріи, сводилось къ слѣдующему. Великія державы должны собраться на конференцію для обсужденія швейцарскихъ дѣлъ и пригласить представителя сейма; приглашеніе это должно быть мотивировано такъ: если на Вѣнскомъ конгрессѣ Европа даровала Швейцаріи гарантію ея постояннаго нейтралитета и неприкосновенности ея территоріи, то это исключительное положеніе предназначалось союзу въ той его формѣ, въ какой онъ существовалъ тогда, т.-е. союзу 22 суверенныхъ кантоновъ, связанныхъ договоромъ 1815 года, а не политической аггломераціи, насильственно образованной и управляемой началами, которыя несовмѣстны съ кантональнымъ суверенитетомъ; теперь этотъ кантональный суверенитетъ, составляющій основаніе признаннаго Европой швейцарскаго строя уничтоженъ, а поэтому условія признанія нейтралитета не существуютъ болѣе, и для того, чтобы возстановить его, Швейцарія должна согласиться на переговоры объ упорядоченіи своихъ политическихъ порядковъ съ Европою. Если союзъ не пошлетъ уполномоченнаго на конфе-

[27]) Metternich an Kaisersfeld in Bregenz, 7 December 1847; Metternich an Apponyi in Paris, 12 December 1847; Metternich, VII, 505 ff., 345 ff.

Digitized by Google

ренцію, то послѣдняя закроется, издавъ такую декларацію: государства, подписавшія актъ 20 Ноября 1815 года, считаютъ союзъ юридически не существующимъ и преимущества, дарованныя этому государству, утерявшими всякую силу. Этой декларацієй государства, подписавшія Актъ Признанія и Гарантіи, исполнятъ свою задачу и на сцену выступятъ государства-сосѣди, свободныя отъ обязательства уважать швейцарскій нейтралитетъ и въ своихъ отношеніяхъ къ ней руководствующіяся лишь своими интересами. Съ послѣдними несовмѣстимо, чтобы сосѣдняя Швейцарія сдѣлалась очагомъ радикализма, и они будутъ бороться съ нимъ. Мѣры борьбы въ восходящемъ порядкѣ будутъ: отозваніе миссій, коммерческая блокада [28]), военныя демонстраціи на швейцарской границѣ и, наконецъ, военное вмѣшательство и временная оккупація нѣкоторыхъ частей Швейцаріи [29]).

Таковъ былъ продуманный и цѣльный планъ Меттерниха, являвшійся развитіемъ все той же доктрины 1832 года и проводившій ея послѣдствія до конца. Нѣкоторыя детали плана отпали въ переговорахъ съ Франціей, но на этотъ разъ аргументація Меттерниха одержала верхъ надъ колебаніями послѣдней и пріобрѣла, наконецъ, значеніе активнаго орудія, обращеннаго противъ союза. Искъ былъ, наконецъ, предъявленъ. Нота, переданная швейцарскому сейму австрійскимъ, прусскимъ и французскимъ посланниками 18 Января 1848 года, являлась формальнымъ протестомъ противъ разрыва старыхъ союзныхъ отношеній и воспроизводила угрозу уничтожить постоянный нейтралитетъ Швейцаріи [30]). Послѣдовало возраженіе: основываясь на исторіи и текстѣ акта нейтралитета Швейцарія доказывала, что «союзная конституція никогда не была гарантирована и что обезпеченный Швейцаріи нейтралитетъ не былъ обусловленъ той или иной формою союзнаго строя».

[28]) Объ этомъ понятіи ниже.

[29]) Меттернихъ Графу Коллоредо, Вѣна, 15 Декабря 1847 г.; ibid, VII, 510 ff., cf. VII, 527.

[30]) Abschied, II, 186 ff. Тамъ же отвѣтъ въ нѣмецкой редакціи.

Digitized by Google

Отвѣтная нота сейма помѣчена 15 Февраля 1848 года, Эта дата опредѣляетъ дальнѣйшую судьбу спора. Февральскія событія въ Парижѣ и мартовскія въ Вѣнѣ свели со сцены двухъ главныхъ адвокатовъ доктрины обусловленнаго нейтралитета—Гизо и Меттерниха. Безполезно гадать, каковы были бы результаты внѣшняго воздѣйствія на Швейцарію и представляло ли оно реальную опасность для Акта Признанія и Гарантіи. Достаточно указать, что съ перемѣщеніемъ оси международныхъ событій въ 1848 году споръ не продолжался. Швейцарія довершила начатое національное дѣло и перешла съ конституціей 1848 года къ болѣе совершеннымъ формамъ союзнаго государства, и несмотря на то, никакихъ возраженій извнѣ противъ этихъ перемѣнъ больше не было представлено. Споръ окончился такимъ образомъ отказомъ отъ иска.

Нѣтъ надобности настаивать, что тезисъ, при помощи котораго доказывалась несовмѣстимость постояннаго нейтралитета съ измѣненными сравнительно съ 1815 годомъ конституціонными основами щвейцарскаго внутренняго права, лишенъ юридической достовѣрности. Нѣтъ сомнѣнія, что державы не въ правѣ были лишить Швейцарію—союзное государство нейтралитета, дарованнаго ей въ то время, когда она была союзомъ государствъ. Если бы соотвѣтствующій по своему логическому достоинству искъ возникъ въ системѣ болѣе развитого права, то интересъ его былъ бы ничтоженъ, и онъ былъ бы весьма скоро отвергнутъ судомъ [31]). Но въ правѣ международномъ этотъ процессуальный порядокъ не существуетъ и судьба споровъ о правѣ опредѣляется не въ зависимости исключительно отъ логической цѣнности аргументаціи сторонъ, а въ зависимости отъ ряда внѣ-юридическихъ фактовъ. Мы видѣли,

[31]) Онъ, само собою разумѣется, оставленъ современной литературою; см. возраженія противъ него у Blumer-Morel, Handbuch des schweizerischen Staatsrechts, II, 2, Basel, 1887, 379 f.; Schopfer, 221; Tswettcoff, 58 ss.; Piccioni, 60 ss.

Digitized by Google

какъ протекалъ споръ о постоянномъ нейтралитетѣ Швейцаріи въ 1832—1848 годахъ: рѣшеніе его въ концѣ концовъ совпало съ тѣмъ, которое выноситъ ему приговоръ юридическаго анализа, но это совпаденіе имѣло чисто случайный характеръ. Побѣда основательнаго юридически тезиса была обусловлена перемѣнами политическихъ обстоятельствъ; но если подъ оболочкою правового спора совершился по смыслу своему чисто политическій процессъ, то результаты его все же не могли не имѣть важнаго правового значенія. Швейцарія, повидимому, хорошо это сознавала. Преданность ея постоянному нейтралитету не колебалась ни минуты; ей и въ голову не пришло заявить, что она готова пожертвовать имъ для того, чтобы избавиться отъ иностраннаго вмѣшательства, опиравшагося на угрозу лишенія нейтралитета. Она была въ этомъ отношеніи совершенно права, и, дѣйствуя такъ, какъ она дѣйствовала, она сознательно во второй разъ политически завоевала данную ей въ 1815 году международную хартію.

3. Десятилѣтіе, слѣдующее за этимъ завоеваніемъ, проходитъ безъ важныхъ событій въ исторіи института постояннаго нейтралитета. Въ шестидесятыхъ годахъ назрѣваетъ новый серьезный вопросъ на политическомъ горизонтѣ Европы, вопросъ о великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ, и для его рѣшенія снова прибѣгаютъ къ изучаемой нами формулѣ.

Слѣдующій рядъ обстоятельствъ приводитъ къ возникновенію люксембургской проблемы.

Тронная рѣчь французскаго императора 4 Ноября 1863 года заключала въ себѣ прогремѣвшую въ свое время фразу: «договоры 1815 года не существуютъ болѣе». Эта фраза была большою неточностью. Международный правопорядокъ, созданный Вѣнскими и Парижскими актами, имѣлъ въ себѣ много внутренней жизненной силы и, несмотря на цѣлый рядъ потрясеній, онъ продолжалъ существовать; черезъ четыре года послѣ этихъ словъ Наполеону III пришлось убѣдиться, что измѣненіе нѣкоторыхъ, даже не-

Digitized by Google

большихъ его частей представляло подчасъ весьма трудную задачу.

Ту небольшую часть договоровъ 1815 года, о которой теперь идетъ рѣчь, составляютъ постановленія Вѣнскаго главнаго акта о Великомъ Герцогствѣ Люксембургскомъ [32]). Въ силу Вѣнскаго договора Люксембургъ, составлявшій до революціи одну изъ автономныхъ бельгійскихъ провинцій и во времена революціи и Наполеона французскій департаментъ, переданъ былъ, вмѣстѣ съ другими бельгійскими землями, Голландіи. При этомъ, однако, въ положеніе Люксембурга среди земель, доставшихся голландскому королю, внесено было своеобразное и не имѣвшее историческихъ корней осложненіе. Люксембургъ городъ издавна считался, главнымъ образомъ благодаря естественнымъ условіямъ, одной изъ лучшихъ крѣпостей на границахъ между Германіей и Франціей [33]), и важность обладанія имъ для обороны германскихъ земель признавалась настолько большою, что Пруссія не рѣшалась передать его всецѣло въ руки новаго голландскаго королевства. Она настояла поэтому на томъ, чтобы люксембургское герцогство, передававшееся Голландіи, было вмѣстѣ съ тѣмъ связано съ германской стратегической системой.

Въ результатѣ сказаннаго явилась статья 67 Вѣнскаго

---

[32]) Исторія государственнаго строя и международнаго положенія Люксембурга изложена у Eyschen, Das Staatsrecht der Grossherzogthums Luxemburg, Freiburg i. B., 1890, 3 ff. и у Wampach, Le Luxembourg neutre, Paris, 1900, (thèse), 1 ss,

[33]) Стратегическое значеніе Люксембурга было такъ велико, что неуспѣхъ попытки Пруссіи присоединить его въ 1815 г. къ своимъ владѣніямъ считался во Франціи большой побѣдою. Людовикъ XVIII пишетъ Таллейрану въ Вѣну 18 Февраля 1815 года: une chose dont j'ai encore un grand plaisir à vous exprimer ma satisfaction c'est que la Prusse n'ait ni Luxembourg, ni Mayence. Ce voisinage eût été facheux pour le repos futur de la France; Talleyrand, Mémoires, III, 76. О естественныхъ качествахъ Люссембурга, даже послѣ разрушенія крѣпости, свидѣтельствуетъ современная военная литература: Gélinet, Le Grand Duché de Luxembourg vis-à-vis de la France et de l'Allemagne, Paris, 1887, 14 ss.

Digitized by Google

главнаго акта: «Часть прежняго Герцогства Люксембургскаго отдается на вѣчныя времена владѣтельному государю Соединенныхъ Областей, нынѣ королю Нидерландскому въ полное его и наслѣдниковъ его державное владѣніе и собственность;.. Гроссъ Герцогство Люксембургское.... будетъ однимъ изъ государствъ Германскаго Союза, и государь онаго, король Нидерландскій приступаетъ къ сему союзу въ качествѣ Гроссъ Герцога Люксембургскаго и будетъ пользоваться всѣми правами и преимуществами другихъ германскихъ государей. Городъ Люксембургъ въ военномъ отношеніи будетъ почитаться крѣпостью, принадлежащей Союзу....» [33a]).

Истинный политическій смыслъ этого сложнаго произведенія Вѣнскаго главнаго акта былъ совершенно ясенъ: великое герцогство служило частью того «передового укрѣпленія», которое было воздвигнуто противъ Франціи, а люксембургская крѣпость являлась продолженіемъ линіи голландскихъ крѣпостей, съ той только разницей, что гарнизонъ коалиціонной Европы постоянно стоялъ въ первой, и лишь при извѣстныхъ условіяхъ посылался во вторыя. Событія, вызванныя бельгійской революціей и повлекшія за собой распаденіе «передового укрѣпленія» противъ Франціи, обнаружили это съ полной ясностью: какъ только Франція оказалась въ состояніи бороться за измѣненіе политической системы на ея сѣверныхъ границахъ, она направила свои усилія одновременно противъ голландскихъ крѣпостей и противъ Люксембурга. Ей удалось въ 1831 году замѣнить враждебную

[33a]) Рядомъ съ стратегическимъ существовалъ и другой факторъ, осложнившій положеніе Люксембурга среди земель, переданныхъ голландскому королю. Послѣдній принадлежалъ къ владѣтельному германскому оранско-нассаускому княжескому дому; земли этого дома должны были по Вѣнскому договору перейти къ Пруссіи, и необходимо было создать особое владѣніе, принадлежащее именно этому дому и могущее переходить по наслѣдству въ порядкѣ, установленномъ его семейнымъ актомъ, не совпадавшимъ съ голландскими законами о престолонаслѣдіи. Такимъ особымъ владѣніемъ признано было люксембургское великое герцогство. Ср. ст. 71 Гл. А. Вѣнск. конгр.

Digitized by Google

Голландію постоянно нейтральной Бельгіей, но поколебать основы Вѣнскихъ постановленій относительно великаго герцогства люксембургскаго оказалось невозможнымъ. Въ томъ самомъ засѣданіи Лондонской конференціи, которое провозгласило нейтралитетъ Бельгіи, французскій представитель потребовалъ, чтобы одновременно рѣшенъ былъ вопросъ о Люксембургѣ. Внѣшнее основаніе къ тому, чтобы выдвинуть этотъ вопросъ, заключалось въ томъ, что люксембургское великое герцогство, въ административномъ отношеніи объединенное Нидерландскимъ королемъ съ остальными землями королевства, приняло участіе въ бельгійскомъ революціонномъ движеніи и обнаруживало несомнѣнное нежеланіе оставаться подъ властью прежняго государя, и что слѣдовательно вопросъ о дальнѣйшей его судьбѣ составлялъ часть подлежавшей обсужденію конференціи проблемы. Первое рѣшеніе, предложенное французскимъ представителемъ на засѣданіи 20 января 1831 года, заключалось въ присоединеніи Люксембурга къ Франціи; оно было отвергнуто; тогда посолъ предложилъ другое—распространеніе на великое герцогство бельгійскаго постояннаго нейтралитета; на это представлено было слѣдующее возраженіе: «Герцогство принадлежитъ независимому государю и союзу, членомъ котораго онъ является, и конференція не можетъ распоряжаться правомъ войны и мира, которое принадлежитъ суверену Люксембурга и союзу». Отказъ остальныхъ участниковъ конференціи привелъ къ тому, что вмѣсто согласнаго съ французскимъ требованіемъ положительнаго постановленія о нейтралитетѣ Люксембурга въ протоколъ включена была блѣдная оговорка: «Послѣ того какъ соглашенія относительно Бельгіи будутъ заключены, пять дворовъ оставляютъ за собой право разсмотрѣть безъ ущерба для правъ третьихъ вопросъ, нельзя ли будетъ распространить на сосѣднія государства благо нейтралитета, гаранти·рованнаго Бельгіи» (ст. 8 протокола) [34]). Французскій пред-

[34]) Art. 8. Quand les arrangements relatifs à la Belgique seront terminés, les cinq cours se réservent d'examiner, sans préjudice des droits des

Digitized by Google

ставитель писалъ въ Парижъ по поводу этого постановленія, что «позднѣе оно можетъ послужить наилучшимъ изъ возможныхъ рѣшеній полнаго затрудненій вопроса о герцогствѣ люксембургскомъ».

Предсказаніе сбылось, но черезъ много лѣтъ и цѣною болѣе острой борьбы, чѣмъ могъ предвидѣть Таллейранъ. Надо имѣть въ виду, что связи Люксембурга съ германскимъ союзомъ, сводившіяся къ двумъ основнымъ пунктамъ — участіе его въ союзѣ въ качествѣ члена и право союза на люксембургскую крѣпость — получили съ теченіемъ времени болѣе сложную формулировку, которая оказала существенное вліяніе на послѣдующее развитіе вопроса. Во исполненіе постановленія о союзной крѣпости, на Парижскомъ конгрессѣ былъ подписанъ державами коалиціи протоколъ 3 ноября 1815 года, которымъ три изъ нихъ обязывались передъ четвертой—Пруссіей приложить свои усилія къ тому, чтобы «доставить Е. В. Королю Прусскому право гарнизона въ люксембургской крѣпости, совмѣстно съ Королемъ Нидерландскимъ, а равно и право назначать губернатора этой крѣпости»[35]). Въ слѣдующемъ году дѣйствительно между Пруссіей и Голландіей состоялся договоръ, ст. 4 котораго гласила: «Ст. 3 заключеннаго въ Вѣнѣ договора и ст. 67 Вѣнскаго Главнаго Акта, опредѣлившія, что Люксембургъ будетъ составлять союзную крѣпость, сохраняются въ силѣ и подтверждаются настоящей конвенціей. Но, такъ какъ Е. В. Король Прусскій и Е. В. Король Нидерландскій, въ качествѣ Великаго Герцога Люксембургскаго, намѣрены согласовать постано-

---

tiers, la question de savoir s'il y aurait moyen d'étendre aux pays voisins le bienfait de la neutralité garantie à la Belgique; Papers, 26 ff. О засѣданіи: Palmerston to Granville, January 21; Bulwer, II, 35; Talleyrand à Sébastiani, 21 janvier; Pallain, 181 ss.; Rapport du Prince de Lieven, 10/22 janvier; Мартенсъ, Собраніе, XI, 450; на основаніи прусскихъ документовъ Droysen, 611 f.

[35]) G. F. Martens, N. R., II, Gottingue, 1818, 672. Въ договорѣ 20 ноября 1815 г. это постановленіе было дополнено передачей части французской контрибуціи на укрѣпленіе Люксембурга.

Digitized by Google

вленія указанныхъ статей съ внесенными Парижскимъ дого воромъ 20 ноября 1815 г. измѣненіями и озаботиться самымъ серьезнымъ образомъ совмѣстной защитой своихъ государствъ, то Ихъ Величества согласились содержать въ Люксембургской крѣпости общій гарнизонъ, не имѣя въ виду, однако, чисто военнымъ соглашеніемъ сколько-нибудь ограничивать верховныя права Короля Нидерландскаго, Великаго Герцога Люксембургскаго на городъ и крѣпость Люксембургъ» [36]). Благодаря приведеннымъ актамъ постановленія Вѣнскаго договора были существенно дополнены; формула—Люксембургъ будетъ союзной крѣпостью была переведена въ болѣе конкретную формулу—Люксембургъ будетъ союзной крѣпостью, охраняемою прусскими войсками; многосложныя внѣшнія отношенія великаго герцогства были осложнены еще болѣе этимъ новымъ частнымъ отношеніемъ къ Пруссіи. Эти дополненія пріобрѣли особенно важное значеніе, когда, послѣ распаденія Германскаго союза, Люксембургъ освободился отъ узъ, связывавшихъ его съ Германіей. Должны ли были одновременно съ союзной связью отпасть покоившіяся на договорахъ особыя отношенія Люксембурга къ Пруссіи? Поспѣшивъ заявить свой отказъ отъ союза вслѣдъ за передачей знаменитаго прусскаго сообщенія о томъ, что онъ пересталъ существовать, герцогство выразило твердую увѣренность, что «присутствіе прусскихъ войскъ въ Люксембургѣ покоится на спеціальныхъ конвенціяхъ..., принятыхъ лишь во исполненіе постановленій, связанныхъ съ союзными отношеніями, а такъ какъ Пруссія объявила о разрывѣ союзныхъ узъ, то она должна подумать о томъ, каково впредь можетъ быть положеніе въ Люксембургской крѣпости войскъ ея, доселѣ находившихся тамъ исключительно въ качествѣ войскъ союза», и потребовало очищенія крѣпости [37]).

---

[36]) ibid., III, 264 ff. Другія статьи договора устанавливали рядъ подробностей занятія города пруссаками, которыя впослѣдствіи отчасти измѣнены были въ договорѣ 17 ноября 1856 года.

[37]) Staatsminister für Luxemburg an den Kön. Preuss. Gesandten im

Digitized by Google

Аргументы Люксембурга не оказали вліянія на Пруссію, которая не выказала ни малѣйшаго намѣренія отказаться отъ занятія крѣпости. Въ теченіе второй половины 1866 года и начала 1867 года фактически положеніе крѣпости оставалось не измѣненнымъ и споръ о правѣ, начатый герцогствомъ, ждалъ своего рѣшенія [38]).

Съ этой минутой совпало вступленіе въ дѣло новаго политическаго фактора—Франціи. Въ ряду многочисленныхъ политическихъ плановъ, порожденныхъ въ сознаніи государственныхъ дѣятелей этой страны происходившимъ въ сердцѣ Европы громаднымъ переворотомъ и сводившихся къ стремленію найти извѣстную компенсацію за успѣхи Пруссіи, былъ между прочимъ и планъ присоединенія къ Франціи Люксембурга. Правительству императора Наполеона казалось невозможнымъ пропустить минуту, когда всѣ международныя отношенія Европы были повергнуты въ состояніе полнаго хаоса, безъ того, чтобы не измѣнить ихъ въ свою пользу въ той части, которая составляла предметъ историческаго спора между ней и остальной Европой; возродившаяся идея «границы Рейна» обнимала разнообразныя пожеланія, начиная отъ Баварскаго Палатината, Майнца и Кельна и кончая Бельгіей; но во всѣхъ этихъ пожеланіяхъ неизмѣннымъ являлось одно—разрушеніе Люксембургской крѣпости путемъ присоединенія герцогства къ Франціи. Еще до войны 1866 года такое присоединеніе составляло предметъ переговоровъ [39]); послѣ войны, кончившейся такъ успѣшно для Пруссіи, присоединеніе Люксембурга составило тотъ минимумъ выгодъ, которыя, съ точки зрѣнія Франціи, могли однѣ примирить ее съ происшедшими въ Германіи перемѣнами; оставить въ рукахъ обновленной Пруссіи крѣпость, глубоко врѣзывав-

---

Haag, 23 іюня 1866; Aegidi und Klauhold, Staatsarchiv, XIII, Hamburg, 1867, 15 f. (n° 2744).

[38]) Нота 2 іюля 1866 года; Staatsarchiv, XIII, 16 f. (n° 2745).

[39]) Пруссія предлагала его Франціи, какъ вознагражденіе за благосклонный нейтралитетъ въ войнѣ; Benedetti à Drouyn de Lhuys, Berlin, le 4 Juin 1866; Benedetti, Ma mission en Prusse, Paris, 1871, 164 ss.

Digitized by Google

шуюся въ границы Франціи и прусское право на которую было весьма спорнымъ, казалось ей послѣ всего происшедшаго невозможнымъ.

Первыя французскія требованія о Люксембургѣ естественно обращены были къ Пруссіи. Въ фактѣ такого обращенія не заключалось ни малѣйшей доли сознательнаго признанія серьезности или неоспоримости правъ Пруссіи, но тѣмъ не менѣе оно давало послѣдней положеніе главной стороны въ имѣвшей осуществиться сдѣлкѣ и ставило сдѣлку въ зависимость отъ доброй воли государства, особыя права котораго на самостоятельный голосъ въ рѣшеніи вопроса далеко не были безспорными.

Нѣтъ сомнѣнія, что намѣченный Франціею путь для достиженія поставленной цѣли былъ бы вполнѣ цѣлесообразнымъ, если бы Пруссія дѣйствительно искренне готова была помочь ей; но если бы на дѣлѣ Пруссія оказалась настроенною противъ исполненія французскихъ требованій, то признанное за нею право отдать Люксембургъ превращалось въ право отказать въ такой передачѣ. Переговоры, открытые въ Берлинѣ, вполнѣ подтвердили правильность этого соображенія. Исторія ихъ довольно запутана. Первыя требованія, формулированныя Франціей вслѣдъ за Никольсбургскимъ договоромъ, заключались въ томъ, что Пруссія должна была уступить ей часть своей территоріи на лѣвомъ берегу Рейна и обѣщать содѣйствіе для того, чтобы заставить короля нидерландскаго уступить ей Люксембургъ; Пруссія отказала по первому пункту, согласилась на второй и предложила добавить къ нему обязательство помочь въ завоеваніи Бельгіи [40]). Франція въ согласіи съ этимъ отвѣтомъ предложила Пруссіи политическое соглашеніе, въ которомъ должно было быть между прочимъ постановлено: «Е. В. Король Прусскій обѣщаетъ облегчить Франціи пріобрѣтеніе Люксембурга; съ этой цѣлью онъ войдетъ въ переговоры съ Е. В. Королемъ Нидерландскимъ,

[40]) ibid, 177, 189s.

Digitized by Google

чтобы побудить его за денежное вознагражденіе уступить Императору Французовъ свои суверенныя права на Люксембургъ»; другая часть говорила о Бельгіи. Проектъ не былъ принятъ [41]) и Франціи удалось добиться согласія Пруссіи лишь въ слѣдующей условной формѣ: Пруссія не согласна принять участіе въ переговорахъ съ Нидерландскимъ королемъ, но готова не возражать, если Франціи удастся добиться своего и если она, Пруссія, окажется передъ совершившимся фактомъ [42]). Постепенный переходъ Прусскаго правительства отъ полнаго согласія принять непосредственное участіе въ сдѣлкѣ къ болѣе или менѣе неопредѣленному обѣщанію лишь не препятствовать ея осуществленію объяснялся, конечно, тѣмъ, что, по мѣрѣ окончательнаго закрѣпленія результатовъ войны съ Австріей, необходимость для Пруссіи считаться съ требованіями Франціи дѣлалась все меньше; брать же всецѣло на себя и безвозмездно задачу разрушенія великаго герцогства прусскіе государственные люди не хотѣли; сдѣлка влекла за собой отказъ отъ правда оспаривавшагося, но все же еще не оспореннаго права на люксембургскую крѣпость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передавала въ руки Франціи стратегическій пунктъ несомнѣнной важности. Для прусскаго общественнаго мнѣнія необходимость сдѣлать такую уступку была не ясна, и прусскій министръ-президентъ говорилъ, что, даже если Франціи удастся самой добиться уступки, ему придется потрудиться надъ тѣмъ, чтобы «убѣдить Германію проглотить такую пилюлю». Франція попыталась вывести Пруссію изъ занятаго ею положенія, но натолкнулась на упорный отказъ, въ которомъ мелькала попытка еще уменьшить размѣры жертвы [43]),

[41]) Объ этомъ проектѣ придется еще говорить; ibid, 196 s.; Archives diplomatiques, 1871—1872, I, 290 s.

[42]) Таковъ былъ смыслъ заявленій Бисмарка въ сентябрѣ и въ декабрѣ 1866 года; Rothan. L'affaire du Luxembourg, Paris, 1882, 30, 92. Эта книга, благодаря обилію выписокъ изъ неопубликованныхъ документовъ, имѣетъ значеніе первоисточника.

[43]) Депеша французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, напечатанная, къ сожалѣнію безъ обозначенія даты, у Rothan, 127 s.

Digitized by Google

и вынуждена была перевести, согласно прусскимъ совѣтамъ, театръ дипломатической борьбы въ Голландію. Она оставляла при этомъ за своей спиной Пруссію, предоставляя ей сказать послѣднее слово въ начатыхъ переговорахъ о Люксембургѣ.

Въ началѣ марта 1867 года французскому представителю въ Голландіи приказано было предложить голландскому королю въ качествѣ великаго герцога люксембургскаго, уступить Франціи, за извѣстное вознагражденіе, свои права на Люксембургъ. Соображенія, которыя Франція приводила въ оправданіе такого предложенія, представляютъ большую важность. Пока переговоры о Люксембургѣ шли между нею и Пруссіей, не было никакой надобности формулировать аргументы въ пользу передачи Люксембурга: политическій расчетъ, руководившій обѣими сторонами, былъ совершенно ясенъ. Обращаясь къ Голландіи, Франція должна была, напротивъ того, оффиціально и точно выразить свой взглядъ на дѣло. Инструкція французскому посланнику передъ открытіемъ переговоровъ представляетъ первую оформленную постановку Люксембургскаго вопроса, отражающуюся на судьбѣ послѣдующихъ переговоровъ и предопредѣляющую отчасти ихъ исходъ. Инструкція констатируетъ, прежде всего, что послѣ распаденія стараго германскаго союза положеніе великаго герцогства сдѣлалось весьма спорнымъ и что Пруссія не выказала никакого желанія вывести свой гарнизонъ изъ крѣпости; между тѣмъ продолженіе военной оккупаціи влечетъ за собой перспективу серьезныхъ международныхъ осложненій для Голландіи, связанной съ Люксембургомъ узами личной уніи; въ интересахъ ея—по возможности скорѣе уладить свои отношенія къ Пруссіи; единственнымъ средствомъ къ тому является отказъ отъ всякой солидарности съ Люксембургомъ. Съ другой стороны, Франція не можетъ оставаться равнодушной къ вопросу о будущей судьбѣ Люксембурга и не можетъ допустить, чтобы прусскій гарнизонъ продолжалъ занимать крѣпость. Есть одно рѣшеніе вопроса, которое одинаково отвѣчаетъ инте-

Digitized by Google

ресамъ обѣихъ державъ: это уступка великаго герцогства. Франція имѣетъ полное основаніе надѣяться, что Пруссія согласится отказаться въ ея пользу отъ своихъ правъ на Люксембургъ и она беретъ на себя всѣ переговоры съ нею по этому предмету. Предлагаемый Голландіи планъ дѣйствія кажется Франціи наиболѣе цѣлесообразнымъ, но, продолжаетъ инструкція посланнику, «Вы не должны забывать, что наша главная задача прежде всего заключается въ томъ, чтобы освободить великое герцогство отъ всѣхъ сервитутовъ, которые имѣютъ своимъ основаніемъ политическую систему, нѣкогда воздвигнутую противъ Франціи. Желать сохраненія ихъ въ настоящее время было бы анахронизмомъ, даже если бы можно было подкрѣпить это желаніе подобіемъ юридическаго основанія» [44]).

Ближайшій результатъ первыхъ шаговъ, предпринятыхъ въ намѣченномъ инструкціей направленіи, былъ вполнѣ удовлетворительнымъ: «въ Гаагѣ, писалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, начинаютъ понимать, что уступка Люксембурга Франціи, одинаково выгодная Голландіи и намъ, упрощаетъ много вопросовъ и освобождаетъ ее отъ довольно неудобныхъ связей съ великимъ герцогствомъ» [45]). Дѣйствительно, въ серединѣ марта дѣло приближалось къ развязкѣ; Голландія согласилась подписать договоръ объ уступкѣ, и переговоры перешли уже на выработку подробностей сдѣлки, въ частности на опредѣленіе размѣровъ вознагражденія [46]). Въ концѣ мѣсяца между голландскимъ королемъ и французскимъ императоромъ состоялся обмѣнъ писемъ, въ которомъ было окончательно констатировано соглашеніе ихъ, и былъ назначенъ день для подписанія договора [47]).

---

[44]) 28 февраля 1867 года; Staatsarchiv, XIII, 20 ff (n° 2749).

[45]) 21 марта 1867; Staatsarchiv, XIII, 22 ff (n° 2750).

[46]) Телеграмма французскаго посланника 19 марта 1867 года; выдержки у Rothan, 190 s, 262.

[47]) Документы n° n° 2751, 2752, 2753 въ Staatsarchiv, XIII, 23 ff.

Digitized by Google

Политическій расчетъ Франціи, казалось, долженъ былъ вполнѣ оправдаться: согласное съ ея желаніемъ рѣшеніе Люксембургскаго вопроса ожидалось со дня на день. Но въ тотъ самый моментъ, когда все казалось покончennымъ и французскіе представители при великихъ державахъ уже оффиціально сообщили послѣднимъ фактъ уступки [48]), обнаружилось, что Франція не предусмотрѣла дѣйствія одного весьма важнаго фактора. Пока Франція занята была переговорами съ Голландіей, въ Германіи происходило весьма важное общественное движеніе: по мѣрѣ того, какъ слухъ о переходѣ Люксембурга къ Франціи распространялся, въ германской прессѣ и обществѣ начало твердо обозначаться открыто враждебное настроеніе по отношенію къ Франціи: общественное мнѣніе единодушно высказывалось за то, чтобы Пруссія не допускала осуществленія французскихъ «замысловъ» [49]). Руководители внѣшней политики ея чувствовали силу этого общественнаго движенія и не могли желать открыто стать въ разрѣзъ къ нимъ.

Выше было упомянуто, что, соглашаясь подчиниться уступкѣ Люксембурга Франціи, прусское правительство настаивало на томъ, чтобы оно оставалось внѣ переговоровъ и чтобы оффиціально оно не было оповѣщено о нихъ. Соглашаясь сначала вести переговоры помимо вѣдома Пруссіи, Голландія, подъ вліяніемъ шума, поднятаго въ Германіи, не рѣшилась до конца скрывать своихъ переговоровъ и увѣдомила о нихъ прусскаго короля [50]). Этотъ шагъ обязывалъ Пруссію выйти изъ прежняго молчанія. Первое, произнесенное ею оффиціально въ спорѣ слово не могло

---

[48]) cf. M. de Moustier à M. Benedetti, Paris, 3 avril 1867; опубликовано въ приложеніяхъ къ книгѣ Rothan, 499 ss.

[49]) Многочисленныя брошюры, вышедшія за это время, старались напомнить глубокія историческія связи Люксембурга съ Германіею и доказать безспорность прусскихъ правъ на Люксембургскую крѣпость, cf. напр. Seydewitz, Preussens Rechte bezüglich des Landes und der Festung Luxemburg, Berlin, 1867, 27 ff.

[50]) Staatsarchiv, XIII, 25 (n° 2755).

Digitized by Google

не отражать на себѣ вліянія общаго настроенія Германіи: оно являлось равнодѣйствующей между прежними обѣщаніями Франціи и категорическимъ отказомъ, который проповѣдывался въ Германіи. Въ отвѣтъ на запросъ въ рейхстагѣ, обращенный къ прусскому министру-президенту, въ которомъ выражалась надежда, что противный германской чести актъ «отторженія нѣмецкой провинціи» не будетъ допущенъ, Бисмаркъ сказалъ, что прусское правительство отвѣтило Голландіи такъ: «если ему придется высказаться по вопросу объ уступкѣ, то оно предварительно сочтетъ необходимымъ узнать, какъ смотрятъ на этотъ вопросъ его нѣмецкіе союзники, другія подписавшія договоръ 1839 года державы и нѣмецкое общественное мнѣніе въ лицѣ его законнаго органа рейхстага» [51]).

Прусское veto по адресу Франціи, заключавшееся въ рѣчи министра президента, подчеркивалось еще тѣми заявленіями, которыя Пруссія сдѣлала въ Голландіи, приглашая ее подумать «о состояніи общественнаго мнѣнія въ Германіи и о затрудненіяхъ, которыя можетъ повлечь за собой уступка Люксембурга» [52]), и которыя побудили Голландію къ отказу подписать договоръ съ Франціей.

Такимъ образомъ, вмѣсто удовлетворительнаго рѣшенія люксембургскаго вопроса, которое ожидалось Франціей, событія создали весьма серьезный международный конфликтъ: Пруссія открыто становилась въ враждебное по отношенію къ Франціи положеніе, запрещая ей осуществленіе почти законченной уже международной сдѣлки; подчиниться такому запрету Франція не хотѣла и не могла: такой шагъ казался Наполеону III и его правительству противнымъ достоинству великой державы и опаснымъ въ виду оппозиціоннаго движенія, развивавшагося во Франціи и съ жад-

---

[51]) На основаніи стенографическаго отчета въ Staatsarchiv, XIII. 27 ff. (n° 2760).

[52]) Gesandter im Haag an den Kais. Minister d. Auswärtigen, La Haye, le 3 avril 1867; Staatsarchiv, XIII, 36 (n° 2763).

Digitized by Google

ностью ловившаго всякую ошибку императорскаго режима. Самымъ простымъ выходомъ изъ этого тяжелаго положенія была бы война; обѣ стороны ясно сознавали, что малѣйшій неосторожный шагъ могъ сдѣлать такое рѣшеніе неизбѣжной государственной необходимостью для каждой изъ нихъ. Перспектива войны подвергнута была дѣйствительно обсужденію въ обоихъ государствахъ, и въ одномъ изъ нихъ — во Франціи результатомъ совѣщаній явилось ясное сознаніе невозможности надѣяться на выгодный ея исходъ [53]). Значило ли это, что необходимо подчиниться Германіи и оставить всякую мысль объ измѣненіи международнаго положенія Люксембурга? Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ и намѣтилъ новый путь разрѣшенія вопроса. Этотъ планъ, обнаруживавшій большое умѣніе его автора, сводился къ слѣдующему: ошибка предшествовавшихъ конфликту переговоровъ заключалась въ томъ, что рѣшеніе вопроса ставилось въ зависимость отъ Пруссіи; участіе ея, вмѣсто того, чтобы облегчить рѣшеніе, оказалось главною къ тому задержкой; между тѣмъ правовые титулы ея на особый рѣшающій голосъ въ дѣлѣ были крайне спорны и совсѣмъ не оправдывали той роли, которую она намѣрена была себѣ приписать; необходимо было доказать прежде всего, что нѣтъ никакого основанія признавать за Пруссіей право на такую роль. Съ этой цѣлью Франція сразу же и безъ колебаній перенесла дѣло на судъ великихъ державъ, предоставивъ имъ рѣшить, основательны ли претензіи Пруссіи на сохраненіе особыхъ правъ на Люксембургъ. Чтобы обезпечить успѣхъ этого шага, она выразила готовность отказаться отъ присоединенія великаго герцогства и ограничила свои требованія удаленіемъ прусскаго гарнизона.

Эта программа начертана была въ циркулярномъ обращеніи Франціи къ великимъ державамъ. Франція, говорилось въ немъ, имѣла законное основаніе надѣяться, что вопросъ

[53]) Объ этомъ Rothan, 264 ss.

Digitized by Google

о Люксембургѣ будетъ разрѣшенъ—послѣ совершившихся въ Германіи событій—не въ смыслѣ новаго расширенія прусскаго вліянія въ ущербъ ей и что люксембургская крѣпость, принадлежавшая нидерландскому королю, не дастъ державѣ, столь усилившейся уже благодаря недавнимъ пріобрѣтеніямъ, новаго средства постоянно угрожать французской и бельгійской границамъ; «нами отнюдь не руководила мысль объ увеличеніи нашей территоріи, и мы заботились исключительно о томъ, чтобы поставить наши границы въ законныя условія безопасности»; тѣ же соображенія и въ эту минуту руководятъ французскимъ правительствомъ; оно отнюдь не ищетъ конфликта съ Пруссіей и не видитъ никакого къ тому повода; «такъ какъ наши заботы основаны исключительно на мысли о безопасности нашей границы, то мы не исключаемъ a priori никакой комбинаціи, которая могла бы удовлетворить насъ въ этомъ отношеніи; правительство императора... твердо надѣется, что державы не упустятъ изъ виду общихъ интересовъ, связанныхъ съ этимъ вопросомъ, и заставятъ Пруссію ихъ признать. Уходъ прусскаго гарнизона дастъ намъ возможность отказаться отъ территоріи, уступка которой была намъ обѣщана ея законнымъ государемъ и куда призывало насъ населеніе; такъ будетъ обезпеченъ европейскій миръ, а къ этому только и направлены наши стремленія» [54]).

Ближайшій результатъ, достигнутый этимъ шагомъ, заключался въ томъ, что Пруссіи поневолѣ пришлось передъ лицомъ другихъ великихъ державъ дать объясненіе мотивовъ, руководившихъ ея вмѣшательствомъ въ разрѣшеніе люксембургскаго вопроса; все, что она могла сказать по этому поводу, сводилось къ ссылкѣ на принадлежащее ей, будто бы, право на люксембургскую крѣпость и на завоевательные замыслы французскаго императора. Оба эти тезиса не могли имѣть большого успѣха: право Пруссіи на

---

[54]) Min. d. Ausw. an die Kais. diplom. Agenten in London, Wien, Florenz und St. Petersburg, Paris, le 15 avril 1867; ibid., 45 f. (n° 2776).

Digitized by Google

Люксембургъ было весьма спорнымъ, а обвиненія по адресу Франціи отпадали въ виду отказа ея отъ присоединенія великаго герцогства [55]).

Великія державы, къ рѣшенію которыхъ прибѣгали обѣ стороны, стояли такимъ образомъ передъ конфликтомъ, сводившимся къ слѣдующему: споръ шелъ о томъ, будетъ ли Люксембургъ оставаться прусской крѣпостью; въ пользу положительнаго отвѣта Пруссіей приводилось весьма спорное право, въ пользу отрицательнаго Франціей—законный интересъ; Франція сдѣлала уже съ своей стороны уступку, отказавшись отъ присоединенія; политически эта жертва превосходила цѣнность прусскаго правового титула; между тѣмъ Пруссія съ своей стороны не высказывала ни малѣйшаго желанія чѣмъ-либо поступиться для улаженія конфликта. При этихъ условіяхъ естественно международные переговоры оріентировались въ сторону удовлетворенія французскихъ требованій, и усилія великихъ державъ направились на то, чтобы заставить Пруссію отказаться отъ права содержать гарнизонъ въ Люксембургѣ.

Требовалось найти такое рѣшеніе вопроса, которое, удовлетворяя законнымъ интересамъ Франціи, дѣлало бы вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе легкимъ для Пруссіи отказъ отъ занятаго ею положенія. Такова была та окончательная форма, въ которую облеченъ былъ люксембургскій вопросъ; постановка вопроса значительно выигрывала сравнительно съ прежней въ простотѣ и ясности, но все же фазисъ, въ который вступало дѣло, представлялъ еще значительныя трудности, проистекавшія изъ того, что Пруссія до послѣдней минуты не соглашалась отказаться отъ Люксембурга. Оставляя въ сторонѣ отдѣльные эпизоды дипломатической кампаніи, предпринятой для достиженія этой цѣли, мы обратимся къ обзору рѣшеній люксембургскаго вопроса, предложенныхъ съ разныхъ сторонъ въ минуту, когда выяснились окончательно элементы проблемы.

---

[55]) Rothan, 268.

Digitized by Google

4. Наиболѣе простое рѣшеніе было бы, конечно, слѣдующее: Пруссія отказывается отъ своихъ правъ на люксембургскую крѣпость, и засимъ все остается попрежнему; но это рѣшеніе ставило Пруссію въ необходимость безропотно отказаться отъ своихъ требованій и ничѣмъ не маскировало ея отступленія. Чтобы надѣяться на успѣхъ, всякое предложеніе должно было заключать въ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе для Пруссіи; такимъ удовлетвореніемъ была бы, конечно, комбинація, въ силу которой люксембургская крѣпость, покинутая пруссаками, ограждалась бы въ то же время отъ возможнаго перехода ея въ руки французовъ, такая комбинація, которая могла бы одновременно говорить пруссакамъ — вы не имѣете права занимать крѣпость и французамъ—но и вы никогда не войдете въ нее. Сознаніе, что именно таково должно быть рѣшеніе люксембургскаго вопроса было всеобщимъ; европейское правосознаніе знало уже опредѣленную формулу для выраженія такого рѣшенія, и почти одновременно съ разныхъ сторонъ произнесено было слово «нейтрализація»—признаніе люксембургской территоріи постоянно нейтральной. Такого результата можно было достигнуть нѣсколькими путями. Первый, настойчиво защищавшійся австрійскимъ правительствомъ, заключался во включеніи великаго герцогства въ составъ постоянно нейтральной Бельгіи, послѣ предварительнаго отказа Пруссіи отъ правъ на крѣпость; въ вознагражденіе за Люксембургъ Бельгія могла бы уступить часть своей территоріи Франціи [56]). Этотъ проектъ не могъ осу-

---

[56]) Австрія, первая изъ европейскихъ державъ, выразившая готовность взять на себя роль посредника между Пруссіей и Франціей, выступила съ двумя проектами: 1) le Luxembourg resterait au Roi des Pays Bas et la Prusse évacuerait la forteresse en renonçant au droit de garnison и 2) le Luxembourg serait réuni à la Belgique qui céderait en échange à la France une bande de territoire comprenant les petites forteresses qui ont été laissées à la France en 1814 et reprises en 1815. При этомъ говорилось и о разрушеніи крѣпости. Первый проектъ оставался въ тѣни въ началѣ переговоровъ, и усилія Австріи направлены

Digitized by Google

ществиться, потому что, во-первыхъ, Бельгія категорически отказалась поступиться своей территоріей и поспѣшила заявить, что бельгійская конституція устанавливаетъ начало неотчуждаемости территоріи и что даже, если бы правительство рѣшилось предложить уступку, бельгійскій народъ никогда не согласился бы ее принять [57]), и потому, во-вторыхъ, что Франція предпочла не осложнять рѣшенія вопроса [58]). Съ своей стороны Бельгія предложила простое присоединеніе къ ней Люксембурга, соглашаясь на денежное вознагражденіе великаго герцога. Это второе средство нейтрализаціи Люксембурга равнымъ образомъ не было принято; осторожность бельгійцевъ и боязнь ихъ сдѣлать что-либо такое, что могло бы быть болѣе выгоднымъ одной изъ споривших сторонъ, чѣмъ другой, мѣшали имъ особенно настаивать на своемъ проектѣ [59]). — Былъ, наконецъ, третій, прямой путь для достиженія той же цѣли: провозглашеніе постояннаго нейтралитета великаго герцогства. Онъ былъ указанъ Россіей; русскимъ представителямъ за границею приказано было предложить великимъ державамъ «собраться на конференцію въ Лондонѣ съ цѣлью разрѣшенія люксембургскаго вопроса на основѣ признанія герцогства нейтральнымъ и распространенія на него гарантіи, которою пользуется уже Бельгія» [60]).

были къ тому, чтобы обезпечить успѣхъ второго. Когда это не удалось, она вернулась къ первому, прибавивъ къ нему предложеніе нейтрализаціи, но къ этому времени соглашеніе уже состоялось на почвѣ русскаго проекта; Staatsarchiv, XIV, 1868, n° n° 3131, 3132, 3133, 3148, 3149; Beust, Mémoires, II, Paris, 1888, 108 s.

[57]) Staatsarchiv, XIII, 49 (n° 2781); Discailles, Charles Rogier, IV, Bruxelles, 1895, 278 ss

[58]) Botschafter in Paris an d. K. K. Min. d. Ausw., Paris, le 18 avril 1867; Staatsarchiv, XIV, 194 (n° 3142).

[59]) Staatsarchiv, XIII, 44 (n° 2774); Discailles, IV, 282 s.

[60]) Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ русское предложеніе:.. «that a Conference should be held in London with a view to the settlement of the Luxemburg question on the basis of neutralization and extension to that Duchy of the guarantee

Digitized by Google

Русское рѣшеніе вопроса послужило основою для международнаго договора о Люксембургѣ. Такой успѣхъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что это рѣшеніе было первымъ, принятымъ обѣими спорившими сторонами. Все, что съ разныхъ сторонъ до того предлагалось для рѣшенія спора, встрѣчало отпоръ со стороны Пруссіи: за нѣсколько дней передъ русской циркулярной нотой она формально отвергала всякую мысль объ отказѣ отъ правъ на Люксембургскую крѣпость и о нейтрализаціи [61]); Россіи первой удалось убѣдить ее сдѣлать необходимую въ интересахъ европейскаго мира уступку. Она заявила въ Берлинѣ, что право Пруссіи занимать Люксембургскую крѣпость кажется ей весьма спорнымъ, что честь ея отнюдь не будетъ затронута, если она исполнитъ совѣтъ всѣхъ великихъ державъ и эвакуируетъ крѣпость, указала на трудность положенія, въ которое она поставитъ себя, если откажется подписать соглашеніе, которое всѣмъ кажется удовлетворительнымъ, и получила въ отвѣтъ согласіе принять русскую программу переговоровъ [62]). Франція уже раньше неоднократно заявляла, что приметъ всякую комбинацію, которая будетъ сопряжена съ уходомъ прусскихъ войскъ изъ Люксембурга. Такимъ образомъ на почвѣ русскаго проекта состоялось то соглашеніе, надъ которымъ работали державы; оставалось только его осуществить, т.-е. созвать конференцію и выработать конвенцію въ развитіе краткой формулы, содержавшейся въ русской депешѣ.

Прежде чѣмъ это случилось, одной изъ великихъ дер-

---

now enjoyed by Belgium»; Staatsarchiv, XIII, 55 (n° 2790); во французской передачѣ говорится «la neutralisation du Luxembourg garantie par les Puissances»; ibid, 54 (n° 2788); въ австрійской—«la neutralité du Grand Duché de Luxembourg... placée sous la garantie collective de l'Europe comme l'est celle du Royaume de Belgique»; ibid, XIV, 205 (n° 3155). Отмѣчаемъ эти варіанты, такъ какъ русскій документъ остался неопубликованнымъ, а онъ очень важенъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ первый очеркъ будущаго международнаго положенія Люксембурга.

[61]) Staatsarchiv, XIII, 44 f (n° 2775).

[62]) Botschafter in St. Petersburg an d. Kais. Min. d. Ausw., le 27 avril 1867; ibid., XIII, 60 (n° 2798); cf. ibid., 58 (n° 2793).

Digitized by Google

жавъ, непосредственно не заинтересованныхъ въ дѣлѣ, сдѣлана была попытка обойти предложенную Россіей формулу и замѣнить ее нѣсколько иной. Эта попытка не удалась, но заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ даетъ интересное поясненіе смысла окончательной редакціи международной хартіи Люксембурга. За нѣсколько дней до того, какъ должна была собраться конференція, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ передалъ нѣкоторымъ изъ государствъ, которыя должны были въ ней участвовать, выработанный имъ проектъ соглашенія о Люксембургѣ [63]). Въ этомъ проектѣ ни слова не

---

[63]) Въ телеграммѣ Лорда Стенлей къ англійскимъ представителямъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Гаагѣ, 3 мая 1867 года; ibid, XIII, 70; текстъ статей проекта слѣдующій: ibid, XIII, 71 f. (n° 2812) Art. 1. The City of Luxemburg having ceased to be a fortress of the Germanic Confederation, the King of Prussia engages to withdraw from it the Prussion troops now forming its garrison, together with all the material of war the property of His Majesty. Art. II. The King of Holland, Grand Duke of Luxemburg, engages, as soon as possible after the withdrawal of the Prussian troops, to dismantle, and thenceforth to maintain dismantled, as a place of war, the city of Luxemburg, and to limit the amount of military force hereafter to be stationed in the city to the number required for the maintenance of public order. Art. III. The city of Luxemburg being comprised within the limits reserved as the territory of the King Grand Duke under the twenty-four Articles annexed to and forming part of the Treaty concluded on the 19-th of april, 1839, between Their Majesties the Queen of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, the Emperor of Austria, the King of France, the King of Prussia, and the Emperor of all the Russias on the one part, and His Majesty the King of Holland, Grand Duke of Luxemburg on the other, which articles were declared by the II-nd article of that Treaty to be placed under the guarantee of the Five Powers first named, His Majesty the King Grand Duke engages, for himself and for his successors, not to alienate in favour of any Power whatever the said city of Luxemburg, unless with the common consent of all the Powers parties to the present Treaty. Art. IV. Their Majesties the Queen of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, the Emperor of Austria, the Emperor of the French and the Emperor of all the Russias accept and adhere to the engagements thus entered into by the King of Prussia and by the King Grand Duke respectively. Art. V. The withdrawal of the Prussian troops and their

Digitized by Google

говорилось о признаніи постояннаго нейтралитета и о гарантіи его державами, и это замѣнено было двумя слѣдующими постановленіями: разрушеніе Люксембургской крѣпости и неотчуждаемость Люксембургской территоріи безъ согласія державъ. Могли ли эти постановленія служить эквивалентомъ идеи постояннаго и гарантированнаго нейтралитета? Пруссія, не колеблясь, отвѣтила отрицательно. «Князь Бисмаркъ, говоритъ депеша англійскаго посла въ Берлинѣ, прежде всего отмѣтилъ отсутствіе въ статьяхъ проекта упоминанія о нейтрализаціи великаго герцогства и объ его европейской гарантіи. Это постановленіе, сказалъ онъ, послужило главнымъ мотивомъ рѣшенія Пруссіи вывести свой гарнизонъ. Это—то условіе, которое можетъ одно оправдать уступку Пруссіи въ общественномъ мнѣніи Германіи. Онъ имѣетъ основаніе полагать, что Франція тоже его желаетъ, и поэтому онъ не понимаетъ, на какомъ основаніи оно было пропущено въ вашемъ предложеніи. Австрія и Россія равнымъ образомъ полагали, что нейтрализація великаго герцогства составляетъ необходимый базисъ рѣшенія вопроса... Уходъ прусскаго гарнизона и разоруженіе крѣпости должны быть слѣдствіемъ нейтрализаціи и европейской гарантіи» [64]). Въ томъ же смыслѣ отозвался французскій министръ иностранныхъ дѣлъ; онъ также замѣтилъ, что, «въ проектѣ ничего не говорится о нейтрализаціи, между тѣмъ какъ она составляла основаніе, на которомъ принята конференція... Статьи говорятъ лишь о городѣ, котораго укрѣпленія должны были бы быть срыты и который не могъ бы быть уступленъ безъ согласія державъ, участвующихъ въ конвенціи, но не запрещаютъ суверену герцогства распоряжаться остальной частью послѣдняго, заклю-

material from the city of Luxemburg shall be completed within..... weeks from the date of the exchange of the ratifications of the present Convention. and the dismantlement of the city as a place of war shall thereupon commence, and shall be carried on without intermission to its completion, to the satisfaction of the other Powers parties to the present Treaty who shall be entitled to depute officers to certify such completion.

[64]) 4 мая 1867 года: ibid., XIII, 73 (n° 2816).

Digitized by Google

чать какіе угодно союзы, дозволять проходъ иностранныхъ войскъ черезъ герцогство; между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что Люксембургъ сильная военная позиція, все равно съ укрѣпленіями или безъ нихъ» [65]). Оба приведенныхъ отвѣта высказывали твердое и сознательное убѣжденіе, что англійскій проектъ способенъ былъ лишь временно сгладить затрудненія и что только нейтралитетъ великаго герцогства принципіально устранялъ самую возможность международныхъ осложненій. И въ этомъ Франція и Пруссія были вполнѣ правы: конфликтъ изъ-за Люксембурга возникъ именно потому, что слабость этого маленькаго политическаго тѣла дѣлала его объектомъ попытокъ подчинить его внѣшнему одностороннему воздѣйствію, сдѣлать служебнымъ орудіемъ иностраннаго государства (Пруссіи благодаря оккупаціи крѣпости, Франціи благодаря присоединенію). Чтобы уладить этотъ конфликтъ и устранить возможность возникновенія новыхъ, необходимо было не только срыть крѣпость или запретить отчужденіе но закрыть всякую возможность односторонняго воздѣйствія; это могло быть достигнуто лишь провозглашеніемъ нейтралитета и установленіемъ гарантіи.

Мотивы, побудившіе Англію предложить эту неудачную комбинацію взамѣнъ рѣшенія, предложеннаго Россіей и принятаго двумя спорившими державами, заключались въ нежеланіи принять на себя какія-либо обязательства по охранѣ нейтралитета Люксембурга. Ея предложеніе имѣло въ ея глазахъ то преимущество, что освобождало ее отъ необходимости приносить какія-либо жертвы для дѣла, въ которомъ она не была близко заинтересована [66]). Эта попытка не удалась, улаженіе люксембургскаго вопроса совершилось иначе, чѣмъ она желала, и ей пришлось подчиниться большинству другихъ державъ, которыя не столько желали лишь обойти

---

[65]) Botschafter in Paris an den Kön. Min. des Ausw., Paris, May 5, 1867; ibid., XIII, 75 f (n° 2818).

[66]) Cf. Botschafter in London an den K. K. Min. d. Ausw., Londres, le 30 avril 1867; ibid., XIV, 211 (n° 3166).

Digitized by Google

временныя затрудненія, сколько твердо рѣшились создать новый устой прочнаго правопорядка въ международныхъ отношеніяхъ Европы.

Англійскій проектъ былъ послѣднимъ эпизодомъ международныхъ переговоровъ, предшествовавшихъ конференціи. Отвергнувъ его, другія государства опредѣлили окончательнымъ образомъ задачу этой послѣдней: она должна была лишь оформить то рѣшеніе люксембургскаго вопроса, которое принято было большинствомъ, т.-е. провозгласить постоянный нейтралитетъ великаго герцогства. Задача эта была дѣйствительно выполнена конференціей.

Если мы посмотримъ на цѣпь изложенныхъ событій въ ея цѣломъ, то мы увидимъ полную аналогію того, что происходило въ 1867 году, съ тѣми переговорами, которые имѣли мѣсто по поводу Люксембурга въ 1831 году. Въ 1867 году, какъ и тогда, ставился вопросъ объ упраздненіи воздвигнутой противъ Франціи стратегической линіи; какъ и тогда, послѣдовательно предложены были два рѣшенія—сначала присоединеніе великаго герцогства къ Франціи и затѣмъ провозглашеніе его постоянно нейтральнымъ. Разница была только въ томъ, что въ 1831 году вопросъ былъ поставленъ и рѣшенія предложены въ теченіе одного засѣданія Лондонской конференціи, а въ 1867 году потребовалось для этого нѣсколько мѣсяцевъ. Эта аналогія не лишена значенія, лишній разъ доказывая, что нить развитія правовой формулы, созданной европейскимъ правосознаніемъ въ эпоху Вѣнскаго конгресса, не разрывается и что есть такія международныя проблемы, въ которыхъ трудно иначе разобраться, какъ прибѣгая къ ней.

5. Программа Лондонской конференціи по люксембургскому вопросу была ясно установлена переговорами предшествующихъ мѣсяцевъ. Рѣшеніе вопроса было найдено и задачею конференціи являлась лишь выработка формальнаго акта, въ который должно было быть облечено это рѣшеніе. Въ этомъ отличіе международнаго совѣщанія 1867 года отъ совѣщаній 1831 года по бельгійскимъ дѣламъ: тогда приходи-

Digitized by Google

лось искать рѣшенія, которое здѣсь было уже налицо. Историческое значеніе въ этомъ отношеніи перваго гораздо меньше историческаго значенія второго, но зато, избавленная отъ необходимости искать рѣшенія, Лондонская конференція 1867 года имѣла возможность съ большимъ вниманіемъ отнестись къ разъясненію правового института, къ которому рѣшено было прибѣгнуть для опредѣленія международнаго положенія великаго герцогства люксембургскаго. Она даетъ въ своихъ протоколахъ интересный матеріалъ для юридическаго анализа понятія постояннаго нейтралитета, который важенъ и потому, что это первый въ исторіи случай, когда великія державы сочли нужнымъ сами дать такое толкованіе.

Руководствуясь тѣмъ порядкомъ, который былъ принятъ нами въ предшествующихъ главахъ, мы остановимся прежде всего на формальныхъ свойствахъ конститутивнаго акта люксембургскаго нейтралитета, перейдемъ, затѣмъ, къ анализу той формулы, въ которую было облечено признаніе постояннаго нейтралитета, и дадимъ, наконецъ, точное обозначеніе вытекающихъ изъ нея обязанностей державъ относительно Люксембурга, основныхъ и дополнительныхъ, и обязанностей, возложенныхъ на самое великое герцогство.

Вопросъ, кому принадлежало провозглашеніе постояннаго нейтралитета Люксембурга, разрѣшился не сразу. Колебаніе могло возникать уже потому, что рѣчь шла объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ статей Вѣнскаго договора, подписаннаго, какъ извѣстно, восемью государствами—пятью великими державами, Испаніей, Португаліей и Швеціей, а между тѣмъ эта форма соглашенія, признававшаяся въ 1815 году авторитетнымъ источникомъ европейскаго международнаго права, давно уже устарѣла и потеряла обязательную силу. Она замѣнилась сначала чистой формой акта европейской пентархіи, а потомъ, со временъ договоровъ 1831 и 1839 гг. о Бельгіи, формою договора между пятью державами и государствомъ заинтересованнымъ. Значеніе этого прецедента увеличивалось еще тѣмъ, что

Digitized by Google

только что указанные договоры содержали въ себѣ статьи между прочимъ и о территоріальномъ составѣ Люксембурга послѣ перехода части великаго герцогства къ Бельгіи.— Первое обращеніе къ державамъ по люксембургскому вопросу, исходившее отъ Пруссіи, указывало, что властью, которой принадлежало рѣшеніе вопроса, слѣдовало считать совокупность государствъ, подписавшихъ «договоръ 1839 года», т.-е. очевидно, договоръ 19 Апрѣля 1839 года между пятью великими державами и Голландіей. Мы знаемъ, что этотъ договоръ состоялъ изъ четырехъ краткихъ статей, въ которыхъ устанавливалась гарантія приложеннаго къ нему договора между Голландіей и Бельгіей, и что все положительное его содержаніе, и въ томъ числѣ нормы, подлежавшія пересмотру въ 1867 году, находились именно въ этомъ приложенномъ второмъ договорѣ. Естественно возникалъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать Бельгію участницей договора 1839 года или нѣтъ, т.-е. должна ли была эта держава участвовать въ провозглашеніи люксембургскаго постояннаго нейтралитета.

Съ другой стороны Австрія, Франція, Великобританія, Пруссія и Россія подписали договоръ 1839 года въ качествѣ «великихъ державъ». Со временъ бельгійскаго договора важное измѣненіе произошло въ составѣ группы послѣднихъ: на ряду съ указанными пятью державами стала теперь Италія. Въ качествѣ великой державы она подписывала уже договоры, касавшіеся турецкаго востока, и если до 1867 года ей не представлялось случая участвовать въ рѣшеніи собственно европейскихъ вопросовъ, то теперь она съ тѣмъ большей поспѣшностью поставила свою кандидатуру на мѣсто въ средѣ Лондонской конференціи. Должна ли она была быть принята?

Формально иниціатива для созыва конференціи по общему согласію предоставлена была королю голландскому, великому герцогу люксембургскому: оффиціальное обращеніе его къ Англіи съ просьбой созвать конференцію разрѣшало вопросъ о составѣ этой послѣдней въ самомъ

Digitized by Google

узкомъ смыслѣ: въ немъ не упоминались ни Бельгія, ни Италія [67]). Англія признала невозможнымъ остановиться на такомъ рѣшеніи; она заявила: «не думаетъ ли Король, Великій Герцогъ, что, разъ договоръ 1839 года признанъ находящимся въ тѣсной связи съ вопросами, подлежащими обсужденію конференціи, то Бельгія, какъ участница 24 статей, признанныхъ входящими въ составъ этого договора, должна занять мѣсто на конференціи, и что, если даже договоръ 1839 года не будетъ подвергнутъ пересмотру, слѣдуетъ пригласить ее, съ одной стороны, чтобы выразить уваженіе къ ней, а съ другой, принимая во вниманіе, что предшествующія соглашенія о Люксембургѣ, которыхъ измѣненіе составитъ задачу конференціи, были заключены, когда Бельгія и Голландія составляли одно королевство. Слѣдуетъ замѣтить далѣе Голландскому королю, что Италія выразила желаніе участвовать въ конференціи и что, хотя ни одинъ заальпійскій государь до сихъ поръ не былъ присоединяемъ къ соглашеніямъ о Люксембургѣ, все же въ виду положенія, занимаемаго нынѣ Италіей въ европейской семьѣ, британское правительство думаетъ, что ее слѣдуетъ допустить къ участію въ соглашеніи, цѣлью котораго является укрѣпленіе европейскаго мира...» Предложеніе Англіи было принято всѣми участниками конференціи и обѣ названныхъ державы заняли мѣсто въ ней [68]).

Что приглашеніе Италіи конференціей не было результатомъ простой вѣжливости и подъ нимъ скрывалась мысль

---

[67]) Prinz Heinrich an Lord Stanley, the Hague, April 30, 1867, Staatsarchiv, XIII, 67 (n° 2806).

[68]) Min. d. Ausw. an den Kön. Gesandten im Haag, Foreign Office, May 2, 1867, Staatsarchiv, XIII, 69 (n° 2810) Cf. protocole n° 1, (такъ же, какъ и остальные въ Staatsarchiv, XIII, 1 ff.) и введеніе къ договору: ... Leurs dites Majestés .... ont résolu d'un commun accord de répondre au désir que Sa Majesté le Roi d'Italie a manifesté de prendre part à une délibération destinée à offrir un nouveau gage de sûreté au maintien du repos général ... Текстъ договора у Мартенса, Собраніе, XII, 270 слл.

Digitized by Google

о правѣ Италіи на участіе въ договорѣ, который подписываютъ «великія державы» и объ обязанности ихъ признать это право, указываетъ одна любопытная подробность: почти одновременно съ Италіей Испанія заявила желаніе участвовать въ конференціи; англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, который явился оффиціальнымъ защитникомъ участія Италіи, напротивъ того, рѣшительно отклонилъ претензію Испаніи и, несмотря на усиленныя просьбы, отказался дать какое-либо въ этомъ отношеніи обѣщаніе на будущее время [69]).

Договоръ о Люксембургѣ, заключенный на Лондонской конференціи 11 мая 1867 года, былъ подписанъ такимъ образомъ Россіей, Австріей, Франціей, Великобританіей, Пруссіей, Бельгіей и Голландіей—Люксембургомъ. Что это за сочетаніе государствъ? Послѣ всего сказаннаго отвѣтъ на этотъ вопросъ не будетъ представлять особыхъ затрудненій. Это та совокупность великихъ государствъ и государствъ непосредственно заинтересованныхъ, которой европейское правосознаніе ввѣряло установленіе общеобязательныхъ международныхъ нормъ: по отношенію къ Люксембургу, такъ же какъ и относительно Швейцаріи, Кракова и Бельгіи, мы констатируемъ существованіе этого особаго типа международнаго договора, характеризующагося участіемъ совокупности великихъ державъ—все равно восемь ли ихъ, или пять, или шесть,—и обладающаго особымъ авторитетомъ.

6. Договоръ о Люксембургѣ состоитъ изъ семи статей, изъ которыхъ четыре посвящены характеристикѣ международно-правового положенія великаго герцогства какъ государства постоянно нейтральнаго. Основная статья вторая гласитъ: Le Grand Duché de Luxembourg dans les limites déterminées par... formera désormais un Etat perpétuellement neutre.—Il sera tenu d'observer cette même neutralité envers tous les autres Etats.—Les

[69]) Min. d. Ausw. an den Königl. Gesandten in Madrid, Foreign office, May 8 1867, Staatsarchiv, XIII, 76 (n° 2819).

Digitized by Google

hautes Parties contractantes s'engagent à respecter le principe de la neutralité stipulé par le présent article.— Ce principe est et demeure placé sous la sanction de la garantie collective des Puissances signataires du présent Traité, à l'exception de la Belgique qui est elle même un Etat neutre.—Легко прослѣдить, откуда возникла такая редакція. Для первыхъ двухъ фразъ составители договора 1867 года воспользовались договоромъ 1839 года о Бельгіи, и первая половина статьи II договора 1867 года дословно совпадаетъ съ ст. VII этого послѣдняго. Къ двумъ предложеніямъ, которыя считались достаточными для провозглашенія нейтралитета Бельгіи, договоръ 1867 года признаетъ необходимымъ добавить еще: «Высокія договаривающіяся стороны обязываются уважать установленное настоящей статьей начало нейтралитета». Нѣтъ сомнѣнія, что добавленіе, сдѣланное въ договорѣ 1867 г., придаетъ бо́льшую стройность статьѣ о нейтралитетѣ. Редакція 1839 года является, мы знаемъ, сокращеніемъ гораздо болѣе сложной формулы и сама по себѣ не отличается внѣшними достоинствами: первое предложеніе заключаетъ въ себѣ второе и, если признавалось уже необходимымъ включить это второе, то послѣдовательность требовала бы включить еще и третье, одинаково заключающееся по своему смыслу въ первомъ положеніи объ обязанностяхъ державъ. Въ этомъ отношеніи редакція договора 1867 года гораздо лучше. Онъ говоритъ: Люксембургъ—постоянно нейтральное государство и продолжаетъ: отсюда вытекаютъ какъ обязанности Люксембурга относительно другихъ государствъ, такъ и обязанности другихъ государствъ относительно Люксембурга.

Но при всей внѣшней стройности статьи II договора 1867 года сравнительно со ст. VII договора 1839 года, первая по своему содержанію отнюдь не богаче второй. Объ онѣ не даютъ сами по себѣ ближайшаго опредѣленія содержанія устанавливаемыхъ ими международныхъ нормъ.

Въ договорѣ 1867 года и въ протоколахъ конференціи, въ отличіе отъ договора 1839 года, кромѣ этого общаго

Digitized by Google

опредѣленія, содержится еще рядъ разъясненій по содержанію обязанностей, устанавливаемыхъ ст. II.—Мы знаемъ уже, что въ переговорахъ, предшествовавшихъ созыву конференціи, въ числѣ мѣръ, предложенныхъ для разрѣшенія спора между Франціей и Пруссіей, фигурировало разрушеніе Люксембургской крѣпости; мысль объ этомъ высказывалась въ первыхъ австрійскихъ нотахъ; затѣмъ въ проектѣ договора, который Англія сообщила державамъ за нѣсколько дней до открытія конференціи, такое разрушеніе должно было служить эквивалентомъ провозглашенія постояннаго нейтралитета Люксембурга, которое проектомъ выбрасывалось. Вынужденная отказаться отъ намѣренія избѣжать нейтрализаціи, Англія тѣмъ не менѣе въ новомъ проектѣ, представленномъ ею на первомъ засѣданіи конференціи, сохранила постановленіе о разоруженіи Люксембургской крѣпости. Это постановленіе, которое отдѣльно взятое имѣло положительное значеніе, но при провозглашеніи нейтралитета могло казаться излишнимъ, было представлено въ англійскомъ проектѣ, какъ необходимое правовое послѣдствіе новаго международнаго положенія Люксембурга. Англія считала, повидимому, самымъ вѣрнымъ способомъ разрѣшенія спора уничтоженіе спорнаго объекта. Сохранилось указаніе, что такой взглядъ раздѣлялся не всѣми: прусскій министръ президентъ говорилъ, что это постановленіе служитъ лишь «для украшенія» договора (the ornamental article) [70]), но въ средѣ конференціи принятіе проекта англичанъ не встрѣтило возраженій. Въ договоръ включены были поэтому слѣдующія ст. III и V:

Article III. Le Grand Duché de Luxembourg étant neutralisé, aux termes de l'article précédent, le maintien ou l'établissement de places fortes sur son territoire devient sans nécessité comme sans objet.—En conséquence, il est convenu d'un commun accord que la ville de Luxembourg,

---

[70]) The dismantling of the fortress which Count Bismarck styled «the ornamental article»... Lord Augustus Loftus, the diplomatic reminiscences Second series, 1862—1879, I, London, Paris & Melbourne, 1894, 175.

Digitized by Google

considérée par le passé, sous le rapport militaire, comme forteresse Fédérale, cessera d'être une ville fortifiée.—Sa Majesté le Roi Grand Duc se réserve d'entretenir dans cette ville le nombre de troupes nécessaire pour y veiller au maintien du bon ordre.— Article V. Sa Majesté le Roi Grand Duc, en vertu des droits de souveraineté qu'il exerce sur la ville et forteresse de Luxembourg, s'engage de son côté à prendre les mesures nécessaires, afin de convertir la dite place forte en ville ouverte, au moyen d'une démolition que Sa Majesté jugera suffisante pour remplir les intentions des Hautes Parties Contractantes exprimées dans l'article III du présent Traité. Les travaux requis à cet effet commenceront immédiatement après la retraite de la garnison. Ils s'effectueront avec tous les ménagements que réclament les interêts des habitants de la ville.—Sa Majesté le Roi Grand Duc promet en outre que les fortifications de la ville de Luxembourg ne seront pas rétablies à l'avenir, et qu'il n'y sera maintenu ni créé aucun établissement militaire.

Включеніе, по настоянію Англіи, указанныхъ статей не лишено значенія, ибо онѣ создали совершенно исключительное пониманіе обязанностей Люксембурга, какъ нейтральнаго: на основаніи ихъ, соблюдать эти обязанности для Люксембурга значитъ ограничить самымъ существеннымъ образомъ свое право самообороны, превратить единственный укрѣпленный центръ страны въ открытый городъ. Такое ограниченіе, по тексту договора вытекающее изъ постояннаго нейтралитета какъ необходимое его правовое послѣдствіе, противорѣчило тому, что было твердо установлено относительно обязанностей постоянно нейтральныхъ всей предшествующей международной практикой. Неограниченное право вооруженій признавалось всегда и за Швейцаріей, и за Бельгіей. Представитель Бельгіи призналъ необходимымъ внести оговорку по поводу статей III и V. Мы читаемъ въ протоколѣ засѣданія 11 мая n° 4: Полномочный Бельгіи проситъ, чтобы было выражено, что ст. III проекта договора не уменьшаетъ правъ другихъ нейтральныхъ государствъ сохранять и, въ случаѣ надобности, усиливать свои крѣпости и другія средства обо-

Digitized by Google

роны. Эта просьба принята единогласно, и рѣшено, что декларація съ этой цѣлью будетъ подписана представителями державъ, участвующихъ въ конференціи». Къ протоколу дѣйствительно приложена была декларація, воспроизводившая приведенныя слова бельгійскаго представителя [71]). Такимъ образомъ исправлена была нѣсколько неточная редакція статей III и V и было формально оговорено, что обязанности, возложенныя ими на Люксембургъ, не суть общія обязанности всякаго нейтральнаго, а обязанности, исключительно свойственныя нейтралитету великаго герцогства.

Положительное содержаніе статей III и V договора 1867 года можетъ быть выражено такъ: постоянный нейтралитетъ великаго герцогства, кромѣ общихъ обязанностей, свойственныхъ всякому государству этого типа, накладываетъ на него спеціальныя обязанности, касающіяся Люксембургской крѣпости; эти обязанности распадаются на такія, которыя погашались, будучи разъ исполненными, и такія, которыя существуютъ столь же долго, сколь долго будетъ существовать постоянный нейтралитетъ; первыя состоятъ въ обязанности срыть прежнія люксембургскія укрѣпленія, вторыя въ обязанности не возводить никакихъ новыхъ укрѣпленій въ странѣ и не содержать въ городѣ Люксембургѣ войскъ въ количествѣ, превышающемъ потребности внутренняго управленія.

Исключительный характеръ этихъ обязанностей, лежащихъ на Люксембургѣ, въ отличіе отъ обязанностей другихъ нейтральныхъ, давно уже констатированъ въ литературѣ. При этомъ очень часто противопоставленіе Люксембурга и другихъ нейтральныхъ проводится дальше, чѣмъ слѣдуетъ и говорится: Люксембургъ не имѣетъ права прибѣгать къ употребленію военной силы даже для своей защиты отъ внѣш-

[71]) Déclaration. Il est bien entendu que l'Article III ne porte point atteinte au droit des autres Puissances neutres de conserver et au besoin d'améliorer, leurs places fortes et autres moyens de défense. Fait à Londres, le 11 mai 1867 (Annexe au protocole n° 4).

Digitized by Google

няго посягательства [72]). Нѣтъ сомнѣнія, что по точному смыслу приведенныхъ статей обязанности, возложенныя на Люксембургъ, нѣсколько ýже: ему запрещены возведеніе крѣпостей и содержаніе войска въ Люксембургѣ свыше надобностей гражданскаго управленія, право же содержать войско внѣ города Люксембурга несомнѣнно существуетъ. Люксембургскіе государственные люди имѣютъ полное право выводить отсюда, что осуществленіе нѣкоторыхъ военныхъ мѣръ для защиты страны въ случаѣ внѣшняго нападенія остается во власти великаго герцогства [73]). Но, конечно, ограниченія, лежащія на Люксембургѣ, практически настолько существенны, что, въ связи съ малымъ размѣромъ территоріи и незначительностью естественныхъ силъ, не позволяютъ серьезно говорить о самооборонѣ Люксембурга, и въ этомъ отношеніи приведенная точка зрѣнія юридически почти точна, и во всякомъ случаѣ было бы педантизмомъ отстаивать противоположный выводъ.

Статьи III и V договора 1867 года представляютъ сумму дополнительныхъ обязанностей, возложенныхъ на Люксембургъ въ силу его нейтралитета. Протоколы указываютъ,

---

[72]) L'interdiction radicale de tout pouvoir effectif d'employer la force dans l'ordre des relations internationales et la substitution d'une sanction externe à cet attribut de la souveraineté caractérisent la neutralisation radicale ou pacigérat désarmé... Ce.. régime est caractéristique de la Constitution internationale du grand duché de Luxembourg... Descamps, La neutralité de la Belgique, 359 s. Тоже Servais, Le grand duché de Luxembourg et le traité de Londres, Paris, 1879, 174; cf. Twettcoff, 28; Schweizer, 81.

[73]) Damit soll nicht gesagt sein, dass eventuell Luxemburg zur Vertheidigung seiner Neutralität nichts zu thun im Stande sei, oder nur beabsichtige. Die eventuelle Bewaffnung und Erhebung seiner Bevölkerung neben dem Sprengen von Viaducten, Brücken und Tunnels würden das gebirgige Land ganz unwegbar machen, dem Besitz desselben für fremde Armeen das Interesse benehmen und ernsthafte Hindernisse bereiten. Dass diese Eventualität nicht aus den Augen verloren wird beweisen die Sprengvorrichtungen, welche man noch in letzter Zeit bei dem Viaductbau einer Eisenbahn nach Longwy getroffen hat; Eyschen, 42.

Digitized by Google

что былъ одинъ пунктъ, въ которомъ эти обязанности нейтралитета примѣнительно къ Люксембургу были сокращены сравнительно съ обычными обязанностями нейтральныхъ. Развитіе международныхъ отношеній Бельгіи твердо, мы увидимъ ниже, установило, что постоянно нейтральному государству запрещены одностороннія таможенныя соглашенія, могущія разрушить его свободу дѣйствій, необходимую для безусловнаго соблюденія нейтралитета. Вопросъ о таможенномъ союзѣ представлялъ первостепенный интересъ для Люксембурга [74]). Съ 1842 года маленькое государство входило въ составъ прусскаго Zollverein'a: отказаться отъ этого союза оно не хотѣло, потому что существовать собственнымъ своимъ рынкомъ оно не могло; естественно, его первою мыслью въ минуту провозглашенія постояннаго нейтралитета было опасеніе, что установленное предшествующей международною практикою ограниченіе будетъ перенесено и на Люксембургъ и что ему придется разорвать свой таможенный союзъ съ германскими государствами. Представители великаго герцогства на конференціи постарались поэтому добиться того, чтобы это ограниченіе было снято съ него самой конференціей. Это удалось имъ. Протоколъ засѣданія 9 мая n° 2 говоритъ: «Баронъ Торнако — представитель Люксембурга — выражаетъ желаніе внести въ ст. II параграфъ, который охранялъ бы торговыя права великаго герцогства и его право заключать таможенный союзъ съ сосѣдними государствами.—Прусскій посолъ думаетъ, что вопросъ, поставленный барономъ Торнако, выходитъ за предѣлы разсужденій конференціи. Онъ полагаетъ, что указанная статья нисколько не посягаетъ ни на договоръ о таможенной уніи, который уже существуетъ, ни вообще на торговыя права великаго герцогства. Полномочные Австріи, Франціи и Россіи равнымъ образомъ полагаютъ, что нейтралитетъ, о которомъ говоритъ проектъ договора, есть нейтралитетъ по существу своему военный, и въ статьѣ II нѣтъ ничего, что могло бы препятствовать праву великаго

[74]) Объ этомъ Wampach, 51, 253 s.; Eyschen, 234 ff.

Digitized by Google

герцогства заключить торговый договоръ съ сосѣднимъ государствомъ. Послѣ этого баронъ Торнако заявляетъ, что готовъ взять назадъ предложенное имъ дополненіе, видя въ высказанныхъ мнѣніяхъ удовлетворяющее его толкованіе ст. II».

Изложенные въ протоколѣ мотивы въ пользу свободы таможенныхъ союзовъ грѣшатъ несомнѣннымъ игнорированіемъ результатовъ всего предшествующаго развитія института постояннаго нейтралитета: совершенно тождественная со ст. II редакція акта бельгійскаго нейтралитета самымъ авторитетнымъ образомъ признавалась непреодолимымъ препятствіемъ къ заключенію этимъ государствомъ таможеннаго союза съ Франціей. Но, отвергнувъ эти мотивы, мы тѣмъ самымъ все-таки не можемъ отвергнуть значеніе содержащагося въ протоколѣ толкованія обязанностей Люксембурга по вопросу о таможенномъ союзѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что державы, признавая Люксембургъ постоянно нейтральнымъ, сняли съ него то ограниченіе, которое въ этомъ отношеніи лежитъ на всякомъ другомъ нейтральномъ. Великое герцогство воспользовалось своей свободой: оно не разорвало своихъ связей съ Германіей и донынѣ составляетъ часть германской таможенной территоріи. Отсутствіе этого ограниченія оплакивается многими, но ни съ чьей стороны не высказано было сомнѣнія въ томъ, что протоколъ представляетъ авторитетное и безусловно обязательное толкованіе люксембургскаго акта нейтралитета [75]).

Обязанности великаго герцогства, какъ постоянно нейтральнаго государства, въ виду всего изложеннаго, въ одномъ отношеніи шире, а въ другомъ ужe обязанностей другихъ постоянно нейтральныхъ государствъ: они шире, потому что на Люксембургъ наложена обязанность воздерживаться отъ вооруженій и ужe, потому что съ него снятъ запретъ таможенныхъ союзовъ.

---

[75]) Servais, 176 s.; cf. Tswettcoff, 92.

Digitized by Google

Обязанности державъ относительно Люксембурга, напротивъ того, не представляютъ никакихъ особенностей и все содержаніе акта 11 мая 1867 года въ этомъ отношеніи сводится къ развитію совершенно ясныхъ положеній. Единственная IV-ая статья договора, которая должна быть тутъ отмѣчена, касается ухода прусскихъ войскъ изъ люксембургской крѣпости. Она гласитъ: «Conformément aux stipulations contenues dans les articles II et III, S. M. le Roi de Prusse déclare que ses troupes actuellement en garnison dans la forteresse du Luxembourg recevront l'ordre de procéder à l'évacuation de cette place immédiatement après l'échange des ratifications du présent Traité. On commencera simaltanément à retirer l'artillerie, les munitions et tous les objets qui font partie de la dotation de la dite place forte. Durant cette opération, il n'y restera que le nombre de troupes nécessaire pour veiller à la sûreté du matériel de guerre et pour en effectuer l'expédition qui s'achèvera dans le plus bref délai possible». Эта статья, имѣвшая такое огромное значеніе въ исторіи люксембургскаго вопроса, съ юридической точки зрѣнія бѣдна содержаніемъ: разъ Люксембургъ признанъ постоянно нейтральнымъ, то само собою разумѣется, что иностранный гарнизонъ не можетъ находиться на его территоріи. — Другихъ подробностей относительно обязанностей державъ договоръ 11 мая 1867 года не заключаетъ: обязанности эти указаны ст. II и сводятся къ обязанности «уважать принципъ» люксембургскаго нейтралитета и къ «гарантіи» ими этого послѣдняго.

Исторія включенія гарантіи въ договоръ 1867 года заслуживаетъ вниманія. Первый проектъ рѣшенія конфликта, встрѣтившій—въ теченіе предшествующихъ конференціи переговоровъ—сочувствіе обѣихъ споривших сторонъ, говорилъ о признаніи Люксембурга нейтральнымъ и о распространеніи на него той гарантіи, которая дарована была Бельгіи. Выше отмѣчено было, что Англія отнеслась къ послѣдней части этого проекта съ большимъ неодобреніемъ. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ говорилъ, что «онъ не мо-

Digitized by Google

жетъ принять на себя обязательство защищать люксембургскій нейтралитетъ съ оружіемъ въ рукахъ, если въ этомъ смыслѣ нужно понимать слово гарантія. Онъ полагаетъ, что это слово можетъ быть избѣгнуто и что обязательство великихъ державъ не нарушать нейтралитета Люксембурга было бы достаточнымъ. Оно было бы моральной гарантіей, которую Англія готова принять и которая достигала бы той же цѣли... Мы желали бы взять на себя въ этомъ дѣлѣ minimum обязательствъ, необходимыхъ для обезпеченія мира»..; такой minimum обязательствъ заключался въ англійскихъ, предложенныхъ до открытія конференціи пяти пунктахъ, гдѣ выбрасывалась не только гарантія, но даже провозглашеніе нейтралитета; послѣ того, какъ оказалось, что соглашеніе въ такой формѣ невозможно, Англія включила въ новый проектъ, предложенный на обсужденіе конференціи, постановленіе о нейтрализаціи, но попрежнему обошла молчаніемъ гарантію. По этому поводу уже въ первомъ засѣданіи было формулировано рядъ возраженій. Говоря словами протокола, «полномочный Пруссіи заявилъ, что замѣчаетъ въ проектѣ пропускъ сравнительно съ программой, на основѣ которой его правительство приняло приглашеніе на конференцію, а именно опущена европейская гарантія нейтралитета великаго герцогства люксембургскаго; что, однако, такъ какъ всѣ представленныя на конференціи державы допустили и приняли эту программу, онъ считаетъ себя вправѣ надѣяться, что при обсужденіи ст. II этотъ пропускъ будетъ восполненъ. Полномочные Австріи, Франціи, Нидерландовъ и Россіи констатируютъ, что, какъ заявилъ только что полномочный Пруссіи, державы приняли за основаніе переговоровъ нейтралитетъ Люксембурга подъ коллективной гарантіей».—Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, возражая, замѣтилъ, что гарантія излишня, ибо уже договоромъ 1839 г. гарантированы

---

[76]) Botschafter in London an den K. K. Min. d. Ausw., Londres, le 30 avril 1867; Staatsarchiv, XIV, 211 (nº 3166).

Digitized by Google

границы Люксембурга, указанныя въ одной изъ приложенныхъ къ нему 24 статей; признавая правильность этой ссылки, прусскій представитель находилъ, однако, невозможнымъ удовлетвориться такимъ неяснымъ указаніемъ: «различіе между этой гарантіей и той, которая дарована Бельгіи, очень важно, и онъ надѣется, что державы даруютъ нейтралитету Люксембурга ту гарантію, которой пользуется бельгійскій нейтралитетъ». Другіе представители выразили свое согласіе съ прусскими взглядами, и Англіи пришлось уступить большинству. Протоколъ второго засѣданія говоритъ: «Лордъ Стэнлей заявляетъ, что правительство Ея Британскаго Величества, принявъ во вниманіе единогласное пожеланіе другихъ державъ и не желая противиться постановленію, которое одно, повидимому, даетъ вѣрное обезпеченіе сохраненію европейскаго мира, присоединяется къ принципу дарованія великому герцогству люксембургскому коллективной гарантіи. Онъ принимаетъ поэтому дополненіе къ ст. II проекта договора, предложенное полномочнымъ Пруссіи».—Это дополненіе составило въ договорѣ 11 мая послѣднюю часть II-й статьи: «этотъ принципъ (принципъ нейтралитета) будетъ всегда находиться подъ охраною коллективнаго ручательства державъ, подписавшихъ настоящій трактатъ, кромѣ Бельгіи, которая сама составляетъ нейтральное государство».

Изъ вышеизложеннаго ясно, что, устанавливая приведенный только что текстъ о гарантіи, составители договора хотѣли воспроизвести то самое начало, которое дѣйствовало уже примѣнительно къ бельгійскому нейтралитету. Отсюда вытекаетъ, что ни о какомъ различіи между обязанностями державъ относительно Люксембурга и обязанностями относительно Бельгіи рѣчи быть не можетъ, несмотря на то, что соотвѣтствующее положеніе въ договорѣ 1839 года по формѣ своей нѣсколько иное, чѣмъ постановленіе 1867 года. Тамъ говорилось о «ручательствѣ» просто, здѣсь говорится о «коллективномъ ручательствѣ». Впослѣдствіе сдѣлана была попытка воспользоваться этимъ различіемъ и доказать, что смыслъ

Digitized by Google

гарантіи 1867 года и вытекающихъ изъ нея обязанностей совсѣмъ иной, чѣмъ смыслъ постановленій 1839 г. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія протоколовъ лондонской конференціи этотъ взглядъ не находитъ себѣ ни малѣйшаго оправданія.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Развитіе на практикѣ внутренняго содержанія института постояннаго нейтралитета.—Обязанности нейтральнаго въ мирное время.

§ 1.

1. Текстами статей I и VI Вѣнскаго дополнительнаго договора 1815 года, Парижской декларації 20 Ноября 1815 г., статьи VII Лондонскаго договора 1839 года и статьями II, III, IV и V Лондонскаго договора 1867 года не исчерпывается правовой матеріалъ для догматическаго изученія института постоянно нейтральнаго государства въ томъ видѣ, въ какомъ онъ окончательно сложился ко второй половинѣ прошлаго столѣтія. Имѣя дѣло съ законодательною нормою, мы могли бы искать дополнительныхъ точекъ опоры для построенія института въ томъ толкованіи, которое даютъ ей подчиненные органы государственной власти, въ формѣ ли судебнаго рѣшенія или иной. Если въ области международноправовыхъ нормъ мы лишены такой точки опоры, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы формулы договоровъ, однажды выработанныя, навсегда застывали въ своемъ первоначальномъ содержаніи и объемѣ; эти формулы живутъ, какъ всякія другія нормы, и въ развитіи ихъ, такъ же какъ въ развитіи внутреннихъ законодательныхъ нормъ, жизнь играетъ ту же роль источника новыхъ интерпретацій, воспол-

Digitized by Google

няющихъ ихъ недостатки и освѣщающихъ ихъ недомолвки. Въ исторіи внѣшнихъ отношеній четырехъ постоянно нейтральныхъ государствъ послѣдовательно возникалъ рядъ проблемъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ особому ихъ международному положенію или обсуждавшихся въ связи съ нимъ. Благодаря этому въ теченіе десятилѣтій, слѣдующихъ за провозглашеніемъ постояннаго нейтралитета этихъ государствъ, накопился рядъ попытокъ въ отдѣльныхъ подробностяхъ выяснить содержаніе правоотношеній, порожденныхъ договорными текстами. Попытки эти носятъ мало систематическій характеръ; онѣ возникаютъ по тому или другому случаю, и толкованіе постояннаго нейтралитета, которое является результатомъ обсужденія такихъ единичныхъ случаевъ, тѣсно связано съ поводомъ, по которому оно возникло, и часто уходитъ съ нимъ; даже когда возникаетъ сомнѣніе, подобное уже однажды разрѣшенному, прежнюю интерпретацію не всегда вспоминаютъ. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, объясненіе которыхъ лежитъ въ общихъ свойствахъ международноправовой системы, нельзя игнорировать плоды указаннаго процесса накопленія единичныхъ интерпретацій института, изученіе котораго составляетъ задачу настоящей книги. При всей своей разрозненности онѣ дали совершенно осязательный результатъ по цѣлому ряду вопросовъ. Нѣкоторыя толкованія, повторяясь, превращались въ прецеденты; закрѣпляясь въ общемъ сознаніи, они пріобрѣтали «обычный» характеръ; къ нимъ привыкали и они пріобрѣтали силу обычнаго права. Это «обычное» толкованіе далеко, конечно, въ своей опредѣленности и твердости отъ толкованія, которое, въ другихъ отрасляхъ права, даетъ актъ воли управомоченнаго на то органа власти; значеніе обычая тѣмъ не менѣе велико во всякой системѣ права, не говоря уже о системѣ права международнаго, гдѣ съ особенною тщательностью юристъ обязанъ слѣдить за рожденіемъ и кристаллизаціей всякой нормы, хотя бы и не выливающейся въ форму вполнѣ устойчивую и неоспоримую.

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что мы имѣемъ дѣло,

Digitized by Google

при изученіи только что намѣченнаго правового матеріала, съ развитіемъ «отъ случая до случая». Въ указанномъ нами процессѣ затрагивается то одна сторона вопроса о свойствахъ постояннаго нейтралитета, то другая. Хронологически рядъ возникающихъ интерпретацій представляетъ нѣчто разрозненное и необъединенное общей идеей; и лишь ближе присматриваясь къ этой цѣпи, замѣчаемъ, что отдѣльныя попытки толкованія актовъ постояннаго нейтралитета примыкаютъ къ нѣкоторымъ центральнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью подъ вліяніемъ общихъ условій эпохи и частныхъ условій, въ которыхъ протекаетъ международное существованіе того или другого постоянно нейтральнаго. Суммируя группы этихъ выдвинутыхъ жизнью вопросовъ практической интерпретаціи актовъ постояннаго нейтралитета, мы видимъ, что онѣ не даютъ въ результатѣ совершенно полнаго цикла: остается рядъ пунктовъ, въ которыхъ международная практика ничего не сказала и гдѣ юристу приходится черпать свои выводы исключительно изъ договорнаго текста. Несмотря на такіе пробѣлы, результаты развитія института путемъ практической его интерпретаціи открываютъ рядъ совершенно новыхъ сторонъ вопроса, изучаемаго нами, и даютъ важный матеріалъ для выводовъ общаго характера.

Три основныхъ проблемы выдвинуты практической интерпретаціею актовъ нейтралитета. Первая касается обязанностей нейтральнаго въ мирное время: практика, съ одной стороны, создаетъ опредѣленныя обязанности постоянно нейтральнаго въ дѣлѣ охраны неприкосновенности иностранной власти и, съ другой, запрещаетъ нейтральному вступленіе въ нѣкоторые договоры, считающіеся по нѣкоторымъ основаніямъ противорѣчащими нейтралитету; вторая касается правъ и обязанностей по охранѣ постояннаго нейтралитета; наконецъ, третья—нарушенія обязанностей постояннаго нейтралитета и правовыхъ послѣдствій такого нарушенія.

Всѣ указанныя проблемы почти не затронуты въ актахъ 1815, 1839 и 1867 гг., и въ цѣломъ рядѣ случаевъ не

Digitized by Google

только то или другое рѣшеніе ихъ, но и самая постановка будетъ для насъ неожиданною.

2. Что такое, прежде всего, обязанности постоянно нейтральнаго государства въ годы мира?

Время, которое слѣдовало за Вѣнскимъ конгрессомъ, представляетъ эпоху европейскаго мира, лишь изрѣдка прерываемаго военными дѣйствіями, но и то такими, за которыми трудно признать характеръ войны въ собственномъ смыслѣ слова, а скорѣе значеніе вооруженнаго вмѣшательства однихъ во внутреннія дѣла другихъ государствъ (Италіи, Испаніи, Греціи, Бельгіи). Казалось бы въ такое время обязанности «постояннаго нейтралитета» не заставляютъ о себѣ вспоминать и всякій интересъ къ этому типу международнаго лица долженъ былъ исчезнуть. На самомъ дѣлѣ это не такъ.

Мы уже имѣли случай указывать, что въ эпоху конгрессовъ была сдѣлана грандіозная попытка создать основы своеобразной международноправовой организаціи. Возникшая въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, подъ вліяніемъ чисто практическихъ побужденій и интересовъ, коалиція привела къ Вѣнскому конгрессу, который далъ образецъ своего рода законодательнаго собранія, общимъ соглашеніемъ рѣшавшаго дѣла Европы. Идея объединенной въ огромномъ союзѣ Европы съ общимъ центральнымъ органомъ во главѣ, осуществленная конгрессомъ, нашла себѣ окончательное выраженіе въ ст. VI Парижскаго договора четырехъ государствъ 20 ноября 1815 г., которой узаконены были постоянныя собранія представителей союзныхъ государствъ для обсужденія общихъ интересовъ и мѣръ для обезпеченія спокойствія и мира въ Европѣ. Испытаніе, наложенное на Францію по этому договору въ формѣ военной оккупаціи, было затѣмъ сокращено съ тѣмъ, чтобы идея союза великихъ державъ могла скорѣе осуществиться. Когда участіе Франціи въ этомъ союзѣ сдѣлалось послѣ ахенскаго конгресса возможнымъ, когда Франція была «возвращена самой себѣ», почва для развитія всеевропейской «союзной

Digitized by Google

системы» (système d'alliance)[1]) была окончательно создана. Смыслъ ея заключался въ слѣдующемъ[2]). Великія державы составляютъ «великій союзъ европейскихъ государствъ»; законодательнымъ органомъ этого союза является конгрессъ; онъ обсуждаетъ общеевропейскія дѣла и постановляетъ тѣ или иныя мѣры; исполненіе этихъ мѣръ поручается отдѣльнымъ державамъ; предоставляющаяся послѣднимъ исполнительная власть есть власть общеевропейская по своему источнику и дѣйствуетъ отъ имени всей Европы. Цѣлью этой международной организаціи является охрана мира и порядка. Эта консервативная задача обнимаетъ охрану какъ того международнаго строя, который созданъ Вѣнскимъ актомъ, такъ и внутренняго правопорядка въ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ: съ международной точки зрѣнія признается необходимымъ бороться за права законныхъ государей, и помощь послѣднимъ въ борьбѣ съ внутренними революціонными движеніями признается международной обязанностію государствъ, составляющихъ «великій союзъ». Положить предѣлъ власти революціоннаго движенія (la puissance de l'insurrection) является второй и главной задачей союза, подобно тому какъ борьба съ Наполеономъ составляла смыслъ его до 1815 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что построеніе европейскихъ международныхъ отношеній, которое пытались осуществить въ эпоху конгрессовъ, никогда не было проведено до конца. Осуществленію его цѣликомъ помѣшало прежде всего то, что

[1]) Оба выраженія взяты изъ депеши Capo d'Istria à Pozzo di Borgo, St. Pétersbourg, 9/21 juillet 1816 въ Correspondance diplomatique du Comte Pozzo di Borgo, publiée par Charles Pozzo di Borgo, I, Paris, 1890, 398 ss.

[2]) Мы беремъ не столько фактическую сторону дѣла, сколько то, какъ складывалась эта идея въ правосознаніи главныхъ носителей ея, и прежде всего императора Александра и Меттерниха; изложеніе основывается, кромѣ къ сожалѣнію не вполнѣ опубликованныхъ документовъ конгрессовъ, главнымъ образомъ на бумагахъ Меттерниха и дипломатической перепискѣ Поццо ди Борго, русскаго посла въ Парижѣ, съ русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

оно весьма скоро лишилось поддержки Англіи и позднѣе поддержки Франціи; несомнѣнно далѣе и то, что политика, предписывавшаяся отдѣльнымъ державамъ этой организаціей международныхъ отношеній, сталкивалась иногда съ другими ихъ интересами, которые заставляли ихъ въ концѣ концовъ отступать отъ идеи великаго консервативнаго союза (политика Николая I относительно Греціи). Тѣмъ не менѣе вліяніе этого построенія было огромно; даже ограниченное въ объемѣ своего дѣйствія оно продолжало служить основнымъ мотивомъ европейскихъ отношеній вплоть до середины 19-го столѣтія (предѣльнымъ пунктомъ можно признать участіе Россіи въ подавленіи венгерскаго возстанія) и отражалось даже въ такихъ областяхъ, гдѣ, казалось, оно не могло найти себѣ прилженія.

Если Европа объединена международной организаціей, въ силу которой борьба съ революціоннымъ движеніемъ въ одномъ изъ европейскихъ государствъ признается международной обязанностью другихъ государствъ, то не отражается ли это общее построеніе на пониманіи международнаго положенія и государствъ, признанныхъ постоянно нейтральными? Такой вопросъ почти вслѣдъ за Вѣнскимъ и Парижскимъ актами ставится эпохой конгрессовъ. На него отвѣчаютъ такъ: Швейцарія и Краковъ должны оставаться нейтральными въ той борьбѣ, которую «великій союзъ» ведетъ съ революціоннымъ движеніемъ; они на прямо, ни косвенно не должны помогать революціонерамъ, и ихъ нейтральная территорія не должна служить ни мѣстомъ дѣятельности этого движенія, ни убѣжищемъ для его дѣятелей. Только при такой политикѣ нейтральныхъ нейтралитетъ будетъ постояннымъ. Обязанности, которыя онъ влечетъ, не могутъ не существовать и въ мирное время, выражаясь въ требованіи опредѣленнаго отношенія къ революціонному движенію въ сосѣднихъ государствахъ.

Воззрѣніе, которое только что нами указано, складывается въ сущности вполнѣ самостоятельно въ развитіи международныхъ отношеній какъ Швейцаріи, такъ и Кра-

Digitized by Google

кова. Чтобы уяснить себѣ ближайшимъ образомъ это воззрѣніе, мы попытаемся прослѣдить происхожденіе и содержаніе его поочереди въ исторіи обоихъ государствъ.

3. Вопросъ объ особыхъ обязанностяхъ Швейцаріи по отношенію къ революціонному движенію въ другихъ странахъ ставится въ началѣ 20-хъ годовъ въ связи съ двумя основными эпизодами въ исторіи международной борьбы съ возникавшимъ тогда либерализмомъ и національнымъ движеніемъ—съ Карлсбадскими конференціями въ Германіи и съ возстаніемъ въ Піемонтѣ. Тогда уже къ союзу обращаются протесты по поводу излишне терпимаго отношенія къ эмигрантамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу поощренія, которое, будто-бы, находили себѣ революціонныя начала въ швейцарской печати [3]) [4]). Затѣмъ на Веронскомъ конгрессѣ

---

[3]) Первыя требованія исходили въ ноябрѣ 1820 г. отъ Пруссіи и Австріи по поводу нѣмецкихъ «демагоговъ» (Нота и отвѣтъ на нее напечатаны у Tillier, Geschichte der Eidgenossenschaft während der sogenannten Restaurationsepoche, II, Bern-Zürich, 1849, 136, n. 1, 138 n. 2; другіе документы опубликовалъ Schweizer, 661 ff.); затѣмъ, 19 мая 1821 г. была предъявлена коллективная нота Австріи, Пруссіи и Россіи, въ которой говорилось: la confédération ne voudra pas..... permettre que les ennemis déclarés du repos et de la sûreté des pays qui l'environnent se fassent de (sa) neutralité un abri commode pour y ourdir de nouvelles trames et ranimer leurs complots; нота требовала изгнанія революціонеровъ, на что союзъ согласился. (Напечатано у Tillier, ibid, 176, n. 1, 178, n. 2; cf. Schweizer, 673 ff.).

[4]) Въ Швейцарской литературѣ высказывается утвержденіе, что первое требованіе было результатомъ Троппаускаго и второе Лайбахскаго конгрессовъ; такъ Schweizer, 659: schon die Kongresse zu Troppau und Laibach beschäftigten sich mit den Schweizer Angelegenheiten. Опубликованные документы не даютъ возможности принять это утвержденіе, ибо ни одинъ не указываетъ на то, чтобы швейцарскія дѣла и въ частности вопросъ о полиціи иностранцевъ подвергались обсужденію этихъ конгрессовъ, какъ таковыхъ. Что касается перваго изъ нихъ, то можно сказать только, что австрійская и прусская ноты 1820 года датированы «Troppau» и что вопросъ объ итальянскихъ изгнанникахъ, повидимому, затрагивался въ Троппау; можно предположить, что содержаніе идентичныхъ нотъ 1821 г. установлено было въ Лайбахѣ; но изъ того факта, что это происходило во время конгрессовъ, нельзя

Digitized by Google

въ протоколъ была занесена жалоба того же содержанія со стороны Сардиніи, и великія державы снова по этому поводу обращались съ протестами къ Швейцаріи [5]).

Въ теченіе этихъ первыхъ переговоровъ о постоянномъ нейтралитетѣ Швейцаріи не говорилось, но почва, на которой могло быть построено указанное выше воззрѣніе, была уже вполнѣ подготовлена. Какъ только потребность окончательно добиться принятія союзомъ требованій, предъявлявшихся къ нему въ 1820—1822 годахъ, назрѣваетъ, а въ Швейцаріи укрѣпляется сознаніе необходимости имъ подчиниться, одновременно съ обѣихъ сторонъ формулируется мысль, что именно положеніе нейтральнаго влечетъ за собою особыя обязанности въ дѣлѣ борьбы съ «революціей».

Державами это воззрѣніе впервые выражено на Парижскихъ совѣщаніяхъ по швейцарскимъ дѣламъ, происходившихъ въ 1823 году, а союзомъ—въ такъ называемомъ конклузумѣ того же года.

Парижскія совѣщанія, вообще мало извѣстныя и никогда не затрогивавшіяся въ литературѣ международнаго права, состояли изъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, представителей въ Парижѣ Австріи, Пруссіи, Россіи, Сар-

---

выводить, что это было на конгрессахъ, т.-е. составило предметъ сужденія всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ нихъ, и являлось результатомъ воли конгресса. Поводомъ къ возникновенію оспариваемаго нами взгляда послужили, повидимому, неопредѣленное указаніе союзнаго президента въ отчетѣ его сейму 1821 года, см. Bericht des Presidenten der Tagsatzung, 2 July 1821 въ Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung vom Jahr 1821, Beylage Litt. C., и столь же неопредѣленные слухи, ходившіе въ Швейцаріи въ 1821 году, будто Лайбахскій конгрессъ обсуждалъ швейцарскія дѣла въ видахъ реставраціи тамъ дореволюціонныхъ порядковъ, слухи совершенно неосновательные, какъ видно изъ письма Каподистріи отъ 10/22 апрѣля 1821 года, напечатаннаго Wyss, II, 450 ff.

[5]) О представленіяхъ Австріи, Пруссіи и Россіи см. Wattenwyl an Wyss, 15 Januar 1823 у Wyss, II, 478 f.; затѣмъ протестъ австрійскаго посланника 30 марта, изложенный въ отчетѣ президента союза сейму отъ 7 іюля 1823 года, см. Abschiedsbeylage Litt. C. въ Abschied der ordentlichen Eidgenössischen Tagsatzung vom Jahr 1823.

Digitized by Google

диніи и Неаполя (Англія не принимала въ нихъ участія). Созванная для того, чтобы положить предѣлъ терпимости, оказываемой революціонерамъ въ Швейцаріи, конференція имѣла два засѣданія—первое 21 Апрѣля и второе 31 Іюля 1823 года. Первое изъ нихъ установило слѣдующее положеніе принципіальнаго характера: отношеніе Швейцаріи къ революціонному движенію, остающееся прежнимъ, несмотря на представленія государствъ, противно гарантированному Европой постоянному ея нейтралитету; на этомъ основаніи необходимо категорически и общими усиліями всѣхъ державъ, принимающихъ участіе въ Парижской конференціи, настаивать на принятіи уже переданныхъ ранѣе того Швейцаріи требованій. Въ исполненіе этого общаго постановленія второе засѣданіе опредѣлило рядъ подробностей относительно изгнанія изъ Швейцаріи политическихъ выходцевъ, нашедшихъ тамъ пріютъ [6]).

[6]) Намъ извѣстенъ текстъ протокола лишь второго засѣданія. Онъ напечатанъ у Tillier, ibid, 265, n. 2; о содержаніи протокола перваго засѣданія даютъ возможность судить ноты, обращенныя къ Швейцаріи 20 и 21 августа 1823, о которыхъ ниже говорится въ текстѣ, до сихъ поръ не напечатанныя; копіи этихъ послѣднихъ см. Archives des Affaires Etrangères, V. 510, Suisse 1823, f. 272—273, 274—275, 277—278, 279, 280—281 (текста перваго протокола мы не могли разыскать во французскомъ архивѣ). Эти ноты представляютъ между собою большое сходство, и отдѣльныя части ихъ изложены во всѣхъ одинаково, что свидѣтельствуетъ о существованіи общаго руководящаго текста; опубликованный второй протоколъ служилъ таковымъ лишь отчасти; другія аналогичныя мѣста почерпнуты очевидно изъ протокола перваго засѣданія. Выписываемъ ихъ изъ австрійской ноты, Arch. Aff. Etr. V. 510, f. 277—278, отъ 21 августа 1821: «Les dits Plénipotentiaires réunis en conséquence... ayant considéré les graves inconvénients et les dangers dont les états limitrophes de la Suisse se trouvent menacés par suite de la protection dont... y jouissent les révolutionnaires de tous les pays; voyant les démarches faites séparément par plusieurs Cours alliées pour obtenir leur éloignement restées sans effet; jugeant un tel état de choses, s'il se prolongeait, prêt à compromettre la sûreté et les intérêts politiques des Etats voisins, même à troubler l'harmonie qui règne heureusement entre eux; convaincus de plus que les révolutionnaires en Suisse d'après les données les plus authentiques avaient redoublé d'efforts pour préparer

Digitized by Google

Одновременно съ этими рѣшеніями Парижской конференціи, и до оффиціальнаго сообщенія ихъ Швейцаріи, послѣдняя самостоятельно устанавливаетъ тотъ самый взглядъ, къ которому пришла конференція. Чтобы удовлетворить неоднократно предъявленныя союзу требованія, очередной сеймъ 14 Іюля 1823 г. принялъ слѣдующій «конклузумъ»:

«Сеймъ... приглашаетъ кантоны принять А) по отношенію къ злоупотребленіямъ печати мѣры: 1° къ тому, чтобы въ газетахъ, летучихъ и повременныхъ изданіяхъ, при обсужденіи иностранныхъ дѣлъ, тщательно избѣгалось все, что можетъ оскорбить должное уваженіе къ дружественнымъ

---

et opérer de nouveaux mouvements en Italie, sans doute afin de favoriser la résistance que pourraient apposer à la France les révolutionnaires d'Espagne; que dans cette vue et aux moyens d'associations secrètes ces mêmes révolutionnaires s'occupaient à organiser en Suisse des bandes armées destinées à se réunir, au premier signal, sur tel ou tel point indiqué pour porter le trouble, le désordre et l'anarchie dans les états voisins; ayant considéré enfin qu'une pareille tolérance de la part du gouvernement Suisse serait contraire aux principes de la neutralité qui lui a été garantie par l'acte du Congrès de Vienne, le placerait dans une attitude compromettante envers les états voisins,—sont convenus d'inviter les Représentants de leurs Cours près de la Confédération 1° à renouveler la demande de l'expulsion des individus désignés dans les listes déjà présentées ou à présenter encore sans délai au Gouvernement fédéral; 2° d'inviter à leur tour le Gouvernement helvétique à délivrer à ces individus les passeports nécessaires pour sortir de son territoire bien entendu qu'ils ne pourront être dirigés ni en Espagne, ni en Portugal, ni dans les Etats d'aucune des six Puissances signataires de cet acte; 3° de faire observer au Gouvernement fédéral que comme les motifs qui ont porté les six Cours à demander, chacune pour elle, l'expulsion des dits individus du territoire de la Suisse, les empêcheront sans doute de trouver un refuge dans tout autre pays de l'Europe, il leur sera offert les moyens pour se rendre aux Etats Unis d'Amérique; que dans ce cas le Gouvernement helvétique voudra bien leur délivrer les passeports nécessaires visés par les représentants des Etats qu'ils auront à traverser pour se rendre à Brème ou à Hambourg, lieux fixés pour leur embarquement; 4° et que pour les déterminer à prendre ce parti, des secours leur seront alloués, lesquels toutefois ne leur seront délivrés qu'aux lieux de l'embarquement ci dessus désignés.

Digitized by Google

державамъ или дать послѣднимъ поводъ къ основательнымъ нареканіямъ; 2⁰..... B) по отношенію къ полиціи иностранцевъ мѣры: 1⁰ къ тому, чтобы, злоупотребляя стариннымъ и усвоеннымъ Швейцаріей гостепріимствомъ, въ нее не могли вторгаться и тамъ находить пріютъ такіе изгнанники, которые, вслѣдствіе совершенныхъ ими преступленій или нарушеній общественнаго порядка, были изгнаны изъ другого государства, или въ томъ были замѣчены и обвинялись, а равно и тѣ подозрительные эмигранты, которые во время пребыванія въ Швейцаріи, въ общемъ порядкѣ имъ разрѣшеннаго, воспользовались имъ для опасныхъ происковъ противъ законнаго правительства дружественной державы или для нарушенія порядка и внутренняго мира Швейцаріи; 2⁰... къ тому, чтобы въѣздъ иностранцевъ обусловленъ былъ имѣніемъ у нихъ надлежащаго легитимаціоннаго документа отъ ихъ законныхъ отечественныхъ властей; для желающихъ поселиться въ Швейцаріи подданныхъ державъ, которыя имѣютъ миссіи въ Швейцаріи, эти легитимаціонные билеты должны быть признаны со стороны этихъ миссій; 3⁰..... 4⁰.....»

Наиболѣе знаменательна мотивировка конклузума. Введеніе къ нему говоритъ, что онъ состоялся «въ видахъ улучшенія и утвержденія положенія швейцарскаго свободнаго государства въ европейской семьѣ государствъ и въ видахъ добросовѣстнаго соблюденія договорно установленныхъ отношеній ея къ нимъ». Послѣдняя часть фразы разумѣетъ безъ всякаго сомнѣнія постоянный нейтралитетъ Швейцаріи: ни о какихъ другихъ «договорно установленныхъ отношеніяхъ» (tractatmässige Verhältnisse) не могло быть въ данномъ случаѣ рѣчи [7]).

---

[7]) Пренія по поводу конклузума и его текстъ см. Abschied 1823, 3 ff. — Schweizer, 685 f., систематически отрицающій значеніе излагаемой интерпретаціи постояннаго нейтралитета, обходитъ молчаніемъ введеніе къ конклузуму 14 іюля. — Выдержка изъ текста конклузума о полиціи иностранцевъ у Langhard, das Recht der politischen Fremdenausweisung, Leipzig, 1891, 22 f.

Digitized by Google

Остановимся на минуту на теоріи, выдвинутой Парижской конференціей 1823 г. и союзнымъ конклузумомъ того же года. Нѣтъ сомнѣнія что исторически она возникаетъ не путемъ дедуктивнаго анализа понятія постояннаго нейтралитета, а путемъ признанія за заранѣе и въ другой связи опредѣленнымъ содержаніемъ значенія вывода изъ этого понятія. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что съ точки зрѣнія общихъ идей, господствовавшихъ въ ту минуту въ Европѣ, такое пониманіе вполнѣ послѣдовательно и логично. Слѣдуетъ ли отсюда, что возникшая въ 1823 году доктрина сдѣлалась международно обязательною, т.-е. обязательной для Швейцаріи и другихъ государствъ, можно ли сказать догматически, что изъ постояннаго нейтралитета Швейцаріи дѣйствительно вытекали тѣ обязанности, которыя составляютъ содержаніе конклузума 1823 г. Формально, конечно, этотъ конклузумъ есть актъ внутренняго швейцарскаго права, изъ котораго никакихъ международныхъ обязанностей Швейцаріи вытекать не можетъ. Вопросъ однако, не въ этомъ: конклузумъ признаетъ, что изгнаніе революціонеровъ и цензура надъ отношеніемъ швейцарской печати къ событіямъ въ другихъ государствахъ является требованіемъ провозглашеннаго Европой постояннаго ея нейтралитета; можно ли видѣть въ этомъ актъ признанія Швейцаріей новаго толкованія, дѣлающаго это толкованіе для нея обязательнымъ. Въ пользу утвердительнаго отвѣта говоритъ тотъ фактъ, что конклузумъ былъ оффиціально швейцарской властью сообщенъ иностраннымъ государствамъ именно въ отвѣтъ на ихъ требованія [8]). Конечно, между-

[8]) Отчетъ президента въ Beylage Litt. C въ Abschied der ordentlichen Eidgenössischen Tagsazung vom Jahr 1824. — Что конклузумъ былъ актомъ признанія новаго толкованія швейцарскаго нейтралитета, подтверждается еще и тѣмъ, что именно на это обстоятельство ссылались какъ на доказательство необходимости отмѣны конклузума, ограничивающаго суверенитетъ Швейцаріи. Заявленіе Базеля на сеймѣ 1828 года: bis jetzt habe die Schweiz durch jene Verordnung so zu sagen vertragsmässige Verpflichtungen gegen das Ausland übernommen, ohne dass

Digitized by Google

народно-обязательнымъ являлся для нея не законъ 1823 г. во всѣхъ его отдѣльныхъ статьяхъ, а лишь общій его смыслъ. Конклузумъ намѣчаетъ извѣстный путь исполненія Швейцаріей своихъ обязанностей; будетъ ли въ другомъ случаѣ и въ другой моментъ обязателенъ этотъ именно путь исполненія обязанностей, остается дѣломъ свободнаго усмотрѣнія Швейцаріи; важно лишь, чтобы она оставалась нейтральной въ борьбѣ между законными властями другихъ странъ и ихъ подданными, чтобы послѣдніе не могли искать убѣжища на ея территоріи и чтобы Швейцарія не терпѣла поощренія этой борьбы въ своей печати.

4. Дальнѣйшее развитіе международныхъ отношеній Швейцаріи всецѣло подтверждаетъ сдѣланный только что выводъ. Изданный въ качествѣ временной мѣры конклузумъ 1823 г. былъ отмѣненъ, но въ моментъ его отмѣны было заявлено, что въ фактѣ этомъ отнюдь не слѣдуетъ видѣть отказа отъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаетъ на Швейцарію постоянный нейтралитетъ, а лишь установленіе новой формы для исполненія этихъ обязанностей.

Конклузумъ 1823 года не пользовался сочувствіемъ въ Швейцаріи главнымъ образомъ потому, что отнесъ къ компетенціи союза вопросъ, который, по мнѣнію большинства кантональныхъ правительствъ, проникнутыхъ тогда стремленіемъ охранять во что бы то ни стало свой суверенитетъ, прямо къ ней не относился и не былъ предусмотрѣнъ союзной компетенціей. Настойчивость иностранныхъ государствъ въ 1823 г. заставила кантоны принять конклузумъ, но неудовольствіе обнаружилось весьма скоро. Оно не могло однако сразу привести къ отмѣнѣ конклузума, потому что требованія державъ продолжали оставаться прежними. Еще въ 1823 году послѣ принятія конклузума, въ августѣ къ

---

ihr deswegen auch nur die geringste Gegenleistung angeboten worden wäre. Der Fortbestand eines solchen Verhältnisses sey für die Selbstständigkeit und Unabhängigkeit der Schweiz gefährlich.—Abschied der ordentlichen Eidgenössischen Tagsatzung von Jahr 1828, 29 f.

Digitized by Google

кантону, стоявшему во главѣ союза, обращены были суровыя ноты державъ, участвовавшихъ въ Парижской конференціи, требовавшія немедленнаго изгнанія революціонеровъ въ Америку [9]). Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ это требованіе пріобрѣтаетъ характеръ почти рутинный, дѣлается общимъ мѣстомъ инструкцій, съ которыми пріѣзжаютъ въ Швейцарію иностранные представители [10]). Несмотря на то недо-

---

[9]) См. прим. 6.

[10]) Какъ примѣръ, слѣдующая цитата изъ инструкціи графа Нессельроде русскому повѣренному въ дѣлахъ отъ 14 января 1827 года: La Suisse est... un des points sur lesquels repose l'équilibre de l'Europe: le mode d'existence dont elle jouit forme un des éléments du système conservateur qui a succédé à trente années d'orages.... La Suisse aura toujours à craindre que... les nombreux artisans de troubles.. ne cherchent à établir dans son sein le foyer de leur activité coupable. Déjà, au congrès de Vérone, les reclamations du gouvernement sarde ont appelé sur ce danger l'attention des principaux cabinets de l'Europe. Elles ont démontré les graves inconvénients du séjour que feraient en Suisse les hommes contraints de fuir une patrie dont ils avaient conspiré la ruine, et les protocoles du Congrès, ainsi que les décisions subséquentes de la Conférence de Paris ont fixé à cet égard des principes que les autorités helvétiques ne sauraient appliqué avec trop de scrupules et d'exactitude... Les apprehensions des états amis de la paix à l'égard des menées révolutionnaires qui se poursuivaient en Suisse ne sont pas entièrement dissipées, et si aucune preuve matérielle n'atteste encore qu'elle est, en son insu peut être, le centre des sociétés secrètes qui méditent l'insurrection et le régicide, il n'en est point moins vrai que des avertissements répétés et des présomptions de plus d'une espèce ne nous permettent pas de regarder cette opinion comme dénuée de tout fondement. Vous ne manquerez pas, Monsieur, de suivre d'un oeil attentif les indices de ce nouveau péril. Vous ne manquerez pas de le signaler à la vigilance des magistrats appelés à le prévenir. Déclarez leur... que pour offrir le gage d'une heureuse durée l'existence de la Suisse doit être inoffensive.... Le Portfolio, ou collection de documents politiques, IV, Paris, 1837, 163—171. Инструкція была выполнена; въ Bericht von S. E. Herrn Amtsbürgermeister v. Wyss: Präsidenten der Tagsatzung, den 2 Heumonat 1827 erstattet говорится, diesen Aeusserungen (доброжелательность по отношенію къ Швейцаріи) wurde die Erwartung des Russischen Monarchen beigefügt, dass die Schweiz durch treue Beobachtung ihrer erklärten Grundsätze, in Bezug auf Fremdenpolizey und Pressfreyheit, jeder gegründeten Beschwerde von

Digitized by Google

вольство конклузумомъ беретъ верхъ, и полиція иностранцевъ и печати попрежнему переходитъ въ руки кантоновъ. Отмѣна конклузума, совершившаяся на сеймѣ 1829 года, отнюдь не знаменуетъ однако паденія той доктрины объ обязанностяхъ постоянно нейтральнаго, которой выраженіемъ онъ служилъ: конклузумъ признается возможнымъ отмѣнить лишь потому, что исполненіе международныхъ обязанностей Швейцаріи достаточно обезпечивается и контональнымъ законодательствомъ. Противоположная точка зрѣнія никому не приходитъ въ голову; рядъ кантоновъ сознательно и опредѣленно заявляютъ, что постоянный нейтралитетъ обязываетъ ихъ строго слѣдить за иностранцами и за злоупотребленіями печати [11]). Вполнѣ послѣдовательно постановленіе объ отмѣнѣ конклузума говоритъ: «отнынѣ надзоръ и воздѣйствіе въ видахъ прекращенія и наказанія

Nachbarstaaten, zu eigenem Vortheil, sorgfältig vorbiegen werde. Beylage Litt. C. въ Abschied der ordentlichen Eidgenössischen Tagsatzung vom Jahr 1827.

[11]) Ury: Der Stand Ury erkennt die Pflichten, welche die Schweiz mit der durch die hohen Mächte gewährleisteten immerwährenden Neutralität eifrig getrachtet werden solle, alles dasjenige zu verhindern, was den befreundeten Mächten und Nachbarstaaten Anlass zu begründeten Beschwerden gegen die Schweiz geben könnte; und ebenso wie der Stand Ury sich schmeichelt diesem Grundsatz im Vergangenen stets redlich nachgelebt zu haben, wird er denselben auch in der Zukunft mit eidgenössischer Treue und Gewissenhaftigkeit stets befolgen.—Wallis: Toutes les instructions données aux députés du Valais sur le double objet de l'abus de la presse et de la police des étrangers depuis 1823, ont toujours eu pour but de voter dans le sens du Directoire. Le Gouvernement a toujours pensé que la neutralité garantie par les Puissances faisait à la Suisse une obligation d'être neutre sur les affaires politiques de l'Europe...— Bern: Im Interesse der Unabhängigkeit, der Neutralität, des stillen Friedens unserer Eidgenossenschaft muss es liegen, den befreundeten Staaten weder durch die Aufnahme staatsgefährlicher Flüchtlinge, noch durch Angriffe der schweizerischen Druckerpressen auf ihre Regierungen und öffentlichen Einrichtungen, oder auf deren Stellvertreter in der Schweiz, Missstimmung und Uebelwollen zu erregen... Abschied der ordentlichen Eidgenössischen Tagsatzung vom Jahr 1829, 33, 39, 40.

Digitized by Google

злоупотребленій печатнымъ словомъ въ его отношеніи къ дружественнымъ государствамъ и организація хорошей полиціи иностранцевъ падаетъ всецѣло на кантоны, и сеймъ обращаетъ послѣднимъ совѣтъ постоянно помнить въ своихъ законахъ и указахъ высшіе интересы общаго отечества и свято охранять внѣшнія его отношенія» [12]) [13]).

Естественно поэтому, что отмѣною конклузума не заканчивается исторія разбираемой нами доктрины. То новое толкованіе обязанностей постояннаго нейтралитета, которое она заключаетъ, остается попрежнему основнымъ факторомъ международныхъ отношеній Швейцаріи. Какъ только возникаетъ малѣйшій поводъ къ обращенію къ нему, оно появляется на сценѣ [14]). Было бы утомительно останавливаться на каждомъ изъ подобныхъ случаевъ; но необходимо обратить вниманіе на событія 1833—1834 г., благодаря которымъ доктрина 1823 г. возродилась съ новой силой и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлили ея дальнѣйшую судьбу.

Событія эти, представляющія извѣстный историческій интересъ, какъ одинъ изъ первыхъ эпизодовъ въ развитіи революціоннаго движенія въ Европѣ въ прошломъ столѣ-

---

[12]) ibid, 41.

[13]) Доктрина, возникшая относительно обязанностей постоянно нейтральнаго, почти не затрагивается даже въ спеціальной литературѣ. Впервые Schweizer обратилъ на нее вниманіе. Подробное изложеніе его приходитъ, по нашему мнѣнію, къ совершенно неправильному выводу: Indessen ist diese falsche Auffassung nicht so schädlich, weil sie fast nur von einer einzigen Persönlichkeit ausgeht, nur in Reden und Berichten des Präsidenten an die Tagsatzung, nicht in Schriftstücken an die Mächte geäussert wurde, Schweizer, 701; послѣ всего изложеннаго въ текстѣ было бы излишнимъ входить въ полемику съ этимъ выводомъ. Нѣкоторыя указанія можно найти у Hilty, 71 и о позднѣйшихъ эпизодахъ у Tswettcoff, 67—76.

[14]) Такъ представленія по поводу итальянскихъ бѣглецовъ въ Тессинѣ въ 1830 году см. Tillier, Geschichte der Eidgenossenschaft während der Zeit des sogenannten Fortschrittes, I, Bern, 1854, 47 f. и Schweizer, 705 f.

Digitized by Google

тіи, заключались вкратцѣ въ слѣдующемъ [15]). Въ 1833 г. на бернскую территорію перешли изъ Франціи нѣсколько сотъ поляковъ, представлявшихъ болѣе или менѣе организованный военный отрядъ; послѣ нѣкоторыхъ колебаній имъ дано было убѣжище; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мирнаго пребыванія въ Бернѣ, они двинулись небольшими группами по направленію къ Женевскому озеру и съ территоріи Во и Женевы вторглись въ февралѣ 1834 г. вмѣстѣ съ кучкой лицъ другихъ національностей въ предѣлы сардинскаго королевства, съ открыто провозглашеннымъ намѣреніемъ поднять тамъ возстаніе и опрокинуть мѣстное правительство. Намѣреніе это не удалось и черезъ нѣсколько дней отрядъ вернулся въ Швейцарію, успѣвши лишь сорвать близъ границы сардинскій гербъ, разграбить таможню и сжечь ея бумаги. Эта несложная цѣпь событій снова поставила на очередь вопросъ объ отношеніи Швейцаріи къ революціонерамъ и на этотъ разъ въ болѣе рѣзкой, чѣмъ прежде, формѣ, ибо здѣсь территорія ея послужила исходнымъ пунктомъ открытаго предпріятія противъ законныхъ властей сосѣдняго государства, тогда какъ прежде всѣ обвиненія основывались на указаніяхъ гораздо менѣе опредѣленныхъ. Съ точки зрѣнія доктрины 1823 г. совершилось несомнѣнное правонарушеніе, обязанности постоянно нейтральнаго государства были нарушены. По мѣрѣ того, какъ развивались указанныя событія, противорѣчіе ихъ съ доктриной 1823 г. обнаруживалось все яснѣе. Уже самый фактъ пребыванія поляковъ вызывалъ опасенія въ швейцарскихъ кантонахъ. Въ виду отмѣны конклузума 1823 г. дѣло находилось всецѣло въ сферѣ кантональной компетенціи Берна; но уже на сеймѣ 1833 г. вопросъ о полякахъ сдѣлался предметомъ обсужденія, причемъ меньшинство кантоновъ требовало принятія союзныхъ мѣръ, какъ единственно отвѣчающихъ серьезности опасеній, вызываемыхъ пребываніемъ значительной группы опасныхъ иностран-

[15]) Историческая сторона вопроса подробно изложена у Schweizer, 706 ff.

Digitized by Google

цевъ. Мнѣніе это не убѣдило другихъ кантоновъ; большинству казалось, что пребываніе поляковъ имѣетъ вполнѣ безобидный характеръ. Но и представители большинства высказывали, что пребываніе поляковъ въ Швейцаріи сдѣлается дѣйствительно общешвейцарскимъ дѣломъ, когда оно приметъ характеръ опасный для нейтральнаго положенія Швейцаріи, чего пока нѣтъ на лицо [16]). Когда слухи о планѣ эмигрантовъ стали распространяться, опасенія какъ бы Швейцарія, давая убѣжище полякамъ, не нарушила своихъ нейтральныхъ обязанностей, возникли съ новой силой. Стоявшій во главѣ Швейцаріи Цюрихъ потребовалъ отъ Берна высылки поляковъ и мотивировалъ свое требованіе ссылкою на обязанности, возлагаемыя на Швейцарію ея нейтралитетомъ: «первая и послѣдняя обязанность всякаго швейцарскаго органа власти, говорилъ онъ, во что бы то ни стало хранить швейцарскій нейтралитетъ, какъ наиболѣе подходящее средство обезпечить прогрессъ страны, согласный съ потребностями свободной цивилизаціи, и возможность содѣйствовать развитію гражданскаго общества, и поэтому должно быть устранено все, что можетъ угрожать нейтралитету“ [17]).

---

[16]) Der Herr Gesandte von Aargau erachtete insbesondere, dass der Aufenthalt der Polen in der Schweiz erst dann zu einer Bundesfrage werden könne, wenn derselbe einen die neutrale Stellung der Eidgenossenschaft gefährdenden Charakter annehmen würde, was gegenwärtig nicht der Fall sey. Nur unter jener Voraussetzung würde er zu einer Behandlung des Gegenstandes in der Tagsatzung Hand bieten. — Abschied der ausserordentlichen eidgenössischen Tagsatzung im März, April und Mai 1833, 188. На чрезвычайномъ сеймѣ весною 1833 года за союзное рѣшеніе вопроса высказались три голоса (Фрейбургъ, Золотурнъ, Цюрихъ); на очередномъ сеймѣ лѣтомъ того же года меньшинство было значительно больше (Бернъ, Люцернъ, Ваадтъ, Швицъ наружный Базель-деревня, Аарrау, Женева). Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1833, 282.

[17]) Es könne den Einsichten der Regierung des Standes Bern gewiss nicht entgehen, dass es die erste und letzte Aufgabe aller Schweizerischen Behörden sey, die Neutralität der Eidgenossenschaft um jeden Preis zu bewahren, als das geeignetste Mittel, nach den Bedürfnissen einer frei-

Digitized by Google

Послѣ того, какъ набѣгъ эмигрантовъ не удался и всѣ участники его снова оказались въ Швейцаріи, Цюрихъ перенесъ вопросъ о мѣрахъ относительно поляковъ на союзную почву, указывая въ своемъ циркулярѣ всѣмъ кантономъ, что обезпеченный Швейцаріи нейтралитетъ накладываетъ на нее обязанности, которыя она должна свято исполнять, и что эти обязанности очевидно были бы нарушены, если бы швейцарцы допустили, чтобы враждебныя нападенія на сосѣднія государства безпрепятственно и по небрежности надзора приготовлялись на территоріи Швейцаріи и исполнялись съ ея границъ [18]). Опасенія эти были основательны; международная доктрина, созданная десять лѣтъ назадъ, давала въ руки державъ полное основаніе протестовать противъ совершившагося правонарушенія; протесты не замедлили явиться. Смыслъ нотъ, обращенныхъ къ Швейцаріи большинствомъ европейскихъ государствъ (кромѣ Франціи и Англіи) всецѣло опредѣлялся только что указаннымъ аргументомъ и заключалъ въ себѣ два требованія: выслать замѣшанныхъ въ нападеніи на Сардинскую территорію иностранцевъ и принять мѣры къ тому, чтобы

---

sinnigen Zivilisation wahrhaft vorzuschreiten und das seinige beizutragen zu immer grösserer Entwicklung der bürgerlichen Gesellschaft, und dass daher auch alles beseitigt werden müsse, was dieser Neutralität Gefährde bringen, die Stellung der Schweiz zum Auslande verrücken, oder die Wirksamkeit der verfassungsgemässen Schweizerischen Behörden lähmen könnte. — Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1834, 218.

[18]) Ueberdies, getreue, liebe Eidgenossen! theilet Ihr gewiss mit uns die Ansicht, dass die durch Staatsverträge der Schweiz zugesicherte Neutralität uns hienwiederum Pflichten gegen das Ausland auferlegt, die wir getreulich erfüllen sollen. Offenbar aber würden wir diese Pflichten schwer verletzen, wenn wir feindselige Angriffe auf Nachbarstaaten angehindert und ungeahndet im Innern der Schweiz vorbereiten und von ihren Grenzen aus vollführen liessen. — Kreisschreiben an sämmtliche eidgenössische Stände, Zurich, den 22 Heumonat (Февраль) 1834, ibid., 225 f.

Digitized by Google

подобные факты не могли повториться [19]). Въ этихъ требованіяхъ государства оставались вполнѣ послѣдовательными: если постоянный нейтралитетъ Швейцаріи порождалъ для нея обязанности нейтральнаго отношенія къ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ, то этимъ обязанностямъ отвѣчала не только высылка виновныхъ въ Савойскомъ походѣ, но и извѣстныя полицейскія предупредительныя мѣры, по-

---

[19]) Ссылка на нейтралитетъ Швейцаріи дѣлалась въ слѣдующей формѣ. Сардинская нота 27 февраля 1834 года: j'adresse... cette grave communication au Directoire fédéral avec toute la confiance qu'inspire le gouvernement d'un pays qui, ayant reçu de l'amitié de l'Europe une neutralité si précieuse, ne voudrait rien perdre de la haute estime qui lui valut ce bienfait, en refusant à ses voisins les garanties d'une situation paisible qu'ils seront toujours heureux de lui assurer à lui même; ibid, 232 f. — Нота Германскаго союза 6 марта: ...befürchtet der Bund nicht, dass von Seite der Eidgenossenschaft einem Ansuchen entsprochen werde, welches... im Einklange mit der eigenthümlichen Stellung ist, welche die Schweiz im europäischen Staatensysteme einnimmt; ibid, 237. Прусская нота 6 апрѣля: Für jeden Wohlwollenden konnte es nicht anders als schmerzlich seyn, bemerken zu müssen, dass ein Staatenbund, dessen Neutralität von ganz Europa garantirt war, einen Angriffspunkt für alle angrenzenden Länder bildet... ibid, 242. Русская нота $\frac{28 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$: La Russie... a eu constamment à coeur de voir le principe de la neutralité de ce pays respecté au dehors comme par lui même en présence des difficultés que les derniers temps ont amenées en Europe. C'est donc avec une attention sérieuse... que l'Empereur a appris la première atteinte portée à ce principe il y a un an par l'apparition d'une bande moitié armée d'étrangers sur le territoire helvétique. Si la sollicitude de l'Empereur prévoyait alors les résultats d'une telle invasion pour la Suisse, combien S. M. n'a-t-elle pas dû déplorer davantage les progrès d'un complot, dont une nouvelle masse de conjurés se rendaient coupables à l'ombre d'une neutralité qui seulement pour eux devait rester titulaire, tandis qu'elle semblait autoriser l'attaque d'un pays voisin et ami sur une limite associée elle même aux bienfaits d'une sécurité exceptionnelle... ibid, 243 f. По поводу этихъ цитатъ нельзя не замѣтить, что ссылка на постоянный нейтралитетъ не всегда облечена въ точную формулу; это вполнѣ понятно, ибо мы имѣемъ дѣло не съ актами въ строгомъ смыслѣ юридическаго творчества, а съ дипломатическими документами, выражающими извѣстное правосознаніе.

Digitized by Google

добныя, хотя бы тѣмъ, которыя были приняты въ 1823 г. вслѣдъ за тогдашними требованіями государствъ. Но именно на этомъ пунктѣ произошло на этотъ разъ разногласіе. Первое требованіе было исполнено [20]), но второе столкнулось съ совершенно новымъ настроеніемъ швейцарскаго общественнаго мнѣнія: исполненіе его, которое, съ точки зрѣнія доктрины 1823 года, отвѣчало ясной международной обязанности, казалось теперь не соотвѣтствующимъ «суверенитету» Швейцаріи, а обоснованіе его въ нейтралитетѣ недостаточнымъ. Этотъ новый взгдядъ, раздѣлялся далеко не всѣми; стоявшій во главѣ Швейцаріи Цюрихъ держался стараго пониманія обязанностей Швейцаріи, но все же не былъ достаточно силенъ, чтобы рѣшиться сразу исполнить предъявленное въ указанныхъ выше нотахъ требованіе. Въ отвѣтѣ его не содержалось ясно выраженнаго отказа, но все же появилась раньше не встрѣчавшаяся оговорка относительно «права всякаго независимаго государства оказывать убѣжище иностраннымъ выходцамъ, которые держатся спокойно, право, которое Швейцарія умѣла всегда охранять и съумѣетъ охранить и впредь» [21]). Уступить по этому вопросу государства, предъявившія требованія, не захотѣли, и возгорѣлась дипломатическая борьба; когда вторая серія нотъ, обращенныхъ къ Цюриху, осталась попрежнему безъ результата, рѣшено было собрать второе международное совѣщаніе посвященное установленію особыхъ обязанностей постоянно нейтральной Швейцаріи; на этомъ совѣщаніи, имѣвшемъ мѣсто въ Вѣнѣ, рѣшено было принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы побудить Швейцарію вернуться на почву док-

---

[20]) Beschluss der Regierungsraths des eidgenössischen Vorortes Zurich 18 марта 1834 года. — ibid., 231.

[21]) Les Bourgmestres et Conseil d'Etat du canton de Zurich, Directoire fédéral, au Baron de Vignet, Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipitentiaire de Sardaigne en Suisse, le 18 Mars 1834 и другія тождественныя ноты, ibid., 241 ff.

Digitized by Google

трины 1823 г. Угроза этими мѣрами, которыя должны были заключаться въ паспортныхъ и таможенныхъ стѣсненіяхъ на швейцарской границѣ,—такъ называмой «коммерческой блокадѣ», [22]) [23]),—оказалась дѣйствительной: державы получили, наконецъ, тѣ увѣренія, на которыхъ они настаивали.

Если отмѣченному выше новому настроенію въ Швейцаріи и не удалось на этотъ разъ осилить требованія державъ, то оно все же несомнѣнно отразилось на формулировкѣ отвѣта на эти требованія. Въ нотѣ державамъ 24 іюня 1834 г., положившей конецъ спору, Цюрихъ не рѣшается сослаться на швейцарскій нейтралитетъ, а указываетъ «на общія начала международнаго права», предписывающія будтобы исполнить волю иностранныхъ государствъ [24]). Несмотря на такую формулировку Цюрихъ не избѣгаетъ жесткихъ упрековъ на засѣданіи собравшагося вслѣдъ за нотой 24 іюня очереднаго сейма, на которомъ разногласіе между представителями новаго настроенія и защитниками доктрины 1823 года обнаружилось совершенно опредѣленно. Цюрихъ, защищаясь, возвращается къ ссылкѣ на нейтралитетъ союза [25]);

---

[22]) «Коммерческая блокада» какъ средство воздѣйствія на Швейцарію постоянно возвращается въ переговорахъ по Швейцарскимъ дѣламъ. Сошлемся на факты, приведенные на стр. 186. Въ старой швейцарской литературѣ мы находимъ спеціальную брошюру, посвященную вопросу: Sir Francis d'Ivernois, Histoire du blocus hermétique de la Suisse, Genève, 1836.

[23]) О Вѣнской конференціи 1834 года извѣстно еще меньше, чѣмъ о Парижской 1823 года. Документы ограничиваются донесеніемъ швейцарскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ отъ 5 іюня, изложеннымъ у Escher, Politische Annalen, I, 196 f.

[24]) Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1834, 282.

[25]) Von Seite des Herrn Presidenten wurde dieser wichtige Berathungsgegenstand unter den verschiedenen Gesichtspunkten des allgemeinen Völkerrechts, des schweizerischen Staatsrechts und der gegen alle Staaten gleichmässig neutralen Stellung der Schweiz ausführlich beleuchtet und auf die Nothwendigkeit hingewiesen einen Zustand möglichst zu konsolidiren, der geeignet sey, die vertragsgemässe und natürliche Stellung der

Digitized by Google

этотъ аргументъ встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ; рядъ кантоновъ заявляетъ, что сеймъ долженъ обратиться къ державамъ, которыя недавно нападали на Швейцарію, съ дополнительнымъ сообщеніемъ, гдѣ, ссылаясь на отвѣтъ Vorort'a, повторялъ бы, что республика исполнила въ дѣлѣ Савойскаго похода свои обязанности, торжественно протестовалъ противъ всякаго покушенія на независимость Швейцаріи и самымъ опредѣленнымъ способомъ оговорилъ ея права, наконецъ, объявилъ бы угрозу таможенными и паспортными стѣсненіями на границѣ нарушеніемъ международнаго права [26]).

Если на сеймѣ 1834 г. представители новыхъ воззрѣній остались въ меньшинствѣ и доктрина 1823 г. получила тѣмъ новую санкцію, то все же разногласіе, возникшее на немъ по этому вопросу, знаменовало важный моментъ въ исторіи постояннаго нейтралитета Швейцаріи. Теорія, которая учитъ, что прежнее толкованіе обязанностей постоянно нейтральнаго государства противорѣчитъ правамъ Швейцаріи, какъ независимаго государства, формулированная на сеймѣ Люцерномъ, получаетъ огромное распространеніе и дѣлается съ теченіемъ времени однимъ изъ основныхъ догматовъ въ политической жизни и литературѣ Швейцаріи; она съ возрастающимъ успѣхомъ борется съ установленной въ 1823 г. доктриной и послѣ долгихъ усилій одолѣваетъ ее и превращается въ оффиціальную доктрину Швейцаріи [27]).

Schweiz im europäischen Staatensystem und die für dieselbe so wie für alle sie begränzenden Staaten gleichmässig wohlthätigen Verhältnisse des gegenseitigen Wohlvernehmens in jeder Beziehung wahrzunehmen. Ср. заявленія Ури, Швица и Унтервальдена; ibid., 288, 291.

[26]) Заявленіе Люцерна; ibid., 290. Въ томъ же смыслѣ Basel-Landschaft, Genf, Waadt и др.; ibid., 292, 295 ff.

[27]) Въ 1834 году протестъ противъ толкованія 1823 года облекается въ теоретическую формулу въ книгѣ Snell. Das verletzte Völkerrecht an der Eidgenossenschaft, Zurich, 1834. Его содержаніе таково: Система 1823 года есть отказъ отъ независимости Швейцаріи, установленіе протектората державъ; между тѣмъ независимость Швейцаріи вовсе не зависитъ отъ этихъ послѣднихъ; ее создали «Strahl und Morgen-

Digitized by Google

Появленіе этихъ взглядовъ всецѣло измѣняетъ постановку вопроса: въ двадцатыхъ годахъ, когда къ Швейцаріи обращались требованія принять мѣры противъ иностранныхъ выходцевъ, исполненіе этихъ требованій совершалось какъ исполненіе международной обязанности; споръ могъ идти лишь о томъ, союзъ или отдѣльные кантоны принимаютъ эти мѣры; послѣ 1834 г. этотъ внутренній, конституціонный споръ уступаетъ мѣсто другому, по содержанію своему международноправовому: возникаетъ каждый разъ сомнѣніе, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ обязанности принимать мѣры противъ иностранцевъ; вопросъ объ иностранныхъ выходцахъ въ Швейцаріи облекается въ новую осложненную форму.

Особенно характерны пренія на сеймѣ 1836 г.[28]), поводомъ къ которымъ послужило слѣдующее. Революціонное движеніе пріобрѣло въ срединѣ тридцатыхъ годовъ большіе, чѣмъ прежде размѣры, и ознаменовалось политическимъ убійствомъ, совершеннымъ въ окрестностяхъ Цюриха, слѣдствіе по поводу котораго обнаружило намѣреніе революціонеровъ совершить вторженіе въ сосѣднія германскія государства. Положеніе казалось настолько угрожающимъ, что въ іюнѣ 1836 г. Бернъ—Vorort обратился къ кантонамъ съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ указалъ на необходимость «положить однимъ ударомъ конецъ такому положенію, кото-

---

stern», а не дипломаты; только имѣя въ виду эту исконную независимость союза, можно понять постоянный нейтралитетъ его: онъ основанъ на свободномъ договорѣ между Швейцаріей и державами и не можетъ заключать въ себѣ ничего противорѣчащаго этой независимости; нейтралитетъ, пока договоръ существуетъ, можетъ заключаться лишь въ добровольномъ отказѣ Швейцаріи отъ враждебныхъ дѣйствій противъ другихъ государствъ; никакихъ другихъ требованій онъ не оправдываетъ (S. 1 ff., 9 ff., 17 f., 20).

[28]) Мы опускаемъ споры по поводу демонстраціи нѣмцевъ противъ германскихъ государей въ территоріи Берна, вызвавшей протестъ Австріи; Escher, I, 333 ff. Одновременно требованіе о высылкѣ Мадзини; послѣднее было удовлетворено безъ колебаній; ibid., 338

Digitized by Google

раго существованіе можетъ имѣть лишь печальныя и угрожающія для свободнаго и независимаго существованія Швейцаріи послѣдствія» [29]). Съ своей стороны Цюрихъ предложилъ другимъ кантонамъ заключить новый междукантональный конклузумъ въ видахъ упорядоченія вопроса о допущеніи иностранцевъ въ Швейцарію и о высылкѣ ихъ въ случаѣ нарушенія порядка [30]). Вслѣдъ за двумя этими предложеніями къ Vorort'у поступила рѣзкая нота французскаго посла, въ которой говорилось, что Франція настаиваетъ на принятіи сеймомъ самыхъ серьезныхъ мѣръ [31]), а затѣмъ къ союзному президенту послѣдовательно явились посланники всѣхъ другихъ европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и Англіи, чтобы поддержать своего французскаго товарища и настоять на исполненіи его требованій [32]). Инициатива Франціи была особенно знаменательна. Она не принимала никакого участія въ переговорахъ, вызванныхъ «Савойскимъ походомъ». Возвращеніе Франціи въ среду другихъ государствъ возстановляло положеніе 1823 г.; Швейцарія

---

[29]) Kreisschreiben an sämmtliche eidgenössische Stände, Bern, den 22 Brachmonat 1836.—Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1836, 243.

[30]) Ibid., 241.

[31]) l'Allemagne et l'Italie ont le droit de s'attendre à ce que les hommes qui conspirent contre leur repos cessent de recevoir en Suisse un asile dont ils se sont rendus indignes. Mais la France, intéressée à le demander au même titre, est encore en droit de le réclamer au nom de cet intérêt politique qui l'unit à la Suisse et qui la porte sincèrement à désirer que la Confédération helvétique soit tranquille, qu'elle n'entretienne que des relations de bonne harmonie avec toutes les puissances, qu'en un mot, sa situation vis-à-vis de l'Europe soit ce qu'elle doit être, facile, régulière et conforme à la bienveillance dont l'Europe n'a pas cessé d'être animée envers les cantons... Duc de Montebello à M. M. les Avoyer et Conseil d'Etat de la République de Berne, Directoire fédéral, le 18 Juillet 1836; ibid., 244 ff.

[32]) Единственный случай, когда Англія принимала участіе въ этихъ требованіяхъ. Чѣмъ объясняется этотъ отказъ отъ традиціонной политики невмѣшательства, намъ не удалось выяснить.

Digitized by Google

стояла лицомъ къ лицу съ цѣлой Европой. Вопросъ перенесенъ былъ на обсужденіе сейма, гдѣ пренія пріобрѣли сразу же важный принципіальный характеръ.

Представители большинства стояли на почвѣ 1823 года; по словамъ протокола, они находили, что «необходимо принять противъ иностранныхъ выходцевъ мѣры, которыя отвѣчали-бы началамъ международнаго права и швейцарскому нейтралитету и соотвѣтствовали-бы интересамъ общаго отечества и его гражданъ» [23]). Большинство спеціальной комиссіи, созданной для разсмотрѣнія вопроса, еще опредѣленнѣе высказало ту же точку зрѣнія; оно заявило въ своемъ отчетѣ: «если нейтралитетъ и положеніе Швейцаріи въ серединѣ Европы естественно дѣлаютъ ее страною широкаго гостепріимства, то это приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ требованію строго слѣдить за тѣмъ, чтобы обязанности нейтралитета были строго выполнены и договоры и международное право свято исполнялись». Въ согласіи съ этимъ общимъ положеніемъ большинство коммиссіи предлагало издать новый конклузумъ объ иностранцахъ [24]). Меньшинство комиссіи заявило совершенно противоположное: «Жертва, которую хотятъ принести швейцарскому нейтралитету, вызываетъ сомнѣніе. Швейцарія приняла актъ нейтралитета, въ которомъ державы усматривали опору своей будущей политики, а швейцарцы гарантію дальнѣйшаго мирнаго существованія; съ нимъ союзъ принялъ на себя обязанность закрывать свою территорію всякой воюющей сторонѣ въ случаяхъ конфликтовъ и войнъ между другими государствами. Этимъ ограничивается все, что можно

---

[23]) Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1836, 248.

[24]) Wenn die Neutralität und Lage der Schweiz im Mittelpunkte von Europa ihre friedliche Thäler naturgemäss zum Land der Gasttreundschaft machen, so enthalten sie zugleich für dieselbe den ernsten Ruf, streng darauf zu wachen, dass die Pflichten der Neutralität getreu erfüllt, und die Verträge und Völkerrecht heilig geachtet werden. Bericht zu der Eingabe eines Gutachtens der über die Angelegenheit der fremden Flüchtlinge niedergesetzten Tagsatzungskommission; ibid, Beilage Litt. X.

Digitized by Google

безъ натяжки вложить въ понятіе нейтралитета..... Смѣшеніемъ понятій было бы, если бы несчастнымъ дѣйствіямъ отдѣльныхъ лицъ, подлежащимъ вѣдомству суда и полиціи, присвоивалось то значеніе, будто они нарушаютъ установленный европейскими соглашеніями нейтралитетъ. Союзы и договоры потеряли бы всякую цѣнность, если бы обязанности и права, которыя государства взаимно установили и обезпечили, были переносимы на отдѣльныхъ лицъ..... Принять какія-либо союзныя мѣры послѣ французской ноты значило бы признать за норму международнаго права то, что составляетъ лишь неосновательное и вызванное интересами минуты домогательство иностранной дипломатіи» [35]).

Никогда еще противоположность двухъ воззрѣній не

---

[35]) Die Schweiz hat die Transaktion, in der Andere eine Grundfeste ihrer künftigen Politik, die Schweizer ihrerseits eine Garantie für künftige friedliche Existenz erblicken mochten, angenommen; mit ihr übernahm die Eidgenossenschaft die Verpflichtung, in Fällen von Konflikten anderer Staaten oder wirklichen Kriegen ihr Gebiet jeder militärischen Macht zu verschiessen... Das ist's, was mit dem Begriffe der Neutralität zwanglos zusammenhängt: es sind eingegangene völkerrechtliche Verpflichtungen von Staat zu Staat, auf der Grundlage der Gegenseitigkeit. Eine Verwechslung der Begriffe hingegen scheint es zu sein, wenn man missfälligen Handlungen von Einzelnen, die durchaus nur in das Gebiet polizeilicher oder gerichtlicher Ahndung fallen, die Bedeutung beilegt, als stören sie jener, durch europäische Transaktionen gewährleistete Staatenverhältniss der Neutralität. Allianzen und Staatsverträge hören auf noch irgend einen Werth zu haben, wenn man Pflichten und Rechte, die sich die Staaten gegenseitig verheissen und zugesichert haben, auf die Individuen überträgt... ..Referent wünscht ...alles vermieden zu sehen, was auch nur von ferne her der Vermuthung Raum geben könnte, als habe die Schweiz ...ein in auswärtigen Zuschriften so oft erwähntes sogenanntes Völkerrecht anerkannt, das Ermanglung aller rechtlichen Grundlagen seine Fundamente nur in den Eindrücken des Augeblicks und in den ephemeren Schöpfungen der waltenden Diplomatie des Tages zu finden vermag. Minderheitsgutachten der Tagsatzungskommission über die Angelegenheit der Flüchtlinge, mit Bezugnahme auf die allgemeine Stellung der Schweiz zum Auslande, von Landammann Baumgartner, St. Gallen, 1836, 10 f., 8 f., cf. 15.

Digitized by Google

была такъ ясно формулирована; постановка вопроса вызывала необходимость сознательнаго выбора между ними. На сеймѣ еще разъ одолѣла доктрина 1823 г.: мнѣніе большинства коммиссіи было утверждено $13^1/_2$ голосами, и 26 августа 1836 году получилъ законную силу такъ называемай второй конклузумъ объ иностранцахъ. Онъ гласилъ: «Союзный сеймъ, имѣя въ виду, что происки иностранцевъ угрожаютъ внутренней безопасности и спокойствію Швейцаріи, ея нейтралитету и международноправовымъ отношеніямъ къ другимъ державамъ.... постановляетъ—Ст. I. Тѣ эмигранты и другіе иностранцы, которые злоупотребляютъ дарованнымъ имъ кантонами убѣжищемъ и угрожаютъ внутренней безопасности и спокойствію Швейцаріи, ея нейтралитету и международноправовымъ отношеніямъ, должны быть при участіи Vorort'a изгнаны съ швейцарской территоріи. Эта высылка обязательна, хотя бы ей предшествовало уголовное преслѣдованіе. Ст. 2. Слѣдствіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, которое должно производиться тщательно, принадлежитъ кантонамъ, и они исполняютъ на своей территоріи постановленія статьи 1-ой. Съ этой цѣлью они входятъ въ соглашеніе съ Vorort'омъ. Ст. 3. Vorort слѣдитъ за точнымъ быстрымъ и единообразнымъ исполненіемъ ст. 1 и 2 и съ этой цѣлью обращаетъ къ кантонамъ соотвѣтствующія сообщенія и указанія. Конфликты между государственнымъ совѣтомъ Vorort'a и кантонами въ отдѣльныхъ случаяхъ рѣшаетъ первый при участіи союзнаго сейма. Ст. 4. Если кантонъ отказывается или медлитъ изгнать иностранца, когда въ виду предшествующихъ статей это изгнаніе для него обязательно, то Vorort доноситъ о семъ сейму, который поручаетъ немедленное исполненіе рѣшенія союзнымъ органамъ за счетъ виновнаго (fehlbarer) кантона» [86]). Согласно ст. 6 конклузумъ признанъ временной мѣрой.

[86]) Abschied der ordentlichen Tagsatzung des Jahres 1836, 264. Уступкою новому настроенію служилъ принятый сеймомъ рѣзкій отвѣтъ на ноту французскаго посла (29 августа 1836 г.), въ которомъ говорилось: La confédération a montré par des faits qu'elle connaît ses devoirs sans qu'on les lui rappelle et qu'elle les remplit sans qu'on la somme.

Digitized by Google

Отличіе второго конклузума отъ перваго значительно. Если въ первомъ допущеніе иностранцевъ въ предѣлы Швейцаріи ставилось въ зависимости отъ того, были ли послѣдніе снабжены законными документами своихъ національныхъ властей и миссій, т. е. на дѣлѣ представлялъ рѣшеніе вопроса иностраннымъ государствамъ. Второй конклузумъ не содержалъ подобной уступки и сохранялъ за швейцарскими властями свободное опредѣленіе того, представляетъ ли пребываніе иностранца опасный характеръ. Но при всѣхъ различіяхъ своихъ по содержанію оба канклузума являются выраженіями одного и того же пониманія международныхъ обязанностей Швейцаріи. Въ этомъ убѣждаетъ какъ исторія второго конклузума, такъ и самый текстъ его, въ которомъ безспорно признается, что извѣстныя дѣйствія частныхъ лицъ могутъ въ мирное время нарушить нейтралитетъ Швейцаріи или, переводя эту формулу на болѣе точный правовой языкъ, допущеніе Швейцаріей этихъ дѣйствій является нарушеніемъ ея особыхъ международныхъ обязанностей.

Если сопоставить требованія Франціи и второй конклузумъ, то невольно поражаетъ то обстоятельство, что въ первыхъ не содержалось ссылки на швейцарскій нейтралитетъ, между тѣмъ какъ въ исторіи возникновенія второго ссылка эта имѣла опредѣляющее значеніе: доктрина, возникшая по иниціативѣ иностранныхъ государствъ въ 20-хъ годахъ, превращается теперь въ чисто швейцарскую. Это наблюденіе подтверждается судьбой возникшаго вслѣдъ затѣмъ въ 1838 году новаго конфликта. Обстоятельства, ко-

---

Mais elle connaît de même ses droits, que sa position géographique n'affaiblit point Aussi ne saurait elle admettre la prétention que d'autres qu'elle même s'abrogent le droit de faire justice des refugiés qui conspirent en Suisse et de mettre un terme à la tolérance qu'elle exerce. La diète repousserait de la manière la plus énergique une telle violation de la souveraineté fédérale, forte du droit d'un état souverain et indépendant, ainsi que de l'appui de la nation entière... ibid., 275 ff. — О конклузумѣ Langhard, 24.

Digitized by Google

торыя его вызвали, заключались въ томъ, что принцъ Людовикъ Наполеонъ послѣ неудачнаго Страсбургскаго покушенія удаленный въ Америку, вернулся оттуда въ Швейцарію и съ территоріи ея, по наблюденіямъ французскаго правительства, продолжалъ свою агитацію противъ Людовика Филиппа; это побудило Францію категорически и въ крайне рѣзкой формѣ потребовать высылки его изъ швейцарскихъ предѣловъ. Въ качествѣ аргумента въ этомъ требованіи заключалась ссылка на «правила международнаго права въ этой области» [37]). Этотъ нѣсколько неопредѣленный аргументъ замѣнялъ здѣсь всю сложную теорію 1823 г. объ обязанностяхъ швейцарскаго нейтралитета; это не помѣшало однако тому, что во внутренней распрѣ между кантонами, которая была вызвана французскимъ требованіемъ, эта теорія снова нашла защитниковъ. Вопросъ представлялъ нѣкоторую сложность, ибо неясною была національность принца Людовика Наполеона. Уже давно онъ получилъ почетное званіе гражданина кантона Тургау; правда при этомъ онъ не исполнилъ необходимаго по законодательству этого кантона для натурализаціи условія—не отказался отъ французскаго подданства. Часть кантоновъ признавала его швейцарскимъ подданнымъ и на этомъ основаніи отвергала требованія Франціи. Другая часть отказывалась признать это; среди представителей этого воззрѣнія и возникъ тотъ споръ, который характеризуетъ весь этотъ періодъ въ развитіи разсматриваемаго нами вопроса. Нѣкоторые кантоны защищали точку зрѣнія 1823 года; Швейцарія, говорили они, должна исполнять обязанности, возлагаемыя на нее постояннымъ нейтралитетомъ, и не должна слѣдовательно терпѣть, чтобы съ ея территоріи подготовлялись нападенія противъ

[37]) Les règles du droit des gens en pareille matière. Duc de Montebello à L. L. E. E. M. M. les Avoyer et Conseil de l'Etat du Canton de Lucerne, Directoire Fédéral, 1 août 1838. Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1838, I. Theil. Beilage Litt. PP. Нѣкоторые документы опубликованы въ Martens-Murhard, N. R., XV, Göttingen, 1840, 688—695.

Digitized by Google

другихъ государствъ [38]); другіе становились на почву теоріи меньшинства коммиссіи 1836 г. Это разногласіе не получило въ данномъ случаѣ даже того рѣшенія, которое можетъ дать голосованіе: вопросъ разрѣшился добровольнымъ отъѣздомъ Людовика Наполеона изъ Швейцаріи.

5. Этимъ собственно говоря заканчивается исторія созданной въ 1823 г. своеобразной интерпретаціи постояннаго нейтралитета Швейцаріи. Мы указали въ началѣ, что эта интерпретація являлась произведеніемъ того общаго пониманія взаимныхъ отношеній державъ, которое характеризуетъ эпоху конгрессовъ. Революціонное движеніе тридцатаго года поколебало въ извѣстной степени это пониманіе. Идея общеевропейской коалиціи противъ революціонеровъ, породившая доктрину Парижской конференціи 1823 г., не могла не потерять части своей силы послѣ признанія монархіи Людовика Филиппа и независимости Бельгіи, но концертъ европейскихъ державъ все же не былъ окончательно разрушенъ и жизненная сила консервативной теоріи международнаго права продолжала обнаруживаться въ цѣломъ рядѣ областей: въ частности Швейцаріи пришлось снова испытать ея силу въ тридцатыхъ годахъ, когда доктрина 1823 г. воскресла съ новой силой. Тѣмъ не менѣе паденіе консервативной теоріи было неизбѣжно, и событія 1848 г. положили окончательный предѣлъ ея существованію. Къ концу сороковыхъ годовъ относятся послѣднія событія, носящія на себѣ слѣды этой теоріи (вмѣшательство державъ въ

---

[38]) Waadt: La neutralité... exige que l'Etat neutre ne tolère pas sur son territorie des attaques dirigées contre un état avec qui il est en relation...; ibid., 10; Neuchâtel: Aux principes généraux du droit des gens se joint pour la Suisse le devoir spécial que lui impose sa neutralité. Cette neutralité que les Puissances de l'Europe ont reconnue et qui fait la base de ses rapports avec elles, ne permet pas qu'en prenant fait et cause pour un prétendant elle soutienne un parti politique qui compromet la sûreté d'un Etat voisin; въ томъ же духѣ Ury, Unterwalden, Zug и др.; тотъ же аргументъ, но другое рѣшеніе его въ виду признанія швейцарскаго подданства Наполеона Schaffhausen; ibid., II, Theil., 24, 5 ff., 13 ff.

Digitized by Google

пользу Sonderbund'a, участіе Россіи въ подавленіи венгерскаго возстанія). Вмѣстѣ съ консервативной теоріей теряетъ почву и доктрина 1823 г.; правда, ссылка на швейцарскій нейтралитетъ, какъ обоснованіе требованій въ дѣлахъ объ иностранныхъ выходцахъ, продолжаетъ эпизодически появляться, но она поддерживается лишь единичными государствами и не въ силахъ собрать вокругъ себя голоса всей Европы, превратиться въ общеевропейскую, всѣми признанную доктрину, какъ то было въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ.

Первое появленіе стараго аргумента въ этой новой формѣ отдѣлено отъ 1838 г. долгимъ рядомъ лѣтъ. Въ теченіе сороковыхъ годовъ не возникало, повидимому, поводовъ къ новой постановкѣ вопроса объ иностранныхъ выходцахъ въ Швейцаріи: когда въ 1848 г., въ связи съ революціоннымъ движеніемъ въ Италіи и Германіи, этотъ вопросъ возникъ, онъ принялъ совершенно иной характеръ. Движенія выразились на этотъ разъ въ междуусобныхъ и международныхъ войнахъ, которыя ставили для Швейцаріи вопросъ о нейтралитетѣ въ его чистой и ясной формѣ, какъ обязанность не вмѣшиваться въ отношенія двухъ воюющихъ сторонъ. Нужно было наступить періоду успокоенія 50-хъ годовъ, прежде чѣмъ могъ возникнуть старый вопросъ объ обязанностяхъ нейтральной Швейцаріи въ мирное время.

Къ этому времени успѣла значительно измѣниться та внутренняя правовая обстановка, въ которой рѣшался въ Швейцаріи этотъ вопросъ. Несмотря на то, что второй конклузумъ просуществовалъ лишь до 1838 г. [39]) и въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія полиція иностранцевъ перешла снова въ руки кантоновъ, все же при созданіи но-

[39]) Отмѣна въ Tagsatzungsbeschluss 5 сентября 1838 года; ibid., I. Theil, 401. По поводу отмѣны переписка между Австріей и союзомъ: Австрія выразила надежду, что съ отмѣною конклузума Швейцарія будетъ всегда исполнять обязанности «que le droit des gens impose à un degré égal aux états formant la grande association européenne»; Vorort поспѣшилъ рекомендовать это кантонамъ. Martens-Murhard, N. R., XV, 734 ff.

Digitized by Google

вой конституціи 1848 г. опытъ предшествующихъ десятилѣтій не прошелъ безслѣдно и права союзной власти въ этомъ отношеніи были значительно расширены статьею 57 этого акта, перешедшей безъ измѣненія въ конституцію 1874 г. (ст. 70) [40]). Этимъ устраненъ былъ внутренній споръ о компетенціи между союзной и кантональными властями, который постоянно сопровождалъ требованія относительно иностранцевъ; союзной исполнительной власти дано было право, благодаря которому она могла быстро устранять всякій поводъ къ международнымъ столкновеніямъ, не прибѣгая къ прежней сложной процедурѣ сеймоваго рѣшенія вопроса; союзъ широко пользовался этимъ орудіемъ, удаляя изъ Швейцаріи, въ большинствѣ случаевъ по собственной иниціативѣ, опасныхъ для внѣшней безопастности страны иностранцевъ, и благодаря этому поводы къ возникновенію международныхъ споровъ по этому вопросу возникали сравнительно рѣдко, а слѣдовательно, рѣдки были случаи, когда ссылка на обязанности постоянно нейтральнаго, насъ интересующая, могла находить себѣ примѣненіе [41]).

Намъ придется остановиться на двухъ конфликтахъ, возникшихъ по поводу пребыванія въ Швейцаріи иностранныхъ выходцевъ послѣ 1848 года. Первый изъ нихъ возникъ въ пятидесятыхъ годахъ съ Франціей, второй въ восьмидесятыхъ съ Германіей. Въ обоихъ этихъ случаяхъ

---

[40]) Dem Bunde steht das Recht zu, Fremde, welche die innere und äussere Sicherheit der Eidgenossenschaft gefährden, aus dem Schweizerischen Gebiete wegzuweisen. По поводу этой статьи нельзя не замѣтить, что формула ея отличается отъ формулъ права высылки въ большинствѣ другихъ государствъ Европы: основаніемъ къ высылкѣ нарушеніе «внѣшней безопасности» признано, кромѣ Швейцаріи, лишь въ Баденѣ и Румыніи. На статьѣ 57 несомнѣнно отражается ея происхожденіе изъ международныхъ столкновеній Ср. Martitz, Internationale Rechtshilfe in Strafsachen, I, Leipzig, 1888, 29, n. 28; Langhard, 113 ff.

[41]) Практика высылки иностранцевъ приведена у Langhard, 83 ff. Ср. также Salis, Schweizerisches Bundesrecht, I, Bern, 1891, 235 f.— Къ исторіи международныхъ переговоровъ по поводу иностранцевъ: см. между прочимъ Tocqueville, Souvenirs, 1893, 375 ss.

Digitized by Google

названныя государства настойчиво пытались обосновать тотъ тезисъ, который характеризуетъ эпоху старыхъ споровъ.

Послѣ государственнаго переворота 1851 г. въ Швейцаріи собралось значительное количество французскихъ республиканцевъ. Въ началѣ 1852 г. французскій посланникъ обратился съ протестомъ по этому поводу, мотивированнымъ тѣмъ, что Швейцарія допускаетъ открытый заговоръ французскихъ выходцевъ противъ внутренняго порядка и безопасности его страны. Онъ предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ практическій выходъ, чтобы Швейцарія, допуская или не допуская убѣжище французскихъ подданныхъ, руководствовалась его указаніями, ибо французская миссія одна можетъ знать, кто изъ нихъ дѣйствительно опасенъ для спокойствія Франціи. Это нѣсколько наивное указаніе не убѣдило швейцарское правительство, и оно твердо отклонило домогательство. Тогда французскій посланникъ перенесъ дѣло на другую почву и заявилъ, что его требованія вполнѣ отвѣчаютъ обязанностямъ постояннаго нейтралитета Швейцаріи и что благодаря поведенію швейцарскихъ властей этотъ нейтралитетъ «принимаетъ агрессивный характеръ». Отвѣтъ на эту ноту очень интересенъ: не отказываясь признавать тезисъ объ обязанностяхъ постоянно нейтральнаго въ мирное время, швейцарскій союзный совѣтъ лишь настаиваетъ на томъ, что эти обязанности всегда точнымъ образомъ соблюдались Швейцаріей, и въ данномъ случаѣ факты не подтверждаютъ предъявленныхъ ей обвиненій [42]).

Принципъ, на который ссылалась Франція, не встрѣтилъ возраженій; вся та правовая теорія, которая была въ тридцатыхъ годахъ ему противопоставлена, не нашла себѣ никакого отголоска. Было бы однако неправильно думать,

[42]) Переписка въ Bericht des Schweizerischen Bundesrathes an die hohe Bundesversammlung über seine Geschäftsführung im Jahr 1852. Bundesblatt der schweizerischen Eidgenossenschaft, Jahrgang 1853, II, 14 ff.

Digitized by Google

что она была забыта. Напротивъ того, по мѣрѣ развитія швейцарской политической доктрины она находила себѣ все больше и больше защитниковъ. Послѣдняя слѣдуетъ пути, намѣченному мнѣніемъ меньшинства сеймовой коммиссіи 1836 г. Ея теорія представляетъ необыкновенно простую и ясную форму. Нейтралитетъ государства, говоритъ эта теорія, предполагаетъ войну между двумя или нѣсколькими другими; безъ войны нѣтъ нейтралитета. Постоянный нейтралитетъ есть нейтралитетъ во всѣхъ войнахъ, которыя ведутъ другія государства, не болѣе. Пока войны нѣтъ, постоянный нейтралитетъ не вызываетъ для государства, признаннаго таковымъ, никакихъ послѣдствій и, слѣдовательно, ссылка на постоянный нейтралитетъ въ обоснованіе какихъ бы то ни было обязанностей въ мирное время является непониманіемъ основныхъ свойствъ этого понятія [43]).

Насколько глубокіе корни пустила въ Швейцаріи эта теорія, дѣйствительно подкупающая своей простотой, показало такъ называемое «дѣло Вольгемута», породившее въ 1889 г. серьезное столкновеніе между Швейцаріей и Германіей и къ которому примыкаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій вопроса о соотношеніи обязанностей постояннаго нейтралитета и права убѣжища.

Германскій полицейскій Wohlgemuth, командированный въ Швейцарію для надзора за находившимися тамъ нѣмецкими соціалистами, былъ уличенъ въ шпіонствѣ и высланъ постановленіемъ союзнаго совѣта изъ предѣловъ союза [44]). Германское правительство признало образъ дѣйствія Швейцаріи неправильнымъ и въ рядѣ нотъ пыталась доказать, что союзъ нарушаетъ свои международныя обязанности своимъ

---

[43]) Главный представитель этой доктрины Kaiser. Она высказана имъ уже въ 1875 году; Grundzüge schweizerischer Politik von Dr. Simon Kaiser, Solothurn, 1875, 637 ff., и повторяется въ другихъ сочиненіяхъ, cf. Untersuchungen über die Neutralität der Schweiz, Solothurn, 1894, 5 f.

[44]) Bundesrathsbeschluss vom 30 April 1889; Bundesblatt der Schweizerischen Eidgenossenschaft, Jahrgang 1889, II, 685.

Digitized by Google

отношеніемъ къ нѣмецкимъ революціонерамъ. Помимо другихъ аргументовъ, выдвинуто было еще разъ утвержденіе, что постоянный нейтралитетъ Швейцаріи влечетъ для нея обязательство бороться съ революціонной агитаціей на ея территоріи противъ государственной власти сосѣднихъ державъ [45]). Швейцарія отвергла такія требованія. Мотивировка отказа сводилась къ слѣдующему: «Мы отвѣтили, говорилъ федеральный совѣтникъ Droz что мы не можемъ раздѣлить съ кѣмъ бы то ни было осуществленіе полицейскихъ функцій на нашей территоріи, такъ какъ это необходимый аттрибутъ нашего суверенитета... Мы замѣтили далѣе, что надзоръ и репрессія, поскольку дѣло идетъ объ анархическихъ и революціонныхъ происках, никоимъ образомъ не входятъ въ спеціальныя обязанности Швейцаріи, вытекающія изъ нейтралитета. Мы подчеркнули, что нашъ нейтралитетъ никоимъ образомъ не измѣняетъ нашего суверенитета и что поистинѣ нейтральнымъ можетъ быть только независимое государство»... [46]).

Шумъ, поднятый полемикою по дѣлу Wohlgemuth'a, отразился на всей постановкѣ вопроса о постоянномъ нейтралитетѣ въ швейцарской литературѣ. Все написанное на эту тему послѣ 1889 года дышетъ желаніемъ во чтобы то ни стало бороться съ навязывавшемся Швейцаріи расширеніемъ обязанностей нейтралитета. Охрана неприкосновенности иностранной власти, говоритъ эта литература, не касается особаго международнаго положенія Швейцаріи; все, что она въ этомъ отношеніи дѣйствительно обязана предпринимать, сводится къ извѣстному минимуму, обязательному для любого государства. Всякая попытка обосновать иной взглядъ игнорируетъ, что нейтралитетъ есть отношеніе, расчитанное на время войны и не мыслимое въ мирное время. Важнѣйшимъ

---

[45]) Документы и всѣ подробности у Hilty, Eidgenössische Politik, Gesetzgebung und politische Literatur 1889 въ Hiltys Politisches Jahrbuch 1889, 477—499, 529—530.

[46]) Цит. у Tswettcoff, 74 s.

Digitized by Google

представителемъ такихъ взглядовъ является въ послѣднее время Schweizer, общаго ученія котораго намъ придется еще коснуться и который сознается въ предисловіи къ своей книгѣ, что именно полемика 1889 года повліяла на ея возникновеніе [47]).

Можно вообще признать, что попытка Германіи вернуться къ временамъ Парижской конференціи и конклузумовъ была единогласно отвергнута въ Швейцаріи. Все, что осталось отъ прежде твердаго построенія, сводится въ настоящее время къ указанію, что Швейцарія считаетъ себя связанною въ дѣлѣ борьбы съ революціонерами тѣми нормами, которыми связано всякое другое государство. Есть ли на самомъ дѣлѣ такія нормы и къ чему онѣ сводятся? Оставляя въ сторонѣ доктрину о «правѣ государствъ на уваженіе», которая въ общей литературной своей формулировкѣ столь же мало опредѣленна, какъ и все ученіе объ «основныхъ международныхъ правахъ» [48]), мы должны констатировать, что внутреннее право большинства современныхъ государствъ безспорно исходитъ изъ мысли о необходимости охранять неприкосновенность иностранной государственной власти, и съ этою цѣлью нѣкоторыя дѣйствія во вредъ этой послѣдней приравниваются къ государственнымъ преступленіямъ [49]). Съ этой точки зрѣнія швейцарское заявле-

---

[47]) Кромѣ того, Hilty, Eidgenössische Politik, passim; его же, die Neutralität, 69 f., Tswettcoff, 76 и др.

[48]) Holtzendorff въ Holtzendorffs Handbuch; II, 64 ff.; Rivier, Principes, I, 260 ss.

[49]) Преступленія противъ иностраннаго государства караются въ большинствѣ государствъ: въ Россіи, въ Германіи, Австріи, Голландіи, Испаніи, Португаліи, Италіи, въ рядѣ государствъ Южной Америки; ср. Liszt, Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung, I, Berlin, 1894, 26, 144 f., 197, 516, 551, 593 f.; II, Berlin, 1899, 34, 52, 68 (этотъ списокъ не имѣетъ исчерпывающаго значенія). Уголовная норма обращается въ большинствѣ случаевъ какъ къ иностраннымъ, такъ и къ своимъ подданнымъ.—Liszt, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, 12. und 13. Aufl., Berlin, 1903, 552 f., утверждаетъ, что «die Zugehörigkeit zu der Rechtsgemeinschaft der völkerrechtlich

Digitized by Google

ніе, что она знаетъ только тѣ нормы, которыя извѣстны и другимъ государствамъ, не является безсодержательнымъ. Быть можетъ, не точнымъ было бы лишь категорическое утвержденіе, будто за этими постановленіями внутренняго права кроется въ строгомъ смыслѣ международная норма, т.-е. въ этомъ отношеніи возможны взаимныя требованія отъ одного государства къ другому. Нѣкоторые кодексы, правда, говорятъ о «преступленіяхъ противъ международнаго права» и включаютъ въ число ихъ именно указанныя выше дѣянія, но этого не достаточно, чтобы утверждать, что появленіе такого рода уголовной репрессіи непосредственно вызвано безусловно обязательною международною нормою.

При всемъ томъ аргументація швейцарцевъ сводитъ на нѣтъ все ученіе объ особыхъ обязанностяхъ нейтральныхъ въ области охраны неприкосновенности иностранной государственной власти. Отвергнутое Швейцаріей, оно едва ли можетъ въ настоящее время претендовать на обязательное въ отношеніяхъ ея къ другимъ государствамъ значеніе. Мы знаемъ, что были минуты, когда оно было безспорнымъ. Иностранныя государства не могли и не захотѣли его отстоять, и съ теченіемъ времени оно утратило тотъ

---

geeinten Kulturstaaten verpflichtet jeden einzelnen Staat, Angriffe auf einen der übrigen Staaten, die durch die seiner Gewalt unterworfenen Personen unternommen werden, zu unterdrücken und zu bestrafen». Чтобы доказать такое положевіе, необходимо было бы констатировать существованіе соотвѣтствующаго этимъ международнымъ «обязанностямъ» яснаго требованія; германское право караетъ, напримѣръ, оскорбленіе иностраннаго государя, можно ли заключить отсюда, что упраздненіе этого преступнаго дѣянія въ Германіи было бы нарушеніемъ международныхъ правъ другихъ государствъ? Намъ кажется, что идти такъ далеко невозможно; между тѣмъ съ точки зрѣнія Листа это необходимый выводъ. Самое большее, что можно сказать, сводится къ тому, что между нѣкоторыми государствами дѣйствительно сознательно установлена извѣстная взаимность въ этомъ отношеніи; какъ Россія и Австрія, см. Janka-Rulf, Das österreichische Strafrecht, 3. Aufl., Wien, 1894, 316 n. 1.

Digitized by Google

характеръ «обычнаго» толкованія обязанностей постояннаго нейтралитета, который былъ сначала безспорнымъ.

Этотъ отрицательный результатъ развитія вопроса въ швейцарской практикѣ нельзя признать вообще единственно возможнымъ. Что ученіе 1823 года не было по самому существу своему осуждено на безплодіе, доказываетъ практика другого нейтральнаго—Кракова, приведшая къ совершенно инымъ результатамъ.

6. Статьей VI-ою дополнительнаго договора о Краковѣ на городъ возложена была обязанность не давать убѣжища подданнымъ трехъ сосѣднихъ государствъ. Постановленіе это было результатомъ опасенія Австріи, что Краковъ сдѣлается при дарованномъ ему свободномъ устройствѣ центромъ революціонной агитаціи поляковъ [50]). Настоявъ на участіи коммиссаровъ трехъ государствъ во введеніи въ дѣйствіе конституціи 1815 года, Австрія внесла въ инструкцію имъ [51]) порученіе обезпечить, чтобы городъ не подчинялся давленію извнѣ и не сдѣлался для недовольныхъ изъ другихъ польскихъ земель очагомъ возстаній и революціонной пропаганды. Это настроеніе раздѣлялось и другими державами, и оно было вполнѣ естественнымъ. Раздѣливъ между собою Польшу, три консервативныхъ государства не могли желать, чтобы ихъ политикѣ въ польскихъ владѣніяхъ препятствіемъ служило существованіе не считающагося съ ихъ волею Кракова; въ обще-польскихъ дѣлахъ Краковъ долженъ былъ, на ихъ взглядъ, оставаться вполнѣ равнодушнымъ зрителемъ, довольствуясь предоставленной ему автономіей.

Это желаніе, которое носило чисто политическій смыслъ и которому de jure отвѣчало только узкое требованіе о выдачѣ, предусмотрѣнное ст. VI,—не могло не служить источникомъ ряда конфликтовъ. Краковъ былъ польскимъ государ-

---

[50]) см. выше стр. 99

[51]) изложена у Мартенса, III, 359. О коммиссарахъ Wodzicki, 33 и Нилъ Поповъ, Вольный городъ Краковъ, въ Вѣстникѣ Европы, 1875, I, 483, 499 слл.

Digitized by Google

ствомъ, съ одной стороны, и польскимъ государствомъ, лишеннымъ самостоятельной культурной жизни, съ другой. Центромъ польской національности продолжала оставаться Варшава, и духовная жизнь маленькой республики тяготѣла къ ней. «Краковъ былъ отраженіемъ всего, что творилось на широкомъ лонѣ старой Польши... Его сердце, вся сила его патріотическихъ чувствъ, вся сила воображенія лежала въ Варшавѣ, онъ слѣдилъ за событіями тамъ и принималъ участіе во всѣхъ радостяхъ, во всѣхъ горькихъ слезахъ и докучныхъ страданіяхъ своей младшей сестры; дома онъ жилъ лишь внѣшнимъ образомъ, изъ Варшавы исходило біеніе его надеждъ и политическихъ дерзаній» [52]). Таковъ былъ фактъ. А вотъ каковы были пожеланія сосѣднихъ великихъ державъ: «покрытый щитомъ нейтралитета, предназначенный быть увѣнчаннымъ не военными лаврами, а дубовымъ вѣнкомъ гражданскихъ заслугъ ...краковскій гражданинъ, въ сознаніи своей независимости и съ справедливою гордостью быть обитателемъ свободнаго государства, посвятитъ земледѣлію, торговлѣ, наукамъ и участію въ управленіи всю свою жизнь» (рѣчь австрійскаго коммиссара на торжествѣ передачи конституціи вольнаго города) [53]).

Это исторически вполнѣ понятное противорѣчіе отразилось и на правовыхъ судьбахъ города. По мѣрѣ того, какъ въ сопредѣльныхъ частяхъ старой Польши и прежде всего въ Царствѣ Польскомъ возникали конфликты между поляками и мѣстною властью, измѣнялись и отношенія между отражавшимъ на себѣ эти конфликты Краковомъ и сосѣдними государствами. Показателемъ этого процесса можетъ

---

[52]) Wodzicki, 171—172.

[53]) Rede bey Uebergabe der Verfassungsurkunde der freyen Stadt Krakau den 11 Sept. 1818 von dem zur Organisirung bevollmächtigten Hof-Kommissair Sr. Kaiserl. und Königl. apostolischen Majestät Joseph Grafen v. Sweerts Spork, Krakau, 1818, 28 f.—Cf. Mowa przy uroczystem oddawaniu Konstytucyi wolnego Miasta Krakowa . . przez Ernesta Wilhelma Baron de Reibnitz Pelnomacnego Kommissarza E. K. M. Krola Pruskiego, Krakow, 1818, 12.

Digitized by Google

служить измѣненіе хотя бы русской политики въ Краковѣ къ концу двадцатыхъ годовъ, вполнѣ соотвѣтствующее измѣненію русской политики по отношенію къ Царству; вмѣсто прежнихъ удостовѣреній русскаго резидента, что въ Краковѣ все благополучно, въ его донесеніяхъ появляются постоянныя жалобы на революціонное настроеніе Кракова: онъ жалуется, что краковская полиція плохо слѣдитъ за тайными студенческими обществами, что цензура недостаточно строго относится къ распространенію ложныхъ свѣдѣній о Россіи и т. д. [54]); то же настроеніе проникаетъ и депеши изъ Петербурга. Передъ 1830 годомъ формулируется то обвиненіе противъ Кракова, которое является движущимъ мотивомъ всего послѣдующаго развитія международныхъ отношеній Кракова: Краковская республика терпитъ на своей территоріи сборище недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей въ русской Польшѣ, и послѣдніе дѣлаютъ городъ центромъ своей агитаціи [55]). 1830 годъ окончательно закрѣпляетъ такое обвиненіе. Когда ноябрьскія событія въ Варшавѣ вызвали войну между Россіей и Польшей, для Кракова былъ поставленъ

---

[54]) Rapports de Zarzecki, Cracovie, le 16/28 octobre 1821 и Cracovie, le 27 janvier/8 février 1826; Nesselrode à Zarzecki, 10 mars 1826. Гос. и С. П. Б. Гл. Арх., картоны Cracovie 1820—1828, № 1 и № 2.

[55]) Différentes notions parvenues au Ministère Impérial lui ont appris que la ville libre de Cracovie continue à être le rendez-vous des individus de toute espèce qui affectent d'être mécontents de l'ordre des choses actuellement établi en Europe et surtout dans le Royaume de Pologne, et qui font de cette ville le foyer de leurs intrigues et le théatre de leurs déclamations, . . . que le Sénat de Cracovie leur accorde une dangereuse tolérance . . . Vous voudrez bien . . . confidentiellement faire part de ces observations à M. le Président du Sénat et lui représenter la necessité à faire cesser enfin les inconvénients qui sont contraires aux intentions des cours protectrices, incompatibles avec le repos et le bien être du Royaume de Pologne, et qui ne pourront manquer d'avoir tôt ou tard des conséquences préjudiciables pour la ville libre elle même . . .» Projet de dépêche à M. Zarzecki, approuvé par l'Empereur, signé par le Comte de Nesselrode le 27 Mars 1827. Гос. и С. П. Б. Гл. Арх, картонъ Cracovie 1820—1828, № 2.

Digitized by Google

вопросъ о нейтралитетѣ въ его чистой и простой формѣ [56]). Краковъ не присоединился къ полякамъ, но это рѣшеніе, вызванное совѣтами руководителей возстанія, не могло, однако, сдержать охватившее городъ стремленіе придти на помощь полякамъ царства. Частныя лица въ теченіе всего возстанія оказывали имъ всяческое содѣйствіе, снабжая ихъ деньгами, жизненными припасами и оружіемъ; добровольцы открыто формировали группы для участія въ борьбѣ; правительство не въ силахъ было бороться съ этими явленіями и едва ли хотѣло [57]). Право нейтралитета въ первой половинѣ прошлаго столѣтія не давало яснаго указанія, представляла ли такая терпимость по отношенію къ частнымъ лицамъ нарушеніе Краковомъ нейтралитета въ точномъ значеніи этого слова, но безспорно, что такое положеніе вещей не соотвѣтствовало тому, что желали создать сосѣднія великія державы изъ города. Образъ дѣйствій вольнаго города былъ понятъ Россіей, какъ несомнѣнное правонарушеніе [58]). Пока лѣвый берегъ Вислы оставался въ рукахъ поляковъ борьба съ совершавшимися въ Краковѣ событіями была невозможна, но съ паденіемъ Варшавы русская военная власть

---

[56]) Высказываемое иногда мнѣніе, будто о нейтралитетѣ не можетъ быть рѣчи, когда имѣется гражданская война (напр. Kleen, Lois et usages de la neutralité, I, Paris, 1898, 160), не раздѣляется большинствомъ, которое признаетъ, что и въ такомъ случаѣ возникаютъ тѣ отношенія, которыя понимаются подъ этимъ словомъ; Rougier, Les guerres civiles et le droit gens, Paris, 1903, 414 ss.

[57]) О Краковѣ въ 1830—31 гг. Wodzicki, 406; Поповъ, II, 113 слл.

[58]) Ср, напримѣръ, письмо Паскевича къ Ридигеру цит. у Stcherbatow, Le Feld-Maréchal Prince Paskévitch, t. IV, St. Petersbourg, 1893, 116 ss. Польская политическая литература держится другого воззрѣнія: «Nous ne nierons pas que cet évenement (l'insurrection polonaise) n'ait . . provoqué des sacrifices et des dévouements individuels . . . mais aucun acte public du gouvernement, ni même de la population de Cracovie, ne dénota une participation à l'insurrection polonaise. Une stricte neutralité . . . caractérisa tous les procédés de son Gouvernement . . .» Krolikowski, 33 s.

Digitized by Google

воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы рѣшительно вмѣшаться въ судьбы города. Въ сентябрѣ 1831 года остатки корпуса Рузицкаго, отступая, вторглись на территорію Кракова. Видя въ этомъ окончательное доказательство того, что Краковъ нарушилъ нейтралитетъ [59]), Паскевичъ немедленно отдалъ слѣдующій приказъ: «городъ Краковъ, доставляя полякамъ всякія удобства во время кампаніи, открыто служитъ теперь убѣжищемъ бунтовщикамъ, бѣгущимъ отъ преслѣдованія. Съ согласія покровительствующихъ и союзныхъ державъ повелѣваю... немедленно занять городъ...» [60]). Ближайшая задача занятія Кракова была немедленно достигнута съ уходомъ войскъ Рузицкаго, но причины, которыя ее вызвали, окончательно утвердили сознаніе необходимости дать новое и точное разъясненіе обязанностей Кракова, какъ нейтральнаго, съ тѣмъ, чтобы устранить возможность пользованія территоріей города, какъ центромъ польской пропаганды и убѣжищемъ для политической эмиграціи. Этотъ результатъ достигнутъ былъ въ статьѣ 2 конституціи, выработанной для Кракова въ 1833 году.

Чтобы объяснить себѣ происхожденіе этого законода-

---

[59]) Служилъ ли фактъ вступленія корпуса Рузицкаго въ нейтральный Краковъ нарушеніемъ его нейтралитета? Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо выяснить, какъ отнесся къ этому факту Краковъ. На этотъ счетъ показанія расходятся. Krolikovski, 34 описываетъ такъ: quelques soldats du corps polonais du général Rozycki s'étaient à la vérité refugiés sur le territoire de la république, mais ils y avaient aussitôt déposé leurs armes en déclarant qu'ils traverseraient seulement le pays pour chercher un asile dans la Gallicie autrichienne. У русскихъ историковъ событіе описывается иначе. Stcherbatow, IV, 116 ss.: Rouzicki... franchit la frontière de la province de Cracovie. Profitant de la faiblesse aussi bien que des bonnes dispositions du Sénat de cette ville, il établit à Chrzanovo les débris de son détachement. Quelques historiens affirment que Rouzicki se proposait de placer ses troupes sous la protection du gouvernemnet local, d'attendre que le gros de l'armée polonaise eût gagné le sud, en passant par Plock, et d'opérer alors sa jonction avec elle par Radom et Piotrkow. Обѣ версіи не даютъ возможности обвинять Краковъ въ прямомъ нарушеніи нейтралитета.

[60]) Stcherbatow, ibid.

Digitized by Google

тельнаго текста, давшаго совершенно новый объемъ содержанію понятія постояннаго нейтралитета Кракова, слѣдуетъ имѣть въ виду, что со времени Вѣнскаго конгресса постепенно измѣнялось начальное пониманіе «покровительства» трехъ государствъ надъ Краковомъ и послѣднее превратилось въ активное постоянное участіе въ политической жизни города, сдѣлавшее возможнымъ вносить въ право города помимо воли его органовъ нормы, отвѣчавшія интересамъ «покровителей». Это измѣненіе совершилось слѣдующимъ образомъ. Послѣ того, какъ въ согласіи съ ст. VII дополнительнаго договора 1815 года коммиссары трехъ державъ ввели въ дѣйствіе конституціонный порядокъ въ городѣ, этотъ послѣдній былъ предоставленъ самому себѣ. Инструкція назначенному въ Краковъ русскому дипломатическому представителю констатировала, что временное руководство государственною жизнью города окончено и что продолженіе этого руководства способно принести лишь вредъ республикѣ; дальнѣйшая дѣятельность представителей трехъ государствъ, продолжала инструкція, никогда не должна принимать «характера власти или спеціальнаго покровительства». Несмотря на такое принципіальное отрицаніе права участія въ государственномъ бытіи Кракова, инструкція заключала съ тѣмъ вмѣстѣ зерно и обратныхъ выводовъ: резиденту поручалось наблюдать за тѣмъ, чтобы установленный государственный порядокъ ни извнѣ, ни извнутри не подвергался искаженію и измѣненію [61]). При-

[61]) La Commission a atteint son but, l'Empereur et Roi regarde désormais ses travaux comme terminés et la coopération (si elle devait se prolonger encore) comme plus préjudiciable qu'utile aux intérêts de la république. En qualité de Résident Vous êtes commis par Sa Majesté à l'accomplissement du traité additionnel, de la constitution et des statuts qui la développent... Veiller à leur integrité sera votre premier devoir. Cette integrité consiste dans l'exécution pleine et entière des lois actuelles. Mais ces lois seraient bientôt dénaturées si une influence étrangère pouvait en diriger l'application. Prévenir cette influence malfaisante sera, par conséquent, votre soin ultérieur.. Votre intervention ne doit porter jamais le caractère d'un pouvoir quelconque ou d'une protection spéciale que s'attri-

Digitized by Google

писывая себѣ полномочія по охранѣ неприкосновенности городской конституціи, державы-покровительницы тѣмъ самымъ невольно создавали изъ всякой попытки измѣнить государственный строй города законный поводъ къ вмѣшательству. Такіе поводы не замедлили явиться [62]); рѣшающее значеніе имѣлъ конфликтъ, возникшій въ 1827 г. между двумя главными государственными учрежденіями вольнаго города—сенатомъ и сеймомъ. Конституціонный актъ установилъ высокій имущественный и образовательный цензъ для членовъ законодательнаго собранія; въ серединѣ двадцатыхъ годовъ оппозиція вопреки ясному смыслу конституціи стала выбирать лицъ, не удовлетворяющихъ этому цензу; въ концѣ концевъ она оказалась въ большинствѣ, и ей удалось провести своего кандидата на должность предсѣдателя сената, поставленнаго по конституціи во главѣ исполнительной власти; старый сенатъ призналъ этотъ выборъ незаконнымъ. Для покровительствующихъ государствъ эта борьба не была безразличною: старый сенатъ привыкъ считаться съ волею державъ, въ свое время его назначившихъ, понималъ, что фактическія условія не даютъ точки опоры независимости города; оппозиція, напротивъ того, опиралась на договорный текстъ о «вольности» Кракова, игно-

---

buerait Sa Majesté l'Empereur et Roi. Observateur religieux de ses engagements l'Empereur se renfermera toujours dans les bornes qu'a posées le traité additionnel... Projet d'instructions pour M-r Zarzecki, résident et consul général prés la ville libre de Cracovie, approuvé à Varsovie le 17 (29) avril 1818, signé le 19 avril/1 mai 1818. Гос. и СПБ. Гл. Арх., картонъ Pologne 1818.

[62]) Польскіе писатели видятъ первый актъ вмѣшательства въ измѣненіи въ 1826 году по волѣ державъ Краковскаго университетскаго устава, поводомъ къ которому послужилъ споръ между сенатомъ и университетомъ изъ-за права юрисдикціи надъ учащимися въ Краковѣ и обращеніе перваго къ державамъ-покровительницамъ за рѣшеніемъ этого спора. Случай этотъ, насколько можно судить по имѣющимся въ литературѣ свѣдѣніямъ, повидимому, не вызывалъ принципіальнаго измѣненія въ установившихся между Краковомъ и державами отношеніяхъ; Wodzicki, 52,103 и слѣд.; Krolikowski, 28—30.

Digitized by Google

рировала «три аргусовыхъ глаза» резидентовъ и не признавала необходимымъ считаться съ волею покровительствующихъ державъ [63]). Естественно, что нарушеніе конституціи въ пользу этой оппозиціонной партіи не могло не вызывать въ послѣднихъ мысли о необходимости выступить на охрану гарантированнаго ими основного закона. Это вмѣшательство дѣйствительно послѣдовало: резиденты отъ имени своихъ государей заявили сенату, что они не признаютъ законности выборовъ и требуютъ возстановленія прежнихъ порядковъ [64]). Краковъ не пытался бороться, и старый сенатъ былъ возстановленъ въ своихъ полномочіяхъ. Несмотря на то, признано было невозможнымъ ограничиться такимъ временнымъ удовлетвореніемъ и было рѣшено, что «три августѣйшихъ двора - сопокровителя постановили, въ своей высокой мудрости и въ истинныхъ интересахъ края, что комитетъ въ составѣ президента сената, резидентовъ и сенаторовъ, оставшихся вѣрными конституціи, разработаетъ средства, дабы поставить правительство вновь на путь законности» [65]). Этимъ средствомъ признанъ былъ пересмотръ конституціи. Событія 1830—31 гг. задержали дѣло, но, какъ только это оказалось возможнымъ, конституція

---

[63]) Wodzicki, 371.

[64]) Ноты резидентовъ отъ 15 декабря 1827, 3 января и 25 февраля 1828, напечатанныя у Wodzicki, 382, примѣчаніе, ср. также pièces justificatives у Krolikowski, 122. Русскому резиденту поручено было, сверхъ того, «bien faire entendre aux individus qui se permettraient de fomenter des troubles, que Sa Majesté Impériale ne saurait tolérer de pareilles machinations et qu'il va se concerter avec ses alliés sur les moyens les plus efficaces de les reprimer. Nous espérons qu'une insinuation de cette nature, faite avec énergie et sagacité paralysera l'effet des menées démagogiques qui agitent aujourd'hui la république de Cracovie...» Projet de dépêche reservée à M. Zarzecki à Cracovie, approuvé par S. M. l'Empereur le 4 février 1828, signé par le Comte Nesselrode le 5 février 1828. Гос. и СПБ. Гл. Арх., картонъ Cracovie 1820—1828 № 2. Угроза эта оказалась не нужною, такъ какъ требованіе державъ было исполнено; Zarzecki à Nesselrode, Cracovie, 15/27 février 1828, тамъ же.

[65]) Нота резидентовъ 19 марта 1828 года у Wodzicki, ibid.

Digitized by Google

1815 года была замѣнена новой. Эта конституція, дарованная державами въ 1833 году, рѣзко отличалась отъ прежней. Вѣнская не знаетъ державъ - покровительницъ, и съ ея точки зрѣнія государственная жизнь Кракова протекаетъ de jure внѣ всякой зависимости отъ нихъ. Напротивъ того, конституція 1833 года окончательно узаконяетъ систему постояннаго воздѣйствія державъ. Въ ст. XXIX говорится: «три высокихъ покровительствующихъ двора, гарантируя настоящій конституціонный актъ, оговариваютъ свое право блюсти за его точнымъ исполненіемъ». Въ развитіе этого общаго начала за державами признается право утверждать въ должности предсѣдателя городского сената (ст. VIII) [66]. Такимъ образомъ три государства, въ лицѣ своихъ резидентовъ, являются не только охранителями неприкосновенности конституціи, но и верховными руководителями внутренняго управленія города. Резиденты со времени введенія конституціи 1833 года періодически собираются для обсужденія внутреннихъ дѣлъ города и конференціи ихъ носятъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ характеръ своего рода высшаго органа Краковской государственной власти, «всевластной тріархіи», по выраженію польскаго историка [67].

Благодаря этой перемѣнѣ [68] зависимость Кракова отъ

---

[66]) Французскій переводъ конституціи 1835 года у Krolikovski, 245—264, cf. 35, 60.

[67]) Kalinka, Galicya i Krakow pod panovaniem austryackiem, Dziela, X, Krakow, 1898, 400; cf. Krolikovski, 51 слл.

[68]) На ряду съ этимъ измѣненіемъ въ пониманіи протектората державъ надъ Краковомъ слѣдуетъ отмѣтить еще и то обстоятельство, что другія державы, которыя могли бы своимъ вліяніемъ оказать умѣряющее дѣйствіе на дѣятельность резидентовъ «покровительствующихъ дворовъ», не получили права имѣть своихъ представителей въ Краковѣ. Въ началѣ 30-хъ годовъ, со времени обостренія отношеній между резидентами и городскими властями, начинаютъ постоянно высказываться пожеланія, чтобы Англія и другія государства, подписавшія вѣнскій главный актъ назначили консуловъ въ Краковъ; въ этомъ видятъ гарантію независимости города (см. напр. брошюры: On the appointing a British diplomatic agent to the senate of the free town of Cracow, London,

Digitized by Google

трехъ державъ, сводившаяся по Вѣнскимъ актамъ къ неясному указанію на «покровительство», съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ дѣлается весьма рѣзко выраженною и узаконяетъ измѣненіе по волѣ державъ внутренняго права города. Это непосредственно отражается и на эволюціи тѣхъ отношеній, которыя установлены были провозглашеніемъ постояннаго нейтралитета Кракова. Право постояннаго воздѣйствія на городскія дѣла, которое приписывали себѣ три государства, дало въ руки ихъ средство провести то пониманіе обязанностей Кракова, которое отвѣчало ихъ интересамъ; оно открывало имъ возможность не только осуществлять свои права въ томъ или другомъ случаѣ, но и принципіально опредѣлять обязанности города во внутреннемъ законодательствѣ самого Кракова. Авторитетное толкованіе постояннаго нейтралитета и правъ и обя-

---

1832 и Diplomatic relations with the free town of Cracow, London, 1835); въ 1836 году Англія оффиціально поставила этотъ вопросъ на очередь, но согласія на назначеніе со стороны трехъ государствъ не послѣдовало (ср. рѣчь Пальмерстона въ палатѣ общинъ 17 Августа 1846 года; Hansard, Parliamentary debates, third series, vol. LXXXVIII, 827; дипломатическая переписка не опубликована; ср. Krolikowski, 55 s.). Годомъ раньше въ 1835 году состоялось общее рѣшеніе трехъ державъ не допускать иностранныхъ представителей въ Краковъ (третій пунктъ Теплицкаго протокола 2/14 октября 1835: les trois Cours... réuniront leurs efforts pour empêcher à Cracovie l'exercice de toute influence étrangère contraire à leurs vues, et à cet effet elles ne permettront pas à la république d'accréditer au dehors ou d'admettre chez elle d'autres agens diplomatiques ou consulaires que ceux qui existent déjà; Мартенсъ, Собраніе, IV, 1, 472 слл.); тремъ резидентамъ поручено было потребовать исполненія этого рѣшенія; отмѣтимъ, что отказать въ принятіи иностранныхъ представителей считалось обязанностью города («l'obligation légale où se trouve la ville de Cracovie de refuser l'admission de tout consul étranger»..., «d'après les conditions sur lesquelles se fonde son existence politique la république n'a pas le droit de recevoir des agents autres que ceux des trois puissances protectrices»... Nesselrode à Ungern Sternberg à Cracovie 1 mai 1836; Гос. и СПБ. Гл. Арх., картонъ Cracovie 1836). Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи воля трехъ резидентовъ не встрѣчала никакихъ сдержекъ.

Digitized by Google

занностей его не могло поэтому встрѣчать тѣхъ затрудненій, съ которыми оно сталкивалось въ Швейцаріи, гдѣ въ рукахъ иностранныхъ государствъ былъ лишь путь дипломатическаго воздѣйствія.

Возвращаясь къ сказанному выше, мы можемъ теперь объяснить себѣ, что, когда въ началѣ 30-хъ годовъ ясно намѣчена была цѣль борьбы съ отношеніемъ Краковской власти къ революціонной агитаціи, три государства не преминули воспользоваться пересмотромъ конституціи, чтобы значительно расширить имѣвшееся у нихъ въ силу нейтралитета города право требовать выдачи своихъ подданныхъ.

Статья 2 этой конституціи гласила:

«Такъ какъ состояніе строгаго нейтралитета города Кракова и его области покоится на договорахъ и на отношеніяхъ гарантіи и покровительства, договорно обезпеченныхъ за нимъ тремя высокими покровительствующими дворами, то изъ этого состоянія вытекаетъ:

1° что всякое дѣйствіе, открытое или тайное, и всякое предпріятіе, клонящіяся къ тому, чтобы нарушить или поколебать общественный порядокъ въ государствахъ, находящихся подъ властью одного изъ трехъ государей - покровителей, и всякое соучастіе въ подобныхъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ представляютъ очевидное нарушеніе строгаго нейтралитета, являющагося основнымъ условіемъ существованія страны, и будутъ поэтому разсматриваться, преслѣдоваться и наказываться властями по существующему законодательству наравнѣ съ политическими преступленіями противъ самого города Кракова;

2° (воспроизводится текстъ второй части ст. VI доп. дог. 1815 года—о выдачѣ).»

Если сопоставить только что приведенный текстъ съ актами, посвященными указанію обязанностей Швейцаріи въ мирное время, то мы увидимъ существенную разницу. Она касается главнымъ образомъ средствъ, которыя устанавливаются для осуществленія одинаковыхъ по своему общему смыслу требованій. Въ Швейцаріи рѣчь шла всегда

Digitized by Google

о мѣрахъ полицейскаго характера по отношенію къ иностранцамъ, въ Краковѣ, напротивъ того, обращаются къ уголовной репрессіи. Не довольствуясь правомъ требовать выдачи подданныхъ трехъ державъ, послѣднія заставляютъ Краковъ внести въ основной законъ признаніе дѣйствія во вредъ сосѣднимъ государствамъ политическимъ преступленіемъ, караемымъ по закону [69]). Такое рѣшеніе проблемы представляетъ существенныя удобства въ виду своей опредѣленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ осуществленіе требованій, вытекающихъ изъ нейтралитета, оно вноситъ извѣстное ограниченіе. Дѣло ставится въ исключительную зависимость отъ того, какъ функціонируетъ уголовное правосудіе города; между тѣмъ легко могло статься, что судъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, оказался бы не въ состояніи справиться съ этой задачею; какъ же осуществить тогда то международное требованіе, которому отвѣчаетъ первая часть статьи второй конституціи 1833 года?

Эта задача ставится и разрѣшается тремя государствами въ такъ называемомъ Мюнхенгрецкомъ договорѣ 1833 года по польскимъ дѣламъ, гдѣ, подобно конституціи 1833 года, всѣ дѣйствія, перечисленныя въ ст. 2 краковской конституціи, признаны были нарушеніями нейтралитета города и гдѣ установлены были средства международнаго воздѣйствія на Краковъ въ случаѣ, если указанныя правонарушенія будутъ имѣть мѣсто. Намъ придется еще подробно говорить объ этихъ рѣшеніяхъ, когда мы будемъ устанавливать результатъ международной практики по вопросу о послѣдствіяхъ нарушенія нейтралитета; здѣсь слѣдуетъ лишь отмѣтить, что Мюнхенгрецкій договоръ вводитъ постановле-

[69]) Трудно опредѣлить соотношеніе 1 и 2 пунктовъ ст. 2. Грозитъ ли уголовная кара въ Краковѣ подданнымъ трехъ государствъ, если они совершили упоминаемое въ п. 1 преступленіе противъ своего отечества или они подвергаются ей со стороны отечественнаго суда послѣ выдачи согласно пункту второму? Не знаемъ, какъ разрѣшался этотъ вопросъ на практикѣ; теоретически разрѣшеніе его затруднительно.

Digitized by Google

ніе, въ силу коего три покровительствующихъ государства занимаютъ своими войсками Краковъ всякій разъ, какъ будетъ обнаруживаться неспособность властей города бороться противъ дѣйствій частныхъ лицъ на его территоріи во вредъ сосѣднимъ государствамъ.

Такая мѣра воздѣйствія была дѣйствительно примѣнена къ Кракову черезъ три года послѣ Мюнхенгрецкаго договора; въ 1836 году городъ былъ занятъ войсками и «очищенъ» отъ эмигрантовъ. Этимъ, однако, не удовольствовались покровительствующія государства и вслѣдъ за оккупаціей признано было необходимымъ принять рядъ новыхъ внутреннихъ мѣръ къ тому, чтобы достигнуть исполненія наложенныхъ въ 1833 году на Краковъ обязанностей нейтралитета. Мы ограничимся лишь указаніемъ на основное ихъ направленіе. Надежда, что судебная власть, коей ввѣрена была охрана правъ сосѣднихъ государствъ, справится съ этою задачею, оказалась невыполнимою; теперь усилія направились на созданіе болѣе подходящихъ къ тому органовъ. Въ 1836 году три государства передали городскому сенату принципы реорганизаціи милиціи и полиціи, прибавивъ, что, только принявъ ихъ, вольный городъ докажетъ искренность своего стремленія «исполнить свои обязательства по отношенію къ покровителямъ» [70]). Полицейская власть поставлена была въ полную фактическую зависимость отъ резидентовъ, и составъ ея былъ главнымъ образомъ австрійскій [71]). Права судебной власти ограничены были въ пользу административной: уничтожены были низшія судебныя инстанціи [72]), а высшія подчинены были выс-

---

[70]) Нота 2 Іюня 1836; напечатаны въ интересной коллекціи Le Portfolio ou collection de documents politiques relatifs á l'histoire contemporaine, IV, Paris, 1837, 85—92 (сборникъ дипломатическихъ документовъ, оставшихся въ польскихъ рукахъ послѣ возстанія 1831 года).

[71]) Krolikovski, 79.

[72]) Нота Резидентовъ отъ 9 октября 1837 года у Krolikovski, 200 s.

Digitized by Google

шему административному органу сенату [73]). Спеціальный надзоръ надъ судами въ дѣлѣ преслѣдованія политическихъ преступленій порученъ былъ особой коммиссіи подъ руководствомъ резидентовъ [74]). Если добавить, что сенатъ вольнаго города, выборный по конституціи 1815 года и съ утвержденнымъ державами предсѣдателемъ по конституціи 1833 года, фактически мало-по-малу цѣликомъ подпалъ подъ власть покровительствующихъ государствъ, и республика превратилась такимъ образомъ съ «муниципальную власть, лишенную всякой политической автономіи» (выраженіе русскаго посла въ Вѣнѣ [75])), то станетъ понятнымъ, что исполненіе международныхъ обязанностей, созданныхъ требованіями державъ, превратилось въ безпрекословное послушаніе велѣніямъ верховной власти.

Въ 1846 году, казалось бы, хорошо замиренный Краковъ снова обнаружилъ проявленія настроенія, заставлявшаго опасаться за судьбу созданной въ тридцатыхъ годахъ доктрины. На этотъ разъ правонарушеніе было на взглядъ трехъ сосѣднихъ государствъ настолько тяжкимъ, что послѣдовательно прибѣгли къ военной оккупаціи, а вслѣдъ затѣмъ къ уничтоженію самостоятельности вольнаго города. Къ этимъ событіямъ намъ придется еще вернуться.

Такимъ образомъ здѣсь результатъ практической интерпретаціи договорнаго текста оказался совсѣмъ инымъ, нежели въ Швейцаріи, гдѣ доктрина 1823 года въ концѣ концовъ утратила всякую обязательную силу: въ отношеніяхъ къ Кракову три государства съумѣли настоять на обязательности для постоянно нейтральнаго особой охраны неприкосновенности чужой государственной власти и при-

---

[73]) Krolikovski, 82 ss.

[74]) Миланскій протоколъ 10 сентября/29 августа 1838 года, выдержки у Мартенса, IV, 1, 527.

[75]) Депеша Татищева, 4—16 марта 1836 года, выдержки у Мартенса, ibid.

Digitized by Google

несли въ жертву этой интерпретаціи самое существованіе вольнаго города.

Гдѣ причины этой разницы результатовъ развитія международныхъ отношеній двухъ государствъ, обладавшихъ одинаковою общею договорною характеристикою? На нашъ взглядъ эта разница объясняется слѣдующимъ образомъ. Доктрина объ особыхъ обязанностяхъ нейтралитета возникла въ обоихъ государствахъ въ то время, когда въ Европѣ властвовала консервативная система конгрессовъ, и держалась ею. Чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ скорѣе съ теченіемъ времени исчезала власть этой системы; она держалась гораздо дольше въ восточной Европѣ—въ сферѣ вліянія Россіи, Пруссіи и Австріи. Было указано уже, что въ Швейцаріи съ 30-хъ годовъ инстинктивно начинали сознавать, что общій международный порядокъ, кореннымъ образомъ измѣнившійся послѣ іюльскихъ событій, не давалъ больше твердой поддержки доктринѣ 1823 года; событія оправдывали такое убѣжденіе, и вмѣстѣ съ паденіемъ общихъ условій, породившихъ эту доктрину, пала и самая доктрина. Краковъ, напротивъ того, не пережилъ такого историческаго процесса; до самой своей смерти онъ жилъ въ сферѣ власти старыхъ началъ, и послѣднія обезпечили торжество той интерпретаціи постояннаго нейтралитета, которую мы старались характеризовать выше.

Правильность такого объясненія доказываетъ тотъ знаменательный фактъ, что доктрина объ обязательности для нейтральнаго особой охраны неприкосновенности чужой государственной власти не возникаетъ въ международныхъ отношеніяхъ ни Бельгіи, ни Люксембурга. Было бы ошибочнымъ думать, что общій вопросъ о такой охранѣ здѣсь совсѣмъ не возбуждался; напротивъ того, развитіе его нигдѣ не было болѣе полнымъ, чѣмъ въ Бельгіи, право которой относительно выдачи и высылки начиная съ 30-хъ годовъ служило образцомъ для большинства другихъ государствъ. Нѣсколько разъ вопросъ объ отношеніи Бельгіи къ дѣяніямъ, направленнымъ противъ иностранной власти, служилъ

Digitized by Google

даже предметомъ международныхъ переговоровъ [76]); вопросъ о бельгійской прессѣ, подобно тому какъ это было съ швейцарской въ 20-хъ годахъ, равнымъ образомъ обсуждался международнымъ путемъ [77]); и при всемъ томъ, съ самаго начала существованія самостоятельной Бельгіи вплоть до настоящей минуты, этотъ вопросъ трактовался внѣ всякой связи съ постояннымъ нейтралитетомъ и мы не находимъ того своеобразнаго построенія обязанностей нейтральнаго, которое мы изучали выше [78]). Тоже наблюдается и въ Люксембургѣ [79]).

---

[76]) Исторія вопроса въ Бельгіи блестяще развивается у Martitz, Internationale Rechtshilfe in Strafsachen, II, Leipzig, 1897, 1 ff, 185 ff, 367 ff, 649 ff.

[77]) На конгрессѣ въ Парижѣ 1856 года. Въ историческомъ засѣданіи 8 апрѣля 1856 года Валевскій заявилъ формальную жалобу на «излишества» бельгійской прессы; ему возражалъ первый полномочный Англіи; въ результатѣ конгрессъ записалъ въ протоколъ, что собравшіеся «n'ont pas hésité à flétrir hautement les excès auxquels les journaux belges se livrent impunément». Martens-Samwer, N. R. G., XV, Gottingue, 1857, 753 ss.—Повидимому Бельгіи оффиціально не было сообщено объ этомъ обмѣнѣ взглядовъ; ср. заявленіе бельгійскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ палатѣ 7 мая 1856; Annales parlementaires de Belgique. Session 1855—1856. Chambre des Représentants, Bruxelles, 1856, 1351 s.

[78]) Единственный разъ, насколько мнѣ извѣстно, это утвержденіе промелькнуло въ перепискѣ между Германіей и Бельгіей изъза дѣла Duchesne въ 1875 году, когда первая настаивала на признаніи наказуемымъ покушенія на политическое преступленіе противъ иностраннаго государства. Германскій посланникъ заявилъ тогда: die Verpflichtung aller Staaten, nicht zu dulden, dass ihr Gebiet zur Werkstatt von Anschlägen gegen die Ruhe der Nachbarstaaten und die Sicherheit der Angehörigen derselben gemacht werde, liegt im verstärktem Masse einem Staate ab, der sich des Privilegiums der Neutralität erfreut; zu den stillschweigend vorausgesetzten Bedingungen seiner Neutralität gehört die volle Erfüllung jener Verpflichtung; нота 3 февраля 1875 г.; напечатана въ Annales parlementaires, 1874—1875, Chambre des Repr., 653 f. Бельгія обходитъ молчаніемъ въ своихъ отвѣтахъ это положеніе. Cf. Martitz, II, 668 ff.

[79]) Eyschen, 44.

Digitized by Google

Трудно видѣть въ этомъ простую случайность; на нашъ взглядъ это вполнѣ понятно, и причины лежатъ, конечно, въ тѣхъ самыхъ общихъ условіяхъ, которыя объясняютъ и отмѣченную только что разницу въ результатахъ развитія международныхъ отношеній Швейцаріи, съ одной стороны, и Кракова, съ другой.

Digitized by Google

§ 2.

1. Возникновеніе только что изложенной доктрины объ особыхъ обязанностяхъ постоянно нейтральнаго государства указывало, что предѣлы запрета, наложеннаго на такое государство, легко поддавались расширенію на практикѣ и захватывали иногда такія стороны международнаго оборота, которыя непосредственно не имѣлись въ виду международнымъ законодателемъ при составленіи конститутивныхъ актовъ нейтралитета. Разсматривая причины, вызвавшія этотъ процессъ, мы констатировали совокупность нѣкоторыхъ историческихъ условій, наводившихъ на мысль о существованіи перечисленныхъ выше обязанностей. Но нельзя терять изъ виду и того, что въ самой договорной характеристикѣ, данной Швейцаріи, Кракову, Бельгіи и Люксембургу, была очевидно извѣстная широта, дававшая возможность съ успѣхомъ прибѣгать къ интерпретаціямъ, подобнымъ, напр., данной Парижскими конференціями 1823 года или конституціей вольнаго города 1833 года. Договоры не ограничились узкимъ указаніемъ на запретъ воевать, представляющій центральное значеніе для изучаемаго нами института, а создали представленіе объ особомъ типѣ международнаго лица, отличномъ отъ общаго типа лицъ, участвующихъ въ международноправовомъ оборотѣ. Проводя эту грань между общей правоспособностью и правоспособностью государствъ постоянно нейтральныхъ, договоры естественно не только

Digitized by Google

не затрудняли, но, напротивъ того, значительно облегчали широкую интерпретацію института.

Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что въ исторіи постоянно нейтральныхъ мы увидимъ возникновеніе, кромѣ указанныхъ выше, еще и другихъ обязанностей, расчитанныхъ на исполненіе въ мирное время. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ существованія къ числу такихъ обязанностей отнесена была еще и обязанность воздерживаться отъ заключенія внѣшнихъ союзовъ. Что международная практика могла оріентироваться въ этомъ направленіи, вполнѣ понятно. Политическій мотивъ, руководившій провозглашеніемъ постояннаго нейтралитета государствъ, сводился къ стремленію устранить возможность односторонняго воздѣйствія на слабыя политически единицы со стороны тѣхъ или другихъ болѣе сильныхъ сосѣдей. Признавая эти слабыя государства за исключительно мирныя политическія единицы, державы тѣмъ самымъ естественно приходили къ мысли, что этому положенію должны противорѣчить всякія сдѣлки, направленныя на то, чтобы постояннымъ образомъ связать судьбу нейтральнаго съ судьбою другихъ государствъ и сдѣлать ихъ тѣмъ самымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе сильнаго сосѣда.

Такого рода общая тенденція породила признаніе особыхъ запретовъ въ области заключенія внѣшнихъ союзовъ, устанавливаемыхъ постояннымъ нейтралитетомъ. Появленіе ихъ мы прежде всего можемъ прослѣдить въ исторіи Швейцаріи, но наиболѣе интересные результаты даетъ Бельгія, практика которой заслуживаетъ особаго вниманія.

2. Въ первый разъ вопросъ о союзахъ поставленъ былъ въ Швейцаріи обращеннымъ къ ней предложеніемъ приступить къ акту священнаго союза 14 сентября 1815 г. Извѣстно содержаніе этого послѣдняго: онъ заключалъ въ себѣ провозглашеніе началъ христіанскаго братства и взаимной помощи въ отношеніяхъ между европейскими государями. Когда къ швейцарскому союзу поступила нота русскаго представителя съ указаннымъ приглашеніемъ, среди политическихъ дѣятелей страны возникло колебаніе, до-

Digitized by Google

пустимо ли для Швейцаріи, какъ постоянно нейтральнаго государства, приступленіе къ такого рода союзу. Общій принципъ, которымъ слѣдовало руководствоваться въ данномъ случаѣ, былъ ясенъ для всѣхъ: всякій договоръ, способный обязать Швейцарію примкнуть къ какому бы то ни было соглашенію, преслѣдующему опредѣленныя политическія задачи, казался прямо противорѣчащимъ акту нейтралитета; но неопредѣленность и неясность священнаго союза вызывала сомнѣніе, можно ли въ немъ видѣть подобное соглашеніе. Протоколъ засѣданія сейма, обсуждавшаго этотъ вопросъ, отражаетъ на себѣ такое колебаніе: «несмотря на то, говорится въ немъ, что союзу всего важнѣе охрана его независимости и драгоцѣннаго клейнода его нейтралитета и что поэтому онъ съ крайней осторожностью долженъ относиться къ вступленію въ новыя отношенія къ другимъ государствамъ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ сразу же отклонить доброжелательное предложеніе союзниковъ» [1]). Лишь послѣ того, какъ русскій представитель въ Цюрихѣ заявилъ швейцарскимъ властямъ, что союзъ 14 сентября 1815 г. не противорѣчитъ договорамъ и не измѣняетъ существующихъ отношеній между государствами, въ томъ числѣ конечно и постоянnаго нейтралитета Швейцаріи [2]), сеймъ постановилъ приступить къ предложенному ему союзу. Соотвѣтствующій актъ былъ переданъ русскому представителю. Въ немъ заключалась весьма интересная оговорка.

---

[1]) 29 іюля 1816 года; Abschied 1816, 124.—Французскій посланникъ пишетъ по этому поводу своему правительству: quoique ce pacte n'offre rien en apparence qui puisse donner de l'ombrage à aucun souverain, il n'en est pas moins vrai... qu'il est un peu extraordinaire qu'une Puissance, à l'insu des autres, au moment où toutes les Cours viennent par un acte authentique de reconnaître la neutralité de la Suisse, propose à ce pays un traité d'alliance quelconque. Comte Auguste de Talleyrand au Duc de Richelieu, Berne, 26 janvier 1816; Arch. Aff. Etr., vol, 504, f. 310.

[2]) Нота Барона Крюденера 10 августа 1816 года и его словесныя заявленія у Muralt, 576 ff, 389 f.

Digitized by Google

«Швейцарцы, говорилось въ этомъ актѣ, тѣмъ болѣе готовы уважать права другихъ государствъ и сохранять съ ними тѣсныя отношенія, что имъ всего дороже спокойное пользованіе благами свободы, независимости и драгоцѣннаго нейтралитета, обезпеченнаго за ними послѣдними европейскими договорами. Конфедерація, находя въ сообщенномъ ей союзѣ монарховъ новую гарантію этихъ высокихъ благъ, объявляетъ, что она одобряетъ и признаетъ начала этого союза, какъ наиболѣе спасительныя и необходимыя для счастья народовъ, и что она съ своей стороны свято будетъ исполнять ихъ по разуму христіанской вѣры, предписывающей правительствамъ и отдѣльнымъ лицамъ справедливость, согласіе и взаимное расположеніе» [3]). Въ колебаніяхъ сейма и только что приведенной оговоркѣ впервые намѣчается общая мысль, что постоянно нейтральное государство не свободно въ дѣлѣ заключенія международныхъ договоровъ и что всякая сдѣлка, способная заставить его выйти изъ пассивнаго положенія, предписываемаго актомъ нейтралитета, ему запрещена.

Скоро забытый и никогда не имѣвшій и не могшій имѣть практическаго значенія актъ 14 сентября 1815 г., вмѣстѣ съ актомъ приступленія Швейцаріи, былъ немедленно послѣ появленія своего сложенъ въ архивы и, если и вспоминался когда-нибудь въ Швейцаріи, то лишь какъ неточный символъ для обозначенія консервативной международно-правовой системы эпохи конгрессовъ, покоившейся на самомъ дѣлѣ на совершенно иныхъ основаніяхъ [4]). Болѣе

---

[3]) Напечатана безъ указанія числа въ Abschied der am 7 Heumonat 1817 in Bern zusammengetretenen und am 5. Herbstmonat gleiches Jahres geschlossenen ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung, 2-e Ausgabe, 1847, Anhang Litt. F.

[4]) Меттернихъ былъ совершенно правъ, занося въ свои воспоминанія: la Sainte Alliance... même dans l'esprit prévenu de son auteur ne devait être qu'une manifestation morale, tandis qu'aux yeux des autres signataires de l'acte elle n'avait pas même cette signification... La preuve la plus irréfutable de l'exactitude de ce que j'avance se trouve, à mon avis,

Digitized by Google

глубокій слѣдъ оставили въ исторіи вопроса переговоры, которые Швейцаріи пришлось вести въ 1848 году съ сардинскимъ королевствомъ. Результаты этихъ переговоровъ представляютъ основной прецедентъ, на который опирается швейцарская политическая доктрина, отвѣчая на вопросъ о союзахъ. На этотъ разъ исходный пунктъ лежалъ въ совершенно иномъ, нежели въ 1816 году, кругѣ идей. Радикальная партія только что одолѣла сопротивленіе католическихъ кантоновъ и властвовала неограниченно въ Швейцаріи; задачи этой партіи и ея политическія воззрѣнія связывали ее съ революціонными движеніями въ другихъ странахъ, въ частности съ носителями идеи итальянскаго объединенія.

Когда Сардинія въ 1848 г. стала впервые подъ знамя этой идеи, она естественно обратилась къ Швейцаріи въ надеждѣ найти тамъ откликъ и помощь въ предпринятой ею борьбѣ съ Австріей. Представитель ея обратился въ началѣ апрѣля 1848 года къ стоявшему во главѣ Швейцаріи Берну, предлагая заключеніе политическаго союза съ королевствомъ, если не съ открыто выраженною, то подразумѣвающейся цѣлью борьбы съ австрійцами. Какъ бы предвидя тотъ рѣшающій мотивъ, который заставитъ Швейцарію отклонить это предложеніе, сардинская нота старалась заранѣе его поколебать. «Швейцаріи, говорила нота, стоитъ только

---

dans le fait qu'ultérieurement il n'a jamais été question entre les Cabinets de la «Sainte Alliance» et que jamais il n'aurait pu en être question. Les parties hostiles aux Souverains ont seuls exploité cet acte et s'en sont servis comme d'une arme pour calomnier les intentions les plus pures de leurs adversaires; Mémoires, documents et écrits divers laissés par le Prince de Metternich, I, Paris, 1880, 211. Изучая документы эпохи, мы не могли понять, какъ до сихъ поръ держится въ литературѣ мнѣніе, будто священный союзъ сыгралъ крупную историческую роль. Можно привести массу примѣровъ этой ошибки въ новѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ и въ литературѣ международнаго права; ср. напр.: Malet, La Sainte Alliance et les congrès y Lavisse et Rambaud, X, 65, 67, 69; Heilborn, Das System des Völkerrechts, Berlin, 1896, 356.

Digitized by Google

вспомнить печальную участь Венеціанской республики, объявлявшей въ концѣ прошлаго вѣка свое желаніе остаться нейтральной между воюющими сторонами, чтобы убѣдиться, что подобное поведеніе не соотвѣтствуетъ ни ея достоинству, ни важности протекающихъ событій, которыя застанутъ врасплохъ всякаго, кто, не теряя времени, не сумѣетъ самъ овладѣть ими» [5]). Предложеніе не встрѣтило сочувствія. Что принять его значило разорвать актъ постояннаго нейтралитета, хорошо поняли даже и тѣ немногіе голоса въ сеймѣ, которые высказались за него. Большинство осталось вѣрнымъ акту и вполнѣ послѣдовательно высказалось за неправомѣрность предложеннаго союза и необходимость его отклонить. Въ этомъ же смыслѣ и состоялось постановленіе сейма [6]).

Эти данныя относительно отказа отъ политическаго союза наступательнаго характера съ Сардиніей имѣютъ значеніе потому, что они представляютъ единственный случай, когда этотъ вопросъ въ чистой своей формѣ становился въ международной практикѣ нейтральныхъ. Смыслъ швейцарскаго рѣшенія его совершенно ясенъ. Напрасной придиркою является утвержденіе Hilty [7]), будто тотъ фактъ, что въ швейцарскомъ сеймѣ предложеніе сардинскаго представителя обсуждалось по существу, а не сразу было отвергнуто, противорѣчилъ обязанностямъ постоянно нейтральнаго. Слѣдуетъ, напротивъ того, замѣтить, что даже въ глазахъ меньшинства, защищавшаго предложеніе, противорѣчіе союза съ этими обязанностями было совершенно несомнѣннымъ и, если оно защищало его, то именно потому, что желало вмѣстѣ съ тѣмъ отвергнуть актъ 20 ноября 1815 г., казавшійся ему слишкомъ тѣснымъ для возродившейся съ побѣдою надъ

---

[5]) Le Chevalier Rucchia au Président et Conseil du Canton de Berne, Directoire fédéral, Berne, le 6 Avril 1848; Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1847, III. Theil, 17 f.

[6]) Ibid., 23, 26.

[7]) Hilty, Die Neutralität der Schwez, 70.

Digitized by Google

Sonderbund'омъ Швейцаріи. Было бы, конечно, невозможнымъ утверждать, что принципъ запрещенности наступательныхъ союзовъ прочно и навсегда установленъ именно этимъ прецедентомъ, но нельзя не отмѣтить, что швейцарская политическая литература въ большинствѣ случаевъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и сеймъ 1848 года [8]). Лишь изрѣдка выражаются по этому поводу сомнѣнія. Такъ Schweizer утверждаетъ, что не право, а политическая мудрость запрещаетъ Швейцаріи вступать въ союзы наступательнаго характера, что слѣдовательно заключеніе такого союза не будетъ правонарушеніемъ, а лишь политической ошибкой. Доктрина эта покоится на своеобразномъ пониманіи установленнаго актомъ нейтралитета международнаго положенія Швейцаріи, пониманіи, котораго мы имѣли случай коснуться. Постоянный нейтралитетъ есть обыкновенный нейтралитетъ, который лишь заявленъ и признанъ разъ навсегда для всѣхъ будущихъ войнъ. Пока нѣтъ войны, Швейцарія находится въ совершенно одинаковомъ со всякимъ другимъ государствомъ положеніи; особое ея положеніе проявляется только въ моментъ войны. Отсюда слѣдуетъ, что обязанности и права постояннаго нейтралитета возникаютъ только съ возникновеніемъ войны между другими государствами, а въ частности ни о какомъ ограниченіи для Швейцаріи въ дѣлѣ заключенія союзовъ рѣчи быть не можетъ [9]). Едва ли такая точка зрѣнія правильна. Нѣтъ сомнѣнія, что, провозглашая Швейцарію постоянно нейтральнымъ государствомъ, европейскій конгрессъ имѣлъ въ виду нѣчто бо̀льшее, чѣмъ то, что ему приписываетъ разбираемая теорія; прежде всего несомнѣнно имѣлось въ виду запретить Швейцаріи всякую войну, не только

---

[8]) Hilty, ibid; Tswettcoff, 85; Piccioni, 81.

[9]) S. 96. — Столь же радикальный характеръ носятъ воззрѣнія Kaiser'a. Онъ говоритъ: die Schweiz hat ein unbeschränktes Kriegs— und Bündnissrecht; Untersuchungen, 5; это лишь одинъ изъ выводовъ изъ его общей посылки о необязательности для Швейцаріи акта нейтралитета, который падаетъ вмѣстѣ съ другими. Ср. выше стр. 80 сл.

Digitized by Google

какъ участіе въ войнѣ между третьими державами, но и какъ войну, которую сама Швейцарія пожелала бы вести съ другой державой; терминъ «постоянный нейтралитетъ» можетъ значить лишь одно: «Швейцарія никогда не воюетъ». Если такимъ образомъ приходится отбросить основную посылку Schweizer'a, то тѣмъ самымъ отпадаютъ всѣ остальные его выводы. Разъ Швейцаріи вообще запрещена война, то ей очевидно запрещено въ частномъ соглашеніи обязываться ее вести, и на нее наложено извѣстное ограниченіе въ правѣ заключать союзы съ другими государствами. Это ограниченіе входитъ въ характеристику постояннаго нейтралитета, и безъ него постоянный нейтралитетъ невозможенъ.

Этими немногими замѣчаніями по вопросу о правѣ участія нейтральнаго въ политическихъ союзахъ наступательнаго содержанія [10]) заканчивается исторія этой проблемы въ развитіи не только Швейцаріи, но и другихъ нейтральныхъ; нельзя не отмѣтить бѣдности результатовъ, даваемыхъ въ этомъ вопросѣ практикой международныхъ отношеній. Причина этой бѣдности понятна; исторія атрофировала какъ въ Швейцаріи, такъ и въ другихъ нейтральныхъ всякія поползновенія вести сколько-нибудь активную внѣшнюю политику и давно уже вывела Швейцарію, Бельгію и Люксембургъ изъ числа политическихъ величинъ, входящихъ въ расчеты общей европейской политики.

3. Международная практика Бельгіи не знаетъ прецедентовъ, подобныхъ только что указаннымъ; вопросъ о заключеніи наступательнаго союза никогда не возбуждался въ этомъ государствѣ въ своей чистой формѣ [11]).

---

[10]) Вопросъ объ оборонительныхъ союзахъ связанъ съ общимъ вопросомъ объ охранѣ нейтралитета, который разсматривается ниже.

[11]) Въ началѣ 1855 года въ Бельгіи ходили слухи, что Наполеонъ III предложитъ ей примкнуть къ союзу противъ Россіи подобно тому, какъ то сдѣлала Сардинія. Въ засѣданіи палаты представителей 16 февраля бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что слухъ этотъ не на чемъ не основанъ и прибавилъ: la neutralité n'est

Digitized by Google

Исторія Бельгіи показала, однако, что этой простѣйшей проблемой, не вызывающей особыхъ затрудненій, далеко не исчерпывается общій вопросъ о правѣ постоянно нейтральнаго государства вступать въ сдѣлки, устанавливающія всякаго рода одностороннее воздѣйствіе иностранной державы на нейтральнаго. Полемика, вызванная неоднократно возбуждавшимися проектами присоединенія Бельгіи къ таможенной и затѣмъ къ желѣзнодорожной системѣ Франціи, даетъ въ этомъ отношеніи новый рядъ весьма существенныхъ выводовъ.

Условія чисто экономическаго свойства вызвали появленіе этихъ проектовъ. Самостоятельность, которую Бельгія завоевала въ 1830—1839 гг., представляла для нея большія хозяйственныя невыгоды: ея промышленность лишилась благодаря независимости широкаго рынка, который давали ей прежде голландскія колоніи, и оказалась запертой въ узкихъ для нея границахъ внутренняго рынка. Найти выходъ изъ этого положенія сдѣлалось одной изъ основныхъ государственныхъ задачъ Бельгіи; средствомъ къ тому могъ послужить выгодный торговый договоръ съ однимъ изъ сосѣднихъ государствъ. Первые годы независимости совпадали съ увлеченіемъ идеей таможенныхъ уній. Первые серьезные успѣхи Zollverein'a, слившаго Пруссію и другія нѣмецкія государства въ одну таможенную территорію, нашли себѣ отголосокъ во Франціи и породили весьма распространенный въ серединѣ тридцатыхъ годовъ планъ таможеннаго объединенія съ нею всѣхъ сосѣднихъ мелкихъ государствъ [12]). Въ этихъ планахъ объединеніе Франціи и Бельгіи занимало первое мѣсто. Эта идея не могла не казаться соблазнитель-

point pour la Belgique une situation accidentelle, temporaire, subordonnée aux circonstances... La neutralité belge est permanente, c'est un principe absolu; Annales parlementaires, 1854—1855, Ch. des Repr., 745.

[12]) См. въ опубликованной въ 1837 году въ Revue des Deux Mondes статьѣ Léon Faucher, L'union du Midi (проектъ таможеннаго союза между Франціей, Бельгіей, Швейцаріей и Испаніей), перепечатанной въ книгѣ L'union du Midi par Faucher, Paris, 1842.

Digitized by Google

ной въ Бельгіи, гдѣ потребность найти иностранный рынокъ росла съ каждымъ годомъ. Уже въ 1836 году переговоры на эту тему возникли между двумя государствами: Франція предложила бельгійскому правительству снять прежнюю таможенную границу и раздвинуть предѣлы французской таможенной территоріи до восточныхъ границъ Бельгіи. По поводу этого предложенія въ Бельгіи впервые возникли сомнѣнія по вопросу о допустимости такого объединенія «съ политической точки зрѣнія» [13]). Бельгійское министерство сочло болѣе осторожнымъ отклонить полный таможенный союзъ и предложило торговый договоръ; переговоры о немъ не имѣли успѣха и прекратились. Тѣмъ не менѣе ни планъ союза, ни политическія сомнѣнія, имъ вызванныя, не были забыты: послѣднимъ суждено было вырости въ интересную правовую теорію и повлечь за собой серьезный международный споръ.

Въ самомъ началѣ возобновившихся въ 1840—41 годахъ торговыхъ переговоровъ въ Бельгіи прежнія неопредѣленныя и инстиктивныя опасенія вылились въ болѣе опредѣленный вопросъ, не повлечетъ ли за собою заключеніе таможеннаго союза нарушенія обязанностей постояннаго нейтралитета. Бельгійскій король писалъ, обращаясь къ бельгійскому посланнику, которому поручено было вести переговоры: «форма соглашенія имѣетъ большое значеніе и слѣдуетъ избѣгать названія—таможенный союзъ. Вы должны обсудить вопросъ съ точки зрѣнія политическаго нейтралитета, напримѣръ, въ случаѣ морской войны между Франціей и Англіей» [14]); въ томъ же смыслѣ глава тогдашняго министерства въ Бельгіи спрашивалъ, «не было бы политически

---

[13]) Le Hon au Roi Léopold I, Paris, 14 novembre 1836 y Juste, Les fondateurs de la monarchie belge, Le Comte Le Hon, Bruxelles, 1867, 142; cf. Dechamps, Une page d'histoire. Négociations commerciales avec la France. Union douanière, въ Revue générale, 1869, I, 548.

[14]) Le Roi Léopold à Le Hon, 1 février 1840 y Juste, Le Hon, 182 s.

Digitized by Google

болѣе мудрымъ и предусмотрительнымъ оставить за собой свободу дѣйствій, которая такъ необходима въ нѣкоторыхъ случаяхъ для сохраненія нашего нейтралитета и независимости» [15]). Не совсѣмъ еще ясно выраженное, но несомнѣнно уже существовавшее въ Бельгіи сознаніе противорѣчія заключенія таможеннаго союза съ обязанностями постояннаго нейтралитета раздѣлялось и великими державами Въ разгаръ переговоровъ Англія формально заявила въ Брюсселѣ, что считаетъ «коммерческій союзъ между Франціей и Бельгіей несовмѣстнымъ съ договорами 1831 и 1839 годовъ»; такое же заявленіе сдѣлано было Пруссіей [16]). Въ результатѣ совмѣстнаго дѣйствія этихъ колебаній внутри страны и представленій извнѣ, мысль о томъ, что таможенный союзъ противорѣчитъ постоянному нейтралитету, окончательно укрѣпилась и пріобрѣла болѣе ясную форму. Торговый договоръ дозволенъ, поскольку онъ не сопряженъ съ передачею въ иностранныя руки осуществленія функцій мѣстной власти; между тѣмъ условіемъ заключенія таможеннаго союза Франція ставила передачу въ ея руки управленія таможнями вдоль сѣверо-восточной границы Бельгіи; всякая передача административныхъ полномочій иностранной державѣ запрещена Бельгіи въ силу особаго ея международнаго положенія: постоянно нейтральное государство не должно допускать, чтобы надъ нимъ установилось одностороннее политическое воздѣйствіе, длительнымъ образомъ уменьшающее полноту мѣстной власти; послѣднее заставитъ ее потерять свободу отъ односторонних политическихъ обязательствъ, составляющую необходимое предположеніе постояннаго нейтралитета; подчиненная Франціи, хотя бы въ узкихъ предѣлахъ таможеннаго строя, бельгійская власть

[15]) Lebeau à Le Hon, 20 juillet 1840 у Dechamps, 550 s.; cf. Juste, Les fondateurs de la monarchie belge, Joseph Lebeau, Bruxelles, 1865, 142 s.

[16]) Выдержки изъ англійской ноты 25 декабря 1840 и нѣкоторыя другія подробности (къ сожалѣнію, слишкомъ кратко) опубликованы Dechamps, 552.

Digitized by Google

не можетъ въ случаѣ войны не склоняться на сторону своего постояннаго союзника. Сознаніе, что на почвѣ таможеннаго союза соглашеніе съ Франціей недопустимо, привело къ тому, что переговоры снова не дали никакихъ результатовъ. Вотъ какъ выражаетъ Бельгійскій король общій выводъ этихъ переговоровъ: «Таможенная граница между двумя государствами необходима: вся остальная Европа требуетъ этого ощутительнаго доказательства, что нѣтъ инкорпораціи. Четыре другихъ державы, подписавшихъ нашъ договоръ, уже высказались противъ таможеннаго союза; онѣ объявили, что подобный союзъ положитъ конецъ положенію, которое намъ обезпечено договорами; что нашъ нейтралитетъ прекратится фактически и по праву; что мы превратимся во французскую провинцію, которую державы не будутъ впредь уважать. Въ Бельгіи, гдѣ начинаютъ понимать цѣнность нейтралитета, желаютъ сохранить его и большинство возстанетъ всѣми силами противъ всякой мѣры, которая нанесетъ ему ударъ» [17]).

Сознаніе лежащаго на Бельгіи правового запрета ясно выразившееся въ концѣ переговоровъ 1840—41 годовъ, противорѣчило бельгійскимъ экономическимъ интересамъ, которые влекли ее къ таможенному объединенію съ Франціей. Замѣнить союзъ выгоднымъ торговымъ договоромъ было трудно: облегченіе условій бельгійскаго ввоза эконо-

---

[17]) Le Roi Léopold I à Le Hon, Bruxelles, 27 janvier 1841, у Juste, Léopold I et Léopold II, Rois des Belges, Bruxelles 1878, 570 ss.—Вліяніе на такой исходъ переговоровъ оказалъ и общій международный кризисъ 1840 года, вызванный конфликтомъ по египетскому вопросу. Въ документѣ отъ конца іюля 1840 года тогдашній бельгійскій кабинетъ заявлялъ: il nous a paru à tous que les objections déjà soumises à l'égard d'un arrangement qui pouvait mettre en question, aux yeux de l'Europe, le caractère de neutralité que les traités assignent à la Belgique, empruntaient aux circonstances actuelles, aux éventualités qui semblent menacer la paix générale une nouvelle et très grande importance; рѣчь Lebeau въ палатѣ 6 іюля 1846 г.; Annales parlementaires, 1845—1846, 1845.

Digitized by Google

мически было не выгоднымъ для Франціи и только политическія выгоды, которыя она могла извлечь изъ таможеннаго союза, въ смыслѣ усиленія своего вліянія въ Бельгіи, могли заставить ее это сдѣлать. При этихъ условіяхъ естественно, что Бельгія не могла сразу же примириться съ сознававшимся ею запретомъ и сдѣлала попытку обойти его. Осенью 1841 году она снова обратилась къ Франціи, предлагая ей возобновить переговоры. При этомъ она поставила себѣ цѣлью найти такую форму таможеннаго союза, которая не исключалась бы постояннымъ нейтралитетомъ; такая согласная съ нейтралитетомъ форма въ ея глазахъ была бы на лицо, если бы изъ проектированнаго союзнаго соглашенія выброшены были всѣ условія, которыя вызывали представленіе объ инкорпораціи Бельгіи, въ какомъ бы то ни было отношеніи, въ составъ Франціи. Эта попытка обойти запретъ изложена въ инструкціи, данной бельгійскимъ спеціальнымъ коммиссарамъ, посланнымъ въ Парижъ для переговоровъ [18]). Она говорила: «Матеріальные интересы страны и настроеніе умовъ возлагаютъ на правительство короля обязанность убѣдиться, не можетъ ли быть заключенъ между Бельгіей и Франціей тѣсный торговый союзъ на условіяхъ, выгодныхъ съ торговой точки зрѣнія и съ политической точки зрѣнія согласныхъ съ честью и безопасностью страны». Основными условіями такого союза инструкція признаетъ слѣдующее: во первыхъ, чтобы ни одинъ изъ контрагентовъ не стоялъ въ союзѣ въ положеніи болѣе низкомъ, нежели другой, такъ какъ такое неравенство можетъ повлечь опасныя международныя и внутреннія осложненія для Бельгіи, во-вторыхъ, «чтобы или въ введеніи къ договору или въ заключительной декларації или въ одной изъ статей его было торжественно объявлено, что торговое соглашеніе не наноситъ никакого ущерба независимости и нейтралитету Бельгіи», и, въ-третьихъ, чтобы была сохранена, хотя бы для

[18]) Отъ конца августа 1841 года; напечатана Juste, Les fondateurs de la monarchie belge, Le Comte de Muelenaere, Bruxelles, 1869, 66 ss.

Digitized by Google

незначительнаго количества предметовъ, таможенная линія и чтобы «между обѣими территоріями продолжалъ оставаться внѣшній знакъ существованія и независимости бельгійскаго государства».

Попытка заключить соглашеніе, не противорѣчащее указаннымъ условіямъ и потому самому, по мнѣнію Бельгіи, дозволенное постоянно нейтральному, подобно предшествующимъ, не увѣнчалась успѣхомъ. Совѣщанія между бельгійскими коммиссарами и французскими министрами, происходившія въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ Гизо, обнаружили полное разногласіе. Донесеніе, отправленное въ Брюссель бельгійскими коммиссарами послѣ засѣданія 7 сентября 1841 г., имѣвшаго рѣшающее значеніе, всего лучше характеризуетъ истинный смыслъ этого разногласія. «Въ началѣ засѣданія мы предложили Франціи, говорится въ немъ, соединиться торговымъ и промышленнымъ союзомъ съ Бельгіей на условіяхъ, которыя были бы совмѣстимы съ достоинствомъ, независимостью и нейтралитетомъ послѣдней. Это предложеніе дало поводъ къ длинному и оживленному спору. Аргументы французскихъ министровъ могутъ быть резюмированы приблизительно такъ: въ таможенномъ союзѣ всѣ матеріальныя выгоды извлекаются Бельгіей, всѣ жертвы лежатъ на сторонѣ Франціи; ея пожертвованія велики, огромны; таможенный союзъ даетъ ей лишь одну компенсацію: ростъ ея политическаго вліянія. Чтобы Франція пожертвовала своей торговлей и промышленностью, нужно, чтобы этотъ ростъ вліянія не былъ таинственнымъ, скрытымъ, загадочнымъ; онъ долженъ быть реальнымъ, ощутимымъ, очевиднымъ для всѣхъ; онъ долженъ поражать взоръ. Кромѣ того Франція не можетъ довѣрить другой націи интересы своей казны и охрану наиболѣе дорогихъ отраслей своей промышленности: это равнялось бы отказу отъ суверенитета. Поэтому таможенный союзъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если французскому правительству будетъ принадлежать, по выраженію г. Гизо, полнота исполнительной власти въ отношеніи таможенъ. Исполнительная власть,

Digitized by Google

добавляетъ онъ, это власть предписывать, приказывать и запрещать, право назначать и исключать со службы и т. д. Безъ этого условія, таможенный союзъ неосуществимъ и невозможенъ.—На поставленный въ такой формѣ вопросъ могъ быть лишь одинъ отвѣтъ — отрицательный. Но мы должны благодарить французскихъ министровъ за ихъ откровенность» [19]).

Таможенный союзъ съ оговорками, которыя должны были, съ бельгійской точки зрѣнія, спасти его отъ неправомѣрности, не удался, и Бельгіи пришлось удовлетвориться мало выгодной для нея и узкой торговой конвенціей 16 іюля 1842 года. Успокоиться на ней она не могла и воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы измѣнить ее. Предлагать въ Парижѣ во второй разъ условія, изложенныя въ инструкціи 1841 г. и отвергнутыя Франціей, было невозможно; нельзя сказать опредѣленно, зародились ли въ умѣ бельгійскихъ государственныхъ людей сомнѣнія относительно правильности прежде ясно сознававшагося запрета или они сознательно рѣшились нарушить его, но во всякомъ случаѣ осенью слѣдующаго 1842 г. Бельгія согласилась вступить въ переговоры на почвѣ полнаго таможеннаго объединенія. Французскій проектъ, который послужилъ основой переговоровъ, заключался въ томъ, что Бельгія подчинялась въ основныхъ его частяхъ французскому законодательству относительно таможенъ и косвеннаго обложенія [20]). Онъ составилъ предметъ совѣщаній, происходившихъ какъ и въ 1841 г. въ Парижѣ; эти совѣщанія, приближались къ удовлетворительному окончанію, когда обнаружилось, что, даже если Бельгія безпрекословно приметъ таможенное объединеніе съ Франціей, то его не допустятъ

---

[19]) Ibid., 80 s.

[20]) Содержаніе проекта передается Guizot, Mémoires, VI, 280. Что касается объединенія законодательства о косвенномъ обложеніи, то оно вызывалось, прежде всего, существованіемъ во Франціи табачной монополіи, которую Бельгія должна была бы, конечно, принять.

Digitized by Google

всѣ остальныя великія державы. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ первый заявилъ протестъ противъ союза. Протестъ этотъ, по содержанію своему, былъ аналогиченъ тому, который принесенъ былъ Англіей въ 1840 г. Онъ обращенъ былъ къ Бельгіи и говорилъ, что эта держава въ силу договора 1839 года лишена права заключить таможенный союзъ съ Франціей. Обоснованіе этого протеста было очень своеобразнымъ. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ прибѣгнулъ къ слѣдующей формулѣ: «принципъ нейтралитета будетъ нарушенъ всякій разъ, какъ Бельгія будетъ заключать съ иностранной державой торговыя соглашенія, дѣйствіе которыхъ она не можетъ въ случаѣ надобности распространить на всѣ другія державы» [21]). Такая формула едва ли сама по себѣ удачна: можно представить себѣ дарованіе Бельгіею какому-нибудь одному государству цѣлаго ряда исключительныхъ и не передаваемыхъ другой державѣ выгодъ, въ которыхъ самый придирчивый юристъ не найдетъ какой-либо связи съ постояннымъ нейтралитетомъ; установленіе безъ согласія нейтральнаго такой безусловной clause de la nation la plus favorisée въ пользу всѣхъ державъ въ Бельгіи, конечно, немыслимо. Но внутри ея лежала правильная мысль, что торговый союзъ, сопряженный съ предоставленіемъ исключительныхъ политическихъ выгодъ и исключительнаго политическаго вліянія другой державѣ, запрещенъ постоянно нейтральному. Дипломатическимъ протестомъ въ Бельгіи Англія не удовольствовалась и перенесла споръ на болѣе широкую международную почву: она поставила на обсужденіе остальныхъ трехъ государствъ, подписавшихъ договоръ 1839 г., вопросъ о томъ, совмѣстимъ ли таможенный союзъ съ постояннымъ нейтралитетомъ. Результатомъ этого обращенія были совѣщанія представителей четырехъ державъ въ Лондонѣ.

---

[21]) Письмо Aberdeen'a къ бельгійскому королю 21 октября 1842, извѣстное намъ въ передачѣ Juste. Muelenaere, 91, и Guizot, VI, 281; тамъ же о циркулярной нотѣ Абердина отъ 25 октября 1842 года.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ этихъ совѣщаній; извѣстно только, что въ нихъ возбуждался вопросъ о созваніи вновь прежней Лондонской конференціи по бельгійскимъ дѣламъ, но что въ концѣ концевъ дѣло ограничилось рѣшеніемъ обратиться къ Франціи и заставить ее отказаться отъ проекта таможеннаго союза [22]). Насколько извѣстно, Англія отступила при этомъ отъ того аргумента, къ которому она прибѣгала въ своемъ обращеніи къ Бельгіи: неправомѣрность союза вытекала въ ея глазахъ изъ того, что онъ сопряженъ былъ съ передачею французамъ таможенной администраціи въ Бельгіи; англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ выразилъ французскому послу эту мысль въ такой конкретной формулѣ: «согласитесь, что Англія не можетъ благосклонно смотрѣть на французскихъ таможенныхъ чиновъ въ Антверпенѣ» [23]). Франція оказалась, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ Европою, переговоры съ Бельгіей были прекращены и на дѣлѣ обѣ стороны подчинились точкѣ зрѣнія державъ. Бельгіи не трудно было это сдѣлать, такъ какъ въ сознаніи ея никогда не умирала мысль о неправомѣрности союза, но Франція не согласилась признать теоретическую правильность этой точки зрѣнія Она противопоставила ей совершенно иной взглядъ, который изложенъ былъ въ депешѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Возражая противъ «главнаго аргумента» Англіи, депеша говоритъ: «Независимость и нейтралитетъ Бельгіи будутъ ли, какъ утверждаютъ, разрушены или хотя бы нарушены простымъ фактомъ таможеннаго союза съ Франціей? Да, если условія этого союза наносили бы ударъ политическому суверенитету бельгійскаго короля, если они не сохраняли бы за нимъ полнаго распоряженія всѣми основ-

---

[22]) Объ этихъ совѣщаніяхъ сообщаетъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ бельгійскій бывшій министръ финансовъ Dechamps, 563 s. Они происходили въ ноябрѣ 1842 года.

[23]) Sainte-Aulaire à Guizot, novembre 1842; Guizot, VI, 282.

Digitized by Google

ными для этого суверенитета правами. Нѣтъ, если бельгійскій политическій суверенитетъ оставался бы неприкосновеннымъ и если бы бельгійское правительство сохраняло всегда способность порвать союзъ въ опредѣленный срокъ, какъ только оно сочтетъ его противорѣчащимъ его независимости. Странная независимость, если Бельгія абсолютно лишена,—и это, какъ условіе ея существованія, — права входить въ соглашенія и принимать мѣры, которыя вызываются ея интересами и которыя представляютъ для нея, быть можетъ, жизненное значеніе» [24]). Итакъ, съ точки зрѣнія Гизо, таможенный союзъ противорѣчилъ бы постоянному нейтралитету государства только въ томъ случаѣ, если бы онъ лишалъ его «полноты основныхъ правъ суверенитета» или права отказаться въ будущемъ отъ союза. Если оставить въ сторонѣ вторую часть этого предложенія, очевидно не имѣющую рѣшающаго значенія,—противорѣчіе договорнаго отношенія постоянному нейтралитету могло, конечно, быть на лицо, хотя бы это договорное отношеніе не было заключено «на вѣчныя времена», — то въ теоріи французской депеши мы находимъ въ сущности признаніе той самой точки зрѣнія, которая вызвала въ Бельгіи первыя сомнѣнія въ правомѣрности таможеннаго союза. Разница между ними только количественная, а не качественная; Бельгія разсуждала въ 1841 году такъ: постоянный нейтралитетъ запрещаетъ соглашенія, въ силу которыхъ какія-либо функціи государственной власти осуществляются на бельгійской территоріи иностраннымъ государствомъ; Франція говорила въ 1842 году, что передача «основныхъ» только функцій мѣстной власти въ чужія руки можетъ вызвать неправомѣрность таможеннаго соглашенія.

Во французской политической литературѣ оффиціальная доктрина не находитъ себѣ отголоска. Защищая тотъ же самый конечный выводъ—полную правомѣрность таможеннаго союза—она прибѣгаетъ въ своемъ отрицаніи соотвѣт-

[24]) Guizot, 30 novembre 1842, у Guizot, VI, 285 ss.

Digitized by Google

ствующаго международнаго запрета къ аргументамъ гораздо болѣе яркимъ и болѣе радикальнымъ. Характерна въ особенности вышедшая въ 1842 году книга Léon Faucher, L'union du Midi. Association de douanes entre la France, la Belgique, la Suisse et l'Espagne avec une introduction sur l'union commerciale de la France et de la Belgique. Книга эта произвела въ свое время впечатлѣніе, и ея разсужденія воспроизводятся всѣми послѣдующими защитниками таможеннаго союза между Франціей и Бельгіей. «Постоянный нейтралитетъ запрещаетъ ли Бельгіи, спрашиваетъ себя авторъ, мирные союзы, которые предписываются ей интересами ея торговли и промышленности». Дипломатическіе прецеденты и существо дѣла доказываютъ, что Бельгія имѣетъ полное право ихъ заключать. Обязанность, лежащая на ней въ силу ея постояннаго нейтралитета, имѣетъ совершенно опредѣленныя границы: «державы самымъ опредѣленнымъ образомъ связали Бельгію во всемъ, что касается войны, и тѣмъ самымъ молчаливо признали, что она свободна во всемъ, что касается мира» [25]). Изложенные въ книгѣ Faucher взгляды нашли себѣ отголосокъ не только во французской, но и въ бельгійской политической литературѣ того времени; мы находимъ въ обѣихъ странахъ цѣлый рядъ брошюръ, въ которыхъ тѣми же аргументами защищается безусловная свобода союзовъ [26]).

---

[25]) Faucher, XX, XXI. Доказательства этого общаго положенія въ книгѣ Faucher не особенно сильны. Разрушеніе бельгійскихъ крѣпостей (объ этомъ ниже), говоритъ онъ, указываетъ, что сами державы желали, чтобы Бельгія была «открытою страною», ibid, XX. Кромѣ этого аргумента, сравни еще и другіе, такъ на стр. XXIV: l'établissement, la modification ou même la suppression des tarifs est une prérogative essentielle de la souveraineté. On ne pourrait pas la contester au gouvernement belge sans détruire en même temps cette indépendance que les traités lui ont reconnue, и на стр. XLV: la Belgique peut elle vivre ainsi, sans un point d'appui entre les nations et comme un royaume suspendu en l'air? n'est ce pas déjà trop de sa neutralité politique et faut-il y joindre encore la neutralité commerciale?

[26]) Такъ, De la Nourais, De l'association douanière entre la France

Digitized by Google

Послѣ 1842 года вопросъ о таможенной уніи на долгое время перестаетъ служить предметомъ оффиціальныхъ переговоровъ; въ теченіе сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ Бельгія и Франція ограничиваются простыми торговыми соглашеніями и лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ старый планъ снова всплываетъ. Онъ возникаетъ на этотъ разъ во Франціи, подъ вліяніемъ общихъ условій французской внѣшней политики того времени, опредѣлявшихся стремленіемъ гдѣ-нибудь и въ какой бы то ни было формѣ найти «компенсацію» усиленія сосѣдней Пруссіи. Въ числѣ многочисленныхъ плановъ, въ достаточной мѣрѣ еще не выясненныхъ въ исторической литературѣ, возникавшихъ тогда у правительства Наполеона III, былъ планъ расширенія французскаго вліянія въ Бельгіи; въ качествѣ одной изъ мѣръ для достиженія этой цѣли имѣлось въ виду прибѣгнуть къ установленію коммерческой уніи между двумя странами. Опубликованныя донынѣ очень скудныя данныя позволяютъ догадываться, что французское правительство сначала имѣло въ виду обезпечить благопріятную къ тому международную почву, повидимому, безъ большого успѣха [27]); засимъ въ 1868 году обратилось непосредственно къ Бельгіи, не встрѣтило тамъ сочувствія и взяло свой планъ обратно [28]) Мы не знаемъ,

---

et la Belgique, Paris, 1842, 37 s.; Essai sur l'union douanière de la France et de la Belgique, Liège, 1843 s.; другія указанія въ книгѣ Höfken, Belgien in seinen Verhältnissen zu Frankreich und Deutschland, Stuttgart und Tübingen, 1845, 255 ff., лучше всего рисующей экономическую сторону дѣла.

[27]) Въ депешѣ французскаго посла въ Лондонѣ 19 апрѣля 1867 года мы находимъ указаніе на переговоры по этому вопросу съ Англіей; Le Prince de la Tour d'Auvergne à M. Moustier; опубликовано Rothan L'affaire du Luxembourg. Paris, 1882, 501 s.

[28]) Въ сентябрѣ 1868 года; Van de Weyer, Histoire des relations extérieures, въ Patria Belgica, Bruxelles, 1873, 362. Авторитетность этой работы позволяетъ не придавать особаго значенія отрицанію переговоровъ между Франціей и Бельгіей, сдѣланному оффиціально въ за-

Digitized by Google

какъ мотивировался въ данномъ случаѣ бельгійскій отказъ и не можемъ судить, ставился ли вопросъ о несовмѣстимости союза съ обязанностями постояннаго нейтралитета. Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что въ литературѣ, возникшей по поводу слуховъ объ этомъ союзѣ, этотъ вопросъ подвергался обсужденію, и мы видимъ, что въ 1868 году, какъ и въ 1840—42 годахъ, мнѣнія раздѣляются между теоріей дозволенности и недозволенности союза. Аргументы обѣихъ сторонъ не вносятъ ничего новаго и являются, главнымъ образомъ, повтореніемъ прежнихъ, уже охарактеризованныхъ выше [29]). Съ тѣхъ поръ планъ союза, насколько намъ извѣстно, ни разу болѣе не воспроизводился.

Если оставить въ сторонѣ практическій результатъ борьбы вокругъ вопроса о правѣ Бельгіи вступать въ таможенный союзъ съ другимъ государствомъ,—а такимъ результатомъ можно, конечно, считать фактическую побѣду противниковъ союза,—и стать на точку зрѣнія чисто догматическую, то мы должны будемъ прежде всего замѣтить, что высказанныя въ этой борьбѣ мнѣнія могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ группамъ. Первая группа, обнимающая литературныя теоріи 1842 и 1868 годовъ, отрицаетъ всякую связь между постояннымъ нейтралитетомъ и правомъ Бельгіи заключать таможенный союзъ съ другимъ государствомъ, утверждая, что обязанности, лежащія на Бельгіи, касаются исключительно войны; вторая и третья группы, напротивъ того, признаютъ эту связь, причемъ одна—оффиціальная французская 1842 года—утверждаетъ, что для государства постоянно нейтральнаго таможенный союзъ является не дозволеннымъ, поскольку онъ

сѣданіи палаты депутатовъ 17 апрѣля 1869 министромъ иностранныхъ дѣлъ Venderstichelen въ отвѣтъ на запросъ Le Hardy de Beaulieu; Annales parlementaires de Belgique. Session législative de 1868—1869. Chambre des Représentants, Bruxelles, 1869, 721 ss.

[29]) О неправомѣрности союза неоднократно цитированная статья Dechamps; въ пользу дозволенности Balisaux, Question de l'union douanière entre la France et la Belgique, Bruxelles, 1869, 29, 35.

Digitized by Google

сопряженъ съ отказомъ отъ основныхъ правъ суверенитета, а другая—доктрина, формулированная въ бельгійскихъ документахъ 1841 года, повидимому признанная англійскими государственными дѣятелями и воспроизводившаяся въ литературѣ 1868 года—отрицаетъ право нейтральнаго вступать въ таможенную унію, если послѣдняя вызываетъ передачу другому государству отправленіе какихъ бы то ни было функцій бельгійской государственной власти. Вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ лежитъ правильное пониманіе постояннаго нейтралитета рѣшается, по нашему мнѣнію, въ пользу третьей группы мнѣній, впрочемъ съ необходимой оговоркой. Создавая особый типъ «постоянно нейтральное государство», международные договоры имѣли въ виду поставить признанное таковымъ государство въ положеніе, которое безусловно исключало бы его участіе въ международныхъ войнахъ. Всякое соглашеніе, которое создавало бы для Бельгіи, хотя бы эвентуально препятствіе для сохраненія этого безусловнаго нейтралитета, является несомнѣннымъ съ ея стороны нарушеніемъ лежащихъ на ней международныхъ обязанностей. Вопросъ о томъ, въ какомъ случаѣ имѣется налицо такое неправомѣрное съ точки зрѣнія договора соглашеніе, есть quaestio facti, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что нужно отказаться найти въ этомъ отношеніи руководящую правовую нить для практики.

Несомнѣнно передача въ иностранныя руки осуществленія мѣстной власти создаетъ такое препятствіе для безусловнаго сохраненія нейтралитета, а въ этомъ смыслѣ вторая и третья группы теорій совершенно правы. Слѣдуетъ ли ограничивать это положеніе, какъ то дѣлаетъ вторая, передачею лишь «основныхъ правъ» суверенитета? Это было бы едва ли правильно: даже если придать понятію «основныя права» совершенно опредѣленное значеніе (ссылаясь, напримѣръ, на какіе-либо факты правосознанія, безспорно устанавливающіе его значеніе,—что, конечно, невозможно), то все же по существу дѣла мыслима такая уступка основныхъ правъ,

Digitized by Google

которая ни мало не будетъ создавать препятствій къ безусловному сохраненію нейтралитета; центръ тяжести лежитъ вовсе не въ томъ, «основныя» или не «основныя права» передаются, а въ томъ, передаются ли такія «права», которыхъ осуществленіе чужимъ государствомъ можетъ въ случаѣ войны лишить постоянно нейтральнаго необходимой для сохраненія нейтралитета свободы дѣйствія или нѣтъ.

Намъ кажется, что слѣдуетъ поэтому отвергнуть ту точку зрѣнія, которую мы назвали французской оффиціальной доктриной 1842 года, и считать болѣе правильной болѣе широкую теорію, поддерживавшуюся бельгійцами. Но и въ нее, согласно только что сказанному, слѣдуетъ внести оговорку, которая ограничивала бы неправомѣрность союза случаями лишь такой уступки функцій мѣстной власти, которая способна лишить нейтральное государство свободы дѣйствій, необходимой для сохраненія нейтралитета.

4. Въ литературѣ, посвященной общему изслѣдованію постояннаго нейтралитета Бельгіи, указанный выводъ былъ формулированъ съ безукоризненной точностью всего одинъ разъ—въ книгѣ Arendt, Essai sur la neutralité de la Belgique, появившейся въ серединѣ сороковыхъ годовъ; этотъ авторъ говоритъ: «несомнѣнно, что въ дѣлѣ управленія своими торговыми отношеніями и въ дѣлѣ руководства своей промышленностью постоянно нейтральное государство пользуется столь же широкой и полной свободой, какъ всякое суверенное государство... Эта свобода ограничена лишь тѣмъ, что нейтральное государство не имѣетъ права заключать соглашенія, которыя связали бы его настолько, что выполненіе имъ спеціальныхъ обязанностей, вытекающихъ изъ его международнаго положенія, было бы въ военное время затруднено или сдѣлалось невозможнымъ» [20]).

Съ тѣхъ поръ какъ были написаны эти строки, международная практика внесла существенное дополненіе въ ученіе о запрещенныхъ Бельгіи союзахъ. Доктрина, возникшая

[20]) Bruxelles, 1845, 96.

Digitized by Google

и установленная примѣнительно къ частному вопросу о таможенной уніи, по содержанію своему и выводамъ гораздо шире этого частнаго вопроса. Она гласитъ: таможенный союзъ запрещенъ постольку, поскольку онъ сопряженъ съ отчужденіемъ въ иностранныя руки функцій мѣстной власти и поскольку такое отчужденіе лишаетъ нейтральное государство необходимой для безусловнаго сохраненія нейтралитета свободы дѣйствій. Запретъ касается такимъ образомъ не столько таможеннаго союза, сколько нѣкоторыхъ могущихъ содержаться въ немъ условій; эти условія могутъ встрѣтиться во всякой иной международной сдѣлкѣ, а слѣдовательно всякая иная международная сдѣлка можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ противорѣчить постоянному нейтралитету. Такой логически необходимый выводъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ исторіи развитія бельгійскихъ международныхъ отношеній; изучая ее, мы видимъ, какъ легко установленная примѣнительно къ таможенному союзу цѣпь правовыхъ положеній переносится на совершенно иныя по своему жизненному содержанію сдѣлки, какъ только послѣднія способны вызвать опасную для сохраненія нейтралитета передачу иностранному государству нѣкоторыхъ функцій мѣстной власти.

Почти одновременно съ эпизодомъ возрожденія вопроса о таможенной уніи въ практикѣ международныхъ отношеній Бельгіи ставится аналогичный ему по своимъ правовымъ свойствамъ, но несхожій по содержанію вопросъ о правѣ нейтральнаго уступать иностранному государству свои желѣзныя дороги. Неудавшаяся попытка 1868 года утвердить французское вліяніе въ Бельгіи путемъ таможеннаго объединенія заставила французское правительство обратиться къ иному средству: въ концѣ того же года между французской желѣзнодорожной компаніей и одной изъ главныхъ бельгійскихъ компаній Compagnie du Grand Luxembourg состоялся на весьма выгодныхъ для послѣдней условіяхъ актъ продажи принадлежавшихъ послѣдней важныхъ желѣзнодорожныхъ линій, соединявшихъ французскую границу

Digitized by Google

съ бельгійской столицей и съ Люттихомъ въ долинѣ Мозеля на стратегической линіи, представлявшей громадную важность въ случаѣ войны между Франціей и Пруссіей.

Сдѣлка состоялась между двумя частными компаніями и въ заключеніи ея правительства оффиціально не участвовали, тѣмъ не менѣе она не могла быть безразличною для послѣднихъ: въ правосознаніи Бельгіи и Франціи французская компанія, съ рукахъ которой должна была въ силу этой сдѣлки оказаться важная часть бельгійской желѣзнодорожной сѣти, не могла не являться органомъ французскаго правительства, и въ этомъ отношеніи признаніе бельгійскимъ правительствомъ указанной частной сдѣлки равнялось бы сознательному акту уступки иностранному государству права участвовать въ желѣзнодорожной администраціи страны. Такой выводъ не вызывалъ никакихъ сомнѣній въ Бельгіи [31]) и мы видимъ, что, какъ только состоявшаяся между частными компаніями сдѣлка стала извѣстною, вопросъ сразу же перенесенъ былъ на почву междугосударственныхъ отношеній. Сдѣлавъ подобный выводъ, Бельгія оказалась тѣмъ самымъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ, имѣетъ ли она право совершить актъ уступки другому государству своего желѣзнодорожнаго верховенства, отвѣчаетъ ли этотъ актъ международнымъ обязанностямъ, лежащимъ на ней въ силу ея постояннаго нейтралитета. Отвѣтъ былъ отрицательный, и этотъ отрицательный отвѣтъ послужилъ рѣшающимъ моти-

[31]) Такое признаніе иностранной частной компаніи органомъ иностраннаго государства въ области международнаго права представляетъ совершенно нормальное явленіе. Правда въ курсахъ международнаго права не принято отмѣчать ихъ въ числѣ органовъ международнаго оборота, но несомнѣнно, что, напримѣръ, правовая конструкція такъ называемыхъ колоніальныхъ компаній даетъ полное основаніе сдѣлать подобный выводъ; Carton de Wiart, Les grandes compagnies coloniales anglaises au XIX-e siècle, Paris, 1899, 239 ss. Слѣдуетъ далѣе вспомнить о желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, дарованныхъ въ послѣднее время частнымъ національнымъ компаніямъ, въ которыхъ не безъ основанія видятъ одинъ изъ видовъ территоріальныхъ уступокъ; Gérard, Des cessions déguisées de territoires, Paris, 1904, 295 ss.

Digitized by Google

вомъ принятія закона 23 февраля 1869 года, которымъ устанавливалось, что всякая уступка частной компаніей другому лицу дарованной ей желѣзнодорожной концессіи или хотя бы права эксплоатаціи принадлежащей ей желѣзнодорожной линіи имѣетъ силу лишь подъ условіемъ утвержденія ея правительствомъ. Истинный смыслъ этого закона выраженъ всего лучше однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей Бельгіи: «мы хотимъ оставаться независимыми и свободными, а чтобы быть независимыми и свободными, мы должны быть нейтральными... Для Бельгіи нейтралитетъ есть ежедневный долгъ, обязанность какъ въ военное, такъ и въ мирное время... Во время мира... нейтралитетъ... создаетъ обязанности не менѣе серьезныя, не менѣе повелительныя и не болѣе легко исполнимыя (нежели во время войны). Если во время мира... мы отдадимся опасному соблазну, заключивъ односторонній союзъ въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, то по какому праву, какой силой, какими средствами намъ останется защищать нашъ нейтралитетъ во время кризиса и опасности?—Я вижу въ отказѣ бельгійскаго правительства актъ благоразумнаго и предусмотрительнаго нейтралитета» [32]).

Законъ 23 февраля по своему внутреннему содержанію былъ отвѣтомъ французскому правительству на попытку его при посредствѣ Compagnie de l'Est захватить въ свои руки бельгійскія желѣзныя дороги. Въ этомъ смыслѣ онъ и понятъ былъ во Франціи. Неудовольствіе ея было велико, но средствъ борьбы противъ бельгійскаго «акта осторожнаго и предусмотрительнаго нейтралитета» у нея не было. Форма, въ которую вылился отказъ бельгійскаго правительства, не давала даже возможности перенести дѣло на почву спора о томъ, правильно ли то толкованіе обязанностей нейтралитета, которое руководило бельгійцами. Разрѣшитъ конфликтъ, возникшій вслѣдствіе закона 1869 года, силою ору-

---

[32]) Рѣчь Malou въ Сенатѣ 20 февраля 1869 года; Annales parlamentaires de Belgique. Session législative de 1868—1869, Sénat, Bruxelles, 1869, 51 ss.

Digitized by Google

жія она не хотѣла и не могла; пришлось уступить по главному пункту, отказаться отъ защиты сдѣлки и удовольствоваться нѣкоторой формальной уступкой со стороны Бельгіи. На основаніи протокола, подписаннаго 27 апрѣля 1869 года бельгійскимъ министромъ финансовъ и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Бельгія согласилась «учредить смѣшанную коммиссію для разсмотрѣнія экономическихъ вопросовъ,... которыхъ разрѣшеніе способно развить коммерческія и промышленныя отношенія между двумя странами»; результатомъ работъ коммиссіи было установленіе основъ соглашенія по вопросамъ о тарифѣ, транзитѣ и т. д между французскими и бельгійскими желѣзными дорогами [33]).

Категорическій тонъ отказа Бельгіи выйти изъ границъ, предписываемыхъ обязанностями постояннаго нейтралитета, привелъ къ тому, что государствамъ, стоявшимъ на стражѣ его неприкосновенности, не пришлось вмѣшаться въ дѣло. Франція съ своей стороны воздержалась отъ того, чтобы перенести вопросъ на обсужденіе Европы, не имѣя основанія надѣяться на успѣхъ такого шага. Только уже послѣ того, какъ протоколомъ 27 апрѣля конфликтъ былъ рѣшенъ въ пользу Бельгіи, одна изъ великихъ державъ сочла необходимымъ высказать свое мнѣніе по поводу происшедшаго. Это мнѣніе было благопріятно Франціи и являлось выраженіемъ сомнѣнія въ томъ, насколько обоснована была щепетильность, обнаруженная бельгійцами. Австрійская депеша, посвященная развитію этой мысли, говоритъ [34]): «сближеніе между Бельгіей и Франціей на почвѣ матеріальныхъ

[33]) Протоколъ 9 іюля 1869 г. Оба документа въ Staatsarchiv, XVII, 1869, 306 ff (nonos 3926 и 3927). Даже эта уступка вызвала въ Бельгіи нареканія. Pourquoi, abdiquant un droit incontestable que lui confère sa souveraineté, la Belgique a-t-elle admis la France à se mêler d'affaires qui nous concernent seuls? спрашиваетъ брошюра Garcia de la Véga, L'incident franco-belge et le protocole du 27 avril, Bruxelles, 1869, 7.

[34]) Graf Beust an den Grafen Wimpfen zu Berlin, 1 Mai 1869; Staatsarchiv, XVII, 252 f.

Digitized by Google

интересовъ не сопряжено съ установленіемъ зависимости политической. Что же касается сохраненія нейтралитета, то такое сближеніе ему нисколько не угрожаетъ. Напротивъ того, для постоянно нейтральнаго крайне полезно сыскать себѣ благосклонность сосѣдняго государства, которое благодаря своему могуществу и своему географическому положенію можетъ сдѣлаться или самымъ опаснымъ врагомъ или самымъ вѣрнымъ другомъ бельгійскаго народа и его нейтралитета». Политическій совѣтъ, изложенный въ депешѣ, покоится, мы видимъ, на молчаливомъ признаніи права Бельгіи отчуждать въ пользу другого государства управленіе своей желѣзнодорожной сѣтью. Это признаніе, явившееся слишкомъ поздно, чтобы оказать какое-либо вліяніе на исходъ конфликта, прошло мало замѣченнымъ и не поколебало твердаго убѣжденія, обнаруженнаго Бельгіей, въ неправомѣрности предложеннаго ей изъ Франціи акта.

Если сопоставить изложенныя данныя съ тѣмъ, что было сказано относительно таможеннаго союза, то указанная уже аналогія между обоими вопросами станетъ вполнѣ ясною. Къ тому принципу, который установленъ былъ по вопросу о таможенномъ союзѣ, анализъ франко-бельгійскаго конфликта 1868—1869 годовъ, прибавляетъ другой, вполнѣ тожественный: желѣзнодорожное соглашеніе неправомѣрно съ точки зрѣнія постояннаго нейтралитета, поскольку оно сопряжено съ отчужденіемъ въ пользу другого государства административныхъ функцій, могущимъ лишить нейтральнаго необходимой для безусловнаго сохраненія нейтралитета свободы дѣйствій. Повторяемость этого вывода вполнѣ понятна и логически необходима: каждый изъ нихъ, а ихъ можно представить себѣ сколько угодно, будетъ служить лишь однимъ изъ примѣровъ правила, въ силу котораго постоянно нейтральному запрещены соглашенія административнаго характера, могущія стѣснить свободу его дѣйствій въ случаѣ войны.

Чтобы совершенно сознательно отнестись къ этому общему выводу бельгійской практики, необходимо было бы, конечно, принять во вниманіе результаты практики и другихъ нейтраль-

Digitized by Google

ныхъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее.

Въ Швейцаріи вопросъ о таможенной уніи или уніи желѣзнодорожной никогда серьезно не ставился; заслуживаютъ вниманія лишь договоры союза съ Италіей и Германіей 1869 и 1871 годовъ о денежномъ участіи этихъ государствъ въ постройкѣ желѣзной дороги черезъ Готардъ, въ которые Швейцарія признала необходимымъ внести оговорку о правѣ своемъ принимать на линіи необходимыя для защиты своего нейтралитета мѣры; эта предосторожность тѣмъ болѣе замѣчательна, что управленіе дорогой находится по договору въ рукахъ Швейцаріи и такимъ образомъ той опасности, которая угрожала Бельгіи во время переговоровъ 1868 — 1869 годовъ, не было налицо [35]).

Положеніе Кракова въ вопросѣ о таможенныхъ союзахъ было очень своеобразнымъ. Дополнительный договоръ 1815 г. въ ст. VIII устанавливалъ, что Краковъ не въ правѣ имѣть таможенъ [36]); онъ обязанъ былъ такимъ образомъ допускать безусловную свободу ввоза на свою территорію и лишенъ былъ таможеннаго верховенства. Заключать съ городомъ таможенную унію для иностраннаго государства не имѣло смысла: за облегченіе въ пользу Кракова условій его вывоза городъ не могъ ничего дать, ибо и безъ того ввозъ на его территорію былъ свободенъ. Для того, чтобы осуществить такую унію съ однимъ изъ сосѣдей, требовалось по крайней мѣрѣ, чтобы два другихъ отказались отъ дарованной имъ договоромъ свободы ввоза въ Краковъ, т.-е. требовалось соглашеніе, измѣняющее дополнительный договоръ. Такимъ образомъ вопросъ о таможенной уніи не могъ возникнуть при существованіи основного акта о Краковѣ. Если бы, однако, онъ возникъ путемъ измѣненія этого акта, то тѣмъ самымъ

---

[35]) Meili., Eisenbahnverträge въ Holtzendorffs Handbuch, III, 274.

[36]) La constitution de la cité libre de Cracovie et de son territoire n'admet point en sa faveur le privilège ou l'établissement de douanes. Объ условіяхъ внѣшней торговли Кракова Поповъ, Вѣстникъ Европы, 1875, I, 493, III, 279 слл.

Digitized by Google

устранялись бы споры о правѣ нейтральнаго на заключеніе подобной сдѣлки, такъ какъ на то послѣдовало бы совершенно сознательно согласіе со стороны тѣхъ государствъ, на договорѣ которыхъ нейтралитетъ покоился. Правонарушенія въ такомъ случаѣ не было бы, ибо нарушеніе обязанностей по отношенію къ тремъ сосѣднимъ государствамъ произошло бы съ ихъ собственнаго на то согласія. Мы видимъ, что, когда впервые возникаетъ вопросъ о присоединеніи Кракова къ иностранной таможенной территоріи, онъ ставится въ этой именно формѣ. Соглашеніе трехъ государствъ 1835 года, на которое намъ приходилось указывать, въ числѣ другихъ мѣръ, направленныхъ на то, чтобы заставить Краковъ искать присоединенія къ Австріи, указывало на таможенную унію: «городъ Краковъ, говорилось въ этомъ соглашеніи, будетъ побужденъ къ тому, чтобы просить о допущеніи его въ торговую систему Австріи. Послѣдствіемъ сего допущенія будетъ учрежденіе ряда австрійскихъ таможенъ вдоль границъ республики» [37]). Были приняты дѣйствительно нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы «побудить» Краковъ войти въ таможенныя границы Австріи, но этотъ проектъ остался все же неосуществленнымъ, какъ, впрочемъ, и другія части соглашенія 1835 года [38]). Нѣтъ

[37]) Pour assurer autant que possible les intérêts matériels de l'agriculture, de l'industrie et du commerce de la république de Cracovie, en ouvrant aux habitants les marchés qui jusqu'ici leur ont été fermés, et en leur offrant des facilités pour vendre et acheter à leur gré, la ville libre de Cracovie sera portée à demander son admission dans le système commercial de l'Autriche. Cette admission aura pour conséquence l'établissement d'une ligne de douanes autrichiennes le long des frontières de la république, ce qui offrirait en même temps un moyen de surveillance à l'égard des individus, qui arrivent à Cracovie ou qui en sortent, et empêcherait une fois pour toutes l'introduction clandestine de ces écrits incendiaires qui ont pu jusqu'à présent y entrer avec tant de facilité; Мартенсъ, IV, 1, 473.

[38]) Къ числу этихъ мѣръ относится рѣшеніе имп. Николая I не возобновлять въ 1843 году торговаго соглашенія Россіи съ Краковомъ, въ силу котораго послѣднему былъ обезпеченъ выгодный рынокъ въ

Digitized by Google

сомнѣнія однако, что, если бы даже онъ осуществился, онъ не могъ бы поколебать значеніе общаго вывода, сдѣланнаго нами выше, о запрещенности таможенной уніи для постоянно нейтральнаго государства. Конечно, этотъ запретъ существуетъ только постольку, поскольку онъ спеціальнымъ соглашеніемъ государствъ, правозгласившихъ нейтралитетъ, не снятъ съ нейтральнаго, и въ этомъ смыслѣ договоръ 1835 года лишь подтверждаетъ общіе выводы бельгійской практики.

Напомнимъ, наконецъ, что тоже подтверждается и исторіей возникновенія постояннаго нейтралитета Люксембурга. Тамъ такъ же, какъ и въ проектѣ 1835 года относительно Кракова, признано было необходимымъ expressis verbis снять ограниченіе, которое лежитъ на нейтральномъ: въ протоколы Лондонской конференціи была внесена спеціальная оговорка на этотъ счетъ, которая одна только и дѣлаетъ допустимымъ таможенный союзъ Люксембурга съ Германіей [39]).

Эти немногія данныя уполномочиваютъ, на нашъ взглядъ, признать, что исторія трехъ остальныхъ нейтральныхъ подтверждаетъ принципіальное значеніе общаго итога исторіи Бельгіи по вопросу о союзахъ.

Царствѣ Польскомъ; le Maréchal de Varsovie au Résident de Russie à Cracovie, 6/18 mars 1843; Гос. и С. П. Б. Гл. Арх., картонъ Cracovie 1843,

[39]) выше, стр. 220.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Продолженіе. — Охрана постояннаго нейтралитета.

§ 1.

1. Очень часто утверждаютъ, что постоянно нейтральное государство легко можетъ сдѣлаться жертвою завоевательныхъ стремленій сосѣдей. Это утвержденіе, какъ это ни странно, гораздо чаще формулируется именно по отношенію къ изучаемому нами типу политическихъ единицъ, обладающихъ особой международноправовой характеристикою, нежели по отношенію къ другимъ мелкимъ единицамъ въ европейской семьѣ государствъ. Намъ гораздо чаще попадалось указаніе на бренность самостоятельности, напр., Бельгіи, нежели Голландіи, Люксембурга, нежели Даніи и т. д. Если вдуматься въ этотъ фактъ, онъ, пожалуй, покажется нормальнымъ. Дѣйствительно, когда международнымъ правомъ создается въ институтѣ постояннаго нейтралитета особая охрана независимости политически слабыхъ государствъ, то невольно возникаютъ какія-то особыя требованія и особыя ожиданія; скептическое отношеніе къ будущему слабыхъ государствъ и столь распространенное убѣжденіе, что исторія влечетъ за собою неминуемое ихъ поглащеніе сильными сосѣдями, получаетъ тогда особенно рѣзкое выраженіе и особенно подчеркивается.

Digitized by Google

Подтверждается ли подобное сужденіе или нѣтъ, есть вопросъ чисто политическій, и рѣшеніе его не входитъ въ рамки настоящей книги. Исторія говоритъ намъ, что до сихъ поръ всѣ нейтральныя государства, за исключеніемъ Кракова, сохраняютъ свою самостоятельность и что даже Краковъ палъ жертвою не односторонняго захвата, а спокойнаго признанія трехъ государствъ, что постоянныя нарушенія нейтралитета дѣлаютъ существованіе его невозможнымъ. Она должна будетъ отмѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ, что за время существованія этихъ государствъ Европа пережила не одинъ огромной важности политическій кризисъ и неоднократно подвергалась глубокимъ, кореннымъ потрясеніямъ; историческая жизнь нейтральныхъ не представляла поэтому картины безмятежнаго пользованія благами особаго ихъ положенія, а постоянно ставила ихъ лицомъ къ лицу съ реальными опасностями и заставляла думать объ ихъ предупрежденіи.

Эта сторона института не могла при этихъ условіяхъ пройти совершенно не разъясненною, и вопросъ объ охранѣ правоотношеній, составляющихъ въ совокупности своей постоянный нейтралитетъ, подвергся на практикѣ существенному развитію. Весь этотъ матеріалъ долженъ быть изученъ: не представляя самъ по себѣ отвѣта на поставленный выше политическій вопросъ, онъ тѣмъ не менѣе даетъ возможность ближе судить о томъ, какъ международноправовая система обставила дѣло охраны института, призваннаго по своимъ задачамъ служить гарантіей политическаго бытія слабыхъ противъ сильныхъ.

Вопросъ естественнымъ образомъ распадается на двѣ части. Охрана института лежитъ на обѣихъ сторонахъ въ правоотношеніяхъ, его составляющихъ; съ одной стороны, непосредственно призваны къ тому государства, подписавшія договоры о постоянномъ нейтралитетѣ, въ силу дарованной нейтральнымъ гарантіи; съ другой стороны, на практикѣ твердо закрѣплено сознаніе, что этой внѣшней охраной не слѣдуетъ довольствоваться, а слѣдуетъ ее дополнить еще иной, внутренней, каковой является самооборона.

Digitized by Google

Изучая, какъ функціонировала та и другая форма охраны института постояннаго нейтралитета, мы наталкиваемся на фактъ, который приходилось констатировать и въ предшествующей главѣ, а именно на неравномѣрное распредѣленіе матеріала по отдѣльнымъ нейтральнымъ государствамъ Вопросъ о внѣшней охранѣ нейтралитета практикой выдвинутъ въ Бельгіи и отчасти Люксембургѣ и остается совершенно въ тѣни въ исторіи двухъ другихъ нейтральныхъ. Вопросъ о внутренней санкціи выдвинутъ главнымъ образомъ въ швейцарской и бельгійской практикахъ и не возбуждался сколько-нибудь серьезно въ исторіи Кракова и Люксембурга.

Попытаемся, руководствуясь этимъ общимъ соображеніемъ, намѣтить сначала основы ученія о внѣшней охранѣ нейтралитета.

2. Двоякаго рода обязанности возложены международными договорами на государства, создавшія постоянный нейтралитетъ Бельгіи. Часть ихъ можно назвать основными: они заключаются въ томъ, что державы должны не нарушать бельгійскаго нейтралитета, т.-е. не вести войны противъ Бельгіи и не принуждать ее къ участію въ своихъ войнахъ. Другую часть составляетъ дополнительныя обязанности, вытекающія изъ гарантіи постояннаго нейтралитета.

Въ наиболѣе чистомъ и полномъ видѣ вопросъ о дополнительныхъ обязанностяхъ державъ по поводу постояннаго нейтралитета Бельгіи поставленъ былъ на очередь фактомъ уже извѣстнаго намъ нападенія на нее Голландіи въ августѣ 1831 года. Взаимныя отношенія державъ и Бельгіи не были въ то время окончательно установлены; они управлялись лишь выработанными Лондонской конференціей 18 статьями, которыя были уже приняты Бельгіей и носили, благодаря этому, характеръ временнаго соглашенія между нею и участниками конференціи. Дѣйствіе этихъ статей, несмотря на формально незаконченный ихъ характеръ, не было подвергнуто въ данномъ случаѣ никакому сомнѣнію, и вопросъ сразу же поставленъ былъ на почву право-

Digitized by Google

выхъ обязанностей, вытекавшихъ изъ установленной ст. 9 этого акта гарантіи постояннаго нейтралитета.

Вторженіе голландцевъ составляло несомнѣнное нарушеніе нейтралитета Бельгіи. Что влекло за собой такое правонарушеніе? Во-первыхъ, оно давало постоянно нейтральной Бельгіи несомнѣнное право войною же отражать его; въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній не возникало. Во-вторыхъ, оно ставило на очередь вопросъ объ обѣщанной Бельгіи гарантіи. Обращеніе къ ней не было обязанностью Бельгіи, а было ея правомъ, осуществлять или нѣтъ которое зависѣло отъ ея свободнаго усмотрѣнія. Факультативный характеръ этого требованія съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ того факта, что министерство, находившееся тогда во главѣ Бельгіи, колебалось, прибѣгнуть ли къ нему, и лишь соображенія цѣлесообразности побудили его обратиться къ помощи гарантовъ [1]). Обращеніе было мотивировано слѣдующимъ образомъ въ инструкціи бельгійскому посланнику въ Парижѣ: «такъ какъ Франція признала въ прелиминарныхъ условіяхъ нашъ нейтралитетъ и снабдила его гарантіей неприкосновенности нашей территоріи, то Вы можете на основаніи этихъ постановленій оффиціально потребовать ея военнаго вмѣшательства» [2]).

Къ кому должно было быть обращено это требованіе, вытекавшее изъ нейтралитета? Условія политической минуты заставляли стремиться къ тому, чтобы помощь была оказана немедленно: воинская готовность бельгійской арміи была ничтожна и странѣ угрожала реальная опасность. Естественно было обратиться къ помощи Франціи, которая одна фактически способна была оказать дѣйствительную

[1]) Juste, Lebeau, 61.

[2]) La France ayant adhéré, dans les préliminaires, à notre neutralité, et y ayant ajouté la garantie de l'inviolabilite de notre territoire, vous pouvez, en vertu de cette stipulation, réclamer officiellement l'intervention armée du cabinet du Palais Royal... Lebeau à Le Hon, Liége, 2 août 1831, напечатано ibid., 59 ss.

Digitized by Google

услугу. Желая, однако, точно подчеркнуть ту правовую почву, на которую она становилась, Бельгія разсуждала такъ: рѣчь идетъ не о помощи въ широкомъ, не юридическомъ смыслѣ слова, а объ исполненіи державами своихъ обязанностей; обязанность эта лежала на каждой изъ участницъ конференціи безразлично и должна была осуществляться во имя общаго ихъ соглашенія; обращеніе къ какой-нибудь изъ нихъ и не обращеніе къ другимъ равнялось бы отрицанію всей мотивировки требованія, превращало исполненіе обязанности въ добровольный актъ помощи. Рѣшеніе Бельгіи не ограничилось поэтому указанной инструкціей, а обнимало рядъ мѣръ, изложенныхъ въ протоколѣ засѣданія совѣта министровъ по поводу вторженія такъ: «совѣтъ предоставилъ министру иностранныхъ дѣлъ принять слѣдующія мѣры: прежде всего, онъ даетъ г. Ле Гону въ Парижѣ приказаніе потребовать, чтобы Франція, какъ одна изъ державъ, гарантировавшихъ бельгійскій нейтралитетъ, поставила въ наше распоряженіе военную силу... Затѣмъ совѣтъ постановляетъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ дастъ г. Ванъ де Вейеру въ Лондонѣ слѣдующія инструкціи: г. Ванъ де Вейеръ потребуетъ 1^0 отъ англійскаго кабинета и 2^0 отъ пяти дворовъ, подписавшихъ прелиминарныя условія, исполненія гарантіи бельгійскаго нейтралитета»... [3]).

Такое рѣшеніе, тщательно избѣгающее всякаго оттѣнка просьбы о помощи, не представляло какой-либо юридической тонкости, педантически измышленной бельгійцами; оно отвѣчало серьезной потребности ограничить военное вмѣшательство точными правовыми рамками: Бельгія знала, что фактъ вступленія французовъ на ея территорію не можетъ самъ по себѣ не вызывать опасеній всѣхъ другихъ державъ, ибо именно эта перспектива и должна была вообще быть устранена признаніемъ нейтралитета; только какъ осуществленіе гарантіи, какъ исполненіе одной державой обязанности,

[3]) 4 августа 1831 года; ibid, 62 ss.

Digitized by Google

лежащей на всѣхъ, этотъ фактъ могъ быть допущенъ Лондонской конференціей [4]).

Требованіе, обращенное къ пяти державамъ, вызвало на дѣлѣ военное вмѣшательство лишь одной изъ нихъ—Франціи. Отвѣчало ли это смыслу гарантіи, обѣщанной Бельгіи? Если требованіе должно было быть обращено ко всѣмъ, то не слѣдовало ли отсюда, что оно должно было осуществляться коллективными дѣйствіями всѣхъ державъ? Выражая этотъ вопросъ въ болѣе точныхъ терминахъ, мы можемъ сказать, что державамъ предстояло выяснить свойства гарантіи, установленной іюльскими статьями и прежде всего выяснить взаимныя отношенія гарантовъ по обязательству, на нихъ наложенному. Договоръ ничего не говорилъ объ этомъ, но конференція не могла обойти молчаніемъ этотъ вопросъ. Рѣшеніе, которое она ему дала, выразилось въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ протокола 6 августа 1831 года № 31. Конференція констатировала, съ одной стороны, что недостатокъ времени и спѣшность дѣла извиняютъ то обстоятельство, что Франція послала войска въ Бельгію, не условившись предварительно съ другими четырьмя; она постановила, съ другой стороны, что вмѣшательство ея должно разсматриваться не какъ ея частное дѣло, а какъ исполненіе намѣреній конференціи [5]). Эти положенія, конечно, не представляютъ собою опредѣленной и законченной правовой доктрины, но все же косвенно разрѣшаютъ вопросъ. Можно

---

[4]) Объ опасеніяхъ, связанныхъ съ походомъ французовъ, см. документы у Bulwer, II, въ особ. 88 f, 89 ff.—Они отчасти оправдались: мы увидимъ, что Франція попыталась воспользоваться имъ, чтобы заставить исполнить свое требованіе о крѣпостяхъ.

[5]) La Conférence a considéré que... la France, en prenant la détermination qu'elle venait d'adopter, n'avait pas eu le temps de remplir l'obligation où elle voulait être de se consulter avec ses alliés... Les plénipotentiaires des cinq cours on regardé l'entrée des troupes françaises en Belgique comme ayant eu lieu non dans une intention particulière à la France, mais pour un objet vers lequel les délibérations de la Conférence se sont dirigées... Протоколъ въ Papers, A, 82 f.

Digitized by Google

сказать, что, съ точки зрѣнія конференціи, обязательство, лежащее на всѣхъ державахъ, несомнѣнно можетъ быть исполнено одной изъ нихъ, но что при нормальныхъ условіяхъ необходимо коллективное рѣшеніе о томъ, кому именно должно быть поручено исполненіе. Протоколъ признаетъ слѣдовательно солидарный характеръ лежащаго на державахъ обязательства: онъ твердо устанавливаетъ, что передъ Бельгіей отвѣтственны всѣ державы, но исполненіе обязательства можетъ совершаться одной изъ нихъ. Можно добавить, что отсюда слѣдуетъ прекращеніе обязательства для всѣхъ остальныхъ, когда оно исполнено однимъ, и, напротивъ того, отвѣтственность каждаго изъ остальныхъ, если одному исполненіе не удалось [6]).

Вступленіе французскихъ войскъ, вызванное требованіемъ объ исполненіи обязательствъ, возложенныхъ гарантіей бельгійскаго нейтралитета, было такимъ образомъ подчинено совершенно опредѣленной правовой конструкціи. Эта конструкція ставила опредѣленныя рамки дѣятельности французовъ. Осуществленіе гарантіи дѣлало правомѣрнымъ военное вмѣшательство, т.-е. снимало общій запретъ, лежавшій на державахъ въ силу основныхъ обязанностей по постоянному нейтралитету, но вмѣстѣ ограничивало предѣлы военнаго вмѣшательства непосредственными задачами гарантіи. Ограниченія эти были точно обозначены въ указанномъ тридцать первомъ протоколѣ; они были двояки: было постановлено, во-первыхъ, что французскія войска не должны переступать за предѣлы Бельгіи, и во-вторыхъ, что они

[6]) Едва ли возможно продолжать дальше анализъ этого обязательства, выяснить, носитъ ли оно корреальный или солидарный въ узкомъ смыслѣ слова характеръ, т.-е. имѣется ли налицо одно обязательство или нѣсколько обязательствъ съ однимъ объектомъ. Протоколъ не даетъ никакихъ точекъ опоры для рѣшенія этого вопроса, самая постановка котораго, быть можетъ, лишена значенія въ правѣ международномъ. Cf. Bruns-Eck-Mitteis, Das Pandektenrecht у Holtzendorf-Kohler, Encyklopädie der Rechtwissenschaft, Leipzig—Berlin. 1904, I, 361 ff.

Digitized by Google

обязаны возвратиться во Францію, какъ только возстановлено будетъ положеніе, существовавшее до вступленія голландцевъ въ Бельгію. Переступая эти ограниченія, Франція переставала тѣмъ самымъ дѣйствовать во имя Европы: вступленіе въ Голландію или продолженіе военной оккупаціи послѣ изгнанія голландцевъ немедленно измѣняло правовой смыслъ дѣятельности французовъ—осуществленіе обязанности превращалось въ актъ нарушенія бельгійскаго нейтралитета. Послѣдній не могъ не ставить Францію во враждебныя отношенія ко всей остальной Европѣ. Франція не безъ колебаній подчинилась этимъ ограниченіямъ. Строго послѣдовательныя съ точки зрѣнія права, они стѣсняли ея политическія стремленія. Руководители внѣшней политики Франціи желали воспользоваться походомъ для того, чтобы заставить срыть бельгійскія крѣпости, и заявляли, что не выведутъ своихъ войскъ, пока это не будетъ сдѣлано. Самый рѣшительный отпоръ встрѣтила Франція въ этой попыткѣ. Англійское правительство категорически заявило устами статсъ секретаря по иностраннымъ дѣламъ: «или Франція должна уйти изъ Бельгіи, или должна начаться всеобщая и немедленная война» [7]). Угроза была настолько серьезна, что Франція сочла необходимымъ сдѣлать уступку и вывела часть своихъ войскъ [8]); эта полумѣра никого не удовлетворила, противодѣйствіе не ослабѣло, и въ концѣ концовъ Франціи пришлось подчиниться. Протоколъ конференціи 15 сентября 1831 года № 41 даетъ слѣдующее любопытное описаніе этого событія: «полномочный Франціей открылъ засѣданіе заявленіемъ, что французское правительство приняло добровольное рѣшеніе отозвать изъ Бельгіи послѣдній корпусъ французскихъ войскъ, остававшійся тамъ до сихъ поръ только по просьбѣ теперешняго государя страны... Въ отвѣтъ на это полномочные Австріи,

[7]) One thing is certain—the French must go out of Belgium, or we have a general war, and war in given number of days. Palmerston to Granville, Foreign office, August 17, 1831; Bulwer, II, 97. Ср. разсказъ Талейрана; Talleyrand, Mémoires, IV, 265 ss.

[8]) Протоколъ 18 августа 1831 года № 33; Papers, A, 86 f.

Digitized by Google

Великобританіи, Пруссіи и Россіи выразили французскому полномочному чувство удовлетворенія, съ которымъ они встрѣтили его заявленіе. Это новое проявленіе высокихъ принциповъ, которыми Франція руководится въ своей политикѣ, и ея любви къ миру ожидалось съ полнымъ довѣріемъ ея союзниками и полномочные просятъ князя Таллейрана быть увѣреннымъ, что ихъ дворы съумѣютъ по достоинству оцѣнить рѣшеніе, принятое французскимъ правительствомъ» [9]).

Сквозь оболочку дипломатической фразы этого протокола сквозитъ юридическое содержаніе: фактъ удаленія французовъ вслѣдъ за достиженіемъ цѣли военнаго вмѣшательства является окончательнымъ доказательствомъ того. что Франція сознаетъ свои международныя обязанности, подчиняется ограниченіямъ, наложеннымъ на нее яснымъ смысломъ договоровъ, и «высокіе принципы» французской политики, которые прославляются протоколомъ, представляютъ несомнѣнно рѣшимость не переступать за предѣлы права.

3. Кругъ событій, вызванныхъ походомъ голландцевъ, заканчивающійся протоколомъ 15 сентября, представляетъ наилучшій комментарій къ договорнымъ постановленіямъ о гарантіи бельгійскаго нейтралитета. Вся совокупность правовыхъ фактовъ и вся цѣпь правъ и обязанностей, порождаемыхъ нарушеніемъ гарантированнаго постояннаго нейтралитета государства, открывается передъ нами въ цѣльномъ и законченномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи вся послѣдующая исторія бельгійскаго постояннаго нейтралитета представляетъ гораздо болѣе бѣдный матеріалъ: цѣнность послѣдняго заключается въ томъ, что онъ мѣстами даетъ нѣкоторыя новыя подробности и ставитъ новые вопросы.

Внѣшняя обстановка событій сближаетъ военныя дѣйствія, предпринятыя въ 1832 году Франціей и Англіей противъ голландцевъ, съ французскимъ походомъ 1831 года: цѣлью обоихъ была помощь Бельгіи, и оба были направлены

[9]) Papers, A, 103 f.

Digitized by Google

противъ нидерландскаго короля. Внѣшнее сходство соотвѣтствовало въ сущности и внутреннему содержанію событій. Мы знаемъ, что походъ вызванъ былъ настояніями Бельгіи о томъ, чтобы державы заставили Голландію подчиниться договору 15 ноября 1831 года. Напомнимъ, что этотъ договоръ между пятью государствами и Бельгіей передалъ послѣдней нѣкоторыя части территоріи прежняго нидерландскаго королевства, находившіяся въ рукахъ голландцевъ, и что, несмотря на этотъ договоръ, голландцы не соглашались добровольно передать эти части Бельгіи. Фактическій составъ владѣній Голландіи являлся такимъ образомъ длящимся нарушеніемъ договора какъ въ его территоріальныхъ статьяхъ, такъ и въ статьяхъ о постоянномъ нейтралитетѣ Бельгіи. Продолжительныя и не сразу увѣнчавшіяся успѣхомъ усилія бельгійскаго правительства естественно направлены были на исполненіе декабрьскаго договора. Оно ссылалось въ своихъ требованіяхъ общимъ образомъ на то, что пять державъ статьей 25 договора гарантировали его исполненіе.

Требованіе было такимъ образомъ по формѣ нѣсколько иное, нежели требованіе 1831 года, но эта перемѣна соотвѣтствовала различію между іюльскими 18 статьями, на которыя Бельгія ссылалась въ 1831 году, и ноябрьскими 24 статьями, на которыя она ссылалась теперь, различію состоявшему въ томъ, что въ первыхъ гарантія державъ относилась къ постоянному нейтралитету, а во вторыхъ ко всему содержанію договора. Такая формулировка бельгійскихъ требованій [10]) усвоена была и государствами, которыя взяли на себя, наконецъ, ихъ исполненіе. Договоръ 22 октября 1832 года по этому предмету между Франціей и Великобританіей говорилъ такъ: «Е. В. Король Французовъ и Е. В.

[10]) Рядъ нотъ бельгійскихъ представителей въ Лондонѣ. Онѣ приведены въ Rapport de M. Goblet, Ministre des affaires étrangères 16 ноября 1832 года, напечатанномъ въ Moniteur Belge, 1832, №№ 320 ss., и въ приложеніяхъ къ Goblet, Mémoires historiques, II.

Digitized by Google

Король Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, приглашенные Е. В. Королемъ Бельгійцевъ настоять на осуществленіи договора о Нидерландахъ, заключеннаго въ Лондонѣ 15 ноября 1831 года, котораго исполненіе, въ силу статьи 25, было гарантировано совмѣстно ихъ названными Величествами и Императоромъ Австрійскимъ, Королемъ Прусскимъ и Императоромъ Всероссійскимъ,... постановили... безъ замедленія исполнить свои въ этомъ отношеніи обязательства...» [11]).

То обстоятельство, что, какъ съ точки зрѣнія Бельгіи, такъ и съ точки зрѣнія державъ, военное вмѣшательство 1832 года было мѣрою исполненія договора 15 ноября, а не осуществленіемъ спеціальной только гарантіи бельгійскаго постояннаго нейтралитета, не значитъ еще, что оно лишено интереса для разбираемаго нами вопроса о развитіи пониманія добавочныхъ обязанностей, возложенныхъ на пять великихъ державъ. Напротивъ того, общая гарантія договора включала гарантію нейтралитета, и упрямое противодѣйствіе голландцевъ являлось не только нарушеніемъ договора, но вмѣстѣ и нарушеніемъ нейтралитета. Мы можемъ поэтому съ полнымъ правомъ воспользоваться разсмотрѣніемъ правовой стороны событій 1832 года для дополненія предшествующихъ данныхъ о гарантіи постояннаго нейтралитета. Гарантія осуществлялась въ данномъ сдучаѣ, какъ сказано, двумя государствами, но, въ отличіе отъ 1831 года, безъ согласія остальныхъ. Чрезвычайно важный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ гарантовъ разрѣшался въ данномъ случаѣ нѣсколько иначе, нежели тогда. Въ протоколѣ 6 августа 1831 года было установлено то общее начало, что исполненіе обязанности, вытекающей изъ гарантіи, можетъ совершаться каждой изъ державъ въ отдѣльности, но съ согласія всѣхъ остальныхъ. Въ данномъ случаѣ этого согласія не было: консервативныя участницы конференціи не желали принимать участія въ репрессивныхъ мѣрахъ противъ голландскаго ко-

[11]) Тамъ же.

Digitized by Google

роля и говорили, что бельгійско-голландская распря должна быть покончена добровольнымъ соглашеніемъ сторонъ; военное вмѣшательство было бы допустимо съ ихъ точки зрѣнія лишь при условіи открытаго нападенія голландцевъ на Бельгію [12]). Когда это разногласіе обнаружилось совершенно ясно, двумъ государствамъ, въ намѣренія которыхъ входило военное вмѣшательство, предстояло рѣшить: имѣютъ ли она право осуществлять обязанности солидарной гарантіи, обѣщанной Бельгіи, безъ согласія остальныхъ гарантовъ. Вопросъ этотъ заключеніемъ упомянутой конвенціи 22 октября 1832 года рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ; рѣшеніе мотивировалось въ слѣдующей выдержкѣ изъ вступленія къ статьямъ договора: «Е. В. Король Французовъ и Е. В. Король Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи...., несмотря на испытываемое ими сожалѣніе, что Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Прусскій и Императоръ Всероссійскій не готовы въ эту минуту участвовать въ активныхъ мѣрахъ, которыхъ требуетъ исполненіе договора, постановили выполнить въ этомъ отношеніи безъ промедленія свои собственныя обязательства»... Смыслъ этой выдержки въ словахъ «свои собственныя обязательства» — въ нихъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный выше. Гарантія накладываетъ обязательство на всѣхъ и каждаго: каждый можетъ исполнить «свое собственное обязательство», когда ему угодно. Отступленіе отъ взглядовъ 1831 года, выражающееся въ этомъ отвѣтѣ, окончательно подчеркиваетъ солидарный характеръ обязательства, отмѣченный нами выше, и представляетъ несомнѣнныя выгоды для Бельгіи. Ставить исполненіе гарантіи въ зависимость отъ согласія всѣхъ гарантовъ значитъ создавать существенное затрудненіе въ дѣлѣ практическаго осуществленія договора о постоянномъ нейтралитетѣ; затрудненіе это не оправдывается текстомъ дого-

[12]) Депеша и письмо графа Нессельроде къ Ливену отъ 1 (13) октября и 20 октября (1 ноября) 1832 года, въ выдержкахъ у Мартенса, Собраніе, XII, С.-Петербургъ, 1898, 23.

Digitized by Google

вора и болѣе свободное построеніе 1832 г. отвѣчаетъ, конечно, болѣе его внутреннему смыслу, нежели построеніе 1831 года [18]).

Осуществленію гарантіи предшествовали въ 1832 году продолжительные переговоры. Это дало возможность поставить вопросъ, который въ 1831 году не успѣлъ возникнуть благодаря слишкомъ быстрому развитію событій, вопросъ о правовыхъ отношеніяхъ, которыя возникаютъ между поручителемъ и нейтральнымъ въ силу исполненія первымъ своихъ обязанностей. Заслуживаютъ вниманія слѣдующіе пункты: во-первыхъ, какое положеніе занимаетъ нейтральный относительно военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ третьей державой противъ нарушителя нейтралитета, является ли онъ тѣмъ самымъ союзникомъ третьей державы, обязаннымъ сотрудничествомъ въ борьбѣ, и во-вторыхъ, возникаетъ ли вслѣдствіе осуществленія гарантіи для третьей державы право требовать съ нейтральнаго возмѣщенія военныхъ расходовъ, сдѣланныхъ ею. Оба эти пункта были затронуты въ переговорахъ между Франціей и Англіей, съ одной стороны, и Бельгіей, съ другой. По первому изъ нихъ состоялось соглашеніе, включенное въ составъ договора 10 ноября 1832 года между Франціей и Бельгіей. Оно можетъ удивить насъ: между этими державами не только не было признано обязательности союзныхъ дѣйствій, но прямо было условлено, что Франція предпринимаетъ воен-

---

[18]) Протестъ противъ договора 22 октября, который не замедлилъ появиться и служилъ выраженіемъ взглядовъ консервативной Европы, (онъ былъ подписанъ русскими представителями на конференціи), оставляя этотъ пунктъ незатронутымъ, ограничивался мало отвѣчавшимъ дѣйствительной роли конференціи заявленіемъ, будто рѣшеніе, принятое двумя государствами, измѣняя характеръ мирнаго посредничества, въ которомъ они призваны были участвовать. не позволяетъ русскимъ представителямъ сотрудничать болѣе въ работахъ ихъ товарищей; The Russian Plenipotentiaries to Viscount Palmerston, Londres, 27 octobre 1832 и inclosure въ Papers, B, 1, 149 ff. — Объ этомъ подробно Goblet, Mémoires, II, 93 ss.

Digitized by Google

ныя мѣры одна, безъ всякаго участія бельгійцевъ (ст. 2 и 3 договора). Послѣдніе могли выйти изъ этого пассивнаго положенія лишь, если они подверглись бы нападенію со стороны голландцевъ, для обороны своей территоріи и въ ея предѣлахъ (ст. 6 и 7)[14]). Постановленіе это возникло по случайнымъ, объясняющимся политическими интересами минуты, соображеніямъ: Франція не желала оскорблять, допустивъ участіе въ войнѣ Бельгіи, чувства легитимной Пруссіи, которая не допускала перспективы пораженій, нанесенныхъ законному королю его прежними подданными[15]). Опредѣленіе взаимныхъ отношеній между поручителемъ и нейтральнымъ касательно военныхъ дѣйствій признано было такимъ образомъ дѣломъ ихъ добровольнаго соглашенія.—Второй пунктъ вызвалъ серьезное разногласіе. Первоначальный проектъ соглашенія, предложенный Франціей Бельгіи, содержалъ слѣдующую ст. 8: «Чрезвычайные расходы, вытекающіе изъ временнаго пребыванія французской арміи на бельгійской территоріи, будутъ возмѣщены Бельгіей»...[16]). Бельгія категорически отказалась принять эту статью, разсуждая, что Франція исполняетъ военнымъ вмѣшательствомъ свои обязанности и что оплачивать ея расходы значило бы измѣнять смыслъ такого акта[17]). Статья была исключена изъ

---

[14]) Договоръ напечатанъ у Goblet, Mémoires, I, 445 и ss.

[15]) Le Marquis d'Eyragues au ministre des affaires étrangères à Paris, La Haye, 12 octobre 1832, и le Duc de Broglie à Latour Maubourg à Bruxelles, Paris, 17 octobre 1832 y Juste, Léopold I et Léopold II, 528 n. 1, 527 ss.

[16]) Les frais extraordinaires résultant du séjour momentané de l'armée française sur le territoire belge, seront à la charge de la Belgique... Статья добавляетъ...: et l'on prendra pour base et pour règle à cet égard les arrangements auxquels avait donné lieu l'expédition française envoyée l'année dernière au secours de ce royaume. Это неточность, никакого соглашенія относительно расходовъ по походу 1831 года не было; ср. Goblet, Mémoires I, 327 s. Въ послѣдующихъ переговорахъ и тѣ, и другіе расходы фигурируютъ вмѣстѣ.

[17]) Ibid., I, 326.

Digitized by Google

окончательнаго соглашенія, но это не разрѣшило вопроса, такъ какъ, подписывая договоръ, французскій представитель передалъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ ноту, гласившую: «Французское правительство не намѣрено однако отказаться отъ взысканія впослѣдствіи вознагражденія за эти расходы, оговаривая, напротивъ того, совершенно опредѣленно свое право предъявить къ Бельгіи, въ любое время и въ любыхъ обстоятельствахъ, требованія, имѣющія источникомъ чрезвычайные расходы, которые повлечетъ пребываніе французскихъ войскъ на бельгійской территоріи». Бельгія осталась вѣрна принятому ею взгляду: отвѣтъ ея ссылался на «обязательства, вытекающія изъ договора 15 ноября 1831 года» [18]). Споръ возобновился въ 1833 году подъ вліяніемъ давленія въ пользу взысканія расходовъ, которое французская палата депутатовъ оказывала на министерство. Бельгійское правительство продолжало столь же категорически отклонять требованія французовъ. «Вопросъ, говорила она, есть для Бельгіи вопросъ принципіальный и вопросъ будущаго. Дѣло идетъ для нея о томъ, можно ли признать общимъ образомъ послѣдствіемъ ея нейтральнаго положенія необходимость оплачивать державу, которая вступится, чтобы исполнить свои обязательства» [19]). Франція въ концѣ концовъ отказалась отъ своихъ требованій.—Въ Англіи вопросъ сразу же былъ рѣшенъ въ томъ же смыслѣ, что и Бельгіи; она признавала, что обѣ вмѣшавшіяся державы дѣйствовали во имя «общеевропейскихъ интересовъ», а не въ интересахъ одной Бельгіи, и не только не соглашалась сама требовать возмѣщенія расходовъ, но не одобряла требованія Франціи [20]). Кто былъ правъ въ этомъ разногла-

---

[18]) Ibid., I, 330 s.

[19]) Goblet à Le Hon, mars 1833; ibid., II, 198, cf. 204 s.

[20]) Lord Palmerston pense que c'est dans un intérêt uniquement européen que nous agissons. Je ne le crois pas. La meilleure preuve que c'est en même temps dans un intérêt purement belge, c'est que nous ne marchions qu'à la réquisition expresse de la Belgique. Si nous ne

Digitized by Google

сіи: Франція ли, строившая требованіе о возмѣщеніи на своего рода obligatio quasi ex contractu, напоминающемъ нѣсколько римское negotiorum gestio, или Бельгія и Англія, ссылавшіяся на то, что поручители исполнили свои договорныя обязанности, за которыя никакого непосредственнаго эквивалента не было установлено? Можно сказать, что, отказавшись отъ дальнѣйшихъ настояній, Франція подчинилась этому послѣднему воззрѣнію и оно должно считаться установленнымъ практикою; нѣтъ сомнѣнія, что и по существу дѣла бельгійская и англійская точка зрѣнія ближе отвѣчаетъ смыслу правоотношенія, нежели натянутая теорія французовъ.

4. Съ 1839 года Бельгія вступила въ фазисъ нормальной международной жизни. Весь смыслъ ея внѣшнихъ отношеній измѣнился: до 1839 года у ней былъ врагъ—Голландія, не признававшій ея нейтралитета, и это отражалось на всемъ ходѣ событій; теперь врага больше не было и вокругъ стояли державы, договоромъ признавшія за собою обязанность всегда уважать ея нейтралитетъ. Это вызывало совершенно новую постановку вопроса о гарантіи. Практически актъ нарушенія бельгійскаго нейтралитета мыслимъ былъ лишь какъ дѣйствіе одной изъ державъ, участвовавшихъ въ поручительствѣ; гарантія практически сводилась поэтому къ обязательству охраны нейтралитета поручителями другъ отъ друга. Вопросъ пріобрѣталъ въ такой постановкѣ болѣе серьезный политическій характеръ, чѣмъ прежде: военная «экзекуція», подобная тѣмъ, которыя были предприняты въ 1831 году Франціей и въ 1832 году Франціей и Англіей, замѣнялась, въ перспективѣ, борьбой изъ-за бельгійскаго нейтралитета между великими державами. Выполненіе обязанностей, связанныхъ съ гарантіей, въ этой формѣ могло заставить задуматься. При такихъ условіяхъ понятна тенденція въ пользу замѣны непосредственнаго осуществленія

---

prenions pas Anvers, il faudrait que ce fût l'armée belge qui le prit... Le Duc de Broglie au Prince de Talleyrand, Paris, 27 novembre 1832; Talleyrand, Mémoires, V, 60 s.

Digitized by Google

гарантіи—военнаго вмѣшательства—дипломатическими переговорами, направленными на то, чтобы обезпечить неприкосновенность бельгійскаго нейтралитета новыми, отвѣчающими интересамъ минуты соглашеніями, способными отвратить перспективу войны. Мы видимъ эти переговоры всякій разъ, какъ Бельгіи извнѣ начинаетъ грозить какая-либо опасность, но они не всегда достигаютъ ясныхъ очертаній въ своихъ результатахъ. Такъ, когда во Франціи въ февралѣ 1848 года верховной властью овладѣла партія, въ программу которой входилъ отказъ отъ консервативной внѣшней политики, проводившейся правительствомъ Луи Филиппа, и возвращеніе къ традиціонному идеалу естественныхъ границъ,—между нѣкоторыми изъ участницъ договора 1839 года—Англіей и Пруссіей—состоялось, повидимому не оформленное однако никакимъ международнымъ актомъ, соглашеніе, цѣлью котораго была совмѣстная защита нейтралитета Бельгіи отъ возможныхъ посягательствъ Франціи[21]).

Несравненно большій интересъ, съ точки зрѣнія правовой исторіи гарантіи бельгійскаго постояннаго нейтралитета, имѣютъ международныя соглашенія, вызванныя франко-прусской войной 1870—1871 годовъ. Положеніе Бельгіи между двумя соперниками было и съ политической, и съ военной точки зрѣнія весьма опаснымъ. Политическія опасности, угрожавшія Бельгіи, легко объясняются тѣмъ общимъ международнымъ положеніемъ, которое царствовало въ Европѣ во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Эта эпоха по сложности и неустойчивости взаимныхъ отношеній европейскихъ государствъ можетъ быть сравниваема лишь съ годами Наполеоновскаго владычества. Характернымъ для обѣихъ являлось

[21]) Отрывочность имѣющихся данныхъ не позволяетъ ничего прибавить къ сказанному въ текстѣ; cf. Van de Weyer, Histoire des relations extérieures въ Patria Belgica, II, 344 (имѣетъ цѣнность первоисточника); Juste, Les fondateurs de la monarchie belge, Sylvain Van de Weyer, II, Bruxelles, 1871, 92 ss.; Discailles, Charles Rogier, III, Bruxelles, 1894, 236 s.; Woeste, La neutralité belge, La Belgique et la France, Bruxelles-Paris, 1891, 32 ss.; Descamps, 587 ss.

Digitized by Google

то, что размѣръ территоріальныхъ правъ отдѣльныхъ державъ потерялъ свойственную эпохамъ мирнаго развитія твердость и законченность; территорія Европы сдѣлалась предметомъ разнообразныхъ притязаній, взаимныхъ споровъ и борьбы. Въ международный оборотъ выброшены были территоріальныя цѣнности, которыя давно не котировались въ Европѣ. Въ числѣ ихъ была и Бельгія. Опубликованныя въ теченіе и по поводу франко-прусской войны данныя позволяютъ заключить съ полной опредѣленностью, что первый заговорилъ о Бельгіи, какъ территоріи, которая могла бы послужить предметомъ сдѣлки между великими державами, Бисмаркъ, имя котораго служитъ символомъ переживавшагося тогда Европою періода подобно тому, какъ имя Наполеона—символомъ первыхъ пятнадцати лѣтъ прошлаго столѣтія. Бельгія, часть того, что онъ называлъ «partout où on parle français dans le monde», была предложена передъ войной 1866 года въ вознагражденіе за союзъ противъ Австріи [22]); въ моментъ заключенія пражскаго договора 1866 года она

[22]) Lefebvre de Béhaine à Drouyn de Lhuys, Berlin, 27 septembre 1865, выдержки опубликованы Ollivier, L'Empire libéral, VII, Paris, 1903 465 ss. Франція оставила тогда это предложеніе безъ отвѣта; ibid, VII, 467. Свиданіе Бисмарка съ Наполеономъ III въ Біаррицѣ, имѣвшее цѣлью соглашеніе, которое развязало бы руки Пруссіи для войны съ Австріей, не подвинуло дѣла; новѣйшій историкъ утверждаетъ даже, что Бисмаркъ не затрагивалъ вопроса о Бельгіи: «Une entente pour l'annexion de la Belgique était la seule combinaisen à offrir. Bismarck a-t-il conçu ce projet? Est-il venu à Biarritz avec l'intention de dire à l'Empereur: Partage à deux, soyons brigands de compagnie, vous dans les Pays-Bas, moi en Allemagne? Dans tous les cas il n'a pas manifesté son intention. Il est assez délicat d'offrir le bien d'autrui à qui ne vous le demande pas; il faut y être au moins encouragé, et l'Empereur ne l'encouragea pas, ibid., 478 s. Въ современномъ войнѣ 1870 - 1871 гг. французскомъ документѣ содержится обратное указаніе: c'était (l'annexion de la Belgique à la France)... chez le comte Bismarck... un projet concerté... et il poursuivait l'exécution avec une persévérance que prouvent assez ses nombreuses excursions en France, soit à Biarritz, soit ailleurs. Il échoua devant la volonté inébranlable de l'Empereur... Циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ 3 августа

Digitized by Google

фигурировала въ качествѣ компенсаціи, которую Пруссія предлагала за право исключить Австрію изъ Германіи и присоединить Ганноверъ и другія нѣмецкія земли [23]); наконецъ послѣ организаціи Сѣверо-Германскаго Союза она сдѣлалась предметомъ требованій Франціи, какъ условіе признанія ею «перехода Пруссіи за Майнъ» [24]). Если точный смыслъ переговоровъ между Пруссіей и Франціей оставался тайною для другихъ государствъ, то все же въ Европѣ хорошо сознавали, что бельгійскому нейтралитету угрожаетъ весьма серьезная опасность, и какъ въ самой Бельгіи, такъ и въ государствахъ, гдѣ не сочувствовали перспективѣ такой сдѣлки, всѣ были насторожѣ еще гораздо ранѣе войны 1870—71 года, когда опасность положенія сдѣлалась особенно чувстви-

---

1870 года; Staatsarchiv von Aegidi und Klauhold, XIX, Hamburg 1870, 159. Передъ самымъ началомъ войны Бисмаркъ повторилъ свое предложеніе: le Comte de Benedetti au Ministre des Affaires Etrangères, Berlin, 4 juin 1866; Benedetti, Ma mission en Prusse, Paris, 1871, 164 ss.

[23]) Je n'apprendrai rien de nouveau à Votre Excellence en lui annonçant que M. de Bismarck est d'avis que nous devrions la (compensation) chercher en Belgique, et qu'il m'a offert de s'en entendre avec nous... Benedetti à Drouyn de Lhuys, juillet 1866; Benedetti, 189 s.

[24]) Проектъ договора между Пруссіей и Франціей, который служилъ предметомъ переговоровъ въ 1867 году, заключалъ въ себѣ слѣдующія статьи: Ш. S. M. l'Empereur des Français ne s'opposera pas à une union fédérale de la Confédération du Nord avec les Etats du Midi de l'Allemagne... IV. De son côté, S. M. le Roi de Prusse, au cas où S. M. l'Empereur des Français serait amené par les circonstances à faire entrer ses troupes en Belgique ou à la conquérir, accordera le secours de ses armes à la France... et il la soutiendra avec forces de terre et de mer, envers et contre toute Puissance qui, dans cette éventualité, lui déclarerait la guerre.. Какъ извѣстно, текстъ проекта, написанный рукою французскаго посланника Бенедетти, былъ опубликованъ Бисмаркомъ въ Times въ началѣ франко-прусской войны; къ этому факту намъ придется еще вернуться; по поводу него между Франціей и Пруссіей возникла дипломатическая полемика, въ которой обѣ стороны старались свалить другъ на друга отвѣтственность въ дѣлѣ возникновенія проекта; итогъ этой полемики тотъ, что вина лежитъ на обѣихъ сторонахъ. Текстъ проекта и другіе документы: №№ 4075—4082 въ Staatsarchiv, XIX, 144 ff.

Digitized by Google

тельною [25]). Военныя условія войны 1870—71 годовъ усиливали эту опасность: театръ военныхъ дѣйствій былъ настолько близокъ къ Бельгіи, что нарушеніе ея нейтралитета могло имѣть мѣсто и безъ прямого намѣренія овладѣть страною, а по соображеніямъ военной необходимости.

Дѣйствіе обоихъ указанныхъ факторовъ, политическаго и военнаго, давало въ 1870—71 годахъ вопросу о гарантіи постояннаго нейтралитета Бельгіи настолько важное практическое значеніе, что онъ поставленъ былъ на очередь одновременно съ возникновеніемъ войны. Мѣры во исполненіе обязанностей, вытекавшихъ изъ договора 1839 г., были немедленно приняты. Дѣло сразу же поставлено было на почву того пониманія гарантіи, которое мы видѣли въ 1831 и особенно 1832 г., отвѣтственность по обязательству признана лежащею на каждой изъ подписавшихъ договоръ державъ въ отдѣльности и независимо отъ другихъ. Не совѣщаясь съ другими поручителями, Англія взяла на себя исполненіе общихъ для нихъ обязанностей по отношенію къ Бельгіи.

Вслѣдъ за началомъ войны, какъ Пруссія, такъ и Франція передали Бельгіи заявленія, казалось бы достаточно опредѣленныя; французское гласило: «правительство Императора... рѣшило уважать нейтралитетъ бельгійской территоріи подъ условіемъ, что онъ будетъ уважаемъ Пруссіей и ея союзниками» [26]), германское — «имѣю честь дать письменное заявленіе, излишнее (surabondante) при существующихъ догово-

---

[25]) Въ 1866 году между Бельгіей и Англіей происходилъ обмѣнъ мыслей по этому поводу, послѣдняя убѣждала бельгійское правительство принять мѣры предосторожности; Van de Weyer à Rogier, Londres, 2 juillet 1866, опубликовано у Discailles, Charles Rogier, IV, Bruxelles, 1895, 256 ss. Бельгійскій первый министръ Рожье запрашивалъ Пруссію относительно справедливости слуховъ, но, конечно, не получилъ отвѣта; ibid., 258.

[26]) Le Duc de Gramont au Baron de Beyens, Paris, 16 juillet 1870; Archives diplomatiques, 1871—1872, I, 153 s. и L'Empereur Napoléon III au Roi Léopold II отъ того же числа, опубликовано Juste, Léopold I et Léopold II, Rois des Belges, Bruxelles, 1878, 369.

Digitized by Google

рахъ, что Сѣверо-Германскій Союзъ и его союзники будутъ уважать бельгійскій нейтралитетъ, разумѣется, если онъ будетъ уважаться другой воюющей стороной» [27]). Не довольствуясь этимъ, Англія настояла на томъ, чтобы такія же заявленія были повторены ей.

Конституитивный договоръ о Бельгіи 1839 года не указывалъ, какимъ путемъ осуществляется гарантія, но, конечно, первый шагъ, предпринятый Англіею вполнѣ отвѣчалъ той цѣли, которая составляетъ сущность гарантіи и ея основной признакъ,—онъ былъ мѣрою для обезпеченія бельгійскаго нейтралитета. Въ отвѣтахъ своихъ Англіи Франція и Сѣверо-Германскій Союзъ повторили заявленія, переданныя непосредственно Бельгіи [28]). Этимъ первымъ шагомъ Англія не ограничилась; Бельгія съ самаго начала войны настойчиво просила ее принять болѣе дѣятельное участіе въ ея судьбѣ и выяснить ея положенія между двумя воюющими; оговорка, внесенная въ заявленія послѣднихъ, что нейтралитетъ будетъ уважаемъ, поскольку онъ не будетъ нарушенъ другой стороной, казалась ей недостаточно ясною и могущей повлечь за собою серьезныя опасности [29]). Съ другой стороны, въ началѣ войны Пруссія опубликовала предложенный ей въ 1867 году Франціей проектъ присоединенія Бельгіи; обнаруженіе этого проекта возбудило въ Англіи сильное волненіе и дало жизнь политической кампаніи въ пользу вмѣшательства за это государство, захватившей и тогдашнее либеральное министерство, девизомъ котораго въ 1870—71 годахъ было вообще стремленіе по возможности

---

[27]) Le Comte de Bismarck au Baron Nothomb, Berlin, le 22 juillet 1870; ibid, 244.

[28]) Документы №№ 4069, 4070, 4071, 4074 въ Staatsarchiv, XIX, 141 ff, и № 256 въ Archives diplomatiques 1871—1872, I, 279 s.

[29]) Бельгійскій посланникъ въ Берлинѣ (Nothomb) первый поставилъ на очередь этотъ вопросъ, и по его указанію король Леопольдъ обратился за помощью Англіи; объ этомъ Juste, Les fondateurs de la nationalité belge, Le Baron Nothomb, I, Bruxelles, 1874, 126 и его же, Deuxième continuation въ Nothomb, Essai, II, 243 s.

Digitized by Google

локализировать франко-прусскую войну и предупредить всеобщій взрывъ въ Европѣ [30]). Результатомъ дѣйствія этихъ причинъ было возникновеніе двухъ крайне важныхъ для пониманія природы гарантіи бельгійскаго нейтралитета международныхъ актовъ: англо-германскаго и англо-французскаго договоровъ о нейтралитетѣ Бельгіи во время войны 1870—71 годовъ. Первая мысль объ этихъ договорахъ носила нѣсколько неопредѣленный характеръ: оправдать необходимость новыхъ соглашеній, разъ обѣ стороны не только въ силу договора 1839 года, но и въ силу только что данныхъ Бельгіи и Англіи обѣщаній обязаны были уважать бельгійскій нейтралитетъ, было не такъ легко. Вотъ какъ англійское правительство вышло изъ этого затрудненія: «какъ Императоръ, такъ и Король, говорило англійское предложеніе, поставили свои увѣренія (что не нарушатъ бельгійскаго нейтралитета) въ зависимость отъ того, будетъ ли уважать нейтралитетъ противная сторона, что повидимому указываетъ на существованіе у нихъ мысли, будто декларація каждаго не полна. Обѣ державы обязаны подчиняться договору (1839 года), который они заключили съ Англіей и другими великими державами. Но если эти правительства, рѣшившіяся сохранить неприкосновеннымъ бельгійскій нейтралитетъ, пожелали бы получить увѣреніе, что великобританское правительство съ своей стороны равнымъ образомъ рѣшилось сдѣлать это (to do so), то правительство Ея Величества готово занести въ торжественномъ актѣ, будь то договоръ или протоколъ, такое ихъ совмѣстное рѣшеніе» [31]). Смыслъ этихъ словъ на первый взглядъ тотъ, что предлагается заключеніе соглашеній, въ которыхъ воспроизведенъ былъ бы происшедшій только-что обмѣнъ мыслей, освящено рѣшеніе двухъ воюющихъ не нарушать нейтралитета; при болѣе внимательномъ

---

[30]) О политикѣ Англіи во время войны 1870—71 годовъ Sorel, Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande, I, Paris, 1875, 221 ss.

[31]) Депеша англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ посламъ въ Парижѣ и Берлинѣ, 30 іюля 1870 г.; Staatsarchiv, XIX, 315 (№ 4155).

Digitized by Google

чтеніи видно, что Англія имѣла въ виду нѣчто иное, а именно совмѣстную охрану нейтралитета, въ которой роль Англіи была бы совершенно аналогична роли каждой изъ другихъ державъ. Договоры, которые заключены были между тремя государствами, доказываютъ, что имѣлось въ виду именно установленіе новой формы совмѣстной гарантіи бельгійскаго нейтралитета примѣнительно къ условіямъ политическаго положенія. Эта обновленная форма гарантіи отвѣчала новости правовой проблемы, подлежавшей рѣшенію державъ и заключавшейся въ опредѣленіи того, какъ практически можетъ осуществляться обязательная по гарантіи охрана нейтралитета противъ нарушенія послѣдняго однимъ изъ двухъ воюющихъ между собой поручителей. Рѣшеніе проблемы, поставленной въ приведенномъ только что документѣ, было найдено Франціей; она первая предложила комбинацію, осуществленную потомъ въ договорахъ; въ отвѣтъ на достаточно неопредѣленное предложеніе Англіи она заявила, что понимаетъ его «какъ предложеніе защищать совмѣстно съ Англіей бельгійскій нейтралитетъ въ томъ случаѣ, если онъ будетъ нарушенъ другой воюющей стороной» [32]). Эта мысль осуществлена была въ двухъ тождественныхъ договорахъ, заключенныхъ Англіей 9 августа 1870 года съ Пруссіей и 11 августа 1870 года съ Франціей. Договоры эти [33]) гласили такъ: «Ст. I. Въ виду заявленія Его Величества Императора Французовъ (Короля Прусскаго), что, несмотря на войну, которую онъ ведетъ въ настоящее время съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ и его союзниками (Франціей) онъ твердо намѣренъ уважать бельгійскій нейтралитетъ, поскольку онъ будетъ уважаемъ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ и его союзниками (Франціей),—Ея Величество Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи объявляетъ съ своей стороны, что, если во время этой войны

[32]) Le Comte de Granville à Lord Lyons, Foreign Office, le 2 août 1870; Archives diplomatiques 1871—1872, I, 308 s. (№ 287).

[33]) Текстъ договоровъ въ Staatsarchiv, XIX, 169 ff. (№ 4087).

Digitized by Google

арміи Сѣверо-Германскаго Союза и его союзниковъ (Франціи) нарушатъ указанный нейтралитетъ, она будетъ готова помогать Его Императорскому Величеству (Его Прусскому Величеству) въ дѣлѣ защиты этого нейтралитета способомъ, который будетъ установленъ по взаимному соглашенію, употребляя въ дѣло морскія и военныя силы съ цѣлью утвердить и сохранить совмѣстно съ Его Императорскимъ Величествомъ (Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ) въ этомъ случаѣ и впредь независимость и нейтралитетъ Бельгіи... Ст. 2. Его Величество Императоръ Французовъ (Его Величество Король Прусскій) съ своей стороны обязуется въ случаѣ, предусмотрѣнномъ предшествующей статьею, помогать Ея Величеству Королевѣ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, употребляя въ дѣло свои военныя и морскія силы для указанной выше цѣли, и въ случаѣ необходимости условиться съ Ея Величествомъ относительно мѣръ, которыя нужно будетъ принять, въ отдѣльности и совмѣстно, дабы утвердить и сохранить независимость и нейтралитетъ Бельгіи». По смыслу этихъ статей для обезпеченія бельгійскаго нейтралитета между Англіей и каждой изъ воюющихъ державъ устанавливался эвентуальный военный союзъ противъ нарушителя нейтралитета; совершенно опредѣленный casus foederis ограничивалъ предѣлы союза и, чтобы еще болѣе подчеркнуть узкій характеръ этого послѣдняго, вторая часть уже приведенной первой статьи договора устанавливала, что участіе Англіи въ военныхъ дѣйствіяхъ будетъ имѣть мѣсто лишь на территоріи Бельгіи.

Договоры 9 и 11 августа 1870 года вызвали самыя разнообразныя толкованія и самую разнообразную оцѣнку. Прежде всего, нѣкоторое недоумѣніе возбуждалъ вопросъ объ отношеніи ихъ къ основному договору о бельгійскомъ нейтралитетѣ 1839 г. Sorel явился выразителемъ этого недоумѣнія: «Нейтралитетъ Бельгіи, говоритъ онъ, былъ установленъ въ торжественныхъ актахъ; эти акты, съ точки зрѣнія права, сохраняли всю свою силу; воюющіе добровольно обѣщали ихъ уважать, и тѣмъ не менѣе признано было необходимымъ

Digitized by Google

для успокоенія Англіи торжественно подтвердить договоръ 1839 года. Это значило признаться въ политическомъ скептицизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заранѣе осудить на безплодіе тотъ новый актъ, который подписывался. Вѣдь если бы нужно было возобновлять договоры всякій разъ, какъ наступаютъ обстоятельства, въ предвидѣніи которыхъ они были заключены, какую цѣнность можно было бы имъ придавать впредь?» [34]).

Мы видѣли, что вопросъ объ отношеніи новыхъ соглашеній къ прежнему договору о нейтралитетѣ Бельгіи былъ сначала дѣйствительно не совсѣмъ яснымъ,—и тѣмъ не менѣе приведенная оцѣнка договоровъ въ ихъ окончательной редакціи едва ли справедлива. Сами договоры слѣдующимъ образомъ отвѣчаютъ на поставленный французскимъ историкомъ вопросъ: во введеніи ихъ говорится, что «настоящій договоръ, не уничтожая и не ослабляя условій указаннаго выше договора впятеромъ (1839 г.) составитъ къ нему актъ вспомогательный и дополнительный» [35]); въ согласіи съ этимъ ст. 3 договоровъ говорила, что по окончаніи войны независимость и нейтралитетъ Бельгіи будутъ продолжать покоиться, какъ и донынѣ, на ст. 1 договора 19 апрѣля 1839 года. Мысль о «дополнительномъ» характерѣ договоровъ 1870 — 1871 годовъ развивается и всей бельгійской литературою; одинъ изъ извѣстныхъ историковъ и публицистовъ Бельгіи (Juste) говоритъ: «старые договоры, конечно, не утеряли своей силы и понынѣ остаются дѣйствительными, но развѣ они не могли быть неполными и недостаточными?.. Если бы не было новаго акта, то Бельгія, конечно, одинаково могла бы призвать и призвала бы противъ нападающаго вмѣшательство поручителей, включая сюда и другого воюющаго, но призывъ этотъ повлекъ бы за собой промедленія, а можетъ быть и споры. Вмѣшательство, обезпеченное новымъ актомъ, дало

---

[34]) Sorel, Histoire diplomatique, I, 224.

[35]) Sans infirmer et sans affaiblir les conditions du Quintuple Traité susmentionné, serait un acte subsidiaire et accessoire à l'autre.

Digitized by Google

реальное значеніе гарантіи, поставило ее внѣ всякаго спора и промедленія»; [36]) Descamps формулируетъ ту же мысль, говоря о «регламентарномъ» характерѣ актовъ 1870 года [37]).

Нѣтъ сомнѣнія, что текстъ договоровъ 1870 года не даетъ никакого основанія утверждать, будто они составляютъ, какъ думаетъ Сорель, «une sorte de novation» договора 1839 г., и это по той простой причинѣ, что договоръ 1839 года, устанавливая гарантію бельгійскаго постояннаго нейтралитета, не указываетъ пути, которымъ эта гарантія осуществляется, а договоры 1870 года именно и даютъ такое указаніе. Нельзя не отмѣтить по этому поводу, что при извѣстныхъ намъ данныхъ проблемы найденное договорами рѣшеніе представляетъ несомнѣнныя качества простоты и опредѣленности и можно сказать, что, оставаясь вѣрными основному договору 1839 года, дополнительные договоры вносятъ крайне важное и принципіальное разъясненіе по вопросу о природѣ гарантіи.

Второй пунктъ, который въ договорахъ 1870 года обращаетъ на себя вниманіе, заключался въ томъ, что въ нихъ не принимали никакого участія двѣ подписавшія Лондонскій трактатъ 1839 года державы, Австрія и Россія, и что кромѣ воюющихъ, Англія выступала въ нихъ одна. Этимъ implicite снова ставился вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными гарантами бельгійскаго нейтралитета.

Предупредивъ Австрію и Россію о заключеніи договоровъ, Англія предложила присоединиться къ нимъ [38]). Это обращеніе отнюдь не имѣло въ ея глазахъ того значенія, что имъ испрашивалось освященіе дѣйствій, предпринятыхъ ею самостоятельно, но подлежавшихъ, быть можетъ, предварительному обсужденію впятеромъ; напротивъ того, Англія совершенно опредѣленно становилась на неодно-

[36]) Juste y Nothomb, 245.

[37]) Descamps, 288.

[38]) Документы № 4086 въ Staatsarchiv, XIX, 168 f. и №№ 281 и 295 въ Archives diplomatiques, 1871—1872, I, 305, 319 s.

Digitized by Google

кратно уже отмѣчавшуюся точку зрѣнія солидарной отвѣтственности каждаго за всѣхъ. Отвѣты, полученные ею, равнымъ образомъ не выражали по этому поводу никакихъ сомнѣній. Русскій отвѣтъ на предложеніе приступить къ договорамъ былъ таковъ: «Государь Императоръ не отказался бы подписать конвенцію, въ которой выражено было бы рѣшеніе Россіи, совмѣстно съ другими участниками договора 1839 года, сохранить бельгійскій нейтралитетъ, но Его Величество не можетъ обязаться принять участіе въ принудительныхъ мѣрахъ, которыя англійское правительство готово предпринять совмѣстно съ Франціей и Пруссіей въ случаѣ, если одна изъ этихъ державъ нарушитъ неприкосновенность бельгійской территоріи» [39]). Австрійскій канцлеръ заявилъ, что онъ «не можетъ обѣщать Англіи дѣйствительной помощи австро венгерскими военными и морскими силами для защиты бельгійскаго нейтралитета во время настоящей войны, но согласится дать декларацію въ общихъ выраженіяхъ, которая констатировала бы согласіе Австро-Венгріи оказать покровительство Бельгіи» [40]).

Отказъ этихъ двухъ государствъ слѣдовать за Англіей, какъ видно, не только не оспаривалъ ея права самостоятельно принимать мѣры для исполненія обязанностей гарантіи, но исполненъ былъ выраженій сочувствія къ этому шагу. Отвѣтъ этотъ лишенъ всякой правовой мотивировки, но онъ безсознательно послѣдователенъ установленному пониманію обязательства, лежащаго на державахъ въ силу гарантіи постояннаго нейтралитета.

Приведенныя историческія данныя представляютъ въ совокупности своей довольно полное толкованіе обязанностей по охранѣ постояннаго нейтралитета отъ посягательствъ извнѣ. Гарантія представляется, на основаніи этихъ данныхъ,

---

[39]) Слова Горчакова англійскому послу, Sir Buchanan au Comte Granville, St. Pétersbourg, le 12 août 1870; Archives diplomatiques, 1871—1872, I, 353 (№ 324).

[40]) Staatsarchiv, XIX, 316 (№ 415 b.)

Digitized by Google

входящимъ въ составъ изучаемаго нами института дополнительнымъ обязательствомъ, по силѣ коего каждый поручитель отвѣчаетъ за неприкосновенность нейтралитета; для выполненія гарантіи не требуется общаго согласія, а каждый поручитель отвѣчаетъ независимо отъ другихъ; какъ реализируется гарантія—есть вопросъ факта; поэтому опредѣленіе взаимныхъ отношеній, при осуществленіи правоотношенія, между поручителемъ и постоянно нейтральнымъ или между отдѣльными поручителями предоставлено усмотрѣнію сторонъ. Мы видѣли нѣсколько примѣровъ разнообразныхъ рѣшеній этой задачи. По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между поручителемъ и нейтральнымъ мы видѣли случай заключенія соглашенія о неучастіи нейтральнаго въ военныхъ дѣйствіяхъ; конечно, можетъ быть выбранъ и противоположный путь — союзъ между нейтральнымъ и поручителемъ, представляющій соединеніе внѣшней санкціи нейтралитета съ внутреннею, къ изученію которой намъ предстоитъ перейти. По вопросу о совмѣстномъ осуществленіи гарантіи поручителями и взаимныхъ ихъ при этомъ отношеніяхъ мы видѣли союзъ между Англіей и Франціей въ 1832 году, видѣли рѣшеніе, принятое въ 1870 году Англіей и состоявшее въ эвентуальномъ союзѣ съ противникомъ нарушителя нейтралитета противъ этого послѣдняго, и конечно равнымъ образомъ можетъ представить себѣ рядъ другихъ рѣшеній. Но если въ этихъ вопросахъ все дѣло въ обстановкѣ каждаго даннаго случая, то все же одинъ общій выводъ безспорно установленъ практикою международныхъ отношеній Бельгіи: гарантія есть солидарное обязательство, гдѣ каждый отвѣчаетъ независимо отъ другихъ и гдѣ для исполненія обязанностей по гарантіи не требуется вовсе наличности совокупныхъ дѣйствій всѣхъ поручителей.

Нельзя скрывать отъ себя, что такой выводъ о солидарной отвѣтственности поручителей несомнѣнно является результатомъ тѣхъ особыхъ условій, въ которыхъ протекало развитіе внѣшнихъ отношеній именно Бельгіи. Какъ въ тридцатыхъ, такъ и въ семидесятыхъ годахъ нашлись госу-

Digitized by Google

дарства, которыхъ интересы активно побуждали ихъ къ вмѣшательству въ судьбы Бельгіи и которыя приписали гарантіи значеніе солидарнаго обязательства, несмотря на то, что въ текстѣ договора не находится прямыхъ указаній на такой характеръ гарантіи. Можно предположить, что при другихъ историческихъ условіяхъ обосновать этотъ выводъ было бы труднѣе; если въ охранѣ нейтралитета того или другого государства одинъ изъ поручителей не видитъ своего насущнаго государственнаго интереса, то убѣдить его, что онъ отвѣчаетъ за всѣхъ, будетъ нелегко; напротивъ того, онъ естественно склоненъ будетъ сослаться на другихъ поручителей и перенести отвѣтственность на совокупность гарантовъ.

Что общій выводъ бельгійской практики при всей своей опредѣленности не въ состояніи разсчитывать на всеобщее признаніе, доказываютъ уже отчасти извѣстные намъ факты, касающіеся гарантіи люксембургскаго нейтралитета [41]). При созданіи текста Лондонскаго договора о нейтралитетѣ Люксембурга Англія, которая столько сдѣлала для обоснованія доктрины о солидарной отвѣтственности поручителей за бельгійскій нейтралитетъ, попыталась, мы знаемъ, отклонить гарантію Люксембургскаго нейтралитета; въ парламентѣ, еще до заключенія договора, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ говорилъ о томъ, что съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ огромная разница лежитъ между охраною Бельгіи и охраною Люксембурга, что онъ хорошо понимаетъ и вполнѣ раздѣляетъ нежеланіе гарантировать нейтралитетъ послѣдняго [42]). Не удивительно поэтому, что, когда на конференціи пришлось даровать герцогству совершенно аналогичную гарантію съ гарантіей бельгійской, положеніе мини-

---

[41]) Выше, стр. 222 слл.

[42]) Запросъ Peel'я и отвѣтъ Lord Stanley въ засѣданіи палаты общинъ 5 апрѣля 1867 года; Hansard, Parliamentary debates, 3-d series, CLXXXVI, 1256; запросъ Labouchere'a и отвѣтъ Lord Stanley въ засѣданіи палаты общинъ 9 мая 1867 г.; Hansard, CLXXXVII, 760.

Digitized by Google

стерства было весьма неудобнымъ и что ему пришлось подумать о томъ, какъ бы избѣжать необходимости признать себя связаннымъ по отношенію къ Люксембургу бельгійскимъ толкованіемъ гарантіи. Для этого оно прибѣгло къ способу, не лишенному изворотливости. Мы знаемъ, что гарантія названа была въ Лондонскомъ договорѣ о Люксембургѣ, въ отличіе отъ бельгійской, «коллективною»; воспользовавшись этимъ словомъ, оно построило разграниченіе между двумя формами поручительства — обыкновенною и коллективною. Когда въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ правительству былъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ предложенъ вопросъ, «обязана ли Англія въ каждомъ случаѣ нарушенія третьей державой люксембургскаго нейтралитета браться за оружіе» [43]), поочереди первый министръ и министръ иностранныхъ дѣлъ заявили: «гарантія въ данномъ случаѣ не есть гарантія, обязывающая каждаго въ отдѣльности (not a joint and separate guarantee), и не накладываетъ на эту страну никакихъ спеціальныхъ и индивидуальныхъ обязанностей по охранѣ ея постановленій; это коллективная гарантія всѣхъ державъ Европы“ [44]); — «гарантія, дарованная здѣсь, только коллективная. Это значитъ, что въ случаѣ нарушенія нейтралитета всѣ державы, подписавшія договоръ, могутъ быть призваны къ коллективному воздѣйствію. Ни одна изъ державъ не обязана дѣйствовать отдѣльно отъ другихъ. Это случай, если можно такъ выразиться, ограниченной отвѣтственности. Если державы, находящіяся въ совершенно одинаковомъ съ нами положеніи, откажутся дѣйствовать совмѣстно съ нами, мы не обязаны одни дѣйствовать за остальныхъ. Мы будемъ имѣть такое право, но отнюдь не будемъ къ тому обязаны» [45]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ той формѣ, въ которой англій-

---

[43]) Запросы Lord Stanley of Alderley и Mr. Aytoun.

[44]) Earl of Derby въ палатѣ лордовъ 13 мая 1867 г.; Hansard, CLXXXVII, 379.

[45]) Lord Stanley въ палатѣ общинъ 14 іюня 1867 г.; ibid., 1927 f.

Digitized by Google

ское правительство формулировало свою точку зрѣнія, послѣдняя едва ли основательна. Мы знаемъ уже, что въ документахъ Лондонской конференціи находится ясное доказательство полной тождественности гарантіи бельгійской и люксембургской. Не удивительно поэтому, что съ легкой руки ораторовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ взгляды правительства давно уже единогласно признаны софизмомъ, служившимъ политическимъ цѣлямъ минуты [46]). Но не въ этомъ интересъ указанной точки зрѣнія. Она имѣетъ большое значеніе, какъ первая откровенная попытка съузить понятіе гарантіи нейтралитета. Бельгійская практика строила гарантію какъ солидарное обязательство; по отношенію къ Люксембургу это построеніе было отвергнуто, какъ слишкомъ обременительное для поручителей. Весьма вѣроятно, что изъ двухъ пониманій гарантіи будущее принадлежитъ второму: за отсутствіемъ точныхъ указаній въ договорахъ едва ли при нормальныхъ условіяхъ на практикѣ удастся каждый разъ обосновать доктрину, появленіе коей въ исторіи Бельгіи всецѣло объясняется наличностью особыхъ интересовъ Франціи и Англіи по охранѣ ея нейтралитета [47]). При-

---

[46]) Earl Granville и Duke of Cleveland въ палатѣ лордовъ 20 іюня 1867 года; Hansard., CLXXXVIII, 153 ff.; Бисмаркъ въ Рейхстагѣ 27 сентября 1867 г., цит. у Milovanowitch, Les traités de garantie au XIX siècle, Paris, 1888, 55; въ литературѣ пренія 1867 года цитируются постоянно и столь же постоянно опровергается теорія англійскаго правительства, достаточно указать примѣры: Milovanowitch, ibid.; Geffcken, Garantieverträge, Holtzendorffs Handbuch, III, 97 ff.; Мартенсъ, Современное международное право, I, 423; Hall, a treatise on international law, 5-th edition by Atlay, Oxford, 1904, 346 f.; дальнѣйшія ссылки у Eyschen, 33 ff.

[47]) Повидимому Люксембургъ пытался въ 1870 году добиться въ свою пользу заключенія договоровъ, подобныхъ англо-французскому и англо-прусскому о Бельгіи того же года, но безъ успѣха; разница двухъ гарантій обнаружилась при этомъ совершенно ясно. Ср. рѣчь перваго министра Servais въ люксембургской палатѣ 26 октября 1870 г.; Compte rendu des séances de la Chambre des Députés du Grand Duché de Luxembourg, Session législative de 1870—71, Luxembourg, 1871, 171.

Digitized by Google

дется, повидимому, удовольствоваться «коллективной гарантіей» Графа Дерби и Лорда Стэнлея. Насколько дѣйствительна внѣшняя охрана нейтралитета въ такой формѣ, есть вопросъ политическій; конечно, и въ эту правовую оболочку можетъ быть влито совершенно опредѣленное политическое содержаніе, но несомнѣнно, что она все же менѣе благопріятна нейтральнымъ, нежели та, которую обстоятельства обезпечили Бельгіи въ важныя историческія минуты прошлаго вѣка.

Digitized by Google

§ 2.

1. Мы знаемъ, что гарантированъ былъ нейтралитетъ не только Бельгіи и Люксембурга, но равнымъ образомъ Швейцаріи и Кракова. Между тѣмъ вопросъ о гарантіи не возбуждался самостоятельно въ развитіи международныхъ отношеній послѣднихъ двухъ государствъ. Объясненіе этого факта лежитъ въ слѣдующемъ. Проблема гарантіи въ исторіи Кракова всецѣло поглощается другой, не менѣе важной проблемою о послѣдствіяхъ нарушенія этимъ городомъ своего нейтралитета. Полемика по поводу присоединенія города къ Австріи и по поводу предшествовавшихъ ему военныхъ оккупацій всецѣло связана съ этой послѣдней проблемою, и результаты ея не затрогиваютъ прямо гарантіи, дарованной краковскому нейтралитету. Иначе стояло дѣло въ Швейцаріи. Здѣсь вопросъ о внѣшней охранѣ нейтралитета блѣднѣетъ потому, что особенно ярко выступаетъ развитіе внутренней санкціи. Подъ вліяніемъ сложныхъ и глубокихъ историческихъ условій въ Швейцаріи сдѣлалось традиціоннымъ убѣжденіе, что въ дѣлѣ охраны своего нейтралитета ей прежде всего слѣдуетъ разсчитывать на себя и на собственныя свои силы. Этому способствовала и природа страны, позволяющая серьезно думать объ оборонѣ ея противъ превосходныхъ силъ непріятеля, и ея прошлое, сдѣлавшее военное дѣло близкимъ и знакомымъ населенію. На почвѣ этого пониманія взаимнаго соотношенія двухъ порядковъ

Digitized by Google

охраны нейтралитета создалось и то недовѣріе къ гарантіи, то стремленіе доказать, что швейцарскій нейтралитетъ не гарантированъ, которое мы уже отмѣчали выше въ швейцарской наукѣ [1]).

Швейцарская практика по вопросу о внутренней охранѣ нейтралитета заслуживаетъ при этихъ условіяхъ особаго вниманія: она имѣла большое вліяніе и результаты ея даютъ интересное освѣщеніе многихъ сложныхъ вопросовъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ еще, что на нее нужно обратить исключительное вниманіе. Практика Бельгіи въ этомъ отношеніи равнымъ образомъ поучительна. Что же касается двухъ другихъ нейтральныхъ, то ни Краковъ, ни Люксембургъ не могли, конечно, послужить развитію ученія о внутренней охранѣ нейтралитета. Ничтожество матеріальныхъ силъ у Кракова [2]) и крайняя ограниченность ихъ, усиленная еще статьями конститутивнаго договора о разоруженіи, у Люксембурга [3]) достаточно объясняютъ это обстоятельство.

2. Значеніе войны съ точки зрѣнія международно-правовой можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны, война—чисто революціонное средство, дѣйствіе, направленное на разрушеніе прежнихъ правовыхъ связей и созданіе новыхъ: самый простой примѣръ — всякая завоевательная война; съ другой стороны, это «процессуальное» средство, актъ защиты права, legis actio, выливающаяся, въ виду общихъ условій международнаго порядка, въ актъ самопомощи. Нейтральное государство, которое въ принципѣ отказывается навсегда отъ войны, въ правѣ ли тѣмъ не менѣе вести войну въ защиту своего нейтралитета, когда этотъ послѣдній нарушенъ извнѣ? Такой вопросъ возникъ, какъ только Швейцарія декларацією 20 ноября 1815 года была поставлена въ положеніе, которое дѣлало для нея воздержаніе отъ войны международноправовою обязанностью.

[1]) Стр. 68.
[2]) Стр. 111.
[3]) Стр. 215.

Digitized by Google

Попытаемся прослѣдить, къ какимъ результатамъ привела Швейцарію по этому вопросу исторія ея почти столѣтняго постояннаго нейтралитета. Старинный опытъ училъ ее, что нейтральная политика не устраняетъ необходимости вооруженной силы; когда великія державы торжественно обязались уважать швейцарскій нейтралитетъ и неприкосновенность ея территоріи, могъ возникнуть такой рядъ соображеній: декларацією 20 ноября перспектива войны навсегда устранена для Швейцаріи; она лишена права вести ее противъ другихъ и другіе лишены права воевать съ нею; нейтралитетъ охраняется европейской гарантіей; дальнѣйшее существованіе войска противорѣчитъ декларации, ибо допускаетъ предположеніе, что война остается попрежнему дозволенною, и знаменуетъ недовѣріе къ международной охранѣ нейтралитета. Этотъ рядъ соображеній не только не возникъ, но, напротивъ того, въ 1815 году войско было увеличено и организація его усовершенствована. Этотъ фактъ могъ значить только одно: даже при декларации 20 ноября есть случаи, когда война для Швейцаріи не запрещена. Каковы эти случаи? Указанная военная реформа произведена была союзнымъ договоромъ 1815 года; что отвѣчаетъ онъ на только что поставленный вопросъ? Онъ категорически заявляетъ, что военная сила страны существуетъ «для утвержденія швейцарскаго нейтралитета» (Behauptung der Neutralität der Schweiz, ст. 2). Итакъ, съ точки зрѣнія швейцарской конституціи 1815 года, система нейтралитета не исключаетъ безусловно войны; войною обороняясь противъ государства, которое покусится на ея нейтралитетъ, Швейцарія не только не отступаетъ отъ обязанностей, возложенныхъ на нее ея особымъ положеніемъ, но содѣйствуетъ «утвержденію» послѣдняго и создаетъ новую санкцію его незыблемости; ясный выводъ отсюда тотъ, что послѣдовательный постоянный нейтралитетъ будетъ всегда нейтралитетомъ, готовымъ къ вооруженной борьбѣ для своей защиты. Это рѣшеніе имѣетъ важное принципіальное значеніе: статья 2 союзнаго акта 1815 года возникла не только

Digitized by Google

одновременно, но и при участіи тѣхъ же самыхъ политическихъ факторовъ, что и декларація 20 ноября, и можетъ служить авторитетнымъ толкованіемъ этой послѣдней: она была результатомъ настояній иностранныхъ государствъ въ пользу усиленія военныхъ силъ Швейцаріи, и поэтому идея вооруженнаго нейтралитета до извѣстной степени представляетъ изъ себя актъ аутентичнаго толкованія декларації постояннаго нейтралитета, толкованія, исходящаго отъ державъ, ее подписавшихъ [4]).

Уже въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ провозглашенія постояннаго нейтралитета таже мысль дѣлается достояніемъ швейцарской политической литературы. Послѣдняя приходитъ къ той же формулѣ, что и конституція 1815 года: для «утвержденія нейтралитета» необходима военная сила. Двѣ монографіи о швейцарскомъ нейтралитетѣ, вышедшія въ двадцатыхъ годахъ, посвящены главнымъ образомъ обоснованію этой доктрины. Первая De la neutralité de la Suisse dans l'intérêt de l'Europe par Pictet de Rochemont, вышедшая въ первомъ изданіи въ 1821 году, строитъ разсужденіе слѣдующимъ образомъ. Державы, гарантировавшія постоянный нейтралитетъ, преслѣдовали интересы Европы и видѣли въ немъ одно изъ средствъ обезпечить европейскій миръ. Швейцарія должна выполнить свою евро-

[4]) Мемуаръ державъ, написанный Графомъ Каподистріа и переданный сейму 21 апрѣля 1814 года, говоритъ слѣдующее: Dans nos temps un état désarmé ou armé sans système et sans unité, entouré de voisins puissants n'est point un état. S'il existe, c'est à la bienveillance ou tout au plus à la politique qu'il la doit. Cette existence n'est point la plus honorable. La Suisse présente en ce moment ce spectacle affligeant. Son intérêt, sa gloire, sa sécurité future exigent qu'elle sorte de cette fausse attitude et qu'elle annonce par ses institutions fédérales à l'Europe que 50.000 guerriers couvriront au besoin les frontiéres et que toute la nation viendra les soutenir pour faire respecter les limites de son territoire et sa neutralité... Une organisation militaire réglée constamment par un conseil de guerre permanent, des fonds préparés et toujours disponibles pour l'entretien d'une armée, voilà comment la Suisse pourrait se dire, je suis neutre et je le serai; y Wyss, II, 62, n. 1.

Digitized by Google

пейскую миссію, «хранить сокровище, ей порученное»: нейтральная въ силу декрета Европы, она должна стремиться къ тому, чтобы не сдѣлаться большой дорогой или полемъ сраженія для тѣхъ державъ, которыя она должна раздѣлять. Швейцарскій нейтралитетъ поставленъ, конечно, подъ покровительство Европы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ образомъ подъ защиту самой Швейцаріи. Отраженіе всякой попытки нападенія-священнѣйшая ея обязанность. «Нужно, чтобы швейцарскій нейтралитетъ былъ реальный, дѣйствительный и солидный, чтобы всякій могъ на него расчитывать» [5]). То же разсужденіе воспроизводитъ другая монографія: De la neutralité suisse et des moyens de la maintenir, Genève-Paris, 1823, выводъ которой гласитъ: основной и наиболѣе важный для нашего существованія истиною должна быть та, что нейтралитетъ союза можетъ находить признаніе, лишь если онъ будетъ нейтралитетомъ вооруженнымъ» [6]). Такая проповѣдь не есть чисто литературное явленіе: она раздѣляется и въ области практической политики. Типично заявленіе союзнаго президента при открытіи сейма 1821 года: «всѣ чувствуютъ необходимость создать для швейцарской системы нейтралитета, торжественно гарантированной европейскими государствами, вѣрную опору въ хорошо организованномъ, опытномъ и готовомъ для защиты нашихъ границъ войскѣ» [7]).

Мы остановились на только что изложенныхъ фактахъ потому, что въ нихъ впервые ясно формулируется тотъ взглядъ на постоянный нейтралитетъ Швейцаріи, который

---

[5]) Эта книга написана тѣмъ самымъ Pictet de Rochemont, который представлялъ Швейцарію на второмъ Парижскомъ Конгрессѣ, которому принадлежитъ редакція декларации 20 ноября 1815 года. Мы пользовались изданіемъ Paris-Genève, 1860, p. 91, 65 s., 104 s.

[6]) p. V, 44 и др.

[7]) Eröffnungsrede S. E. des Presidenten der Hohen Eidgenössischen Tagsatzung, gehalten in der Kirche zum Grossen Münster in Zürich, Montags den 2. July 1821; Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung vom Jahr 1821, Beylage Litt. B.

Digitized by Google

можно признать въ полномъ смыслѣ слова общепризнаннымъ въ Швейцаріи. Начиная съ первыхъ лѣтъ существованія декларации и до настоящей минуты никогда и ни съ чьей стороны эта практическая истина не встрѣчала возраженій. Едва ли необходимо приводить дальнѣйшія выдержки въ дополненіе къ уже сдѣланнымъ; достаточно будетъ сослаться на то обстоятельство, что военный строй Швейцаріи въ теченіе всего 19 столѣтія продолжалъ непрерывно развиваться и составъ постояннаго войска, опредѣленный въ 32,886 человѣкъ въ 1815 году, возросъ до 200,000, считая Landwehr, въ настоящее время; это одно служитъ доказательствомъ, что Швейцарія признаетъ необходимость внутренней охраны своего постояннаго нейтралитета [8]).

---

[8]) Необходимо указать, что общій смыслъ союзнаго акта 1815 года по вопросу о войнѣ оставался неизмѣннымъ и во всѣхъ послѣдующихъ конституціяхъ. Проектъ конституціи, выработанный Росси въ 1832 г., содержалъ слѣдующія двѣ статьи: Art. 3. Der eidgenössische Bund hat zum Zweck: Beförderung der gemeinsamen Wohlfahrt der Eidgenossen, Schutz ihrer Rechte und Freiheiten, Erhaltung der Unabhängigkeit und Neutralität des Vaterlandes; Art. 11. Dem Bund allein steht das Recht zu: Krieg zu erklären und Frieden zu schliessen... Rapport de la commission de la diète aux vingt deux cantons suisses sur le projet d'acte fédéral par elle délibéré à Lucerne le 15 décembre 1832, Genève, 1832, 51. Второй проектъ 1833 года воспроизводилъ обѣ эти статьи, съ небольшимъ редакціоннымъ измѣненіемъ первой. При обсужденіи его въ сеймѣ кантонами были предложены нѣкоторыя измѣненія; между прочимъ, редакція, предложенная Граубюнденомъ для статьи 11: Dem Bund allein steht das Recht zu, insoweit es die Behauptung der Neutralität, der Freiheit, Unabhängigkiet und Sicherheit gegen Aussen erfordern sollte, Krieg zu erklären und Frieden zu schliessen... Abschied der ausserordentlichen eidgenössischen Tagsatzung im März, April und Mai 1833, 32. Проекты 1832—1833 гг., какъ извѣстно, остались безъ результата. Къ нимъ вернулись лишь во время пересмотра конституціи въ 1848 году. Болѣе узкая и болѣе точная редакція, предлагавшаяся въ 1833 году Граубюнденомъ, не нашла отголоска и даже въ опредѣленіи цѣли союза указаніе на нейтралитетъ было опущено. Конституція 1848 года: Art. 2. Der Bund hat zum Zweck: Behauptung der Unabhängigkeit des Vaterlandes gegen Aussen, Handhabung der Ruhe ..; Art. 8. Dem Bund allein steht das Recht zu, Krieg zu erklären... О нейтралитетѣ

Digitized by Google

Такъ же ли смотрѣли на этотъ вопросъ государства, подписавшія декларацію 20 ноября 1815 г.? Мы знаемъ, что декларація явилась результатомъ совпаденія двоякихъ политическихъ интересовъ: интересовъ Швейцаріи, съ одной стороны, и интересовъ сосѣднихъ государствъ, съ другой. Послѣдніе заключались въ томъ, чтобы нейтрализовать ту часть своихъ границъ, которыя примыкаютъ къ Швейцаріи. Созданіе правового института постояннаго нейтралитета затрагивало такимъ образомъ первостепенные интересы національной обороны во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Рѣшеніе вопроса о томъ, закрыта или открыта для врага восточная граница Франціи, южная граница Бадена, сѣверная и западная границы Австріи (Миланъ былъ еще въ рукахъ Габсбурговъ), рѣшался въ зависимости отъ того, можно ли было положиться на швейцарскій нейтралитетъ. Не удивительно поэтому, что для подписавшихъ декларацію державъ имѣло существенно важное политическое значеніе, какъ въ Швейцаріи ставился вопросъ о «вооруженномъ нейтралитетѣ». Готовность ея къ войнѣ во имя охраны нейтралитета давала лишнее доказательство того, что примыкающія къ республикѣ границы можно считать закрытыми для иностраннаго нашествія. Этими соображеніями, лежащими внѣ чисто юридическаго анализа, объясняется вполнѣ то обстоятельство, что швейцарская національная доктрина о «вооруженномъ нейтралитетѣ» нашла себѣ скоро полное признаніе и сочувствіе со стороны государствъ, подписавшихъ актъ 1815 года. Для доказательства этого достаточно остановиться на главныхъ испытаніяхъ, которыя пережилъ швейцарскій нейтралитетъ въ моменты европейскихъ войнъ.

говорятъ лишь Art. 74: Die Gegenstände, welche in den Geschäftskreis beider Räthe fallen, sind insbesondere folgende:... 6) Massregeln für die äussere Sicherheit, für Behauptung der Unabhängigkeit und Neutralität der Schweiz, Kriegserklärungen und Friedensschlüsse и Art. 90: Der Bundesrath.. 9) ..wacht für die äussere Sicherheit, für die Behauptung der Unabhängigkeit und Neutralität der Schweiz. Также конституція 1874 года (ст. 2, 8, 85).

Digitized by Google

Въ первый разъ послѣ 1815 г. опасность европейской войны надвинулась въ 1830 году, въ моментъ паденія старшей линіи Бурбоновъ во Франціи. Власть ихъ во Франціи была одной изъ основныхъ частей того общаго строя, который установленъ былъ въ Вѣнскихъ и Парижскихъ актахъ. Перспектива новой коалиціи противъ Франціи казалась совершенно неизбѣжной. Для Швейцаріи эта перспектива грозила повтореніемъ исторіи ея участія въ борьбѣ съ Наполеономъ лѣтомъ 1815 года. Чрезвычайный сеймъ, собранный въ концѣ 1830 года, единогласно постановилъ, «что честь, безопасность и независимость Швейцаріи требуютъ безусловно придерживаться начала гарантированнаго актами нейтралитета и что поэтому, при угрожающей европейской войнѣ, этотъ нейтралитетъ и неприкосновенность швейцарской территоріи должны быть охраняемы съ возможной настойчивостью и въ случаѣ необходимости путемъ величайшихъ жертвъ и усилій» [9]). Одновременно къ иностраннымъ государствамъ отправлено было сообщеніе о принятомъ Швейцаріей рѣшеніи оставаться нейтральной и поддерживать нейтралитетъ военными мѣрами. Содержаніе этого сообщенія впервые дѣлалось предметомъ международной переписки, и Швейцарія сочла необходимымъ мотивировать свое рѣшеніе указаніемъ, что «оно является естественнымъ и законнымъ осуществленіемъ права, принадлежащаго Швейцаріи, какъ независимому государству, и гарантированнаго торжественными европейскими актами» [10]). Лишь австрійскій отвѣтъ на этотъ циркуляръ

---

[9]) 27 декабря 1830 года; Abschied der vom 23 Christmonat 1830 bis zum 7 mai 1831 versammelt gewesenen ausserordentlichen eidgenössischen Tagsatzung, 6.

[10]) Циркулярная нота 5 января 1831 г.:... La Diète... a déclaré par un vote unanime que, dans le cas d'une guerre entre les Puissances voisines, la Suisse observerait une stricte neutralité. Elle a dû s'occupper ensuite des moyens d'en manifester sa détermination et de la soutenir au besoin avec énergie. Sous ce dernier rapport, des mesures d'une certaine étendue, relativement aux moyens dont elle peut disposer, devenaient

Digitized by Google

обнаруживалъ нѣкоторое колебаніе относительно признанія за Швейцаріей права принимать военныя мѣры для защиты своей территоріи, и то это колебаніе относилось скорѣе къ вопросу объ умѣстности вооруженій при данныхъ обстоятельствахъ, которыя не имѣли, по мнѣнію Меттерниха, угрожающаго характера [11]). Всѣ остальные отвѣты выражаютъ, напротивъ того, полное признаніе этого права. «Участвуя, говоритъ Англія, въ договорахъ, которые гарантируютъ нейтралитетъ Швейцаріи и неприкосновенность ея территоріи, британское правительство... узнало съ чувствомъ удовлетворенія, что союзъ принялъ необходимыя мѣры къ предупрежденію нарушенія нейтралитета... Рѣшимость защищать страну отъ всякаго нападенія, выраженная въ декларацiи сейма, дѣлаетъ честь швейцарской націи»... [12]) Столь же опредѣленны по этому вопросу и другіе отвѣты [13]).

Первый опытъ имѣлъ рѣшающее значеніе: принципъ «вооруженнаго нейтралитета» былъ твердо усвоенъ, и каждая новая война служила поводомъ для новаго его провозглашенія. Въ 1840 году, когда Франція обнаруживала намѣреніе воевать съ Европой изъ-за египетскаго вопроса,

---

d'autant plus nécessaires, qu'en Suisse .. tout effort national exige plus de temps et de travaux que partout ailleurs... La Diète est persuadée que les hautes Puissances, toujours justes et bienveillantes à son égard, ne verront dans ces déterminations que l'exercice naturel et légitime d'un droit appartenant à la Suisse comme Etat indépendant et qui lui a été garanti par les transactions solennelles de l'Europe... ibid., 8 f.

[11]) Metternich aux Avoyers et Conseil d'Etat du canton de Lucerne, Directoire de la Confédération Suisse, Vienne, le 6 mars 1831; ibid., 13. Едва ли основательно Schweizer, 762 ff. видитъ въ этомъ «возраженіе противъ вооруженнаго нейтралитета» и на основаніи этой ноты Меттеринха строитъ цѣлую главу «Beschwerden gegen die bewaffnete Neutralität».

[12]) Auszug zu einer Depesche des Lord Palmerston an Herrn Percy, datirt Foreign Office den 21 märz 1831; ibid., 14.

[13]) Afin d'assurer sa neutralité elle (la Suisse) doit se mettre en mesure de la faire respecter par son organisation militaire; прусская нота 1 іюня 1831; Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1831, 7.

Digitized by Google

военныя предосторожности, принятыя Швейцаріей были встрѣчены Австріей, Англіей и Франціей съ полнымъ одобреніемъ [14]).

Намъ не извѣстны отвѣты на подобныя же мѣры, принятыя въ виду Восточной войны 1854 года [15]). Въ 1859 году, когда Швейцарія оказалась въ самой серединѣ воюющихъ и когда вопросъ объ охранѣ нейтралитета пріобрѣлъ вполнѣ реальное значеніе, дипломатическая переписка Швейцаріи съ другими государствами снова обнаружила полное единогласіе. Нотификація нейтралитета, принятая Швейцаріей и вполнѣ сходная съ той, которая была сдѣлана въ 1831 г. [16]), не только не вызвала возраженій, но, напротивъ того, показала, что признаніе права Швейцаріи на вооруженную охрану нейтралитета является отнынѣ безусловно связаннымъ съ понятіемъ этого послѣдняго. Таковъ, напримѣръ, смыслъ отвѣта Англіи: «правительство Ея Величества надѣется, что поведеніе швейцарскаго союза будетъ отвѣчать во всѣхъ отношеніяхъ договорнымъ ея обязательствамъ и

[14]) Выдержки изъ документовъ Цюрихскаго государственнаго архива у Schweizer, 766 f.

[15]) Отмѣчаемъ интересное разсужденіе въ циркулярѣ союзнаго совѣта къ кантонамъ по поводу этой войны 3 марта 1854 г.: Wenn die Neutralität der Schweiz in feierlichen Verträgen stipulirt ist, so darf man noch nicht vergessen, dass der Krieg künftig die Verletzung auch der feierlichen Verträge zum Gegenstande oder in seinem Gefolge hat, und nur zu oft die Gewalt und nicht das Recht massgebend ist. In der That und Wahrheit gibt die vertragsmässige Neutralität der Schweiz keinen grössern Schutz, als das Gesetz dem Eigenthum oder andern Privatrechten ohne vollziehende Gewalt zu geben vermögen. Soll dieselbe von einer reellen Bedeutung sein, so muss zunächst für das Mittel gesorgt werden, dem Recht erforderlichen Falls durch That Nachdruck und Wahrheit zu verleihen. Bundesblatt der Schweizerischen Eidgenossenschaft, Jahrgang 1854, I, 621 f.

[16]) Die Schweizerische Eidgenossenschaft wird... die Integrität und Neutralität ihres Gebietes die ihr als selbstständigem Staate zukommen une die durch die europäischen Verträge vom 1815 feierlich anerkannt und gewährleistet sind mit allen ihr zu Gebote stehenden Kräften vertheidigen und aufrecht erhalten... 14 марта 1859; Bundesblatt, 1859, I, 242

Digitized by Google

что со стороны союзнаго правительства будутъ приняты всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ нарушеніе существующихъ между державами и Швейцаріей мирныхъ отношеній» [17]). Таковъ же австрійскій отвѣтъ [18]). Если бы ни свойственная дипломатическимъ документамъ неясность редакціи, можно было бы сказать на основаніи этихъ отвѣтовъ, что признаніе права Швейцаріи на оборонительную войну начинаетъ повидимому переходить въ признаніе защиты территоріи обязанностью передъ другими государствами, обязанностью, вытекающею изъ акта нейтралитета. Конечно, съ точки зрѣнія международноправовой объ этой обязанности рѣчи быть не можетъ. Хочетъ или нѣтъ Швейцарія взять на себя оборону своей территоріи— это ея дѣло; по смыслу декларація обязанность охраны нейтралитета всецѣло лежитъ на державахъ, подписавшихъ декларацію [19]). Политическій интересъ ихъ лежалъ, конечно, въ томъ, чтобы въ этой обязанности Швейцаріи создать дополнительную санкцію установленнаго въ 1815 году отношенія и сложить съ себя такимъ образомъ часть отвѣтственности. При этихъ условіяхъ указанная двусмысленность выраженій могла послужить источникомъ возникновенія неправильнаго пониманія постояннаго нейтралитета и заслуживала быть отмѣченною, хотя въ послѣдующей исторіи она больше и не встрѣчается.

Обмѣнъ сообщеній по поводу австро-прусской и австро-итальянской войны 1866 года не прибавляетъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что не разъ уже высказывалось

---

[17]) Malmesbury, Foreign Office, march 23, 1859; ibid., 420.

[18]) Comte de Buol au Président de la Confédération, Vienne, le 30 mars 1859; ibid., 422 f; cf. отвѣтъ Швеціи; ibid., 421 f.

[19]) Конечно, съ точки зрѣнія внутренняго швейцарскаго государственнаго права, оборона территоріи является обязанностью союза; въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и тѣ цитаты, которыя были приведены для характеристики швейцарской національной точки зрѣнія на разсматриваемый вопросъ.

Digitized by Google

какъ Швейцаріей, такъ и другими государствама [20]). Тѣмъ же общимъ замѣчаніемъ можно было бы ограничиться и о франко-прусской войнѣ 1870—71 гг., но такъ какъ, съ одной стороны, начала, установленные въ перепискѣ, ею вызванною, явились отчетливымъ заключеніемъ всего предшествующаго развитія доктрины «вооруженнаго нейтралитета», а съ другой, эти начала подверглись въ теченіе этой войны многозначительному испытанію, ярко ихъ иллюстрирующему, то необходимо все же остановиться на нихъ. Въ моментъ объявленія войны Швейцарія обратилась къ французскому и прусскому правительствамъ съ заявленіемъ, что она будетъ всѣми силами защищать свой нейтралитетъ [21]). На это послѣдовали слѣдующіе отвѣты. Французскій гласилъ: «императорское правительство встрѣтило сообщеніе Швейцаріи съ чувствомъ удовлетворенія. Оно цѣнитъ чувство, которое заставило союзъ взять на себя починъ этого сообщенія, и твердо рѣшившись, поскольку его касается, не уклоняться отъ своихъ международныхъ обязанностей, оно счастливо, что можетъ расчитывать на дѣйствительность принятыхъ союзнымъ совѣтомъ мѣръ въ цѣляхъ обезпеченія точнаго исполненія другими державами тѣхъ европейскихъ актовъ, подъ охраной которыхъ стоитъ Швейцарія» [22]). Нѣмецкій отвѣтъ заключался въ слѣдующей телеграммѣ Бисмарка: «швейцарскій нейтралитетъ гарантированъ договорами. Мы вполнѣ довѣряемъ военнымъ мѣрамъ, принятымъ союзомъ для охраны нейтралитета; наша вѣрность договорамъ и дружественныя отношенія между Германіей и Швейцаріей обезпечиваютъ уваженіе первой къ этому нейтралитету» [23]). Никогда еще по-

---

[20]) Schweizer, 942.

[21]) Нота швейцарскаго посланника французскому министру иностранныхъ дѣлъ, 16 іюля 1870; Kern, Souvenirs politiques, Berne, 1887, 225. – Déclaration du Conseil Fédéral Suisse, Berne, 18 juillet 1870; Archives Diplomatiques, 1871—1872, I, 188 s.

[22]) Le Duc de Gramont à M. le D-r Kern, Paris, 17 juillet 1870, ibid., I, 174.

[23]) Телеграмма Бисмарка, переданная Швейцаріи 21 іюля 1870;

Digitized by Google

добный обмѣнъ взглядовъ на значеніе швейцарскаго нейтралитета не затрогивалъ столь близко условій существованія Швейцаріи; театръ войны лежалъ рядомъ съ сѣверной ея границей, и тотъ или другой оборотъ военныхъ дѣйствій могъ сдѣлать переходъ на швейцарскую территорію для противниковъ стратегически крайне выгоднымъ. Военная необходимость могла заставить каждаго рѣшиться нарушить актъ 1815 года. Грозившая опасность дѣйствительно не миновала Швейцаріи; въ концѣ января около 100.000 французскаго войска, находившихся подъ начальствомъ Бурбаки, были поставлены въ такое положеніе, что единственнымъ спасеніемъ сдѣлался для нихъ переходъ въ Швейцарію. Этотъ переходъ дѣйствительно совершился.

Благодаря системѣ «вооруженнаго нейтралитета» Швейцаріи удалось избѣгнуть всѣхъ тяжелыхъ правовыхъ послѣдствій, которыя могъ повлечь за собой такой фактъ.

Швейцарскія войска, стоявшія вдоль границъ, были настолько сильны, что французы вынуждены были принять всѣ поставленныя имъ союзомъ условія перехода и прежде всего полное разоруженіе. Въ Швейцарію вступила такимъ образомъ не военная сила, появленіе которой обозначало бы нарушеніе декларации 20-го ноября и повлекло бы за собою перенесеніе въ страну театра войны, но огромная масса бѣглецовъ, принятіе которыхъ дозволено нейтральнымъ [24]).

Событія 1871 года окончательно фиксировали то пониманіе международнаго положенія Швейцаріи, которое выражается въ системѣ «вооруженнаго нейтралитета». Если въ Швейцаріи никому въ голову не приходитъ отрицать необходимость и обязательность обороны территоріи при помощи собственныхъ военныхъ силъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и въ международной практикѣ можетъ считаться теперь

---

ibid., I, 234 и Kern, 226 (текстъ, сообщаемый послѣднимъ, нѣсколько отличается отъ текста, напечатаннаго въ Arch. Dipl., повидимому представляющаго переводъ съ нѣмецкаго перевода).

[24]) Очень подробно объ этомъ эпизодѣ Schweizer, 951 ff.

Digitized by Google

общепризнаннымъ, что постоянный нейтралитетъ отнюдь не является безусловнымъ отрицаніемъ для Швейцаріи права войны и что, напротивъ того, право оборонительной войны служитъ лишь послѣдовательнымъ выводомъ изъ этого нейтралитета, способомъ «утвержденія» его.

3. Совершенно аналогичный вопросъ былъ поставленъ въ Бельгіи вслѣдъ за провозглашеніемъ постояннаго ея нейтралитета и рѣшенъ въ томъ же смыслѣ.

Когда впервые пришлось высказаться о послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ постояннаго нейтралитета, дарованнаго ей, этотъ вопросъ конкретно распадался на двѣ части: во-первыхъ, имѣетъ ли Бельгія право неограниченно распоряжаться тѣми крѣпостями, которыя находились на ея территоріи, и, во-вторыхъ, имѣетъ ли она право содержать войско. Насъ не должно удивлять, что судьба крѣпостей, доставшихся Бельгіи при раздѣлѣ нидерландскаго королевства, сдѣлалась прежде всего предметомъ обсужденія: существованіе ихъ служило, мы знаемъ, однимъ изъ поводовъ, побудившихъ создать постоянный нейтралитетъ Бельгіи. Политически бельгійскій нейтралитетъ значилъ прежде всего: паденіе системы крѣпостей; это отождествленіе было политической необходимостью въ особенности съ французской точки зрѣнія. Признаніе бельгійскаго нейтралитета и связанный съ нимъ отказъ отъ завоевательныхъ помысловъ для нея имѣли при условіяхъ того времени политическій смыслъ лишь постольку, поскольку онѣ компенсировались разрушеніемъ военной линіи; послѣднее являлось необходимымъ послѣдствіемъ нейтралитета. Понятно, что первое требованіе о разрушеніи исходило отъ Франціи. Къ кому должно было быть обращено это требованіе? Конечно, прежде всего къ великимъ державамъ: крѣпости воздвигнуты были ими, и вопросъ былъ настолько важенъ, что оставить его не рѣшеннымъ, когда устанавливались основы независимаго существованія Бельгіи, онѣ не могли и не должны были. Какъ только сложное и запутанное положеніе, создавшееся споромъ о выборѣ французскаго принца на

Digitized by Google

бельгійскій престолъ, было пережито и явилась возможность снова обратить вниманіе на выработку международной хартіи для Бельгіи [25]), французскій представитель на конференціи обратился къ другимъ представителямъ съ просьбой постановить, что крѣпости, доставшіяся новому королевству, должны быть уничтожены [26]). Правовое обоснованіе, которое давалось этому требованію, заключалось въ томъ, что существованіе крѣпостей не совмѣстно съ постояннымъ нейтралитетомъ, признаннымъ за Бельгіей. Такое радикальное рѣшеніе вопроса не могло быть принято цѣликомъ; политическій интересъ мѣшалъ Франціи видѣть, что ея предложеніе игнорировало и отрицало другую важную сторону вопроса: заставить державы признать, что постоянный нейтралитетъ значитъ лишеніе Бельгіи средствъ обороны, что особое положеніе, въ которое она должна стать, представляетъ безусловный запретъ войны, къ ней обращенный, было трудно; такой запретъ не могъ входить въ намѣренія четырехъ государствъ, такъ какъ лишеніе Бельгіи права обороны отняло бы внутреннюю гарантію неприкосновенности ея нейтралитета, который въ глазахъ державъ былъ прежде всего мѣрою охраны ея отъ Франціи. Англійскій отвѣтъ на французское требованіе обнаруживаетъ указанное настроеніе: соглашаясь на уничтоженіе военной линіи въ ея прежнемъ стратегическомъ значеніи, онъ вносилъ, однако, совершенно ясную оговорку. «Дѣйствительно, говорилось въ немъ, крѣпости слишкомъ многочисленны для ограниченныхъ военныхъ силъ Бельгіи, и нѣкоторыя изъ нихъ должны быть разрушены, дабы онѣ не могли попасть въ руки Франціи при первомъ нападеніи... Наиболѣе разумнымъ было бы поэтому снять тѣ крѣпости, которыя находятся на границахъ Франціи и въ центрѣ страны, и оставить тѣ, которыя лежатъ на морскомъ берегу

---

[25]) Выше, стр. 150 слл.

[26]) Sébastiani à Talleyrand, 24 mars et 8 avril 1831, Talleyrand à Sébastiani, Londres, 28 mars 1831; Pallain, 288, 303, 291.

Digitized by Google

и на Мозелѣ». Постановка вопроса совершенно противоположна французской: крѣпости должны быть срыты не потому, что ихъ существованіе противорѣчитъ нейтралитету, а потому, что такія, какія онѣ есть, онѣ не пригодны служить защитѣ Бельгіи отъ чужихъ вторженій; вмѣсто отрицанія права обороны признаніе этого права и забота о томъ, чтобы облегчить новому государству его осуществленіе [27]). Англійская точка зрѣнія была принята въ международномъ актѣ, который разрѣшилъ вопросъ о крѣпостяхъ, въ протоколѣ 17-го апрѣля 1831 года, подписанномъ четырьмя великими державами и постановившемъ уничтожить лишь часть крѣпостей [28]).

Смыслъ этого рѣшенія тотъ же, что и смыслъ англійскаго отвѣта Франціи: нейтралитетъ не влечетъ за собой безусловнаго отказа отъ права обороны страны. Въ томъ же направленіи оріентировалась дальнѣйшая исторія вопроса; правда, Франція не сразу примирилась съ тѣмъ, что ея требованіе не было исполнено въ цѣломъ, и не сразу согласилась на то, чтобы часть крѣпостей, полезная Бельгіи, осталась не тронутой. Борьба ея противъ установленной въ протоколѣ точки зрѣнія объяснялась всецѣло политическими мотивами, отмѣченными выше: согласиться на то, чтобы четыре державы, не спрашивая Франціи, постановили сохранить часть нидерландской военной линіи, въ глазахъ ея, значило обнаружить непростительную слабость, сдѣлать недопустимую уступку системѣ 1815 года, той ненавистной силѣ, которая, на языкѣ того времени, именовалась «священнымъ союзомъ» [29]). Этотъ политическій мотивъ вры-

---

[27]) Lord Palmerston to Viscount Granville, Foreign Office, april 31, 1831; Bulwer, II, 62 ff.

[28]) Напечатанъ въ синей книгѣ «Belgian Fortresses. Protocole and note presented by his Majesty's command, ordered by the House of Commons to be printed 27 july 1831». Протоколъ состоялся безъ участія Франціи, такъ какъ вопросъ о крѣпостяхъ подлежалъ, по мнѣнію четырехъ державъ, исключительному рѣшенію создателей военной линіи.

[29]) Когда протоколъ 17 апрѣля былъ оффиціально сообщенъ Фран-

Digitized by Google

вается въ переговоры: лишенный самъ по себѣ правового содержанія, онъ косвенно оказывалъ вліяніе на судьбу принципіально установленнаго протоколомъ 17-го апрѣля положенія о правѣ нейтральнаго оборонять свой нейтралитетъ. Основной эпизодъ въ борьбѣ Франціи съ другими государствами изъ-за этого требованія совпадаетъ съ той эпохой, когда французскія войска вошли осенью 1831 года въ Бельгію, чтобы спасти ее отъ побѣдоноснаго вторженія голландцевъ. Правительство Луи Филиппа захотѣло воспользоваться этимъ выгоднымъ положеніемъ для того, чтобы покончить съ вопросомъ о крѣпостяхъ, и заявило, что не выведетъ своихъ войскъ изъ Бельгіи, пока крѣпости не будутъ разрушены [30]). Одновременно оно попыталось заставить Бельгію подписать съ нею соглашеніе, въ которомъ перечислены были крѣпости, осужденныя на срытіе [31]). Эта

ціи (конфиденціально онъ переданъ былъ ей немедленно послѣ его подписанія, объ этомъ документы у Pallain, 312 и Bulwer, II, 68), правительство постаралось его истолковать какъ безусловную побѣду Франціи; въ тронной рѣчи при открытіи французскихъ палатъ, слѣдовавшей на близкомъ разстояніи за оффиціальнымъ сообщеніемъ (послѣднее въ нотѣ 14 іюля 1831 года), торжественно заявлялось: Le royaume des Pays Bas tel que l'avaient constitué les traités de 1814 et 1815, a cessé d'exister... Les places élevées pour menacer la France, et non pour protéger la Belgique, seront démolies (Moniteur Belge n° 41).— Настроеніе Франціи въ эту минуту изображено у Goblet, Des cinq grandes puissances, 85 не совсѣмъ точно; разсказъ его исходитъ изъ невѣрнаго предположенія, будто протоколъ 17 апрѣля до іюля мѣсяца оставался неизвѣстнымъ Французскому правительству, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ возникъ съ ея вѣдома; такая ошибка простительна Гобле, такъ какъ во время появленія его книги переписка Пальмерстона и Таллейрана не была еще опубликована; менѣе простительно довѣряться разсказу Гобле въ настоящее время, какъ то дѣлаетъ Descamps, 266 ss

[30]) Sébastiani à Talleyrand, Paris, 14 août 1831; Talleyrand, Mémoires, IV, 265 s.; Le Roi Louis Philippe à Talleyrand, Paris, 27 août 1831; ibid., IV, 278.

[31]) Французскій проектъ, привезенный Latour Maubourg въ Брюссель, 15 августа 1831 года, состоялъ изъ слѣдующихъ статей: I. Les places de Charleroi, Mons, Tournay, Ath, Menin et Ypres seront demantelées

Digitized by Google

попытка вырвать изъ рукъ четырехъ державъ рѣшеніе вопроса не удалась. Бельгія не рѣшилась принять въ ней участіе и въ своемъ отвѣтѣ выразила лишь готовность рѣшить вопросъ согласно съ «принципомъ, установленнымъ протоколомъ 17-го апрѣля» [32]). Заявленіе Франціи, что она не выведетъ своихъ войскъ изъ Бельгіи, пока крѣпости не будутъ разрушены, имѣло также мало успѣха; оно было встрѣчено суровымъ отказомъ связать переговоры о крѣпостяхъ съ вопросомъ объ эвакуаціи Бельгіи [33]), и Франціи пришлось отказаться отъ мысли сломить твердую рѣшимость четырехъ остальныхъ государствъ не отступать отъ основъ апрѣльскаго протокола, т.-е. отъ соглашенія безъ участія Франціи и съ сохраненіемъ крѣпостей, нужныхъ для обороны Бельгіи. Протоколъ былъ дѣйствительно выполненъ; 14 декабря 1831 г. въ Лондонѣ уполномоченными четырехъ державъ и Бельгіи былъ подписанъ договоръ, ст. 1 котораго гласила: «вслѣдствіе измѣненій, внесенныхъ независимостью и нейтралитетомъ Бельгіи въ военное положеніе этой страны, равно какъ и въ средства, коими она можетъ располагать для своей обороны, высокія договаривающіяся стороны соглашаются на срытіе тѣхъ изъ крѣпостей, сооруженныхъ, возстановленныхъ или расширенныхъ въ Бельгіи, начиная съ 1815 года,

---

et rasées; II. L'exécution de l'article précédent fera l'objet d'une négociation qui s'ouvrira entre la Belgique d'une part et, d'autre part, la France, l'Autriche, la Grande Bretagne, la Prusse et la Russie; III. La présente convention sera ratifiée... Опубликовано Goblet, 96 s.

[32]) Нота 8 сентября 1831 года; ibid., 102 ss.

[33]) In a letter of Sebastiani.. was an ugly passage alluding to the forteresses and hinting that an arrangement must be made about them before the French army would entirely evacuate Belgium. Talleyrand asked me what I thought of the letter. I said that his Government would deceive themselves if they thought that we could ever consent to mix up the fortress question with the evacuation of Belgium.. We fully mean to dismantle many of these Belgian forteresses; but we will never endur that France should dictate to us in this matter at the point of the bayonet... Palmerston to Granville, Foreign Office, august 17, 1831; Bulwer, II, 95 f, cf. 96 ff.

Digitized by Google

полностью или отчасти на счетъ Дворовъ Россійскаго, Австрійскаго, Великобританскаго и Прусскаго, содержаніе коихъ представлялось бы нынѣ безполезной тягостью». Далѣе слѣдовало перечисленіе подлежавшихъ срытію крѣпостей. Статья IV постановляла: «Бельгійскія крѣпости, не упомянутыя въ статьѣ I настоящей конвенціи въ числѣ назначенныхъ къ срытію, будутъ сохранены. Е. В. король бельгійцевъ обязуется содержать ихъ постоянно въ надлежащемъ порядкѣ» [34]). Подписаніе этого договора послужило поводомъ къ новому столкновенію державъ съ Франціей: исключеніе ея изъ договора, съ одной стороны, и списокъ подлежащихъ уничтоженію крѣпостей, казавшійся ей вызваннымъ враждебнымъ по отношенію къ ней чувствомъ, признаны были оскорбительными для достоинства Франціи; поводомъ ея вмѣшательства былъ на этотъ разъ не столько самый принципъ сохраненія нѣкоторыхъ крѣпостей, сколько то, что сохраненіе двухъ важныхъ крѣпостей на границахъ Франціи давало акту характеръ лишь частичнаго измѣненія системы 1815 года, а никакъ не полнаго разрыва съ нею [35]).

---

[34]) Les forteresses de la Belgique qui ne sont pas mentionnées dans l'article I de la présente Convention comme destinées à être démolies, seront conservées. S. M. le Roi des Belges s'engage à les entretenir constamment en bon état.—Текстъ конвенціи у Мартенса, Собраніе, XI, 487 слл.

[35]) ...je n'aurais pas signé les arrangements relatifs à la Belgique;.. surtout je n'aurais pas accepté sa neutralité perpétuelle, si je ne m'étais pas fié à l'engagement de la démolition des places érigées pour nous menacer et si j'avais pu croire qu'on voulût laisser subsister, sur un terrain neutre, des arsénaux d'hostilités. Et qu'on y pense bien,.. en point de droit, cette conservation des places nous donne celui de ne pas les respecter, et après les promesses qui avaient été données, elle serait à mes yeux un objet de guerre légitime. Je n'ai pas besoin de vous dire que par là je prétends m'engager à la faire dans ce cas, mais seulement que le droit en serait incontestable... Le Roi Louis Philippe au Prince de Talleyrand, Paris, 16 décembre 1831; Talleyrand, Mémoires, IV, 374 Юридическая теорія короля не находитъ себѣ оправданія, объ этомъ свидѣтельствуетъ самое письмо, которое сводитъ требованія Франціи къ срытію Маріенбурга и Филиппвилля.

Digitized by Google

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого послѣдняго спора о крѣпостяхъ [36]), достаточно будетъ сказать, что въ результатѣ состоялся компромиссъ, заключавшійся въ томъ, что подписавшія договоръ 14 декабря 1831 года государства передали Франціи слѣдующее важное «разъясненіе» этого договора. «Полномочные объявляютъ: 1) что постановленія конвенціи 14 декабря 1831 года, мотивированныя происшедшею перемѣною въ политическомъ положеніи Бельгіи, не могутъ и не должны пониматься иначе, какъ съ оговоркою (sous réserve) въ пользу полнаго и всецѣлаго суверенитета Е. В. короля бельгійцевъ надъ крѣпостями, перечисленными въ сказанной конвенціи, а равнымъ образомъ съ оговоркою въ пользу нейтралитета и независимости Бельгіи, которые для каждой изъ державъ на одинаковомъ основаніи и на равныхъ правахъ съ остальными устанавливаютъ тождественныя узы съ Бельгіей» (нота 23 января 1832 года) [37]).

Конвенція 14 декабря 1831 г. и нота 23 января 1832 г. представляютъ въ своей совокупности окончательный результатъ переговоровъ о крѣпостяхъ. Ими окончательно и авторитетно установлено то начало, которое вытекало уже

---

[36]) Усилія Франціи направлены были на то, чтобы заставить Бельгію не давать ратификаціи договору 14 декабря; Луи Филиппъ писалъ королю Леопольду 17 декабря 1831 года: je reçois avec autant de surprise que de regret la nouvelle que le plénipotentiaire de V. M. s'est permis de signer un traité en contradiction formelle aux engagements contractés avec moi. J'attends donc avec confiance que ce traité ne recevra pas votre ratification.. Напечатано, вмѣстѣ съ другими документами по тому же вопросу, у Juste, Léopold I et Léopold II, 487; Cf. Goblet, 193 s. Бельгія основательно не признала себя отвѣтственною за договоръ.

[37]) Les stipulations de la convention du 14 décembre dernier, motivées par le changement survenu dans la situation politique de la Belgique, ne peuvent être et ne doivent être entendues que sous réserve de la souveraineté pleine et entière de S. M. le Roi des Belges, sur les forteresses indiquées dans ladite convention, ainsi que sur celle de la neutralité et de l'indépendance de la Belgique, indépendance et neutralité qui, garanties au même titre et aux mêmes droits par les cinq puissances, établissent sous ce rapport un lien identique entre elles et la Belgique.—Нота у Goblet, 227 s.

Digitized by Google

и изъ протокола 17 апрѣля: постоянный нейтралитетъ не влечетъ необходимости отказа отъ вооруженной обороны страны. Это начало проводится здѣсь даже далѣе, чѣмъ въ швейцарской практикѣ. Сохраненіе крѣпостей во имя охраны нейтралитета признается обязанностью Бельгіи. На ряду съ признаніемъ «суверенныхъ правъ» ея на крѣпости, находящіяся на ея территоріи, эта обязанность кажется не совсѣмъ понятной. Послѣдующая практика отвергла ее: крѣпости, указанныя въ статьѣ, не поддерживались и исчезли; на мѣсто ихъ воздвигнуты другія укрѣпленія (около Антверпена и по Мозелю); но твердо живетъ сознаніе, что Бельгія въ правѣ работать надъ созданіемъ матеріальнаго оплота для своего нейтралитета. Права нейтральной Бельгіи въ этомъ отношеніи нашли себѣ международное признаніе. Мы имѣли уже случай указывать, что Лондонская конференція по люксембургскому вопросу протоколомъ 11 мая 1867 года провозгласила, что «нейтральныя государства имѣютъ право сохранять и въ случаѣ нужды улучшать свои крѣпости и другія средства обороны» [38]).

Изучая переговоры по вопросу о крѣпостяхъ, мы не должны особенно удивляться, что потребовалось столько усилій, чтобы прійти къ истинамъ, которыя кажутся очевидными. Объясненіе всѣхъ осложненій лежитъ въ политической сторонѣ вопроса, а никакъ не въ чисто логическихъ свойствахъ указанныхъ понятій. Когда тотъ же вопросъ о внутренней санкціи нейтралитета разрѣшался внѣ связи съ положеніемъ прежнихъ нидерландскихъ крѣпостей, тождественный съ только что указаннымъ выводъ дался гораздо легче. Только въ самомъ началѣ, когда Бельгіи пришлось впервые сознательно высказать свое сужденіе о предлагавшемся ей въ 18 статьяхъ постоянномъ нейтралитетѣ, высказывались нѣкоторыя сомнѣнія: во время преній конгресса однимъ изъ возраженій противъ постояннаго нейтралитета служило указаніе, будто послѣдній безусловно лишаетъ

[38]) Выше, стр. 218.

Digitized by Google

Бельгію права содержать армію, и что поэтому принятіе его противорѣчило бы конституціи, которая даетъ королю право объявлять войну и командовать военной силой страны [39]). Возраженіе было побѣдоносно опровергнуто защитниками 18 статей: постоянный нейтралитетъ, говорили они, не лишаетъ Бельгію права вести войну для обороны территоріи, достаточно прочесть для этого текстъ статей о нейтралитетѣ, въ которыхъ тогда было по иниціативѣ Бельгіи дѣйствительно спеціально оговорено право ея защищаться отъ иностраннаго нашествія [40]). Недоумѣнія относительно права обороны нейтралитета появляется изрѣдка и въ послѣдующихъ преніяхъ бельгійскихъ палатъ, посвященныхъ обсужденію договоровъ 1831 и 1839 года; но несмотря на уничтоженіе въ текстѣ этихъ договоровъ только что указанной оговорки, недоумѣнія не находятъ себѣ отклика въ большинствѣ и проходятъ почти не замѣченными [41]), и, по-

---

[39]) Séance du 3 juillet 1831. M. Charles de Brouckère:.. Aujourd'hui.. on nous propose de violer les articles .. 68 de la constitution qui donne au Roi le droit de paix et de guerre. Qu'est en effet le droit de paix et de guerre pour un état neutre sinon une dérision; Huytens, III 414; Séance du 4 juillet 1831. M. Seron... Pour les (les 18 articles) admettre il faut... effacer les dispositions de l'article 68, qui donnent au Roi le commandement des armées et l'autorise à déclarer la guerre... Un Etat neutre doit toujours être en paix avec tout le monde . Un état neutre n'a pas besoin d'armée..; ibid., IV, 435.

[40]) Séance du 3 juillet 1831. M. Devaux, Ministre d'état; Huytens, III, 422; Séance du 5 juillet 1831: Lebeau, Ministre des affaires étrangères:.. Nous avons le droit de repousser l'agression, nous n'avons pas le droit de faire des conquètes..., ibid., III, 458; Séance du 8 juillet. M. le comte Félix de Mérode; ibid., III, 525.

[41]) Въ преніяхъ 1831 года: Comité général de la chambre des représentants du 26 octobre. M. Le Hon... abordant la question de la neutralité, soutient que cette neutralité ne s'oppose ni.. ni à la possibilité de se défendre en cas d'agression ou d'affronts que l'on voudrait lui faire essuyer..; Moniteur Belge, 1831, n° 138. Въ преніяхъ 1839 года: Chambre des Représentants, Seance du 7 mars. M. Simons:.. la neutralité ne suppose-t-elle pas, n'impose-t-elle pas même un désarmement complet?; Séance du 8 mars. M. Willman, Ministre de la guerre:.. On a dit qu'il n'y aurait

Digitized by Google

добно тому, что мы видѣли выше относительно Швейцаріи, въ Бельгіи со времени окончательнаго закрѣпленія ея международнаго положенія не высказывается уже болѣе никакихъ сомнѣній относительно права обороны нейтралитета военными мѣрами. Въ 1840 году, открывая засѣданія палатъ, король Леопольдъ I въ тронной рѣчи своей сказалъ слова, которыя охотно вспоминаютъ въ Бельгіи: «хранить нейтралитетъ искренній, честный и сильный, такова должна быть наша постоянная задача» [42]). Это классическое въ Бельгіи выраженіе мысли о необходимости внутренней охраны нейтралитета, отвѣчаетъ господствующему настроенію. Мы можемъ сопоставить рядъ цитатъ, почерпнутыхъ изъ литературы и парламентскихъ рѣчей за разныя десятилѣтія существованія королевства, и увидимъ, что за это время даже внѣшній обликъ разсужденій объ оборонѣ нейтралитета не измѣняется.

Брошюра 1839 года говоритъ: «Бельгія будетъ на дѣлѣ нейтральною, если будетъ имѣть силы, чтобы заставить уважать свой нейтралитетъ» [43]). Въ серединѣ сороковыхъ годовъ парламентъ разсматривалъ законопроектъ объ организаціи арміи; въ рѣчахъ депутаты и министры касались нейтралитета Бельгіи; общій смыслъ ихъ соображеній сводился

---

aucun moyen de prendre une mesure quelconque de défense pour le pays; on a prétendu que la neutralité était pour nous une véritable impuissance qui devrait nous livrer sans défense à la merci de notre ennemi. Messieurs, si la neutralité doit devenir synonyme d'impuissance, ce ne sera pas la faute du traité, mais bien celle du pays. Le traité ne condamne pas le pays à l'impuissance de se défendre lui même, il donne la garantie qu'il y aura toujours des arrangements qui empêcheront la Belgique d'être attaquée. Mais il ne lui défend pas de se défendre lui même; et je le repète, si le pays ne garde pas une armée pour la défendre, ce sera par sa faute, celle de sa représentation, et non pas celle du traité..; Histoire parlementaire du traité de paix du 19 avril 1839, I, 338 s., 427 s.

[42]) Цѣликомъ у Hymans, Histoire parlementaire de la Belgique de 1831 à 1880, II, Bruxelles, 1878, 5.

[43]) Laurillard Fallot, De la neutralité de la Belgique et de l'armée, Bruxelles, 1839, 7 s.

Digitized by Google

къ слѣдующему: «въ нейтралитетѣ мы имѣемъ реальную гарантію; но чтобы быть дѣйствительною, она не должна оставаться единственною: она должна сопровождаться другой—организаціей средствъ обороны» [44]). Въ пятидесятыхъ годахъ парламентскіе ораторы, обсуждая бюджетъ военнаго министерства, заявляютъ, что истинный нейтралитетъ есть нейтралитетъ вооруженный [45]). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ повторяется то же: «Бельгія нейтральное государство по силѣ европейскихъ договоровъ. Но это положеніе не снимаетъ съ нея обязанности защищать свою территорію, такъ какъ не вооруженный нейтралитетъ подверженъ всякимъ случайностямъ во время конфликта между гарантировавшими его государствами. Будучи въ состояніи защищаться, это государство исполняетъ обязанность по отношенію къ самому себѣ и согласуетъ свой образъ дѣйствій съ наиболѣе элементарными началами осторожности» [46]).

Единственный варіантъ, встрѣчающійся въ выраженіяхъ этой мысли, заключается въ томъ, что весьма охотно прибѣгаютъ для болѣе авторитетнаго ея обоснованія къ утвер-

---

[44]) Рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ въ засѣданіи палаты представителей 8 апрѣля 1845 года; ср. рѣчи de Chimay, de Remasse въ томъ же засѣданіи, Mecus въ засѣданіи 11 апрѣля; только de Garcia черпаетъ въ нейтралитетѣ аргументы противъ чрезмѣрнаго усиленія войска: j'ai soutenu que la confiance que devait inspirer cette neutralité formait la base de notre existence politique et qu'un armement trop considérable ne pouvait qu'altérer la valeur de ce principe dans l'esprit des nations qui ont consacré cette neutralité.. Annales parlementaires de Belgique, Session de 1844—45, Bruxelles, 1845, 1274, 1270, 1272 s., 1324.

[45]) M. de Sélys Longchamps: Je voterais toutes les dépenses qui seront nécessaires pour défendre notre nationalité par la neutralité et par là j'entends une neutralité sincère et complète. M. Forgens: Je demande la permission d'ajouter un mot, c'est que si je veux, moi aussi, une neutralité sincère et complète, j'entends par là une neutralité armée... Засѣданіе Сената 17 мая 1859 г. Annales parlementaires de Belgique, Session 1858—1859, Sénat, Bruxelles, 1859, 145.

[46]) Jamme, La loi belge sur le recrutement, Revue de droit international, 1869, 550.

Digitized by Google

жденію, что оборона нейтралитета есть международная обязанность Бельгіи. Трудно прослѣдить, откуда рождается это ученіе; въ началѣ оно скрывается въ общемъ признаніи обязательности вооруженій, причемъ не говорится, что это требованіе, которое извнѣ можетъ быть предъявлено Бельгіи; постепенно оно изъ «обязанности по отношенію къ самой себѣ», о которой говоритъ послѣдняя изъ приведенныхъ только что выдержекъ, превращается въ обязанность по отношенію къ другимъ государствамъ. Въ этомъ смыслѣ во время преній сороковыхъ годовъ, на которыя указывалось, говорилъ военный министръ: «высоко цѣня выгоды положенія постоянно нейтральнаго, покажемъ, что мы всегда готовы исполнять обязанности, которыя оно на насъ возлагаетъ, и для этого усилимъ войско» [47]), въ 1855 году одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей Бельгіи заявляетъ въ палатѣ: «не слѣдуетъ думать, что изъ нейтралитета для насъ не вытекаетъ никакихъ обязанностей; напротивъ того, необходимо, чтобы наша территорія охранялась нами самими, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени» [48]), а черезъ нѣсколько лѣтъ другой депутатъ: «правамъ всегда соотвѣтствуютъ обязанности и великія державы, давъ намъ право быть нейтральными, возложили на насъ обязанность серьезно защищать нашъ нейтралитетъ» [49]). Въ семидесятыхъ годахъ ученая статья, посвященная нейтралитету, пытается уже исторически доказать, что Лондонская конференція «желала, чтобы Бельгія была независимой и нейтральной и вмѣстѣ способной серьезно защищать независимость и нейтралитетъ», и выводитъ отсюда, что оборона нейтралитета обязанность Бельгіи и что, если она разоружится, то Европа

---

[47]) Засѣданіе Сената 15 мая 1845 г.; ср. рѣчь de Man d' Attenrode въ палатѣ 9 апрѣля 1845 г.; ibid., 1844—1845, 1729, 1297.

[48]) Lebeau въ засѣданіи палаты представителей 16 февраля 1855 г.; ibid., 1854—1855, Chambre des Représentants, 745.

[49]) Néaf въ сенатѣ 17 мая 1859 г.; ibid., 1858—1859, sénat, 145.

Digitized by Google

можетъ напомнить ей эту обязанность [50]). Такое утвержденіе высказывается вплоть до настоящаго времени [51]).

Мы знаемъ, что въ такой формѣ ученіе объ оборонѣ нейтралитета едва ли правильно. Исторія ст. 7 договора 1839 года и рѣшеніе вопроса о крѣпостяхъ не даютъ никакой возможности утверждать, что Бельгія связана по отношенію къ другимъ государствамъ обязанностью защищать свой нейтралитетъ. Несомнѣнно, и догматически такой выводъ ничѣмъ не оправдывается.

Разъ другія государства обязаны не воевать съ Бельгіей, едва ли рядомъ договорами могла быть предусмотрѣна обязанность защищаться противъ прямо запрещеннаго правонарушенія. Но сила, конечно, не въ этомъ. Если очистить только что приведенныя выдержки отъ фантастическихъ дополненій, сдѣланныхъ бельгійцами, то останется тезисъ о правѣ нейтральнаго оборонять свой нейтралитетъ даже войною. Выводъ этотъ мы прослѣдили въ исторіи Швейцаріи; теперь мы можемъ признать, что въ этомъ отношеніи совершенно тождественны результаты международной практики Бельгіи.

4. Существованіе войскъ у нейтральнаго есть тотъ пунктъ, который съ точки зрѣнія обычной трезвой политической мѣрки представляетъ постоянный поводъ къ скептическимъ отзывамъ. Какой же на дѣлѣ, спрашиваетъ себѣ этотъ трезвый политикъ, результатъ достигается провозглашеніемъ нейтралитета, разъ мирная хартія не избавляетъ

---

[50]) Thonissen, La neutralité belge dans le système européen въ Patria Belgica, II, Bruxelles, 1873, 373 ss.

[51]) C'est une obligation stricte, impérieuse, inhérente à notre neutralité; Gothaels, Le pays et l'armée, Bruxelles, 1878, 41;—La Belgique sera respectée si elle sait se montrer forte et résolue, l'Europe ne méconnaitrait pas ses obligations envers un pays qui accomplirait les siennes dans toute leur étendue; Banning, La Belgique au point de vue militaire et international, études publiés par Gossart, Bruxelles, 1901, 47; то же Nys, Notes sur la neutralité, Revue de droit international, III, 1901, 24, Descamps, 399 и др.

Digitized by Google

нейтральнаго отъ несенія всѣхъ тягостей военной обороны. Нельзя скрывать отъ себя, что въ этомъ пунктѣ сосредоточены затрудненія и для юриста. Признаніе права обороны нейтралитета военными мѣрами приводитъ къ тому, что общій запретъ войны для нейтральнаго видимымъ образомъ нарушается въ своемъ безусловномъ значеніи и создается первое исключеніе. Правда, исключеніе это лишь видимое: пока договоръ о нейтралитетѣ не нарушенъ, война по прежнему безусловно запрещена нейтральному: лишь правонарушеніе дѣлаетъ войну законнымъ орудіемъ въ рукахъ нейтральнаго. При всемъ томъ признаніе права обороны нейтралитета, конкретно выражающееся въ существованіи у нейтральнаго войска и крѣпостей, невольно вызываетъ представленіе, будто запретъ войны, обращенный къ нему, не имѣетъ безусловнаго значенія.

Ясно ли понятіе войны для обороны нейтралитета и не сливаются ли грани этого понятія съ понятіемъ оборонительной войны вообще? Можно ли точно разграничить оборонительную и наступательную войну? Если мы вспомнимъ, что указаніе на невозможность различить войну оборонительную и войну наступательную сдѣлалось теперь общимъ мѣстомъ теоріи международнаго права, то мы увидимъ, что тезисъ о безусловномъ значеніи запрета войны для нейтральнаго подвергнется существенной опасности, какъ только мы открываемъ въ немъ хотя бы одно видимое исключеніе.

Для сознательнаго обсужденія этихъ вопросонъ полезно обратиться къ одному эпизоду въ исторіи постоянно нейтральныхъ, въ которомъ смыслъ предстоявшей нейтральному войны былъ сомнительнымъ, и гдѣ правовая грань между войной какъ средствомъ обороны нейтралитета и войной въ ея обыкновенномъ значеніи была проведена крайне неясно. Такимъ эпизодомъ, стоящимъ совершенно одиноко въ развитіи международныхъ отношеній нейтральныхъ, является споръ между Швейцаріей и Пруссіей изъ-за Нешателя въ 1856—1857 гг.

Старая дореволюціонная Швейцарія представляла, мы

Digitized by Google

знаемъ, сложное политическое цѣлое; рядомъ съ полноправными членами союза, составлявшими ядро государства, въ немъ участвовало еще нѣсколько самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, лишь «примыкавшихъ» къ нему (Zugewandte Orte). Они связаны были съ кантонами отдѣльными договорами, представлявшими—если откинуть различія въ подробностяхъ—родъ тѣсныхъ оборонительныхъ и наступательныхъ союзовъ безъ ограниченія срока и съ предоставленіемъ кантонамъ роли руководителей внѣшней политикой союзниковъ, отношеніе, которое съ точки зрѣнія современной терминологіи является чѣмъ-то среднимъ между простымъ союзомъ (alliance) и протекторатомъ. «Примыкавшія мѣста» въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ не были подчинены союзу, являясь частью его лишь по отношенію къ внѣшнему міру. Историческая пестрота стараго строя исчезла подъ вліяніемъ революціи 1798 г. и акта медіаціи: «die zugewandten Orten» превратились въ обыкновенные кантоны. Это положеніе осталось неизмѣненнымъ и по конституціи 1815 г. Только въ одной изъ прежнихъ «примыкавшихъ мѣстностей» сохранился пережитокъ старыхъ особенностей, а именно въ Нешателѣ (la Principauté de Neuchâtel et le Comté de Valengin). Маленькое княжество, обладавшее самостоятельной династіей, съ 13-го столѣтія связано было союзомъ съ швейцарскими кантонами; перейдя въ 1707 г. по наслѣдству къ прусскимъ Гогенцоллернамъ, оно осталось вѣрнымъ этому союзу и продолжало составлять часть Швейцаріи въ качествѣ одного изъ «zugewandte Orte». Благодаря уніи съ Пруссіей, Нешатель избѣгнулъ въ 1798 г. общей участи этихъ политическихъ единицъ и не былъ присоединенъ къ «единой и нераздѣльной гельветической республикѣ», оставаясь попрежнему во владѣніи прусскихъ королей. Удаленное отъ Пруссіи и всегда совершенно обособленное отъ нея въ военномъ отношеніи, княжество не могло сохранить случайно выпавшей на его долю независимости: прусскій король принужденъ былъ въ 1806 г. уступить свои суверенныя права Наполеону, передавшему княжество маршалу

Digitized by Google

Бертье [51]). Въ качествѣ владѣнія послѣдняго княжество продолжало существовать до конца имперіи и въ эпоху вѣнскаго конгресса было возвращено прежней династіи. При этомъ возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить прежнія связи Нешательскаго княжества съ Швейцаріей; въ виду невозможности иначе организовать защиту княжества и въ виду, съ другой стороны, необходимости Нешателя для обороны самой Швейцаріи [52]), вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно, и по договорамъ 1815 года Нешатель, оставаясь подъ властью прусскихъ королей, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ превращенъ въ кантонъ союза. Ст. XXIII вѣнскаго акта опредѣляла: «король прусскій, его наслѣдники и преемники будутъ имѣть, какъ и прежде, въ полномъ державномъ владѣніи и собственности княжество Нейшательское и графство Валенгинское», а ст. LXXV:— «Княжество Нешательское присоединяется къ Швейцаріи и составитъ одинъ изъ трехъ новыхъ кантоновъ». Швейцарія позаботилась о томъ, чтобы по возможности органически слить съ собою княжество. Въ актѣ соединенія Нешателя съ союзомъ 15 мая 1815 г. она постаралась устранить участіе прусскаго короля съ союзныхъ дѣлъ, участіе, которое не могло не служить препятствіемъ къ закрѣпленію прочныхъ связей между нею и новымъ кантономъ. Съ этой цѣлью

---

[51]) Который долженъ былъ владѣть имъ «en toute propriété et souveraineté», но вмѣстѣ съ тѣмъ обязывался «en sa dite qualité de Prince et Duc de Neuchâtel... nous (Napoléon) servir en bon et loyal sujet». Это одно изъ тѣхъ отношеній, которыя характеризуются въ текстѣ на стр. 8 и слл.

[52]) Соображеніе о невозможности найти иную защиту Нешателя, кромѣ распространенія на него нейтралитета Швейцаріи было всегда настолько ясно, что, когда среди Нешательскихъ роялистовъ возникла мысль освободиться отъ связи съ союзомъ, они все же настаивали на томъ, чтобы и независимый Нешатель входилъ въ сферу постояннаго нейтралитета. Zuschrift des Staatsrathes von Neuenburg an den Vorort Zürich vom 26 märz 1834, изложенный у Tillier, Geschichte der Eidgenossenschaft während der Zeit des sogenannten Fortschrittes, I, Bern, 1854, 267 f.

Digitized by Google

было постановлено: «суверенное государство Нешатель принимается въ швейцарскій союзъ въ качествѣ кантона. Это принятіе совершается подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы исполненіе всѣхъ обязанностей, которыя падаютъ на это государство, какъ на члена союза, участіе его въ совѣщаніяхъ по общешвейцарскимъ дѣламъ, ратификація и исполненіе рѣшеній сейма, касалось исключительно правительства, пребывающаго въ Нешателѣ, безъ необходимости прибѣгать къ какой-либо иной санкціи» (ст. 1). Описательной формулой «правительство, пребывающее въ Нешателѣ» разумѣлись старинныя учрежденія княжества: государственный совѣтъ, которому принадлежала исполнительная власть и который дѣйствовалъ отъ имени отсутствующаго князя, и законодательный корпусъ, которому принадлежала законодательная власть; только ихъ считала Швейцарія призванными руководить кантономъ въ его отношеніяхъ къ союзу. Короля-князя она игнорировала, не смущаясь тѣмъ, что такъ она разрывала на двѣ части единый съ точки зрѣнія государственнаго права Нешателя организмъ конституціоннаго строя княжества. Двойственность положенія Нешателя [53]) и послужила источникомъ серьезнаго конфликта между тѣми двумя государствами, съ которыми связывали его акты 1815 года. Конфликтъ этотъ возникъ слѣдующимъ образомъ. Вслѣдъ за февральской революціей въ Парижѣ вспыхнула революція и въ Нешателѣ; она привела къ тому, что власть князя-короля была свергнута и огромнымъ боль-

---

[53]) Исторія международноправового положенія Нешателя имѣетъ очень большую литературу. Для отношеній до 1815 года особенно важны: Hottinger, Neuenburg in seinen geschichtlichen und Rechts-Verhältnissen zu der Schweiz und zu Preussen, Zürich, 1853 и Hermann Schulze, die staatsrechtliche Stellung des Fürstenthums Neuenburg, Jena, 1854 (тамъ же наиболѣе важные акты). Ср. Bluntschli, Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes, I, Zürich, 1849, 206 f., II, 119—130. Всѣ эти авторы скорѣе описываютъ правовыя отношенія Нешателя, чѣмъ даютъ строгій юридическій анализъ ихъ.

Digitized by Google

шинствомъ голосовъ принята новая конституція, установившая республиканскую форму правленія.

Въ этомъ фактѣ заключалось несомнѣнное нарушеніе прежнихъ устоевъ государственнаго быта княжества. Новая конституція покоилась на идеѣ суверенитета народа, выразившаго всеобщимъ голосованіемъ свою волю, идеѣ, которая, въ глазахъ законнаго государя страны, не могла, конечно, служить достаточнымъ оправданіемъ совершившимся фактамъ; права князя не нашли себѣ достаточно сильныхъ защитниковъ внутри страны, онъ принужденъ былъ преклониться передъ необходимостью, довольствуясь протестами и дѣлая оговорки въ пользу своихъ суверенныхъ правъ. Съ точки зрѣнія новой конституціи, положившей устои новой законности, эти протесты лишены были всякаго значенія, а Нешательскій князь являлся простымъ «претендентомъ». Онъ раздѣлилъ бы въ этомъ отношеніи судьбу многихъ другихъ законныхъ государей и вопросъ былъ бы исчерпанъ, если бы положеніе не осложнялось тѣмъ, что Нешательскимъ княземъ былъ король прусскій.

Права прусскаго короля на Нешатель покоились на торжественныхъ международныхъ актахъ; поскольку вѣнскій договоръ дѣйствовалъ, республика въ Нешателѣ, съ точки зрѣнія международнаго права, оставалась фактомъ, нарушающимъ установленный международный порядокъ. Король сознавалъ это и обратился къ державамъ, прося ихъ подтвердить его права; протоколомъ Лондонской конференціи 24 мая 1852 года было дѣйствительно единогласно подтверждено державами «признаніе правъ короля на княжество Нешательское и графство Валенгинское» [54]).

---

[54]) Напечатанъ, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ оффиціальной швейцарской Denkschrift über die Neuenburger-Frage, 1856, 129 f. Второй разъ Пруссія поставила на очередь этотъ вопросъ на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. Protocole № 22. Séance du 8 avril 1856: M. le Baron Monteuffel ne méconnaît nullement la haute importance des autres questions qui ont été débattues; mais il fait observer qu'on a passé sous silence une

Digitized by Google

Великія державы ограничились указанной принципіальной декларацією, но этимъ не были исчерпаны всѣ средства возстановленія власти короля въ Нешателѣ. За королемъ стояла Пруссія. Обычно принято считать, что соединеніе Нешателя и Пруссіи было чистой личной уніей, что между княжествомъ и Пруссіей какъ государствами не существовало помимо общности монарха никакихъ правовыхъ связей, и что, слѣдовательно, послѣдней ни мало не касалось, признавались ли въ Нешателѣ права князя или нѣтъ. Это установившееся [55]) воззрѣніе не соотвѣтствуетъ смыслу статьи 23 Вѣнскаго договора. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не «съ случайной съ правовой точки зрѣнія общностью двухъ государствъ, соединенныхъ личностью государя», характерной для личной уніи; общность государя покоилась не на случайномъ совпаденіи династическаго закона каждой изъ двухъ странъ на одномъ и томъ же лицѣ; напротивъ того, владѣніе Нешателемъ по смыслу ст. 23 Вѣнскаго договора навсегда соединялось съ прусской короною; всякій прусскій король долженъ былъ быть de jure нешательскимъ княземъ, и юридически немыслимо было наступленіе конца этой уніи [56]). Поэтому нельзя сказать,

affaire d'un intérêt majeur pour sa Cour et pour l'Europe; il veut parler de la situation actuelle de Neuchâtel. Il fait remarquer que cette Principauté est peut être le seul point en Europe où contrairement aux traités et à ce qui a été formellement reconnu par toutes les grandes Puissances, domine un pouvoir révolutionnaire, qui méconnaît les droits du souverain. Протестъ Пруссіи не нашелъ себѣ на этотъ разъ никакого отклика. Martens-Samwer, N. R. G., XV, Gottingue, 1857, 753 ff.

[55]) Соединеніе Нешателя съ Пруссіей въ литературѣ служитъ классическимъ примѣромъ личной уніи: вмѣсто другихъ Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, Wien, 1882, 87, n. 8; Ullman, Völkerrecht, Freiburg 1. B., 1898, 44.

[56]) Невѣрно Schulze, 187: das staatsrechtliche Verhältniss des Fürstenthums Neuenburg zur preussischen Monarchie ist daher das einer reinen Personalunion unter gleichem Erbgesetz; даже если бы въ Пруссіи законъ о престолонаслѣдіи былъ измѣненъ, все же любой прусскій король de jure князь Нешателя; мы нигдѣ не встрѣчали указанія, чтобы

Digitized by Google

чтобы для Пруссіи, какъ государства, связи съ Нешателемъ не существовало; Нешатель былъ владѣніемъ ея короля, а не отдѣльной личности Фридриха Вильгельма IV и др., и рѣчь шла о правахъ короля и, слѣдовательно, о правахъ Пруссіи. Въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній на дѣлѣ не существовало не только въ самой Пруссіи, но и въ германскомъ сеймѣ и другихъ европейскихъ государствахъ [57]).

Другимъ факторомъ, осложнявшимъ положеніе созданное нешательскими событіями 1848 года, были связи княжества съ Швейцаріей. Въ «актѣ соединенія» Швейцарія опредѣлила принципіально, въ какихъ отношеніяхъ она находится къ Нешателю. Она игнорировала жившаго въ Берлинѣ нешательскаго государя и признавала только мѣстное правительство, не знала княжества, а лишь кантонъ. Когда конституціонная монархія уступила мѣсто республикѣ, она осталась вѣрна установленной въ актѣ соединенія формулѣ и въ новыхъ республиканскихъ органахъ признала то «пребывавшее въ Нешателѣ правительство», о которомъ говоритъ эта формула; признаніе это было освящено формальнымъ актомъ. По союзному договору 1815 года, дѣйствовавшему еще въ моментъ революціи въ Нешателѣ, однимъ изъ условій союза была «взаимная гарантія конституцій

въ Нешателѣ существовалъ свой законъ о престолонаслѣдіи.— Стоитъ прочесть статью 29 Вѣнскаго договора, чтобы убѣдиться въ несостоятельности теоріи личной уніи: она перечисляетъ наравнѣ съ Нешателемъ такія владѣнія Прусскаго короля, какъ городъ Данцигъ, Эрфуртъ, графство Эссенское, графство Равенсбургское и т. д. Теорія эта опирается лишь на фактъ обособленности управленія Нешателя отъ управленія Прусскими землями, который, конечно, не служитъ достаточнымъ доказательствомъ, и по своему происхожденію является не правовымъ, а чисто политическимъ тезисомъ.

[57]) Поэтому совершенно невѣрно Schweizer, 839: Nach dem allgemeinen Völkerrecht und Staatsrecht wäre der preussische Staat zur Neutralität im Krieg des Fürsten von Neuchâtel berechtigt gewesen.

Digitized by Google

кантоновъ въ той формѣ, въ которой онѣ приняты ихъ высшею властью» [58]).

Согласно этому постановленію, вслѣдъ за тѣмъ, какъ въ пользу республиканской конституціи высказалось большинство кантона, швейцарскій сеймъ единогласно постановилъ принять ее подъ гарантію союза. Въ правѣ ли онъ былъ сдѣлать это? Союзный договоръ ставилъ условіемъ этой гарантіи принятіе конституціи высшей кантональной властью. Было ли налицо это условіе? Сеймъ сталъ на точку зрѣнія верховенства народной воли и права народа избирать то политическое устройство, которое ему подходитъ. Едва ли съ точки зрѣнія прежняго нешательскаго конституціоннаго строя можно было видѣть въ народѣ «высшую кантональную власть» и въ этомъ отношеніи, гарантируя новую конституцію, сеймъ дѣйствовалъ едва ли правомѣрно. Съ другой стороны однако, въ Нешателѣ, какъ кантонѣ, швейцарскій союзъ никогда не зналъ другихъ органовъ, кромѣ пребывавшихъ въ немъ; въ 1848 году эти послѣдніе измѣнились и сейму оставалось только преклониться передъ новыми порядками.—Дальнѣйшимъ шагомъ въ томъ же направленіи было внесеніе въ новую союзную конституцію, принятую въ томъ же 1848 году, статьи 6, которая гласила: «Кантоны обязаны ходатайствовать передъ союзомъ о гарантіи своихъ конституцій. Союзъ принимаетъ на себя эту гарантію поскольку... онѣ обезпечиваютъ пользованіе политическими правами въ республиканскихъ формахъ, будь то представительныхъ или демократическихъ» [59]). Благодаря этой статьѣ республиканская форма

---

[58]) Art. 1: Sie (die 22 souveränen Kantone der Schweiz) gewährleisten sich gegenseitig ihre Verfassungen, so wie dieselben von den obersten Behörden jedes Kantons, in Uebereinstimmung mit den Grundsätzen des Bundesvertrages, werden angenommen worden sein.

[59]) Die Kantone sind verpflichtet, für ihre Verfassungen die Gewährleistung des Bundes nachzusuchen.—Der Bund übernimmt diese Gewährleistung insofern:... b. sie die Ausübung der politischen Rechte nach republikanischen—repräsentativen oder demokratischen—Formen sichern...

Digitized by Google

сдѣлалась для кантоновъ одной изъ союзныхъ обязанностей и Швейцарія, не нарушая конституціи, не могла болѣе отклонить отъ себя защиту республики въ Нешателѣ.

Изложеннымъ рядомъ фактовъ между Пруссіей и Швейцаріей создано было непримиримое разногласіе въ пониманіи тѣхъ правъ и обязанностей, которыя связывали ихъ съ Нешателемъ: Пруссія, опираясь на международные договоры, защищала суверенныя права своего государя на княжество и видѣла въ событіяхъ 1848 года правонарушеніе; Швейцарія считала, что переворотъ совершился законнымъ путемъ, что нешательскаго княжества болѣе не существуетъ и что всякая попытка короля въ пользу возстановленія монархіи является незаконнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла союза, нарушеніемъ его правъ свободнаго самоопредѣленія [60]).

Въ теченіе восьми лѣтъ это положеніе оставалось неизмѣннымъ, но въ концѣ 1856 г. произошло событіе, рѣзко обострившее взаимныя отношенія. Группа приверженцевъ княжеской власти въ Нешателѣ сдѣлала попытку возстановить старый порядокъ; республиканское правительство безъ всякаго труда справилось съ заговоромъ и захватило всѣхъ его участниковъ. Предстояло опредѣлить судьбу этихъ послѣднихъ. Значеніе ихъ поступка было совершенно разное для Швейцаріи и для Пруссіи. Съ точки зрѣнія дѣйствовавшаго въ Нешателѣ государственнаго строя попытка роялистической реставраціи была государственнымъ преступленіемъ; швейцарскій союзъ, гарантировавшій этотъ строй, долженъ былъ стать на ту же точку зрѣнія.

Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о событіяхъ въ Нешателѣ союзный совѣтъ отправилъ туда своихъ комиссаровъ съ миссіей содѣйствовать, въ случаѣ нужды, съ помощью военной силы возстановленію законнаго порядка, а когда

---

[60]) Точка зрѣнія Швейцаріи въ нешательскомъ вопросѣ воспроизведена въ оффиціальной Denkschrift über die Neuenburger-Frage 1856, 89, 97, 104 f.

Digitized by Google

оказалось, что заговорщики обезоружены, издалъ постановленіе о возбужденіи противъ виновныхъ уголовнаго преслѣдованія [61]). Съ точки зрѣнія прусскаго короля и съ точки зрѣнія Вѣнскаго договора, заговорщики 1856 года не могли казаться преступниками; это были люди, стремившіеся возстановить законныя права своего государя, освященныя международнымъ актомъ; мысль, что они падутъ жертвой своей преданности законному правительству, оскорбляла правосознаніе Фридриха Вильгельма IV [62]). Прусскому посланнику предписано было обратиться съ требованіемъ къ союзу о томъ, чтобы впредь до рѣшенія международнымъ путемъ спора о Нешателѣ судебное преслѣдованіе противъ роялистовъ было пріостановлено. Требованіе это было отвергнуто, какъ несогласное съ честью союза [63]).

Судьба роялистовъ сдѣлалась такимъ образомъ тѣмъ пунктомъ, на которомъ сосредоточился весь международный споръ о Нешателѣ. Для каждой изъ двухъ сторонъ, стоявшихъ другъ противъ друга, уступка въ этомъ частномъ вопросѣ являлась отказомъ отъ ясно сознававшагося ею права.

Были испробованы сначала мирные способы рѣшенія спора. Ссылаясь на Лондонскій протоколъ 1852 года, король обратился прежде всего къ «добрымъ услугамъ» великихъ державъ, прося ихъ настоять въ Швейцаріи на освобожденіи роялистовъ; особенныя надежды онъ возлагалъ на французскаго императора, который стоялъ въ тѣ годы на вер-

---

[61]) 4 сентября 1856 года; Bundesblatt der Schweizerischen Eidgenossenschaft, Jahrgang 1856, II, 394.

[62]) «Онъ былъ внѣ себя отъ горя и злобы, думая о томъ, что люди, оставшіеся ему вѣрными, будутъ судимы какъ обыкновенные преступники и что имъ угрожаетъ многолѣтнее заключеніе; ему казалось, что высшій долгъ его чести принести имъ спасеніе и свободу»; Sybel, Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I, II, München & Leipzig, 1889, 249.

[63]) Botschaft des Bundesrathes an die Bundesversammlung vom 23 Herbstmonat 1856; Bundesblatt, 1856, II, 514.

Digitized by Google

шинѣ своего могущества и которому приписывалось большое вліяніе въ Швейцаріи. Онъ заявилъ, что, если державы и Наполеонъ III не помогутъ ему, онъ вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ войнѣ, давая, однако, понять, что по принципіальному вопросу о Нешателѣ онъ готовъ на всѣ согласныя съ его честью уступки [64]). Онъ обратился затѣмъ къ германскому сейму съ аналогичной просьбой: онъ выразилъ надежду, что ему удастся благодаря участію всей Германіи убѣдить Швейцарію уступить его требованіямъ и что въ случаѣ неудачи ему предоставлена будетъ свобода военныхъ движеній, необходимыхъ для защиты его правъ и чести [65]). Французскій императоръ и союзный сеймъ приняли къ сердцу просьбы короля. Первый обратился къ Швейцаріи съ совѣтомъ отпустить роялистовъ, обѣщая свое содѣйствіе для благопріятнаго для Швейцаріи рѣшенія судьбы Нешателя; совѣтъ этотъ сопровождался указаніемъ, что Пруссія готова прибѣгнуть къ войнѣ для осуществленія своихъ требованій [66]). Сеймъ постановилъ присоединиться съ своей стороны къ Лондонскому протоколу 1852 года и поручить германскимъ государствамъ, имѣющимъ своихъ представителей въ Швейцаріи, заявить тамъ отъ имени союза о необходимости удовлетворить прусскія требованія [67]).

Швейцарія не отозвалась ни на совѣты Наполеона, ни на требованія сейма и продолжала настаивать на своемъ правѣ судить роялистовъ. Непримиримость швейцарскаго и

---

[64]) Sybel, II, 252 f.

[65]) Выдержка изъ Prot. 1856, § 271, приведенная у Poschinger, Preussen im Bundestag 1851—1859, III, Leipzig, 1882, 32, n. 2. Этотъ сборникъ депешъ Бисмарка за время его службы во Франкфуртѣ на Майнѣ даетъ наиболѣе важный матеріалъ для исторіи переговоровъ Пруссіи съ сеймомъ по поводу Нешателя

[66]) Sybel, II, 253.

[67]) Prot. 1856, § 291, 6 ноября 1856 года, цит. Poschinger, III, 45, n. 2.

Digitized by Google

прусскаго интересовъ обозначилась окончательно разрывомъ дипломатическихъ сношеній [68]).

На очередь сталъ вопросъ о рѣшеніи конфликта иными средствами, вопросъ о войнѣ между двумя государствами. Обѣ стороны сознательно поставили себѣ этотъ вопросъ и обѣ рѣшили утвердительно. Швейцарскій союзный совѣтъ обратился къ кантонамъ съ циркуляромъ, которымъ созывалъ законодательные совѣты и гдѣ заявилъ слѣдующее: «мы твердо убѣждены, что вы готовы оцѣнить серьезность положенія для отечества и могущія возникнуть осложненія... При неизвѣстности, какъ сложатся обстоятельства, мы обращаемся въ вамъ съ настойчивымъ приглашеніемъ привести какъ союзный контингентъ, такъ равно резервы и ландверъ въ такое состояніе, чтобы имъ возможно было безъ замедленій распорядиться въ интересахъ отечества, и нынѣ же пополнить недостатки и пробѣлы въ личномъ и матеріальномъ составѣ, если бы таковые оказались» [69]). Собравшіяся вслѣдъ за симъ законодательныя собранія вполнѣ одобрили эти мѣры, и приняли единогласно два слѣдующихъ рѣшенія: «союзный совѣтъ уполномоченъ на всѣ дальнѣйшія распоряженія къ тому, чтобы быть на высотѣ задачи защиты отечества, если согласное съ честью мирное рѣшеніе окажется невозможнымъ. На необходимые расходы ему открытъ неограниченный кредитъ» и «союзный совѣтъ уполномоченъ заключать за счетъ союза необходимые денежные займы и подписывать соотвѣтствующіе договоры» [70]).

Съ своей стороны Пруссія, еще ранѣе указанныхъ событій въ Швейцаріи, стала открыто говорить о войнѣ. Тронная рѣчь короля 20 ноября выражала надежду, что прусскій народъ съумѣетъ защитить честь своего государя. Почти одновременно начаты были переговоры съ южно-

---

[68]) 16 декабря 1856 года.
[69]) Bundesblatt, 1856, II, 733 f.
[70]) Ibid., 1857, I, 7.

Digitized by Google

германскими государствами о пропускѣ прусскаго войска черезъ ихъ территорію, переговоры, которые скоро увѣнчались успѣхомъ [71]). Такимъ образомъ, къ началу 1857 года обѣ стороны были готовы приступить къ военнымъ дѣйствіямъ. Между Швейцаріей, провозглашенной постоянно нейтральнымъ государствомъ, и одной изъ державъ, подписавшихъ декларацію 20 ноября должна была начаться война. Наиболѣе знаменательно при этомъ, что нейтральная Швейцарія вовсе не считала нужнымъ оправдываться въ противорѣчіи своихъ плановъ конститутивному акту нейтралитета. Можно было бы ожидать, что она сошлется на прусскія вооруженія, какъ на оправданіе принятыхъ ею военныхъ мѣръ, постарается показать, что она имѣетъ въ виду лишь защиту своего нейтралитета отъ вторженія иностраннаго государства. Уже это одно, конечно, могло бы послужить основаніемъ признать временную недѣйствительность обязанностей постояннаго нейтралитета. На дѣлѣ мотивировка Швейцаріи была иная. Прокламація къ швейцарскому народу, изданная союзнымъ совѣтомъ, гласила слѣдующее: «Мы не можемъ исполнить требованія Пруссіи, потому что это значило бы отказаться отъ верховныхъ правъ союза и признать, что кучкѣ людей позволено безпрепятственно нарушать миръ страны и разрывать гарантированную всѣми кантонами конституцію Нешателя, его законный порядокъ и вмѣстѣ конституцію союза». Война необходима и дозволена, потому что рѣчь идетъ о защитѣ верховныхъ правъ союза и охраны того порядка вещей въ Нешателѣ, который Швейцарія считаетъ единственно законнымъ [72]).

---

[71]) Объ этихъ переговорахъ донесенія Бисмарка, цит. въ примѣчаніи 74.

[72]) Proklamation des schweizerischen Bundesrathes an das Schweizer Volk, Bern, 3 Jänuar 1857; Bundesblatt, 1857, I, 7. Та же мысль въ рѣчи президента кантональнаго совѣта Dubs: «Швейцарія отъ всего сердца желаетъ мира, если онъ возможенъ безъ ущерба для ея чести... Но если миръ съ честью не возможенъ, то Швейцарія въ тысячу разъ

Digitized by Google

Конфликтъ, угрожавшій войною, былъ въ концѣ концевъ улаженъ. Еще во время переговоровъ, предшествовавшихъ полному обостренію спора, Наполеонъ III заявилъ прусскому королю, что онъ какъ французскій государь не могъ бы спокойно смотрѣть на вторженіе прусскихъ войскъ въ Швейцарію [73]). Далѣе то же возраженіе, въ болѣе принципіальной формѣ, было противопоставлено Пруссіи со стороны австрійскаго правительства при обсужденіи вопроса о пропускѣ пруссаковъ черезъ южно-германскія государства. Австрія заявила тогда, что великія державы, какъ гаранты швейцарскаго нейтралитета, не могутъ допустить войны противъ нея, что улаженіе вопроса принадлежитъ вѣдѣнію международной конференціи и что пропуска прусскихъ войскъ не слѣдуетъ допускать [74]). Когда конфликтъ окончательно обозначился, великія державы предложили свое посредничество. Чтобы обезпечить его успѣхъ, необходимо было найти такое рѣшеніе спора, которое удовлетворило бы обѣ стороны: чтобы удовлетворить прусскаго короля, нужно было

предпочитаетъ войну со всѣми ея ужасами миру, который положитъ пятно на честь и независимость отечества»; 27 декабря 1856; ibid., 1857, I, 12.—Защитники Швейцаріи въ современной событіямъ литературѣ аргументируютъ ссылками на принципы народовластія и національности; Agénor de Gasparin, la question de Neuchatel, Paris, 1857, 25.

[73]) Отвѣтъ на письмо отъ 16 сентября, о которомъ выше, Біаррицъ, 24 сентября 1856; Sybel, II, 233 f. Наполеонъ, повидимому, не ссылался при этомъ на постоянный нейтралитетъ Швейцаріи и на обязанности, вытекающія изъ него для Пруссіи; слова его воспроизводятъ тотъ старый и неизмѣнный политическій мотивъ, который заставилъ Таллейрана настаивать въ Вѣнѣ на признаніи швейцарскаго нейтралитета, правительство Людовика Филиппа провозгласитъ принципъ невмѣшательства во внутреннія швейцарскія дѣла въ началѣ 30-хъ годовъ и т. д.; этотъ мотивъ не умеръ до сихъ поръ.

[74]) Смыслъ австрійской ноты передаетъ Bismarck an Manteuffel, Frankfurt a. M., 26 Dezember 1856 у Poschinger, III, 671; ср. его депешу отъ 22 декабря 1856; ibid., IV, Leipzig, 1884, 247 ff. Подлинные документы не изданы. Лучшіе историки эпохи, Sybel, II, 260 f. и Ollivier, L'Empire libéral, VII, Paris, 1903, 401, говоря о вмѣшательствѣ Австріи, не упоминаютъ объ этомъ аргументѣ.

Digitized by Google

добиться свободы роялистовъ, которая ему была всего дороже; чтобы удовлетворить Швейцарію за такую уступку, нужно было обѣщать ей окончательное освобожденіе Нешателя. Пока Швейцарія не имѣла въ рукахъ доказательствъ, что король прусскій готовъ признать независимость Нешателя, она не могла отпустить заговорщиковъ, обладаніе которыми давало ей средство воздѣйствія на Пруссію [75]). Въ началѣ 1857 года Франція, Англія, Россія и Пруссія обратились къ Швейцаріи съ совѣтомъ уступить по вопросу о роялистахъ, намекая, что въ этомъ для нея лучшее средство окончательно утвердиться въ Нешателѣ [76]), а Наполеонъ III прямо удостовѣрилъ, что она можетъ твердо расчитывать на то, что вслѣдъ за освобожденіемъ роялистовъ Пруссія откажется отъ правъ на Нешатель [77]).

Этотъ шагъ Наполеона III измѣнилъ положеніе: Швейцарія, уступивъ по вопросу о судьбѣ роялистовъ, могла теперь достигнуть результата, гораздо болѣе цѣннаго; война перестала быть единственнымъ средствомъ рѣшенія спора съ

---

[75]) Этотъ мотивъ Швейцаріи указанъ Oechsli, Zu Sybels Darstellung der Neuenburger Verwicklung, Zurich, 1890, 9.

[76]) Французская нота 5 января 1857: le Gouvernement de l'Empereur prend l'engagement de faire tous ses efforts, dès que les prisonniers neuchâtelois auront été rendus à la liberté, pour amener un arrangement qui répondrait aux voeux de la Suisse, en assurant l'entière indépendance de Neuchâtel par la renonciation du Roi de Prusse aux droits que les traités lui attribuent sur cette Principauté; русская нота 11 января: Sa Majesté Impériale... se prêtera avec chaleur et confiance à faire valoir ses bons offices auprès S. M. le Roi de Prusse en faveur d'un arrangement des difficultés présentes aussi conforme que possible aux voeux de la Suisse, auquel il serait procédé aussitôt que l'autorité souveraine de la Confédération aurait prononcé et fait mettre à exécution l'abolition des procédures dirigées contre les prisonniers royalistes et leur mise en liberté. Въ томъ же смыслѣ австрійская нота 9 января 1857; менѣе опредѣленна англійская 7 января 1857 года; Bundesblatt, 1857, I, 40 ff.

[77]) Заявленія Наполеона III швейцарскому посланнику 4 и 8 января 1857 года, дословно передаваемыя у Kern, Souvenirs politiques, Berne 1887, 123 ss.

Digitized by Google

Пруссіей. Хорошо сознавая это, оба законодательныхъ собранія высказались за освобожденіе роялистовъ [78]); въ началѣ января послѣдніе были высланы за границу. Посредники исполнили свое обѣщаніе: на международной конференціи въ Парижѣ 26 мая 1857 г. заключенъ былъ договоръ между пятью великими державами и Швейцаріей, первыя двѣ статьи котораго говорили: «Его Величество король прусскій соглашается навсегда отказаться за себя, своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, отъ верховныхъ правъ, которыя сообщала ему ст. 23 договора, заключеннаго въ Вѣнѣ 9 іюня 1815 года, на княжество Нешательское и графство Валенгенское. Государство Нешатель, отнынѣ и впредь независимое, будетъ продолжать составлять часть швейцарскаго союза на тѣхъ же основаніяхъ, что и другіе кантоны, и согласно ст. 75 названнаго договора» [79]).

Нѣтъ сомнѣнія, что мирное рѣшеніе спора о Нешателѣ вполнѣ соотвѣтствовало особымъ свойствамъ международнаго положенія Швейцаріи; нейтралитетъ ея остался не за-

---

[78]) Die Frage, die wir gegenwärtig zu lösen haben, ist eine Frage von Krieg und Frieden, und zwar eine Frage von Krieg und Frieden, wo im Falle des Krieges wir alle Staaten von Europa gegen uns hätten... Allein gewissenhafte Representanten des Volkes werden nicht ausser Acht lassen, dass sie nur im äussersten Falle, nur im Falle wirklicher Not es dazu kommen lassen dürfen; Vortrag des Hern D-r Escher, Presidenten des schweizerischen Nationalrathes, 15 Januar 1857; ...Dann haben wir zufolge eines ganz unbestimmten Misstrauens einen bestimmten Krieg oder vielleicht noch schlimmeres als einen offenen Krieg nämlich Vexationen, gegen die wir nutzlos unsere Kräfte losaufreiben um am Schlusse froh zu sein im Hafen einer europäischen Konferenz einlaufen zu können und die heilige Begeisterung für die Sache des Vaterlandes welche jetzt die Nation einmütig zur Opferbereitwilligkeit entflammt wäre morgen schon gewichen einer tiefgehenden innern Entzweien, welche die Nation schlimmer zerfleischen dürfte, als solches in der blutigsten Feldschlacht geschehen konnte; Bericht der Mehrheit des Ständesräthlichen Kommission, 16 Januar 1857; Bundesblatt, 1857, I, 54 f., 63 f.

[79]) De Clercq, Recueil des traités de la France, VII, Paris, 1866, 272 ss.

Digitized by Google

тронутымъ, и ни она, ни Пруссія не нарушили договорныхъ нормъ. Но не съ этой стороны интересуетъ насъ только что изложенная цѣпь событій. Постараемся перенестись въ ту минуту, которая предшествовала улаженію спора. Швейцарія считала, что она защищаетъ свое право, и готовилась защищать его войною. Было ли правомѣрнымъ такое рѣшеніе и могла ли бы она, не нарушая обязанностей нейтралитета, привести его въ исполненіе? Вопросъ этотъ подлежитъ въ принципѣ отрицательному рѣшенію. Война безусловно запрещена нейтральному, хотя бы имъ руководила общая мысль объ охранѣ своихъ правъ. Представимъ себѣ однако, что Пруссія воспользовалась даннымъ ей германскими государствами разрѣшеніемъ и направила свои войска къ предѣламъ Швейцаріи. Можетъ ли Швейцарія при этихъ условіяхъ первая начать военныя дѣйствія, вступивъ на иностранную территорію, занятую войсками противника? Будетъ ли тутъ случай обороны нейтралитета, дозволенный нейтральному въ случаѣ нарушенія послѣдняго.

По нашему мнѣнію нѣтъ; нарушенія нейтралитета еще нѣтъ на лицо. Когда же наступаетъ послѣднее? Необходимо найти гдѣ-нибудь совершенно опредѣленное рѣшеніе этого вопроса, ибо иначе весь институтъ постоянно нейтральныхъ государствъ способенъ утратить всякую опредѣленность и устойчивость. Граница между дозволенной и недозволенной для нейтральнаго войною должна, по нашему мнѣнію, лежать въ томъ, совершилось ли или нѣтъ вступленіе иностраннаго войска въ его предѣлы; только у себя, въ предѣлахъ своей территоріи можетъ нейтральный прибѣгнуть въ военнымъ мѣрамъ. Такъ въ 1857 году до тѣхъ поръ, пока прусскія войска не вступили въ предѣлы Швейцаріи, послѣдняя не въ правѣ была начать войны. Можно спросить, какая польза въ такомъ рѣшеніи вопроса: смыслъ событій не измѣнялся бы отъ того, вышли ли швейцарскія войска за предѣлы своей территоріи, чтобы встрѣтить приближающагося непріятеля, или встрѣтили его уже въ своихъ предѣлахъ; для другихъ государствъ такихъ ограниченій не существуетъ и оборо-

Digitized by Google

нительная по общему своему смыслу война можетъ начаться нападеніемъ на чужую территорію. Но въ томъ-то и дѣло, что война принципіально дозволена всякому государству и принципіально запрещена нейтральному; для того, чтобы оправдать начатіе войны, послѣднимъ необходимо, чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно наличности нарушенія нейтралитета со стороны другихъ государствъ; этотъ безусловно необходимый въ данномъ случаѣ точный критерій даетъ только фактъ перехода военной силы противника черезъ границу нейтральнаго.

Тогда только снимается принципіальный запретъ войны, а война очищается въ своемъ значеніи мѣры охраны института постояннаго нейтралитета.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Продолженіе.—Нарушеніе обязанностей нейтралитета и правовыя его послѣдствія.

1. Въ развитыхъ системахъ права правоотношенія порождаются взаимодѣйствіемъ объективнаго фактора и факторовъ субъективныхъ; акты отдѣльныхъ лицъ взвѣшиваются и оцѣниваются объективнымъ правомъ для того, чтобы или поощрять ихъ и охранять ихъ послѣдствія — правовыя сдѣлки—или чтобы осудить ихъ и исправить неправильные ихъ результаты — правонарушенія. Въ правѣ международномъ правоотношенія завязываются гораздо проще. Правовыя сдѣлки сами по себѣ служатъ непосредственнымъ источникомъ правоотношеній; субъектамъ, ихъ заключающимъ, негдѣ искать этихъ объективныхъ оцѣнокъ, и никакой санкціи объективнаго права имъ не нужно [1]). Совершенно тоже наблюдается и относительно международныхъ правонарушеній: здѣсь также некуда обратиться за точнымъ указаніемъ правовыхъ послѣдствій такихъ актовъ; объективно не опредѣлены ни мѣры возстановленія нарушенныхъ правъ, ни средства борьбы съ опасностями, сопряженными съ возможностью повторенія подобныхъ актовъ. Къ тому же нарушеніе обязанностей, непосредственно вытекающихъ изъ сдѣлки,

[1]) См. выше, стр. 75 слл.

Digitized by Google

рѣдко предусматривается даже содержаніемъ этой послѣдней, и не предусматривается именно потому, что реакція противъ совершающагося ея нарушенія все равно не найдетъ опоры въ объективномъ правопорядкѣ. Какъ же при этихъ условіяхъ протекаетъ процессъ возстановленія нарушенныхъ правъ въ правѣ международномъ? Поставимъ этотъ вопросъ въ связи съ изучаемымъ нами институтомъ и постараемся прослѣдить, какъ разрѣшались проблемы о правовыхъ послѣдствіяхъ правонарушеній въ практикѣ постоянно нейтральныхъ.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія вольнаго города Кракова, которая даетъ возможность прослѣдить, какъ складывалась реакція противъ нарушенія городомъ возложенныхъ на него обязанностей. Характерною особенностью развитія международныхъ отношеній Кракова является въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что правонарушенія, которыя ставились ему въ вину, касались не общихъ обязанностей нейтралитета въ обычномъ значеніи этого слова, а тѣхъ особыхъ обязанностей въ мирное время, которыя были признаны за нимъ, какъ указывалось выше. Мы увидимъ затѣмъ, какъ та же проблема въ практикѣ другого нейтральнаго—Люксембурга—ставилась по поводу нарушенія непосредственныхъ обязанностей нейтралитета. Конечно, вопросъ о томъ, какія обязанности нарушались, не имѣетъ существеннаго въ данномъ случаѣ значенія. Насъ интересуютъ свойства реакціи, которую эти правонарушенія вызывали безразлично отъ ихъ содержанія.

2. Мы знаемъ уже, что въ 1833 году путемъ авторитетнаго толкованія международноправового status'a города за Краковомъ были окончательно признаны особыя обязанности по охранѣ неприкосновенности государственной власти сосѣднихъ державъ. Одновременно [2]) съ этимъ поставленъ

---

[2]) Уже въ 1832 году въ Россіи обсуждали способы международнаго воздѣйствія на городъ; записка князя Паскевича отъ 18 февраля 1832 года: «Краковъ необходимо занять войсками трехъ Державъ, безъ

Digitized by Google

былъ вопросъ о томъ, что же дѣлать, если Краковъ нарушитъ указанныя особыя обязанности; въ числѣ другихъ вопросъ этотъ составилъ предметъ обширныхъ переговоровъ, которые въ тридцатыхъ годахъ велись по польскимъ дѣламъ между Австріей, Пруссіей и Россіей. Рѣшеніе его дано было въ такъ называемыхъ Мюнхенгрецкихъ договорахъ 1833 года. Статьей IX секретнаго соглашенія, подписаннаго въ этомъ городѣ 19 сентября 1833 года Россіей и Австріей, и ст. VIII аналогичнаго Берлинскаго соглашенія Россіи и Пруссіи $^{4}/_{16}$ октября того же года было постановлено:

«Такъ какъ дополнительнымъ договоромъ 21 апрѣля/3 мая 1815 года гарантированъ строгій нейтралитетъ для вольнаго города Кракова и для его территоріи, то разумѣется, что высокія договаривающіяся державы, въ качествѣ державъ покровительницъ Кракова, имѣютъ право наблюдать за тѣмъ, чтобы, во вниманіе къ сему нейтралитету, тамъ не было ничего предпринимаемо такого, что бы могло нарушить порядокъ вещей, едва возстановленный въ этомъ городѣ подъ покровительствомъ трехъ державъ, или же потревожить безопасность или спокойствіе сосѣднихъ государствъ. Всякое публичное или тайное дѣйствіе, имѣющее подобную цѣль, или же принятіе участія въ поступкѣ подобнаго свойства, должны быть почитаемы нарушеніемъ нейтралитета Кракова; и если правительство вольнаго города на представленія и жалобы, къ нему адресованныя, не обнаружило бы готовности къ подавленію сихъ происковъ, ему указанныхъ, или бы не имѣло средствъ къ преслѣдованію виновныхъ, то высокія договаривающіяся державы представляютъ себѣ, въ случаѣ если сочтутъ необходимымъ для собственной безопасности, приступить къ военному занятію вольнаго города и его территоріи. Занятіе это будетъ выполнено соединенными войсками трехъ державъ и отъ общаго ихъ

чего невозможно ожидать спокойствія въ Польшѣ»; мемуаръ, приложенный къ депешѣ послу въ Вѣнѣ отъ 9 іюня 1833 года. Выдержки у Мартенса, IV, 1, 450 слл.

Digitized by Google

имени. Онѣ предоставляютъ себѣ, въ случаѣ надобности, войти въ соглашеніе относительно срока такого временнаго занятія, а также относительно мѣръ, которыя должны быть приняты для предупрежденія возобновленія обстоятельствъ, вызвавшихъ оное» [3]).

Программа дѣйствій, намѣченная въ этомъ договорѣ, была исполнена, и тѣ правовыя послѣдствія, которыя, съ точки зрѣнія трехъ государствъ, вызывались нарушеніемъ обязанностей нейтралитета, наступили дѣйствительно черезъ три года. Несмотря на ограниченія независимости Кракова, сдѣланныя въ 1833 году, степень политической свободы въ городѣ по сравненію съ сосѣднимъ Царствомъ Польскимъ была велика; эмиграціонные элементы естественно продолжали приливать на городскую территорію. Краковское правительство въ 1833 году просило разрѣшенія покровительствующихъ государствъ на водвореніе эмигрантовъ на родину, но не добилась его, и въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ число иностранныхъ выходцевъ, благодаря принятымъ еще и въ Галиціи полицейскимъ мѣрамъ, значительно увеличилось. Въ началѣ января 1836 года такое положеніе стало вызывать опасенія и на совѣщаніи представителей трехъ государствъ въ Вѣнѣ рѣшено было обратиться къ краковскому сенату съ категорическимъ требованіемъ «очистить» свою территорію отъ эмигрантовъ (l'épuration du territoire). Это требованіе, по мнѣнію державъ, осталось не выполненнымъ. Мюнхенгрецкія постановленія должны были вступить въ законную силу. Дѣйствительно, 4/16 февраля 1836 года резиденты трехъ государствъ въ Краковѣ подписали протоколъ, въ которомъ констатировали фактическій составъ совершившихся правонарушеній и вызвали войска для занятія города. Въ этомъ протоколѣ говорилось: «...принимая во вниманіе, что правительство Кракова не только не приняло зависѣвшихъ отъ него мѣръ для очищенія города...., но доказало еще безсиліе исполнить обязанности, вытекающія изъ 6-ой

[3]) Мартенсъ, IV, 1, 458 сл.; VIII, 191 сл.

Digitized by Google

статьи доп. договора... и очевидное нежеланіе это сдѣлать..., представители трехъ дворовъ единогласно признали, что... военное занятіе города сдѣлалось неизбѣжнымъ...» [4]). Въ Краковъ вступило войско, въ главной части австрійское; граница была окружена военнымъ кордономъ; эмигрантами были произведены попытки прорваться чрезъ него, но благодаря строгому наблюденію задача, возложенная на войска, была выполнена и всѣ лица, присутствіе которыхъ казалось нежелательнымъ, были высланы изъ предѣловъ вольнаго города.

Былъ ли правомѣрнымъ избранный тремя государствами путь къ возстановленію нарушенныхъ, по мнѣнію ихъ, обязанностей Кракова? Мы знаемъ, что, согласно ст. 6-й доп. договора и ст. 9 главнаго акта 1815 года, никакая военная сила, никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не должна была вводиться въ городъ. Ясно, что образъ дѣйствій державъ противорѣчилъ этой статьѣ. Это противорѣчіе оправдывалось слѣдующимъ образомъ въ нотѣ, обращенной резидентами къ сенату 16 февраля 1836 года: «гарантія строгой нейтральности Кракова имѣетъ силу лишь пока это государство исполняетъ съ своей стороны условія, на которыхъ только и можетъ покоиться его нейтралитетъ» [5]). Оправданіе строится такимъ образомъ на искусственной и мало убѣдительной фикціи — неисполненіе обязанностей одной изъ сторонъ влечетъ временной перерывъ дѣйствія нейтралитета, который даетъ возможность другой сторонѣ, не нарушая своихъ обязанностей, дѣйствовать вопреки ихъ ясному смыслу. На дѣлѣ результатъ, къ которому стремились державы, достигается признаніемъ, что внутри отно-

---

[4]) Protocole de la conférence des résidents à Cracovic tenue le 4/16 février 1836, приложенный къ депешѣ Ungern-Sternberg à Nesselrode, Cracovie, 5/17 février 1836. Гос. и Спб. Гл. Арх., картонъ Cracovie 1836. Въ этой депешѣ излагаются и послѣдующія событія.

[5]) Copie d'une note de la conférence des résidents au président de Cracovie en date du 16 février 1836; ibid.

Digitized by Google

шенія лежитъ нѣкоторое противорѣчіе; положеніе ноты 16 февраля сводится къ тому, что для осуществленія нейтралитета Кракова единственнымъ средствомъ является его нарушеніе и что для того, чтобы городъ исполнилъ свои обязанности, необходимо, чтобы державы не исполнили своихъ. При такой аргументаціи нейтралитету Кракова угрожаетъ крайняя неустойчивость. Какъ только три государства усмотрятъ фактическій составъ, который съ ихъ точки зрѣнія составитъ нарушеніе нейтралитета, этотъ послѣдній перестанетъ дѣйствовать. Возникаетъ опасность, что эти государства могутъ пойти дальше и признать необходимымъ послѣдствіемъ правонарушенія право наложить руку на самое существованіе города. Сознаніе опасностей, угрожающихъ городу, было всеобщимъ; оккупація 1836 года встрѣчена была негодованіемъ поляковъ [6]) и вызвала протестъ всегда поддерживавшей ихъ Франціи [7]).

Политически опасенія эти имѣли нѣкоторое основаніе. Существованіе Кракова было дѣйствительно подвергнуто сомнѣнію: за годъ до оккупаціи между покровительствующими государствами шли переговоры по краковскимъ дѣ-

---

[6]) En 1836, les troupes de la Sainte Alliance s'installèrent dans la ville et occupèrent son territoire, et malgré toutes les infractions au droit national et à la foi des traités, les puissances voulurent faire croire à l'Europe que la république de Cracovie n'avait pas perdu son indépendance. Januszewicz. Quelques mots sur l'occupation de Cracovie en 1836, Strasbourg, 1838, 4.

[7]) Текстъ этого протеста не опубликованъ. Замѣтимъ, что вообще польскій вопросъ ежегодно появлялся въ преніяхъ французскихъ палатъ, но главною темою былъ не Краковъ. При обсужденіи отвѣта на тронную рѣчь Людовика Филиппа въ 1836 году одинъ изъ ораторовъ (Comte de Tascher) призналъ все же необходимымъ заявить: «Bloqué au dehors, maîtrisé au dedans, sa constitution violée, les privilèges de son université abrogés, ses écoles interdites aux polonais, sa bibliothèque pillée, qui pourrait nous dire ce que sont à ce moment la liberté, l'indépendance, la stricte neutralité de Cracovie,—de Cracovie livrée au bon plaisir de deux agents étrangers, sans que la présence d'un agent français puisse y balancer l'influence des autres, et y défendre la foi des traités. Chambre des pairs, séance du 6 janvier 1836; le Moniteur Universelle, № 7.

Digitized by Google

ламъ, въ результатѣ которыхъ они признали желательнымъ присоединить Краковъ къ Австріи; секретнымъ соглашеніемъ 2/14 октября 1835 года было рѣшено «заняться изысканіемъ средства для приведенія въ исполненіе» этого плана съ тѣмъ, «чтобы изъ сего не могло послѣдовать серьезныхъ политическихъ осложненій»; это средство должна была дать такая ихъ политика по отношенію къ Кракову, которая привела бы его къ добровольно заявленному пожеланію быть присоединеннымъ къ Австріи; «на случай же, если бы такое желаніе имъ было формально выражено, три державы соглашаются, что онѣ сіе признаютъ, и съ того времени Краковъ и его территорія будутъ присоединены къ владѣніямъ Е. И. и К. Апостолическаго Величества» [9]). Условное соглашеніе это осталось однако не исполненнымъ; несмотря на старанія Австріи и Россіи, суспензивное условіе сдѣлки не наступило; къ тому же Пруссія, подписавъ ее, обнаружила очень скоро нежеланіе допустить присоединеніе города къ Австріи. Оккупація города 1836 года свидѣтельствовала о томъ, что краковскій вопросъ продолжалъ трактоваться въ его прежней формѣ, т.-е. на основахъ соглашеній 1833 года о мѣрахъ борьбы съ нарушеніями городомъ обязанностей нейтралитета.

3. Присутствіе иностранныхъ войскъ въ Краковѣ продолжалось до 1841 года [10]); за это время три государства, мы

---

[9]) Мартенсъ, IV, 1, 472 слл. Въ оцѣнкѣ значенія акта мы не можемъ присоединиться къ словамъ Ф. Ф. Мартенса: «уже въ 1835 году была рѣшена судьба Краковской республики, но только въ 1846 году актъ былъ приведенъ въ исполненіе». Актъ 1835 года никогда не былъ приведенъ въ исполненіе, именно потому, что его положительное содержаніе сводится къ указанному въ текстѣ суспенсивному условію, которое не наступило; договоръ объ инкорпораціи 1846 года стоитъ внѣ всякой правовой зависимости отъ акта 1835 года и отнюдь не является исполненіемъ предшествующаго pactum de contrahendo.

[10]) Въ 1838 году австрійскій контингентъ былъ увеличенъ въ своемъ составѣ. Это обстоятельство даетъ часто поводъ ошибочно утверждать, что военная оккупація Кракова произведена была три раза, въ 1831, 1836 и 1838 гг.; Schopfer, 225; Tswettcoff, 35.

Digitized by Google

знаемъ уже, дѣлали рядъ попытокъ къ тому, чтобы внутренними мѣрами обезпечить исполненіе Краковомъ его обязанностей нейтралитета. Войска были выведены въ 1841 году; черезъ пять лѣтъ въ 1846 г. наступили событія, въ которыхъ снова признана была наличность правонарушеній, и снова поставленъ былъ на очередь вопросъ, аналогичный тому, который ставился въ 1836 г., но рѣшенной въ концѣ концевъ совсѣмъ иначе.

Въ февралѣ 1846 года въ польскихъ провинціахъ Пруссіи были открыты слѣды заговора, направленнаго на освобожденіе Польши; обнаружилось, что въ планахъ польскаго возрожденія было отведено мѣсто и дѣлу освобожденія Кракова. Въ этомъ послѣднемъ стало дѣйствительно обнаруживаться броженіе, сдѣлавшееся въ серединѣ февраля настолько сильнымъ, что сенатъ заявилъ резидентамъ о своемъ безсиліи бороться противъ революціонной общепольской агитаціи. Резиденты вызвали отрядъ австрійскаго войска [11]), но черезъ два дня послѣ его вступленія онъ долженъ былъ отказаться отъ оккупаціи; революціонное движеніе успѣло охватить австрійскую Галицію и сосредоточеніе тамъ всѣхъ войскъ сдѣлалось необходимымъ. Броженіе было настолько сильно въ городѣ, что вмѣстѣ съ войсками изъ города выѣхали резиденты и всѣ мѣстныя власти. Городъ оказался въ состояніи полной анархіи; спокойная часть населенія попыталась организовать временное правительство, но оно просуществовало только нѣсколько часовъ и вынуждено было уступить мѣсто вышедшимъ на сцену польскимъ патріотамъ. Послѣдніе объявили себя верховною властью всей революціонной Польши, центромъ которой долженъ былъ служить

---

[11]) Австрійскій Резидентъ Генералу Коллину, Краковъ, 16 февраля 1846; въ анонимной, хорошо освѣдомленной, но стоящей на австрійской точкѣ зрѣнія книгѣ Polnische Revolutionen. Erinnerungen aus Galizien, Prag, 1863, 125—126; ср. декларацію сената 18 февраля 1846 года, которая, въ переводѣ съ польскаго, напечатана въ Eclaircissements sur les derniers évènements de la Pologne, traduit de l'allemand, Paris, 1847, 77.

Digitized by Google

городъ. Наскоро организованъ былъ отрядъ войска, который двинулся на помощь революціонерамъ въ Австріи, занялъ сосѣднее Подгорье, успѣлъ захватить часть кассы соляныхъ копей Велички, но былъ скоро разбитъ австрійскими войсками и вернулся въ Краковъ. Центромъ польскаго движенія Краковъ оставался недолго; уже 4 марта по приглашенію городского временнаго правительства, вновь овладѣвшаго властью, австрійскія и русскія войска снова вступили въ городъ.

Входя въ Краковъ, русскій и австрійскій генералы объявили, что цѣлью ихъ служитъ «возстановленіе общественнаго порядка и изгнаніе изъ области бунтовщиковъ, которые тамъ скрывались» и что дальнѣйшія мѣры составятъ предметъ обсужденія трехъ державъ-покровительницъ [12]).

Отношенія были дѣйствительно запутаны и разобраться въ нихъ было не легко. Несомнѣненъ былъ лишь тотъ фактъ, что изъ Кракова совершено было военное нападеніе на сосѣднее государство; нападеніе это было совершено частными лицами, но было послѣдствіемъ несостоятельности правительства въ борьбѣ съ этими частными лицами. Эти факты напоминали событія «Савойскаго похода» въ Швейцаріи; такъ же, какъ тамъ, въ нихъ было несомнѣнное нарушеніе особыхъ обязанностяхъ нейтралитета въ мирное время. Относительно Кракова мѣры воздѣйствія были ясно установлены въ соглашеніи 1833 года и въ прецедентахъ 1836 года: правонарушеніе влекло за собою военное занятіе города войсками трехъ сосѣднихъ государствъ.

Первое короткое пребываніе австрійцевъ въ Краковѣ отъ 18 до 22 февраля дѣйствительно служило повтореніемъ окку-

---

[12]) Прокламація отъ 4 марта 1846 года у Chodzko, Les massacres de Galicie et Krakovie confisquée par l'Autriche en 1846, Paris, 1861, 40—42.—Объ изложенныхъ событіяхъ, кромѣ указ. книгъ, см. еще Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, VII, Wien, 1883, 143 ff.; Князь И. Ѳ. Паскевичъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1846 г. Русская Старина, 1885, т. XLVIII, стр. 213 слл., 404 слл.; переписка англійскихъ дипломатовъ у Martens-Murhard, N. R. S., X, 17—40.

Digitized by Google

паціи 1836 года и носило характеръ временной мѣры. «Вы можете увѣрить Гизо, писалъ Меттерниха послу въ Парижѣ 20 февраля, что онъ ничѣмъ не рискуетъ, если въ отвѣтъ на запросы поручится (se rend garant), что, занимая городъ, державы не преслѣдуютъ никакихъ политическихъ видовъ, а дѣйствуютъ лишь въ сознаніи необходимости помѣшать тому, чтобы мирное населеніе и правительство города не сдѣлалось жертвою заговора» [13]). Рядъ документовъ, опубликованныхъ въ послѣднее время, свидѣтельствуютъ, что заявленіе Меттерниха было искреннимъ и отвѣчало истиннымъ намѣреніямъ Австріи, Пруссіи и Россіи [14]).

Однако послѣ второй окончательной оккупаціи города 4 марта положеніе дѣла рѣзко измѣняется. Путь намѣченный въ 1833 году для реагированія противъ нарушеній Краковомъ обязанностей нейтралитета, начинаетъ казаться недѣйствительнымъ. Опытъ 1836 и 1846 гг. доказываетъ, въ глазахъ сосѣдей, что Краковъ неисправимъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого настроенія является возвращеніе къ темѣ, затронутой уже въ 1835 году; событія кажутся окончательнымъ доказательствомъ невозможности дальнѣйшаго существованія Кракова; Австрія и Россія рѣшаютъ, что необходимо наконецъ сломить сопротивленіе Пруссіи, которое однажды уже помѣшало присоединенію Кракова къ Австріи. Въ Берлинъ были посланы спеціальные уполномоченные, которымъ послѣ долгихъ усилій удалось убѣдить короля, что

---

[13]) Dépêche du Prince de Metternich au Comte Apponyi, ambassadeur d'Autriche à Paris, Vienne, 20 février 1846; Martens-Murhard, N. R. G., X, 40 ff. — cf. Mr. Magenis to the Earl of Aberdeen, Vienne, February 21, 1846; ibid., 18 ff.

[14]) Довѣрительная депеша Меттерниха отъ того же числа; Metternich, VIII, 162 f.—Записка имп. Николая: «Мы должны усмирить Краковъ и оставаться въ немъ, пока обстоятельства не объяснятся совершенно» (безъ даты, но очевидно написанная до второго вступленія австрійцевъ въ Краковъ); Паскевичъ въ 1846, 214 слл. — Депеша англійскаго представителя въ Берлинѣ отъ 23 февраля; Martens-Murhard, N. R. G., X, 18 f.

Digitized by Google

прежнія рѣшенія краковской проблемы болѣе невозможны. Въ Берлинѣ же былъ подписанъ 3/15 апрѣля 1846 года договоръ, въ которомъ «три державы-учредительницы и покровительницы вольнаго города Кракова (les trois Puissances créatrices et protectrices)» объявили, что «государство Краковское не можетъ быть возстановлено и онѣ согласны въ томъ, что присоединеніе его къ владѣніямъ Е. И. и К. Апостолическаго Величества есть наилучшее средство и самый удобный способъ для выполненія сей необходимой перемѣны» (ст. 1). Окончательное исполненіе соглашенія должно было послѣдовать «послѣ того, какъ всѣ подробности инкорпораціи, какъ касательно отношеній договаривающихся державъ между собою, такъ и къ другимъ державамъ, будутъ установлены спеціальнымъ совѣщаніемъ» (ст. 2) [15]).

Несмотря на то, что Берлинскій договоръ оставался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тайною, вторая оккупація Кракова вызвала въ Европѣ тревогу и ей сразу же приписано было значеніе перваго шага къ измѣненію международнаго положенія города. Послѣдняя была дѣйствительно безъ всякаго сомнѣнія шагомъ впередъ въ дѣлѣ борьбы съ «правонарушеніями» Кракова. Очень скоро обнаружилось, что такое развитіе установленной въ 1833 году точки зрѣнія встрѣтить протестъ среди тѣхъ государствъ, которыя ближайшимъ образомъ не были заинтересованы въ изобрѣтеніи «наиболѣе удобнаго способа выполненія необходимой перемѣны», о которой говорилъ апрѣльскій договоръ. Очень любопытно, что эти государства готовы были согласиться на мѣры воздѣйствія въ формѣ оккупаціи, но рѣшительно возставали противъ мѣры воздѣйствія въ формѣ уничтоженія независимости города. Уже въ отвѣтѣ своемъ на сообщеніе Австріи о первой оккупаціи французскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что, не протестуя противъ

[15]) Текстъ договора и выдержки изъ предшествовавшей ему дипломатической переписки впервые опубликованы Мартенсомъ, IV, 1, 525—536; VIII, 368—370.

Digitized by Google

такой «временной» мѣры, надѣется, что договорное положеніе Кракова останется неприкосновеннымъ [16]). Пренія палатъ во Франціи и Англіи весной и лѣтомъ 1846 года обнаружили, что такой взглядъ энергично исповѣдуется правительствами этихъ государствъ. Пренія французскихъ палатъ происходили въ мартѣ. Ораторы требовали, чтобы правительство объявило, что не допуститъ нарушенія актовъ Вѣнскаго конгресса, утвердившихъ независимость краковской республики; въ отвѣтъ на это Гизо сказалъ: «Права республики въ томъ видѣ, какъ они утверждены въ договорахъ, не будутъ забыты; на неприкосновенности ихъ мы уже настаивали, скажу болѣе, я получилъ удостовѣреніе, что они не будутъ забыты» [17]). Въ августѣ пренія по тому

---

[16]) M. Guizot à M. le Comte de Flahault, ambassadeur de la France à Vienne, Paris, 23 Mars 1846. Martens-Murhard, N. R. G., X, 43 f.

[17]) Chambres des députés. Séance du 14 mars 1846. M. de La Rochejaquelin:... Puisque le Gouvernement actuel se regarde lié par les traités de 1815... quelles mesures compte-t-il prendre, en vertu de ces traités, pour assurer à la Pologne, et notamment aujourd'hui à la République de Cracovie, les garanties que ces traités stipulent?.. M. Manguin: ...La France verrait avec beaucoup de peine le Gouvernement rester dans l'inaction, si par hasard les trois puissances qui s'appellent protectrices voulaient violer les traités de 1815 en ce qui concerne Cracovie, et effacer ce dernier vestige de la nationalité polonaise... Si l'on savait que la France annonçât une volonté positive, on n'irait pas plus loin — Chambre des pairs. Séance du 20 mars 1846. M. Villemain: .. Je crois qu'un des résultats de la délibération actuelle est sans doute un des engagements de la réponse qui nous ne sera pas refusée; c'est que nulle novation n'ait lieu dans le sort de la ville de Cracovie, tel que les traités de 1815 l'avaient déterminé; c'est que les formes de liberté qui lui étaient assurées soient maintenues. Cette ville n'est pas une force; elle n'est qu'un souvenir, un débris de l'ancienne Pologne; mais elle est une image de droit, et à ce titre, il importe doublement qu'elle soit conservée et que ce résultat soit demandé par nous et obtenu... M. Guizot, ministre des affaires étrangères: ...que l'honorable M. Vilemain en soit convaincu, les droits de la République de Cracovie, tels qu'ils sont inscrits dans les traités, ne seront ni oubliés, ni méconnus; ils ont déjà été reclamés; je pourrais même dire plus, j'ai déjà reçue l'assurance qu'ils ne seront point méconnus, ni oubliés...

Digitized by Google

же вопросу происходили въ англійскомъ парламентѣ. Правительство призывалось бороться съ нарушеніемъ по отношенію къ Кракову Вѣнскихъ договоровъ. Отвѣтная рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ представляла полную аналогію рѣчи Гизо; онъ сказалъ, что готовъ оправдать временную мѣру, принятую тремя государствами, но твердо надѣется, что, какъ только устранится основаніе, вызвавшее ее, эти державы возвратятъ городу обезпеченную договорами независимость [18]).

Такимъ образомъ ясно обнаружилось, что, признавая правомѣрной оккупацію, Франція и Англія клали veto на присоединеніе города, находя, что нарушенія имъ обязанностей нейтралитета не оправдываютъ реакціи въ этой рѣшительной формѣ. Veto ихъ покоилось, по ихъ мнѣнію, на совершенно опредѣленномъ правовомъ титулѣ. Мы отмѣчали, говоря о происхожденіи нейтралитета Кракова, что статьи о городѣ были включены въ составъ двоякаго рода актовъ; въ составъ дополнительнаго договора трехъ государствъ и

Выдержки эти взяты изъ брошюры: Discussions sur les affaires de Pologne à la chambre des députés... et à la chambre des pairs... tirée du Moniteur Universel, Paris, 1846, 4. 18 s., 71 s., 74.

[18]) House of Commons. August 17, 1846. M-r Hume:... In spite of the treaties existing between this country and Austria, Russia, and Prussia, Austrian troops still hold military possesion of Cracow. It would be far better for the honour of this country to be no longer a party to the alliance, if it took no steps to ensure the fulfilment of the predges and engagements entered into with regard to Poland... M-r M. Milnes: ...The arrangements in connexion with that treaty (treaty of Vienna) had been brought about by England and she was responsible for the infraction of that Treaty... Viscount Palmerston: ...therefore in regard to those recent events in Cracow I would give the three Powers credit for not having intentionally departed from the engagements of the Treaty of Vienna, but I maintain undoubtedly that when the emergency which they allege as a ground of their proceedings shall have ceased, it will be the duty of the three Powers to replace the republic of Cracow on the footing of complete independance, to which by the Treaty of Vienna it is entitled... Hansard, parl. deb., third series, LXXXVIII, London, 1846, 819, 821 f., 828 ff.

Digitized by Google

главнаго Вѣнскаго акта, подписаннаго восемью государствами и въ томъ числѣ Франціей и Англіей. При этихъ условіяхъ ясное заявленіе двухъ послѣднихъ, что свой голосъ они признаютъ, при рѣшеніи судьбы Кракова, равноправнымъ съ голосомъ трехъ «покровительствующихъ дворовъ», не могло не заставить задуматься. Это и случилось: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Австрія не могла рѣшиться привести въ исполненіе договоръ $^{3}/_{15}$ апрѣля и опубликовать присоединеніе Кракова. Только 6 ноября 1846 года окончательный договоръ былъ подписанъ и объявленъ во всеобщее свѣдѣніе [19]). Послѣдующія событія показали, что опасенія активнаго противодѣйствія со стороны Франціи и Англіи не находили себѣ полнаго оправданія: съ фактомъ оба государства примирились; вокругъ него возгорѣлось лишь чисто академическая полемика, въ которой всѣ основы краковской проблемы были подвергнуты всестороннему обсужденію.

Австріи, которая вела отъ лица договорившихся государствъ эту полемику, пришлось шагъ за шагомъ отстаивать правомѣрность совершившагося. Обсуждался, во-первыхъ, вопросъ о компетентности трехъ государствъ на совершеніе сдѣлки. Устами Англіи категорически заявлено было, что «три государства своею властью не вправѣ были уничтожить того, что было установлено общимъ соглашеніемъ» [20]). Меттернихъ возражалъ на это слѣдующее: «Включеніе частныхъ договоровъ въ главный актъ Вѣнскаго конгресса ничего не

---

[19]) Напечатанъ у Martens-Murhard, N. R. G., IX, 374—380. Онъ представляетъ воспроизведеніе текста договора $^{3}/_{15}$ апрѣля 1846 года.

[20]) It was not competent for three of those Powers by their own separate authority to undo that which was established by the common engagements of the whole. Instructions données par Lord Palmerston au Vicomte Ponsonby, ambassadeur anglais à Vienne, 23 novembre 1846; Martens-Murhard, N. R. G., X, 107 ff. — Cf. Lord Palmerston to the Marquis of Normanby, Foreign Office, Nov. 19, 1846 y Bulwer, The life of Palmerston, Vol. III ed. by Ashley, Leipzig, 1874, 269 f. То же у Гизо; note de M. Guizot, adressée au Cabinet autrichien, Paris, 4 décembre 1846; ibid., 116 ss.

Digitized by Google

прибавляетъ къ обязательной силѣ первыхъ и не отнимаетъ у подписавшихъ ихъ сторонъ право измѣнять или уничтожать свою частную сдѣлку и по свободному и взаимному согласію замѣнить ее другими условіями... Это право доказывается рядомъ соглашеній, которыя были заключены между отдѣльными дворами послѣ Вѣнскаго конгресса и которыя измѣнили содержаніе главнаго акта... Въ случаѣ новаціи частнаго договора право державъ, подписавшихъ главный актъ, сводится къ требованію быть извѣщенными о состоявшейся перемѣнѣ... Примѣръ голландско-бельгійскаго дѣла послужилъ въ данномъ случаѣ прецедентомъ. Если бы три двора относительно Кракова избрали другой путь, нежели избранный тогда, и привлекли бы къ рѣшенію вопроса дворы испанскій, португальскій и шведскій, то, не говоря уже о другихъ затрудненіяхъ, они бросили бы тѣнь сомнѣнія относительно обязательности тѣхъ актовъ публичнаго права, на которыхъ покоится независимость Бельгіи отъ Голландіи, а этого слѣдовало во всякомъ случаѣ избѣгать...» [21]).

Этотъ аргументъ не лишенъ былъ находчивости. Значеніе Вѣнскихъ договоровъ было безъ сомнѣнія спорнымъ, и въ этомъ отношеніи трудно дѣйствительно съ полной увѣренностью стать на сторону того или иного рѣшенія.

Центръ полемики лежалъ во второмъ изъ затронутыхъ въ дипломической перепискѣ пунктовъ; Меттернихъ стремился доказать не только формальное право трехъ государствъ на произвольное рѣшеніе участи Кракова, но главнымъ образомъ и правомѣрность договора 1846 года съ матеріальной стороны. Онъ возвращался къ точкѣ зрѣнія 1833 года и говорилъ о совершенныхъ Краковомъ наруше-

[21]) Mémoire annexé à la dépêche du Prince de Metternich du 9 janvier 1847. La résolution des trois cours relative à Cracovie examinée sous le rapport du droit des gens. Martens-Murhard, N. R. G., X, 125—130. cf. seconde note de M. de Canitz, Ministre des affaires étrangères de Prusse, aux Ministres Prussiens près des Cours étrangères, Berlin, 17 décembre 1846, ibid., 102—107. Та же точка зрѣнія раздѣляется въ нѣмецкой литературѣ того времени.

Digitized by Google

ніяхъ нейтралитета, дѣлавшихъ необходимою кару, постигшую городъ. Въ этомъ отношеніи споръ представлялъ большой интересъ и въ немъ дѣятельное участіе принимала политическая и юридическая литература того времени.

Оправданіе инкорпораціи построено такъ; независимость Кракова обусловлена его нейтралитетомъ; нарушенія послѣдняго доказали, что онъ невозможенъ; тѣмъ самымъ невозможно и самостоятельное бытіе города. Подробно изложивъ исторію совершавшихся Краковомъ нарушеній нейтралитета, Меттернихъ приходилъ къ слѣдующему положенію: «существованіе Кракова покоилось на началѣ мирнаго нейтралитета, а Краковъ стремился только къ войнѣ... Необходимое и естественное послѣдствіе такого положенія то, что городъ и его территорія должны вернуться въ обладаніе того государства, которому они нѣкогда принадлежали» [22]). Еще большую опредѣленность и юридическій чеканъ получаетъ это положеніе въ тогдашней нѣмецкой юридической литературѣ. Боннскій профессоръ Perthes формулируетъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Право Кракова на государственное существованіе не было подобно праву каждаго государства, внутри себя почерпающаго жизненную силу, правомъ безусловнымъ, а могло, будучи произведеніемъ воли другихъ, воспринять отъ нихъ извѣстныя условія, которыя служили бы предположеніями его бытія... Краковъ не былъ объявленъ просто свободнымъ и независимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго нейтральнымъ, и въ тотъ моментъ, когда онъ пересталъ быть постоянно нейтральнымъ, онъ пересталъ быть тѣмъ вольнымъ городомъ, которымъ его сдѣлалъ договоръ 3 мая, а за отсутствіемъ всякаго другого основанія его существованія кромѣ этого включеннаго въ актъ конгресса договора, вообще пересталъ быть государствомъ» [23]).

---

[22]) Mémoire joint à la dépêche du Prince de Metternich, Vienne, 6 novembre 1846; Martens-Murhard, N. R. G., X, 55 ff.

[23]) Perthes, Die Einverleibung Crakau's und die Schlussacte des Wiener Congresses, Hamburg und Gotha, 1846, 20 f. Въ томъ же смыслѣ

Digitized by Google

Не оспаривая общаго положенія объ условности существованія города, Англія и Франція говорили, что нейтральное положеніе Кракова могло быть возстановлено и что слѣдовательно тѣ послѣдствія, которыя приписаны были его правонарушеніямъ, не соотвѣтствовали значенію послѣднихъ. Лордъ Пальмерстонъ, который, мы знаемъ, признавалъ законность занятія города войсками въ первой половинѣ 1846 года, подробно останавливается на этомъ вопросѣ въ своемъ протестѣ противъ инкорпораціи. «Правительству Ея Величества кажется, что не было представлено достаточныхъ доказательствъ невозможности обезпечить безопасность сосѣднихъ съ Краковомъ провинцій трехъ государствъ, не прибѣгая къ уничтоженію отдѣльнаго и независимаго существованія Кракова»; по мнѣнію его, нарушеніе нейтралитета могло быть вызвано въ Краковѣ или иностранцами, попадающими въ него извнѣ, или подданными вольнаго города; три государства имѣли полную возможность не допускать въ Краковъ иностранцевъ, которые могли казаться опасными; внутренніе полицейскіе законы города были достаточны для борьбы съ нарушеніями нейтралитета со стороны его подданныхъ и, если бы даже не были достаточны, то въ распоряженіи трехъ гоеударствъ находились средства ихъ измѣнить. При такихъ условіяхъ вмѣсто кары, постигшей городъ, было бы болѣе законнымъ вернуться къ средствамъ, къ которымъ прибѣгали съ 1833 года [24]).

Меттернихъ возражалъ на это, ссылаясь на неудачу «шестнадцатилѣтняго опыта, когда три двора прибѣгали къ наиболѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, бывшимъ въ ихъ распоряженіи, включая пересмотръ конституціи Кракова» [25]).

Лейпцигскій профессоръ Bülau, Die Einverleibung von Krakau und die Unterzeichner der Schlussacte des Wiener Congresses, Leipzig, 1847, 8.

[24]) Instructions du 23 novembre 1846, цит. въ прим. 20. Нѣсколько иначе Guizot въ указанной тамъ же нотѣ.

[25]) Dépêche du Prince de Metternich au Comte de Dietrichstein à Londres, communiquée à Lord Palmerston, Vienne, 9 janvier 1847; Martens-Murhard, N. R. G., X, 122 ff.

Digitized by Google

Налицо было такимъ образомъ разногласіе въ оцѣнкѣ фактическихъ данныхъ. На дѣлѣ восторжествовала та оцѣнка, которую защищали три консервативныхъ государства. На основаніи этой оцѣнки сдѣланъ былъ тотъ выводъ о невозможности устранить нарушенія Краковомъ его обязанностей и вполнѣ послѣдовательно уничтожена была независимость города, необходимымъ предположеніемъ которой служилъ нейтралитетъ [26]). Можно сказать, что городъ жилъ въ международномъ отношеніи своимъ особымъ status'омъ и палъ его жертвою.

Мы старались въ предшествующихъ строкахъ отвлечь юридическую сторону событій 1846 года отъ ея исторической въ широкомъ смыслѣ стороны. Конечно, было бы ошибочно думать, что исключительно правовые мотивы создали цѣпь событій, кончающуюся договоромъ 6 ноября 1846 года. Она была произведеніемъ болѣе сложныхъ факторовъ. Паденіе Кракова было результатомъ исторической борьбы между поляками и сосѣдними крупными монархіями. Поляки не могли признавать за независимымъ Краковомъ особой, самостоятельной цѣнности съ точки зрѣнія ихъ идеала единой Польши; они принесли въ 1846 году личность вольнаго города въ жертву той новой государственной личности, къ созданію которой они стремились [27]). Въ борьбѣ противъ осуществленія этого идеала три монархіи равнымъ образомъ не захотѣли считаться съ независимостью города, остававша-

---

[26]) Ср. выше, стр. 105.

[27]) Даже если Краковское движеніе и возникло самостоятельно, то оно скоро слилось съ общепольскимъ движеніемъ, центромъ котораго была Познань. Глава революціонной партіи въ Краковѣ (Gorzkovski) сначала намѣревался дѣйствовать самостоятельно, но скоро присоединился къ центральной организаціи, какъ представитель одной изъ частей Польши; комитетъ, который властвовалъ въ Краковѣ послѣ 22 февраля, представлялъ совокупность такихъ представителей. См. воспоминанія главнаго дѣятеля движеніе въ Галиціи: hr. Wiesiolowski, Pamietnik z r. 1845—1846, Lwow, 1868, 47 слл., 65 слл. — cf. Im Polen-Aufruhr 1846—1848. Aus den Papieren eines Landrats, Gotha, 1898, 40 ff.

Digitized by Google

гося послѣднимъ убѣжищемъ самостоятельной Польши. Современники сознавали, что сзади споровъ о правѣ инкорпорировать городъ происходила схватка давно уже боровшихся историческихъ силъ. Договоръ 6 ноября 1846 года находитъ себѣ въ этомъ отношеніи правильную и глубокую оцѣнку въ словахъ польской литературы: въ 1846 году произошелъ седьмой и послѣдній раздѣлъ Польши [28]). И тѣмъ не менѣе изученіе приведеннаго выше матеріала необходимо. Жизненный процессъ вылился въ данномъ случаѣ въ форму спора о правѣ и, если трудно въ точности учесть, въ какой мѣрѣ логическія условія этого спора оказали вліяніе на дѣйствительныя событія, то несомнѣнно, что это вліяніе не могло не существовать. Въ исторической ткани событій не всегда легко найти, насколько именно правовыя нити опредѣляютъ пестрый ея рисунокъ; конечно, эти нити сплетаются съ другими, но столь же несомнѣнно, что конечный результатъ между прочимъ и имъ обязанъ своимъ возникновеніемъ.

4. Въ основныхъ своихъ чертахъ аналогичная только что разобранной проблема поставлена была въ 1870 году въ международныхъ отношеніяхъ Люксембурга. По отношенію къ Кракову въ теченіе долгаго ряда лѣтъ спрашивали себя, какъ реагировать противъ нарушенія постоянно нейтральнымъ особыхъ обязанностей этого состоянія; мы видѣли, каковы были предложенныя рѣшенія этого вопроса. Любопытно сопоставить эти рѣшенія съ тѣмъ, которое предложено было, какъ реакція противъ нарушенія обязанностей нейтралитета, въ которомъ Люксембургъ обвиненъ былъ Пруссіей въ разгаръ франко-германской войны. Для нашей цѣли безразлично то обстоятельство, что въ противность обвиненіямъ противъ Кракова въ данномъ случаѣ рѣчь шла не о нарушеніи особыхъ обязанностей постоянно нейтральнаго въ мирное время, а о нарушеніи обязанностей, одинаково лежащихъ на любомъ нейтральномъ, будь этотъ ней-

[28]) La Pologne fut partagée sept fois: en 1772, 1793, 1795, 1807, 1809, 1815 et 1846; Chodzko, 31.

Digitized by Google

тралитетъ постояннымъ или добровольно заявленнымъ съ начала какой-либо войны. Обязанности постоянно-нейтральнаго по отношенію къ воюющему тѣ же, что и обязанности просто нейтральнаго, и тѣмъ не менѣе проблема, возникающая въ силу нарушенія первыхъ, носитъ совершенно иной характеръ, нежели носила бы проблема, возникающая въ силу нарушенія вторыхъ. Постоянный нейтралитетъ дѣлаетъ особенно сложнымъ изысканіе тѣхъ путей, которыми можно реагировать противъ нарушенія обязанностей нейтралитета, ибо цѣлый рядъ средствъ воздѣйствія исключается особой охраной, дарованной неприкосновенности постоянно нейтральнаго государства.

Обстоятельства, при которыхъ возникъ указанный вопросъ, сводятся къ слѣдующему: 3 декабря 1870 года, послѣ капитуляціи Меца, Бисмаркъ передалъ люксембургскому правительству ноту, въ которой обвинялъ его въ томъ, что оно допустило массовый переходъ французскихъ солдатъ, слѣдовавшихъ изъ-подъ Меца на соединеніе съ сѣверной французской арміей и не помѣшало открытому участію въ осуществленіи перехода французскаго вице-консула. Крайне суровая нота кончалась словами: «въ виду этихъ обстоятельствъ правительство короля не считаетъ себя болѣе обязаннымъ уважать въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ нейтралитетъ великаго герцогства» [29]).

Въ отвѣтъ на это заявленіе, которое произвело сильное впечатлѣніе и въ Люксембургѣ [30]), и во всей Европѣ [31]), люксембургскій первый министръ отвѣтилъ обширной нотой, гдѣ подробно опровергалъ справедливость обвиненій, взве-

---

[29]) Le Comte de Bismarck au Gouvernement Luxembourgeois, Versailles, le 3 décembre 1870; напечатана въ Compte rendu des séances de la Chambre des Députés du Grand Duché de Luxembourg, Session législative de 1870 — 1871, Luxembourg, 1871, 293 — 295; ср. Histoire de la diplomatie du gouvernement de la défense nationale, II, Paris, 1872, 281.

[30]) Засѣданіе люксембургской палаты 21 декабря 1870 г.; Compte rendu, 313 ss.

[31]) Sorel, Histoire diplomatique, II, 119 s.

Digitized by Google

денныхъ на Люксембургъ. Мы не будемъ входить въ оцѣнку этихъ возраженій и останавливаться на выясненіи фактической стороны событій [32]): люксембургское правительство не ограничилось указанными возраженіями и поставило на очередь принципіальный вопросъ, возбуждавшійся угрозою Бисмарка. Нота говорила: «считаю долгомъ замѣтить, что рѣшеніе, которое было мнѣ объявлено, кажется мнѣ не соотвѣтствующимъ договору 11 мая 1867 года. Этотъ договоръ обезпечиваетъ нейтралитетъ великаго герцогства подъ гарантіей договорившихся державъ, между которыми находится и Сѣверо-Германскій Союзъ. Такое постановленіе не имѣло бы никакого смысла, если бы каждая изъ державъ, участвовавшихъ въ договорѣ, могла перестать уважать нейтралитетъ и дѣйствовать потомъ въ отдѣльности какъ-будто дѣло идетъ о государствѣ, положеніе котораго не регулируется международной конвенціей. Необходимость спеціальнаго соглашенія для оправданія дѣйствій, которыя измѣняли бы условія существованія великаго герцогства, кажется мнѣ очевидною. Я долженъ сдѣлать всяческія оговорки въ этомъ отношеніи» [33]).

Этимъ обмѣномъ сообщеній конфликтъ и ограничился; Сѣверо-Германскій Союзъ не исполнилъ своей угрозы и на дѣлѣ продолжалъ уважать нейтралитетъ Люксембурга [34]). Станемъ однако на минуту на почву германской ноты 3 декабря и допустимъ, что Люксембургъ дѣйствительно нарушилъ обязанности нейтралитета. Нота Бисмарка ставила тотъ самый принципіальный вопросъ о реакціи противъ нарушенія нейтралитета, который съигралъ такую крупную

---

[32]) Объ этомъ Wampach, 291 ss.

[33]) M. Servais, Ministre d'Etat du Grand Duché de Luxembourg, au comte Bismarck, Chancelier de la Confédération du Nord, Luxembourg, le 14 décembre 1870; Compte rendu, 295 ss.; Histoire de la diplomatie, II, 303 s.

[34]) Повидимому, за Люксембургъ вступилась Англія; о дипломатическихъ переговорахъ, вызванныхъ нотою Бисмарка, Histoire de la diplomatie, II, 134 и въ особ. Sorel, loc. cit.

Digitized by Google

роль въ исторіи Кракова. Которое изъ двухъ рѣшеній его, рѣшеніе ли Бисмарка или путь, указанный люксембургскимъ первымъ министромъ, было правомѣрнымъ? Едва ли можетъ быть на этотъ счетъ большое колебаніе. Суммарная угроза Бисмарка несомнѣнно является полнымъ игнорированіемъ всѣхъ особыхъ свойствъ постоянно нейтральныхъ государствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что приведеніе ея въ исполненіе нарушило бы договоръ 1867 года, ибо неприкосновенность Люксембурга поставлена подъ охрану всѣхъ великихъ державъ и охрана эта не снимается одностороннимъ актомъ воли одной изъ нихъ; иначе институтъ терялъ бы весь свой смыслъ. Ничего подобнаго не знала практика краковскаго нейтралитета, казалось бы достаточно уже строгая по отношенію къ нейтральному. Здѣсь реакція противъ нарушенія обязанностей нейтралитета каждый разъ опредѣлялась волей «державъ-учредительницъ» и, если въ кругъ этихъ послѣднихъ и не включались всѣ восемь государствъ, подписавшихъ главный актъ 1815 года, то всеже ни одна изъ трехъ сосѣднихъ державъ не рѣшалась принимать мѣры воздѣйствія безъ согласія двухъ остальныхъ. Идти дальше этого, какъ то дѣлалъ Бисмаркъ, представляется невозможнымъ, и онъ самъ не настаивалъ на своей доктринѣ.

Результаты краковской исторіи служатъ поэтому основнымъ и доселѣ не отвергнутымъ прецедентомъ при рѣшеніи поставленнаго въ началѣ этой главы вопроса. Сужденіе о томъ, совершаетъ ли нейтральный нарушеніе своихъ особыхъ обязанностей, и о томъ, какія послѣдствія влечетъ правонарушеніе, безспорно принадлежитъ, съ точки зрѣнія этого прецедента, совокупности державъ, участвовавшихъ въ провозглашеніи нейтралитета. Когда постоянный нейтралитетъ является условіемъ существованія какого-нибудь государства, такая реакція противъ правонарушенія влечетъ за собою de jure опасность паденія этого государства подъ гнетомъ его особаго международнаго status'a.

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Современная доктрина постояннаго нейтралитета; нейтральный Конго и движеніе въ пользу дальнѣйшаго распространенія института.

1. Мы указывали уже, что въ эволюціи института, изученію котораго посвящена настоящая книга, трудно отмѣтить совершенно опредѣленныя грани. Мы остановились на провозглашеніи постояннаго нейтралитета Люксембурга потому, что къ этой приблизительно датѣ можно пріурочить окончательное закрѣпленіе въ международномъ правосознаніи самостоятельнаго и принципіальнаго значенія возникшей въ 1815 году договорной формулы; мы видѣли затѣмъ, что къ тому же времени окончательно намѣчаются и тѣ ученія, которыми международная практика обогатила положительный договорный матеріалъ по изучаемому нами вопросу. Смыкая прерванную нить разсужденія и переходя къ современному положенію постояннаго нейтралитета въ доктринѣ и практикѣ, мы прежде всего постараемся констатировать и констатировать въ литературѣ, всегда всего лучше отражающей на себѣ происходящія въ международномъ правосознаніи перемѣны, ту, можетъ быть, и не вполнѣ опредѣленную, но все же несомнѣнно существующую грань, о которой сейчасъ говорилось.

Насколько намъ удалось прослѣдить, переходъ отъ мало-

Digitized by Google

содержательной ссылки на договорные тексты о постоянно нейтральныхъ государствахъ, которой довольствовались до середины прошлаго вѣка, къ болѣе развитой доктринѣ дѣлаетъ Wheaton. Мы находимъ у него [1]), подъ вліяніемъ, быть можетъ, появившейся въ 1845 году первой монографіи о постоянномъ нейтралитетѣ [2]), гораздо болѣе живой интересъ къ этому институту, нежели во всей предшествующей литературѣ: онъ пытается дать нѣкоторый догматическій анализъ его, ставя между прочимъ вопросъ объ обязанностяхъ нейтральнаго въ мирное время. По слѣдамъ его идутъ писатели семидесятыхъ годовъ, которые, помимо этой задачи догматическаго характера, задаются уже и болѣе отвлеченными проблемами о томъ, какова, съ точки зрѣнія общаго понятія о государствѣ-субъектѣ права международнаго, природа постоянно нейтральнаго государства. Отмѣтимъ, какъ первыхъ представителей этихъ новыхъ интересовъ, итальянца Carnazza Amari и американца Woolsey. Въ основѣ разсужденій обоихъ лежитъ одна и та же мысль, но они приходятъ къ разнымъ выводамъ. Второй спокойно констатируетъ, что государство, обязуясь быть постоянно нейтральнымъ, «лишаетъ себя суверенной власти» [3]). Carnazza Amari ставитъ себѣ тотъ же вопросъ и отвѣчаетъ на него равнымъ образомъ отрицаніемъ суверенитета постоянно нейтральнаго государства; выводъ, который онъ дѣлаетъ отсюда, тотъ, что договоры о постоянномъ нейтралитетѣ представляютъ нарушеніе международнаго права, охраняющаго личность государствъ, и потому «въ корнѣ

---

[1]) Wheaton, Elements of international law, 2-d edition by Lawrence, Boston, 1863, 699, ff.

[2]) Arendt, Essai sur la neutralité de la Belgique, Bruxelles et Leipzig, 1845.

[3]) A state... thus strips itself of its own power of sovereignty, so far forth that it cannot declare war against any of... its surrounding neighbours... except for the act of violating this neutrality... Woolsey, Introduction to the study of international law, London, 1875, 192, f.

Digitized by Google

недѣйствительны» [4]). Въ 1877 году Funck-Brentano и Sorel строятъ уже подробную теорію постоянно нейтральныхъ государствъ. Выводы ихъ таковы: «постоянно нейтральное государство во время мира есть такое же суверенное государство, какъ всякое другое»; тѣмъ не менѣе даже во время мира оно имѣетъ совершенно опредѣленныя обязанности: оно не должно заключать союзныхъ договоровъ и соглашеній на случай войны; не задаваясь вопросомъ, теряетъ ли постоянно нейтральное государство суверенный характеръ во время войны (хотя такой вопросъ самъ собою ставится послѣ только что приведеннаго общаго опредѣленія), авторы переходятъ къ понятію гарантіи; гарантія съ ихъ точки зрѣнія есть обязанность, порядокъ исполненія которой дѣло свободнаго выбора каждаго изъ гарантовъ; минимумъ въ этомъ отношеніи—собраніе конференціи гарантовъ въ случаѣ нарушенія нейтралитета; наконецъ, Funck-Brentano и Sorel задаются вопросомъ о возможности осуществленія плана отграниченія друга отъ друга крупныхъ державъ поясомъ маленькихъ нейтральныхъ и утверждаютъ, что такой поясъ наложилъ бы на великія державы ограниченіе, несовмѣстимое съ ихъ исторической миссіей, дѣлающей для нихъ войну иногда необходимостью [5]).

Блюнчли, ограничиваясь указаніями на договорные тексты о постоянномъ нейтралитетѣ, ставитъ всего одинъ теоретическій вопросъ, на первый взглядъ довольно неожиданный, но не прошедшій безслѣдно для ученія о постоянномъ нейтралитетѣ. Онъ утверждаетъ, что постоянно нейтральное государство не утратило права на войну: его особый международный status сводится къ «отказу отъ активнаго участія въ борьбѣ другихъ государствъ». Блюнчли

---

[4]) Sono in violazione del diritto delle genti... Sono vizianti di radicale nullità; Carnazza Amari, Trattato sul diritto internazionale pubblico di pace, 2 edizione, Milano, 1875, 305 s., 788 s.

[5]) Funck-Brentano et Sorel, Précis du droit des gens, Paris, 1877, 152 ss., 354 ss., 455 ss.

Digitized by Google

не рѣшается, повидимому, вывести изъ этого общаго положенія вполнѣ послѣдовательный съ его точки зрѣнія выводъ о дозволенности нейтральному наступательной войны противъ другого государства и ограничивается указаніемъ на право войной оборонять свою территорію противъ другихъ державъ [6]). Оставляя въ сторонѣ курсъ Neumann'a [7]), скудныя указанія котораго возвращаютъ насъ къ временамъ Клюбера, мы видимъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ появленіе ряда монографій, посвященныхъ и общему ученію о постоянномъ нейтралитетѣ, и нейтралитету отдѣльныхъ государствъ; съ выводами этой спеціальной литературы мы знакомы уже изъ предшествующаго изложенія; мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь на нѣкоторые основные теоретическіе выводы этой монографической литературы, продолжая слѣдить за развитіемъ доктрины въ общихъ сочиненіяхъ. Piccioni признаетъ за постоянно-нейтральнымъ суверенный характеръ, приписывая ему однако нѣкоторыя особыя обязанности какъ въ мирное, такъ и въ военное время [8]). Geffcken [9]), Chrétien [10]) и Piédelièvre [11]), напротивъ того, возвращаясь къ точкѣ зрѣнія Woolsey, утверждаютъ, что постоянный нейтралитетъ ограничиваетъ суверенитетъ государства, ибо, по словамъ второго, онъ лишаетъ его естественнаго аттрибута суверенитета, а по словамъ третьяго, ограничиваетъ его основныя права. Fiore и Calvo посвящаютъ нѣсколько страницъ постоянному нейтралитету, повторяя ранѣе сдѣланные въ литера-

---

[6]) Bluntschli, Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staten, 3-e Auflage, Nördlingen, 1878, 414 (§ 743).

[7]) v. Neumann, Grundriss des heutigen europäischen Völkerrechts, 3-e Auflage, Wien, 1885, 133.

[8]) Piccioni (1891), 57.

[9]) Geffcken, Die Neutralität въ Holtzendorffs Handbuch, IV, 1889, 634 ff.

[10]) Chrétien, Principes de droit international public, I, Paris, 1893, 274.

[11]) Piédelièvre, Précis de droit international public ou droit des gens, I, Paris, 1894, 257 s.

Digitized by Google

турѣ догматическіе выводы и не внося сами ничего новаго [12]). Rivier еще подробнѣе разсматриваетъ вопросъ, относя ученіе о постоянно нейтральныхъ уже къ общему ученію о субъектахъ права международнаго. Онъ не высказывается о суверенности или несуверенности этого государства, но весь смыслъ его разсужденій клонится къ всяческому ограниченію особыхъ его обязанностей; продолжая разсужденіе Bluntschli и извѣстной уже намъ швейцарской національной доктрины, онъ указываетъ, что постоянный нейтралитетъ не что иное, какъ нейтралитетъ въ чужихъ войнахъ, что, слѣдовательно, съ нимъ государство не утрачиваетъ права на войну [13]). Проблема суверенности или несуверенности постоянно нейтральнаго занимаетъ и всю послѣдующую литературу; утвержденія за и противъ, весьма часто ничѣмъ не мотивированныя, слѣдуютъ одно за другимъ, въ сущности немного подвигая впередъ рѣшеніе вопроса. Bonfils категорически заявляетъ, что постоянный нейтралитетъ есть международное положеніе, уменьшающее «права суверенитета и независимости» государства, и его «внѣшній суверенитетъ» [14]). Ullmann говоритъ менѣе опредѣленно объ ограниченіи «права самоопредѣленія и свободнаго утвержденія своей личности въ области внѣшней политики» [15]). Не менѣе категорически, нежели

---

[12]) Fiore, Nouveau droit international public, 2-e éd., trad. Antoine, III, Paris, 1886, 426 ss. Calvo, Le droit international théorique et pratique, 5-e édition, Paris, 1896, IV, 487 ss.

[13]) Rivier, Principes du droit des gens, Paris, 1896, I, 108 ss., II, 211 s.; отмѣченная въ текстѣ недомолвка Bluntschli сохраняется и у Rivier. Онъ пытается обосновать свой выводъ словами: la renonciation... à faire la guerre pour son propre compte... serait une diminution tellement grave de la souveraineté qu'elle transformerait presque (?), par le fait, l'Etat qui s'y prêterait en un Etat mi-souverain; не знаемъ, почему эта перспектива кажется такой ужасной. По вопросу о правѣ союзовъ Rivier, II, 60 s. равнымъ образомъ старается съузить ограниченія, лежащія на нейтральномъ, утверждая, что «in dubio pro libertate».

[14]) Bonfils-Fauchille, Manuel de droit international public, Paris, 1898, 174, 176.

[15]) Ullmann, Völkerrecht, Freiburg i. ss., 1898, 57.

Digitized by Google

Bonfils, и столь же мало доказательно Nys устанавливаетъ обратный выводъ о полной суверенности постоянно нейтральнаго [16]). Почти одновременно проблема постояннаго нейтралитета подвергается тщательному обсужденію со стороны такого мастера, какъ Westlake; онъ твердо, просто и съ большою ясностью, выгодно отличающейся отъ всѣхъ предшествующихъ разсужденій на ту же тему, формулируетъ тотъ же тезисъ, что Nys. «Обязательство дѣлать или не дѣлать что-нибудь не составляетъ capitis deminutio», говоритъ онъ; постоянный нейтралитетъ въ виду этого не можетъ быть признанъ ограниченіемъ суверенитета и независимости; чтобы было на лицо такое ограниченіе необходимо, чтобы оно замѣнялось соотвѣтствующимъ увеличеніемъ функцій другихъ политическихъ тѣлъ, какъ напр., бываетъ въ отношеніяхъ зависимости; этого въ данномъ случаѣ нѣтъ [17]). Попутно отмѣтимъ еще, что въ нѣсколь-

[16]) Nys, Notes sur neutralité, Revue de droit international, 2-e série III, 1901, 21 s. и passim. Отличительной особенностью этого автора является полная перестановка порядка разсужденія о постоянномъ нейтралитетѣ. Обыкновенно разсуждаютъ такъ: постоянно нейтральное государство обладаетъ или не обладаетъ правами A, B, C, и выводятъ отсюда, суверенно оно или нѣтъ; Nys поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ утверждаетъ сразу же, что постоянно нейтральное государство суверенно и отсюда выводитъ, что оно обладаетъ правами A, B, C. Этотъ путь значительно упрощаетъ догму нейтралитета (самъ Nys говоритъ о правѣ на войну: «la situation est fort simple»), но едва ли способенъ сдѣлать ее убѣдительною.

[17]) Westlake, Notes sur la neutralité permanente, ibid, III, 392 s. Попытка Westlake тѣмъ болѣе интересна, что англійская наука въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ представителей хранитъ почти полное молчаніе о постоянномъ нейтралитетѣ; ср. напр., Phillimore, Commentaries upon international law, I и III, second edition, 1871, 1873; Twiss, The law of nations, 2-е и 3-е изданія, Oxford, 1875 и 1884; Lorimer-Nys, Principes de droit international, Bruxelles-Paris, 1885; Westlake-Nys, Etudes sur les principes du droit international, Bruxelles-Paris, 1895, Atlays Hall, a treatise on international law, Oxford, 1904; также многіе американцы Field, Draft outlines of an international code, New Iork, 1872; Bakers Halleck, International law, 1-е и 2-е изданія, 1878 и 1893.

Digitized by Google

кихъ новѣйшихъ курсахъ мы находимъ варіанты уже отмѣченныхъ точекъ зрѣнія; Gareis, подобно Nys'y и другимъ, говоритъ, что постоянный нейтралитетъ «не уничтожаетъ и не ограничиваетъ международной личности государства» [18]), Taylor, возвращаясь къ формулѣ Bonfils'a признаетъ въ нейтралитетѣ «ограниченіе внѣшняго суверенитета» [19]), Albert Zorn, повторяя выводъ Woolsey и ряда другихъ писателей, болѣе общимъ образомъ говоритъ объ «ограниченіи суверенитета». [20]). На ряду съ этими варіантами болѣе раннихъ взглядовъ заслуживаютъ большаго вниманія двѣ новѣйшихъ попытки разрѣшить проблему постояннаго нейтралитета, съ одной стороны у Liszt'a, а съ другой у Heilborn'a. Особенностью воззрѣній перваго является не столько конечный выводъ—онъ, подобно многимъ, утверждаетъ, что постоянный нейтралитетъ есть ограниченіе суверенитета—сколько новое опредѣленіе этого послѣдняго понятія; суверенитетъ онъ отождествляетъ съ «неограниченной международноправовой право-и дѣеспособностью», при чемъ эти два понятія право-и дѣеспособности сливаются, по его мнѣнію, въ одно въ правѣ международномъ; именно въ этомъ смыслѣ постоянно нейтральное государство и является государствомъ съ ограниченнымъ суверенитетомъ [21]). Heilborn въ нѣсколькихъ словахъ только что вышедшаго краткаго курса международнаго права разрѣшаетъ вопросъ въ обратномъ смыслѣ, давая новый очень ясный аргументъ; онъ говоритъ: «ограниченія суверенитета, какъ право- и дѣеспособности, нельзя видѣть въ вѣчномъ нейтралитетѣ. Обязательства въ данномъ случаѣ имѣютъ чисто облигаторный характеръ (sind obligatorischer Natur)» [22]).

[18]) Gareis, Institutionen des Völkerrechts, 2-e Auflage, Giessen, 1901, 58.

[19]) Taylor, A treatise on international public law, London, 1902, 174.

[20]) Zorn, Grundzüge des Völkerrecht, 2-e Auflage, 1903, 42 f.

[21]) Liszt, Das Völkerrecht systematisch dargestellt, Berlin, 1898, 27 ff; 2-e Auflage, Berlin, 1902, 41 ff.

[22]) Heilborn, Völkerrecht въ Holtzendorff-Kohler, Encyklopädie der Rechtswissenschaft, Leipzig und Berlin, 1904, II, 1058.

Digitized by Google

Въ вышеприведенномъ обзорѣ мы отнюдь не имѣли въ виду дать исчерпывающую характеристику всѣхъ высказывавшихся за послѣднія десятилѣтія воззрѣній или подымать сейчасъ же теоретическій споръ на затронутыя литературой темы; намъ придется еще вернуться къ тому и другому. Мы хотѣли лишь показать, какъ въ литературѣ, отражающей современныя ей правовыя воззрѣнія, институтъ, который мы изучаемъ, постепенно пріобрѣталъ вполнѣ законченный и самостоятельный характеръ. Намѣченная нами грань въ общемъ его развитіи изъ случайной политической комбинаціи въ опредѣленную правовую величину международнаго оборота имѣетъ несомнѣнно рѣшающее значеніе.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ обзору новѣйшихъ фазисовъ исторіи постояннаго нейтралитета; мы увидимъ сразу же любопытный фактъ, подтверждающій еще разъ существованіе указанной переходной ступени: со времени отмѣченной перемѣны въ литературномъ трактованіи проблемы, цѣлый рядъ выдвигавшихся разныхъ политическихъ вопросовъ предлагаютъ рѣшать провозглашеніемъ новыхъ нейтральныхъ; эти проекты большей частью не осуществляются въ силу разнообразныхъ условій, но доказываютъ лишній разъ, что международное право совершенно освоилось съ институтомъ.

2. Расположимъ эти проекты въ хронологическомъ порядкѣ. Центральное мѣсто будетъ принадлежать въ исторіи ихъ тому плану, который осуществился на дѣлѣ путемъ возникновенія постоянно нейтральнаго Конго; ему предшествуютъ однако нѣсколько не лишенныхъ историческаго интереса эпизодовъ.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ промелькнулъ проектъ провозглашенія постояннаго нейтралитета Греціи. Въ дипломатической перепискѣ по поводу присоединенія Іоническихъ острововъ къ этому государству мы находимъ слѣдующіе два документа. Въ первомъ греческій министръ-президентъ пишетъ греческому посланнику въ Лондонѣ 19/31 декабря 1863 года: «Въ разговорѣ, который я имѣлъ недавно съ

Digitized by Google

Г. Скарлеттомъ, англійскій посланникъ заявилъ мнѣ, что Графъ Рёссель просилъ его спросить министра иностранныхъ дѣлъ и другихъ греческихъ политическихъ дѣятелей, не желаютъ ли они, чтобы греческое королевство цѣликомъ было объявлено нейтральнымъ по отношенію ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ, какъ то было сдѣлано съ Бельгіею... Я немедленно и не колеблясь воспротивился нейтралитету королевства; я замѣтилъ посланнику, что такое предложеніе было бы во всякомъ случаѣ съ негодованіемъ отвергнуто греческимъ народомъ, ибо такой нейтралитетъ былъ бы признанъ нами за политическую смерть, на которую мы никогда не согласились бы... Считаю необходимымъ увѣдомить Васъ объ этомъ, чтобы Вы могли тотчасъ же заявить Графу Рёсселю и другимъ дипломатамъ, что имъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ предлагать намъ нейтралитета, ибо мы не будемъ имѣть возможности даже подвергнуть этотъ планъ обсужденію». Въ отвѣтъ на эту депешу греческій посланникъ пишетъ изъ Лондона 30 декабря 1863 г./11 января 1864 г.: «Я передалъ сегодня Графу Рёсселю содержаніе Вашего письма, касающагося предложенія, сдѣланнаго Вамъ Г. Скарлеттомъ, о нейтрализаціи всей Греціи. Графъ Рёссель увѣрилъ меня, что въ намѣренія его отнюдь не входило сдѣлать намъ что-либо непріятное, но, такъ какъ такая идея ему была указана, онъ желалъ знать наше мнѣніе. Но разъ мы отвергаемъ эту мысль, то о ней не будетъ впредь поминаться» [22]).

Позволительно дѣйствительно усумниться, чтобы политически такой проектъ былъ особенно удачнымъ. Общій смыслъ политической жизни Греціи и темпераментъ ея дѣятелей хорошо удостовѣренъ исторіей и, конечно, не постоянный

[22]) Деліаннисъ-Трикупи и Трикупи-Деліаннису; переводъ съ греческаго у Xenos, East and West, a diplomatic history of the annexation of the Ionian Islands to the Kingdom of Greece, accompanied by a translation of the despatches exchanged between the Greek Government and its plenipotentiary at London and a collection of the principal treaties..., London, 1865, 52, 67.

Digitized by Google

нейтралитетъ разрѣшаетъ всѣ вытекающія изъ существованія этого государства политическія проблемы.

3. Въ 1871 году, когда ясно намѣчается желаніе Германіи присоединить къ своей территоріи Эльзасъ и Лотарингію, въ литературѣ начинаютъ раздаваться голоса въ пользу провозглашенія спорныхъ провинцій постоянно нейтральной республикою [24]); повидимому, нѣкоторые серьезные французскіе политическіе дѣятели увлекаются той же надеждой [25]). Какъ извѣстно, эти надежды остались не выполненными, и вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи разрѣшился путемъ превращенія ихъ въ Reichsland Германіи. Изрѣдка этотъ планъ всплываетъ и въ литературѣ послѣдующихъ десятилѣтій какъ рѣшеніе политической проблемы, исчезновеніе которой не соглашаются до сихъ поръ открыто признать французы [26]).

4. Во время переговоровъ между Франціей и Англіей о Египтѣ, возникшихъ въ 1884 году и приведшихъ къ заключенію Лондонской конвенціи 18 марта 1885 года по финансовымъ вопросамъ, Англія обязалась предложить державамъ «проектъ нейтрализаціи Египта на началахъ, опредѣляющихъ международное положеніе Бельгіи»; этотъ проектъ долженъ былъ служить рѣшеніемъ египетскаго вопроса и выдвигался въ виду обязательства, принятаго тогда на себя Англіею вывести къ 1888 году свои войска изъ Египта [27]). Оккупація на дѣлѣ не прекратилась и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ забытъ и проектъ нейтрализаціи. Обломокъ его мы находимъ лишь въ статьяхъ Константинопольской конвенціи 1888 года о нейтрализаціи Суецкаго канала; египетскій же вопросъ въ его

[24]) Agénor de Gasparin, La république neutre d'Alsace, 1871.

[25]) Sorel, Histoire diplomatique, II, 220, n. 2.

[26]) Rouard de Card, L'Alsace—Lorraine et le projet de neutralisation, Revue politique et parlementaire, 1895.

[27]) Нота lord Granville'я 16-го іюня 1884 г. и отвѣтная нота французскаго посла Waddington'а 17 іюня 1884 г., цит. у Cocheris, La situation internationale de l'Egypte et du Soudan, Paris, 1903, 179 ss.

Digitized by Google

цѣломъ рѣшился въ совершенно иной формѣ. Трудно было бы дѣйствительно признать проектъ этотъ особенно удачнымъ: внутреннее состояніе Египта не позволяло всецѣло предоставить его самому себѣ и нельзя не согласиться съ лордомъ Мильнеромъ, который въ своей классической книгѣ о Египтѣ говоритъ: «трудно думать, чтобы Европа могла серьезно остановиться на такой немощной политикѣ, потому что послѣдняя значила только одно — отъ нежеланія разрѣшить одной Державѣ изъ своего числа сдѣлать дѣло, въ которомъ всѣ были заинтересованы, онѣ рѣшили бы, что это дѣло слѣдуетъ оставить не выполненнымъ» [28]).

5. Рядъ явленій, изученныхъ въ предшествовавшихъ главахъ, сосредоточивалъ наше вниманіе на чисто европейскихъ вопросахъ; — международноправовый институтъ, составляющій предметъ изслѣдованія настоящей книги, возникъ и развивался на почвѣ европейскихъ политическихъ отношеній, служилъ разрѣшеніемъ вѣками сложившихся классическихъ проблемъ европейскаго равновѣсія; та своеобразная форма международнаго существованія, которая характеризуется какъ постоянный нейтралитетъ, заключала однако въ себѣ столь серьезныя внутреннія достоинства, что, когда центръ тяжести внѣшней политики перенесся къ совершенно новымъ задачамъ, когда старая дипломатія, поглощенная дѣлами Европы, уступила мѣсто новой съ новыми міровыми горизонтами, этою стзрой формой не замедлили воспользоваться для рѣшенія новыхъ проблемъ. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того, что возникшій почти безсознательно въ 1815 году институтъ дѣйствительно окрѣпъ и занялъ совершенно опредѣленное мѣсто въ общемъ кругѣ международноправовыхъ понятій, является именно этотъ фактъ перенесенія его за предѣлы старой Европы. Это случилось въ 1885 году, когда созданъ былъ постоянный нейтралитетъ Независимаго Государства Конго (Etat Indépendant du Congo).

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія уси-

[28]) Lord Milner, England in Egypt, tenth edition, London, 1903, 350.

Digitized by Google

ліями выдающихся путешественниковъ, среди которыхъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ американцу Стэнли, были открыты и описаны дотолѣ невѣдомыя страны въ бассейнѣ рѣки Конго. Африка, которая казалась до того времени заслуживающей вниманія только въ своихъ прибрежныхъ, сѣверныхъ и южныхъ частяхъ, сдѣлалась вдругъ предметомъ живѣйшаго интереса. Обнаружилось, что все пространство ея между тропиками, въ которомъ Европа представлена была лишь старинными и большей частью влачившими жалкое существованіи колоніальными управленіями (Португаліи въ Анголѣ и Мозамбикѣ, Франціи въ Габонѣ, Англіи), даетъ богатѣйшій матеріалъ для изслѣдованія и эксплоатаціи [29]). Впечатлѣніе, произведенное открытіями, было такъ велико, и дѣйствительное значеніе ихъ настолько безспорнымъ, что Европа должна была невольно поставить себѣ вопросъ объ организаціи этихъ изысканій и эксплоатаціи. Выразителемъ такихъ первыхъ впечатлѣній былъ бельгійскій король Леопольдъ II, который предложилъ совмѣстными усиліями представителей европейскихъ державъ выработать рѣшеніе этого вопроса; созванная съ этой цѣлью географическая конференція, не имѣвшая оффиціальнаго характера и происходившая въ Брюсселѣ въ сентябрѣ 1876 года, подъ руководствомъ короля, выработала дѣйствительно планъ совмѣстной работы въ Африкѣ. Планъ этотъ носилъ своеобразный характеръ. Предложено было намѣтить общую международную организацію работы въ центральной Африкѣ; съ этой цѣлью должна была быть образована Международная Африканская Ассоціація, объединяющая дѣятельность отдѣльныхъ странъ по изслѣдованію внутреннихъ частей чернаго континента. Въ идеѣ участниковъ конференціи создавался такимъ образомъ

---

[29]) Среди многочисленныхъ работъ, посвященныхъ исторіи открытія центральной Африки, вниманія заслуживаетъ толковая книга бельгійскаго географа Wauters, L'Etat indépendant du Congo, Bruxelles, 1899; затѣмъ, конечно, сочиненія самихъ дѣятелей въ Африкѣ (Stanley, Brazza и др.), ссылки на которыя ниже.

Digitized by Google

родъ международнаго предпріятія, лишеннаго какихъ бы то ни было односторонннхъ политическихъ видовъ, основаннаго на дружной кооперацiи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ въ земляхъ, не имѣвшихъ дотолѣ хозяина и настолько богатыхъ, что на каждаго должно было смѣло хватить предметовъ разработки [30]). Международная организація дѣйствительно возникла и казалось можно было предполагать, что ей удается вести дѣло разработки Африки, устраняя всякое международное соперничество, всякія односторонніе домогательства и односторонніе захваты, какъ общее «наднаціональное» дѣло цивилизованнаго человѣчества [31]). Тѣмъ не менѣе такое рѣшеніе вопроса не только цѣликомъ не восторжествовало, но принуждено было по цѣлому ряду основныхъ пунктовъ уступить мѣсто другому, болѣе реальному рѣшенію, оперирующими твердыми понятіями территоріальнаго верховенства государствъ, оккупаціи ими безхозяйныхъ земель, территоріальныхъ разграниченій и т. д., и т. д., понятіями болѣе привычными, нежели нѣсколько отвлеченная идея международнаго руководства свободною дѣятельностью

[30]) Descamps, L'Afrique nouvelle, Essai sur l'Etat civilisateur dans les pays neufs et sur la fondation, l'organisation et le gouvernement de l'Etat indépendant du Congo, Paris. Bruxelles, 1903, 10. О мѣстныхъ національныхъ комитетахъ, возникшихъ въ силу этихъ постановленій, указанія въ приложеніяхъ къ протоколамъ съѣзда Ассоціаціи 1877 г.; Commission internationale de l'Association Africaine, Session de juin 1877, Bruxelles, 1877.

[31]) Африка съ точки зрѣнія идей, положенныхъ въ основу организаціи 1876 года, напоминала картину естественнаго состоянія, нарисованную Гоббесомъ. Natura dedit unicuique jus in omnia. Hoc est in statu mere naturali, sive antequam homines ullis pactis sese invicem obstrinxissent, unicuique licebat facere quaecunque et in quoscunque licebat, et possidere, uti, frui, omnibus quae volebat et poterat. Quoniam enim, quaecunque quis voluerit ideo bona sibi videntur quia ea vult, possuntque vel conducere ad sui conservationem, vel saltem conducere videri.. Et hoc est quod vulgo dicitur, natura dedit omnia omnibus. Ex quo etiam intelligitur, in statu naturae Mensuram juris esse Utilitatem. Elementa philosophica de cive, c. I, X, (цит. по изд. Amsterodami, 1742).

Digitized by Google

частныхъ лицъ на огромныхъ пространствахъ communis omnium Africae во имя общаго культурнаго и гуманитарнаго идеала.

Новыя теченія въ области африканской проблемы обнаружились почти одновременно съ разныхъ сторонъ. Намѣтимъ лишь основныя проявленія ихъ. Прежде всего, международная организація, задуманная въ широкихъ размѣрахъ брюссельской географической конференціей, распалась на нѣсколько совершенно независимыхъ другъ отъ друга въ своемъ функціонированіи частей, работавшихъ на свой страхъ и рискъ. Среди этихъ новыхъ учрежденій на первомъ мѣстѣ стоялъ возникшій въ Бельгіи подъ руководствомъ короля бельгійскій «Комитетъ изученія верхняго Конго» (Comité d'Etudes du Haut Congo); этотъ Комитетъ поставилъ себѣ совершенно опредѣленную задачу и принялся крайне энергично за дѣло; задача его заключалась въ томъ, чтобы установить сообщенія съ долиною верхняго теченія Конго отдѣленною, какъ извѣстно, отъ нижняго длиннымъ рядомъ порогов, и чтобы затѣмъ положить начало эксплоатаціи этой области; Комитету удалось заручиться согласіемъ Стэнли и поставить во главѣ снаряженной имъ африканской экспедиціи этого талантливаго человѣка. Конечная цѣль, которую себѣ ставилъ Комитетъ, шла дальше простого изысканія путей изслѣдованія и эксплоатаціи. Стэнли свидѣтельствуетъ, что король желалъ «to undertake to do something substantial» (предпринять нѣчто вѣское) [32]); планы его не были окончательно установлены въ то время; въ общихъ чертахъ они заключались въ слѣдующемъ: экспедиція Комитета должна создать въ области Конго рядъ станцій; эти станціи должны пріобрѣсти вліяніе на ближайшія къ нимъ негрскія племена, изъ которыхъ должна составиться республиканская конфедерація свободныхъ негровъ; бельгійскій король будетъ

[32]) Stanley, The Congo and the founding of its free state, London 1885, I, 21.

Digitized by Google

назначать президента этой конфедераціи [33]). Такимъ образомъ дѣятельность Комитета уклонялась отъ идей, провозглашенныхъ въ 1876 году, и въ основу ея клалась мысль объ установленіи протектората короля бельгійцевъ въ сердцѣ Африки [34]).

Этотъ фактъ не прошелъ незамѣченнымъ. Напротивъ того, по мѣрѣ развитія дѣла, предпринятаго Комитетомъ, по мѣрѣ того, какъ ему удавалось все глубже и глубже проникать внутрь африканскаго континента, учреждая на своемъ пути станціи, расчищая дороги, создавая средства оккупаціи страны, въ сознаніи другихъ государствъ Европы начинаетъ складываться убѣжденіе, что экспедиція Комитета не чужда односторонникъ и чисто политическихъ видовъ. Это сознаніе пробудило никогда не дремлющее чувство международнаго соперничества, первое проявленіе котораго послѣдовало со стороны Франціи. Одновременно съ отъѣздомъ Стэнли въ Африку, французское правительство поняло необходимость во время направить свои усилія на то, чтобы не дать Комитету изученія верхняго Конго, одному утвердиться въ бас-

---

[33]) Инструкція, данная Стэнли въ 1879 году, цитируемая въ письмѣ его къ одному изъ руководителей Комитета Col. Strauch, Gibraltar, July 8-th, 1879; ibid., I, 52 f.

[34]) Внутренняя исторія предпріятія короля не можетъ быть выяснена съ полною точностью за почти полнымъ отсутствіемъ необходимыхъ данныхъ; въ литературѣ высказываются самыя разнообразныя догадки по этому предмету. Такъ въ очень солидномъ сочиненіи Cattier, Droit et administration de l'Etat Indépendant du Congo, Bruxelles-Paris, 1898, 10 s. говорится, что международный характеръ, который Леопольдъ II старался придать на конгрессѣ 1876 года европейскимъ начинаніямъ въ Африкѣ, былъ проявленіемъ «de l'habileté avec laquelle Léopold II essaya d'endormir les susceptibilités et les méfiances nationales», доказательствомъ «de préoccupations pratiques et politiques», что въ дѣйствительности король тогда уже мечталъ о созданіи бельгійской колоніи. Провѣрить такую догадку нѣтъ никакой возможности, равно какъ и обратное утвержденіе Descamps, 26, что король Леопольдъ II имѣлъ въ виду именно международное рѣшеніе и лишь вынужденъ былъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ перейти къ національному плану.

Digitized by Google

сейнѣ великой рѣки. Экспедиція, снаряженная имъ съ этой цѣлью, была первымъ эпизодомъ борьбы изъ-за обладанія центральной Африкою. Выразитель этихъ стремленій Франціи и человѣкъ, которому удалось привести ихъ въ исполненіе, Brazza такъ характеризуетъ ихъ: «я полагалъ, говоритъ онъ, что внутри гуманитарныхъ чувствъ короля бельгійцевъ лежала политическая мысль. Я не осуждалъ его за это, но это не мѣшало и мнѣ имѣть свою политическую мысль. Послѣдняя была очень проста. Если дѣйствительно выгодно было завладѣть Конго, я предпочиталъ, чтобы французскій флагъ, а не бельгійскій «международный» флагъ развѣвался надъ этой великолѣпной африканскою страной» [35]). Планъ Brazza сводился къ намѣренію занять въ пользу Франціи правый берегъ Конго за его порогами ранѣе, чѣмъ туда успѣетъ пробраться Стэнли [36]). Экспедиція имѣла полный успѣхъ и Брацца, ранѣе Стэнли прибывъ въ намѣченный имъ конечный пунктъ, успѣлъ заключить договоръ съ однимъ изъ негрскихъ владѣтелей на правомъ берегу Конго, служившій видимымъ свидѣтельствомъ совершившейся оккупаціи. Этотъ договоръ былъ ратификованъ французскимъ правительствомъ въ концѣ 1882 года [37]). Результатомъ этого событія былъ обмѣнъ писемъ между бельгійскимъ королемъ и французскимъ правительствомъ, въ которыхъ было принципіально установлено, что, занявъ правый берегъ Конго, Франція все же не имѣетъ въ виду вообще препятствовать дѣятельности учрежденій, состоявшихъ подъ покровитель-

---

[35]) Conférences et lettres de P. Savorgnan de Brazza, Paris, 1887, 173.

[36]) Планъ этотъ формулировать въ note au Ministère de la Marine 879, послужившей инструкціей для порученной Brazza экспедиціи, выписка изъ нея ibid., 413 ss.

[37]) Текстъ этого договора между Brazza и Roi Makoko у Cattier, 21, n. 1; законъ, уполномочивающій президента на ратификацію его, у Brazza, 444.

Digitized by Google

ствомъ Короля [38]). Если такимъ образомъ, съ одной стороны, предѣлы распространенія дѣятельности Комитета были ограничены, то съ другой стороны, послѣдній получилъ нѣкоторое признаніе въ качествѣ самостоятельнаго и независимаго фактора въ рѣшеніи африканской проблемы. Таковъ былъ первый шагъ, сдѣланный въ направленіи раздѣла Африки; этотъ шагъ являлся несомнѣнно отраженіемъ постепеннаго радикальнаго измѣненія въ задачахъ, которыя преслѣдовалъ Комитетъ изученія верхняго Конго. Это измѣненіе сказывается особенно сильно вслѣдъ за заключеніемъ соглашенія съ Франціей, когда Комитетъ сталъ заключать съ живущими въ бассейнѣ рѣки негрскими племенами и опубликовалъ въ Европѣ рядъ договоровъ, въ силу которыхъ ему предоставлялись верховныя права на владѣнія этихъ племенъ или послѣднія обязывались не допускать въ своихъ земляхъ никакихъ другихъ европейскихъ предпріятій, кромѣ Комитета [39]). Юридическое значеніе этихъ договоровъ было крайне спорно, но нѣтъ сомнѣнія что они обнаруживали animus domini Комитета.

---

[38]) M. Declerc, Président du Conseil, Ministre des Affaires Etrangères, à S. M. le Roi des Belges, Paris, le 16 octobre 1882; Documents diplomatiques, Affaires du Congo et de l'Afrique occidentale, Paris, 1884, 7 ss.

[39]) Образцы такихъ договоровъ находимъ въ British and foreign state papers, LXXV, 1009 ff. Приведемъ здѣсь выдержку изъ этихъ по меньшей мѣрѣ любопытныхъ памятниковъ юридическаго творчества: M. le Lieutenant Van de Velde .. agissant au nom et pour le compte du Comité d'Etudes du Haut Congo, et Ngulinkamma Noso Principe, Kacongo de Noso Principe et Roi de Palla Balla; Ngulinkamma Kiangalla, Cangaari Kutchi;..... Chefs indépendants du district de Palla Balla, se sont réunis le 7 janvier en conférence.. à l'effet de discuter et d'arrêter diverses mesures d'intérêt commun. Après mûr examen ils ont arrêté les dispositions et pris les engagements qui font l'objet du présent traité, savoir: Art. I. Ngulinkamma Noso.... reconnaissent qu'il est hautement désirable que l'Expédition Internationale du Haut Congo crée et développe dans leurs Etats des établissements propre à favoriser le commerce d'échange et à assurer au pays et ses habitants les avantages qui en sont la consé-

Digitized by Google

Неизбѣжность рѣшенія африканской проблемы именно путемъ установленія территоріальнаго верховенства отдѣльныхъ европейскихъ государствъ еще яснѣе обнаруживается во второмъ эпизодѣ ея исторіи, характеризуемаго появленіемъ на сценѣ Португаліи. Начиная съ 1882 года, когда Франція, вотируя ратификацію договоровъ Брацца, заявила активное желаніе принять участіе въ африканской политикѣ, въ Португаліи начинаетъ обнаруживаться стремленіе утвердить за собою устье Конго. Въ ноябрѣ 1882 года она обратилась одновременно къ Франціи и Англіи съ просьбою торжественнымъ образомъ признать издавна будто бы существовавшія и безспорныя права ея на берегъ Африки между 5° 12′ и 8° южной широты, т.-е. именно на устье Конго. Франція удовольствовалась болѣе или менѣе неопредѣленными обѣщаніями [40]), а Англія, напротивъ того, согласилась начать переговоры о признаніи португальскихъ правъ, поставивъ къ тому нѣкоторыя свои условія. Условія эти послѣ нѣкоторыхъ споровъ были приняты [41]) и результатомъ переговоровъ было заключеніе въ Лондонѣ 26 февраля 1884 года договора между двумя государствами: Великобританія согласилась признать суверенитетъ Португаліи на часть восточнаго берега Африки, расположенную между вышеуказанными градусами южной широты, и на примыкающую къ нему часть континента; въ отвѣтъ на

---

quence. Dans ce but ils cèdent et abandonnent en toute propriété au Comité d'Etudes du Haut Congo les territoires compris dans leur apanage... III. La cession des territoires spécifiés au dernier paragraphe de l'art. I est consentie moyennant un présent une fois donné de: un habit de drap rouge à passementeries dorées, un bonnet rouge..., une caisse de 12 bouteilles de liqueurs, 4 demi jeannes de rhum, 2 caisse de gin... que les chefs prénommés déclarent avoir reçu... VII. Les Chefs susmentionnés prennent l'engagement de joindre leurs forces à celles du Comité pour repousser les attaques dont il pourrait être l'objet de la part d'intrus de n'importe quelle couleur.

[40]) Документы, извлеченные изъ португальской бѣлой книги 1884 года, во французскомъ переводѣ въ Affaires du Congo 1884, 34 ss.

[41]) Документы, относящіеся къ переговорамъ, въ State papers, LXXV, 1272—1334.

Digitized by Google

это Португалія признала свободу торговли и судоходства для всѣхъ націй по Конго и Замбези и ихъ притокамъ (ст. IV) и во всѣхъ вновь признанныхъ за Португаліей владѣніяхъ (ст. II), свободу международной торговли отъ всякаго обложенія внутри страны и при вывозѣ (ст. V и VI) и примѣненіе условленнаго между двумя державами тарифа при ввозѣ (ст. IX), рядъ постановленій въ пользу миссіонеровъ и о борьбѣ съ рабствомъ [42]).

Новый раздѣлъ Африки, произведенный этимъ актомъ, представлялъ для предпріятія короля бельгійцевъ гораздо большую опасность, чѣмъ предшествовавшее вмѣшательство французовъ. Франція, занявъ часть праваго берега на верхнемъ теченіи рѣки, оставляла Комитету изученія верхняго Конго лѣвый берегъ; теперь оба берега южнаго Конго оказывались въ рукахъ одного территоріальнаго властителя; правда, этотъ властитель обѣщалъ свободу судоходства и торговли по Конго для всѣхъ націй, но, несмотря на это на первый взглядъ либеральное постановленіе, станціи Комитета были самымъ радикальнымъ образомъ отрѣзаны отъ берега, а слѣдовательно, и отъ Европы. Комитетъ совершенно ясно сознавалъ, что эксплоатація верхняго Конго можетъ быть успѣшной лишь при условіи постройки желѣзной дороги мимо пороговъ, между тѣмъ водвореніе Португаліи въ устьяхъ Конго обозначало полную гибель такого плана или по крайней мѣрѣ [43]) почти непреодолимыя препятствія къ его осуществленію.

6. Комитету, среди обнаружившихся съ разныхъ сторонъ стремленій къ одностороннимъ завладѣніямъ въ центральной Африкѣ приходилось переживать критическое испытаніе; чтобы обезпечить дальнѣйшее свое существованіе и самостоятельность своей дѣятельности въ Африкѣ, ему необходимо было найти какое-нибудь средство противодѣйствія чужимъ захватамъ. Какой аргументъ могъ онъ противопоставить имъ?

---

[42]) Ibid., 476 ff.

[43]) Stanley, I, 463 ff.

Digitized by Google

Не обладая государственнымъ существованіемъ, являясь частнымъ предпріятіемъ короля бельгійцевъ съ неопредѣленнымъ международнымъ характеромъ, не завися ни отъ какого государственнаго организма въ Европѣ, онъ не могъ требовать уваженія къ своимъ правамъ отъ государствъ, обладающихъ развитою международной личностью. Для этого былъ по существу дѣла только одинъ [44]) вѣрный путь — превращеніе его въ самостоятельную и признанную другими международную личность. Чтобы добиться такого признанія, комитету необходимо было какъ-нибудь убѣдить европейскія государства, что государственное существованіе его представляетъ для нихъ совершенно опредѣленныя выгоды. Благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ обстоятельствъ ему удалось достигнуть этой цѣли. Признаніемъ международной личности предпріятія короля Леопольда опредѣляется третій фазисъ въ развитіи африканской проблемы: въ составѣ выработанныхъ за этотъ періодъ новыхъ правоотношеній въ Африкѣ мы находимъ между прочимъ и интересующій насъ актъ провозглашенія постояннаго нейтралитета Независимаго Государства Конго—этого международнымъ образомъ оформленнаго Комитета.

Чтобы понять причины признанія Независимаго Государства и вмѣстѣ возникновенія его постояннаго нейтралитета, намъ приходится вернуться къ той идеѣ международной эксплоатаціи Африки, которая, какъ мы знаемъ, была первымъ изъ предложенныхъ рѣшеній африканской проблемы. Мысль о дарованіи тамъ unicuique jus in omnia, которая, мы

---

[44]) Въ литературѣ международнаго права, живо интересовавшейся предпріятіемъ Леопольда II, предлагались разнообразные способы ему помочь. Популярной являлась мысль о «нейтрализаціи рѣки Конго»; заключеніе Института Международнаго Права въ Мюнхенѣ 1883 г.: Lehr, Tableau général de l'organisation, des travaux et du personel de l'Institut de Droit International, Paris, 1893, 148; предлагалась «нейтрализація» учрежденій Комитета, по образцу «нейтрализаціи» учрежденій Краснаго Креста; Laveleye, La neutralité du Congo, Revue de droit international, XV, 1883, 256 s.

Digitized by Google

видѣли, не выдержала соприкосновенія съ реальными тканями международной жизни, тѣмъ не менѣе заключала въ себѣ долю трезвой политической мысли, обнаружившейся въ моментъ подписанія англо-португальскаго договора 1884 года. Благодаря этому договору, европейскія державы, до того свободно торговавшія въ устьяхъ Конго, поставлены были передъ перспективою подчиниться впредь суверенитету Португаліи. Сравнивая это положеніе съ прежнимъ, державы не могли не найти въ немъ весьма существенныхъ невыгодъ. Впечатлѣніе, произведенное договоромъ, послужило основаніемъ къ возрожденію международной идеи 1876 года, правда въ нѣсколько иной, чѣмъ тогда, и болѣе конкретной формѣ. Въ одномъ изъ обращеній германскихъ торговыхъ палатъ къ имперскому министерству иностранныхъ дѣлъ, высказывавшихъ пожеланія, чтобы Германія протестовала противъ договора 1884 года, мы находимъ очень характерное выраженіе этой мысли: оно выражало желаніе, чтобы пространство между $5^0\,12'$ и 8^0 южной широты было признано европейскими державами, за «нейтральную область», понимая слово нейтральный въ болѣе близкомъ къ истинному латинскому смыслу его, какъ «ничей» [45]).

Что требовалось для достиженія этой цѣли? Прежде всего, необходимо было разрушить созданныя англо-португальскимъ договоромъ права Португаліи на устья Конго; только такой шагъ могъ открыть путь къ закрѣпленію въ Африкѣ согласнаго съ новымъ международнымъ идеаломъ порядка. Для того, чтобы заложить основы этого порядка, необходимо было далѣе широкое международное соглашеніе между всѣми заинтересованными въ Африкѣ державами. Такое соглашеніе могло провозгласить рядъ правилъ, способныхъ обезпечить свободу эксплоатаціи бассейна Конго; но для того, чтобы правила эти могли имѣть дѣйствительное зна-

[45]) Обращеніе торговой палаты въ Маннгеймѣ, напечатанное въ (бѣлой книгѣ) Aktenstücke betreffend die Kongo Frage, Dem Bundesrath und dem Reichstag vorgelegt im April 1885, Hamburg, 1885, 14

Digitized by Google

ченіе, необходимо было, чтобы они обращались къ какой-нибудь власти въ Африкѣ, способной на мѣстѣ обезпечить ихъ дѣйствіе, создать тамъ, въ дикихъ и едва открытыхъ краяхъ, необходимыя для свободной эксплоатаціи Африки условія; такое признаніе могло совершиться лишь относительно власти, способной всецѣло подчиниться международной программѣ и отказаться въ пользу всѣхъ и каждаго отъ основныхъ правъ независимаго верховенства надъ приписанною ей территоріею; такою властью не могла быть ни одна изъ европейскихъ державъ, для которой такая жертва была бы невыносима и, напротивъ того, для указанной роли какъ-будто рождено было предпріятіе короля Леопольда II; оно носило опредѣленно выраженный международный характеръ, доказало свою пригодность для дѣла разработки африканскаго континента, и, главное, стремилось стать въ среду государственныхъ единицъ и не могло не желать купить это положеніе какою угодно цѣною.

Рядъ только что намѣченныхъ посылокъ былъ совершенно ясно намѣченъ въ дипломатической перепискѣ, вызванной опубликованіемъ текста англо-португальскаго соглашенія, и заключеніемъ ихъ было возникновеніе независимаго и постоянно нейтральнаго государства Конго.

Первая посылка — необходимость воспротивиться англо-португальскому договору — намѣчена была въ энергичныхъ протестахъ противъ него Франціи и Германіи [46]). Протестъ имѣлъ полный успѣхъ: сначала Португалія, а затѣмъ Англія отвѣтили, что готовы отказаться отъ ратификаціи договора [47]).

---

[46]) Note annexée à la dépêche de M. Jules Ferry, Ministre des Affaires Etrangères, à M. de Laboulaye, Ministre de la République française à Lisbonne, Paris, le 14 mars 1884; Affaires du Congo 1884, 27 ss. Graf Hatzfeldt an den Kais. Gesandten Herrn von Schmidthals, Lissabon; Berlin, den 18 April 1884; Aktenstücke, 15 f.; Graf Hatzfeldt an den Kais. Botschafter Herrn Grafen zu Münster, London; Berlin, den 29 April 1884; ibid, 21 f.

[47]) M. de Laboulaye à M. Jules Ferry, Lisbonne, le 4 juin 1884; Affaires du Congo 1884, 56; Münster - Auswärtiges Amt, London, den 26

Digitized by Google

Вторая посылка — необходимость международнаго соглашенія для осуществленія плана свободной эксплоатаціи Конго —выдвинута была съ рѣшительностью, свойственной политикѣ Бисмарка, Германіей; она обратилась прежде всего къ Франціи, заявивъ: «мы полагаемъ, что слѣдуетъ относительно созданнаго послѣдними событіями положенія принять мѣры сообща и привести въ дѣйствіе начало солидарности и равной управомоченности, которое съ давнихъ поръ господствуетъ при рѣшеніи вопросовъ торговой политики на Дальнемъ Востокѣ»[48]). Франція не замедлила заявить полную готовность выработать всеобщее соглашеніе на основахъ равенства правъ въ центральной Африкѣ[49]). Германія обратилась затѣмъ къ другимъ заинтересованнымъ державамъ и всюду встрѣтила столь же живое сочувствіе своимъ планамъ[50]). Благодаря единодушію державъ, обнаружившемуся въ этихъ переговорахъ, планы соглашенія скоро приняли совершенно ясную форму и во второй половинѣ 1884 года между Франціей и Германіей состоялось соглашеніе о созывѣ международной конференціи по африканскому вопросу. Намѣченная при этомъ программа конференціи сводилась къ тремъ пунктамъ: установленіе свободы торговли въ бассейнѣ Конго, провозглашеніе свободы судоходства по рѣкѣ и выработка на будущее время, въ видахъ предупрежденія опасныхъ для развитія торговли споровъ, правилъ относительно пріобрѣтенія на берегахъ Африки территоріальнаго верховенства[51]). 15-го

Juni 1884; Aktenstücke, 31; Earl Granville to Lord Ampthill, Foreign Office, June 30, 1884; State papers, LXXV, 1016 ff.

[48]) Graf Hatzfeldt an den Kais. Botschafter, Fürsten von Hohenlohe in Paris, Berlin, den 17 April 1884; Actenstücke, 17 f.

[49]) Hohenlohe dem Fürsten von Bismarck, Paris, den 24 April 1884; ibid., 18 f.

[50]) Документы nº nº 13, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22; ibid., 19 ff.

[51]) Обмѣнъ нотъ; S. A. S. le Prince de Bismarck, Chancelier de l'Empire allemand, au Baron Courcel Ambarsadeur de la République française à Berlin, 13 Septembre 1884; le Baron Courcel au Prince de Bismarck, le

Digitized by Google

ноября 1884 года въ Берлинѣ дѣйствительно собралась конференція представителей великихъ европейскихъ державъ, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Бельгіи, Даніи, Испаніи, Нидерландовъ, Португаліи, Швеціи, Норвегіи и Турціи. Результатомъ конференціи было подписаніе главнаго акта, составившаго родъ африканскаго международнаго кодекса, къ содержанію котораго мы вернемся.

Наконецъ третья посылка—необходимость признанія Комитета изученія верхняго Конго, какъ государства, способнаго, съ одной стороны, служить на мѣстѣ толковымъ исполнителемъ международной воли и, съ другой, безусловно подчиниться условіямъ, предъявлявшимся къ территоріальной власти въ центральной Африкѣ—была формулирована почти одновременно со второй. Соединенные Штаты, присоединяясь къ программѣ Германіи, рѣшительно заявили, что задача можетъ быть достигнута лишь признаніемъ государственнаго характера предпріятія короля Леопольда II. Даже не ожидая конца переговоровъ, происходившихъ между европейскими державами относительно международной конференціи по дѣламъ центральной Африки, Штаты самостоятельно приняли рѣшеніе признать предпріятіе. 22 апрѣля 1884 г. состоялся между ними и «Международной Ассоціаціей Конго»—таково было принятое передъ тѣмъ Комитетомъ изученія верхняго Конго новое наименованіе—обмѣнъ декларацій, въ которыхъ «флагъ Ассоціаціи» былъ признанъ Штатами «за флагъ дружескаго правительства», а за Штатами обезпечивалась свобода торговли въ бассейнѣ Конго [52]) [53]).

29 Septembre 1884; le Prince de Bismarck au Baron Courcel, le 30 Septembre 1884 и le Baron Courcel au Prince de Bismarck, le 2 octobre 1884; Affaires du Congo 1884, 56 ss.; Aktenstücke, 34 ff.

[52]) Тексты въ State papers, LXXV, 376 ff.

[53]) Въ предшествовавшей литературѣ международнаго права усердно обсуждался вопросъ о томъ, можно ли было признать за частной компаніей, лишенной признаковъ государства, международную личность. Двоякаго рода ссылки приводились въ пользу возможности признанія: 1. на договоры съ негрскими племенами, какъ законный титулъ для пріобрѣ-

Digitized by Google

Конечно, оставаясь безъ подражаній, декларація Соединенныхъ Штатовъ не могла бы имѣть рѣшающаго значенія въ исторіи африканской проблемы; голосъ Штатовъ въ тѣ годы еще не имѣлъ того вѣса, который онъ имѣетъ теперь, и Европа не привыкла еще считаться съ нимъ. Ассоціаціи удалось однако почти одновременно съ декларацією Соединенныхъ Штатовъ добиться признанія еще и съ другой стороны; правда, это признаніе не было столь же прямымъ и опредѣленнымъ, какъ только что изложенное, но зато оно исходило отъ державы, благопріятное настроеніе которой было всего важнѣе для нея—отъ Франціи. Признаніе этой послѣдней обошлось Ассоціаціи еще дороже, нежели признаніе Соединенныхъ Штатовъ. Дѣйствительно, если для Соединенныхъ Штатовъ все значеніе Ассоціаціи сводилось къ тѣмъ выгодамъ, которыя она предоставляла торговлѣ, то для Фран-

---

тенія территоріальнаго верховенства частной компаніей и 2. на прецеденты въ пользу признанія государственной личности частныхъ компаній; см. Laveleye въ Revue de droit international, XV, 1883, 260; Travers Twiss, La libre navigation du Congo, ibid., 437 ss, 547 ss.; заключеніе Arntz, приложенное къ 393—th Report въ Reports of the committees of the Senate, III, 30, 34 f. — Соединенные Штаты становились на точку зрѣнія перваго аргумента, см. 393—th Report, 3, 6. — Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе этого вопроса, имѣющаго несомнѣнный интересъ и вызвавшаго большую литературу; въ настоящемъ изслѣдованіи мы можемъ удовольствоваться тѣмъ заключеніемъ, которое дѣлаетъ извѣстный бельгійскій ученый въ недавно появившейся книгѣ о Конго: On a essayé de soutenir qu'un Etat ne pouvait émerger d'une association privée. Mais le roi Léopold a tranché la controverse par le fait, comme ce philosophe qui prouvait le movement en marchant; Descamps, 47; дѣйствительно, каково бы ни было мнѣніе о правомѣрности возникновенія Независимаго Государства Конго, никому въ голову не приходитъ теперь на дѣлѣ отрицать его международно - правовую личность; довольно безплодны поэтому разсужденія Blanchard, Formation et constitution politique de l'Etat indépendant du Congo, Paris, 1899, 121, который приходитъ къ такому заключенію: «ainsi donc, au point de vue théorique, nous arrivons à cette conclusion que le royaume africain de Leopold II ne présente pas tous les élements constitutifs d'un Etat, mais nous devons rappeler... que dans le domaine de faits, cette constatation ne saurait avoir aucune influence.

Digitized by Google

ціи вопросъ имѣлъ и чисто политическое значеніе: ей не могло быть безразличнымъ, кто будетъ ея сосѣдомъ въ Африкѣ. Признать таковымъ Ассоціацію ей было конечно болѣе выгоднымъ, чѣмъ допустить какое-либо европейское государство захватить бассейнъ Конго; необходимо было только обезопасить себя при этомъ и на тотъ случай, если бы Ассоціація оказалась не въ состояніи справиться съ трудной задачей владычества надъ огромными пространствами, права на которыя она хотѣла утвердить за собою. Актъ признанія вылился къ слѣдующую форму. Декларацією 23 апрѣля 1884 года Международная Ассоціація Конго обязалась не уступать никому своихъ «станцій и территорій» и, если непредвидѣнный случай заставитъ ее это сдѣлать, то дать Франціи право первой покупки; отвѣтной декларацією 24 апрѣля 1884 года Франція принимала къ свѣдѣнію обязательства Ассоціаціи и брала на себя обязательство уважать неприкосновенность ея свободныхъ станцій и территорій и не препятствовать осуществленію ею своихъ правъ [54]). На первый взглядъ эти акты стояли внѣ круга идей свободной эксплоатаціи Африки: но на самомъ дѣлѣ въ основѣ ихъ лежала все та же мысль, что владычество Ассоціаціи надъ бассейномъ Конго представляетъ безспорныя съ этой точки зрѣнія преимущества надъ владычествомъ всякой другой державы.

Въ кругъ чисто торговыхъ международныхъ интересовъ возвращаетъ насъ третій рѣшительный моментъ въ исторіи рожденія государства Конго—договоръ между Ассоціацією и германской имперіей, заключенный въ Брюсселѣ 8 ноября 1884 года, за недѣлю до открытія Берлинской африканской конференціи: статьями 1, 2 и 3, которыя являлись воспроизведеніемъ декларации, переданной Аме-

[54]) M. Strauch, Président de l'Association internationale du Congo, à M. Jules Ferry, Président du Conseil, Ministre des affaires étrangères, à Paris, Bruxelles, le 23 avril 1884 и M. Jules Ferry à M. Strauch, Paris, le 24 avril 1884; Affaires du Congo 1884, 48 s.

Digitized by Google

рикѣ, Ассоціація обязывалась на территоріи своей въ бассейнѣ Конго и Ніади Квили и на берегу океана, предоставить Германіи свободу торговли и эксплоатаціи. Статья 5 гласила: «Германская Имперія признаетъ флагъ Ассоціаціи—синее знамя съ золотой звѣздой въ серединѣ—за флагъ дружественнаго государства»; ст. 6 Германія выражала готовность признать за Ассоціаціей и новымъ государствомъ, которое должно было быть создано, территоріальныя права на полосу земли по правому берегу нижняго Конго до океана и бассейнъ Конго, кромѣ частей его по правому выше пороговъ берегу Конго, занятыхъ Франціей, вплоть до Танганайки [55]).

Если, остановившись на датѣ только что указаннаго договора Ассоціаціи и Германіи, оглянуться на пройденный въ развитіи проблемы центральной Африки путь, то мы увидимъ, что элементы ея сравнительно съ исходной точкой этого развитія совершенно измѣнились. Вмѣсто отвлеченной программы международной эксплоатаціи экваторіальной Африки, мы имѣемъ теперь чисто реальную программу, выросшую изъ компромисса между односторонними стремленіями европейскихъ державъ къ захватамъ расположенныхъ въ бассейнѣ Конго территорій и требованіями свободы торговли и судоходства для всѣхъ національностей. Программа эта заключается въ созданіи независимаго политическаго тѣла въ бассейнѣ Конго, готоваго принять на себѣ рядъ тяжелыхъ ограниченій въ пользу міровой торговли, и въ выработкѣ окончательнымъ образомъ этого ряда ограниченій на созванной въ Берлинѣ конференціи. Этой конференціей и была окончательно выполнена новая программа, отвѣчавшая измѣнившимся элементамъ африканской проблемы: къ концу ея засѣданій было окончательно учреждено новое африканское государство и разработано самымъ подробнымъ

---

[55]) Текстъ въ приложеніи къ протоколу № 9 Берлинской конференціи см. Documents diplomatiques, Affaires du Congo et de l'Afrique occidentale, Paris, 1885, 240 ss.

Digitized by Google

образомъ его правовое положеніе среди другихъ государствъ.

7. Прежде, чѣмъ обратиться къ работамъ конференціи, необходимо отмѣтить одну характерную особенность этихъ послѣднихъ. Въ моментъ открытія засѣданій Международная Ассоціація Конго была признана только тремя государствами, а границы ея территоріи были намѣчены лишь въ одномъ изъ трехъ актовъ признанія — германскомъ. Чтобы получить окончательное существованіе, Ассоціаціи необходимо было получить признаніе остальныхъ державъ и разграничиться съ сосѣдними владѣніями Франціи и Португаліи; до тѣхъ поръ Ассоціація лишь въ очень условномъ смыслѣ слова представляла собою международную личность. Поэтому на конференціи формально не могло быть и рѣчи объ опредѣленіи правъ и обязанностей еще не существовавшей для большинства участниковъ политической единицы и, несмотря на твердую рѣшимость иниціаторовъ конференціи—Франціи и Германіи—довести до конца дѣло признанія новаго государства, онѣ не въ состояніи были включить въ программу конференціи какое-либо упоминаніе объ Ассоціаціи. Напротивъ того, съ самаго начала рѣшено было вести дѣло такъ, какъ будто бы въ центральной Африкѣ не существовало опредѣленной территоріальной власти, создать извѣстный комплексъ нормъ, обязательный для всякаго государства, которое будетъ владѣть экваторіальными областями [56]).

Параллельно съ абстрактной разработкою нормъ африканскаго международнаго права и не сливаясь съ нею, шли переговоры о признаніи Международной Ассоціаціи и объ

[56]) Инструкція французскому представителю на конференціи говоритъ: il peut arriver que des tentatives soient faites pour amener la conférence à se prononcer sur les droits revendiqués par l'Angleterre, le Portugal ou l'Association internationale africaine sur les territoires du Niger ou du Congo: de semblables suggestions devraient être rigoureusement écartées, toute question de souveraineté ou de protectorat étant en dehors du programme qui a été proposé aux Puissances interessées... M. Jules Ferry au Baron Courcel, Paris, le 8 novembre 1884; Affaires du Congo 1885, 45 ss.

Digitized by Google

установленіи ея границъ; лишь послѣ того, какъ такой результатъ былъ достигнутъ, конференціи оффиціально представлена была совокупность состоявшихся по этому предмету актовъ, вмѣстѣ съ заявленіемъ новаго государства о томъ, что оно готово подчиниться выработанному конференціей кодексу. Нѣтъ однако сомнѣнія, что несмотря на формальную грань, проведенную между работами конференціи и параллельными переговорами о Международной Ассоціаціи, эти двѣ стороны дѣла не могли не оказывать вліянія другъ на друга, и хронологическое сопоставленіе актовъ, касающихся Международной Ассоціаціи, съ протоколами конференціи представляетъ часто необходимый ключъ къ пониманію этихъ послѣднихъ [57]).

Выше отмѣчены были тѣ три основныхъ пункта, которые должны были служить предметомъ занятій Берлинскаго совѣщанія. Въ согласіи съ ними Германія представила на первомъ засѣданіи проектъ декларації, въ которой изложены были начала свободы торговли и судоходства и нѣкоторыя постановленія въ пользу отмѣны рабства; правила эти должны были дѣйствовать на «территоріяхъ, составляющихъ бассейнъ Конго и его притоковъ», и обращались ко «всякой державѣ властвующей на этихъ территоріяхъ» [58]). Очень скоро съ разныхъ сторонъ обнаружилось стремленіе расширить предѣлы этого проекта и затронуть въ будущемъ африканскомъ

---

[57]) Было бы поэтому ошибочно, какъ то часто дѣлается въ литературѣ, изучать протоколы конференціи самостоятельно: такъ, напримѣръ Pierantoni (Riccardo), Le traité de Berlin de 1885 et l'Etat indépendant du Congo, traduction française, Paris, 1901.

[58]) Весьма любопытно, что германскій проектъ косвенно предусматривалъ возникновеніе Независимаго Государства Конго, тщательно избѣгая въ то же время всякаго прямого на то указанія; послѣдняя алинеа проекта говоритъ: Sauf arrangement ultérieur entre les Gouvernements signataires de cette déclaration et telles puissances qui exerceront des droits de souveraineté dans les territoires dont il s'agit, la commission internationale.....; такимъ образомъ предполагалось появленіе новой державы въ бассейнѣ Конго. — Annexe au protocole № 1 (Séance du 15 novembre 1884).

Digitized by Google

международномъ кодексѣ рядъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ благоустройствомъ экваторіальной Африки. Уже во второмъ засѣданіи американскій полномочный представилъ программу своего правительства, заключавшую въ себѣ цѣлый рядъ дополненій къ проекту Германіи. Наиболѣе важной частью этой программы было предложеніе предусмотрѣть, регулируя положеніе территорій въ бассейнѣ Конго и его притоковъ, не только условія нормальнаго развитія тамъ международныхъ отношеній, но и случай международной войны и создать такой международный актъ, который обезпечивалъ бы безусловнымъ образомъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, свободу эксплоатаціи Конго.

Американское заявленіе было формулировано такъ: «Самое серьезное желаніе правительства Соединенныхъ Штатовъ заключается въ томъ, чтобы приняты были мѣры къ тому, чтобы устранить конфликты между народами и избѣжать соперничества, которое необходимо возникало бы, если бы дозволено было пріобрѣтеніе исключительныхъ привилегій во вновь открытыхъ для торговыхъ предпріятій странахъ. Соглашеніе, которое поставило бы эту страну при помощи нейтрализаціи въ защиту отъ вооруженныхъ нападеній и даровало бы всѣмъ равныя права, способно было бы въ глазахъ моего правительства удовлетворить всѣхъ»... По мнѣнію Америки, такая цѣль могла быть достигнута признаніемъ международной Ассоціаціи Конго, которая, благодаря своему мирному характеру и принятымъ ею началамъ свободы международной торговли, самымъ фактомъ своего существованія устраняло бы возможность международныхъ конфликтовъ въ бассейнѣ Конго. «Можно предвидѣть, что въ расширеніи границъ этой нейтральной и мирной державы заключается лучшее средство укрѣпить гарантіи мира, прогресса африканской цивилизаціи и развитія выгодной для всей семьи народовъ торговли» [59]).

Если принять во вниманіе, что проектъ американскаго пред-

[59]) Séance du 19 novembre 1884; protocole № 2.

Digitized by Google

ставителя обращался къ собранію, большинство участниковъ котораго не знало и не хотѣло еще знать международной ассоціаціи, какъ самостоятельнаго государства, то понятнымъ будетъ, что его средство нейтрализаціи не могло найти отклика. Это не помѣшало ему вернуться къ поставленной имъ задачѣ, нѣсколько видоизмѣнивъ лишь путь ея выполненія. Въ коммиссіи, образованной конференціей для разработки текста африканскаго положенія, онъ внесъ проектъ статьи, которая должна была служить намѣченной во второмъ засѣданіи конференціи цѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгала недостатка перваго предложенія. Онъ предлагалъ, чтобы «въ томъ случаѣ, если въ будущемъ враждебныя дѣйствія возгорѣлись бы къ несчастью между двумя или нѣсколькими изъ числа европейскихъ или американскихъ державъ, подписавшихъ настоящую декларацію или къ ней присоединившихся, каждая изъ нихъ обязана была считать нейтральной территоріей всѣ свободныя для торговли территоріи, опредѣленныя въ первой декларации настоящей конференціи, и всѣ судоходные пути, тамъ находящіеся» [60]). Въ этой новой формѣ предложеніе имѣло все же мало шансовъ на успѣхъ. Границы свободныхъ для торговли территорій бассейна Конго были опредѣлены очень широко; въ составъ ихъ входили не только области, занятыя Международной Ассоціаціей, но равнымъ образомъ и нѣкоторыя части владѣній Франціи и Португаліи. Проектъ американскаго представителя вызывалъ поэтому нейтрализацію областей, подчиненныхъ суверенной власти указанныхъ двухъ европейскихъ державъ; требовалось, чтобы эти державы согласились пожертвовать частью своей верховной власти и подчиниться тому ряду ограниченій, которыя влечетъ за собою нейтрализація. Добиться такой жертвы было не такъ легко и американское предложеніе встрѣчено было сухимъ отказомъ Франціи и Португаліи [61]). Защитникамъ идеи, ле-

[60]) Annexe au protocole № 5; séance du 13 décembre 1884.

[61]) Заявленія M. de Serpa Pimental и M. le Baron de Courcel; гар-

Digitized by Google

жавшей въ основѣ этого предложенія (а ихъ было много въ средѣ конференціи) пришлось прибѣгнуть, чтобы спасти ее, къ новому видоизмѣненію программы и предложить мысль о «нейтрализаціи» хотя бы рѣки Конго и ея притоковъ, т.-е. о признаніи свободы водъ Конго отъ военныхъ дѣйствій и неприкосновенности во время войны международнаго судоходства, которая и была принята конференціей и нашла себѣ выраженіе въ ст. XXV Главнаго Акта Африканской Конференціи въ такой формѣ: «Постановленія настоящаго Акта о судоходствѣ должны въ военное время оставаться въ силѣ. А потому судоходство всѣхъ націй, нейтральныхъ и воюющихъ, будетъ во всякое время свободно для потребностей торговли на рѣкѣ Конго, ея развѣтвленіяхъ, притокахъ и устьяхъ, равно какъ и на прибрежной полосѣ моря, у устьевъ этой рѣки. Торговля на дорогахъ, желѣзныхъ дорогахъ, озерахъ и каналахъ, упомянутыхъ въ ст. XV и XVI, должна также оставаться свободною, несмотря на состояніе войны...» [62]). Принявъ въ принципѣ это постановленіе, коммиссія сочла себя въ правѣ отклонить предложеніе о нейтрализаціи территорій, оговоривъ лишь, что она вернется впослѣдствіи къ окончательному обсужденію американскаго проекта. Споръ, вызванный имъ въ коммиссіи, перенесенъ былъ въ засѣданіе конференціи. Нѣсколько видоизмѣненная и технически улучшенная редакція амери-

port de la commission chargée d'examiner les projets d'Actes de navigation pour le Congo et le Niger; ibid.

[62]) Les dispositions du présent Acte de navigation resteront en vigueur en temps de guerre. En conséquence, la navigation de toutes les nations, neutres et belligérantes, sera libre en tout temps pour les usages du commerce sur le Congo, ses embranchements, ses affluents et ses embouchures, ainsi que sur la mer territoriale faisant face aux embouchures de ce fleuve.—Le trafic demeurera également libre, malgré l'état de guerre, sur les routes, chemins de fer, lacs et canaux mentionnés dans les articles XV et XVI.—Il ne sera apporté d'exception à ce principe qu'en ce qui concerne le transport des objets destinés à un belligérant et considérés, en vertu du droit des gens, comme articles de contrebande de guerre... Текстъ Главнаго Акта у Мартенса, VIII, 695.

Digitized by Google

канскаго предложенія, внесенная редакціоннымъ комитетомъ въ шестомъ засѣданіи конференціи [63]) и защищавшаяся Германіей, какъ необходимое дополненіе къ выработаннымъ конференціей относительно свободы торговли и судоходства нормамъ, встрѣтила по прежнему отказъ французскаго представителя, заявившаго, «что онъ уже развилъ въ коммиссіи мотивы, въ силу которыхъ указанное постановленіе кажется ему или излишнимъ, или неисполнимымъ; онъ считаетъ излишнимъ возвращаться къ своимъ аргументамъ по этому поводу и выражаетъ сожалѣніе, что до сихъ поръ не могъ присоединиться къ подобнымъ предложеніямъ». Въ словахъ «до сихъ поръ» конференція усмотрѣла намекъ на возможность измѣненія взглядовъ французскаго правительства и постановила отложить обсужденіе вопроса до одного изъ слѣдующихъ засѣданій [64]).

Чтобы понять причины всѣхъ колебаній, вызванныхъ проектомъ нейтрализаціи бассейна Конго, съ одной стороны, и настойчивыхъ усилій довести его до конца, съ другой, слѣдуетъ обратить вниманіе на реальное его содержаніе. Нейтрализація должна была создать прежде всего извѣстныя вы-

[63]) Proposition du Comité de rédaction pour un article additionnel à la Déclaration relative à la liberté du commerce dans le bassin conventionnel du Congo. Afin d'assurer le maintion de la liberté du commerce et de la navigation, même en temps de guerre, dans toutes les contrées mentionnées aux paragraphes 1 et 2 de l'article 1-er de la présente Déclaration et placées sous le régime de la liberté commerciale, les Puissances signataires de la présente Déclaration adoptent les principes suivants:—La totalité du bassin, y compris les territoires qui s'y trouvent soumis à la souveraineté ou au protectorat d'une des Puissances belligérantes, sera considerée comme territoire d'un Etat non belligérant.—En conséquence, dans le cas d'une guerre entre des Puissances signataires de la présente Déclaration, celles ci s'engagent à renoncer à étendre les hostilités aux territoires compris dans ce bassin ou à les faire servir de base d'opérations de guerre.— Sera interdit aux vaissaux belligérants le séjour dans le eaux territoriales de ce bassin, sauf eu cas de tempête on de réparations nécessaires... Annexe I au Protocole № 6 (Séance du 22 Décembre 1884).

[64]) Protocole № 6.

Digitized by Google

годы для территорріальной власти въ бассейнѣ Конго; двѣ державы, властвовавшія тамъ, усердно и сознательно отказывались отъ пріобрѣнія этихъ выгодъ цѣною жертвы частью своего суверенитета; очевидно мотивомъ предложенія не могло служить желаніе облагодѣтельствовать эти державы противъ ихъ воли и, слѣдовательно, предложеніе имѣло въ виду въ сущности лишь ту часть бассейна Конго, которая находилась внѣ власти Франціи и Португаліи, т.-е. ту, на которую распространялась власть Международной Ассоціаціи; легко понять причины, побуждавшія облекать эту реальную задачу въ форму широкаго проекта мѣстной нейтрализаціи, который билъ дальше цѣли: Ассоціація юридически еще не существовала для нѣкоторыхъ изъ участниковъ конференціи.

Если сопоставить дату засѣданія, въ которомъ Франція отклонила проектъ нейтрализаціи, 22 декабря 1884 года, съ датами въ исторіи Международной Ассоціаціи, то мы увидимъ, что, хотя къ этому сроку дѣло признанія Ассоціаціи значительно подвинулось впередъ (Ассоціація заключила аналогичныя договорамъ съ Соединенными Штатами и съ Германіей договоры съ Англіей и съ Италіей, за которыми непосредственно должны были слѣдовать договоры съ Австріей, съ Нидерландами и съ Испаніей [65])), все же самое важное въ этомъ отношеніи ею еще не было достигнуто: она не получила формальнаго признанія своей международной личности и, главное, своихъ границъ ни отъ Франціи, ни отъ Португаліи, т.-е. ни отъ одной изъ сосѣднихъ съ нею въ Африкѣ державъ. Естественно было, что до окончательнаго урегулированія своихъ отношеній къ Международной Ассоціаціи, обѣ указанныя державы не могли принять участія въ актѣ, который вызывалъ признаніе ней-

[65]) Съ Англіей обмѣнъ декларацій и конвенція 16 декабря, съ Италіей конвенція 19 декабря, съ Австріей конвенція 24 декабря, съ Нидерландами конвенція 27 декабря 1884 г., съ Испаніей конвенція 7 января 1885 года; тексты въ annexe I au Protocole № 10.

Digitized by Google

тральной территоріи этой Ассоціаціи; съ другой стороны, понятно, что окончаніе переговоровъ по этому предмету во-первыхъ устраняло, одно изъ существенныхъ препятствій къ торжеству принципа нейтрализаціи; измѣненіе, которое должно было произойти во взглядахъ Франціи и Португаліи вмѣстѣ съ признаніемъ ими Международной Ассоціаціи, должно было, во-вторыхъ, внести и нѣкоторое измѣненіе въ содержаніи проекта нейтрализаціи. Нейтрализація всѣхъ территорій бассейна Конго должна была, мы сказали, служить косвеннымъ средствомъ добиться нейтрализаціи территоріи Международной Ассоціаціи, которую прежде нельзя было назвать. Естественно предположить, что, когда станетъ возможнымъ безъ обиняковъ говорить объ Ассоціаціи, вмѣсто проекта нейтрализаціи всѣхъ территорій бассейна явится проектъ провозглашенія нейтралитета этого государства.

Дѣйствительно, какъ только окончательно установились отношенія Ассоціаціи съ Франціей и Португаліей, проектъ нейтрализаціи сразу же значительно приблизился къ своему осуществленію и съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнился въ своемъ содержаніи. 5 февраля 1885 года состоялся договоръ Ассоціаціи съ Франціей и 14 февраля 1885 года съ Португаліей; политическое значеніе этихъ двухъ актовъ лежало, прежде всего, въ статьяхъ 3 и 6 обоихъ, изъ коихъ въ первой устанавливались границы Ассоціаціи и во второй содержалось обязательство «признавать флагъ Международной Ассоціаціи за флагъ дружественнаго правительства». Въ этихъ актахъ заключались рядомъ съ этими основными статьями постановленія относительно свободы торговли и что всего для насъ интереснѣе, статья относительно нейтралитета новаго государства. Въ договорахъ съ Франціей (ст. 5) она гласила: «съ оговоркою относительно имѣющаго состояться соглашенія между Международной Ассоціаціею Конго и Португаліей относительно территоріи къ югу отъ Шилоанго правительство французской республики готово признавать нейтралитетъ владѣній Международной Ассоціаціи въ границахъ, указанныхъ на прилагаемой картѣ, съ тѣмъ однако,

Digitized by Google

чтобы обсудить и установить условія этого нейтралитета по соглашенію съ другими державами, представленными на Берлинской Конференціи» [66]), а въ договорѣ съ Португаліей (ст. 5)—«Его Величество Король Португальскій и Альгарвскій готовъ признать нейтралитетъ владѣній Международной Ассоціаціи Конго съ тѣмъ однако, чтобы обсудить и установить условія этого нейтралитета по соглашенію съ другими Державами, представленными на Берлинской Конференціи [67]).

Включеніе Франціей и Португаліей этой статьи въ договоры о признаніи сняло временный запретъ, наложенный на проектъ нейтрализаціи, сопротивленіемъ этихъ двухъ державъ, и позволило конференціи вернуться къ обсужденію его. Франція взяла на себя починъ соотвѣтствующаго шага [68]). При этомъ она не просто предложила вернуться

---

[66]) Sous réserve des arrangements à intervenir entre l'Association Internationale du Congo et le Portugal, pour les territoires situés au sud du Chiloango, le Gouvernement de la République Française est disposé à reconnaître la neutralité des possessions de l'Association Internationale comprises dans les frontières indiquées sur la carte ci jointe, sauf à discuter et à régler les conditions de cette neutralité d'accord avec les autres Puissances représentées à la Conférence de Berlin; Affaires du Congo 1885, 319 ss.; State papers, LXXVI, 578 ff.

[67]) Sa Majesté Frès Fidèle, le Roi de Portugal et des Algarves est disposé à reconnaître la neutralité des possessions de l'Association Internationale du Congo, sauf à discuter et à régler les conditions de cette neutralité d'accord avec les autres Puissances représentées à la Conférence de Berlin; Affaires du Congo 1885, 327 ss.; State papers, LXXVI, 583 ff.

[68]) Причины измѣненія политики Франціи въ этомъ вопросѣ, ясно обнаруживающіяся въ послѣдовательности событій, составляютъ въ литературѣ предметъ разнообразныхъ и не всегда точныхъ догадокъ. Pierantoni, 138 говоритъ только „il ne fut plus possible de repousser entièrement la neutralité», не разъясняя почему; Cattier, 67—plus tard, pourtant, l'Ambassadeur de France, à qui sans doute on était parvenu à démontrer le grand intérêt que présentait la neutralité pour l'Etat du Congo, formula...; это предположеніе ничѣмъ не подкрѣпляется; Blanchard, 280 оставляетъ вопросъ безъ отвѣта; тоже Descamps, 296. Недоумѣнія и произвольныя догадки тѣмъ болѣе непростительны, что имѣется авторитетное указаніе на причины измѣненія политики Франціи въ

Digitized by Google

къ старымъ редакціямъ статьи о нейтрализаціи, защищавшимся американскимъ и германскимъ представителями, а представила новую, болѣе соотвѣтствующую, по ея мнѣнію, политическимъ условіямъ центральной Африки: въ прежнюю формулу внесено было измѣненіе, имѣвшее цѣлью поставить нейтрализацію бассейна Конго въ зависимость отъ желанія государственной власти, владѣющей той или другою частью его. Этотъ французскій проектъ содержалъ предложеніе установить обязательство «уважать нейтральность территорій или частей территорій, принадлежащихъ къ упомянутымъ землямъ, со включеніемъ территоріальныхъ водъ, до тѣхъ поръ, пока Державы, которыя обладаютъ или будутъ обладать правомъ верховенства или протектората въ этихъ территоріяхъ, пользуясь правомъ объявлять себя нейтральными, будутъ исполнять возложенныя на нихъ нейтралитетомъ обязанности».

«Разумѣется, говоритъ докладъ подготовительной коммиссіи, приложенный къ девятому протоколу, что это положеніе имѣло въ виду прежде всего Государство, которое создавала Международная Ассоціація Конго и которое она намѣрена была поставить подъ режимъ постояннаго нейтралитета. Это намѣреніе встрѣчаетъ заранѣе согласіе и санкцію державъ» [69]). Почему же, если имѣлся въ виду нейтралитетъ Международной Ассоціаціи, не сказать было этого прямо, не предложить вмѣсто сложной формулы болѣе простой и понятный актъ провозглашенія нейтралитета

опубликованномъ оффиціальномъ отчетѣ французскаго делегата на конференціи; Rapport adressé au Ministre des Affaires Etrangères par M. Ed. Engelhardt, Ministre plénipotentiaire, délegué à Berlin, pour la Conférence Africaine въ Affaires du Congo 1885, 36; правильно, но не совсѣмъ опредѣленно de Martens, La Conférence du Congo à Berlin et la politique coloniale des Etats modernes въ Revue de droit international, XVIII, 1886, 266 s.

[69]) Rapport sur quelques modifications nouvelles du texte sur la neutralité et les dispositions générales ainsi que sur la forme définitive des décisions émanées de la Conférence. Annexe III au protocole N° 9 (Séance 23 février 1885).

Digitized by Google

новаго африканскаго государства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ тотъ же докладъ. Онъ указываетъ, что на ряду съ Международной Ассоціацией въ бассейнѣ Конго, открытомъ для всего міра, существуютъ и могутъ обосноваться другія властители, для которыхъ нейтралитетъ можетъ представлять существенныя выгоды; лишать ихъ возможности воспользоваться этими выгодами нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ интересы міровой торговли требуютъ осуществленія въ возможно широкихъ предѣлахъ проекта нейтрализаціи; поэтому и предлагается такая формула, которая представляетъ «право объявлять себя нейтральнымъ» всякому государству, владѣнія коего цѣликомъ или лишь частью лежатъ въ бассейнѣ Конго.

Проектъ французскаго представителя, создававшій оригинальную систему нейтральныхъ государствъ и нейтральныхъ территорій въ центральной Африкѣ, былъ внесенъ отъ имени подготовительной коммиссіи въ засѣданіе конференціи, не встрѣтилъ тамъ особенныхъ возраженій и былъ принятъ ею. Онъ составилъ ст. 10 Главнаго Акта Африканской Конференціи, подписаннаго въ послѣднемъ засѣданіи ея 26 февраля 1885 года, которая гласитъ:

Afin de donner une garantie nouvelle de sécurité au commerce et à l'industrie et de favoriser, par le maintien de la paix, le développement de la civilisation dans les contrées mentionnées à l'art. I et placées sous le régime de la liberté commerciale, les Hautes Parties Signataires du présent Acte et celles qui y adhéreront par la suite s'engagent à respecter la neutralité des territoires ou parties de territoires dépendant des dites contrées, y compris les eaux territoriales, aussi longtemps que les Puissances qui exercent ou qui exerceront des droits de souveraineté ou de protectorat sur ces territoires, usant de la faculté de se proclamer neutres, rempliront les devoirs que la neutralité comporte [70]).

[70]) Мартенсъ, Собраніе, VIII, 706.

Digitized by Google

8. Статья 10 Главнаго Акта Берлинской Конференціи ни словомъ не упоминаетъ о Международной Ассоціаціи: она представляетъ лишь одну изъ двухъ неразрывно связанныхъ между собою половинъ международной сдѣлки, давшей жизнь постоянному нейтралитету новаго африканскаго государства. Какова должна быть эта вторая половина, совершенно ясно указывается содержаніемъ ст. 10-й: она должна быть актомъ, въ которомъ Международная Ассоціація воспользовалась бы «правомъ» всякой территоріальной въ Конго державы «объявлять себя нейтральной».

Чтобы имѣть возможность «объявить себя нейтральною», Международная Ассоціація должна была отвѣчать лишь одному условію—быть «державою»; послѣ договоровъ съ Франціей и Португаліей притязанія Ассоціаціи на государственное бытіе можно было считать уловлетворенными; въ предпослѣднемъ засѣданіи конференціи этотъ результатъ частныхъ переговоровъ съ отдѣльными государствами былъ, можно сказать, кодифицированъ: предсѣдательствующій конференціи прочелъ торжественное заявленіе Ассоціаціи, что она признана большинствомъ государствъ, и произнесъ привѣтствіе новому государству, которое послѣдовательно повторялось всѣми участниками; все это было занесено въ протоколъ и къ нему приложены заключенные Ассоціаціей договоры [71]).

Черезъ нѣкоторое время послѣ конференціи окончательнымъ образомъ выработанъ былъ внутренній строй новаго государства: мало опредѣленная форма Международной Ассоціаціи подъ руководствомъ короля бельгійцевъ, замѣнилась монархіей подъ наименованіемъ Независимое Государство Конго, съ Леопольдомъ II въ качествѣ «Государя» (Souverain) и въ личной уніи съ Бельгіей; Государь Конго объявилъ всѣмъ державамъ о своемъ вступленіи на престолъ и получилъ отъ всѣхъ другихъ государствъ заявленія сочувствія [72]).

[71]) Protocole № 9. Séance 23 février 1885.

[72]) Le 1 août 1885, et à des dates ultérieures, S. M. Léopold II, Roi

Digitized by Google

Однимъ изъ первыхъ актовъ переименованной въ Независимое Государство Конго державы была декларація нейтралитета 1 августа 1885 года. Она гласила:

Le soussigné, Administrateur Général du Département des Affaires Etrangères de l'Etat Indépendant du Congo, est chargé par le Roi Souverain de cet Etat de porter à la connaissance de Son Excellence..., Ministre des Affaires Etrangères de..., qu'en conformité

---

des Belges, a notifié aux Puissances que les possessions de l'Association internationale du Congo forment désormais l'Etat Indépendant du Congo; que Sa Majesté a pris, d'accord avec l'Association, le titre de Souverain de l'Etat Indépendant du Congo, et que l'union entre la Belgique et cet Etat est exclusivement personnelle; Bulletin officiel de l'Etat Indépendant du Congo, Années 1885 et 1886, Bruxelles, 1886, 22.—Какъ совершилось это внутреннее переустройство Ассоціаціи донынѣ неизвѣстно; вслѣдъ за Moynier, La formation de l'Etat Indépendant du Congo au point de vue juridique въ Séances et travaux de l'Académie des sciences morale et politiques, Nouvelle série, XXVIII, 1887, II, Paris 1887, 463, рядъ писателей, Cattier, 28, n. 2, Blanchard, 72, Descamps, 64 ссылаются на неопубликованный декретъ 29 Мая 1885 года (Descamps: 2 Мая 1885 года), которымъ король Леопольдъ объявилъ впервые о существованіи Независимаго Государства и о своемъ восшествіи на престолъ. Moynier придаетъ этому декрету несомнѣнно преувеличенное значеніе, относя къ нему начало существованія новаго государства и утверждая, что до 29 Мая 1885 года государства не было, а была лишь частная компанія (cf. Moynier, 485; въ другомъ мѣстѣ иначе: Rien de plus vaporeux que les brumes qui enveloppent la transformation, graduelle et presque insensible, de l'Association internationale, entreprise toût à fait privée, en une puissance régulièrement constituée. Dans cette opération, plusieurs tableaux se sont succédé, comme dans un diarama, sans qu'un observateur attentif ait pu préciser l'instant où l'un faisait place à l'autre; ibid., 485). Самое большее, что можно сказать о декретѣ, это—что онъ знаменуетъ важную перемѣну во внутреннемъ строѣ уже существующаго государства, ибо очевидно нельзя отрицать за Международной Ассоціаціей государственный характеръ, разъ онъ признанъ былъ за нею всѣми европейскими государствами. Въ текстѣ было указано, что фактически уже въ 1882—1884 годахъ Ассоціація обладаетъ свойствами государства.

[78]) Bulletin officiel de l'Etat Indépendant du Congo, Année 1888, Bruxelles, 1888, 237—240.

Digitized by Google

de l'article 10 de l'Acte général de la Conférence de Berlin l'Etat Indépendant du Congo se déclare, par les présentes, perpétuellement neutre, et qu'il réclame les avantages garantis par le Chapitre III du même Acte en même temps qu'il assume les devoirs que la neutralité comporte. Le régime de la neutralité s'appliquera au territoire de l'Etat Indépendant du Congo renfermé dans les limites qui résultent des traités successivement conclus par l'Association Internationale avec l'Allemagne, la France et le Portugal, traités notifiés à la Conférence de Berlin et annexés à ses protocoles, et qui sont ainsi déterminées, Savoir.... (S.) Edm. Van Eetvelde. Bruxelles, le 1 Août 1885.

Совокупность ст. 10 Главнаго Акта Берлинской конференціи и декларації 1 августа представляетъ тотъ правовой источникъ, на которомъ покоится постоянный нейтралитетъ Независимаго Государства Конго. Постараемся, пользуясь этимъ источникомъ, дать характеристику этого положенія. Эта характеристика сводится къ признанію, что Независимое Государство есть такое же постоянно нейтральное государство, какимъ являются Швейцарія, Бельгія и Люксембургъ; никакого различія по существу дѣла между Конго и европейскими нейтральными, по нашему мнѣнію, нѣтъ. Въ пользу такого вывода, который не раздѣляется ни однимъ изъ спеціальныхъ изслѣдователей международнаго положенія Конго, на первый взглядъ говоритъ декларація 1 августа, которая содержитъ прямое указаніе, что Конго есть государство постоянно нейтральное. Этого аргумента, конечно, недостаточно, чтобы сдѣлать указанный выводъ, и вотъ почему. Постоянный нейтралитетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ институтъ понимался Европою, есть совокупность правоотношеній, связывающихъ нѣсколько государствъ и создающихъ права и обязанности, во-первыхъ, для того государства, которое именуется постоянно нейтральнымъ, и, во-вторыхъ, для другихъ государствъ. Поэтому одностороннимъ актомъ «объявленія себя посто-

Digitized by Google

янно нейтральнымъ», конечно, не могутъ быть возложены на другія государства обязанность уважать этотъ нейтралитетъ и другія обязанности по отношенію къ нейтральному, а слѣдовательно имъ не можетъ быть создано «постоянно нейтральное государство» въ истинномъ смыслѣ слова. Что бы мы сказали, если бы завтра Турція провозгласила себя постоянно нейтральной и заявила, что всякій, кто объявитъ ей войну, будетъ нарушителемъ своихъ международныхъ обязанностей. Сдѣлаться постоянно нейтральнымъ по собственной волѣ невозможно. Поэтому декларація государства Конго сама по себѣ не даетъ намъ основанія признать его постоянно нейтральнымъ. Необходимо найти доказательство существованія воли другихъ государствъ признавать его таковымъ, доказательство того, что другія государства связали себя обязанностями, вытекающими изъ такого признанія и получили соотвѣтствующія права. Оно можетъ находиться только въ ст. 10 Главнаго Акта, которая имѣетъ поэтому рѣшающее значеніе для отвѣта на поставленный выше вопросъ. Даетъ ли она дѣйствительно основаніе признать, что послѣ декларации 1 Августа державы связаны тѣми же обязанностями по отношенію къ государству Конго, какими, напр., участники Лондонскаго договора связаны по отношенію къ Бельгіи, т.-е. является ли государство Конго личностью того же международноправового типа, что Бельгія.

Редакція ст. 10 настолько сложна, что разобраться въ ней не легко. Она строится слѣдующимъ образомъ. Государствамъ, имѣющимъ владѣнія въ странахъ бассейна Конго, приписывается «право объявлять себя нейтральными» (la faculté de se proclamer neutres); если эти государства воспользовались этимъ правомъ, то наступаетъ рядъ правовыхъ послѣдствій, описанный слѣдующимъ образомъ: въ этомъ случаѣ другія государства «обязуются уважать нейтральность территорій или частей территорій, принадлежащихъ къ помянутымъ странамъ» и находящихся во владѣніи объявившихъ себя нейтральными государствъ. Статья предусматриваетъ такимъ

Digitized by Google

образомъ условное возникновеніе правоотношенія между государствомъ, объявившимъ себя нейтральнымъ, и другими государствами; обязанности перваго ближайшимъ образомъ не характеризуются, говорится лишь, что оно «объявляетъ себя нейтральнымъ»; обязанности вторыхъ описываются какъ обязанность уважать «нейтральность территоріи».

Существованіе нѣкотораго правоотношенія между Конго и другими государствами послѣ того, какъ условіе, указанное статьей, было выполнено въ декларації 1 августа 1885 г., поэтому не подлежитъ сомнѣнію; но даетъ ли характеристика правоотношенія, сдѣланная статьей 10, достаточно данныхъ, чтобы признать его отношеніемъ постояннаго нейтралитета въ европейскомъ смыслѣ этого слова?

Сомнѣнія возбуждаются по цѣлому ряду пунктовъ. Во-первыхъ, статья 10 говоритъ объ «объявленіи себя нейтральнымъ» и ни словомъ не указываетъ на возможность объявить себя постоянно нейтральнымъ. Редакція статьи вызываетъ представленіе о томъ, что при наступленіи войны между двумя другими державами территоріальное на Конго государство можетъ объявить свой нейтралитетъ и что тогда воюющіе должны уважать неприкосновенность его территоріи, что, слѣдовательно, когда нѣтъ этой войны между третьими, о нейтралитетѣ такого государства рѣчи быть не можетъ и въ статьѣ дѣло идетъ объ обычныхъ декларацiяхъ нейтралитета, съ которыми здѣсь не связано никакихъ особыхъ послѣдствій для воюющихъ; между тѣмъ постоянный нейтралитетъ есть не столько запретъ участія въ войнѣ между двумя другими государствами, сколько безусловный запретъ веденія войны, въ союзѣ ли съ другимъ воюющимъ или самостоятельно — безразлично. Отсюда возникаетъ сомнѣніе, имѣло ли Независимое Государство какія либо основанія провозглашать разъ навсегда свой постоянный нейтралитетъ и въ правѣ ли разсчитывать на признаніе другими государствами такого нейтралитета. Разница между двумя положеніями существенна: если государства обязаны уважать нейтралитетъ Конго лишь въ обыч-

Digitized by Google

номъ смыслѣ слова, то значитъ внѣ случаевъ войны ихъ съ третьими государствами онъ для нихъ не существуетъ и они отнюдь не безусловно лишены права воевать противъ Независимаго Государства; если они обязаны признавать постоянный нейтралитетъ Независимаго Государства, то такого права они принципіально лишены. Въ текстѣ Главнаго Акта не содержится никакихъ разъясненій по этому вопросу. Зато въ протоколахъ конференціи имѣется нѣсколько указаній, бросающихъ нѣкоторый свѣтъ на это первое недоумѣніе, вызываемое ст. 10. Въ докладѣ подготовительной комиссіи, на который мы ссылались и въ которомъ впервые появляется превратившійся въ ст. 10 Главнаго Акта проектъ французскаго представителя, мы находимъ слѣдующее его толкованіе: «Статья... предусматриваетъ, что державы, властвующія въ бассейнѣ Конго, будутъ имѣть возможность, объявляя себя нейтральными, обезпечить за своими владѣніями выгоды нейтралитета. Въ такомъ случаѣ—и въ этомъ основная мысль условія — державы, подписавшія договоръ, обязуются уважать этотъ нейтралитетъ. Никакихъ ограниченій не наложено на декларацію нейтралитета и послѣдній можетъ быть временнымъ или постояннымъ» [74]). Съ точки зрѣнія комиссіи, слово «нейтралитетъ» слѣдуетъ поэтому понимать не въ обычномъ его смыслѣ, какъ неучастіе въ войнѣ, возникшей между двумя другими государствами, а въ болѣе широкомъ смыслѣ, обнимающемъ и нейтралитетъ постоянный, какъ запретъ какой бы то ни было войны. Протоколъ засѣданія конференціи, посвященнаго обсужденію доклада коммиссіи, доказываетъ, что та-же точка зрѣнія была принята и здѣсь: съ нѣсколькихъ сторонъ было заявлено, что статья 10-я предусматриваетъ возможность провозглашенія именно постояннаго нейтралитета. При этомъ прямо гово-

[74]) Dans ce cas—et là se trouve la pensée fondamentale de la clause—les Puissances signataires s'engagent d'avance à respecter cette neutralité..... Aucune limite n'est imposée à la Déclaration de neutralité qui peut être temporaire et perpétuelle.....; Annexe III au protocole № 9.

Digitized by Google

рится о будущемъ «постоянномъ нейтралитетѣ государства Конго», какъ о сознательно и спеціально предусмотрѣнномъ ст. 10 Главнаго Акта правоотношеній [75]). Что въ намѣреніяхъ конференціи было сдѣлать возможнымъ именно образованіе постоянно нейтральнаго государства въ сердцѣ Африки, совершенно подобнаго существующимъ въ Европѣ государствамъ этого типа, свидѣтельствуетъ одно изъ немногихъ опубликованныхъ дипломатическихъ донесеній съ конференціи, а именно донесеніе американскаго представителя своему правительству, гдѣ говорится, что все значеніе ст. 10 сводится къ тому, что она даетъ возможность осуществить намѣреніе Конго объявить себя нейтральной державой по образцу Бельгіи [76]). Двѣ наиболѣе заинтересованныя въ дѣлѣ державы — Франція и Португалія — равнымъ образомъ высказывались на конференціи въ пользу того, что ст. 10 допускаетъ возникновеніе постоянно нейтральныхъ государствъ въ бассейнѣ Конго [77]). Можно сказать поэтому, что Независимое Государство Конго, объявляя

---

[75]) L'Ambassadeur d'Italie présente.... les considérations suivantes....: Il vote en faveur du premier article du projet actuellement en discussion, et qui contribuera, entre autres, à sauvegarder l'avenir de l'Association internationale du Congo. Les Puissances ici représentées ont déjà, presque toutes, reconnu cette Association. Elle ne tardera pas, dès lors, à donner son adhésion à l'Acte général de la Conférence de Berlin, et à proclamer la neutralité perpétuelle des territoires placés sous son gouvernement; Protocole № 9.

[76]) The peculiar importance of this proposition is found in the alleged intention of the Congo Free States to declare themselves a neutral power (like Belgium), and then should Portugal and France, or other armed power, commit an act of unjustifiable aggression, any of the other signatory powers would have the option to call them to account for a breach of their engagements. This will be a perpetual protection to the unarmed Free States... Mr. Kasson to Mr. Frelinghuysen, Legation of the United States, Berlin, February 23, 1885; The executive documents of the Senate of the United States for the first session of the forty-ninth congress, VIII, Washington, 1886, № 196, 180 f.

[77]) Le Baron de Courcel.... fait la déclaration suivante:..... «...Il est entendu que le mot de neutralité, employé à l'article 10, est pris

Digitized by Google

себя постоянно нейтральнымъ, не только не основывалось на неправильномъ и произвольномъ пониманіи Берлинскаго акта, но, напротивъ того, лишь исполняло въ точности намѣренія, лежавшія въ основѣ его и занесенныя въ протоколы конференціи. Такимъ образомъ первое недоумѣніе, порождаемое вопросомъ о международноправовомъ положеніи Конго, устраняется, и мы можемъ сказать, что декларація 1 августа 1885 года вполнѣ соотвѣтствуетъ ст. 10 Главнаго Акта Берлинской конференціи, въ томъ смыслѣ, что при наличности первой для всѣхъ подписавшихъ Актъ государствъ обязательно признаніе постояннаго нейтралитета Конго и что сумма международно-правовыхъ отношеній, объединяемыхъ понятіемъ «постоянно нейтральное государство», несомнѣнно въ данномъ случаѣ имѣется налицо.

Этого не достаточно, однако, чтобы доказать тождество положенія Конго съ положеніемъ всякаго другого постоянно нейтральнаго государства; текстъ ст. 10 даетъ

---

dans son sens propre et technique, c'est à dire qu'il qualifie la situation légale d'un tiers qui s'abstient de prendre part à la lutte de deux ou plusieurs parties belligérantes. Pour qu'on parle de neutre il faut qu'il y ait des belligérants, et il n'y a pas de neutralité en temps de paix, ni entre deux parties envisagées seulement au point de vue de leurs rapports mutuels. Cependant rien n'empêche un Etat de se proclamer perpétuellement neutre, c'est à dire de déclarer qu'en aucun cas il ne prendra volontairement part à une guerre engagée entre d'autres Puissances...» Le Marquis de Penafiel demande à faire mentionner au protocole qu'il interprète comme le Baron de Courcel les dispositions adoptées par la Conférence relativement à la neutralité... Protocole № 9. — Нѣтъ сомнѣнія, что въ заявленіи французскаго представителя постоянному нейтралитету приписывается нѣсколько болѣе узкое значеніе, нежели то, которое за нимъ признается, когда дѣло идетъ о другихъ нейтральныхъ; вмѣсто общаго запрета войны, который онъ влечетъ, ему приписывается здѣсь значеніе запрета лишь участія въ войнѣ третьихъ державъ между собою; мы вернемся къ этому взгляду нѣсколько ниже, а пока отмѣтимъ лишь самый фактъ признанія сосѣдями государства Конго соотвѣтствія постояннаго нейтралитета точному смыслу ст. 10 Главнаго Акта.

Digitized by Google

основаніе предположить, что еще въ одномъ отношеніи между ними лежитъ органическое различіе, а именно относительно значенія его для самого нейтральнаго. Ст. 10 ставитъ возникновеніе изучаемаго нами правоотношенія въ зависимость отъ доброй воли государствъ бассейна Конго; каждое изъ нихъ можетъ объявить себя нейтральнымъ и можетъ воздержаться отъ такого акта. На основаніи словъ статьи «пользуясь правомъ объявлять себя нейтральными» (usant de la faculté de se proclamer neutres) возникла единогласно защищаемая въ литературѣ теорія, по которой постоянный нейтралитетъ государства Конго, въ отличіе отъ другихъ, носитъ «факультативный» характеръ. Насколько намъ удалось прослѣдить впервые Despagnet въ 1894 году формулировалъ этотъ взглядъ: по его мнѣнію, нейтралитетъ Независимаго Государства отличается тѣмъ отъ другихъ примѣровъ подобнаго правоотношенія, что онъ существуетъ только постольку, поскольку Конго сохраняетъ въ силѣ декларацію 1 августа. Онъ имѣетъ право въ любой моментъ взять назадъ эту декларацію и такимъ образомъ одностороннимъ актомъ своей воли прекратить свой постоянный нейтралитетъ [78]). Въ 1895 году въ Швейцаріи Tswettcoff [79]) и Schweizer [80]) характеризовали нейтралитетъ Конго, какъ «факультативный». Затѣмъ, эта мысль сдѣлалась достояніемъ спеціальной литературы о государствѣ Конго; ее повторяютъ Cattier въ 1898 [81]), Pierantoni

---

[78]) D'après l'acte de Berlin, la neutralité du Congo est subordonnée au maintien de la déclaration faite le 1 août 1885; Despagnet, L'Etat du Congo et la Belgique въ Revue politique et littéraire (Revue bleue), 4-e série, I, Paris, 1894, 780.

[79]) La neutralité du Congo est facultative; Tswettcoff, 34.

[80]) Dieses sonderbare Geschöpf der neuesten Diplomatie muss als eine «facultative ewige Neutralität» bezeichnet werden; Schweizer, 84.

[81]) L'Etat Indépendant se trouve à ce point de vue (influence de la neutralité sur la souveraineté) dans une situation plus favorable que la Belgique, car sa neutralité, au lieu de lui avoir été imposée, est seulement facultative; Cattier, 69.

Digitized by Google

въ 1901 [82]), Descamps въ 1903 гг. [83]). Какъ ни уродливо звучитъ сопоставленіе словъ «факультативный... постоянный нейтралитетъ», нѣтъ сомнѣнія, что при бѣгломъ чтеніи ст. 10 эта теорія можетъ показаться правильною и несомнѣнно возникновеніе ея отчасти оправдывается неясной редакціей ст. 10. Что значитъ дѣйствительно признаніе «права объявлять себя нейтральными?» Слѣдуетъ ли понимать это выраженіе въ томъ смыслѣ, что Конго имѣетъ право въ любой моментъ отказаться отъ своего постояннаго нейтралитета, что все отношеніе существуетъ только постольку, поскольку того желаетъ Конго? Намъ кажется, что, несмотря на всѣ кажущіеся неопровержимыми аргументы въ пользу такого пониманія, оно не выдерживаетъ критики, и это въ виду двухъ соображеній: оно, съ одной стороны, не отвѣчаетъ намѣреніямъ и взглядомъ африканской конференціи, а съ другой, и по существу дѣла является не логичнымъ, ибо мыслить факультативный постоянный нейтралитетъ невозможно.

Изъ протоколовъ и другихъ документовъ Берлинской конференціи вытекаетъ съ полной ясностью, что на конференціи имѣлось въ виду образованіе въ центральной Африкѣ государства именно того самого типа, образцами котораго въ Европѣ были Швейцарія, Бельгія и Люксембургъ; нѣтъ ни одного намека на то, чтобы участники конференціи желали отступить отъ этихъ образцовъ въ правовой характеристикѣ положенія Конго. Теорія «факультативнаго нейтралитета» не находитъ себѣ ни малѣйшей точки опоры въ актахъ конференціи и родилась го-

---

[82]) Neutralité facultative; Pierantoni, 139.

[83]) La neutralité permanente du Congo... est... une neutralité de libre élection, à la renonciation de laquelle l'art. 10 fait allusion... Descamps, l'Afrique nouvelle, 297; болѣе точно въ его Neutralité de la Belgique, 522, гдѣ разница между нейтралитетомъ Конго и Бельгіи сводится къ различію въ «point de départ: élection d'un côté, obligation initiale de l'autre». — von Stengel, Der Kongostaat, München, 1903, 12, говоря о ст. 10, обходитъ вопросъ молчаніемъ.

Digitized by Google

раздо позднѣе, на основаніи простого чтенія статьи Главнаго Акта, поставленнаго внѣ исторической связи съ предшествующимъ развитіемъ вопроса. Послѣ всего сказаннаго относительно возникновенія редакціи статьи 10 совершенно понятно, откуда явилась эта видимость факультативнаго нейтралитета. Желая открыть доступъ къ «благамъ нейтралитета» широкому кругу территоріальныхъ властей въ центральной Африкѣ, конференція поставила возникновеніе постояннаго нейтралитета въ зависимость отъ соотвѣтствующаго ихъ волеизъявленія. Слѣдуетъ ли отсюда, что она предполагала возможнымъ уничтоженіе созданныхъ такимъ волеизъявленіемъ двусторонних отношеній одностороннимъ актомъ? Ничто не говоритъ въ пользу такого предположенія. Оно идетъ дальше намѣреній конференціи, желавшей лишь напрасно не съуживать кругъ «постоянно нейтральныхъ» и исключительно въ этихъ видахъ и прибѣгнувшей къ формулѣ, которую мы знаемъ. Ея особенность въ томъ, что моментъ возникновенія будущаго правоотношенія получаетъ своеобразную характеристику, а отнюдь не въ томъ, что будущему отношенію приписываются особыя свойства. Совершенно ясно, что, съ точки зрѣнія конференціи, разъ волеизъявленіе государствъ въ бассейнѣ Конго послѣдовало, между этими государствами и всѣми остальными возникаетъ правоотношеніе, ничѣмъ не отличающееся отъ другихъ правоотношеній того же наименованія, т.-е. обязательное для обѣихъ сторонъ, а не «факультативное», падающее по желанію одной изъ нихъ, безъ согласія другой.

Если въ историческихъ данныхъ относительно возникновенія статьи 10 Главнаго Акта не находится никакого оправданія теоріи «факультативнаго постояннаго нейтралитета», то и по существу дѣла едва ли можно серьезно говорить о такомъ нейтралитетѣ. Станемъ на минуту на точку зрѣнія этой теоріи, допустимъ, что изъ ст. 10 вытекаетъ право государства Конго отказаться отъ декларації постояннаго нейтралитета, ею сдѣланной, и что такой

Digitized by Google

отказъ разрушаетъ цѣликомъ все созданное декларацiей правоотношеніе. Въ чемъ же при этихъ условiяхъ будетъ заключаться «постоянство» нейтралитета, которымъ будетъ пользоваться Конго? Сказать, что государство остается нейтральнымъ, пока оно того желаетъ, и прибавить, что оно въ то же время постоянно нейтрально, значитъ придавать весьма странное значеніе слову «постоянный». Если послѣднее въ примѣненіе къ нейтралитету государства можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, то именно тотъ, что государство связано этимъ нейтралитетомъ, а не можетъ отказаться отъ него путемъ односторонняго акта: нейтралитетъ можетъ быть добровольно принятъ на себя стороной въ международномъ актѣ, но отъ него нельзя уже добровольно отказываться, не спросясь другихъ. Только таково значеніе постояннаго нейтралитета, когда рѣчь идетъ о Швейцарiи, Бельгiи или Люксембургѣ; Бельгія, напримѣръ, несомнѣнно сама подчинилась постоянному нейтралитету, но столь же несомнѣнно, что она не можетъ отказаться отъ него одна, безъ согласія державъ, подписавшихъ договоръ 1839 года; въ этомъ именно «постоянство» ея нейтралитета. Разница между нею и Конго только въ формальныхъ условiяхъ: два раздѣльныхъ во времени акта, какъ цѣлое, обосновываютъ нейтралитетъ Конго, одинъ актъ обосновываетъ нейтралитетъ Бельгiи; содержаніе же обоихъ актовъ не можетъ быть разное, ибо постоянный нейтралитетъ есть именно безсрочный договорно установленный нейтралитетъ. Допустить факультативный постоянный нейтралитетъ нельзя оттого, что между этими двумя понятiями именно и нужно выбирать: или факультативный—тогда не постоянный, или постоянный—тогда не факультативный. — Конечно, можно сказать на это: отчего же не допустить той гипотезы, что Конго объявилъ себя постоянно нейтральнымъ, разумѣя, что онъ остается таковымъ на неопредѣленный срокъ, впредь до своего отказа отъ нейтралитета? Нѣтъ сомнѣнiя, что такая декларацiя мыслима, но столь же, по нашему мнѣнiю, несомнѣнно, что такой

Digitized by Google

нейтралитетъ не можетъ имѣть смысла, какъ предметъ статьи 10 Главнаго Акта Берлинской конференціи. Обязательства, которыя налагаютъ на себя державы, не имѣютъ смысла, если допустить, что рѣчь идетъ о «факультативномъ» нейтралитетѣ. Выгоды правоотношенія лежатъ при этихъ условіяхъ исключительно на сторонѣ одного контрагента, ибо обязанностямъ державъ не отвѣчаетъ никакая обязанность постоянно нейтральнаго, разъ по мановенію пера послѣднее развязываетъ всѣ правовыя связи съ ними.

О «факультативности» нейтралитета Независимаго Государства можно такимъ образомъ говорить лишь въ весьма условномъ смыслѣ — лишь вспоминая, какъ онъ возникъ; законный историческій намекъ, заключающійся въ этомъ словѣ, отнюдь не можетъ служить обоснованію теоретическаго построенія; въ этомъ смыслѣ вся теорія простое недоразумѣніе, отъ котораго слѣдуетъ поскорѣе отказаться.

Мы разобрали двоякаго рода аргументы, которые могутъ приводиться въ пользу различія международнаго положенія Конго и остальныхъ нейтральныхъ. Разборъ ихъ установилъ, что Независимое Государство есть постоянно нейтральное государство въ полномъ смыслѣ этого слова, четвертое изъ нынѣ существующихъ.

9. Правовая характеристика, которая дается Конго совокупностью ст. 10 Главнаго Акта и декларации 1 августа, очень скудна; она бѣднѣе, чѣмъ характеристика актовъ 1815, 1839 и 1867 годовъ. Кромѣ одного, сравнительно не важнаго, ни одинъ изъ вопросовъ, выдвигаемыхъ понятіемъ постоянно нейтральнаго государства, не затронутъ въ ней.

Исключеніе сдѣлано по вопросу о послѣдствіяхъ нарушенія нейтральнымъ своихъ обязанностей. Статья 10 заключаетъ въ себѣ слѣдующую оговорку: Высокія Стороны... обязуются уважать нейтральность территорій ... пока Державы... будутъ исполнять возложенныя на нихъ нейтралитетомъ обязанности. Эта оговорка любопытна. Можно предположить, что никогда не высказывавшаяся еще въ

Digitized by Google

актахъ нейтралитета, она явилась послѣдствіемъ опыта войны 1870—1871 годовъ, когда соотвѣтствующая правовая проблема была, мы знаемъ, выдвинута жизнью въ примѣненіи къ Люксембургу; она какъ бы парафразъ извѣстной намъ ноты Бисмарка. Въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена въ Главномъ Актѣ, она въ достаточной степени несовершенна. Она рѣшаетъ вопросъ крайне категорически, говоря: послѣдствіемъ нарушенія обязанности нейтральнымъ служитъ немедленный разрывъ всего отношенія. Матеріальное правило установлено совершенно опредѣленно. Указано было однако выше, что главное затрудненіе проблемы о послѣдствіяхъ правонарушенія въ данномъ случаѣ сводится именно къ формальной сторонѣ дѣла. Въ спорѣ 1870 года матеріальная норма совершенно одинаково признавалась обѣими сторонами, и тѣмъ не менѣе споръ оставался не рѣшеннымъ, ибо за матеріальной нормой стоялъ гораздо болѣе важный вопросъ формальнаго свойства: кто и какъ констатируетъ правонарушеніе, можетъ ли быть судьею каждый изъ участниковъ правоотношенія, или этого недостаточно и слѣдуетъ искать менѣе произвольнаго средства установить наличность деликта. Именно по этому коренному вопросу статья 10 не прибавляетъ ни іоты къ болѣе ранней международной практикѣ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь еще и того обстоятельства, что въ характеристикѣ постояннаго нейтралитета Конго мы не находимъ дополнительнаго отношенія, включавшагося въ составъ института, когда рѣчь шла о другихъ нейтральныхъ, — гарантіи нейтралитета. Этотъ пробѣлъ, — наличность котораго находитъ себѣ объясненіе, надо полагать, въ отдаленности Конго и въ практическихъ затрудненіяхъ, которыя вызывало бы осуществленіе гарантіи, если бы она была дана [82]), — восполняется отчасти другими об-

[82]) Объ этомъ въ особенности Jooris, L'Acte Général de la Conférence de Berlin, Bruxelles, 1885, 37 ss; v. Martitz, Das internationale System zur Unterdrückung des Afrikanischen Sklavenhandels in seinem heutigen Bestande, Archiv für öffentliches Recht, I, 1886, 14 f.

Digitized by Google

щими обезпеченіями неприкосновенности правопорядка въ Африкѣ, которыя установилъ Главный Актъ Берлинской конференціи. Статья 12 этого послѣдняго гласитъ: «Въ случаѣ возникновенія между Державами, подписавшими настоящій Актъ или Державами, которыя присоединятся къ оному впослѣдствіи, серьезныхъ несогласій въ отношеніи границъ или внутри предѣловъ, помянутыхъ въ ст. 1 территорій, включенныхъ въ районъ свободной торговли, эти Державы обязуются, прежде чѣмъ обращаться къ оружію, прибѣгать къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ Державъ. На подобный же случай тѣ же Державы предоставляютъ себѣ право обращаться по своему усмотрѣнію къ третейскому разбирательству».

10. Развитіе внѣшнихъ отношеній Независимаго Государства Конго послѣ 1885 года интересно въ цѣломъ рядѣ отношеній. Сложная международная хартія его, возлагавшая на него цѣлую сѣть разнообразныхъ обязанностей, постоянно служила и служитъ въ настоящую минуту предметомъ споровъ и дипломатической полемики. Среди всѣхъ этихъ препирательствъ выдвинутъ былъ одинъ вопросъ, тѣсно связанный съ понятіемъ постояннаго нейтралитета и не затрагивавшійся въ предшествующемъ извѣстномъ намъ развитіи института. Это вопросъ о правѣ нейтральнаго пріобрѣтать новыя территоріи, возникшій въ силу появленія проектовъ слитія въ одно цѣлое Государство Конго съ Бельгіей.

Ближайшимъ образомъ источникомъ этого вопроса явились слѣдующія обстоятельства. Въ моментъ образованія Конго отношенія между двумя государствами сводились къ личной уніи; это положеніе устанавливалось бельгійскимъ закономъ 30 Апрѣля 1885 года, давшимъ Королю разрѣшеніе принять власть надъ Конго [83]). Надежда, что огром-

[83]) S. M. Léopold II, Roi des Belges, est autorisé à être le chef de l'Etat fondé en Afrique par l'Association internationale du Congo. L'union entre la Belgique et le nouvel Etat du Congo sera exclusivement person-

Digitized by Google

ное экваторіальное государство будетъ способно жить какъ личное предпріятіе короля, безъ всякаго участія Бельгіи, скоро оказалась иллюзіей. Слова одного изъ депутатовъ въ бельгійской палатѣ при обсужденіи закона 30 Апрѣля: — «по моему, эта унія, что бы ни говорили и ни хотѣли, связываетъ насъ съ неизвѣстными и непредвидимыми судьбами государства отдаленнаго, зачаточнаго, почти теоретическаго и безъ всякой реальности» [84]) — скоро оправдались. Путь къ полному объединенію двухъ государствъ, которое донынѣ еще не вполнѣ осуществилось, распадался на нѣсколько этаповъ. Въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуютъ одна за другой слѣдующія мѣры. Въ 1890 году король передалъ палатамъ подписанное имъ 2 Августа 1889 года завѣщаніе, которымъ онъ отказывалъ Бельгіи «всѣ суверенныя права на Независимое Государство Конго, въ томъ видѣ, въ какомъ они признаны въ декларацiяхъ, конвенціяхъ и договорахъ Международной Ассоціаціи Конго съ иностранными державами, а равно всѣ имущества, права и выгоды, связанныя съ его суверенитетомъ» [85]). Завѣщаніе опубликовано было по поводу и для дополненія заключенной 3 Іюля 1890 года между бельгійскимъ правительствомъ и правительствомъ Конго конвенціи. По силѣ этой конвенціи, принятой палатами, было постановлено, что, съ одной стороны, «Бельгія обязуется выдать взаймы Независимому Государству Конго авансомъ 25 милліоновъ франковъ, а именно: 5 милліоновъ франковъ тотчасъ вслѣдъ за одобреніемъ акта палатами и по 2 милліона франковъ ежегодно въ теченіе десяти лѣтъ, считая съ перваго взноса» (ст. 1), а съ другой, «по истеченіи шести мѣсяцевъ послѣ указаннаго десятилѣтняго

nelle; Annales parlementaires de Belgique, Session de 1884—1885, Sénat, Bruxelles, 1885, 160.

[84]) M. Neujean въ засѣданіи 28 Апрѣля 1885 года; ibid., Chambre des Représentants, 1029.

[85]) Recueil des pièces imprimées par ordre de la Chambre des Représentants, Session extraordinaire de 1890, Bruxelles, 1890, № 4, 5 s.

Digitized by Google

срока Бельгія въ правѣ будетъ, если того пожелаетъ, присоединить къ себѣ Независимое Государство» .... (ст. 2) [86]). Совокупностью этихъ актовъ судьбы двухъ государствъ были связаны и эвентуально установлено было слитіе ихъ воедино. Финансовыя затрудненія Конго и желаніе не задерживать присоединеніе изъ боязни противодѣйствія усиливавшейся соціалистической партіи въ бельгійскомъ парламентѣ заставили ускорить осуществленіе этой перспективы. 9 Января 1895 года между Бельгіей и Конго была заключена конвенція, гдѣ устанавливалось: «Е. В. Король-Государь объявляетъ, что онъ уступаетъ Бельгіи суверенитетъ надъ территоріями, составляющими Независимое Государство Конго, со всѣми связанными съ нимъ правами и обязанностями, и Бельгія объявляетъ, что принимаетъ эту уступку» (ст. 1) [87]). Когда эта конвенція была предложена на обсужденіе палатъ, обнаружилось, что мысль о немедленномъ присоединеніи Конго вызываетъ въ оппозиціонныхъ партіяхъ Бельгіи такое неудовольствіе, что правительство предпочло, отказавшись отъ внесенія договора 9 Января, предложить палатамъ дать Независимому Государству новую субсидію, что и было сдѣлано закономъ 29 Іюня 1895 года. Общій вопросъ о присоединеніи долженъ былъ рѣшаться попрежнему на основахъ конвенціи 1890 года. Когда истекъ предусмотрѣнный послѣднею десятилѣтній срокъ, пришлось снова подумать о присоединеніи; настроеніе въ Бельгіи не настолько измѣнилось сравнительно съ 1895 годомъ, чтобы можно было надѣяться на успѣхъ предложенія о присоединеніи; рѣшено было снова прибѣгнуть къ компромиссу, которымъ неопредѣленное положеніе было продолжено. Законъ 10 Августа 1901 года постановилъ: «Желая сохранить за собою право, получен-

---

[86]) Bulletin officiel de l'Etat Indépendant du Congo, Année 1890, 125 s.

[87]) Recueil des pièces imprimées par ordre de la Chambre des Représentants, Session ordinaire 1894—1895, Bruxelles, 1895, № 91, 57 ss.

Digitized by Google

ное отъ Короля-Государя, присоединить Независимое Государство Конго, Бельгія отказывается, поскольку дѣло идетъ о настоящемъ, отъ возмѣщенія ей суммъ, данныхъ взаймы этому государству во исполненіе конвенціи 3 Іюля 1890 года и закона 29 Іюня 1895 года, а равно и отъ процентовъ по этимъ суммамъ» [88]).

Если такимъ образомъ до сихъ поръ соединенія Конго съ Бельгіей и не произошло, то тѣмъ не менѣе осуществленіе такого соединенія болѣе чѣмъ вѣроятно. Говорить о Конго, какъ о бельгійской колоніи de jure еще преждевременно [89]), но совершенно понятно, что уже теперь всѣ вопросы, связанные съ эвентуальнымъ соединеніемъ двухъ государствъ, обсуждаются совершенно серьезно и что рѣшеніе ихъ имѣетъ существенное принципіальное значеніе. Въ числѣ этихъ вопросовъ насъ интересуетъ одинъ, связанный

---

[88]) Pasinomie. Collection complète des lois, décrets... qui peuvent être invoqués en Belgique, IV-e Série, t. XXXVI, Bruxelles, 1901, 143.

[89]) A Belgian colony in all but name; Reeves, The international beginnings of the Congo Free State, Johns Hopkins University Studies in historical and political science, XII-th series, XI—XII, Baltimore, 1894, 90. Фактически, конечно, эта формула во многомъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Нельзя не сослаться въ этомъ отношеніи на письмо государственнаго министра Конго къ бельгійскому первому министру 28 Марта 1901 года, написанное наканунѣ закона 10 Августа. «Actuellement déjà le Congo est belge de fait. Ce sont des belges qui l'administrent à Bruxelles et en Afrique. Les statistiques établissent que c'est surtout vers les ports belges que se dirige... le mouvement commercial de l'Etat Indépendant et que ce sont les industries belges qui pourvoient à ses besoins. Ce sont des belges qui évangélisent le pays; ce sont les belges qui y possèdent et y dirigent presque toutes les grandes entreprises. Quelle que soit la nature des liens qui rattachent le Congo à la Belgique il est désormais irrévocablement acquis que le Congo ouvert à la civilisation par des belges restera belge dans l'avenir. En réalité l'annexion soulève surtout une question administrative: Celle de savoir quels sont les rapports organiques qui, l'annexion se réalisant, sauvegarderaient le mieux les intérêts en jeu.... Baron van Eetvelde au Comte de Smet de Naeyer; Recueil des pièces imprimées par ordre de la Chambre des Représentants, Session de 1900—1901, II, Bruxelles, 1902, № 144, 4 ss.

Digitized by Google

съ особою характеристикою этихъ государствъ: вопросъ о правѣ постоянно нейтральнаго государства пріобрѣтать новыя территоріи и въ частности территоріи другого постоянно нейтральнаго.

Уже въ 1885 году, когда говорилось лишь о личной уніи двухъ государствъ, въ обоснованіе законопроекта о разрѣшеніи королю принять власть надъ Конго приводилось то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ устанавливается связь двухъ постоянно нейтральныхъ государствъ и что тѣмъ самымъ для Бельгіи устраняются всѣ возможныя опасности [90]). Этому аргументу суждено было развиться съ теченіемъ времени въ цѣлую доктрину, которая рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ поставленный сейчасъ вопросъ и которой въ свою очередь была противопоставлена другая теорія, опровергающая правомѣрность присоединенія Конго къ Бельгіи на томъ основаніи, что постоянно нейтральное государство не въ правѣ дѣлать территоріальныя пріобрѣтенія.

Положительная доктрина впервые формулирована была въ оффиціальныхъ бельгійскихъ документахъ 1890 года, въ слѣдующей категорической формѣ: «присоединеніе Конго къ какому-нибудь европейскому государству ни въ чемъ не измѣнитъ его постоянно нейтральнаго положенія. Въ особенности это такъ, когда рѣчь идетъ о присоединеніи къ Бельгіи, которая есть тоже нейтральное государство и нейтральное на лучшихъ условіяхъ, нежели Конго, ибо здѣсь нейтралитетъ гарантированъ. Поэтому эвентуальное пріобрѣтеніе Бельгіей Конго улучшило бы нынѣшнія условія нейтралитета послѣдняго, ибо бельгійскій нейтралитетъ распространится на Конго...» [91]). Въ этихъ словахъ мы находимъ от-

[90]) Рѣчи M. Beernaert, ministre des finances, въ палатѣ представителей 28 Апрѣля и въ сенатѣ 30 Апрѣля 1885 года; Annales parlementaires 1884—1885, Chambre des Représentants, 1030; Sénat, 160.

[91]) Письмо перваго министра (Beernaert) въ rapport fait au nom de la section centrale par M. Nothomb, внесенномъ въ палату представителей 18 Іюля 1890 г.; Recueil des pièces imprimées 1890, 4 ss.

Digitized by Google

вѣтъ собственно на два вопроса: на общій вопросъ о правомѣрности соединенія Бельгіи и Конго и вмѣстѣ съ тѣмъ на вопросъ о послѣдствіяхъ такого соединенія. Онъ не только утверждаетъ, что при постоянномъ нейтралитета обоихъ государствъ соединеніе не можетъ быть не правомѣрнымъ, но идетъ дальше, говоря, что гарантія бельгійскаго нейтралитета распространится, въ случаѣ соединенія двухъ государствъ, на Конго.

Такой тезисъ очень скоро нашелъ себѣ возраженія. Въ 1894 году Despagnet высказываетъ сомнѣніе относительно права постоянно нейтральной Бельгіи увеличивать свою территорію; разсужденіе его сводится къ слѣдующему: «характерный признакъ постоянно нейтральнаго государства заключается въ томъ, что оно не можетъ предпринимать наступательной войны и прибѣгаетъ къ военнымъ мѣрамъ лишь для обороны той территоріи, которая была ему гарантирована державами.... Если... въ случаѣ пріобрѣтенія колоній, послѣднія подвергнутся нападенію, гаранты не обязаны вступаться: они обѣщали заставлять уважать лишь ту территорію, о которой говорится въ договорѣ о гарантіи. Нейтральное государство должно будетъ или уступить свою новую колонію тѣмъ, кто на нее зарится, но тогда оно не исполнитъ первой своей обязанности обороняться противъ внѣшняго врага, — или оно вступится за колонію, но тогда оно будетъ бороться не во имя обороны гарантированной территоріи и нарушитъ свой нейтралитетъ». Это противѣріе отнюдь не устраняется тѣмъ, что, пріобрѣтая Конго, Бельгія пріобрѣтаетъ нейтральную территорію, ибо, утверждаетъ Despagnet, нейтралитетъ Конго «факультативенъ» и можетъ прекратиться. Мы видѣли выше, въ какомъ смыслѣ говорится въ литературѣ о факультативности нейтралитета Конго, и постарались доказать, что такое мнѣніе основано на недоразумѣніи; поэтому эта первая часть разсужденія Despagnet лишена для насъ особой доказательности. Болѣе правъ этотъ авторъ въ другой своей мысли. Оффиціальное бельгійское утвержденіе, будто га-

Digitized by Google

рантія бельгійскаго нейтралитета распространится на Конго, продолжаетъ Despagnet, совершенно произвольно: «даже для государствъ, которыя участвовали въ установленіи нейтралитета и Бельгіи, и Конго,—ибо для нихъ однихъ вопросъ можетъ быть поставленъ,—нельзя допустить, чтобы просто по иниціативѣ Бельгіи ихъ обязанности были настолько расширены и распространены на новыя территоріи въ Конго». Нельзя въ этомъ пунктѣ не согласиться съ Despagnet: договоръ 1839 года, говоря о Бельгіи, точно устанавливалъ ея предѣлы, и объемъ гарантіи едва ли поддается при такихъ условіяхъ расширенію, подобному предлагаемому бельгійцами [92]).—Аргументація Despagnet воспроизводится рядомъ другихъ писателей и находитъ себѣ откликъ въ бельгійскихъ палатахъ [93]).

Эти возраженія не прошли безслѣдно для оффиціальнаго бельгійскаго утвержденія, будто гарантія нейтралитета Бельгіи распространится и на Конго; послѣднее совершенно исчезло изъ аргументаціи всѣхъ послѣдующихъ защитниковъ правомѣрности соединенія Бельгіи и Конго, но основной тезисъ ихъ не былъ поколебленъ. Онъ снова оффиціально поддерживается бельгійцами при обсужденіи конвенціи 1895 года [94]) и находитъ себѣ горячихъ приверженцевъ въ доктринѣ [95]).

Какъ же рѣшился этотъ вопросъ о правомѣрности при-

---

[92]) Despagnet, L'Etat du Congo et la Belgique, Revue bleue, 4-e série, I, 1894, 780.

[93]) Fauchille, L'annexion du Congo à la Belgique et le droit international, Revue générale du droit international public, 1895, 428 ss.; рѣчь Fuisseaux въ палатѣ представителей 26 Іюня 1895 года, Annales parlementaires de Belgique, Session législative ordinaire de 1894—1895, Chambre des Représentants, Bruxelles, 1895, 1967; Blanchard (1899) 345 ss.; менѣе категорично Westlake (1901), 396.

[94]) Подробный мемуаръ, представленный въ палату правительствомъ, «Cession de l'Etat Indépendant du Congo»; Recueil des pièces imprimées 1895, № 91, 10—16, 49—50.

[95]) Cattier (1898), 126; Nys (1901), 28; Descamps, La neutralité de la Belgique, 522 ss.

Digitized by Google

соединенія къ Бельгіи Конго на дѣлѣ? Несмотря на то, что до сихъ поръ соединенія не послѣдовало, мы можемъ на основаніи постановленій международныхъ договоровъ сказать, что въ этомъ спорѣ дѣйствующее право освятило ту точку зрѣнія, которая защищалась Бельгіей. Уже въ 1890 году бельгійскій первый министръ могъ авторитетно заявить, что одна изъ державъ, ближе всего заинтересованныхъ въ дѣлѣ, Франція, не находила никакихъ возраженій противъ плана соединенія [96]). Еще существеннѣе указаніе въ договорѣ, заключенномъ Независимымъ Государствомъ съ Англіей 12 Мая 1894 года о разграниченіи сферъ вліянія около озера Танганайка и объ арендѣ нѣкоторыхъ частей территоріи Конго Великобританіей. Въ ст. 2 этого договора, устанавливающей арендное пользованіе Англіи на часть водораздѣла Нила и Конго, говорится, что аренда эта будетъ дѣйствовать, пока «территоріи Конго останутся, въ качествѣ ли Независимаго Государства или бельгійской колоніи, подъ суверенитетомъ» Леопольда II и его наслѣдниковъ, и такимъ образомъ совершенно недвусмысленно признается правомѣрность обращенія Конго въ бельгійскую колонію [97]). Затѣмъ, въ договорѣ 5 Февраля 1895 года между Бельгіей и Франціей это признаніе сдѣлано еще съ большей опредѣленностью; этотъ договоръ касался права первой покупки, принадлежавшаго, какъ мы знаемъ, Франціи относительно Конго въ силу договора 1884 года [98]); когда рѣчь зашла о переходѣ Конго къ Бельгіи, необходимымъ стало условиться относительно этого права; въ указанномъ договорѣ было установлено, что прежнія обязательства, связывавшія Францію и Конго, будутъ

[96]) Рѣчь Beernaert въ палатѣ 25 Іюля 1890 года: .... le cabinet de Paris ne nous a adressé aucune observation tendant à mettre en doute le droit de notre pays.... Annales parlementaires 1890, Ch. des Repr., 107.

[97]) Bulletin officiel de l'Etat Indépendant du Congo, Année 1895, 249 ss.

[98]) Объ этомъ выше.

Digitized by Google

впредь связывать Францію и Бельгію; Франція освящала такимъ образомъ законность перехода къ послѣдней территоріи Конго [99]).

Мы можемъ поэтому сказать, что возраженія противъ правомѣрности соединенія съ точки зрѣнія дѣйствующаго договорнаго права не находятъ себѣ никакого оправданія. Но въ только что указанныхъ договорахъ мы не находимъ и слѣда какой-либо мотивировки этого общаго вывода, и на обязанности нашей лежитъ выясненіе, почему дѣйствительно соединеніе Бельгіи и Конго съ точки зрѣнія постояннаго нейтралитета этихъ государствъ не должно вызывать сомнѣній?

Договоры 1894 и 1895 годовъ освящаютъ общій выводъ о правомѣрности присоединенія къ одному постоянно нейтральному государству территоріи другого постоянно нейтральнаго. Значитъ ли это, что необходима наличность именно двухъ совпадающихъ тождественныхъ характеристикъ или правомѣрнымъ было бы и присоединеніе къ постоянно нейтральному государству любой территоріи, въ томъ числѣ и нейтральной? Отвѣта на этотъ вопросъ мы въ договорахъ не находимъ. Для его рѣшенія предлагаемъ гипотезу, отвѣчающую, по нашему мнѣнію, общимъ свойствамъ института. Провозглашеніемъ постояннаго нейтралитета нейтральному дается личная характеристика, независимая отъ того или другого его территоріальнаго состава; въ принципѣ съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ послѣдняго правоотношеніе остается въ силѣ. Иначе мы имѣли бы дѣло съ нейтрализаціей территоріи, а не съ нейтрализаціей государства; представимъ себѣ тотъ случай, что Бельгія добровольно уступаетъ часть своей территоріи сосѣдней Франціи; очевидно эта часть территоріи утратитъ при переходѣ свойства территоріи нейтральной. По существу дѣла такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, при территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ личность постоянно нейтральнаго го-

[99]) Recueil des pièces imprimées 1895, № 91, 97 s.

Digitized by Google

сударства остается неизмѣнною, а съ тѣмъ вмѣстѣ неизмѣнною остается и личная характеристика этого государства, вытекающая изъ конститутивной хартіи нейтралитета. Можетъ статься однако, что эта конститутивная хартія есть часть договора, положившаго вообще начало существованію этого государства и въ частности опредѣлившаго его территоріальный составъ; въ такомъ случаѣ положеніе нѣсколько измѣняется. Тогда государства, завязывая правоотношенія постояннаго нейтралитета, очевидно не могутъ не разумѣть государства того именно территоріальнаго состава, который ему одновременно даруется. Тутъ для того, чтобы окончательно совершился переходъ правоотношеній на государство новаго территоріальнаго состава, необходимо снять возможныя выраженія, строящіяся на резонной въ данномъ случаѣ ссылкѣ, что хартія нейтралитета заключена rebus sic stantibus. Эти возраженія могутъ быть устранены соотвѣтствующимъ международнымъ соглашеніемъ, но возможенъ и такой исключительный случай, когда они отпадаютъ сами собой. Это именно разбираемый нами примѣръ пріобрѣтенія нейтральнымъ нейтральной территоріи. Здѣсь условіе rebus sic stantibus остается соблюденнымъ, ибо, если государства признавали нейтралитетъ африканскаго государства, когда оно было независимымъ, то нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ пріобрѣтеніи его нейтральной Бельгіей измѣненія тѣхъ фактическихъ предположеній, съ которыми связана хартія нейтралитета этой послѣдней; здѣсь согласіе на переходъ правоотношенія на территоріально расширенную Бельгію не можетъ отсутствовать и должно презюмироваться. Конечно, такая презумпція касается лишь правоотношеній, одинаково существующихъ въ Бельгіи и Конго; разъ относительно Конго не установлено гарантіи, то на переходъ бельгійской гарантіи на новыя африканскія области согласіе должно быть дано особымъ актомъ; въ этомъ отношеніи правъ Fauchille въ своихъ возраженіяхъ бельгійцамъ.

Указанною проблемою исчерпываются результаты разви-

Digitized by Google

тія института, связанные съ существованіемъ постоянно нейтральнаго Конго, и мы можемъ вернуться къ обзору попытокъ создать новыя хартіи нейтралитета, который мы начали, и закончить его очеркомъ исторіи идеи «скандинавскаго нейтралитета».

11. Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ Fredrik Bajer, датскій публицистъ и политическій дѣятель, началъ агитацію въ пользу установленія постояннаго нейтралитета трехъ скандинавскихъ государствъ, Даніи, Швеціи и Норвегіи [100]). По почину его образовался въ трехъ государствахъ рядъ обществъ для пропаганды такого плана; обсужденіе его перенесено было затѣмъ въ началѣ 80-ыхъ годовъ на международные съѣзды обществъ мира и съ образованіемъ межпарламентскаго союза мира на съѣзды этого послѣдняго. Задача, которую ставило себѣ движеніе, сводилась къ слѣдующему: «Принимая во вниманіе, говорило постановленіе Женевскаго съѣзда Международной Лиги мира и свободы 1883 года, что географическое и топографическое положеніе трехъ скандинавскихъ государствъ таково, что, обладая бо̀льшими морскими силами, они держали бы ключъ балтійскаго моря; что ихъ относительная слабость устраняетъ всякую возможность обратить такое положеніе во вредъ Европѣ, а можетъ, напротивъ того, подвергнуть опасности подпасть зависимости отъ другихъ державъ; — что неприкосновенность трехъ государствъ и ихъ независимость отвѣчаютъ истиннымъ интересамъ Европы, а нейтрализація ихъ слѣдовательно составляетъ часть европейскаго публичнаго порядка; — что независимость можетъ быть обезпечена только ихъ нейтрализаціей, —..... съѣздъ высказываетъ пожеланіе, чтобы собрался конгресъ, который установилъ бы договоромъ, открытымъ для присоединенія всѣхъ государствъ, подъ гарантіей державъ, постоянной нейтралитетъ скандинавскихъ странъ» [101]).

[100]) Waultrin, La neutralité scandinave, Revue générale de droit international public, 1904, 16.

[101]) Les sociétés de la paix scandinaves, Revue de droit internatio-

Digitized by Google

Такая агитація не прошла безслѣдно. Проектъ провозглашенія постояннаго нейтралитета для каждаго изъ этихъ государствъ представляетъ проблему крупнаго жизненнаго значенія. Не удивительно поэтому, что она подверглась серьезному обсужденію. Начнемъ съ Швеціи. Оставляя въ сторонѣ пропаганду частныхъ лицъ и обществъ, начавшуюся въ восьмидесятыхъ годахъ, обратимъ вниманіе на парламентскую агитацію въ пользу идеи нейтралитета Швеціи. Въ 1895 году первое предложеніе въ этомъ смыслѣ было внесено въ нижнюю палату, но встрѣчено безъ особаго вниманія и отвергнуто; въ 1899 году глава шведской лѣвой Hedin вмѣстѣ съ группою въ 23 депутата представилъ новое предложеніе, приглашавшее Риксдагъ въ адресѣ королю потребовать открытія переговоровъ относительно нейтрализаціи [102]). Предложеніе было снова отвергнуто, и парламентъ ограничился вотированіемъ неопредѣленнаго пожеланія въ пользу соблюденія Швеціей политики, охраняющей нейтралитетъ въ случаѣ европейскихъ конфликтовъ. Въ 1902 году неутомимый Hedin съумѣлъ собрать уже 39 депутатовъ вокругъ возобновленнаго имъ предложенія о нейтрализаціи, но въ парламентѣ министръ иностранныхъ дѣлъ снова отказался принять предложеніе [103]).

Въ Норвегіи движеніе въ пользу постояннаго нейтралитета королевства осложнялось, какъ и всѣ вопросы внѣшнихъ отношеній, постоянными счетами съ Швеціей. Борьба двухъ половинъ монархіи сосредоточивалась, какъ извѣстно, вокругъ вопросовъ о заключеніи международныхъ договоровъ Норвегіей независимо отъ Швеціи; мирное движеніе сплеталось съ этой борьбой и написало на своемъ знамени требованіе о заключеніи Норвегіей арбитражныхъ договоровъ съ другими державами. Этотъ вопросъ поглощалъ зна-

nal, XXI, 1889, 114, n. 1. Въ томъ же смыслѣ и другіе съѣзды; указанія у Waultrin, passim.

[102]) Hedin, La neutralité des états scandinaves, Stockholm, 1899, 34 s.

[103]) Waultrin, 33 s.

Digitized by Google

чительную долю вниманія, что не помѣшало однако норвежскимъ государственнымъ людямъ принимать участіе и въ пропагандѣ идеи скандинавскаго нейтралитета [104]). Въ 1902 году норвежское правительство, при обсужденіи вопроса объ осуществленіи этой идеи, внесеннаго въ палату депутатомъ Horst'омъ, высказалось въ принципѣ за него [105]).

Еще большее значеніе слѣдуетъ приписать росту указанной пропаганды въ Даніи. Оттуда исходила первая мысль о скандинавской мирной уніи; главный выразитель ея Bajer дѣятельно агитировалъ въ этомъ направленіи при посредствѣ созданной имъ въ 1882 году «Ассоціаціи для нейтрализаціи Даніи». Идея пустила глубокія корни въ странѣ и уже въ 80-хъ годахъ нашла себѣ отголосокъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ правительственныхъ сферахъ [106]) и въ фолькетингѣ, гдѣ однако правительство высказалось противъ ея осуществленія [107]). Въ 90-хъ годахъ снова пришлось обсуждать тотъ же вопросъ въ парламентѣ, и на этотъ разъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ для защитниковъ постояннаго нейтралитета. По поводу приписанныхъ въ печати Канцлеру Каприви словъ, что Данія войдетъ въ составъ русско-французскаго союза, въ фолькетингѣ поднялась цѣлая буря. Почти единогласно депутатами принято было во второй половинѣ апрѣля 1894 года рѣшеніе «стремиться къ тому, чтобы нейтралитетъ Даніи былъ всѣми признанъ». Несмотря на столь недвусмысленную манифестацію, правительство не рѣшилось отказаться отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и устами военнаго министра заявило, когда возбужденіе нѣсколько успо-

---

[104]) Koht, Histoire du mouvement de la paix en Norvège, Kristiania, 1900, въ особ. 14.

[105]) Waultrin, 35 s.

[106]) Ф. Ф. Мартенсъ сообщаетъ, что «весной 1889 года онъ поднялъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Россіи вопросъ о нейтрализаціи Даніи» и что «его мемуаръ по этому вопросу удостоился самаго искренняго и лестнаго сочувствія»; de Martens, La neutralisation du Danemark, Revue des deux mondes, 1903, 15 novembre, 317 n. 1.

[107]) Waultrin, 19.

Digitized by Google

коилось, что Данія не хочетъ превратиться въ постоянно нейтральное государство и навсегда лишить себя права заключать союзы съ иностранными государствами [108]). Съ теченіемъ времени такое настроеніе правительства нѣсколько видоизмѣнилось; съ переходомъ власти къ лѣвой въ 1901 году правительство оффиціально выразило свое сочувствіе постоянному нейтралитету страны, лишь съ оговоркою, что этотъ постоянный нейтралитетъ долженъ покоиться прежде всего на волѣ Даніи и что международный договоръ, гарантирующій нейтралитетъ, едва ли нуженъ и осуществимъ [109]). Осенью 1903 года появилась и большое впечатлѣніе произвела статья Ф. Ф. Мартенса, выступившаго на защиту постояннаго нейтралитета Даніи [110]); ее оживленно обсуждали въ печати, и газеты передавали слухи о томъ, будто вопросъ перенесенъ былъ на международное обсужденіе; мы не знаемъ, насколько эти слухи отвѣчали дѣйствительности.

Совокупность только что изложенныхъ фактовъ даетъ возможность признать серьезное значеніе за проектами провозглашенія постояннаго нейтралитета скандинавскихъ государствъ. Насъ не должно удивлять это обстоятельство, ибо, на нашъ взглядъ, появленіе идеи скандинавскаго нейтралитета находитъ себѣ несомнѣнно точку опоры въ исторіи этихъ трехъ державъ. Уже въ 17-мъ столѣтіи мы видимъ попытки ихъ сговариваться между собой относительно соблюденія въ европейскихъ войнахъ нейтралитета, сообща вырабатывая правила своего поведенія и сообща охраняя это положеніе; конвенціи въ этомъ смыслѣ были заключены въ 1691 и 1693 гг., затѣмъ въ 1756 г., въ 1780 г. (во-

---

[108]) v. Bruchhausen, Die Neutralisation Dänemarks, Preussische Jahrbücher, 78-er Band, Berlin, 1894, 220. Въ защиту правительственной точки зрѣнія выступилъ датскій капитанъ Dalhoff-Nielsen, Zur Neutralisation Dänemarks, ibid., 469 ff.

[109]) Заявленія перваго министра (Deuntzer) въ 1902 году, цит. Waultrin, 29.

[110]) См. прим. 106.

Digitized by Google

оруженный нейтралитетъ), въ 1794 г., въ 1800 г.; въ 1834 году король Карлъ Іоаннъ передалъ Россіи и Англіи декларацію нейтралитета отъ имени Швеціи и Норвегіи, которая носила чисто принципіальный характеръ, ибо войны въ то время не было; въ началѣ Крымской войны три государства, не заключая формальнаго договора, условились между собою о сохраненіи нейтралитета и выработали общую редакцію декларацій послѣдняго; то же повидимому повторилось въ началѣ послѣдующихъ войнъ, включая сюда и русско-японскую [111]).

При такихъ условіяхъ мысль о постоянномъ нейтралитетѣ могла смѣло утвердиться въ сознаніи трехъ государствъ, и по отношенію къ вопросу о признаніи послѣдняго они находятся въ томъ положеніи, въ какомъ находилась Швейцарія по отношенію къ нему передъ 1814 и 1815 годами. Любопытно однако, что, хотя нейтральная политика твердо усвоена, все же даже среди защитниковъ идеи постояннаго нейтралитета обнаруживается нѣкоторое колебаніе при мысли о договорномъ установленіи послѣдняго. Эти колебанія вылились въ нѣкоторомъ компромиссѣ: — мы хотимъ превращенія Даніи, Швеціи и Норвегіи въ постоянно-нейтральныя государства, разсуждаютъ многіе, но такое превращеніе должно осуществиться безъ участія другихъ державъ. Необходимо, говоритъ напримѣръ Hedin, провозглашеніе постояннаго нейтралитета Скандинавіи; но не слѣдуетъ однако предоставлять рѣшеніе этого вопроса конференціи: каждое государство имѣетъ право быть нейтральнымъ, и «мы не должны спрашивать на то разрѣшенія — признавая тѣмъ, что въ немъ намъ можетъ быть отказано,—а должны воспользоваться своимъ правомъ и потребовать, чтобы его уважали» [112]). Въ томъ же смыслѣ Ф. Ф. Мартенсъ гово-

---

[111]) Bajer, Le systéme scandinave de neutralité pendant la guerre de Crimée et son origine historique, Revue d'histoire diplomatique, 1900, 259 ss.; Hedin, 18 ss.

[112]) Faire valoir notre droit et exiger qu'on le respecte; Hedin, 13.

Digitized by Google

ритъ: «Данія имѣетъ несомнѣнно право объявить свою твердую рѣшимость оставаться постоянно нейтральной... Декларація въ этомъ смыслѣ заставитъ уважать нейтралитетъ этого государства въ той же степени и въ тѣхъ же границахъ, какъ если бы онъ былъ гарантированъ доброй волею великихъ державъ» [113]).

Можно ли признать основательными такіе взгляды? Если вспомнить все сказанное нами выше по поводу теоріи «факультативнаго постояннаго нейтралитета», выдвинутой примѣнительно къ Конго, то будетъ понятно, что мы не можемъ дать положительнаго отвѣта на только что поставленный вопросъ. Фраза Hedin'a хорошо вскрываетъ коренной недостатокъ этихъ воззрѣній: конечно, каждое государство имѣетъ право объявить себя постоянно нейтральнымъ, но именно «уваженія этого права» оно не можетъ требовать, если нѣтъ договора о постоянномъ нейтралитетѣ; односторонній актъ не порождаетъ никакихъ обязанностей для другихъ государствъ и постояннаго нейтралитета въ смыслѣ совокупности правоотношеній онъ не даетъ.

---

[113]) de Martens, 327.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ограниченіе права на войну, какъ основное положеніе правовой характеристики постоянно нейтральнаго государства.

1. Мы постарались въ точности установить въ предшествующихъ главахъ догматическіе результаты развитія института постояннаго нейтралитета. Рядомъ съ анализомъ договорныхъ текстовъ мы предприняли розысканія въ области практики международныхъ отношеній нейтральныхъ и констатировали, какъ международнымъ обычаемъ дополнялись и развивались указанные основные тексты. Мы въ правѣ теперь свести воедино весь этотъ матеріалъ и дать сводный очеркъ положеній, опредѣляющихъ особенности международноправового status'a постоянно нейтральныхъ государствъ. Мы сдѣлаемъ это въ формѣ нѣсколькихъ статей. Нисколько не преувеличивая значеніе много разъ возобновлявшихся въ наукѣ международнаго права опытовъ «кодификаціи», мы тѣмъ не менѣе считаемъ, что, при общей скудости текстовъ и при томъ крупномъ значеніи, которое принадлежитъ при созданіи нормъ международнаго права обычаю и практикѣ, всякое монографическое изслѣдованіе догматическаго содержанія имѣетъ полное основаніе предложить такой примѣрный сводный очеркъ изученнаго имъ отдѣла дѣйствующаго международнаго права.

Digitized by Google

Предлагаемая нами глава общаго международнаго кодекса сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

[1] Провозглашеніе постояннаго нейтралитета государства совершается международнымъ договоромъ, въ которомъ по общему правилу участвуютъ будущее нейтральное государство и великія державы. Однако допустимо возникновеніе постояннаго нейтралитета и путемъ акта безъ участія будущаго нейтральнаго, если международный правопорядокъ дѣлаетъ въ эту минуту вообще возможнымъ возложеніе на нѣкоторыя государства правъ и обязанностей независимо отъ ихъ воли.

Односторонняго заявленія государства недостаточно, чтобы сдѣлать его постоянно нейтральнымъ въ смыслѣ слѣдующихъ ниже положеній.

Постоянный нейтралитетъ можетъ составлять условіе признанія государства.

[2] Постоянно нейтральному государству запрещена война. Исключается случай военныхъ дѣйствій, указанныхъ въ п. 6.

Это запрещеніе касается не только участія въ войнѣ между другими двумя или нѣсколькими государствами, но и самостоятельнаго веденія внѣшней войны.

[3] Права и обязанности постоянно нейтральнаго государства по отношенію къ воюющимъ государствамъ совпадаютъ съ правами и обязанностями государства, добровольно заявившаго о своемъ въ этой войнѣ нейтралитетѣ.

[4] Постоянно нейтральному государству запрещены всѣ договоры съ иностранными государствами, могущіе лишить его на будущее время необходимой для сохраненія нейтралитета свободы дѣйствій.

Digitized by Google

Сюда относятся въ особенности: политическіе союзы наступательнаго характера, таможенныя уніи, сдѣлки о передачѣ иностранному государству функцій желѣзнодорожной администраціи и другихъ подобныхъ правительственныхъ функцій.

Указанный запретъ можетъ быть снятъ лишь въ силу особой оговорки со стороны участниковъ конститутивнаго договора.

[5] На обязанности постоянно нейтральнаго государства лежитъ охрана неприкосновенности иностранной власти отъ дѣйствій во вредъ ей, предпринимаемыхъ на территоріи нейтральнаго. Эта обязанность осуществляется или выдачею иностранныхъ подданныхъ, виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, или созданіемъ спеціальныхъ карательныхъ нормъ, или изгнаніемъ иностранныхъ выходцевъ, — въ зависимости отъ соглашенія на этотъ счетъ между нейтральнымъ и его контрагентами.

Въ настоящее время это положеніе утратило обязательную силу.

[6] Постоянно нейтральное государство имѣетъ право (но не международную обязанность) обороны вытекающихъ для него изъ нейтралитета правъ даже военными мѣрами. Это право возвращается нейтральному съ той минуты, какъ совершилось нарушеніе правъ нейтралитета иностраннымъ государствомъ; наличность послѣдняго констатируется вступленіемъ иностраннаго войска на территорію нейтральнаго.

Никакихъ ограниченій въ дѣлѣ созданія арміи и матеріальныхъ средствъ обороны не лежитъ на нейтральномъ, поскольку такія ограниченія не установлены конститутивнымъ договоромъ.

Digitized by Google

[7] Вмѣшательство въ дѣла постоянно нейтральнаго государства не дозволено иностраннымъ государствамъ внѣ предѣловъ требованій, отвѣчающихъ его спеціальнымъ обязанностямъ.

[8] На контрагентахъ постоянно нейтральнаго лежитъ запретъ войны противъ него и прежде всего поэтому обязанность безусловнаго уваженія его территоріальной неприкосновенности.

[9] Нарушеніе обязанностей нейтралитета постоянно нейтральнымъ даетъ контрагенту, права котораго были нарушены, основаніе принять репрессивныя мѣры и игнорировать общія свои обязанности по отношенію къ нейтральному. Однако необходимымъ условіемъ правомѣрности такихъ репрессивныхъ мѣръ является признаніе наличности нарушенія и соразмѣрности репрессіи совокупностью всѣхъ контрагентовъ нейтральнаго по конститутивному договору.

Въ случаѣ, указанномъ послѣднимъ параграфомъ перваго положенія, при наличности только что обозначеннаго условія, можетъ быть уничтожена независимость постоянно нейтральнаго.

[10] Гарантія, которую конститутивный договоръ можетъ даровать постоянному нейтралитету, устанавливаетъ для контрагентовъ постоянно нейтральнаго государства дополнительную обязанность не только уважать, но и всѣхъ другихъ заставлять уважать права нейтралитета.

По этой гарантіи по требованію нейтральнаго отвѣтственъ каждый поручитель и, только если гарантія осуществлена однимъ, отвѣтственность остальныхъ прекращается. Каждый поручитель можетъ исполнить обязанности гарантіи безъ согласія другихъ.

Порядокъ исполненія обязанностей гарантіи принадлежитъ свободному выбору поручителя. Такъ,

Digitized by Google

можетъ быть заключенъ эвентуальный оборонительный союзъ между поручителемъ и нейтральнымъ противъ нарушителя нейтралитета; такой союзъ не обязателенъ и поручитель можетъ дѣйствовать независимо отъ нейтральнаго.

Расходы, вызванные исполненіемъ обязанностей гарантіи, ложатся на поручителя.

[11] Постоянно нейтральное государство не утрачиваетъ своей договорной характеристики съ перемѣною въ территоріальномъ составѣ.

Когда въ конститутивномъ договорѣ указываются границы постоянно нейтральнаго государства, такая перемѣна влечетъ необходимость новаціи акта для распространенія дѣйствія отношеній постояннаго нейтралитета на вновь пріобрѣтаемыя области. Новація презюмируется въ случаѣ присоединенія къ нейтральному территоріи другого постоянно нейтральнаго.

2. Совокупность этихъ положеній дѣйствующаго права даетъ возможность предпринять опредѣленіе того мѣста, которое институтъ постояннаго нейтралитета занимаетъ въ общей системѣ права международнаго.

На пути къ рѣшенію этой общей задачи прежде всего стоитъ вопросъ о томъ, гдѣ тотъ основной признакъ института, который выдѣляетъ его изъ числа остальныхъ родственныхъ институтовъ права международнаго, въ какомъ изъ указанныхъ только что положеній лежитъ жизненный нервъ той совокупности правоотношеній, которая изучена въ предшествующихъ главахъ настоящей книги.

Въ литературѣ часто указывается на сходство между постоянно нейтральнымъ государствомъ и тѣмъ типомъ политической единицы, за которымъ утвердилось наименованіе «государства-буффера» (état tampon, Bufferstaat). Сопоставленіе ихъ даетъ дѣйствительно возможность констатировать рядъ пунктовъ сходства. Несмотря на не всегда ясный и точный текстъ договоровъ, можно общимъ образомъ ска-

Digitized by Google

зать, что «государство—буфферъ» есть государство, по отношенію къ которому дѣйствуютъ всѣ тѣ обязанности и права, которыя установлены для контрагентовъ постояннаго нейтральнаго по отношенію къ этому послѣднему.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Протоколъ, подписанный въ Токіо 13/25 апрѣля 1898 года представителями Японіи и Россіи (такъ наз. конвенція Розенъ-Нисси), въ ст. 1 устанавливалъ: «Россійское и японское императорскія правительства окончательно признаютъ державныя права и полную независимость Кореи и взаимно обязуются воздерживаться отъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этой страны» [1]).—Во время переговоровъ по среднеазіатскимъ вопросамъ, которые велись между Россіей и Англіей въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, подобное только что указанному соглашеніе состоялось относительно Афганистана. Россія признавала въ рядѣ документовъ, обмѣненныхъ съ Англіей, что «считаетъ Афганистанъ внѣ той сферы, въ которой Россія могла бы быть призвана оказывать свое вліяніе» и что «никакое вмѣшательство, противное независимости этого государства, не входитъ въ его намѣренія» [2]).—Декларацією 8 апрѣля 1904 года Англія и Франція взаимно обязались отказаться отъ всякой мысли присоединить къ своимъ владѣніямъ какую-либо часть Сіама [3]).—Эти классическіе примѣры «государствъ-буфферовъ» можно дополнить еще другими, гдѣ символъ «буфферъ» можетъ быть и не совсѣмъ подходитъ, но гдѣ общее

---

[1]) Текстъ протокола, см. Описаніе Кореи, изд. Министерства Финансовъ, Ш, С.-Петербургъ, 1900, 96.

[2]) Депеша Горчакова 24 февраля/7 марта 1869 г., цит. у Мартенса, Россія и Англія въ Средней Азіи, С.-Петербургъ, 1880, 42. Ср. депешу Горчакова 7 декабря 1872 года въ сборникѣ Афганское Разграниченіе, С.-Петербургъ, 1886, 5; общій очеркъ у Skrine, The expansion of Russia, second edition, Cambridge, 1904, 229 ff.

[3]) Documents diplomatiques. Accords conclus, le 8 Avril 1904, entre la France et l'Angleterre au sujet du Maroc, de l'Egypte, de Terre Neuve, etc., Paris, 1904, 43.

Digitized by Google

содержаніе правоотношеній вполнѣ сходно. Парижскій договоръ 1856 года въ ст. VII говорилъ: «Е. В. Императоръ Всероссійскій, Е. В. Императоръ Австрійскій, Е. В. Императоръ Французовъ, Е. В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Е. В. Король Прусскій и Е. В. Король Сардинскій ... обязуются каждый съ своей стороны уважать независимость и цѣлость Имперіи Оттоманской, обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства и вслѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользы» [4]).

Только что приведенныя договорныя постановленія не даютъ, конечно, возможности сказать, что типъ «государства-буффера» имѣетъ вполнѣ законченный юридическій чеканъ въ системѣ права международнаго, но все же въ общихъ своихъ чертахъ онъ опредѣлился. Если сопоставить съ тѣми положеніями, которыя формулированы были выше,— совокупность правоотношеній вокругъ «государства буффера», то мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ они совпадаютъ. Такъ, относительно «государства-буффера» на контрагентахъ лежитъ запретъ войны противъ него и обязанность безусловно уважать неприкосновенность его личности и территоріальной неприкосновенности; равнымъ образомъ «государству - буфферу» можетъ быть дарована гарантія, порождающая для контрагентовъ обязанность не только уважать, но и заставлять уважать его неприкосновенность. Такимъ образомъ обязанности державъ въ обоихъ случаяхъ въ общемъ тождественны и съ точки зрѣнія этихъ обязанностей можетъ быть проведена указанная выше аналогія.

Но огромная разница лежитъ между двумя институтами, если стать на точку зрѣнія государствъ, въ пользу которыхъ создаются эти обязанности. Въ договорахъ о «государствѣ—

---

[4]) Ѳеодосьевичъ, Договоръ Россіи съ Востокомъ, С.-Петербургъ, 1869, 110.

Digitized by Google

буфферѣ» это послѣднее представляетъ лишь объектъ правоотношеній между контрагентами; обязанности послѣднихъ порождаютъ права не для «государства-буффера», а для другихъ контрагентовъ; послѣднее не знаетъ ни новыхъ правъ, ни новыхъ обязанностей. Напротивъ того, въ договорахъ о постоянно нейтральномъ государствѣ послѣднее выступаетъ въ качествѣ активнаго дѣятеля, субъекта правъ и обязанностей; здѣсь обязанности контрагентовъ—его права, а, главное, полученіе этихъ правъ оно компенсируетъ обязанностями по отношенію къ другимъ участникамъ договора.

Особый правовой status, который получаетъ само постоянно нейтральное государство, именно и представляетъ поэтому основной признакъ изучаемаго нами института; въ характеристикѣ постоянно нейтральнаго прежде всего какъ субъекта особыхъ международныхъ обязанностей слѣдуетъ поэтому искать указанія, какое мѣсто занимаетъ институтъ въ общей системѣ международнаго права.

3. Разбираясь въ этихъ обязанностяхъ, мы видимъ, что центральное мѣсто среди нихъ принадлежитъ обязанности не веденія войны. Всѣ остальныя обязанности, отмѣченныя нами, являются лишь естественнымъ дополненіемъ къ этому основному положенію. Этотъ пунктъ мы и должны поставить во главѣ угла догматической характеристики института постояннаго нейтралитета.

Такой выводъ требуетъ однако нѣкоторой оговорки. Постоянно нейтральное государство не представляетъ единственный типъ государства, на которомъ лежитъ запретъ войны. Мы знаемъ цѣлый рядъ другихъ политическихъ единицъ, которыя лишены этого права, но которыя тѣмъ не менѣе никакъ не могутъ быть отождествлены съ постоянно нейтральными.

Таковы, прежде всего, государства, входящія въ составъ корпоративно организованныхъ государственныхъ соединеній. Если начать обзоръ съ наиболѣе ярко выраженнаго типа такихъ государственныхъ соединеній, съ союзнаго государства, то мы увидимъ, что входящія въ составъ его и обла-

Digitized by Google

дающія государственнымъ характеромъ [5]) политическія единицы несомнѣнно лишены права войны. Конституція 1787 г., управляющая Соединенными Штатами, слѣдующимъ образомъ формулируетъ это положеніе: ст. I, часть 8 гласитъ: «Конгрессъ будетъ имѣть власть... объявлять войну»; обрат-

---

[5]) Какъ извѣстно, государственный характеръ членовъ союзнаго государства защищается большинствомъ теоретиковъ; тезисъ этотъ намъ представляется вполнѣ доказаннымъ. Двоякаго рода возраженія были выставлены противъ него въ германской литературѣ. Первая теорія, защищавшаяся Zorn'омъ, утверждала, что члены союзнаго государства, не обладая суверенитетомъ, не обладаютъ, слѣдовательно, и основнымъ и необходимымъ признакомъ государства и не отличаются ничѣмъ отъ самоуправляющихся земскихъ единицъ; эта теорія была разбита въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій; въ частности Laband, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, 3-e Auflage, Freiburg i. B, 1895, I, 68 ff.; Preuss, Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften, Berlin, 1889, 49 f.; Rehm, Allgemeine Staatslehre, Freiburg i. B., 1899, 117 ff. Болѣе замѣчательна теорія Hänel'я: она заключается въ томъ, что члены союзнаго государства представляютъ лишь одну половину организаціи единаго государства, что ни союзное государство отдѣльно отъ членовъ, ни члены отдѣльно отъ союзнаго государства не суть государства и что таковое дается лишь нераздѣльной совокупностью обѣихъ категорій; см. Hänel, Deutsches Staatsrecht, I, Leipzig, 1892, 206. Эта теорія является развитіемъ общаго пониманія Hänel'емъ природы корпораціи: послѣдняя въ его глазахъ является прежде всего и по существу своему правоотношеніемъ и лишь случайно и извнѣ можетъ пріобрѣтать характеръ юридическаго лица, ibid., 96 ff. Но именно съ точки зрѣнія этой глубокой общей теоріи,—къ которой, какъ видно будетъ ниже, мы вполнѣ присоединяемся,—отрицаніе государственнаго характера за членомъ союзнаго государства едва ли правильно: послѣдній имѣетъ всѣ признаки законченнаго правоотношенія, пріобрѣтающаго извнѣ значеніе юридическаго лица; эта внѣшняя характеристика, вытекающая изъ отношеній его къ третьимъ государствамъ, къ союзному государству и къ другимъ членамъ, даетъ несомнѣнные признаки корпораціи, по существу своему отличной какъ отъ высшей корпораціи—союзнаго государства, такъ и отъ подчиненныхъ земскихъ единицъ. Возраженія противъ Hänel'я, сдѣланныя Rehm, 120 ff., основаны на неправильной подстановкѣ цитатъ изъ дѣйствительно схожихъ, но не вполнѣ послѣдовательныхъ разсужденій Bornhak, Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1896, 246 для характеристики того, что Rehm называетъ «Theorie Hänels und Genossen»

Digitized by Google

ная сторона этого положенія изложена нѣсколько болѣе общимъ образомъ въ ст. I, части 10, п. 2: «ни одинъ штатъ, безъ согласія конгресса, не будетъ... начинать войны за исключеніемъ случая совершившагося нападенія или угрожающей опасности, не терпящей отлагательства». Въ приведенныхъ текстахъ несомнѣно много несовершеннаго съ точки зрѣнія послѣдовательнаго правового мышленія. Второй изъ нихъ какъ бы предполагаетъ, что конгрессъ можетъ дозволить отдѣльному штату вести войну на свой страхъ и рискъ, войну, въ которой союзъ можетъ не участвовать; такая же перспектива войны штата безъ войны союза на первый взглядъ допускается и въ случаѣ нападенія. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что не таковъ смыслъ этого постановленія: начать войну можетъ, конечно, отдѣльный штатъ, но такая война не будетъ войною штата, а войною союза, штатъ будетъ дѣйствовать какъ часть единаго цѣлаго, какъ органъ союза. Только таково можетъ быть значеніе «разрѣшенія», о которомъ говоритъ приведенный текстъ. Допустить обратное положеніе, признать за штатомъ право, независимо отъ союза, вести войну съ другими державами, значитъ впасть въ противорѣчіе съ конструкціей союза въ его цѣломъ. По отношенію къ другимъ державамъ союзъ представляетъ единое цѣлое; ему принадлежитъ заключеніе договоровъ, право посылать и принимать дипломатическихъ представителей и совершать всѣ другіе акты, относящіеся къ внѣшней политикѣ Штатовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ необходимое послѣдствіе такого положенія, военная власть сосредоточена въ рукахъ союза. При этихъ условіяхъ оставить за отдѣльнымъ штатомъ право вести войну было бы полной и совершенно непонятной аномаліей. Что истинный смыслъ приведенныхъ текстовъ не допускаетъ такого признанія, доказываетъ тотъ литературный памятникъ, который можетъ считаться подлиннымъ выраженіемъ политическихъ воззрѣній составителей конституціи 1787 года—«Федералистъ». «Предохраненіе отъ внѣшней опасности одна изъ основныхъ задачъ гражданскаго общества. Это общеприз-

Digitized by Google

нанная и основная задача американскаго союза. Власть, необходимая для достиженія этой цѣли, должна быть совершенно опредѣленнымъ образомъ передана союзнымъ органамъ». Къ этой категоріи полномочій относится, прежде всего, право объявлять войну [6]). Въ послѣдующей литературѣ американскаго государственнаго права этотъ выводъ не вызываетъ сомнѣній [7]).

Гораздо болѣе удовлетворительна конституціонная редакція соотвѣтствующаго запрета въ Швейцаріи. Уже конституція 1848 года, сдѣлавшая Швейцарію союзнымъ государствомъ, содержала слѣдующую ст. 8: «одному союзу принадлежитъ право объявлять войну и заключать миръ...» [8]) Это постановленіе было безъ всякихъ измѣненій перенесено въ нынѣ дѣйствующую конституцію 1874 года и составило ст. 8 ея [9]).

Дѣйствующая германская конституція слѣдуетъ образцу конституціи Соединенныхъ Штатовъ: она равнымъ образомъ

---

[6]) Number XLI, New Jork, January 22, 1788 (Madison); The Federalist, a commentary on the Constitution of the United States, ed. by John C. Hamilton, Philadelphia, 1873, 318 ff.

[7]) Kent заявляетъ безъ колебаній, что право объявлять войну относится къ исключительнымъ полномочіямъ конгресса, такъ какъ конкурирующее осуществленіе его отдѣльными штатами разрушило бы общую гармонію и миръ.—Kent, Commentaries on american law, 12-th edition by Holmes, Boston, 1873, I, 250 f. Исключительность этого права союзной власти признаетъ и Story, Commentaries on the Constitution of the United States, Boston, 1883, Ш, 64, cf. 272 f.—Невѣрно Le Fur und Posener, Bundesstaat und Staatenbund, I, Breslau, 1902, 204.

[8]) Dem Bund allein steht das Recht zu, Krieg zu erklären und Frieden zu schliessen... Текстъ конституціи у Bluntschli, Geschichte des Schweizerischen Bundesrechtes, II, Urkundenbuch, Zurich, 1852, 431.

[9]) La Confédération a seule le droit de déclarer la guerre et de conclure la paix... Текстъ у Dareste, Les constitutions modernes, I, Paris, 1891, 481 ss. — Редакція этой статьи воспроизводилась безъ измѣненій въ проектѣ союзнаго акта 1832 года; Bundesurkunde des schweizerischen Eidgenossenschaft entworfen von der am 17. Heumonat (Іюль) 1832 durch die Tagsatzung ernannten Revisionskommission, безъ даты и обозначенія мѣста изданія.

Digitized by Google

формулируетъ запретъ войны для отдѣльныхъ государствъ Имперіи и исключительность имперской компетенціи лишь косвенно, въ опредѣленіи компетенціи отдѣльныхъ союзныхъ органовъ; существованіе такого запрета въ германской конституціи не подлежитъ сомнѣнію, но къ этому выводу приходишь лишь послѣ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ разсужденій [10]). Въ отличіе отъ проектовъ имперской конституціи, выработанныхъ франкфуртскимъ парламентомъ въ 1849 и эрфуртскимъ въ 1850 году и содержавшихъ точную формулу: «имперской власти исключительно предоставлено право войны и мира» [11]), конституція Сѣверо-Германскаго Союза 1867 года и конституція Имперіи 1871 года ограничиваются слѣдующимъ указаніемъ: «императору принадлежитъ международное представительство имперіи, объявленіе войны и заключеніе мира отъ имени имперіи...» Слово «исключительно» выброшено такимъ образомъ изъ статьи; значитъ ли это, что рядомъ съ правомъ имперіи конституція сохраняетъ право войны и за отдѣльными государствами? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ съ безспорностью вытекаетъ изъ общаго смысла союзныхъ отношеній. Прежде всего, согласно конституціи, германское войско и весь германскій флотъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, стоятъ подъ начальствомъ императора [12]). При этихъ условіяхъ у отдѣльныхъ германскихъ государствъ нѣтъ никакой возможности вести войну самостоятельно, внѣ участія союзныхъ органовъ; трудно думать, что, лишивъ ихъ фактической возможности воевать, конституція имѣла въ виду въ то же время оставить за ними соотвѣтствующее право; такой nudum jus не имѣлъ бы никакого смысла. Правда, въ литературѣ высказывалось мнѣніе, что именно таково значеніе

---

[10]) Мы опираемся главнымъ образомъ на превосходное изложеніе Генеля.

[11]) Art. 11, § 10; см. Deutsche Staatsgrundgesetze, herausgegeben von Binding, Heft II, Leipzig, 1898, 3, 56.

[12]) Ст. 53 и 63 обѣихъ конституцій.

Digitized by Google

конституціи. Brie прямо говоритъ, что право войны не отнято у отдѣльныхъ государствъ, но лишь осуществленіе его сдѣлано невозможнымъ [12a]). Но помимо внутренняго несовершенства такого толкованія въ пользу обратнаго рѣшенія имѣется еще второй рѣшительный аргументъ. Онъ заключается въ томъ, что германская конституція передаетъ въ руки центральнаго государства веденіе внѣшней политики имперіи, оставляя въ рукахъ отдѣльныхъ государствъ лишь незначительный качественно и количественно объемъ правъ въ области международныхъ сношеній; отдѣльныя государства обязаны подчиняться имперской внѣшней политикѣ и не имѣютъ права предпринимать что-либо могущее противорѣчить ей. При такомъ общемъ принципѣ предоставленіе имъ права самостоятельно вести войну не могло бы имѣть мѣста въ конституціи: война есть лишь одно изъ средствъ, служащихъ внѣшней политикѣ государства, и право вести ее не имѣетъ никакого смысла, если государство лишено права самостоятельнаго опредѣленія своихъ внѣшнихъ отношеній. [13]).

Ограниченіе, лежащее на членахъ союзныхъ государствъ, часто встрѣчается и въ соединеніяхъ съ гораздо менѣе твердымъ корпоративнымъ строемъ. Мы находимъ его въ нѣкоторыхъ изъ такъ называемыхъ союзовъ государствъ, т.-е. международноправовыхъ соединеній государствъ въ

[12a]) Nicht einmal das Kriegsrecht ist ihnen (den deutschen Einzelstaaten) entzogen, sondern nur die Ausübung derselben unmöglich gemacht; Brie, Theorie der Staatenverbindungen, Stuttgart, 1886, 107, n. 5. Противоположное воззрѣніе раздѣляется большинствомъ; сошлемся на Gaupp, Das Sraatsrecht des Königreiches Würtemberg, 2-e Auflage, Freiburg i. B. und Leipzig, 1895 (Marquardsen's Handbuch), 13; Cosack, Das Staatsrecht des Grossherzogthums Hessen, Freiburg i. B., 1894, (ibid.), 143; Georg Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, 5-e Autlage, Leipzig, 1899, 217.

[13]) Es kann verfassungsmässig und völkerrechtlich nur einen deutschen Krieg geben, niemals Kriegsbedrohung oder Krieg, sei es des Einzelstaates gegen das Ausland oder des Auslandes gegen den Einzelstaat; Hänel, 552.

Digitized by Google

корпоративное [14]) цѣлое, съ союзными органами власти во главѣ, призванными постановлять обязательныя для своихъ членовъ рѣшенія по большинству голосовъ, но безъ правовой возможности расширять союзную компетенцію иначе, какъ путемъ новаго международнаго соглашенія участниковъ. Права, предоставленныя корпораціи-союзу въ его цѣломъ, варіируютъ въ каждомъ отдѣльномъ примѣрѣ такого союза. Мы знаемъ, напр., что въ Германскомъ Союзѣ, созданномъ въ 1815 г., союзу предоставлялось въ извѣстныхъ случаяхъ право большинствомъ двухъ третей голосовъ Plenum'a союзнаго собранія объявлять войну отъ имени союза; но это право вмѣстѣ съ тѣмъ не исключало и права суверенныхъ членовъ собранія самостоятельно вести войну, безъ всякаго участія въ ней союза [15]).—Совершенно иначе распредѣлены

[14]) Какъ извѣстно, главная контроверза относительно союзовъ государствъ касается ихъ корпоративной природы. Многіе, во главѣ ихъ Laband, I, 51 и Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, Wien, 1882, 178, видятъ въ союзѣ государствъ лишь правоотношеніе, а никакъ не самостоятельную правовую личность. Справедливо возражаютъ на это, что принципъ обязательности постановленій, принятыхъ по большинству голосовъ, свойственный союзамъ государствъ, противорѣчитъ такому пониманію; нѣтъ сомнѣнія вообще, что оно не отвѣчаетъ положительнымъ даннымъ относительно союзовъ государствъ. См. въ особ. Brie, 83, Hänel, 4.

[15]) Schluss-Akte der über Ausbildung und Befestigung des deutschen Bundes zu Wien gehaltenen Ministerial-Conferenzen von 15 Mai 1820, Art. XXXV. Der Bund hat als Gesammt-Macht das Recht, Krieg, Frieden, Bündnisse und andere Verträge zu beschliessen. Nach dem im zweiten Artikel des Bundes-Akte ausgesprochnen Zwecke des Bundes übt derselbe aber diese Rechte nur zu seiner Selbstvertheidigung, zur Erhaltung der Selbstständigkeit und äussern Sicherheit Deutschlands, und der Unabhängigkeit und Unverletzbarkeit der einzelnen Bundes-Staaten aus; Art. XL. Sieht sich der Bund zu einer förmlichen Kriegs-Erklärung genöthiget, so kann solche nur in der vollen Versammlung nach der für dieselbe vorgeschriebenen Stimmenmehrheit von zwey Drittheilen beschlossen werden. Текстъ у Binding, op. cit., III, Leipzig, 1898, 50, 52. Съ другой стороны, ст. XI союзнаго акта 8 Іюня 1815 года; ibid., 23 f.; Мартенсъ, Собраніе, III, 438, и ст. 63 акта Вѣнскаго конгресса 9 іюня 1815 года; ibid., 279.

Digitized by Google

были въ этомъ вопросѣ права между союзомъ и отдѣльными его членами въ первой конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и въ союзномъ договорѣ швейцарскихъ кантоновъ 1815 года.—Первая конституція штатовъ (выработанная въ 1777 г. и принятая въ 1778—1781 гг.), объединившая ихъ въ союзъ государствъ (Articles of confederation and perpetual union), покоилась на слѣдующемъ основномъ положеніи (ст. II): «Каждый штатъ удерживаетъ за собою свой суверенитетъ, свободу и независимость и всякую власть, юрисдикцію и права, которыя актомъ этой конфедераціи опредѣленно не переданы Соединеннымъ Штатамъ, собраннымъ на конгрессѣ». Въ числѣ этихъ переданныхъ полномочій на первомъ мѣстѣ стояло право войны. «Собраннымъ на конгрессѣ штатамъ» принадлежало и исключительное право рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ (Ст. IX); допускалось лишь одно «исключеніе»: въ случаѣ нападенія штатъ могъ начать войну, не спрашивая союзную власть, но и это «исключеніе» было лишь кажущимся: рѣчь шла, конечно, не о самостоятельномъ правѣ войны, а лишь о начатіи военныхъ дѣйствій отъ имени союза безъ предварительнаго на то согласія союзной власти. Итакъ, «суверенные, свободные и независимые» штаты, взятые въ отдѣльности, были несомнѣнно лишены союзной конституціей свойственнаго всякимъ другимъ государствамъ права войны [16]).

[16]) Текстъ articles of confederation въ The Federalist, ed. by John C. Hamilton, 26 ff. Статьи являлись воспроизведеніемъ тѣхъ государственныхъ порядковъ, которые фактически сложились въ Сѣверной Америкѣ въ моментъ борьбы за независимость. Собранный съ цѣлью организаціи военной обороны страны конгрессъ независимыхъ штатовъ естественно сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ полномочія, связанныя съ военными дѣйствіями; онъ одинъ обладалъ правомъ вести войну и заключать миръ, завѣдывать всѣми военными дѣйствіями, заключать союзы съ другими державами; фактически штаты, провозглашавшіе себя суверенными политическими единицами, съ точки зрѣнія этихъ отношеній къ другимъ государствамъ никогда не выступали отдѣльно, и съ точки зрѣнія международнаго права всегда составляли единое цѣлое; въ высшей степени замѣчательный анализъ условій возникновенія союза у Story, § 215, I, 203 f.

Digitized by Google

Швейцарскій союзъ выросъ изъ наступательныхъ и оборонительныхъ договоровъ между отдѣльными городскими и земскими общинами; на почвѣ этихъ договоровъ постепенно выработалась нѣкоторая, довольно рудиментарная организація союзной власти, связывавшая эти общины въ одно корпоративное цѣлое. Конституція 1803 г., данная Швейцаріи Наполеономъ (такъ называемый Acte de Médiation) и возвратившая страну къ союзнымъ формамъ, отражая на себѣ историческое происхожденіе союза, содержала въ гл. XX, ст. XXXI постановленіе, въ силу коего право объявлять войну принадлежало союзному сейму, который большинствомъ трехъ четвертей голосовъ дѣлалъ ее обязательною для всѣхъ кантоновъ [17]); такъ какъ по общему правилу, изложенному въ гл. XX, ст. XII, компетенція союза являлась исключительною и не допускала конкурирующихъ правъ кантоновъ, то эти послѣдніе были всецѣло лишены права войны [18]). Совершенно аналогично было постановленіе ст. 8 союзнаго договора 7 августа 1815 г. [19]) [20]).

---

[17]) Текстъ у Bluntshli, II, 322 ff.

[18]) Les cantons jouissent de tous les pouvoirs qui n'ont pas été expressément délégués à l'autorité fédérale.—Вопросъ о юридической природѣ Швейцаріи 1803—1815 не затрагивается въ спеціальной литературѣ, хотя обычное указаніе, будто Швейцарія—союзъ государствъ только съ 1815 года (напр. Jellinek, 185; Brie, 83) заставляетъ думать, что этотъ вопросъ рѣшается молчаливо въ пользу союзнаго государства. Съ точки зрѣнія указаннаго въ текстѣ принципа «Kompetenz-Kompetenz» этотъ взглядъ слѣдуетъ признать безусловно ошибочнымъ.

[19]) Die Tagsatzung erklärt Krieg und schliesst Frieden... Doch sind für diese wichtige Verhandlungen drei Viertheile der Kantonsstimmen erforderlich.

[20]) Реальная унія представляетъ нѣкоторое сходство съ союзомъ государствъ въ томъ отношеніи, что ею исключается возможность веденія войны каждымъ изъ соединенныхъ государствъ отдѣльно отъ другого. Такъ, въ Швеціи и Норвегіи, «greift eine fremde Macht das eine der beiden Reiche an, so hat sie damit auch mit dem andern den Frieden gebrochen. Krieg und Frieden ist also beiden Reichen gemeinsam» Aschehoug, Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden und Norwegen, Freiburg i. B., 1886, 17 f. Но сходство съ разбираемыми въ

Digitized by Google

Перечисленіе государствъ, лишенныхъ права войны, не исчерпывается членами союзнаго государства и членами нѣкоторыхъ союзовъ государствъ. На ряду съ этими соединеніями государствъ, и параллельно имъ, стоятъ другія, которыя въ отличіе отъ первыхъ, основанныхъ на принципіальномъ равенствѣ между членами соединенія, характеризуются принципіальнымъ неравенствомъ между ними. Это—видъ соединеній, который можно назвать соединеніями, основанными на односторонней зависимости одного государства отъ другого, или еще лучше соединеніями на не равномъ правѣ [21]). Чтобы понять смыслъ такихъ отношеній, представимъ себѣ, что въ союзѣ государствъ носителемъ правъ, входящихъ въ союзную компетенцію, сдѣланъ одинъ изъ членовъ союза, тогда какъ другіе обязаны довольствоваться лишь правами,

---

текстѣ явленіями здѣсь только внѣшнее. Реальная унія представляетъ соединеніе государствъ, лишенное корпоративнаго характера; каждое изъ участвующихъ въ немъ государствъ сохраняетъ полноту своихъ верховныхъ правъ, но только условливается съ другимъ или другими о пользованіи ими сообща; объ ограниченіи какихъ бы то ни было правъ ихъ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому король Швеціи и Норвегіи, призванный объявлять войну, дѣлаетъ это отъ имени каждаго изъ двухъ государствъ, и такая война будетъ не войною Швеціи и Норвегіи какъ одного цѣлаго, а войною обоихъ государствъ, начатою по взаимному соглашенію. Въ этомъ отношеніи между членами реальной уніи существуетъ общность совершенно аналогичная той, которая наблюдается въ случаѣ оборонительнаго и наступательнаго союза между двумя государствами. Cf Juraschek, Personal-und Realunion, Berlin, 1878, 84 ff.; Brie, 77 f.—Аналогичные взгляды высказываетъ Jellinek, 211 ff.: у него неправильно лишь подведеніе реальной уніи подъ родовую, по его мнѣнію, категорію «союзъ государствъ»; корпоративность этого послѣдняго, указанная выше, дѣлаетъ немыслимою такую группировку.

[21]) Терминъ «einseitige Abhängigkeitsverhältnisse», предложенный Brie, 28 ff., повидимому, дѣлается общепризнаннымъ въ Германіи, ср. напр. Bornhak, Einseitige Abhängigkeitsverhältnisse unter den modernen Staaten, Leipzig, 1896 (Jellinek und Meyer, Staats-und völkerrechtliche Abhandlungen), Boghitchévitch, Halbsouveränität, Berlin, 1903. 169 ff.; мы предпочитаемъ общераспространенные въ старой литературѣ термины confederatio jure aequali и jure inaequali.

Digitized by Google

которыя остаются за предѣлами компетенціи союза: такъ представимъ себѣ, что въ швейцарскомъ союзѣ 1815 года вмѣсто предписанія, что заключеніе договоровъ съ иностранными государствами принадлежитъ состоящему изъ представителей кантоновъ сейму, стояло бы предписаніе, что отъ имени союза договоры заключаетъ кантонъ Цугъ и что эти заключенные кантономъ Цугъ договоры обязательны для всего союза, т.-е. для всѣхъ другихъ кантоновъ отдѣльно взятыхъ. Возьмемъ другой случай и представимъ себѣ то же явленіе въ союзномъ государствѣ; замѣнимъ, напримѣръ, статью 35 германской конституціи 1871 года, которая гласитъ: «имперія одна имѣетъ право законодательства относительно таможеннаго строя», такой статьей: «Баварія имѣетъ право издавать обязательные для всей имперіи таможенные законы». Мы получимъ при такой подстановкѣ соединенія государствъ, въ которыхъ принципіально будетъ исключаться равенство между этими государствами и гдѣ установится односторонняя зависимость однихъ членовъ соединенія отъ другихъ. Положительное право выработало рядъ отношеній, въ которыхъ мы видимъ перечисленныя только что свойства. Подобно тому, какъ общее понятіе корпоративныхъ соединеній jure aequali распадается на два болѣе узкихъ понятія союза государствъ и союзнаго государства,—сообразно тому, принадлежитъ ли корпораціи право измѣненія союзной компетенціи или нѣтъ,—и понятіе корпоративныхъ соединеній jure inaequali включаетъ въ себѣ соединенія съ неизмѣнною безъ согласія на то каждаго члена компетенціею объединенной власти и съ компетенціею, которая можетъ быть измѣнена помимо воли всѣхъ безъ исключенія участниковъ соединенія (право это относится всецѣло къ исключительнымъ правамъ стоящаго во главѣ соединенія государства). Къ первому виду, соотвѣтствующему mutatis mutandis союзу государствъ, въ сферѣ соединеній на не равномъ правѣ относятся такъ называемые «протектораты», ко второму, соотвѣтствующему mutatis mutandis союзному государ-

Digitized by Google

ству, въ сферѣ соединеній на неравномъ правѣ относятся такъ называемыя отношенія «сюзеренитета» [22]).

Для иллюстраціи укажемъ два такихъ примѣра.

Договоръ между Франціей и Аннамомъ, подписанный въ Гюэ 6 іюля 1884 года, передалъ первой протекторатъ надъ вторымъ; Франція получила завѣдываніе внѣшними сношеніями Аннама, а также нѣкоторыми отраслями внутренняго его управленія. Рамки этой общей для обоихъ государствъ власти Франціи могутъ быть расширены только путемъ измѣненія договора 1884 года, т.-е. съ согласія низшаго государства [23]). Это примѣръ перваго вида соединеній на неравномъ правѣ. Отношенія между Турціей и Египтомъ представляютъ примѣръ второго вида. Они покоются на «сюзеренитетѣ». Фирманы утвердили въ цѣломъ рядѣ вопросовъ полную самостоятельность Египта, оставляя въ рукахъ Турціи крайне узкую власть надъ нимъ; тѣмъ не менѣе

---

[22]) Терминологія въ теоріи соединеній на неравномъ правѣ крайне неустойчива; для выраженія самостоятельныхъ понятій теперь употребляются термины протекторатъ, съ одной стороны, и «Vasallenstaat», съ другой; Heilborn, Das völkerrechtliche Protektorat, 1891, 56; Bornhak, Allg. Staatslehre, 214; Ullmann, Völkerrecht, 53 ff.; иногда протекторату противопоставляется «полусуверенитетъ»; Boghitchévitch, 169 ff.; иногда противопоставляются völker-und staatsrechtliche Protektorate; Rehm; Allgemeine Staatslehre, Freiburg i. B., 1899 (Marquardsen's Handbuch), 74; часто говорится о «сюзеренитетѣ»; такъ въ договорахъ, касающихся турецкаго востока, и въ литературѣ; объ этомъ понятіи сводъ данныхъ у Boghitchévitch, 85 ff.; Brie, 30 ff., говоритъ о трехъ видахъ «Ueberordnungsverhältnisse»: Herrschaft, Schutzgewalt, Süzeränetät; Jellinek, 126 ff., 146 ff. различаетъ Protektorat и Vasallenstaat, относя послѣдній къ общей категоріи Staatenstaat.—Этого достаточно, чтобы показать общую неустойчивость терминологіи. Въ дальнѣйшемъ мы употребляемъ термины: «соединеніе, основанное на протекторатѣ» и «соединеніе, основанное на сюзеренитетѣ», которые кажутся намъ наиболѣе отвѣчающими терминологіи договоровъ.

[23]) British and foreign state papers, LXXV, 100 ff.

Digitized by Google

въ принципѣ разграниченіе компетенціи мѣняется исключительно властью Султана [24]) [25]).

---

[24]) Стоитъ вспомнить послѣдовательно измѣнявшіеся фирманы 1841, 1866, 1867, 1869, 1872 (два), 1873, 1879 и 1892 гг.; тексты собраны у Holland, The European Concert in the Eastern question, Oxford, 1885, 110 ff.

[25]) Дальнѣйшее развитіе предлагаемой теоріи было бы здѣсь не у мѣста. Сдѣланныя до сихъ поръ попытки сгруппировать соединенія государствъ на неравномъ правѣ кажутся намъ не удовлетворительными. Отмѣтимъ главнѣйшія. Brie, 30 ff. беретъ за основаніе группировки моментъ интереса: одни соединенія основаны на интересѣ властвующаго государства (das Interesse des übergeordneten Staates), другія на интересѣ зависящаго государства (dasjenige des abhängigen Staates); не входя въ дальнѣйшій ходъ разсужденій этого автора, мы должны сразу же отвергнуть это дѣленіе, за принципіальною невозможностью опредѣленнымъ образомъ установить въ каждомъ примѣрѣ соединенія на неравномъ правѣ, въ чьихъ интересахъ оно учреждено, а также въ виду того, что предложенное Brie основаніе лишено всякаго значенія для пониманія правовыхъ свойствъ соединенія.— Болѣе замѣчательна теорія Heilborn'a, 55: онъ различаетъ двѣ группы соединеній; одна—онъ относитъ къ ней государства подъ сюзеренитетомъ Турціи—характеризуется тѣмъ, что зависимое государство ограничено въ своей правоспособности, другая—протектораты—тѣмъ, что зависимое государство ограничено въ своей дѣеспособности, но сохраняетъ вполнѣ свою правоспособность. Это разсужденіе кажется намъ весьма натянутымъ. На дѣлѣ провести это различіе невозможно; оба соединенія основаны на томъ, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ высшее государство имѣетъ право актами своей власти обязывать низшее, т.-е. нѣкоторые акты отнесены къ компетенціи соединенія какъ одного цѣлаго и носителемъ этой общей компетенціи признано исключительно высшее государство; положеніе низшаго въ этомъ соединеніи сопряжено всегда съ несомнѣнными ограниченіями въ размѣрахъ его компетенціи; представлять себѣ это ограниченіе какъ ограниченіе именно дѣеспособности нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній; понятіе «ограниченіе дѣеспособности» предполагаетъ необходимо правовую возможность возвращенія къ ограниченному, при отпаденіи извѣстныхъ условій, полноты его правовой личности; между тѣмъ въ протекторатахъ, поскольку соединеніе существуетъ, постольку существуетъ и ограниченіе, и разницы въ этомъ отношеніи между первой и второй группами мы, при всемъ желаніи, не находимъ.—Наконецъ, въ самое послѣднее время Boghitchévitch, 189 ff. строитъ различіе между соединеніями,

Digitized by Google

Ограниченіе права войны, которое мы констатировали у государствъ, входящихъ въ составъ союза государствъ и союзнаго государства, повторяется въ соединеніяхъ на неравномъ правѣ. Прежде всего это ограниченіе характерно для всѣхъ почти протекторатовъ. Историческая функція этого соединенія государствъ въ большинствѣ случаевъ заключается въ томъ, что высшее государство стремится путемъ соединенія достигнуть установленія исключительнаго своего вліянія на низшее государство; наиболѣе вѣрнымъ средствомъ къ тому

основанными на протекторатѣ, и соединеніями, основанными на сюзеренитетѣ (онъ называетъ «Halbsouveräne Staaten»), слѣдующимъ образомъ: Im Protektorate behält der Unterstaat seine eigene Persönlichkeit, bei Halbsouveränetät erhält er sie; der halbsouveräne Staat ist zunächst völkerrechtlich weder rechts-noch handlungsfähig; durch das Ueberlassen von einigen sog. äusseren Souveränitätsrechten seitens des Suzeräns erlangt er eine beschränkte Rechtsfähigkeit und durch die Anerkennung resp. tatsächliche Ausübung seitens der Völkerrechtsgenossen auch eine beschränkte Handlungsfähigkeit... Der protegierte Staat hat an seiner Rechtsfähigkeit nichts eingebüsst, er verzichtet lediglich auf die Ausübung der gesammten sogenannten äusseren Hoheitsrechte, wird mithin vertraglich handlungsunfähig... Infolge dieser seiner unverletzten Persönlichkeit bleibt der Charakter der Trennung zwischen Oberstaat und Unterstaat stets gewahrt... Въ приведенныхъ довольно запутанныхъ опредѣленіяхъ отчасти воспроизводится разобранная только что теорія Heilborn'a, отчасти намѣчается нѣчто новое. Послѣ приведенныхъ уже возраженій противъ построенія различія между ограниченіемъ дѣеспособности и ограниченіемъ правоспособности, мы считаемъ себя въ правѣ свести остатокъ теоріи Boghitchévitch'a къ слѣдующему: соединеніе, основанное на протекторатѣ, имѣется тогда, когда оно возникло путемъ соглашенія между двумя дотолѣ независимыми другъ отъ друга государствами, соглашенія, въ силу котораго одно государство отказалось отъ своей независимости въ пользу другого государства; соединеніе, основанное на сюзеренитетѣ, будетъ тогда, когда ему предшествовало полное сліяніе высшаго и низшаго государства и когда соединеніе возникло въ силу постепеннаго самоограниченія высшаго государства. Но въ этомъ видѣ теорія Boghitchévitch'a оказывается сведенною къ нулю: моментъ, предшествующій тому или другому соединенію, совершенно безразличенъ съ точки зрѣнія догматическаго анализа его правового содержанія. Какъ тому, такъ и другому соединенію можетъ предшествовать и полное сліяніе, и полная взаимная независимость обѣихъ частей.

Digitized by Google

служитъ ограниченіе права низшаго государства самостоятельно управлять своими внѣшними отношеніями; не удивительно при этихъ условіяхъ, что почти всѣ протектораты содержатъ въ себѣ постановленіе: «высшее государство представляетъ низшее во всѣхъ его внѣшнихъ сношеніяхъ» [26]). При существованіи такого постановленія, конечно, рѣчи быть не можетъ о правѣ войны у низшаго государства: война есть безспорно одна изъ формъ «внѣшнихъ сношеній» государствъ и безъ ограниченія права войны у государства, находящагося подъ протекторатомъ, общее ограниченіе, лежащее въ приведенномъ постановленіи, не могло бы имѣть смысла.

Указанное ограниченіе нельзя признать въ одинаковой мѣрѣ свойственнымъ типу неравныхъ соединеній, основанныхъ на сюзеренитетѣ. Историческое разнообразіе отдѣльныхъ примѣровъ подобныхъ соединеній и крайне примитивная юридическая характеристика ихъ въ актахъ заставляютъ нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ о существованіи въ данномъ случаѣ такого ограниченія. Въ 1841 году возникаетъ Египетъ, какъ государство подъ сюзеренитетомъ Турціи; объемъ компетенціи новой политической единицы включалъ въ себѣ несомнѣнное право самостоятельно вести дѣло внутренняго управленія страною: широкія права, предоставленныя генералъ-губернаторамъ въ турецкомъ мѣстномъ управленіи, передавались Египетскому Пашѣ и его наслѣдникамъ какъ самостоятельная государственная компетенція; къ числу ихъ относилось и право содержать войско; несмотря на это фирманъ, положившій начало государственному существованію Египта самымъ категорическимъ образомъ отрицалъ право его вести

[26]) Такъ въ соединеніяхъ Франціи и: острововъ Товарищества (1842 и 1847), Комбоджи (1863), Аннама (1874 и 1884), Туниса (1881 и 1883), Мадагаскара (1885), Англія и: Афганистана (1879), Трансвааля (1881), Сѣвернаго Борнео, Брунеи (1888), Занзибара (1890), Италіи и Абиссиніи (1889); Heilborn, Das völkerrechtliche Protektorat, 40 ff. Мартенсъ, международное право, I, 260 сл.

Digitized by Google

внѣшнюю войну. Онъ говорилъ: «въ мирное время 18.000 человѣкъ будетъ достаточно для внутренней службы египетской провинціи; число ихъ не должно быть увеличиваемо. Но такъ какъ сухопутныя и морскія силы Египта сбираются только ради службы моей Блистательной Портѣ, то будетъ допускаться въ военное время увеличеніе ихъ до состава, который признаетъ необходимымъ моя Блистательная Порта» [27]). Восточная оболочка этого текста не мѣшаетъ ясно различить основную его мысль: египетское войско — часть войскъ турецкой имперіи, право пользоваться имъ для войны съ другими государствами принадлежитъ исключительно Турціи какъ цѣлому, никакъ не Египту; отсюда слѣдуетъ, что, даже отражая нападеніе на свою государственную территорію, Египетъ (какъ штатъ въ Соединенныхъ Штатахъ), дѣйствуетъ отъ имени Турціи, какъ органъ общей власти соединенія, защищающаго общую территорію, территорію турецкой имперіи въ обширномъ смыслѣ слова, и что всякая самостоятельная иниціатива въ дѣлѣ войны безусловно запрещена Египту. Съ теченіемъ дальнѣйшаго развитія отношеній между Египтомъ и Турціей предѣлы государственной компетенціи низшаго члена соединенія значительно расширились, но наложенный на Египетъ запретъ войны остался незатронутымъ. Онъ продолжаетъ de jure существовать и нынѣ [28]).

---

[27]) Фирманъ 1 іюня 1841 года; въ англійскомъ переводѣ у Holland, 112.

[28]) Правда, очень важнымъ фирманомъ 1873 года въ положеніе египетскаго войска внесена была большая перемѣна; этотъ фирманъ заключалъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: «Такъ какъ первая и основная обязанность Хедива есть охрана и защита страны, то онъ пользуется вполнѣ и цѣликомъ властью создавать всѣ средства и учрежденія для обороны и защиты, сообразно требованіямъ мѣста и времени и увеличивать и уменьшать число моихъ императорскихъ египетскихъ войскъ согласно надобности, безъ всякаго ограниченія»; самостоятельность военнаго управленія Египта здѣсь значительно шире, чѣмъ въ фирманѣ 1841 года, но эта самостоятельность нисколько не отражается на разграниченіи компетенціи въ сферѣ вопроса о правѣ войны;

Digitized by Google

Нѣсколько словъ слѣдуетъ сказать о теперь исчезнувшихъ соединеніяхъ Турціи и Дунайскихъ Княжествъ и Турціи и Сербіи; если взять минуту наиболѣе характернаго развитія этихъ основанныхъ на сюзеренитетѣ соединеній—Парижскій договоръ 1856 года, то мы увидимъ, что въ первомъ изъ нихъ ограниченіе права войны было expressis verbis установлено договоромъ, а во второмъ, напротивъ того, существованіе его подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Парижскій договоръ въ ст. XXVI говоритъ: «Въ Княжествахъ будетъ національная вооруженная сила, для охраненія внутренней безопасности и обезпеченія безопасности границъ. Никакія препятствія не будутъ допускаемы въ случаѣ чрезвычайныхъ мѣръ обороны, которыя съ согласія Блистательной Порты могутъ быть приняты въ Княжествахъ для отраженія нашествія извнѣ». Первое, что съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ этого текста, это безусловный запретъ наступательной войны, возложенный на Княжества. Менѣе яснымъ является второй пунктъ, можно ли на основаніи приведенной статьи сказать, какъ мы сказали относительно Египта, что за княжествами нельзя, равнымъ образомъ, признать право оборонительной войны и что, если ихъ войска и служатъ этой цѣли, то лишь отъ имени турецкой имперіи какъ цѣлаго, т.-е. можно ли себѣ юридически представить такой случай, что княжество ведетъ войну, въ которой сюзеренъ не участвуетъ. Безспорнаго отвѣта на этотъ вопросъ ни текстъ договора, ни протоколы Парижскаго конгресса не даютъ; международная практика не способна разъяснить это недоразумѣніе; Княжества всего разъ вели войну, но эта война была направлена именно на расторженіе соединенія съ Турціей.

египетское войско остается попрежнему «императорскимъ войскомъ Султана»; даже оборонительная война не составляетъ чисто египетскаго дѣла, а является исполненіемъ обязанности передъ соединеніемъ въ его цѣломъ, ведется отъ имени турецкой имперіи въ широкомъ смыслѣ. Въ 1879 году приведенный текстъ 1873 года замѣняется снова текстомъ 1841 года; Holland, 124, 127 ff.

Digitized by Google

Положеніе Сербіи по договору 1856 года нѣсколько отличается отъ положенія Княжествъ. Несмотря на то, что предѣлы государственной компетенціи обоихъ государствъ были опредѣлены совершенно одинаковой общею формулой, договоръ обошелъ молчаніемъ вопросъ о войскѣ въ Сербіи. Что вытекало изъ такого молчанія? Фактически сербское войско существовало въ моментъ заключенія договора; поэтому можно предполагать, что отсутствіе какихъ-либо ограниченій въ договорѣ являлось освященіемъ фактическаго положенія и свидѣтельствовало о невозможности провести ограниченіе самостоятельной въ этомъ отношеніи компетенціи Сербіи въ правовомъ актѣ, призванномъ регулировать взаимныя отношенія ея и Турціи. Съ другой стороны, однако, право войны едва-ли укладывается въ общихъ рамкахъ установленной договоромъ компетенціи Сербіи; ст. XXVIII указываетъ: «княжество сохранитъ свое независимое и національное управленіе и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства». Такимъ образомъ трудно дать въ данномъ случаѣ опредѣленную характеристику правовыхъ послѣдствій соединенія, а послѣдующая международная практика не разсѣиваетъ этого недоумѣнія.

Отсутствіе ограниченія права войны у государства подсюзереннаго несомнѣнно возможно. Намъ кажется, что примѣръ Болгаріи служитъ тому доказательствомъ. Берлинскій договоръ, создавая изъ прежней турецкой провинціи «самоуправляющееся и обязанное данью Княжество подъ сюзеренитетомъ Султана», идетъ совершенно инымъ путемъ въ опредѣленіи предѣловъ самостоятельной компетенціи новаго государства, нежели шелъ Парижскій договоръ относительно Молдавіи и Валахіи и Сербіи; онъ не указываетъ на то, что входитъ въ нихъ, а лишь то, что стоитъ за этими предѣлами, даетъ не перечисленія правъ Болгаріи, а перечисленіе правъ Турціи какъ изъятій изъ принципіальной автономности княжества. Этихъ изъятій договоръ знаетъ два — утвержденіе князя Турціей (ст. III) и ежегодную дань Болгаріи (ст. IX);

Digitized by Google

ограниченіе права войны не включено въ составъ этихъ изъятій; напротивъ того, однимъ изъ основныхъ признаковъ самостоятельнаго государственнаго существованія Болгаріи является на ряду съ «христіанскимъ управленіемъ» ея «національное ополченіе» (ст. I). Можно полагать поэтому, что право войны безусловно принадлежитъ Болгаріи; Берлинскій договоръ сознательно допускаетъ его и съ нимъ считается, предоставляя (ст. II in fine) Турціи значительныя льготы при разграниченіи ея территоріи отъ болгарской, именно для облегченія обороны отъ новаго государства [29]).

Сводя воедино приведенныя данныя относительно соединеній, основанныхъ на сюзеренитетѣ, мы не можемъ сказать категорически, вмѣстѣ съ недавнимъ изслѣдователемъ [30]), что право войны и сюзеренитетъ несовмѣстны, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны констатировать, что ограниченіе государственной компетенціи въ этомъ отношеніи дѣйствительно свойственно нѣкоторымъ изъ низшихъ государствъ въ такихъ соединеніяхъ, что при этомъ оно можетъ быть или безусловнымъ или ограничиваться случаями войны наступательной.

Такимъ образомъ на ряду съ постоянно нейтральными государствами запретъ войны распространяется на цѣлый рядъ другихъ членовъ международнаго общенія, а именно на государства, входящія въ составъ нѣкоторыхъ союзовъ государствъ и всѣхъ извѣстныхъ намъ союзныхъ государствъ и на часть государствъ, занимающихъ низшее мѣсто въ соединеніяхъ на неравномъ правѣ, будь то соединеніе, основанное на протекторатѣ или на сюзеренитетѣ. Если брать эти государства отдѣльно, отвлекаясь на минуту отъ ихъ участія въ корпоративномъ цѣломъ, то мы наблюдаемъ цѣ-

---

[29]) Болгарія въ началѣ войны съ Сербіей 1886 года держалась иного взгляда, утверждая, что, какъ зависимое государство, она не могла первая объявить войны; Грабарь, Объявленіе войны въ современномъ международномъ правѣ, Вѣстникъ Права, 1904, № 6, 194.

[30]) Boghitchévitch, 245: Kriegsrecht und Halbsouveränetät sind miteinander unvereinbar.

Digitized by Google

лый рядъ бросающихся въ глаза моментовъ сходства между ними и постоянно нейтральными. Правовое сходство мы уже указали; чрезвычайно характерно, что, если обратить вниманіе на историко-политическія послѣдствія, которыя вноситъ это правовое ограниченіе, то сходство внѣшней физіономіи сравниваемыхъ государствъ дѣлается еще замѣтнѣе; дѣйствительно, какая разница въ смыслѣ политическомъ между отдѣльно взятой Баваріей и Бельгіей: въ обоихъ государствахъ внѣшнія проявленія государственной воли сводятся къ дѣламъ хозяйственнаго и консульскаго характера [31]).

Но какъ бы ни были характерны моменты сходства, правовые и политическіе, между постоянно нейтральными и категоріей другихъ государствъ, лишенныхъ права войны, между ними лежитъ глубокая и принципіальная разница.

Различіе это заключается въ томъ, что запретъ войны для постоянно нейтральнаго представляетъ, во-первыхъ, высшую точку тѣхъ ограниченій, которыя лежатъ на нейтральномъ, тогда какъ для указанныхъ выше категорій государствъ такое ограниченіе лишь одно изъ послѣдствій болѣе важныхъ и болѣе принципіальныхъ ограниченій, а, во-вто-

---

[31]) Развѣ не можетъ быть отнесена къ постоянно нейтральному слѣдующая характеристика, которую даетъ Hänel членамъ германской имперіи? Die Einzelstaaten verfassungsmässig und völkerrechtlich aufgehört haben das zu sein, was im eminenten Sinne als Macht bezeichnet wird. Dies ist nur das Reich. Die Stellung als Macht aber ist es die die Voraussetzung bildet für jene auswärtige Thätigkeit die in steter Abwägung der gegenseitigen Machtverhältnisse den Einfluss des Staaten auf die Entwicklung der Völkergemeinschaft in ihren friedlichen und freundlichen, neutralen und feindlichen Beziehungen zur Geltung bringt und begrenzt. Sie erzeugt wenn auch in rechtlichen Merkmalen nicht scharf definierbar doch in deutlicher Abhebung von den völkerrechtlichen Detailverhältnissen, die «grosse Politik». Zu dieser grossen Politik ist um der verfassungsmässigen Ausschliesslichkeit seiner Eigenschaft als Macht willen und unter Ausschluss der Einzelstaaten, die verfassungsmässig Mächte nicht sind, allein das Reich berufen, mag sich dieselbe in besonderen völkerrechtlichen Akten wie europäischen Kongressen und Verträgen, oder in der Einflussnahme des fortlaufenden diplomatischen Verkehres äussern; Hänel, 553 f.

Digitized by Google

рыхъ, онъ не компенсируется расширеніемъ компетенціи другихъ государствъ, какъ компенсируется, напр., запретъ войны у Баваріи передачей права войны отъ имени имперіи имперскимъ органамъ.

Это различіе объясняется всецѣло тою огромною разницею, которая лежитъ между общими задачами, давшими рожденіе тому и другому запрету. Ограниченіе права войны, скажемъ, у члена союзнаго государства вовсе не служитъ интересамъ мира; оно скорѣе служитъ интересамъ войны. То же ограниченіе у нейтральнаго служитъ, напротивъ того, исключительно задачѣ умиротворенія международныхъ отношеній; только во имя этой идеи государство приноситъ здѣсь въ жертву одно изъ своихъ правъ; дальнѣйшихъ жертвъ, другихъ высшихъ ограниченій эта идея не требуетъ и за предѣлами запрета войны и его необходимыхъ послѣдствій различіе между всякимъ другимъ полноправнымъ субъектомъ права международнаго и нейтральнымъ исчезаетъ.

4. Предшествующее изложеніе имѣло цѣлью доказать, что въ томъ правовомъ институтѣ, который мы изучаемъ, характернымъ моментомъ является моментъ наложеннаго на свободную вообще личность постоянно нейтральнаго государства ограниченія права войны, что этотъ моментъ составляетъ особенность, выдѣляющую институтъ изъ ряда другихъ и дающую ему право на самостоятельное положеніе въ догмѣ международнаго права.

Постараемся строго юридически выразить эту разницу между государствомъ постоянно нейтральнымъ и государствомъ нормальнаго типа, разницу, которую мы до сихъ поръ скорѣе описывали, нежели опредѣляли. Чтобы сдѣлать это, необходимо указать отношеніе къ войнѣ государства нормальнаго типа. Только этимъ путемъ мы можемъ установить точную характеристику постоянно нейтральнаго, ибо разъ мы признаемъ, напримѣръ, что государство нормальнаго типа имѣетъ право воевать и что за нимъ признается такое субъективное право, то тѣмъ самымъ отличіе отъ него постоянно нейтральнаго сведется къ тому, что послѣднее лишено

Digitized by Google

этого права; если мы будемъ, напротивъ того, отрицать существованіе субъективнаго права войны, то намъ придется отказаться отъ характеристики постоянно нейтральнаго, какъ лица, лишеннаго права воевать, и искать другого опредѣленія.

Намѣченный вопросъ обнимаетъ собой старинную проблему науки международнаго права, проблему о соотношеніи войны и права. Несмотря на то, что, кажется, нѣтъ ни одного писателя, который не голосовалъ бы въ общемъ рядѣ по этому вопросу, намъ представляется, что проблема еще не исчерпана и что послѣднее слово не сказано. Насъ интересуетъ здѣсь одна сторона того, что разумѣется, когда говорятъ о соотношеніи войны и права: вопросъ о томъ, имѣетъ ли государство право воевать. всегда ли и безусловно ли; не лежитъ ли въ этомъ отношеніи какихъ-либо запретовъ на государствѣ; можно ли признать, что есть налицо въ точномъ смыслѣ международное субъективное право на войну.

Крайне интересна и поучительна исторія этой проблемы о соотношеніи войны и права въ доктринѣ международнаго права. Обзоръ попытокъ ея разрѣшенія даетъ возможность опредѣлить всѣ ея трудности и оріентироваться въ ней; поэтому, — не увлекаясь впрочемъ историко-литературными задачами и не упуская изъ виду, что здѣсь значеніе имѣютъ лишь конечные результаты развитія вопроса,—мы должны нѣсколько остановиться на томъ, какъ ставилась и какъ разрѣшалась проблема войны и права въ литературѣ [31a]).

Наиболѣе распространенная и до сихъ поръ нераздѣльно царствующая въ литературѣ нѣкоторыхъ національностей доктрина ищетъ разрѣшенія вопроса по слѣдующей въ общихъ чертахъ схемѣ. Она исходитъ изъ того, что на веденіе войны государство должно быть управомочено и что лишь при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ можно

[31a]) Исторія вопроса излагается только у Rettich, Zur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege, Stuttgart, 1888, 37 ff., но далеко не полно.

Digitized by Google

признать такое право войны за государствомъ; задачею международноправовой доктрины является опредѣленіе условій, при наличности которыхъ возникаетъ соотвѣтствующее субъективное международное право; такимъ образомъ, признаніе субъективнаго права на войну, съ одной стороны, и условность этого права, съ другой, представляютъ характерные пункты этого ученія. Въ рамкахъ этой схемы существуетъ много варіантовъ, въ основѣ своей не отступающихъ однако же отъ только что указаннаго.

Въ такомъ видѣ господствующая доктрина восходитъ очень далеко въ глубь исторіи, и то, что говорится на эту тему теперь, является повтореніемъ или видоизмѣненіемъ давно уже сказаннаго.

Наибольшее вліяніе на установленіе этого типическаго ряда мыслей имѣлъ, повидимому, Гроцій. Его разсужденіе распадается на двѣ части. Первый рядъ мыслей въ первой книгѣ de jure belli ac pacis служитъ отвѣтомъ на вопросъ, который ставится во второй главѣ «можетъ ли быть справедливымъ воевать» (an bellare unquam justum sit). Отвѣтъ заключается въ утвержденіи, что война позволена. Доказательства отсутствія запрета расположены въ большомъ порядкѣ. Перечисляя всевозможныя формы права, Гроцій спрашиваетъ себя, дозволена ли война правомъ естественнымъ, дозволена ли война правомъ произвольнымъ въ двухъ его видахъ: правомъ произвольнымъ человѣчества и правомъ произвольнымъ божественнымъ. Правомъ естественнымъ война дозволена: «разсматривая указанія природы, мы не находимъ въ нихъ ничего осуждающаго войну: война ведется для сохраненія жизни государства и жизни его членовъ и достиженія или сохраненія вещей, полезныхъ для жизни, а это въ высшей степени соотвѣтствуетъ основнымъ движеніямъ природы» [32]). Произвольное человѣческое право также не

[32]) Liv. I, ch. II, § I, 5... Мы пользуемся извѣстнымъ французскимъ изданіемъ Du droit de la guerre et de la paix par Hugues Grotius, Nouvelle traduction par Jean Barbeyrac, Basle, M DCC XLVI, t. 1, p. 68. Столь характерный для Гроція пантеистическій моментъ,

Digitized by Google

запрещаетъ войны: «исторія, законы и нравы всѣхъ народовъ показываютъ, что обращеніе къ оружію дозволено» [33]). Наконецъ въ произвольномъ правѣ, имѣющемъ своимъ источникомъ Бога, равнымъ образомъ нѣтъ такого запрета: двѣнадцать аргументовъ приводятся Гроціемъ въ пользу такого отрицательнаго вывода, а затѣмъ семь, приводимыхъ въ доказательство существованія запрета, опровергаются [34]). Итакъ война дозволена; но уже въ только что приведенныхъ разсужденіяхъ первой книги заключается намекъ на нѣкоторую оговорку: произвольное право людей, говорилось тутъ, конечно, не осуждаетъ безусловно войны; отсюда слѣдуетъ, что при нѣкоторыхъ условіяхъ возможенъ запретъ и нѣкоторыя войны признаются не правомѣрными. Этотъ намекъ развивается во второй книгѣ. Вообще война, по общему правилу не запрещенная, не всегда правомѣрна: она можетъ при извѣстныхъ условіяхъ категорически запрещаться. Книга вторая открывается разсужденіемъ «о справедливыхъ основаніяхъ войны» (justa causa belli). Не всякое основаніе достаточно для того, чтобы оправдать войну. Послѣдняя дозволена только если имѣется «справедливое основаніе». Чтобы найти эти «справедливыя основанія», Гроцій прибѣгаетъ къ слѣдующимъ размышленіямъ: только тамъ, гдѣ нельзя добиться правды путемъ правосудія, можно обратиться къ войнѣ, поэтому справедливыя основанія для обращенія къ войнѣ должны быть тѣ же, что и для обращенія къ правосудію; такія основанія—или угрожающее правонарушеніе или правонарушеніе, уже имѣвшее мѣсто. Такъ какъ въ томъ случаѣ, когда нарушеніе уже имѣло мѣсто, рѣчь можетъ идти о возвращеніи неправомѣрно отнятаго и о наказаніи, то справедливыя основанія войны сводятся

отражающій вліяніе стоиковъ, здѣсь выступаетъ весьма ярко. Ср. по этому вопросу Hasbach, Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von François Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Oekonomie, 1890, 35.

[33]) Ibid., § IV.

[34]) Ibid., §§ V—IX.

Digitized by Google

къ тремъ: защита отъ угрожающаго нападенія, возвращеніе того, что намъ принадлежитъ, и наказаніе [35]). Внѣ этихъ трехъ основаній война неправомѣрна [36]).

Доктрина Гроція сводится къ двумъ положеніямъ: отсутствіе общаго запрета войны, съ одной стороны, и неправомѣрность войны при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ, съ другой. Что значитъ это понятіе неправомѣрной, несправедливой войны? Гроцій говоритъ, что неправомѣрность нѣкоторыхъ основаній войны вытекаетъ изъ противорѣчія ихъ съ произвольнымъ правомъ людей, съ правомъ международнымъ; поэтому такая война является въ глазахъ Гроція нарушеніемъ международнаго права. Напротивъ того, при наличности справедливаго основанія, государство, объявляя войну, пользуется предоставленнымъ ему субъективнымъ правомъ. Отсюда все ученіе резюмируется слѣдующимъ положеніемъ: при извѣстныхъ условіяхъ и только при наличности таковыхъ государство имѣетъ право на войну; при отсутствіи этихъ условій война—международное правонарушеніе, актъ «разбойничества», какъ въ одномъ мѣстѣ выражается Гроцій [37]).

Проходитъ цѣлое столѣтіе, но ученіе Гроція въ основныхъ своихъ чертахъ остается неизмѣннымъ; типическій примѣръ доктрины 18-го вѣка — Ваттель; у него находимъ слѣдующій отвѣтъ на вопросъ о соотношеніи войны и права, выливающійся сравнительно съ Гроціемъ въ форму болѣе сухую и жесткую. Самое опредѣленіе войны подчиняется общему направленію разбираемой доктрины: «la guerre est un état dans lequel on poursuit son droit

---

[35]) Liv. II, ch. I, §§ I—II.

[36]) Гроцій приводитъ рядъ примѣровъ войны неправомѣрной; Liv. II, ch. XXII. Кромѣ случаевъ справедливыхъ и несправедливыхъ войнъ существуетъ, по мнѣнію Гроція, еще третья категорія случаевъ—войны, которыхъ основаніе сомнительно: «уже Аристотель говорилъ, добавляетъ Гроцій, что въ наукахъ духовныхъ нѣтъ выводовъ математически точныхъ»; Liv. II, ch. XXIII, §§ I, II, XIII.

[37]) Liv. II, ch. I, § III.

Digitized by Google

par la force» [38]). Для наличности войны въ смыслѣ международнаго права необходимо, чтобы былъ налицо этотъ моментъ стремленія осуществить свое право; всякая война, въ которой этого момента нѣтъ, не имѣетъ даже права на это наименованіе, составляетъ нѣчто недопустимое съ правовой точки зрѣнія; отсюда различіе войны правомѣрной и неправомѣрной и признаніе права войны за государствами лишь условно. «Право обращаться къ силѣ и вести войну принадлежитъ народамъ только для ихъ обороны и для охраны ихъ правъ»; чтобы выразить условія, при наличности которыхъ возникаетъ указанное субъективное право, Ваттель прибѣгаетъ къ общему понятію, котораго не было у Гроція, но которое имѣло большой успѣхъ въ позднѣйшей, особенно англійской литературѣ, къ понятію «injure», правонарушеніе. «Основаніе всякой правомѣрной войны — правонарушеніе или уже совершившееся или угрожающее» [39]). Понятіе «injure»—новшество Ваттеля; конечно, само по себѣ оно ничего не прибавляетъ къ доктринѣ Гроція и лишь обобщаетъ его три основанія справедливой войны [40]).

---

[38]) Livre III, ch. I, § 1. Мы пользуемся изданіемъ le droit des gens par Vattel, nouvelle édition, à Paris, 1820.

[39]) Livre III, ch. III, § 26.

[40]) Въ анализѣ этого понятія мы находимъ совершенно новую точку зрѣнія, весьма характерную для многихъ изъ преемниковъ швейцарскаго эклектика. Не всякое правонарушеніе, разсуждаетъ Ваттель, даетъ право на войну, необходимо, чтобы были нарушены «les droits parfaits» народа, его основныя права въ отличіе отъ «droits imparfaits», правъ производныхъ. Разграниченіе этихъ двухъ категорій правъ у Ваттеля вообще весьма неопредѣленно. Онъ въ сущности еще плохо различаетъ понятія droits parfaits и droits imparfaits. Общее его опредѣленіе—le droit parfait est celui auquel se trouve joint le droit de contraindre ceux, qui ne veulent pas satisfaire à l'obligation qui y répond, et le droit imparfait est celui qui n'est pas accompagné de ce droit de contrainte (Préliminaire, § 17)—даетъ лишь логическій кругъ; онъ пытается выйти изъ него указаніемъ, что un droit imparfait имѣется тогда, когда исполненіе соотвѣтствующей ему обязанности зависитъ отъ доброй воли другого государства (?); ibid., § 16. Когда послѣ Клюбера док-

Digitized by Google

Интересъ только что приведенныхъ выдержекъ изъ двухъ наиболѣе вліятельныхъ книгъ по международному праву 17-го и 18-го вѣковъ заключается въ томъ, что въ нихъ почти во всей подробности намѣчается рядъ мыслей, которыми оперируетъ и современная доктрина: если въ послѣднее время и выдвигаются новыя точки зрѣнія, то появленіе ихъ также объясняется лишь въ связи съ этимъ рядомъ мыслей, которыхъ опроверженіемъ онѣ служатъ.

Обратимся, прежде всего, къ классической доктринѣ, доктринѣ Гроція и Ваттеля, въ томъ видѣ, въ какомъ она выражается писателями 19-го столѣтія. Прежде всего, мы должны отмѣтить существованіе группы правовѣрныхъ послѣдователей только что изложенныхъ взглядовъ, рабски повторяющихъ Гроція и Ваттеля. Въ наиболѣе чистомъ видѣ мы находимъ ихъ у нѣмцевъ, писавшихъ въ первой четверти 19-го столѣтія, и затѣмъ у англичанъ и американцевъ вплоть до конца 19-го столѣтія [41]).

трина основныхъ правъ окончательно утверждается въ литературѣ, неясное указаніе Ваттеля начинаетъ часто воспроизводиться. Опредѣляя правонарушеніе, какъ основаніе правомѣрной войны, по почину Ваттеля говорятъ о нарушеніи «основныхъ правъ», изыскивая лишь болѣе точное ихъ опредѣленіе; характерны въ этомъ отношеніи разсужденія Woolsey и въ особенности Bulmerincq'a.

[41]) Развѣ не характерна въ этомъ отношеніи такая цитата изъ во многихъ отношеніяхъ интереснаго учебника Шмельцинга: «Keine Verletzung eines unvollkommenen, wohl aber eines vollkommenen Rechts, es sei dieselbe schon geschehen, gegenwärtig oder mit Grund zu befürchten, kann, wenn nicht Konventionen behindern, wenigstens strafenweise, sobald gelinde Mittel vergeblich versucht werden, nach den strengen äusseren Völkerrechte, ein gültiger Rechtsfertigungsgrund des Krieges werden. Schmelzing, Systematischer Grundriss des praktischen Europäischen Völker-Rechtes, III, Rudolstadt, 1820, 118 f. Cp. Martens, Précis de droit des gens moderne de l'Europe, изданіе 1820 года, въ перепечаткѣ Vergé 2-e édition, Paris, 1864, II, 207 § 265. Въ литературѣ на англійскомъ языкѣ мы находимъ такія опредѣленія: «a just war is an attempt to obtain justice or to prevent injustice by force, or, in other words, to bring back an injuring party to a right state of mind and conduct by the infliction of desewed evil» (Woolsey, Introdution, 135) или, еще характернѣе, «the

Digitized by Google

На ряду съ пассивнымъ воспроизведеніемъ мыслей классической доктрины мы замѣчаемъ, что вокругъ этого признаваемаго не подлежащимъ пересмотру круга мыслей происходитъ нѣкоторая умственная работа, направленная на то, чтобы связать его съ основными проблемами и понятіями международнаго права. Эта работа имѣетъ цѣлью, во-первыхъ, указать положеніе права на войну въ ряду другихъ международныхъ правъ и въ частности основныхъ международныхъ правъ, а, во-вторыхъ, опредѣлить функціи такого права въ цѣломъ международноправовой системы какъ средства охраны этой послѣдней. Намѣтимъ видоизмѣненія, которыя вноситъ эта работа въ доктрину права на войну.

Исторія возникновенія теоріи «основныхъ правъ» сдѣлалась въ послѣднее время предметомъ самаго оживленнаго изученія. Еллинеку въ Германіи, Ковалевскому въ Россіи удалось прослѣдить источники знаменитой déclaration des droits de l'homme, давшей окончательную санкцію понятію основныхъ публичныхъ правъ и пустившей его въ оборотъ [42]).

---

justifiable causes of war are injuries received or threatened... The justifiable objects of war may, therefore, be divided into three classes or subdivisions: 1-st, to secure what belongs or is due to us; 2-nd, to provide for our future safety by obtaining reparation for injuries done to us, and 3-rd, to protect ourselves and property from a threatened injury» (Halleck's International law, 3-rd edition by Baker, London, 1893, I, 489). Можетъ быть всего любопытнѣе эта теорія въ оболочкѣ философской терминологіи Гегеля: оправдываетъ войну eine Rechtsverletzung, но überdem kann der Staat als Geistiges überhaupt nicht dabei stehen bleiben, bloss die Wirklichkeit der Verletzung beachten zu wollen, sondern es kommt die Vorstellung von einer solchen als einer von einem andern Staate drohenden Gefahr, mit dem Herauf-und Hinabgehen an grösseren oder geringeren Wahrscheinlichkeiten, Vermuthungen der Absichten u. s. f. als Ursache von Zwisten hinzu. Hegel's Grundlinien der Philosophie des Rechts, herausg. von Gans, Berlin, 1833, 427 f (§ 335).

[42]) Доктрину основныхъ правъ мы находимъ уже въ англійской памфлетной литературѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ 17 вѣка («левеллеры»); Ковалевскій, Родоначальники англійскаго радикализма, Русская Мысль, 1892, I, 3 слл. II, 59; Jellinek, Die Erklärung der Menschen-und Bürgerrechte, Leipzig, 1896, 31 ff.; о зачаткахъ идеи въ средневѣковой литера-

Digitized by Google

При этомъ высказывалась попутно догадка, что теорія основныхъ правъ государства въ правѣ международномъ возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ ученій публицистики 18-го вѣка о «правахъ человѣка» [43]). Появляющееся въ международноправовой литературѣ начала 19-го столѣтія стремленіе выдѣлить въ особую группу такъ называемыя основныя права государствъ находится дѣйствительно въ непосредственной зависимости отъ моднаго лозунга въ сосѣдней отрасли правовѣдѣнія.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить, что рубрика «основныхъ правъ» формулирована окончательно въ сочиненіи Клюбера, появившемся въ 1819 году, какъ разъ въ ту минуту, когда ученіе объ основныхъ правахъ человѣка начинаетъ пріобрѣтать шаблонный характеръ въ литературѣ государственнаго права [43a]). Изложеніе международнаго права открывается у Клюбера обзоромъ «абсолютныхъ международныхъ правъ государствъ» (droits absolus des états de l'Europe entre eux). Такихъ основныхъ правъ три: «право самосохраненія», «право независимости» и «право равенства». Чѣмъ заполнены эти рубрики, насъ здѣсь не интересуетъ: мы видимъ тутъ столь знакомое включеніе разсужденій по уголовному и процессуальному международному праву, о выдачѣ, торговыхъ договорахъ и проч. въ ученіе о правѣ независимости, размышленія о титулахъ государей и о морскихъ церемоніальныхъ обычаяхъ въ теоріи права равенства и т. д. Слѣдуетъ обратить вниманіе лишь на одинъ важ-

---

турѣ и у нѣмецкихъ представителей ранней школы естественнаго права. Gierke, Johannes Althusius und die Entwicklung des naturrechltichen Staatstheorien, Breslau, 1880, 275 n. 29, 113 f.; классической страной доктрины въ 18 столѣтіи являются Соединенные Штаты, откуда она и взята французской революціей Jellinek, 11 ff. Esmein, Eléments de droit constitutionnel, Paris, 1896, 380 ss., Ковалевскій, Происхожденіе современной демократіи, II, 56.

[43]) Jellinek, System der subjectiven öffentlichen Rechte, Freiburg i. B., 1892, 297.

[43a]) Jellinek, System, 3.

Digitized by Google

ный пунктъ въ Клюберовской теоріи основныхъ правъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ вопросу о правѣ на войну. Право на войну есть для Клюбера одно изъ проявленій основнаго права самосохраненія [44]). Что значитъ въ устахъ его такое положеніе о правѣ на войну, какъ «правѣ основномъ»?

Обращаясь къ его опредѣленію основныхъ правъ, мы находимъ слѣдующее, непосредственно отражающее на себѣ вліяніе теоріи основныхъ правъ человѣка разсужденіе: «Есть права, которыя принадлежатъ всякому государству по отношенію къ другимъ просто въ виду того, что оно государство, т.-е. въ силу его духовной и свободной личности. Совокупность этихъ первичныхъ правъ именуется правомъ абсолютнымъ или тетическимъ. Есть другія права, которыя государства получаютъ лишь въ силу особыхъ обстоятельствъ, проистекающихъ или изъ отношеній дружбы, или изъ войны и предполагающихъ слѣдовательно особое основаніе: эти права составляютъ международное право условное или гипотетическое [45]). Права абсолютныя, непосредственно вытекая изъ самаго бытія государства, какъ свободной нравственной личности, «неотчуждаемы» въ томъ смыслѣ этого слова, въ которомъ говорилось о «неотчуждаемыхъ правахъ» человѣка.

Такимъ неотчуждаемымъ правомъ, вытекающимъ изъ бытія государства, является и право на войну. Спросивъ себя, откуда и какъ снабжается государство этимъ «тетическимъ» правомъ, мы наталкиваемся на тотъ естественноправный фундаментъ, который порождаетъ одинаково и теорію основныхъ правъ человѣка, и теорію основныхъ правъ государства. «Государства суть нравственныя личности, пользующіяся естественной свободою; ихъ взаимныя права тѣ же, что взаимныя права людей въ состояніи естественной свободы»; въ частности «государство, какъ всякій отдѣль-

---

[44]) J. L. Klüber. Droit des gens moderne de l'Europe, Revu, annoté et complété par Ott, 2-e édition, Paris, 1874, 69. § 39.

[45]) § 36.

Digitized by Google

ный индивидуумъ, живущій въ естественномъ состояніи, имѣетъ право силой защищать себя противъ существующихъ или угрожающихъ правонарушеній» [46]).

Дополненіе, внесенное въ теорію права войны Клюберомъ, имѣло большой успѣхъ, и мѣсто, указанное этому праву въ каталогѣ основныхъ правъ, осталось за нимъ надолго. Гдѣ бы мы ни встрѣтили разсужденіе на тему объ основныхъ правахъ, мы всюду наталкиваемся на право воевать, какъ на одинъ изъ видовъ этой группы правъ. Примѣровъ можно привести сколько угодно. Геффтеръ, перечисляющій какъ «основныя права» (die allgemeinen Rechte по его терминологіи) право на существованіе, право на уваженіе личности и право на общеніе, расчленяетъ первое на нѣсколько правъ, въ томъ числѣ на право самосохраненія, включающее прежде всего право на войну [47]) Wheaton къ «абсолютнымъ» международнымъ правамъ относитъ право самосохраненія, которое «необходимо включаетъ всѣ другія права, существенныя для достиженія этой цѣли» [48]). Ф. Ф. Мартенсъ увеличиваетъ списокъ основныхъ правъ до шести пунктовъ, гдѣ рядомъ съ правомъ самосохраненія, территоріальности, независимости, правомъ на уваженіе и честь, на международное общеніе, выдѣляется шестое основное право — право принужденія; характеристика послѣдняго такова — «каждому государству, какъ международной личности, присуще право охранять

[46]) §§ 37 и 232. Насколько базисъ Клюберовской теоріи права войны, оказавшей огромное вліяніе на всю послѣдующую доктрину, носитъ естественноправовой характеръ, совершенно очевидно, если сопоставить приведенныя выдержки съ такой цитатой изъ Канта: Im natürlichen Zustande der Staaten ist das Recht zum Kriege die erlaubte Art, wodurch der Staat sein Recht gegen einen anderen Staat verfolgt, nämlich, wenn er von diesem sich lädirt glaubt, durch eigene Gewalt; Kant, Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, Königsberg, 1797, 220. Разница лишь та, что Клюберъ стремится освѣщать положительное право, а Кантъ строитъ нормативную схему.

[47]) У насъ подъ руками Heffter, Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart, 4-e Auflage, Berlin, 1861, §§ 26 ff, bes. § 30.

[48]) Lawrence's Wheaton, 2-d edition, Boston, 1863, 116.

Digitized by Google

всѣми законными средствами свои права и интересы въ отношеніи какъ другихъ государствъ, такъ и ихъ подданныхъ. Право принужденія имманентно всѣмъ дѣйствіямъ и мѣропріятіямъ государствъ въ области взаимныхъ ихъ отношеній. Оно находится въ латентномъ состояніи въ мирное время, когда законные интересы и права государства уважаются. Оно вступаетъ въ дѣйствіе съ момента возникновенія серьезнаго международнаго столкновенія и исключительно господствуетъ во время войны» [49]).

Это признаніе права на войну—правомъ основнымъ есть первая часть работы, посвященной литературою XIX вѣка на дополненіе или улучшеніе теоріи, унаслѣдованной отъ предшествующихъ вѣковъ. Эта первая часть является лишь внѣшнимъ дополненіемъ и развитіемъ доктрины Гроція и Ваттеля, внутреннее содержаніе которой остается первоначально безъ измѣненій. Другая часть работы идетъ на нѣкоторое улучшеніе именно внутренняго содержанія старыхъ ученій: «правомѣрной» войнѣ традиціонной доктрины придается значеніе санкціи международнаго права, а соотвѣтствующее условное правомочіе превращается въ орудіе охраны неприкосновенности послѣдняго, данное государству.

То обстоятельство, что среди приведенныхъ выше писателей только одинъ, Ф. Ф. Мартенсъ, даетъ самостоятельное положеніе праву принужденія въ спискѣ основныхъ правъ, а всѣ другіе признаютъ въ немъ лишь видъ или послѣдствіе права самосохраненія, права на неприкосновенность бытія и т. д., заключаетъ въ себѣ уже нѣкоторый намекъ на то направленіе, по которому слѣдуетъ внутреннее улучшеніе содержанія старой доктрины о правѣ на войну. Дѣйствительно усматривая въ правѣ на войну лишь видъ или послѣдствіе права самосохраненія, литература тѣмъ самымъ даетъ извѣстную общую характеристику условій, при которыхъ государство, воюя, оказывается дѣйствующимъ въ силу принадлежащаго ему основного, абсолютнаго права: это право

[49]) Мартенсъ, I, 295 слл. §§ 72 слл.

Digitized by Google

дано государству только для самозащиты, функція этого права и его содержаніе — служить охранѣ независимаго и неприкосновеннаго бытія государства. Если вдуматься въ это (сдѣланное въ данной связи, быть можетъ, и безсознательно) указаніе, то въ немъ нельзя не видѣть стремленія юридически точно указать то мѣсто, которое занимаетъ въ международноправовой системѣ явленіе, на первый взглядъ столь мало отвѣчающее началамъ порядка и мира.

Повторяю, въ данномъ случаѣ мы находимъ лишь намекъ на это стремленіе; послѣднее гораздо лучше выразилось въ прямыхъ попыткахъ улучшить содержаніе доктрины о «справедливыхъ основаніяхъ войны», которыя съ разныхъ сторонъ предпринимаются въ литературѣ 19-го столѣтія. Цѣль, которая преслѣдуется при этомъ, никѣмъ не высказывается, но она совершенно ясна. Быть можетъ, наиболѣе характернымъ свойствомъ всѣхъ, до самаго послѣдняго времени, научныхъ построеній въ этой области, служитъ сознательное или безсознательное желаніе (сознательное при открытой естественноправовой методѣ, безсознательное—при методѣ позитивной) дать нѣчто бо̀льшее и болѣе совершенное въ ученой системѣ, чѣмъ то, что даетъ жизнь. Научная доктрина съ трудомъ мирится съ мягкостью и незаконченностью правового развитія международныхъ отношеній, съ огромными пробѣлами, ничѣмъ не восполняемыми въ дѣйствительности—и прибѣгаетъ, чтобы скрыть ихъ, къ дополненію положительнаго права нормами, существующими лишь въ правосознаніи авторовъ и выдаваемыми за право дѣйствующее. Явленіе это особенно рѣзко сказывается въ теоріи права на войну. Уже разсужденія на тему о «справедливыхъ основаніяхъ» войны свидѣтельствовали объ этомъ; они отвѣчали потребности заключить то жестокое проявленіе произвола и насилія, какимъ служитъ война, въ нѣкоторыя правовыя грани, за которыми произволъ и насиліе оставались бы произволомъ и насиліемъ, но внутри коихъ они были бы оправданы. Въ 19-мъ столѣтіи эти разсужденія обобщаются, и литература

Digitized by Google

начинаетъ доказывать, что право на войну призвано исполнять въ цѣломъ международноправовой системы почетную и юридическую функцію, что соотношеніе войны и права является соотношеніемъ гармоническимъ, что они не исключаютъ, а взаимно дополняютъ другъ друга.

Синтетическія попытки оріентируются въ двухъ направленіяхъ, между собою строго не разграниченныхъ и весьма часто перепутывающихся: одни стараются объяснить войну какъ процессъ и придаютъ праву войны значеніе своего рода actio; вторые говорятъ о «правѣ обороны» и хотятъ воспользоваться для своего построенія понятіями права уголовнаго.

О войнѣ, какъ о процессѣ, говорилось давно. Мы находимъ въ учебникѣ Sir Travers Twiss'a цитату изъ Бэкона, въ которой война опредѣляется какъ высшій международный трибуналъ, гдѣ Богъ указываетъ правыхъ и виновныхъ [50]); та же мысль мелькаетъ въ литературѣ 19-го вѣка [51]), и отъ этой «метафизики» войны трудно отдѣлаться, ибо она отвѣчаетъ глубокому инстинкту людей на всѣхъ ступеняхъ культуры, отъ самыхъ первобытныхъ до высшихъ [52]).

---

[50]) Lord Bacon speaks of wars as being «the highest trials of Right, when Princes and States, that acknowledge no superior upon earth shall put themselves upon the justice of God for the deciding of their controversies by such success, as it shall please Him to give on either side. And as in the process of particular pleas between private men all things ought to be ordered by the rules of Civil Laws, so in the proceeding of War nothing ought to be done aigainst the Law of Nature or the Law of Honour»... Sir Travers Twiss, The law of nations, On the rights and duties of nations in time of war, 2-d edition, Oxford — London, 1875, 51.

[51]) Souveräne Mächte haben keinen Richter hienieder; der Krieg ist bei ihren Streitigkeiten der Process, welchen sie mit einander vor dem Tribunale des Schicksals führen, und der Sieg ist der Ausspruch dieses Tribunals. Das europäische Völker-Recht in acht Büchern, vom Geheimen Rath Schmalz zu Berlin, Berlin, 1817, 54.

[52]) Rivier, Principes du droit des gens, II, Paris, 1896, 202, замѣчаетъ: le vieux mot germanique Urlog, que le Néerlandais a conservé

Digitized by Google

Рядомъ съ этимъ мысль о войнѣ, какъ процессѣ, развивалась въ литературѣ 19-го вѣка какъ чисто юридическая, не имѣющая ничего общаго съ метафизикой войны теорія. Въ чистомъ видѣ эту теорію мы находимъ впервые у извѣстнаго въ свое время писателя Pölitz'a въ пятой части его Die Staatswissenschaften im Lichte unsrer Zeit, посвященной международному праву. Вотъ его характеристика войны: «война, съ точки зрѣнія принциповъ разума, есть споръ о правѣ въ широкомъ смыслѣ, процессъ между самостоятельными и независимыми государствами, не знающими надъ собою судьи и поэтому управомоченными обращаться къ самозащитѣ для обороны своихъ правъ» [53]). Такимъ образомъ функція войны въ правѣ международномъ отождествляется съ функціей суда въ другихъ отрасляхъ права; юридически допустима лишь война-процессъ, и все, что лежитъ внѣ этихъ рамокъ, представляетъ сферу факта, съ правовой точки зрѣнія необъяснимаго. При такомъ видоизмѣненіи утвержденіе старой доктрины — при нѣкоторыхъ условіяхъ для каждаго государства возникаетъ право на войну — сводится къ болѣе краткой формулѣ — государство имѣетъ право на войну каждый разъ, какъ война является споромъ о правѣ, международноправовымъ процессомъ. Сдѣлать такое обобщеніе было не трудно послѣ того, что было сказано въ 17 и 18 вѣкахъ о правомѣрномъ основаніи войны и, дѣйствительно, къ нему, повидимому совершенно другъ отъ друга независимо, приходятъ ученые разныхъ европейскихъ національностей; мы говоримъ независимо другъ отъ друга потому, что у дѣйствительно вліятельныхъ писателей,

(oorlog), a le sens abstrait d'un jugement d'où dépend le sort des nations; c'est le plus beau des termes qui désignent la guerre et le plus suggestif; il nous montre chez les germains la vieille croyance que Dieu donne la victoire et que la guerre est un jugement de Dieu, la suprême ordalie des peuples.

[53]) Pölitz, Die Staatswissenschaften im Lichte unsrer Zeit, — V-er Theil, Practisches (europäisches) Völkerrecht; Diplomatie und Staatspraxis, 2-e Auflage, Leipzig, 1828, 208 f.

Digitized by Google

съ международнымъ авторитетомъ, въ родѣ Клюбера, Г. Ф. Мартенса, мы не находимъ формулы война-процессъ. Достаточно указать, рядомъ съ нѣмцемъ Pölitz'емъ, англичанина Travers Twiss и итальянца Carnazza Amari, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ утверждающихъ, что право на войну есть право иска [54]).

Съ наибольшей энергіей идея войны, какъ международнаго процесса, проповѣдывалась Bulmerincq'омъ. Научная дѣятельность этого оставившаго несомнѣнный слѣдъ въ развитіи теоріи международнаго права автора обладаетъ свойствами почти идеальной прямой линіи. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ имъ намѣчено было направленіе, въ которомъ должна была идти его работа, а въ 1883 году, съ появленіемъ его курса, можно было удостовѣриться, что онъ ни на іоту не уклонился отъ намѣченнаго пути. Его курсъ международнаго права открывается такимъ разсужденіемъ: «какъ въ другихъ правовыхъ дисциплинахъ, такъ и въ правѣ международномъ правовой матеріалъ распадается на право матеріальное и право формальное». Процессъ (das Verfahren) въ правѣ международномъ бываетъ мирный и насильственный. Перечисляя «die Arten des gewaltsamen Verfahrens» Bulmerincq говоритъ о войнѣ. Его опредѣленіе таково: «война, какъ юридическое понятіе, есть насильственное правовое средство для обороны правопорядка между государствами». Изъ процессуальнаго характера войны вытекаетъ послѣдовательно и понятіе права на войну. «Прибѣгать къ этому правовому средству имѣетъ право то государство,

---

[54]) A nation... has a moral Right of Action against other Nations, which withhold from it its Right, or have inflicted injury upon it... In the absence of all other means of adjustment, every Nation falls back upon the united force of all its members, und endeavours to enforce what it conceives to be Right, by the execution of that force against the wrong doer. War is thus undertaken by a Nation from necessity, when Right cannot be obtained by a judicial proceeding. Twiss, II, 5, 50 f.—Carnazza Amari, Trattato sul Diritto Internazionale pubblico di pace, 2-e edizione, Milano, 1875, 851 s.

Digitized by Google

котораго права нарушены... и которое не можетъ получить удовлетворенія другимъ путемъ». Если можно говорить о правѣ государства на войну, то только какъ о «правѣ иска» въ международномъ процессѣ [55]). Дальше Бульмеринка никто не идетъ—да и невозможно идти—въ отождествленіи права на войну съ международноправовой actio. Замѣчательно, что на этой попыткѣ до конца провести процессуальный взглядъ кончается его исторія: быть можетъ точная формулировка сдѣлала слишкомъ очевиднымъ основной промахъ теоріи.

Мы прослѣдили за работою литературы 19-го столѣтія надъ теоріей войны въ одномъ изъ принятыхъ ею направленій и увидѣли, что тутъ старая доктрина о правомѣрныхъ основаніяхъ войны сведена къ болѣе общей формулѣ права на войну, какъ международноправовой actio. Намъ придется еще вернуться къ этой формулѣ, но прежде необходимо прослѣдить совершенный литературою путь въ другомъ изъ отмѣченныхъ выше направленій—къ стремленію въ теоріи права войны воспользоваться категоріями, выработанными въ доктринѣ уголовнаго права, понятіями «крайней необходимости» или «необходимой обороны».

Мы должны начать съ Карла Соломона Цахаріэ. Мало извѣстная, но представляющая большой интересъ часть его Сорока книгъ о государствѣ, посвященная праву международному, даетъ характеристику права войны при помощи понятій уголовнаго права. Цахаріэ отправляется отъ той же теоріи о правомѣрной войнѣ, что и другіе писатели его времени, онъ говоритъ: «при извѣстныхъ условіяхъ война правомѣрна, при извѣстныхъ условіяхъ государство обладаетъ правомъ на войну». Такимъ выводомъ Цахаріэ, подобно другимъ, считаетъ невозможнымъ ограничиться: онъ задаетъ себѣ болѣе общій вопросъ о томъ, какова функція, исполняемая при этихъ условіяхъ правомъ на войну въ

[55]) Bulmerincq, Das Völkerrecht oder das internationale Recht, Freiburg i. B., 1889 (2-e Auflage; Marquardsen's Handbuch), 179, 357.

Digitized by Google

общей системѣ права международнаго. Отвѣтомъ на это служатъ два положенія. Первое изъ нихъ — критическое, оно обращено противъ защитниковъ построенія войны какъ процесса. Аргументъ, который приводитъ Цахаріэ, состоитъ изъ ссылки на слова поэта: Victrix causa Diis placuit, sed victa Cátoni, справедливо указывающія на тотъ разрушающій процессуальную теорію фактъ, что побѣда въ войнѣ есть доказательство не правоты побѣдителя, а лишь его силы. Другое положеніе представляетъ характеристику войны, какъ ее понимаетъ Цахаріэ: право на войну съ точки зрѣнія международноправовой находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что оно есть, по существу дѣла, право крайней необходимости. «Для оправданія войны можно ссылаться лишь на состояніе крайней необходимости... Или самостоятельные народы вполнѣ безправны, или они должны имѣть право для защиты своихъ правъ прибѣгать къ самопомощи. Изъ двухъ этихъ золъ нужно выбрать меньшее — самопомощь. Естественное состояніе, въ которомъ находятся государства, есть постоянное состояніе необходимой обороны» [56]).

Вслѣдъ за Цахаріэ Геффтеръ ищетъ въ понятіяхъ уголовнаго права конструкцію права на войну: война, разсуждаетъ онъ, влечетъ за собой дозволеніе нарушать чужія правовыя блага и право на войну есть тѣмъ самымъ право нарушать эти блага. Этотъ моментъ сближаетъ войну съ крайней необходимостью и необходимой обороной. Государство можетъ быть вынуждено пренебречь наложенными на него правовыми ограниченіями или силой вещей, или нападеніемъ извнѣ со стороны другого государства: въ первомъ случаѣ нарушеніе чужихъ правъ оправдывается крайней необходимостью (Heffter приводитъ фантастическій примѣръ: голодъ въ маленькомъ государствѣ), во второмъ—состояніемъ необходимой обороны. Повидимому теоретически измышленный характеръ «Nothstand'a» государства чув-

[56]) Karl Salomo Zachariae's Vierzig Bücher vom Staate, V, Heidelberg, 1841, 101 ff.

Digitized by Google

ствуется Геффтеромъ, ибо въ опредѣленіи войны онъ совершенно игнорируетъ это понятіе, а характеризуетъ ее, какъ право необходимой обороны, причемъ прибѣгаетъ однако къ менѣе опредѣленнымъ выраженіямъ: Nothmittel, äusserste Selbsthilfe [57]).

Наконецъ, еще примѣръ толкованія войны въ рамкахъ уголовноправовыхъ понятій, почерпнутый изъ новѣйшей литературы и доказывающій, что тяготѣніе доктрины въ этомъ направленіи постоянно. Piédelièvre въ 1895 году даетъ такое опредѣленіе войны: война есть средство необходимой обороны; сходство между правомъ на войну и правомъ необходимой обороны, съ точки зрѣнія французскаго автора, полное по цѣлому ряду пунктовъ: во-первыхъ, въ обоихъ случаяхъ оправданіе акта насилія почерпается въ томъ, что онъ служитъ отраженіемъ правонарушенія, направленнаго противъ насъ; во-вторыхъ, въ обоихъ случаяхъ она допустима, только когда нѣтъ возможности исправить правонарушеніе, не прибѣгая къ силѣ, наконецъ, въ-третьихъ, какъ война, такъ и актъ необходимой обороны остается правомѣрнымъ только, пока правонарушеніе не исправлено, съ той минуты же, когда удовлетвореніе достигнуто, война и актъ обороны одинаково перестаютъ быть правомъ [58]).— Проведеніе столь полной параллели между войной и обороною обнажаетъ недостатки сравненія; въ частности слѣдуетъ отмѣтить положеніе, будто война теряетъ правомѣрное основаніе, какъ только исправлено правонарушеніе, несомнѣнно стоящее въ дисгармоніи съ дѣйствительнымъ правопорядкомъ. Мы оставляемъ пока однако вопросъ о достоинствѣ этого сопоставленія открытымъ и отмѣчаемъ лишь, что Piédelièvre даетъ намъ самый законченный образецъ теорій, черпающихъ синтезъ доктрины о правомѣрной войнѣ въ понятіяхъ права уголовнаго.

---

[57]) Heffter, § 30, S. 58 и п. 2, §§ 106 и 113.

[58]) Piédelièvre, Précis de droit international public, II, Paris, 1895, 121 ss.

Digitized by Google

Въ основѣ обобщенія, которое достигается какъ теоріей процесса, такъ и теоріей необходимой обороны, лежитъ по прежнему мысль, что война только при нѣкоторыхъ условіяхъ субъективное право государства; у всѣхъ представителей этихъ взглядовъ условія эти сводятся къ понятію нарушенія правъ государства, совершившагося, совершающагося или предстоящаго въ будущемъ: только правонарушеніе дѣлаетъ войну правомѣрной, ибо, говорятъ одни, правонарушеніе даетъ право иска, ибо, говорятъ другіе, оно даетъ право обороны [59]).

5. Вышеприведенныя выдержки дали намъ характеристику всѣхъ варіантовъ одного изъ двухъ основныхъ взглядовъ на «право на войну», а именно ученія, въ основѣ котораго лежитъ мысль, что государство управомочено на веденіе войны лишь при наличности нѣкоторыхъ условій и что въ другихъ случаяхъ такого права признать за государствомъ нельзя. Намъ предстоитъ теперь коснуться другого взгляда, который приходитъ къ выводу, что война есть всегда право государства.

Если сопоставить понятіе «правомѣрная война» съ дѣйствительностью международныхъ отношеній, то не можетъ не возникнуть весьма сильнаго сомнѣнія въ его пригодности для толкованія нормъ международнаго права. Какъ только постепенно освобождавшаяся отъ путъ естественноправовыхъ воззрѣній доктрина рѣшилась сдѣлать это сопоставленіе и смѣло взглянуть въ глаза дѣйствительности, она вынуждена была признать традиціонное ученіе о войнѣ правомѣрной и неправомѣрной несостоятельнымъ и под-

---

[59]) Часто обѣ доктрины проповѣдуются рядомъ: право войны прямо не отождествляется съ искомъ, а говорится, что оно «суррогатъ процесса», «играетъ роль actio»; при такихъ условіяхъ грань между двумя доктринами исчезаетъ; характерно: Oppenheim, System des Völkerrechts (1845), 2-e Auflage, Stuttgart und Leipzig, 1866, 222 и еще лучше, Bluntschli, Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staten als Rechtsbuch dargestellt, Nördlingen, 1878, 287 f. (§ 510).

Digitized by Google

вергнуть его сначала частичному, а затѣмъ и полному пересмотру. Процессъ рожденія новыхъ взглядовъ распадается на нѣсколько ступеней.

Прежде всего замѣтили, что содержаніе тѣхъ условій, при которыхъ, по господствующему ученію, война признавалась субъективнымъ правомъ государствъ, мало отвѣчаетъ международному правосознанію. Пришлось признать, что формула — право на войну имѣется при наличности «injuria» — не отвѣчаетъ общему правосознанію. Пришлось констатировать тотъ фактъ, что на ряду съ правонарушеніями и иногда въ большей степени, чѣмъ правонарушенія, и другіе мотивы служили въ глазахъ государства достаточнымъ и справедливымъ основаніемъ войны. Этотъ пунктъ всего рельефнѣе выдвинутъ въ кодексѣ Блюнчли, отражающемъ на себя весь умственный процессъ, пережитый Бисмарковской Германіею, весь историческій переходъ отъ эпохи, когда люди, говорившіе объ единствѣ, казались смѣшными, къ эпохѣ послѣ совершеннаго желѣзомъ и кровью объединенія. Этотъ умственный процессъ, направленный на то, чтобы свыкнуться съ идеей, что великая историческая задача оправдываетъ обращеніе къ силѣ для борьбы со всѣми стоящими на пути препятствіями, нашелъ себѣ выраженіе въ такомъ положеніи, составляющемъ знаменитый § 517 сочиненія Блюнчли. Онъ гласитъ: «Als rechtsmässige Ursache zum Krieg ist aber nicht bloss die Verletzung geschichtlich anerkannter und erworbener Rechte, sondern ebenso die ungerechtfertigte Behinderung der nothwendigen neuen Rechtsbildung und der fortschreitenden Rechtsentwicklung zu betrachten» [59a]). Положеніе, что война, какъ средство чисто революціонное, какъ Verfechtung des werdenden Rechts, столь же правомѣрна, какъ война во имя исправленія правонарушенія, представляетъ, несомнѣнно, такое видоизмѣненіе старой доктрины, которое, въ сущ-

[59a]) Bluntschli, 291. Слѣдуетъ прочесть и коментарій автора къ приведенной статьѣ.

Digitized by Google

ности говоря, уничтожаетъ все ея положительное содержаніе; а между тѣмъ сила традиціоннаго ученія такъ велика, что новое ставится рядомъ съ нимъ, какъ скромное дополненіе, какъ развитіе прежняго взгляда.

Гораздо опаснѣе, нежели эти частичныя исправленія, для классическаго ученія были тѣ теоріи, которыя, мало-помалу пріобрѣтая признаніе со стороны передовыхъ дѣятелей науки, ставили радикальный вопросъ о пересмотрѣ всего ученія и подвергали сомнѣнію самую возможность юридически построить различіе между войной правомѣрной и неправомѣрной.

Въ первый разъ сомнѣнія формулируются въ книгѣ, которая по ту сторону Рейна представляетъ такой же характерный историческій памятникъ, какъ книга Блюнчли по эту сторону. Это Précis du droit des gens par Th. Funck-Brentano et Albert Sorel [60]), представляющій собою результатъ пережитого въ 1870—71 годахъ французами опыта. Если въ Германіи опытъ войны выливается въ формулу, дающую новую правовую санкцію войнѣ завоевательной и мотивамъ чистаго государственнаго интереса, то, напротивъ, во Франціи онъ приводитъ къ формуламъ, отрицающимъ всякія юридическія квалификаціи войны и констатирующимъ въ ней прежде всего фактическій насильственный процессъ. Первый пунктъ, на который обращаютъ вниманіе авторы Précis, касается положенія войны въ общей системѣ права международнаго. Роль правовой санкціи, которая приписывается войнѣ защитниками процессуальнаго воззрѣнія, кажется Précis недоразумѣніемъ, и онъ борется противъ этого воззрѣнія аргументомъ, который дѣйствительно силенъ. «Война не есть санкція международнаго права... Если бы война служила санкціей международнаго права, это послѣднее не имѣло бы другого основанія кромѣ силы, ибо война обезпечиваетъ успѣхъ болѣе сильному». Война соціальная необходимость, и источникъ этой необходимости вовсе

[60]) Paris, 1877.

Digitized by Google

не въ томъ, что война есть средство охранять международный правопорядокъ. Если такъ, если война—необходимость, основаніе коей кроется въ различіи глубокихъ интересовъ государствъ, то естественно въ глазахъ авторовъ разбираемой книги не можетъ быть и рѣчи о томъ, что война допустима только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ другихъ случаяхъ не разрѣшена; отсюда совершенно послѣдовательно выводится невозможность говорить о правѣ на войну, какъ о полномочіи, лишь въ исключительныхъ условіяхъ дарованномъ государству [61]).

Почти одновременно съ появленіемъ книги Функъ-Брентано и Сореля и въ нѣмецкой литературѣ обнаруживаются совершенно сходныя тенденціи. Впервые, насколько намъ извѣстно, вопросъ ставится ребромъ въ забытой статьѣ забытаго ученаго Цуккера, появившейся въ 1880 году въ Грюнхутовскомъ журналѣ [62]). Это первый въ Германіи сознательный протестъ противъ всякихъ ученій, толкующихъ войну какъ нѣчто всецѣло подчиненное правовой идеѣ, какъ средство укрѣпленія правопорядка, первый рѣшительный шагъ къ освобожденію отъ Гроція и Ваттеля. Смыслъ разсужденія Цуккера сводится къ утвержденію, что, насколько позволительно говорить о правѣ войны, какъ нормахъ, руководящихъ дѣйствіями воюющихъ, то настолько же не основательны всѣ теоріи о правовыхъ основаніяхъ войны, о войнѣ какъ спорѣ о правѣ и т. д. Приведя формулы Геффтера, Неймана и Блюнчли [63]), онъ продолжаетъ: «Противъ

---

[61]) Funck-Brentano et Sorel, 6 s., 438, 232.

[62]) Ueber dem Begriff des Kriegsrechtes von a. o. Prof. Zucker in Prag, Grünhut's Zeitschrift für das Privat-und öffentliche Recht der Gegenwart, VII, Wien, 1880, 317 f.

[63]) О Геффтерѣ и Блунчли см. выше стр. 522 и 525. Neumann, Grundriss des heutigen europäischen Völkerrechtes, 3-e Auflage, Wien, 1885, 97: Zu einem Rechtsbegriffe wird der Krieg als Anwendung der äussersten Gewalt gegenüber von einem Staate zur Erlangung der Genugthuung für Zugefügte und Sicherstellaug gegen künftige Rechtskränkung. Das Recht des Krieges geht so weit als das Recht zum Kriege. Dieser

Digitized by Google

Геффтера и Неймана слѣдуетъ замѣтить: цѣль войны въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть правовой по своему содержанію, но этотъ чисто случайный признакъ, который въ историческомъ развитіи можно было констатировать лишь въ спорадическихъ случаяхъ, не имѣетъ никакого вліянія на природу войны... и только мораль, а не право можетъ разграничивать правомѣрную и неправомѣрную войну. Еще менѣе основательно утвержденіе Блюнчли. Здѣсь достаточно отмѣтить, что война... представляетъ полную противоположность спору о правѣ, являясь споромъ противоположныхъ праву силъ, споромъ и борьбой силъ, какъ таковыхъ».— Если признать эти два вывода Цуккера, вся теорія правомѣрной войны рухнетъ, вся работа, потраченная со временъ Гроція на ея обоснованіе, пойдетъ на смарку.

Первый ударъ, нанесенный ученой традиціи, влечетъ за собою на близкомъ разстояніи другой, еще болѣе тяжелый. На этотъ разъ критика вооружена съ головы до ногъ, осада ведется по всѣмъ правиламъ ученой стратегіи, непріятель снабженъ тяжелыми орудіями и воодушевленъ желаніемъ не оставить камня на камнѣ. Можно смѣло сказать, что враждебный замыселъ увѣнчанъ полнымъ успѣхомъ. Рѣчь идетъ о Людеровской монографіи о правѣ войны въ руководствѣ Гольцендорфа, вышедшей въ 1889 году и представляющей послѣдній и наиболѣе совершенный научный обзоръ этой темы [64]). Критика Людера распадается на два основныхъ положенія. Онъ, прежде всего, разсматриваетъ правовое опредѣленіе войны вообще (die Rechtsbegriffsqualität des Krieges), а затѣмъ и теорію «правомѣрной войны». По первому вопросу взгляды его совпадаютъ съ Цуккеровскими (ему по-

Rechtsgrund und Zweck des Krieges setzt demselben Ziel und Grenzen. Auch ein an sich gerechter Krieg wird wenn der Zweck des Krieges erreicht ist durch Ueberschreitung dieser seiner Grenze zum ungerechten...

[64]) Lüder, Krieg und Kriegsrecht im Allgemeinen въ Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts, IV, Hamburg, 1889, 178 ff. (§ 49), 221 ff. (§ 57).

Digitized by Google

видимому не знакома однако эта работа). «Война сама по себѣ не есть правовое понятіе и не есть правовое средство»; правовой споръ есть чисто случайный признакъ въ войнѣ: война можетъ, конечно, проистекать изъ спора о правѣ, но это отнюдь не необходимо: «споръ о правѣ не есть единственное основаніе войны и не входитъ въ понятіе послѣдней, ибо война не измѣняется въ своемъ значеніи, если она проистекаетъ изъ другихъ побужденій; въ войнѣ дѣло идетъ о насильственномъ осуществленіи извѣстныхъ требованій, но не всегда требованій правовыхъ».

Если такъ, если война есть средство достиженія самыхъ разнообразныхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ государства, то тѣмъ самымъ всѣ теоріи, старающіяся внести различіе между войной правомѣрной, въ которой имѣется въ виду защита международныхъ правъ, и неправомѣрной, гдѣ такой цѣли нѣтъ на лицо, осуждены, въ глазахъ Людера, на полное безплодіе. Онъ отмѣчаетъ, прежде всего, что, даже если бы возможно было установить различіе между правомѣрной и неправомѣрной войною, это различіе, за отсутствіемъ международнаго обязательнаго суда, было бы все же лишено всякаго практическаго значенія. Помимо этого соображенія, не имѣющаго, конечно, рѣшающаго значенія,—гдѣ, спрашиваетъ себя Людеръ, почерпнуть основаніе къ разграниченію войны правомѣрной и неправомѣрной? Если правосознаніе и даетъ иногда извѣстныя мѣрки разграниченія правой и неправой войны, оправдывая войны, отвѣчающія великимъ историческимъ интересамъ народовъ, то эти мѣрки отнюдь не совпадаютъ съ учеными разсужденіями на тему, будто правомѣрна война, отражающая правонарушеніе, и т. под.; эта высшая мѣрка правосознанія покоится на оцѣнкѣ столь сложныхъ историческихъ процессовъ, что поневолѣ лишена всякой опредѣленности. Въ особенности же искусственны всѣ теоріи, которыя ищутъ для каждой войны извѣстный Rechtsgrund и съ этой точки зрѣнія оцѣниваютъ ея правомѣрность. Если такимъ образомъ невозможно in abstracto установить нормы, опредѣляющія, кто правъ и кто не правъ

Digitized by Google

въ войнѣ, то и in concreto по отношенію къ каждому данному вооруженному столкновенію между государствами, безполезно искать эту квалификацію. Общій выводъ Людера такой: «весь вопросъ о правомѣрности войны можетъ быть названъ праздным (eine müssige Frage)».

Значеніе такого признанія и аргументовъ, на которыхъ оно покоится, огромно. Праздным провозглашается вопросъ, надъ которымъ работала наука международнаго права въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. И несмотря на естественный консерватизмъ, свойственный научной критикѣ по отношенію къ каждому выводу, который упраздняетъ столько усилій, потраченныхъ надъ рѣшеніемъ какого-нибудь вопроса,—все же нельзя не признать, что аргументы Людера доказательны, а выводъ его безукоризненъ. Вопросъ о «правомѣрной войнѣ» есть, конечно вопросъ праздный, а критика Людера составляетъ непроницаемое цѣлое. Дѣйствительно, если есть различіе между правомѣрной и неправомѣрной войнами, то почему же это различіе никогда не могло породить ни одного правового практическаго послѣдствія? Такая безплодность этой теоріи вполнѣ гармонируетъ съ невозможностью найти сколько-нибудь опредѣленное ея обоснованіе. Положительное право его не знаетъ; если въ глубинѣ правосознанія и находятся слѣды разграниченія правой и неправой войны, то это разграниченіе ни чуточки не похоже на книжное, — правосознаніе находитъ правой ту войну, которую теорія осуждаетъ; и не удивительно: книжная теорія замкнула себя въ формулахъ строго опредѣленныхъ, а между тѣмъ правосознаніе складывается подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ историческихъ факторовъ, непрерывно измѣнчиво, не поддается строгому исчисленію и не фиксируется.—Въ виду силы аргументовъ Людера мы не должны удивляться, что вся послѣдующая доктрина международнаго права, знакомая съ его ученіемъ, всецѣло подчинилась имъ [65]).

[65]) Достаточно сослаться на Rivier, Principes, II, 203; Ullmann,

Digitized by Google

Какъ ни велико значеніе критики Людера, все же результатъ, къ которому она приходитъ, по содержанію своему чисто отрицательный. Утвержденіе, что нѣтъ возможности построить «правовую теорію» войны въ классическомъ смыслѣ этихъ словъ и провести грань между войной правомѣрной и неправомѣрной, оставляетъ открытымъ вопросъ о соотношеніи понятій войны и права международнаго и о положеніи первой въ системѣ послѣдняго. Для того, чтобы отвѣтить на него, требуется сдѣлать еще шагъ: старая доктрина утверждала, что въ однихъ случаяхъ война есть право государства, въ другихъ случаяхъ нѣтъ; новая доктрина уничтожила разграниченіе между «основаніями» войны; слѣдуетъ ли отсюда, что война есть всегда субъективное право любого государства? Людеръ, даетъ положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, повидимому однако не приводя его сознательно въ связь съ общей своей критикой классической доктрины. Утвержденіе, что государство имѣетъ безусловное право на войну, у Людера облечено въ форму, заимствованную у Ф. Ф. Мартенса. Въ курсѣ этого послѣдняго установлена слѣдующая классификація: о правѣ войны можно говорить въ субъективномъ смыслѣ и въ смыслѣ объективномъ; въ смыслѣ объективномъ право войны есть совокупность правовыхъ нормъ, управляющихъ дѣйствіями воюющихъ, въ субъективномъ смыслѣ «право войны опредѣляетъ дѣеспособность воюющихъ государствъ къ начатію войны и пользованію правилами, признаваемыми за каждою правильно воюющею стороною» [66]). Совершенно такъ же говоритъ и Людеръ: «право войны въ субъективномъ смыслѣ... означаетъ... управомоченность на веденіе войны (die Befugniss Krieg zu führen)». Кому принадлежитъ это право? Отвѣтъ Людера категорически гласитъ: всякому суверенному государству. Всякій субъектъ международнаго права, обладающій полно-

312 ff. (прямой парафразъ Людера); единственная монографическая работа приходитъ къ тѣмъ же выводамъ: Rettich, 67.

[66]) Мартенсъ, II, 505.

Digitized by Google

тою международной личности, имѣетъ право на войну [67]). Таковъ выводъ и другихъ представителей Людеровской точки зрѣнія, у которыхъ за тезисомъ, отрицающимъ возможность установить особыя основанія, дающія право на войну, слѣдуетъ тезисъ: война субъективное право государствъ, обладающихъ полнотой правовой личности [68]).

6. Этотъ выводъ складывается не подъ вліяніемъ стремленія опредѣлить правовую природу войны, а служитъ главнымъ образомъ лишь для указанія, что частныя лица и неполноправные субъекты международныхъ правъ не ведутъ, съ точки зрѣнія права, войны, тогда какъ государства полноправныя на то уполномочены. Тезисъ: война—субъективное право, не составляетъ предмета самостоятельныхъ размышленій. Между тѣмъ, надъ этимъ понятіемъ jus belli, субъективное право на войну, которое безсознательно заимство-

---

[67]) Lüder, ibid., 174 (§ 47), 237 (§ 60).

[68]) Rivier, II, 307: les Etats... ont le droit de guerre, jus belli, actif et passif; 209: c'est essentiellement à l'Etat souverain qu'appartient le droit de guerre; Ullmann, 314: das Recht, Krieg zu führen (jus belli, facultas bellandi, droit de guerre) steht... innerhalb der Völkergesellschaft nur den als Völkerrechtssubjekte geltenden staatlichen Gemeinwesen zu; nur der zwischen unabhängigen Staaten durch ihre militärisch organisierten Streitkräfte und unter ihrer Verantwortung geführte offene Kampf gilt als Krieg im internationalen Sinne. Въ томъ смыслѣ Rettich, 142, который однако вноситъ оговорку: право на войну принадлежитъ субъекту международнаго права при наличности нѣкотораго Rechtstitel zur Erklärung des Krieges, а именно при наличности «der Ueberzeugung des Staates, einen für sein Wohl nötigen Zweck nur auf kriegerischem Wege erreichen zu können», ibid, 143. Heilborn, System, 332 совершенно основательно замѣтилъ по этому поводу: Rettich... bleibt... den Beweis für seine Behauptung schuldig; derselbe ist auch nicht zu erbringen, weil das Recht-die Ordnung des aüsseren Zusammenlebens—nach inneren Ueberzeugungen niemals fragen kann. Дѣйствительно, или такая формула безсодержательна,—такъ какъ объявляя войну, государство обыкновенно должно имѣть соотвѣтствующее убѣжденіе въ ея цѣлесообразности,—или, если она вноситъ снова разграниченіе войны правомѣрной и неправомѣрной—война съ Rechtstitel и безъ него,—то она вызываетъ противъ себя всю силу аргументовъ, которые воспроизводитъ между прочимъ и самъ Rettich (см. выше прим. 65).

Digitized by Google

вано Людеромъ изъ предшествующихъ, опровергнутыхъ имъ теорій, несомнѣнно заслуживаетъ самаго тщательнаго анализа, и вотъ почему. Funck-Brentano и Sorel въ своемъ обзорѣ международнаго права противопоставили классической доктринѣ утвержденіе, что война фактъ, а не право и что этому факту не соотвѣтствуетъ никакихъ обязанностей со стороны другихъ субъектовъ международнаго права. Если мы спросимъ себя, такъ ли это, то увидимъ цѣлый рядъ аргументовъ за и противъ, аргументовъ, въ которыхъ разобраться не такъ легко. Допустимъ существованіе juris belli, субъективнаго международнаго права государства на войну, но тогда надо предварительно доказать, что дѣйствительно международное объективное право творитъ такое правомочіе и приписываетъ его отдѣльнымъ личностямъ, ему подчиняющимся; далѣе надо доказать существованіе обязанностей, соотвѣтствующихъ этому праву, и опредѣлить ихъ содержаніе. Допустимъ, съ другой стороны, что война фактъ, что никто не управомоченъ воевать и что никому не запрещено воевать; тогда придется задуматься надъ вопросомъ о томъ, возможно ли отказаться отъ правовой квалификаціи явленія, которое безспорно имѣетъ послѣдствіемъ своимъ разрушеніе правовыхъ связей, существующихъ въ мирное время, изслѣдовать, какъ и въ силу чего запреты, въ мирное время лежащіе на государствахъ, этимъ «фактомъ», т.-е. чѣмъ-то безразличнымъ съ точки зрѣнія права, внезапно снимаются, подумать, можно ли при этихъ условіяхъ признать войну безразличной съ точки зрѣнія права, и т. д.

Этотъ рядъ вопросовъ подвергся обсужденію лишь въ самое послѣднее время. Мы знаемъ въ новѣйшей литературѣ двѣ попытки глубже, нежели классическая школа и Людеровское направленіе, взглянуть на дѣло; одна изъ нихъ сдѣлана Еллинекомъ въ его Системѣ субъективныхъ публичныхъ правъ, другая Гейльборномъ въ Системѣ права международнаго. Обѣ заслуживаютъ самаго большого вниманія и даютъ по своей глубинѣ невѣдомый дотолѣ матеріалъ для дальнѣйшихъ выводовъ.

Digitized by Google

Исходный пунктъ теоріи Еллинека—признаніе, что война nicht bloss ein Mittel des Rechts, sondern auch des Interessenschutzes; но на этомъ отрицательномъ выводѣ онъ не останавливается, а вмѣстѣ съ тѣмъ не довольствуется, какъ Людеръ, пассивнымъ констатированіемъ существованія juris belli. Съ точки зрѣнія анализа природы публичныхъ субъективныхъ правъ, предпринятаго имъ, такого констатированія мало. Въ основѣ его размышленій лежитъ характеристика субъективнаго публичнаго права какъ «rechtliches Können» въ отличіе отъ простого «rechtliches Dürfen». Dürfen есть правомѣрное осуществленіе естественной активной способности лица, а Können осуществленіе способности, которая естественно не свойственна лицу, а создана объективнымъ правомъ и лицу приписана какъ нѣчто новое, внѣ системы права невозможное. Публичныя права всѣ носятъ характеръ осуществленія способности, впервые созданной объективнымъ правомъ и приписанной лицу извнѣ, т.-е. характеръ «eines rechtlichen Könnens» [69]). Каково строеніе международныхъ субъективныхъ правъ съ этой точки зрѣнія? Отвѣтъ Еллинека очень интересенъ. Съ его точки зрѣнія всѣ эти права sammt und sonders суть права публичнаго характера, такъ какъ они являются осуществленіемъ именно «eines rechtlichen Könnens». «Не естественное, но правомъ дарованное Können составляетъ содержаніе всѣхъ субъективныхъ международныхъ правъ. Категорія дозволенія, строго говоря, вообще не существуетъ въ международномъ правѣ, ибо дозволеніе предполагаетъ существованіе силы, которая могла бы запрещать» [70]). Если таково содержаніе международныхъ субъективныхъ правъ, то можно ли говорить, съ точки зрѣнія Еллинека, о правѣ государства на войну? Можно ли считать, что международное право создало и приписало государству такого рода неизвѣстное и немыслимое внѣ системы международнаго права полномочіе, что это право-

[69]) Jellinek, System, 40 ff.
[70]) Ibid., 300 ff.

Digitized by Google

мочіе порождено объективнымъ правомъ и было бы безъ него невозможнымъ? Эти вопросы неизбѣжно возникаютъ въ сознаніи Еллинека, когда онъ приступаетъ къ анализу des Rechtes der Kriegführung. Не удивительно, что отвѣтъ его отрицательный: трудно дѣйствительно допустить, чтобы въ Еллинековской классификаціи правомочій на данныя in natura и возникающія лишь по волѣ объективнаго права, война могла занять положеніе среди вторыхъ: если гдѣ нибудь можно говорить о Dürfen, то именно въ примѣненіи къ праву войны. Еллинекъ дѣйствительно уклоняется отъ общаго своего тезиса о природѣ правъ международныхъ и признаетъ, что отъ другихъ субъективныхъ правъ право государства на войну отличается тѣмъ, «dass es nicht den Charakter eines Könnens, eines Machtzuwachses, sondern den der natürlichen, nur an der physischen Macht ihre Grenze findenden Handlungsfreiheit besitzt». Отсюда за правомъ на войну необходимо признать «die Analogie eines Dürfens», и общее опредѣленіе этого права приходится свести къ слѣдующей формулѣ (ее не даетъ Еллинекъ): право на войну есть въ международномъ порядкѣ дозволенное проявленіе естественной свободы дѣйствія государствъ.

Оставимъ въ сторонѣ противорѣчіе этого опредѣленія съ общей теоріей международныхъ субъективныхъ правъ, какъ правъ публичныхъ, основанныхъ на управомоченіи (Können) а не дозволеніи (Dürfen); позволительно однако спросить себя, не будетъ ли это опредѣленіе признаніемъ, что о правѣ на войну въ точномъ смыслѣ слова нельзя говорить, а можно лишь говорить о ея дозволенности. Недоумѣніе такого рода покоится на сомнѣніи, вообще вызываемомъ разграниченіемъ правъ на Dürfen и Können. Это разграниченіе на нашъ взглядъ покоится на недоразумѣніи; по нашему мнѣнію, всякое субъективное право есть Können, а не Dürfen; понятіе «управомоченія» обнимаетъ, по нашему мнѣнію, цѣликомъ всю совокупность субъективныхъ правъ, какъ частныхъ, такъ и публичныхъ. Всякое субъективное право есть извѣстное приращеніе, даваемое правомъ (хотя бы послѣднее на-

Digitized by Google

ходило свой источникъ въ простой сдѣлкѣ), есть извѣстное видоизмѣненіе сравнительно съ положеніемъ дѣлъ in natura; это приращеніе и видоизмѣненіе одинаково необходимы для бытія всякаго субъективнаго права, ибо только при этихъ условіяхъ можно говорить вообще о появленіи права. Само по себѣ понятіе дозволеннаго есть понятіе чисто отрицательное, обозначающее лишь отсутствіе запрета; чтобы естественная свобода дѣйствія пріобрѣла характеръ субъективнаго права, необходимо нѣчто большее, нежели простое отсутствіе запрета; необходимо, чтобы дозволеніе давало естественной свободѣ извѣстный плюсъ, извѣстное «приращеніе», давало естественному интересу новую мощь, мощь правового «притязанія». «Dürfen»—дозволеніе или недостаточно для созданія субъективнаго права или, если допустить, что оно достаточно, то оно тождественно съ «Können»—управомоченіемъ. Если такъ, если разграниченіе «Können» и «Dürfen» сводится къ нулю, то какъ быть съ Еллинековой теоріей «права на войну»? Возможны двѣ альтернативы: первая—признать, что право на войну не есть право въ точномъ смыслѣ этого слова, а лишь незапрещенный актъ, вторая—видѣть въ немъ право въ точномъ смыслѣ слова, результатъ спеціальнаго «управомоченія», даннаго государствамъ международнымъ правомъ. Въ этой альтернативѣ мы видимъ весь положительный результатъ разсужденій Еллинека; несмотря на безсодержательность его общихъ взглядовъ или точнѣе именно благодаря ей, Еллинекъ приводитъ насъ къ самому корню всей проблемы о правѣ войны, ставитъ ребромъ вопросъ о томъ, существуетъ ли субъективное право на войну въ точномъ смыслѣ этого слова. Еллинекъ не даетъ никакихъ доказательствъ въ пользу утвердительнаго рѣшенія настоящаго вопроса, если не считать промелькнувшаго въ его разсужденіи указанія, будто право на войну даетъ нѣкоторое правовое притязаніе—«ein Anspruch auf Anerkennung» этого права. Конечно такое указаніе не можетъ считаться достаточнымъ: говорить — извѣстное направленіе дѣйствій есть право, такъ какъ оно даетъ «притязаніе» на признаніе

Digitized by Google

его таковымъ,—значитъ сказать тавтологію, повторить одно и то же. Отвергая эту тавтологію, какъ доказательство, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не признать направленіе, въ которомъ Еллинекъ оріентируется въ поискахъ критерія субъективнаго права, совершенно правильнымъ.

Критеріемъ его дѣйствительно служитъ обращенное къ другимъ лицамъ притязаніе,—притязаніе въ смыслѣ той нити, которая соединяетъ права съ обязанностями. Можно ли признать, что право на войну порождаетъ извѣстное притязаніе со стороны управомоченнаго, что государство въ силу этого права обладаетъ основаніемъ требовать исполненія соотвѣтствующей этому праву обязанности. Въ Еллинековской формулѣ нѣтъ и намека на такое притязаніе: дѣйствительно, разъ «право на войну есть въ международномъ порядкѣ дозволенное проявленіе естественной свободы дѣйствій государствъ», то притязанію нѣтъ мѣста; простая незапрещенность дѣйствія никакого юридическаго притязанія не порождаетъ и не можетъ его порождать. За отсутствіемъ доказательствъ существованія притязанія, Еллинековская формула, если на минуту признать ее правильною, должна значить: война не есть субъективное право, а есть лишь не запрещенное международнымъ правомъ дѣяніе. Вся аргументація въ пользу обоснованія права на войну приходитъ такимъ образомъ къ отрицанію этого права; этотъ результатъ не долженъ насъ удивлять: введеніе понятія «Dürfen» сдѣлало юридически безсодержательнымъ понятіе субъективнаго права въ цѣломъ рядѣ случаевъ, къ числу которыхъ Еллинекомъ отнесено и «Kriegsrecht».

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, можно ли ограничиться этимъ необходимымъ для Еллинека, но для насъ еще не обязательнымъ выводомъ о томъ, что война есть простое незапрещенное дѣяніе, а не въ точномъ смыслѣ субъективное право. Есть рядъ вѣскихъ основаній противъ такого пониманія. Часть этихъ основаній, заставляющихъ высказаться противъ теоріи Еллинека въ этомъ ея толкованіи, намѣчена въ сочиненіи Гейльборна.

Digitized by Google

Послѣдній разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Конечно, война есть осуществленіе естественной свободы, и въ этомъ смыслѣ лишена значенія субъективнаго права. Для наличности этого послѣдняго необходимо нѣкоторое притязаніе по отношенію къ другимъ лицамъ, притязаніе на то или другое ихъ поведеніе. Веденіе войны не порождаетъ такого притязанія. «Врагъ, говоритъ Гейльборнъ, ни къ чему не обязанъ,.. не обязанъ ни терпѣть нападенія, ни его отражать»; война не запрещенное дѣяніе, актъ дозволенный, но не порождающій никакихъ правовыхъ притязаній. Но этимъ не можетъ удовольствоваться анализъ войны, какъ явленія въ системѣ права международнаго. Въ отличіе отъ Еллинека и возражая ему, Гейльборнъ продолжаетъ этотъ анализъ дальше и приходитъ къ совершенно новому выводу. Если веденіе войны само по себѣ и не поддается включенію въ формальныя рамки субъективнаго права, то все же юридическое пониманіе войны не исчерпывается указаніемъ на незапрещенность ея, и вотъ почему. Воюя, государство осуществляетъ свою естественную свободу и не располагаетъ при этомъ никакими правовыми притязаніями общаго характера, но на то, чтобы воспользоваться этой естественной свободою, оно должно быть управомочено; пока нѣтъ войны, государство не знаетъ этой свободы; на немъ лежитъ цѣлый рядъ обязанностей—обязанность уважать неприкосновенность чужой территоріи и чужого суверенитета, — прямо запрещающихъ то, что дозволено во время войны. Съ начатіемъ ея всѣ запреты снимаются, и государство обрѣтаетъ ту свободу, которая у нея отнята въ мирное время правомъ международнымъ. Простая «незапрещенность войны» недостаточна для объясненія такихъ правовыхъ послѣдствій начатія войны; чтобы имѣть возможность уничтожить нормальные правовые запреты, лежащіе на государствахъ, требуется уполномоченіе той правовой системы, которая эти запреты создаетъ. «Такъ какъ незапрещенное обращеніе къ силѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ нарушеніе правъ чужой личности, то съ точки зрѣнія права оно должно покоиться на особомъ Dürfen».

Digitized by Google

Начиная войну, государство не получаетъ въ силу этого никакихъ притязаній, но, чтобы сдѣлать это, оно должно обладать извѣстнымъ субъективнымъ правомъ (ein wahres Dürfen, eine rechtliche Fähigkeit); предварительное начатію войны и необходимое на то управомоченіе и составляетъ «право на войну». Существованіе такого международнаго субъективнаго права доказывается Гейльборномъ такъ: «правовой порядокъ сначала запрещаетъ примѣненіе силы, ограничиваетъ, слѣдовательно, естественную свободу; запретъ и ограниченіе безусловны не для всѣхъ членовъ международнаго общенія, а лишь для не вполнѣ право- и дѣеспособныхъ; для обладающихъ полнотой личности они условны. Поэтому веденіе войны есть въ одно и то же время пользованіе и правовой способностью, и естественной свободою»; это разсужденіе будетъ совершенно ясно, если взять примѣръ: на Турціи, какъ на всякомъ другомъ государствѣ, лежитъ запретъ нарушенія чужой правовой личности, но она вмѣстѣ съ тѣмъ управомочена, снявъ съ себя этотъ запретъ, начать войну, т.-е. вернуть себѣ естественную свою свободу дѣйствій; Египетъ, обладая in natura той же свободой, не способенъ однако ею воспользоваться, такъ какъ не управомоченъ на войну, не въ правѣ снять съ себя общій запретъ ненарушенія чужой личности [71]).

Между теоріею Еллинека и этими взглядами Гейльборна различіе велико: первый утверждалъ, что война осуществленіе дозволенной свободы дѣйствія государства и этого было недостаточно, чтобы доказать, что существуетъ субъективное право на войну; второй говоритъ, что война осуществленіе дозволенной свободы дѣйствія государства, но прибавляетъ, что необходимо для того, чтобы воспользоваться этой свободой, спеціальное управомоченіе, даруемое правомъ, и такимъ образомъ даетъ доказательство существованія субъективнаго права.

Чтобы остановиться на этой теоріи и счесть ее правиль-

---

[71]) Heilborn, System, 333.

Digitized by Google

ною и окончательнымъ образомъ выясняющею вопросъ о соотношеніи войны и права, необходимо обратить прежде всего вниманіе на то, какъ характеризуетъ Гейльборнъ содержаніе усматриваемаго имъ въ правѣ на войну субъективнаго права. Мы сказали, что для бытія этого послѣдняго необходима наличность извѣстнаго притязанія, связывающаго права съ обязанностями. Въ чемъ заключается соотвѣтствующее праву на войну притязаніе? Heilborn отвѣчаетъ такимъ указаніемъ: «право на войну вызываетъ притязаніе, обращенное ко всѣмъ, на признаніе соотвѣтствующей способности государства; немного дальше онъ характеризуетъ этотъ Anspruch какъ притязаніе на «признаніе въ комбаттантахъ органовъ государства»—влекущій за собою рядъ притязаній, основанныхъ на правѣ войны, какъ то притязанія, вытекающія изъ женевской конвенціи и т. под. Представляется ли такая характеристика достаточною? Возьмемъ сначала «Anspruch auf Anerkennung der Kriegsfähigkeit». Выше, при разсмотрѣніи теоріи Еллинека, было сказано, что говорить: есть субъективное право, такъ какъ есть притязаніе на признаніе этого права,—значитъ успокаиваться на чисто словесной формулѣ, ничего не значущей въ дѣйствительности и ужъ конечно недостаточной для доказательства существованія притязанія и права. Въ этой части разсужденіе Гейльборна слѣдуетъ отвергнуть такъ же, какъ мы отвергли разсужденіе Еллинека. Возьмемъ другую формулу притязанія, которую даетъ Гейльборнъ: «Anspruch auf Anerkennung der Kombattanten als völkerrechtliche Organe des Staates» и всѣ послѣдующія притязанія изъ военнаго права. Это указаніе едва ли можетъ считаться основательнымъ. Нельзя смѣшивать права на войну съ отдѣльными правами воюющихъ государствъ и притязанія изъ права на войну съ притязаніями изъ отдѣльныхъ правъ воюющихъ. Во время войны дѣйствуетъ рядъ нормъ, обращенныхъ къ комбаттантамъ и создающихъ рядъ правъ и обязанностей, но эти нормы ничего не говорятъ о правѣ воевать вообще. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ одна или обѣ воюющія стороны безспорно

Digitized by Google

не имѣютъ права на войну и тѣмъ не менѣе руководствуются нормами военнаго права, т.-е. пользуются тѣми же правами и притязаніями, что и стороны, управомоченныя на веденіе войны; стоитъ только вспомнить такъ называемыя гражданскія войны, гдѣ несомнѣнно отсутствіе права на войну у повстанцевъ и гдѣ тѣмъ не менѣе за ними признаются права комбаттантовъ.

Приходится поэтому отвергнуть и второе опредѣленіе Гейльборна и искать новаго. Несмотря на недостаточность разсужденій Гейльборна о притязаніяхъ, вытекающихъ изъ права на войну, разница между его теоріей и теоріей Еллинека остается все же весьма значительною. Еллинековское «Dürfen», пониманіе войны, какъ акта просто-на-просто не запрещеннаго, лишаетъ правового содержанія все его построеніе по занимающему насъ вопросу. Глубокая истина, высказанная Гейльборномъ и заключающаяся въ указаніи на логическую необходимость внести нѣчто большее, нежели простую дозволенность, въ пониманіе права на войну, остается его огромной заслугой передъ наукою и обойти эту истину послѣ Гейльборна невозможно, хотя бы кругомъ этого центра ученія и располагались нѣсколько иначе, чѣмъ у него.

Постараемся внести въ его ученіе тѣ дополненія, которыя устраняютъ на нашъ взглядъ нѣкоторыя неясность и незаконченность его воззрѣній. Исходнымъ пунктомъ предлагаемой въ послѣдующемъ изложеніи теоріи да послужитъ центральная истина воззрѣній Гейльборна: актъ войны есть актъ, коимъ государство снимаетъ съ себя обязанности, связывающія его въ мирное время съ другимъ государствомъ [72]).

---

[72]) Слѣды этого воззрѣнія мы находимъ у Westlake, Etudes sur les principes du droit international, traduit par Nys, Bruxelles-Paris, 1895, 120 s. Онъ говоритъ: en cas d'injure... un Etat... peut aller jusqu'à employer la force dans le territoire d'un autre Etat... Tout droit d'agir en dehors des limites physiques de sa souveraineté qu'un Etat possède en vertu de ces régles peut s'appeler un droit de préservation personnelle... Въ этихъ словахъ

Digitized by Google

Это положеніе кажется намъ въ общемъ совершенно правильнымъ, и лишь въ обоснованіе его слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, внести нѣкоторое исправленіе сравнительно съ Гейльборномъ. Это исправленіе касается прежде всего ничѣмъ не подкрѣпленнаго и не яснаго указанія этого писателя на то, что государство возвращаетъ себѣ такимъ путемъ «естественную свою свободу» (die natürliche Freiheit). Въ этомъ направленіи отнюдь не слѣдуетъ идти за Гейльборномъ. Прибѣгать къ понятію «естественной свободы» нельзя въ виду двухъ одинаково убѣдительныхъ соображеній: во-первыхъ, потому что понятіе это неопредѣленно и туманно, и, во вторыхъ, потому что связанныя съ нимъ представленія невѣрно освѣщаютъ дѣйствительность вызываемаго паденіемъ нормальныхъ преградъ между государствами положенія. Что понятіе «естественная свобода» носитъ нѣсколько туманный характеръ, указываетъ уже тотъ источникъ, откуда оно почерпнуто. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно представляетъ отголосокъ естественноправового пониманія соціальныхъ связей: развитое въ политической доктринѣ, оно было перенесено и на международное право, гдѣ вылилось въ гипотезу, будто исторически появленію правоотношеній между государствами предшествовала естественная communio, естественное состояніе; примѣнительно къ этой мало доказательной гипотезѣ и строится, вслѣдъ за Еллинекомъ, Гейльборномъ предположеніе, будто война возвращаетъ между государствами «естественное состояніе», разумѣя повидимому состояніе чисто фактическихъ, лишенныхъ правовой нормировки отношеній. Мы говоримъ повидимому, ибо само по себѣ понятіе «естественное состояніе» не вызываетъ безусловно представленія о ненормированномъ состояніи; извѣстно, что, напротивъ того, въ большинствѣ

отмѣчается, какъ характерный для «права самосохраненія» и для права на войну слѣдовательно, моменты исчезновенія правовыхъ преградъ, связывающихъ государства въ мирное время, въ частности преграды, налагаемой неприкосновенностью чужой территоріи.

Digitized by Google

случаевъ гипотеза естественнаго состоянія связана была съ теоріей о дѣйствіи «естественнаго права»; такое представленіе чуждо Еллинеку и Гейльборну; по крайней мѣрѣ никакого намека на него мы не находимъ, и оно противорѣчило бы ихъ общимъ воззрѣніямъ на право; во всякомъ случаѣ понятіе «естественное состояніе» промелькнуло у обоихъ писателей всего разъ по поводу теоріи войны, и никакому развитію или объясненію не подвергнуто.

Но если допустить, что они разумѣютъ состояніе фактическихъ, не нормированныхъ отношеній, то тогда ихъ пониманіе послѣдствій начатія войны пріобрѣтетъ несомнѣнно ошибочный характеръ. Прежде всего,—и это хорошо знаютъ и Еллинекъ, и Гейльборнъ,—состояніе войны не есть состояніе не нормированныхъ отношеній уже потому, что дѣйствіями воюющихъ управляютъ такъ называемые законы войны. Но и помимо этого соображенія, нельзя далѣе сказать и того, чтобы безусловно всѣ правоотношенія мирнаго времени разрушались въ моментъ начатія войны и замѣнялись цѣликомъ отношеніями de facto; новѣйшее развитіе международнаго права твердо установило, напротивъ того, положеніе, что только нѣкоторыя правоотношенія разрушаются войною и что рядъ другихъ продолжаютъ существовать несмотря на войну. Истина эта является въ настоящее время общепризнанной; стоитъ открыть любой изъ новѣйшихъ курсовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ; всѣ разсужденія на тему о правовыхъ послѣдствіяхъ объявленія войны сходятся на признаніи, что рядъ договорныхъ нормъ и рядъ нормъ обычныхъ переживаютъ моментъ начатія войны и продолжаютъ, какъ и въ мирное время, дѣйствовать между воюющими. Разсужденія о вліяніи войны на договоры приводятъ къ признанію, что война не затрагиваетъ слѣдующую категорію договоровъ: договоры, спеціально расчитанные на военное время, договоры содержанія экономическаго, договоры о выдачѣ, акты международныхъ союзовъ почтоваго, телеграфнаго и т. д., договоры по частному праву, конвенціи о торговлѣ и мореплаваніи и таможен-

Digitized by Google

ныя [73]); затѣмъ война не вліяетъ на права, предоставленныя иностранцамъ частнымъ лицамъ въ чужомъ государствѣ въ силу международнаго обычая; иностранцы должны по прежнему безпрепятственно допускаться къ проживанію на территоріи государства, ведущаго войну съ тѣмъ государствомъ, къ которому они принадлежатъ [74]). Рѣчи о «естественномъ состояніи» слѣдовательно быть не можетъ, а можетъ быть разговоръ о паденіи въ виду войны нѣкоторыхъ лишь нормъ права международнаго. Можно въ общихъ чертахъ указать, какихъ именно. Основное значеніе имѣетъ исчезновеніе границы. Граница представляетъ предѣлъ, за которымъ въ нормальныхъ отношеніяхъ власть чужого государства не можетъ по праву осуществляться и который налагаетъ такимъ образомъ рядъ сдержекъ на другія государства. Эти сдержки исчезаютъ въ военное время: съ начатіемъ войны государство имѣетъ право считать границы врага для себя открытыми; оно можетъ по праву вторгнуться въ предѣлы вражеской территоріи, предпринимать тамъ акты власти, класть предѣлъ мѣстной власти. Рядомъ съ этимъ исчезновеніемъ границы и въ не посредственной съ нимъ связи стоитъ паденіе обязательства уважать чужую власть; до начатія войны государство обязано руководствоваться принципомъ, что въ своихъ границахъ другое политическое цѣлое полный хозяинъ и не въ правѣ чинить какія-либо ему въ этомъ отношеніи затрудненія, а тѣмъ болѣе фактическимъ вмѣшательствомъ противодѣйствовать функціонированію мѣстной власти; съ начатіемъ войны такое ограниченіе исчезаетъ и дѣлается позволительнымъ оказывать всякую помѣху актамъ власти врага, позволительно даже уничтожить ее безъ остатка въ случаѣ полнаго завоеванія. Таковы основныя послѣдствія войны; ихъ можно выразить однимъ общимъ положеніемъ: уваженіе правовой

---

[73]) Такъ, между прочимъ, Lüder у Holtzendorff, IV, 355 ff. Rivier, II, 137 ss.

[74]) Lüder, ibid, 358 ff.; Rivier, II, 235 ss.

Digitized by Google

личности врага перестаетъ быть обязательнымъ съ начатіемъ войны [75]). Но отсюда вовсе не слѣдуетъ еще, что война возвращеніе къ естественному состоянію и что поэтому право на войну есть право вернуться къ этому естественному состоянію. Указаніе Гейльборна на «естественное состояніе» слѣдуетъ въ виду всего сказаннаго отвергнуть и предложить вмѣсто него такой выводъ: право на войну есть право государства снять съ себя часть обязательствъ по отношенію къ тому государству, коему война объявлена, и прежде всего обязательства уважать неприкосновенность правовой личности (правъ на территорію и правъ властвованія) этого послѣдняго.

Признавая, съ указанною оговоркою, справедливость основной посылки теоріи Гейльборна, мы должны теперь попытаться разъяснить основное указанное нами недоразумѣніе этой теоріи и выяснить, какія же притязанія вытекаютъ изъ права на войну, если признать, что въ силу этого права государство снимаетъ съ себя всѣ ограниченія, которыя возложены на него обязанностью уважать неприкосновенность чужой территоріи и чужой власти; о правѣ можно говорить въ данномъ случаѣ, только если дарованіе его одному государству создаетъ въ то же время обязательное новое поведеніе для государства, съ которымъ ведется война; нѣтъ сомнѣнія, что съ начатіемъ войны для этого послѣдняго возникаютъ новыя обязанности; онѣ сводятся къ тому, что государство

---

[75]) Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе вопроса о томъ, какое изъ двухъ перечисленныхъ послѣдствій войны — исчезновеніе границы или паденіе обязательнаго уваженія чужой власти — является наиболѣе характернымъ моментомъ. Какъ бы мы ни строили территоріальное право, связь этихъ двухъ моментовъ остается неприкосновенною: право на территорію есть вмѣстѣ и право власти въ ея предѣлахъ, хотя бы первое и толковалось какъ право вещнаго типа (что намъ кажется правильнымъ). Достаточно здѣсь замѣтить, что, даже если понимать право на территорію, какъ право вещное, въ смыслѣ права, охраняемаго безусловно противъ всѣхъ и каждаго, содержаніемъ соотвѣтствующаго этому праву Genuss'а будетъ всеже властвованіе.

Digitized by Google

обязано отказаться отъ своихъ прежнихъ правъ на неприкосновенность, обязано безропотно признать свободу дѣйствій другого, оно лишается всѣхъ правовыхъ возраженій противъ нее и принуждено искать спасенія лишь въ фактическихъ средствахъ, въ самозащитѣ съ оружіемъ въ рукахъ; конечно, эти средства въ извѣстномъ смыслѣ сильнѣе и ярче правового протеста, могутъ быть успѣшнѣе и во всякомъ случаѣ понятнѣе и привычнѣе, нежели кажущееся отвлеченнымъ юридическое возраженіе; здѣсь идетъ рѣчь не объ этомъ, намъ важенъ юридическій анализъ понятія и безразлично, насколько фактическое значеніе отдѣльныхъ моментовъ правового развитія вопроса отвѣчаетъ ихъ значенію съ точки зрѣнія правовой.

Съ этой оговоркою, мы можемъ сказать, что праву на войну соотвѣтствуетъ обязанность противника отказаться отъ международноправовой охраны своей неприкосновенности и что изъ права на войну вытекаетъ притязаніе на отнятіе у противника этой охраны; въ такой формулѣ не слѣдуетъ видѣть какую-то subtilitas juris, юридическую тонкость и ухищреніе, мало отвѣчающую реальнымъ жизненнымъ тканямъ. Нѣтъ сомнѣнія, напротивъ того, что этотъ обязательный отказъ противника отъ правоохраны является самымъ характернымъ правовымъ признакомъ войны, который мало замѣтенъ именно потому, что онъ совершенно очевиденъ и разумѣется самъ съ собой. Можно сказать поэтому, что этотъ слабый пунктъ Гейльборнскаго пониманія права на войну можетъ быть обойденъ вполнѣ благополучно, если только послѣдовательно развивать его основное положеніе.

Если вернуться мысленно къ исходной точкѣ нашего обзора, то мы можемъ сдѣлать слѣдующій общій выводъ. Теорія международнаго права всегда въ основномъ правильно искала путей пониманія соотношенія войны и права, ибо она всегда строила войну какъ субъективное международное право. Она вносила однако при этомъ цѣлый рядъ осложненій, указывала на исключительность случаевъ,

Digitized by Google

въ которыхъ можно говорить объ этомъ правѣ, стараясь разъяснить эти исключительные случаи ссылками на правомѣрность основаній войны и дѣлая въ разныхъ направленіяхъ попытки намѣтить, въ чемъ можетъ заключаться эта правомѣрность. Крушеніе всѣхъ ложныхъ наростовъ на правильной въ существѣ дѣла мысли заставило на минуту сомнѣваться въ возможности построить войну какъ субъективное право. Это сомнѣніе, по нашему мнѣнію, не основательно. Опираясь на глубокія замѣчанія Гейльборна мы указали, какъ и почему право на войну есть дѣйствительно въ полномъ и точномъ смыслѣ этого слова субъективное международное право.

7. Читатель не упустилъ, надѣемся, изъ виду сказаннаго нами въ началѣ настоящей главы. Весь смыслъ разсужденій относительно права на войну сводится въ настоящемъ изслѣдованіи къ опредѣленію основного элемента интересующаго насъ сопоставленія государства нормальной правоспособности съ государствомъ постоянно нейтральнымъ. Мы констатировали, что война является международнымъ субъективнымъ правомъ; благодаря такому выводу мы получаемъ возможность совершенно точно выразить и тотъ результатъ, къ которому привели насъ болѣе раннія разсужденія; мы сказали послѣ подробнаго разсмотрѣнія вопроса, что есть цѣлый рядъ государствъ, которыя не могутъ, съ точки зрѣнія права, вести войну, что таковы государства, входящія въ соединенія, что таково государство нейтральное. Сопоставляя этотъ начальный выводъ съ результатами только что сдѣланныхъ указаній, мы можемъ внести слѣдующее существенное исправленіе въ характеристику международноправового положенія постоянно нейтральнаго, которой мы пока должны были довольствоваться: постоянно нейтральное государство есть государство, лишенное принадлежащаго государству нормальной правоспособности субъективнаго международнаго права на войну; это ограниченіе представляетъ тотъ отличительный признакъ, который позволяетъ выдѣлить это государство, съ точки зрѣнія

Digitized by Google

права международнаго, изъ общаго состава другихъ субъектовъ этого права; это ограниченіе права не составляетъ части и послѣдствія болѣе общихъ ограниченій правъ, какъ то свойственно, напримѣръ, членамъ государственныхъ соединеній, оно для нейтральнаго знаменуетъ крайній предѣлъ международноправовыхъ ограниченій, лежащихъ на немъ, предѣлъ, за которымъ оно ничѣмъ не отличается отъ нормальной политической единицы.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Постоянно нейтральное государство и общее ученіе о субъектахъ права международнаго.

1. Постепенно подвигаясь въ юридическомъ анализѣ того типа международноправовой личности, который мы изучаемъ, мы подошли теперь къ конечнымъ проблемамъ, лежащимъ на нашемъ пути. Если мы спросимъ себя, возможно ли остановиться въ этомъ анализѣ на сдѣланныхъ въ предшествующей главѣ выводахъ, достаточно ли будетъ сказать, что постоянно нейтральное государство не обладаетъ правомъ на войну, то мы должны будемъ признать, что это указаніе на типическій признакъ института выражено слишкомъ конкретно, сведено къ голому правовому тезису, въ которомъ отсутствуютъ еще элементы болѣе широкаго и болѣе отвлеченнаго научнаго обобщенія.

Изъ разсѣянныхъ въ предшествующихъ главахъ указаній мы видѣли, какъ часто въ исторіи международныхъ отношеній постоянно нейтральныхъ возникали разсужденія о соотношеніи тѣхъ или другихъ ограниченій, наложенныхъ на нейтральнаго, съ идеей суверенитета этихъ послѣднихъ; стоитъ только вспомнить судьбу практической доктрины о противорѣчіи особыхъ обязанностей по охранѣ неприкосновенности иностранной власти съ суверенитетомъ Швейцаріи или Кракова, или швейцарскую теорію о необязательности,

Digitized by Google

съ той же точки зрѣнія суверенитета, конститутивнаго акта нейтралитета или обоснованіе бельгійцами права содержать войско и имѣть крѣпости, какъ права суверенаго государства, и т. д., и т. д.—Мы знаемъ затѣмъ, что вся новѣйшая литература международнаго права посвящаетъ свои усилія выясненію аналогичной проблемы о суверенномъ или несуверенномъ характерѣ постоянно нейтральнаго. — Вопросъ, занимающій и практическую политику, и науку вполнѣ законенъ. Всѣми сознается, что международная характеристика, дарованная нейтральному, представляетъ нѣкоторое уклоненіе отъ нормальной характеристики государствъ, которая мыслится обыкновенно подъ угломъ идеи суверенитета. Инстинктивно чувствуемое или сознательно обоснованное, сопоставленіе это является и для насъ логически необходимымъ дополненіемъ къ сдѣланному въ предшествующей главѣ выводу. Постановка этого вопроса о положеніи постоянно нейтральнаго государства въ ряду остальныхъ субъектовъ права международнаго и рѣшеніе его обязательны для того, чтобы мы могли счесть исчерпаннымъ циклъ связанныхъ съ темой настоящей книги разсужденій.

Ближайшимъ образомъ указанная проблема распадается на слѣдующій рядъ вопросовъ: что такое лицо въ правѣ международномъ,—въ какой формулѣ выражается нормальная международная характеристика этого лица и годится ли въ частности понятіе суверенитета для этой формулы, — представляетъ ли постоянный нейтралитетъ, какъ ограниченіе въ правѣ войны, уклоненіе отъ такой нормальной характеристики,—каковъ общій смыслъ и задача приписаннаго послѣднему международноправового status'a.

Ставя такіе вопросы, мы не скрываемъ отъ себя ихъ трудности, но мы не можемъ отказаться отъ попытки ихъ разрѣшить, ибо, только сомкнувъ сѣть сдѣланныхъ выводовъ съ центральнымъ узломъ изучаемой нами дисциплины, мы можемъ дать имъ жизнь и движеніе.

2. Мы начнемъ съ нѣсколькихъ указаній общаго характера.

Digitized by Google

Право, призванное служить задачѣ справедливаго распредѣленія благъ путемъ установленія и охраны нѣкоторыхъ болѣе или менѣе постоянныхъ связей между отдѣльными индивидуумами или отдѣльными группами, достигаетъ осуществленія такой задачи двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, оно направляетъ свои усилія на то, чтобы овладѣть и управлять содержаніемъ этихъ постоянныхъ связей. Оно говоритъ, напр., въ правѣ гражданскомъ: «ein auf eine unmögliche Leistung gericheteter Vertrag ist nichtig» или «владѣлецъ земель и покосовъ, въ верху рѣки лежащихъ, имѣетъ право требовать.... чтобы сосѣдъ запрудами не поднималъ рѣчной воды и оною не потоплялъ его луговъ, пашней и не останавливалъ дѣйствіе его мельницы»; въ правѣ государственномъ: «le Président de la République ne peut déclarer la guerre sans l'assentiment préalable des deux chambres»;—въ правѣ международномъ: «en matière civile et commerciale l'autorité judiciaire d'un Etat contractant pourra... s'adresser par commission rogatoire à l'autorité compétente d'un autre Etat contractant pour lui demander de faire, dans son ressort, soit un acte d'instruction, soit d'autres actes judiciaires» или «Его Величество Король Прусскій и Его Величество Король Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Король Ганноверскій, положили съ взаимнаго согласія быть въ ихъ обоюдныхъ владѣніяхъ тремъ военнымъ дорогамъ, именно... двѣ первыя будутъ служить для переходовъ прусскихъ войскъ, а третья для ганноверскихъ» и т. д. и т. д. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ имѣется налицо установленіе извѣстныхъ правовыхъ связей между указываемыми—или въ абстрактной формулѣ, или конкретно — субъектами; такова основная функція права—опредѣленіе содержанія правоотношенія. При этомъ, какъ сказано, указываются субъекты отношенія; изрѣдка право въ состояніи дать это послѣднее указаніе совершенно опредѣленно, оно можетъ сказать: Пруссія и Ганноверъ; всего чаще оно не можетъ этого сдѣлать и не можетъ сдѣлать потому, что не въ состояніи предусмотрѣть конкретно личность носителей тѣхъ или иныхъ

Digitized by Google

правъ и обязанностей: въ мало-мальски развитой системѣ права это немыслимо, ибо, съ одной стороны, потребовалась бы слишкомъ большая затрата энергіи, а, съ другой, произошелъ бы необходимо полный хаосъ и большой произволъ.

Возьмемъ систему права, гдѣ творчество нормъ объективировалось, гдѣ выработанъ соціальный аппаратъ, творящій объективное право, и допустимъ на минуту, что право указываетъ субъектовъ устанавливаемыхъ имъ отношеній конкретно. Ему придется тогда отказаться отъ понятія «владѣлецъ земель и покосовъ, въ верху рѣки лежащихъ» и отъ понятія «сосѣдъ», а перечислить владѣльцевъ Иванова и Петрова и сказать, что въ отношеніи къ нимъ сосѣди Сидоровъ и Афанасьевъ не должны дѣлать того-то и того-то, или, въ другомъ примѣрѣ, сказать M. Emile Loubet ne peut déclarer la guerre sans l'assentiment préalable des deux chambres и т. д. Количество законодательной работы увеличится настолько, что законодательный аппаратъ едва ли поспѣетъ выполнить свои обязанности; но даже если бы онъ поспѣлъ выполнить эту работу, то всетаки такая система оказалась бы пагубной, ибо, называя лицъ поименно, право естественно подверглось бы вліянію такой конкретной обстановки, дѣйствовало бы подъ угломъ зрѣнія оцѣнки той или другой конкретной личности, а это создало бы крайне вредный произволъ и полную шаткость всей правовой системы; Иванову отказано было бы въ томъ правѣ, которое даровано Петрову, M. Emile Loubet имѣлъ бы право объявлять войну самостоятельно, а завтрашній президентъ нѣтъ.

Естественно поэтому, что въ сколько-нибудь развитыхъ системахъ конкретное опредѣленіе субъектовъ по общему правилу возможно и допустимо лишь какъ исключеніе. Съ другой стороны, въ системахъ права, гдѣ еще нѣтъ развитого объективнаго права и гдѣ большая часть нормъ покоится на взаимномъ соглашеніи субъектовъ, перевѣсъ получаетъ конкретное указаніе. Возьмемъ ли мы первобытный гражданскій строй или современное международное право, въ обоихъ случаяхъ права и обязанности, устанавли-

Digitized by Google

ваемыя имъ, будутъ приписаны опредѣленно поименованнымъ субъектамъ. Это совершенно понятно, когда договоръ служитъ источникомъ права: права и обязанности возникаютъ для его участниковъ, и субъекты, слѣдовательно, совершенно опредѣленны.

Во-вторыхъ, рядомъ съ такой основной функціей права, направленной на опредѣленіе содержанія правоотношенія и его субъектовъ, есть и другая нѣсколько иного характера. Основная функція носитъ положительный характеръ. Она непосредственно оказываетъ воздѣйствіе на правовую жизнь, прямо достигаетъ осуществленія своей задачи—организаціи оборота на основаніи тѣхъ или иныхъ началъ справедливости и равновѣсія интересовъ. Но иногда право подходитъ къ этой общей своей задачѣ съ другой стороны. Вмѣсто того, чтобы регулировать правоотношеніе и тѣмъ самымъ опредѣлять внутри этого правоотношенія положеніе субъектовъ, охранять тутъ болѣе достойные охраны интересы въ ущербъ другимъ, менѣе достойнымъ, право говоритъ: есть нѣкоторые субъекты, которымъ я принципіально запрещаю извѣстныя правоотношенія, — ибо я нахожу, что они не въ состояніи перенести ихъ безъ ущерба для себя, и не желаю, чтобы они подвергались риску, связанному съ этими правоотношеніями,—или что въ соціальномъ строѣ эти субъекты должны играть роль менѣе дѣятельную, чѣмъ остальные, служебную и подчиненную. Въ виду такихъ соображеній я ставлю ихъ въ особенное исключительное положеніе, заранѣе опредѣляя, что они могутъ и чего не могутъ. — Вотъ, напримѣръ, ст. 2 т. X ч. I. Св. Зак. изд. 1900: «монашествующимъ и посвященнымъ въ іерейскій или діаконскій санъ, доколѣ они въ семъ санѣ пребываютъ, бракъ вовсе запрещается на основаніи церковныхъ постановленій» и ст. 1109 тамъ же: «монашествующіе, какъ отрекшіеся отъ міра, по постриженіи своемъ отъ права наслѣдованія устраняются»; эти статьи создаютъ для извѣстной категоріи лицъ особое положеніе среди другихъ лицъ, участвующихъ въ русскомъ гражданскоправовомъ оборотѣ. Каковъ смыслъ

Digitized by Google

такихъ постановленій? Мы сказали раньше, что право, опредѣляя содержаніе отношеній, указываетъ и субъектовъ ихъ; при этихъ условіяхъ казалось бы нѣтъ нужды прибѣгать къ созданію этихъ особыхъ правовыхъ характеристикъ, не проще ли, говоря о субъектахъ того или другого правоотношенія, оговорить: въ этомъ правоотношеніи могутъ участвовать такіе-то субъекты minus монашествующіе, зачѣмъ же подходить къ вопросу съ другой стороны? Меньшее затрудненіе имѣется налицо, когда субъекты опредѣлены абстрактно; подъ такую абстрактную формулу могутъ подпасть лица дѣйствительно не годныя служить субъектомъ того или другого правоотношенія, и чтобы, въ огражденіе ихъ, не вносить оговорокъ по поводу каждаго правоотношенія, предпосылается общая оговорка о неспособности извѣстныхъ категорій лицъ къ нѣкоторымъ правоотношеніямъ. Тутъ обращеніе къ личнымъ характеристикамъ есть слѣдствіе необходимой законодательной экономіи, возникающее прежде всего во имя удобствъ систематизаціи и законодательной техники. Совсѣмъ иное—когда субъекты правоотношеній, содержаніе коихъ устанавливается правомъ, указаны совершенно конкретно. Къ чему созданіе особыхъ типовъ субъектовъ, обращеніе къ характеристикамъ, состоящимъ изъ принципіальныхъ указаній относительно дозволеннаго и запрещеннаго нѣкоторымъ категоріямъ лицъ. Для ясности возьмемъ приведенный выше примѣръ: установлено, положимъ, международное правоотношеніе, содержаніе коего сводится къ праву одного государства проводить свои войска черезъ территорію другого; при этомъ указано вмѣстѣ съ тѣмъ, что субъекты этого правоотношенія суть Пруссія и Ганноверъ; умѣстно ли по этому поводу и рядомъ съ этимъ создавать указанія, которыя говорили бы: Саксонія никогда не должна проводить своихъ войскъ черезъ чужую территорію? Очевидно, нѣтъ; почему же подобныя характеристики возникаютъ и въ системахъ права, гдѣ большинство правоотношеній индивидуализировано? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Даже если допустить, что вся

Digitized by Google

система права выростаетъ путемъ договорнаго правоустановленія и что нѣтъ объективировавшихся источниковъ права,—а тогда субъекты правоотношенія всегда опредѣлены конкретно,—то и тутъ возникновеніе принципіальныхъ правовыхъ характеристикъ вполнѣ мыслимо. И вотъ почему. Правоотношенія возникаютъ такъ: лица А и Б соглашаются, что взаимно связаны будутъ извѣстными правами и обязанностями; это—элементарная правовая клѣточка, дающая содержаніе правоотношенія и указывающая его субъектовъ. Рядомъ съ такими простѣйшими явленіями возникаютъ всегда другія. Всякій фактическій общественный строй всегда знаетъ сильныхъ и слабыхъ, зависимыхъ и независимыхъ, и эти различія неминуемо дѣлаются предметомъ правовой нормировки, хотя бы опять-таки въ тѣхъ же элементарныхъ правоустановляющихъ сдѣлкахъ. Возникаетъ, напримѣръ, у А потребность передачи извѣстной фактической власти надъ субъектомъ С лицу В, онъ заключаетъ соотвѣтствующую сдѣлку, въ которой говорится, что А признаетъ за В извѣстное право власти надъ С. Необходимымъ послѣдствіемъ нашей сдѣлки будетъ возникновеніе того, что мы назвали выше «особой характеристикой» лица С, ибо зависимость установитъ для него нѣкоторое исключительное положеніе, лишитъ его извѣстныхъ, принадлежащихъ другимъ правъ и установитъ извѣстныя, не принадлежащія другимъ обязанности.

Или другой примѣръ, лицо С сознаетъ, положимъ, что оно не въ силахъ жить за свой страхъ и рискъ, а должно искать покровительства, уступая часть своей свободы другому лицу А; въ послѣдующихъ отношеніяхъ, возникающихъ по поводу той или другой дѣятельности С, лицо В соглашается признать А господиномъ С; С оказывается въ особомъ исключительномъ положеніи, сравнительно съ А и В. Такихъ примѣровъ можно привести цѣлый рядъ. Такимъ образомъ, и въ системахъ права, гдѣ устанавливающія правоотношенія нормы конкретно указываютъ субъектовъ, вполнѣ мыслимо возникновеніе особыхъ характеристикъ нѣкоторыхъ категорій лицъ, принципіально выдѣляющихся

Digitized by Google

изъ общаго состава всѣхъ остальныхъ участниковъ этой правовой системы. Опять-таки и эти характеристики могутъ быть и абстрактными, и конкретными: можно выдѣлить изъ общаго состава группу лицъ, указанныхъ абстрактною нормою, и то же можно сдѣлать съ конкретно опредѣляемыми индивидуумами. Мы приходимъ поэтому къ заключенію, что двоякій путь нормировки можетъ быть свойственъ всякой системѣ права; послѣдняя можетъ, съ одной стороны, опредѣлять содержаніе правоотношеній и субъектовъ ихъ, а съ другой, можетъ извѣстныя категоріи лицъ принципіально устранить, въ большей или меньшей степени, отъ участія въ правоотношеніяхъ, давъ имъ особую правовую характеристику.

Размышляя надъ мотивами, которые побуждаютъ право обращаться къ такого рода косвенному средству управленія оборотомъ, мы должны констатировать общимъ образомъ слѣдующее: право усматриваетъ въ нѣкоторыхъ лицахъ такія свойства, которыя дѣлаютъ ихъ непригодными къ извѣстнымъ категоріямъ правоотношеній, считая, что участіе ихъ въ нихъ опасно или съ точки зрѣнія ихъ собственныхъ интересовъ, или съ точки зрѣнія интересовъ общественныхъ. Боязнь этого участія настолько сильна, что право не рѣшается бороться съ нимъ въ предѣлахъ нормировки отдѣльныхъ правоотношеній, хотя и въ состояніи это сдѣлать, а идетъ прямо къ цѣли, устанавливая для такихъ лицъ сразу же опредѣленную характеристику, въ содержаніе которой входитъ указаніе, что то или другое они не имѣютъ право дѣлать, то или другое должны дѣлать. — Мотивъ, побуждающій къ созданію такихъ характеристикъ, будетъ ясенъ, если обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ современномъ, напримѣръ, гражданскомъ правѣ эти характеристики всего обычнѣе по отношенію къ такъ называемымъ юридическимъ лицамъ.

Въ виду цѣлаго ряда соображеній право считаетъ, что въ гражданскомъ оборотѣ нельзя за юридическими лицами признать той полной свободы вступленія въ любыя право-

Digitized by Google

отношенія, которое теперь признано за лицами физическими. Оно считаетъ необходимымъ дать юридическимъ лицамъ извѣстную общую характеристику, съ которой имъ и приходится выступать въ оборотѣ. Оно требуетъ отъ нихъ особой легитимаціи, возлагаетъ на нихъ нѣкоторыя особыя обязанности въ дѣлѣ управленія дѣлами, создаетъ особыя основанія ихъ отвѣтственности и т. д. Отчего оно дѣлаетъ это? Потому что усматриваетъ въ юридическихъ лицахъ нѣкоторыя свойства, которыя дѣлаютъ невозможнымъ вполнѣ ассимилировать ихъ съ другими лицами въ гражданскихъ правоотношеніяхъ.

Резюмируя все сказанное, мы можемъ сдѣлать такое заключеніе: право, осуществляя задачу управленія соціальнымъ оборотомъ, прибѣгаетъ къ двумъ основнымъ пріемамъ; одинъ изъ нихъ, наиболѣе существенный, заключается въ томъ, что оно создаетъ правоотношенія путемъ опредѣленія ихъ содержанія и указанія, конкретно или абстрактно, ихъ субъектовъ; второй, имѣющій менѣе важное, дополнительное значеніе, состоитъ въ томъ, что для нѣкоторыхъ лицъ, также опредѣляемыхъ конкретно или абстрактно, устанавливается въ этомъ оборотѣ извѣстное особое положеніе, благодаря которому они принципіально устраняются отъ участія въ опредѣленныхъ правоотношеніяхъ.

Присматриваясь къ тому, какъ исторически комбинируются два отмѣченныхъ выше пріема управленія соціальнымъ оборотомъ, мы замѣчаемъ, что въ развитіи каждой системы права общія характеристики лицъ первоначально играютъ гораздо болѣе видную роль, нежели позднѣе, и что постепенно онѣ обнаруживаютъ наклонность исчезать и дѣлаться ненужными. Это, на нашъ взглядъ, вполнѣ понятно. Первоначально всякая система права старается создавать извѣстный искусственный подборъ и насильственную группировку субъектовъ; ей кажется необходимымъ придерживаться правила «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ», и она боится свободной борьбы свободныхъ индивидуумовъ за блага, распредѣленіемъ которыхъ она завѣдуетъ. Если сопоставить, напри-

Digitized by Google

мѣръ, римское право Рима и римское право Германіи, то мы увидимъ весьма значительное количество «правовыхъ характеристикъ» въ первомъ и почти полное отсутствіе ихъ во второмъ.— Феодальное общество переживало ту же эволюцію: процессъ развитія гражданскаго оборота начинается существованіемъ цѣлой массы субъектовъ, снабженныхъ разнообразнѣйшими варіантами личныхъ характеристикъ; постепенно уклоненія въ ту и другую сторону отпадаютъ, дворянство, съ одной стороны, и сервы, съ другой, сливаются въ своей правоспособности съ rôturiers и личный status послѣднихъ дѣлается нормою, сначала допускающей уклоненія, а затѣмъ такихъ уклоненій болѣе не знающей.—По той же схемѣ можетъ быть очерчена исторія и русскаго оборота, къ сожалѣнію еще не достигшаго стадій полной раскрѣпощенности.

3. Если мы зададимъ себѣ общій вопросъ о томъ, на какой ступени находится, съ указанной точки зрѣнія, современный международный оборотъ, то отвѣтъ, намъ кажется, совершенно ясенъ. Онъ переживаетъ нынѣ минуту, которую, можетъ быть, позволительно сопоставить, скажемъ, съ серединою среднихъ вѣковъ въ развитіи гражданскаго оборота Западной Европы, когда рядомъ съ лицами дворянскаго сословія, обладавшими, какъ характерной особенностью своего status'a, правомъ входить въ составъ «рыцарства», стояли, во-первыхъ, сервы, хотя и не лишенные вообще правоспособности, но ограниченные въ наиболѣе существенныхъ проявленіяхъ своей личности вовнѣ вмѣшательствомъ сеньора и обязанные послѣднему нѣсколькими спеціальными податями, и во-вторыхъ, вилэны, не обладавшіе правомъ на руководящую роль въ оборотѣ, принадлежавшую дворянамъ, но не знавшіе и тѣхъ ограниченій, которыя лежали на правоспособности сервовъ [1]). Можно съ увѣрен-

[1]) Esmein, Cours élémentaire d'histoire du droit français, 5-e édition, Paris, 1903, 220 ss. — Schröder, Lehrbuch der Deutschen Rechtsgeschichte, 4-e Auflage, Leipzig, 1902, 266 ff.

Digitized by Google

ностью предположить, что международный оборотъ современности долженъ былъ выработать цѣлую сѣть особыхъ личныхъ характеристикъ своихъ субъектовъ, по своему разнообразію напоминающихъ средневѣковое общество.

Намъ кажется, что, если на минуту задуматься надъ современнымъ международнымъ строемъ, этотъ выводъ сдѣлается очевиднымъ. Намъ мѣшаетъ мыслить подъ такимъ угломъ зрѣнія этотъ строй лишь литературная доктрина, съ которой мы свыклись и которая старается убѣдить насъ, что этотъ оборотъ покоится на началахъ равенства своихъ членовъ. Эту помѣху, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ устранить, откровенно признавъ, что современный международный оборотъ характеризуется, напротивъ того, именно неравенствомъ своихъ членовъ.

Остановимся, на нѣсколько минутъ на этомъ вопросѣ. Открывая какой-нибудь безразлично учебникъ права международнаго, мы сразу же натолкнемся на указаніе, что равенство государствъ между собою является безусловнымъ требованіемъ международнаго оборота. Какъ и откуда пришло это ученіе, намъ совершенно ясно. Достаточно взять выдержку изъ одного изъ старыхъ писателей, чтобы убѣдиться, что оно—перефразировка чистой естественно-правовой доктрины. Вотъ §§ 18 и 19 Вступленія Ваттеля: «такъ какъ люди по природѣ равны и права ихъ и обязанности одинаковы, ибо даны природою, то и государства, представляющія свободныя личности, живущія совмѣстно въ естественномъ состояніи, имѣютъ равныя обязанности и права... Карликъ такой же человѣкъ, какъ и великанъ: маленькая республика такое же суверенное государство, какъ и могущественнѣйшее королевство» [2]).

Отвѣчая общему складу правовыхъ воззрѣній эпохи, это сужденіе имѣло огромный успѣхъ. Оно продолжало жить даже дольше, нежели породившая его естественно-правовая школа. Какъ въ курсахъ, на которыхъ отражается

[2]) Vattel, 11.

Digitized by Google

непосредственно вліяніе естественноправовыхъ конструкцій, такъ и тамъ, гдѣ это вліяніе вообще мало замѣтно, царствуетъ полное однообразіе по этому вопросу: какъ основная истина науки международнаго права повторяется мысль, что «каждое государство, какъ лицо права международнаго, равно другимъ государствамъ». Достаточно сопоставить столь разнообразныхъ писателей, какъ Г. Ф. Мартенсъ въ концѣ 18 столѣтія [3]), Клюберъ въ первой [4]) и Геффтеръ во второй четверти 19 вѣка [5]), Блунчли въ 60-хъ [6]) Woolsey въ 70-хъ [7]), Бульмерингкъ въ 80-хъ [8]), Бонфисъ въ 90-хъ годахъ [9]), чтобы убѣдиться въ томъ, какъ пассивно повторяется положеніе о равенствѣ государствъ. Повторяется не только самая формула, но и аргументы для ея обоснованія: прибѣгаютъ къ однимъ и тѣмъ же разсужденіямъ, не лишеннымъ извѣстнаго положительнаго содержанія и интереса, но застывшимъ въ своемъ однообразіи. Это—хорошо извѣстныя указанія на то, какъ въ титулахъ, рангѣ и церемоніальныхъ отношеніяхъ между государями и государствами обнаруживается начало равенства государствъ. Оттѣнокъ исторической старины, свойственный этимъ ученіямъ, основаннымъ на воспоминаніяхъ о давно забытыхъ спорахъ, не даетъ возможности, конечно, самъ по себѣ, отрицать въ этихъ нормахъ-символахъ, всякое юридическое содержаніе. Онѣ несомнѣнно показываютъ, что есть извѣстная совокупность государствъ, сношенія между органами которыхъ выливаются въ формѣ, служащей символомъ полнаго между ними «равенства», что государь одной

---

[3]) G. F. Martens, Einleitung in das positive Europäische Völkerrecht auf Verträge und Herkommen gegründet, Gottinden, 1796, 147 (§ 122).

[4]) Klüber, 133.

[5]) Heffter, 51 f.

[6]) Bluntschli, 96.

[7]) Woolsey, 27

[8]) Bulmerincq, 204.

[9]) Bonfils-Fauchille, 135.

Digitized by Google

страны, хотя бы незначительной по своему пространству, силѣ и пр., равенъ въ отношеніи этихъ символическихъ формъ другому, стоящему во главѣ сильной державы. Но всѣ эти разсужденія не способны дать доказательства того общаго тезиса о равенствѣ государствъ, который они призваны обосновывать. Пользуясь сравненіемъ Ваттеля, можно сказать, что въ символахъ, на которые указываетъ литература, есть несомнѣнно доказательство того, что карликъ «равенъ» великану, но никоимъ образомъ нельзя заключить отсюда, что въ международномъ оборотѣ нѣтъ servi, personae alieni juris, prodigi и т. д. Полноправный карликъ равенъ полноправному великану, но это не значитъ еще, что нѣтъ лицъ не полноправныхъ. «Равенство равныхъ» не есть еще абсолютное равенство всѣхъ.

Существованіе международныхъ лицъ, правоспособность коихъ значительно ниже нормальной правоспособности, несомнѣнно сознавалось даже тѣми писателями, которые выставляли тезисъ о равенствѣ въ его абсолютной формѣ, и у всѣхъ перечисленныхъ выше, въ качествѣ примѣровъ, писателей мы находимъ совершенно опредѣленное признаніе, на ряду съ государствами, обладающими въ международномъ оборотѣ полнотою правъ, государствъ, ею не обладающихъ, «полусуверенныхъ», зависимыхъ и т. д. [10]). Совершенно непонятно, какъ никому изъ этихъ писателей и въ голову не приходитъ сопоставить это признаніе съ излагающимся черезъ десятокъ страницъ ученіемъ о равенствѣ, внести въ это ученіе хотя бы оговорку относительно «полусуверенныхъ», «зависимыхъ» и пр. государствъ. Это обстоятельство лишній разъ свидѣтельствуетъ, какъ велико было обаяніе естественноправовой доктрины.

Правда, за самое послѣднее время тезисъ принялъ въ литературѣ нѣсколько иную форму, скрывающую противорѣчіе его съ самыми очевидными явленіями правовой жизни, но ни мало однако не подвинувшую доказательность и со-

[10]) Klüber, 37 и т. д.

Digitized by Google

держательность всѣхъ утвержденій о равенствѣ государствъ. Эта новая форма такова: вмѣсто утвержденія безусловнаго равенства государствъ между собою говорится, что равны между собою «независимыя государства». Въ этой формѣ ученіе о равенствѣ государствъ излагается у Ф. Ф. Мартенса, у Гольцендорфа, у Ривье, если цитировать лишь наиболѣе яркіе примѣры. «Подобно тому, какъ отдѣльныя лица, граждане, равны передъ закономъ, такъ независимыя государства равны передъ международнымъ правомъ» (Мартенсъ) [11]); «къ высшимъ истинамъ общаго международнаго права относится постулатъ равенства суверенныхъ государствъ» (Holtzendorff) [12]); «суверенныя государства равны между собою» (Rivier) [13]). На нашъ взглядъ такая болѣе осторожная форма, которая позволяетъ обойти противорѣчіе старой доктрины съ дѣйствительностью международнаго права, лишаетъ ее съ тѣмъ вмѣстѣ всякаго содержанія. Подъ равенствомъ разумѣется равенство правъ; когда говорится: государства равны, разумѣется, что государства обладаютъ равными правами и что нѣтъ государствъ, не обладающихъ всѣми тѣми правами, которыми обладаютъ другія государства; когда же приходится сознаться, что есть государства, не обладающія полнотою правъ, остается только сказать: равны въ своихъ правахъ тѣ государства, которыя обладаютъ полнотою правъ; постулатъ равенства пріобрѣтаетъ характеръ тождества—равны тѣ, которые полноправны. То же самое было бы, если бы мы, разсматривая правопорядокъ, допускающій рабство, сказали: этотъ правопорядокъ основанъ на равенствѣ, ибо всѣ не рабы равны между собою. При этихъ условіяхъ введеніе понятія равенства довольно безполезно и ничѣмъ не оправдывается; что всѣ обладающіе полнотою правъ равны между собой со-

---

[11]) Мартенсъ, I, 290.

[12]) Holtzendorff, Der Staat als völkerrechtliche Persönlichkeit въ его же Handbuch des Völkerrechts, II, Hamburg, 1887, 11 ff.

[13]) Rivier, Principes, I, 128.

Digitized by Google

вершенно понятно; стоитъ прибѣгать къ понятію равенства лишь для того, чтобы обозначить, что нѣтъ неполноправныхъ, что нѣтъ рабовъ въ гражданскомъ правопорядкѣ или «полусуверенныхъ» въ международномъ; въ противномъ случаѣ умѣстнѣе говорить о неравенствѣ.

Гольцендорфъ пытается внести нѣкоторое содержаніе въ приведенную только что формулу и прибѣгаетъ для этого къ слѣдующему: «постулатъ равенства» влечетъ, съ его точки зрѣнія, то, что всякое правовое неравенство въ международномъ оборотѣ должно быть спеціально договорено (jede Ungleicheit rechtlicher Art im Staatenverkehr muss besonders stipulirt werden) [14]). Это утвержденіе есть не болѣе, какъ уловка: то же самое можно было бы сказать и о правопорядкѣ, въ которомъ существуетъ рабство, ибо тамъ это рабство равнымъ образомъ «muss besorders stipulirt werden», должно покоиться на «частной» нормѣ; рѣчь идетъ о международномъ правопорядкѣ въ его цѣломъ, гдѣ одна норма сообщаетъ однимъ лицамъ полноту правъ, вторая—ограничиваетъ другихъ въ извѣстномъ отношеніи; никакого «особливаго характера» нѣтъ въ этой второй нормѣ, ничто не доказываетъ, что она ненормальное исключеніе, уклоненіе отъ общаго порядка; она существуетъ наравнѣ съ нормою противоположнаго характера [15]).

Можно сказать поэтому, что въ новой своей формѣ ученіе о равенствѣ—безсодержательно, а въ старой—невѣрно. Оно должно быть самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуто. Международный правопорядокъ въ его современномъ видѣ не знаетъ равенства, напротивъ того, характернымъ его признакомъ является именно неравенство. Достаточно сослаться на тотъ простой фактъ, что число государствъ неполно-

[14]) ibidem.

[15]) Что съ понятіями общая и частная норма, привилегія и т. д. слѣдуетъ обращаться весьма осторожно, убѣдительно доказано Пиленко, Право изобрѣтателя, II, С.-Петербургъ, 1903, 317 слл.; фраза Гольцендорфа свидѣтельствуетъ именно о неосторожномъ обращеніи съ ними.

Digitized by Google

правныхъ превосходитъ количество полноправныхъ, если считать государства, входящія въ составъ союзнаго государства, и брать только самые характерные примѣры неравенства. Уже въ виду этого соображенія трудно говорить о равенствѣ всѣхъ субъектовъ правъ международныхъ. Помимо того, и по существу дѣла начало равенства было бы чрезвычайно неожиданнымъ въ столь мало развитой правовой системѣ, какъ международная. Если приглядѣться къ общей нити развитія права, то мы, какъ характерное свойство всякихъ раннихъ системъ его, находимъ неравенство между субъектами: такое явленіе повторяется въ частноправовыхъ системахъ или системахъ публичныхъ, и въ этомъ отношеніи рабство и высокій цензъ, patria potestes и «судъ пэровъ» представляютъ одинаково отчетливые признаки мало развитого права. То же и въ правѣ международномъ. Какъ право молодое, оно не могло выработать еще «началъ равенства предъ закономъ», должно еще покоиться на неравенствѣ. И этотъ чисто дедуктивный выводъ дѣйствительно подкрѣпляется жизнью, которая показываетъ, что о равенствѣ субъектовъ еще рано говорить въ международномъ правѣ.

Если выразить то же положеніе въ согласіи съ тѣмъ, что было выше сказано о двухъ путяхъ нормировки оборота, извѣстныхъ праву, то придется признать, что право международное на ряду съ непосредственною нормировкою правоотношеній прибѣгаетъ еще и къ личнымъ характеристикамъ своихъ субъектовъ, сходясь въ такихъ пріемахъ управленія оборотомъ съ другими системами права, находящимися на сравнительно низкой ступени развитія.

4. Жизненныя явленія, служащія результатомъ существованія указанныхъ двухъ путей правовой нормировки, не могли пройти незамѣченными въ доктринѣ права; къ юридическому описанію ихъ давно уже приступлено, причемъ, однако, до сихъ поръ въ этихъ описаніяхъ мы находимъ рядъ контроверзъ и недомолвокъ. Попытаемся прежде всего намѣтить, къ какимъ результатамъ приходитъ на

Digitized by Google

этомъ пути общая теорія права, въ своихъ разсужденіяхъ о лицѣ въ правѣ и о тѣхъ личныхъ характеристикахъ, примѣры которыхъ мы привели выше.

Вопросъ, отвѣтъ на который обязана дать общая теорія права, заключается въ слѣдующемъ: какъ складываются въ правѣ явленія неравенства субъектовъ и къ чему сводится это неравенство; сознательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ, только если мы предварительно совершенно ясно построимъ общее понятіе субъекта правъ и ясно дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, изъ какихъ элементовъ складывается это понятіе.

Отличительною особенностью предлагаемыхъ въ литературѣ отвѣтовъ на вопросъ о субъектѣ правъ является тотъ фактъ, что при построеніи этого понятія принимаютъ во вниманіе прежде всего и почти исключительно первый изъ указанныхъ выше двухъ путей нормировки оборота, совершенно игнорируя второй.

Если стать на минуту на эту точку зрѣнія, то понятіе лица пріобрѣтаетъ слѣдующій видъ. Субъектъ отождествляется съ носителемъ субъективныхъ правъ. Лица A, B, C, D... Z потому субъекты, лица въ юридическомъ значеніи слова, что они выступаютъ обладателями правъ [16]). Конечно, такая формула сама по себѣ говоритъ еще очень мало: она не даетъ отвѣта на коренной вопросъ о томъ, кто же способенъ выступать въ качествѣ обладателя субъективныхъ правъ. Ограниченное рамками понятія субъективнаго права, теорія вынуждена раздвинуть его границы и искать точки опоры для отвѣта на этотъ вопросъ внѣ сферы чисто правовыхъ представленій. Возьмемъ простой примѣръ, которымъ Виндшейдъ иллюстрируетъ свое разсу-

[16]) «Rechtsfähig oder Rechtssubjekt oder Person ist, wer Rechte haben kann»; Dernburg, Pandekten, 5-e Auflage, Berlin, 1896, I, 111 (§ 49, 1). Такой путь опредѣленія понятія лица избирается совершенно сознательно; ср. у Schuppe, Der Bergriff des subjectiven Rechts, Breslau, 1887, 290: Die Definition des Begriffes Rechtssubjekt kann keinem Zweifel unterliegen, wenn die des subjektiven Rechts festgesstellt ist.

Digitized by Google

жденія о субъективномъ правѣ [17]). Почему, спрашивается, юридическое лицо не есть субъектъ правъ семейственныхъ; отвѣтъ господствующей теоріи является ссылкою на то, что это лицо не можетъ выступать въ качествѣ участника семейныхъ правоотношеній; неизбѣжно возникаетъ, послѣ этого отвѣта, новый вопросъ: почему же не можетъ?

Вмѣсто того, чтобы сослаться на дарованную правомъ субъективную характеристику юридическихъ лицъ, теорія, игнорируя этотъ пріемъ нормировки оборота, вынуждена обратиться къ понятію естественныхъ—физическихъ и духовныхъ—свойствъ этого лица и говорить, что in natura ему не свойственны семейныя права и обязанности.

Такимъ образомъ коренная задача теоріи сводится къ изысканію и открытію тѣхъ естественныхъ свойствъ, которыя позволяютъ лицу принять участіе въ правоотношеніяхъ и дѣлаться носителемъ субъективныхъ правъ. Въ поискахъ этихъ натуральныхъ свойствъ лица, этой внѣюридической энергіи, дающей жизнь правоотношенію, господствующая доктрина идетъ двоякимъ путемъ; одни отвѣчаютъ: эта энергія—воля: разъ есть воля, есть возможность правоотношенію возникнуть, а слѣдовательно носитель правовой личности есть носитель воли [18]); другіе ищутъ объясненія въ интересѣ: тамъ, гдѣ есть интересъ, есть на лицо условіе возникновенія правоотношенія, поэтому субъектъ правъ есть носитель интереса [19]). Нѣтъ нужды вдаваться въ изученіе

---

[17]) Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts, 7-e Auflage, Frankfurt a. M., 1891, I, 140 (§ 57). Да позволено намъ будетъ мимоходомъ отмѣтить, что вообще мыслимы и семейныя правоотношенія юридическихъ лицъ: первобытное право даетъ въ этомъ отношеніи краснорѣчивые примѣры; ср. Ковалевскій, Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности, пер. Іолшина, С.-Петербургъ, 1896, 20: «бракъ существуетъ не между отдѣльными личностями, а между цѣлыми племенами».

[18]) Примѣръ: Windscheid, 88, 118.

[19]) Примѣры: Thon, Rechtsnorm und subjectives Recht, Weimar, 1878, 219; Schuppe, 291; Bernatzik, Die juristische Persönlichkeit der Behörden, Freiburg. B., 1891, 65.

Digitized by Google

полемики, связанной съ существованіемъ обоихъ взглядовъ; ограничимся лишь указаніемъ, подтверждающимъ указанное выше основное методологическое свойство высказываемыхъ въ этихъ спорахъ взглядовъ. Главный упрекъ, который обращается къ теоріи воли, заключается въ томъ, что воля, какъ необходимый внѣюридическій субстратъ, дающій жизнь субъективному праву, не существуетъ у цѣлаго ряда лицъ, выступающихъ въ качествѣ участниковъ правоотношеній; такъ, юридическое лицо не обладаетъ волею, которую мы находимъ лишь у индивидуумовъ, органовъ этого лица; у цѣлаго ряда юридическихъ лицъ не выработано даже организаціи, въ силу которой воля большинства,—въ которой можно было бы, пожалуй, видѣть необходимый для возникновенія субъективныхъ правъ этого лица субстратъ,—обязывала бы всѣхъ его членовъ [20]). Этихъ аргументовъ достаточно защитникамъ теоріи интереса: они показали, что оспариваемая ими теорія не въ состояніи въ духовныхъ свойствахъ ряда лицъ указать необходимый источникъ субъективныхъ правъ; иного источника субъективныхъ правъ, коренящагося внѣ духовныхъ свойствъ лица, не знаютъ обѣ теоріи, и нѣтъ сомнѣнія, что, если мы станемъ на ихъ точку зрѣнія, аргументы, только что воспроизведенные, покажутся намъ рѣшающими. Основное преимущество понятія интереса для защитниковъ его сводится къ тому, что оно гораздо эластичнѣе и, скажемъ, неопредѣленнѣе, присутствіе интереса можно доказывать въ бо̀льшемъ числѣ случаевъ и въ частности у тѣхъ лицъ, у которыхъ воля несомнѣнно отсутствуетъ. Но и эта теорія усматриваетъ въ интересѣ извѣстное первичное, логически предшествующее праву свойство, которое лишь претворяется впослѣдствіи въ правомочіе и безъ наличности котораго лицо въ смыслѣ юридическомъ не мыслимо [21]).

[20]) Мы воспроизводимъ разсужденіе Bernatzik'a, 36, 64.

[21]) Глубокія замѣчанія по адресу господствующихъ теорій субъективнаго права у Петражицкаго, О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, С.-Петербургъ, 1904, 28 слл.

Digitized by Google

Роль объективнаго права, съ этой точки зрѣнія, сводится въ дѣлѣ возникновенія лицъ къ пассивной «регистраціи» психическихъ монадъ, характеризуемыхъ наличностью воли или интереса. Процессъ появленія лица въ правѣ описывается такъ: имѣется рядъ воль (resp. интересовъ) $\alpha, \beta, \gamma, \delta$; объективное право прибавляетъ къ этому основному фактору извѣстный плюсъ признанія, которое превращаетъ часть этихъ воль (resp. интересовъ), скажемъ α и δ, въ правомочія a и d; этимъ творческая задача права исчерпана, наукѣ остается лишь съ своей стороны констатировать, что въ носителяхъ правомочій a и d мы находимъ субъектовъ, лицъ въ правовомъ смыслѣ слова,—A и D [22]).

Вотъ къ какимъ основнымъ чертамъ сводится господствующая общая доктрина о лицахъ въ правѣ. На нашъ взглядъ, справедливость ея вызываетъ весьма серьезныя сомнѣнія. Возраженія, которыя слѣдуетъ выставить противъ нее, располагаются двумя концентрическими кругами: съ одной стороны, внутри указанныхъ выше теорій лежитъ нѣкоторый кругъ неясностей, а съ другой, и извнѣ, изъ сопоставленія ея съ фактами правовой дѣйствительности, можетъ быть представлено нѣсколько возраженій.

Если остановиться сначала на внутреннемъ содержаніи господствующихъ ученій, то прежде всего возникаетъ сомнѣніе по вопросу о томъ, неужели роль права сводится въ

---

[22]) Subjekt eines Rechtsverhältnisses, oder kurzweg «Rechtssubjekt», kann im wahren und vollen Sinne des Wortes nur sein wer sich in der Lage befindet, eine Norm als Rechtsnorm, d. h. in der Eigenschaft als Rechtsgenosse gegenüber einem oder mehreren anderen Rechtsgenossen anzuerkennen; Bierling, Juristische Prinzipienlehre, I, Freiburg i. B. und Leipzig, 1894, 201; — Rechtssubjekt ist dasjenige, was nach der Wertschätzung des objektiven Rechtswillens denjenigen Wert hat, dass um seiner Selbst willen, nicht zu anderen Zwecken, sondern um dieses seines eignen Werteswillen sein Interesse vom objektiven Recht gewollt wird; Schuppe, 291;—Rechtssubjekt ist der Träger eines jeden menschlichen Zweckes, den die herrschende Rechtsordnung als Selbstzweck dadurch anerkennt, dass sie dem zu seiner Realisirung erforderlichen Willen rechtliche Kraft verleiht; Bernatzik, 65.

Digitized by Google

принципѣ къ «признанію» въ качествѣ правомочій существующихъ уже in natura и a priori данныхъ воль (resp. интересовъ) и неужели весь правовой строй предопредѣленъ безусловными для него фактами тѣхъ внѣюридическихъ естественныхъ свойствъ, которыми господствующая теорія надѣляетъ индивидуумовъ и группы индивидуумовъ и которыя неизвѣстны въ такомъ ихъ значеніи современной психологіи [23]). Господствующая теорія односторонне освѣщаетъ этотъ процессъ возникновенія правомочій: не будучи въ состояніи отрицать тотъ простой фактъ, что не всякая воля (resp. интересъ) претворяется правомъ въ правомочіе (ибо трудно отрицать существованіе подобной психической энергіи у рабовъ или монашествующихъ), она ограничиваетъ силы правовой системы возможностью отказать въ признаніи той или другой воли (resp. интереса). Не будемъ говорить о томъ, насколько гармонируетъ съ общей концепціей эта приписываемая праву способность лишь умерщвлять извѣстныя единицы духовной энергіи безъ соотвѣтствующей способности ихъ порождать. По этому поводу можно было бы замѣтить, что, приписывая праву исключительно пассивную роль, становятся въ разрѣзъ съ несомнѣнно творческою ролью этой духовной коллективной энергіи и воздвигаютъ китайскую стѣну между явленіями индивидуальной и общественной психики, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Но даже если оставить въ сторонѣ своеобразную соціальную философію указанныхъ воззрѣній и ограничиться внутренними логическими свойствами ихъ, то слѣдуетъ спросить себя, чѣмъ руководствуется право, отказывая въ признаніи субъективнымъ правомъ той или иной воли (resp. интереса). Казалось бы, разъ источникомъ правомочія является голый

---

[23]) Понятія воли и интереса не укладываются въ рамкахъ достигнутыхъ нынѣ въ области науки о душѣ результатовъ. Сопоставленія, которыя дѣлаются иногда, или слишкомъ неопредѣленны, или искусственны. См. правильныя замѣчанія на эту тему у Гримма, Основы ученія о юридической сдѣлки, I, С.-Петербургъ, 1900, 100 слл., 137 слл.

Digitized by Google

фактъ наличности воли (resp. интереса), то праву остается преклониться передъ этимъ фактомъ и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ дать ему признаніе; непонятно, какъ оно можетъ умертвить тотъ самый фактъ, который вообще представляетъ для него что-то непререкаемое и безусловное; ибо въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть на лицо именно актъ разрушительный: воля (resp. интересъ) раба уничтожается отказомъ въ признаніи за нею возможности превратиться въ правомочіе. А если такъ, то развѣ не будетъ вполнѣ логичнымъ доказывать, что право, не стѣсняемое наличностью воли (resp. интереса) при творчествѣ субъективныхъ правъ, можетъ даровать правомочіе единицѣ, которая духовными фактическими свойствами, описываемыми, какъ воля (resp. интересъ), не обладаетъ in natura. Достаточно сослаться на такой примѣръ; ст. 981 Зак. Гражд. изд. 1900 г. говоритъ: «принятіе... завѣщаемыхъ или даримыхъ въ пользу разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ заведеній капиталовъ и вещей на всякую сумму разрѣшается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ»; за юридическими лицами, описанными въ этой статьѣ, право наслѣдовать такимъ образомъ можетъ не быть признано; трудно однако допустить, чтобы у этихъ лицъ соотвѣтствующая воля или интересъ къ наслѣдованію кончались именно тамъ, гдѣ то указано будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; между тѣмъ завтра признана будетъ воля (resp. интересъ) тамъ, гдѣ ихъ сегодня не было, и произвольно измѣнены будутъ не только предѣлы воли (resp. интереса) наслѣдовать, но и самый составъ носителей воль или интересовъ; возникнетъ новое «духовное и свѣтское заведеніе» и съ тѣмъ вмѣстѣ родится и та воля (resp. тотъ интересъ), которой попрежнему будутъ стараться приписать какое-то метаюридическое значеніе единственно мыслимаго источника правомочія.

То обстоятельство, что объективное право произвольно разрушаетъ и произвольно творитъ субъективное право и носителей этого послѣдняго, не могло, конечно, не сознаваться хотя бы въ нѣкоторой степени господствующей док-

Digitized by Google

триною. Свидѣтельствомъ тому служатъ два факта. Во-первыхъ, если мы возьмемъ теорію воли, то мы увидимъ, что нѣкоторые защитники ея, сознавая, что малолѣтніе, душевнобольные, юридическія лица не обладаютъ волею, говорятъ, что здѣсь имѣется налицо примѣръ «фиктивной» воли, не существующей, какъ самостоятельное психическое явленіе, а лишь «приписываемой» лицу правомъ [24]). Въ этомъ заключается уже безспорно хотя робкое и неопредѣленное, но все же признаніе независимости творчества субъективныхъ правъ и субъектовъ отъ того внѣюридическаго естественнаго субстрата, которому большинство теоретиковъ теоріи воли приписываетъ рѣшающее значеніе. Во-вторыхъ, если мы станемъ на точку зрѣнія интереса, то мы должны будемъ признать, что весь смыслъ этого понятія сводится къ тому, что интересъ легче, нежели волю, приписывать той или другой единицѣ, а слѣдовательно, рядъ явленій, гдѣ мы видимъ несомнѣнное творчество со стороны объективнаго права, легче поддается подведенію подъ общую доктрину необходимой, и съ указанной точки зрѣнія, наличности естественной энергіи, порождающей права; стоитъ только взглянуть на новѣйшія формы этой теоріи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Возьмемъ, напр., такое опредѣленіе: «субъектомъ является носитель всякой человѣческой цѣли, которую господствующій правовой строй признаетъ въ качествѣ цѣли самостоятельной»; удобство этой формулы заключается именно въ малой опредѣленности ея; говорить, что всякое

---

[24]) Шире другихъ этимъ понятіемъ фикціи пользуется Bierling, I, 208, который говоритъ: «Wer im wahren und vollen Sinne Rechtsgenosse und damit unmittelbar Rechtssubjekt sein soll, der muss auch selbsttätig an der Rechtsanerkennung... Antheil nehmen; er muss m. a. W. selbst Rechtsgenosse sein wollen .. Wer nicht selbst Rechtsgenosse sein will... und .. trotzdem von anderen, ja gerade von den wirklichen Genossen des betreffenden Rechts unter gewissen Voraussetzungen als Rechtsgenosse oder Rechtsubjekt auf dem Boden des fraglichen Rechts angesehen und behandelt wird, so liegt hierin allemal, nur bald in grösserem, bald bloss in geringerem Maasse, eine Fiktion».

Digitized by Google

лицо является обладателемъ такой естественной единицы энергіи, какъ цѣль, очень легко въ сферѣ соціальной, построенной всецѣло на телеологическихъ началахъ, но нѣтъ сомнѣнія, что, если можно лишь путемъ «фикціи» приписывать волю всякому лицу, то для того, чтобы приписать ему цѣль, не требуется даже и фикціи, настолько понятно и доступно творческое внѣшнее признаніе таковой за любыми единицами оборота.

Въ виду только что сказаннаго можно такъ выразить первое возраженіе противъ господствующей доктрины лица: опредѣляя субъекта правъ, какъ носителя субъективнаго права, а этому послѣднему приписывая значеніе лишь «признанной» правомъ нѣкоей фактической духовной энергіи, господствующая доктрина игнорируетъ творческую способность права, могущаго создать субъективное право тамъ, гдѣ, казалось бы, нѣтъ фактическихъ къ тому данныхъ, и отказывающаго въ созданіи тамъ, гдѣ, казалось бы, послѣднія имѣются [25]).

Второе возраженіе противъ господствующей въ общей теоріи доктрины лица мы почерпаемъ въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Эта господствующая доктрина, мы видѣли,

---

[25]) Мы далеки отъ мысли отрицать вліяніе факта на правовую организацію; взаимная обусловленность ихъ внѣ спора; мы отрицаемъ лишь тотъ тезисъ, который приписываетъ безусловно предопредѣляющее для права значеніе картины воль или интересовъ. Какъ на особенно яркій примѣръ невѣрныхъ на нашъ взглядъ построеній, можно указать на Гримма, Курсъ римскаго права, т. I, вып. 1, С.-Петербургъ, 1904, 124 сл., который идетъ далѣе другихъ, утверждая: «юридическая квалификація сводится къ признанію данныхъ дѣйствій дозволенными или не дозволенными, разрѣшенными, предписываемыми или возбраняемыми. Эта различная оцѣнка очевидно не можетъ измѣнить природы жизненныхъ отношеній какъ таковыхъ». Мы положительно затрудняемся понять эту формулу: если, скажемъ, извѣстное дѣйствіе предписывается правомъ, то развѣ тѣмъ самымъ «природа жизненныхъ отношеній какъ таковыхъ» не измѣнилась и не проявилась какая-то творческая способность объективнаго права, къ которой Гриммъ, ibid., 108 относится съ ничѣмъ необоснованнымъ у него презрѣніемъ.

Digitized by Google

гласитъ, что появленіе лица въ правѣ служитъ лишь необходимымъ рефлексомъ признанія субъективнаго права за тѣмъ или другимъ индивидуумомъ или группою, что процесъ нормировки оборота сводится къ чеканкѣ правоотношеній, причемъ одновременно и слитно выбрасывается въ жизнь и субъективное право, и субъектъ. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Рядъ явленій говоритъ намъ другое. Возьмемъ конкретный примѣръ: объективное право установило институтъ купли-продажи, состоящій изъ совокупности нѣсколькихъ субъективныхъ правъ и обязанностей; пріобрѣтеніе этихъ правъ обусловлено нѣкоторыми юридическими дѣйствіями; допустимъ, что вся совокупность индивидуумовъ и группъ, составляющихъ общество, испытываютъ на этомъ институтѣ, суть ли они лица въ правовомъ смыслѣ или нѣтъ; каждый изъ нихъ совершаетъ предусмотрѣнныя институтомъ дѣйствія, пріобрѣтаетъ соотвѣтствующія субъективныя права и спокойно отходитъ, сознавая, что онъ субъектъ правъ, лицо; къ этому аппарату подходитъ между прочимъ и «монашествующій» русскаго права, совершаетъ все, что отъ него требовалось, но съ отчаяніемъ усматриваетъ, что ничего не возникло и что онъ все же не пріобрѣлъ правъ и не нашелъ въ себѣ здѣсь лица въ юридическомъ смыслѣ; онъ спрашиваетъ разъясненія у господствующей доктрины, которая умѣетъ его отослать только къ правовому институту купли-продажи, который однако ничего не говоритъ о причинахъ неудачи его попытки. Ему приходится признать, что онъ не сдѣлался обладателемъ субъективнаго права, потому что онъ вообще не можетъ купить и что внѣ соображеній, связанныхъ съ правоотношеніемъ, на немъ лежитъ нѣкоторое принципіальное ограниченіе «правоспособности».

Число такихъ примѣровъ можно было бы увеличить до безконечности; они будутъ свидѣтельствовать, что состояніе принципіальной возможности или невозможности имѣть права совершенно не разъясняется господствующими построеніями лица. Объясненіе этихъ явленій лежитъ въ су-

Digitized by Google

ществованіи указанныхъ нами выше двухъ путей нормировки оборота. Слова: «я имѣю право купить» съ этой точки зрѣнія имѣютъ совершенно опредѣленное значеніе; они переводятся такъ: «объективное право не признало необходимымъ принципіально устранить меня отъ тѣхъ или другихъ частей гражданскаго оборота». Существованіе этого самостоятельнаго акта творчества «правоспособности» свидѣтельствуетъ еще разъ о коренной ошибкѣ теорій воли или интереса; въ этихъ актахъ наличность такой внѣюридической энергіи совершенно не стѣсняетъ объективное право; предѣлы правоспособности не зависятъ отъ размѣровъ этой энергіи, даже если допустить ея существованіе.

Если свести въ одно цѣлое все, что было противопоставлено нами господствующимъ воззрѣніямъ на лицо въ правѣ, то мы должны будемъ признать, что, игнорируя существованіе двухъ путей нормировки оборота, общая теорія права не съумѣла разъяснить, что субъектъ въ правѣ не есть простое отраженіе наличности претворяемыхъ въ правомочіе воль (resp. интересовъ), а есть результатъ творческой дѣятельности объективнаго права, направленной именно на созданіе правовыхъ лицъ, находящихъ въ объективномъ правѣ данный имъ правовой status. Выставляя такое общее положеніе, мы далеки отъ мысли считать, что оно впервые формулируется нами. Напротивъ того, мы съ отраднымъ чувствомъ можемъ констатировать, что, если не мотивировка его, то самый тезисъ мы находимъ у многихъ писателей; сошлемся на двухъ. Lasson даетъ такой рядъ положеній: «юридическая личность не есть нѣчто само собой понятное, а даруется правомъ... Каждый человѣкъ не есть непремѣнно лицо. Личность даруется ему впервые правомъ и право можетъ имѣть основанія отказать въ этомъ дарѣ тамъ, гдѣ, казалось бы, имѣются на лицо всѣ необходимыя къ тому предположенія... Лицо или субъектъ правъ есть нѣчто отличное отъ человѣка... и когда послѣдній признается таковымъ, то это не есть простое послѣдствіе его

Digitized by Google

человѣческихъ свойствъ...» [26]). Regelsberger, развивая промелькнувшее у Dernburg'а указаніе, что «правоспособность есть предположеніе правъ и въ то же время само есть важное право» [27]), стремится равнымъ образомъ построить это понятіе, какъ самостоятельную юридическую величину. Основной его тезисъ таковъ: «отъ субъективныхъ правъ слѣдуетъ отличать правовыя свойства субъектовъ. Право- и дѣеспособность и способность распоряженія представляютъ предположенія для пріобрѣтенія, обладанія, передачи и т. д. правъ, но сами столь же мало могутъ быть отождествлены съ этими послѣдними, какъ и ихъ фактическія основы, подобныя совершеннолѣтію и т. под.»; «правоспособность покоится на дарованіи ея позитивнымъ правомъ. Существо—правоспособно, является лицомъ потому, что за нимъ или той группой, къ которой оно принадлежитъ, правовая норма признала правоспособность» [28]).

Въ разъясненіе даннаго нами выше опредѣленія общаго понятія лица необходимо добавить слѣдующее.

Наше опредѣленіе гласитъ, что лицомъ въ правѣ слѣдуетъ признавать не конкретнаго носителя тѣхъ или иныхъ правъ, а носителя правъ эвентуальнаго. Лицомъ является не тотъ, кто пользуется тѣми или иными правами, а кто можетъ ими пользоваться. Для того, чтобы имѣлось лицо, необходимо, чтобы за индивидуумомъ или группою признана

---

[26]) Lasson, System der Rechtsphilosophie, Berlin und Leipzig, 1882, 440 ff.

[27]) Dernburg, I, 111, прим. 3.

[28]) Regelsberger, Pandekten, I, Leipzig, 1893, 77. Основное различіе между понятіями Recht и Rechtsfähigkeit онъ усматриваетъ въ томъ, что «die Rechtsfähigkeit wird durch Rechtssatz bestimmt. Dieser Rechtssatz ist zwingender Natur. Die Rechtsfähigkeit kann daher durch Privatverfügen weder geschaffen, noch aufgehoben werden. Es gibt insbesondere keine Verzicht auf sie». Едва ли направленіе, въ которомъ оріентируется это разграниченіе, правильно. Примѣръ рабства, которое устанавливается между прочимъ и путемъ Privatverfügen, показываетъ, что право и правоспособность различаются не въ своемъ формальномъ источникѣ.

Digitized by Google

была правоспособность и совершенно безразлично, реализирована ли ими эта правоспособность въ той или другой суммѣ правъ; обыкновенно правоспособность лицомъ использована въ нѣкоторой мѣрѣ, такъ что носитель правоспособности есть и носитель субъективныхъ правъ, но логически мыслимо, конечно, и такое положеніе, при которомъ лицо не обладаетъ ни однимъ субъективнымъ правомъ и все же несомнѣнно должно признаваться субъектомъ.

По отношенію къ совокупности субъективныхъ правъ, существующихъ въ правовомъ оборотѣ, положеніе лица, съ указанной точки зрѣнія, двояко. Во-первыхъ, оно выступаетъ въ качествѣ носителя правъ a, b, c, d въ зависимости отъ того, пріобрѣло ли оно ихъ или нѣтъ; во-вторыхъ, оно по отношенію къ тому же ряду a, b, c, d находится въ положеніи эвентуальнаго ихъ носителя, лица, способнаго ихъ пріобрѣсти, независимо отъ того, пріобрѣтетъ ли оно ихъ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ. Конкретно, по отношенію къ куплѣ продажѣ, всякій субъектъ можетъ сказать про себя, во-первыхъ, я купилъ и, во-вторыхъ, я могу купить или я имѣю право купить.

Можно сказать поэтому, что правоспособность представляетъ изъ себя совокупность огромной массы отдѣльныхъ способностей къ пріобрѣтенію всѣхъ извѣстныхъ обороту субъективныхъ правъ. Конечно, при такихъ условіяхъ рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы дать положительное перечисленіе всѣхъ обнимаемыхъ понятіемъ правоспособности отдѣльныхъ способностей. Изъ того, что нами сказано было выше, мы знаемъ, что этого и не нужно. Право довольствуется личными характеристиками отрицательнаго содержанія, оно не говоритъ: лицо A можетъ пріобрѣсти права a, b, c, d..., а говоритъ: лицо A не можетъ пріобрѣсти права a, лицо B—правъ a и b, лицо C—правъ a, b и c и т. д., или лицо D свободно пріобрѣтать всѣ права безъ исключенія. Такимъ образомъ правоспособность характеризуется отрицательно: или изображеніемъ суммы наличныхъ ограниченій или констатированіемъ отсутствія ограниченій; въ первомъ случаѣ

Digitized by Google

мы имѣемъ ограниченную правоспособность, во второмъ полноту правоспособности. Мы можемъ выразить поэтому разницу между положеніями, когда субъективное право не пріобрѣтено и когда оно не можетъ быть пріобрѣтено, какъ отсутствіе права, съ одной стороны, и ограниченіе въ правѣ, съ другой. Когда мы говоримъ лицо ограничено въ правѣ, мы разумѣемъ именно ту особенность личной характеристики лица, когда ограничена самая правоспособность послѣдняго.

5. Мы сказали выше, что, подобно многимъ другимъ системамъ права, право международное на ряду съ непосредственною нормировкою правоотношеній прибѣгаетъ и къ личнымъ характеристикамъ своихъ субъектовъ; при этихъ условіяхъ самъ собою ставится вопросъ о томъ, насколько приложимы сдѣланные только что общіе выводы о лицѣ въ правѣ къ институтамъ международнымъ и въ частности къ рѣшенію той проблемы о положеніи постоянно нейтральнаго въ ряду другихъ международныхъ субъектовъ, которую мы формулировали въ началѣ настоящей главы.

На нашъ взглядъ указанные общіе выводы въ полной мѣрѣ приложимы къ системѣ права международнаго. Общая его структура уже служитъ сама по себѣ тому доказательствомъ. Съ точки зрѣнія даннаго выше описанія ея мы можемъ формулировать такой рядъ положеній: лицомъ въ правѣ международномъ является такая политическая единица, которой дарована способность къ пріобрѣтенію международныхъ правъ; — этотъ даръ отнюдь не является простымъ результатомъ пассивнаго признанія свойственной лицу естественной силы, логически предшествующей праву и предопредѣляющей появленіе правомочія;—международная правоспособность независима отъ конкретной суммы пріобрѣтенныхъ данной политической единицей правъ, и отсутствіе послѣднихъ отнюдь не обозначаетъ собою отсутствіе соотвѣтствующей способности; — лица въ правѣ международномъ обладаютъ или полною правоспособностью, или правоспособностью ограниченною и полнота правоспособ-

Digitized by Google

ности характеризуется отрицательно какъ отсутствіе ограниченій въ правахъ.

Намъ кажется, что внутри этихъ общихъ формулъ имѣются всѣ элементы, опредѣляющіе конструкцію лица въ правѣ международномъ; обращеніе къ инымъ понятіямъ поэтому, на нашъ взглядъ, или является напраснымъ загроможденіемъ дисциплины международнаго права, или же ведетъ на путь ошибочнаго пониманія природы отношеній, регулируемыхъ этимъ правомъ. Дальнѣйшее изложеніе должно послужить къ обоснованію этихъ положеній, причемъ мы сразу же должны имѣть въ виду, что господствующіе пріемы конструкціи лица и анализа личныхъ характеристикъ въ правѣ международномъ существенно расходятся съ только что намѣченными. Разница касается двухъ коренныхъ пунктовъ. Во-первыхъ, господствующія воззрѣнія исходятъ изъ признанія принципіальной невозможности самостоятельнаго творчества лица правомъ международнымъ, утверждая, что таковое заранѣе ему предуказано. Во-вторыхъ, при построеніи лица полной и ограниченной правоспособности пользуются понятіемъ не самостоятельно выработаннымъ наукою права международнаго, а заимствованнымъ изъ арсенала сосѣднихъ дисциплинъ, а именно понятіемъ суверенитета, созданнымъ въ кругѣ идей науки права государственнаго и опредѣляемымъ большею частью весьма неточно.

Попытаемся разобраться въ отмѣченныхъ нами ученіяхъ и опредѣлить, что въ нихъ вѣрно и что невѣрно, и почему. Сдѣлавъ это, мы получимъ возможность вернуться къ тѣмъ общимъ соображеніямъ о лицѣ въ правѣ международномъ, которыя въ основныхъ чертахъ намѣчены выше и которыя дадутъ намъ заключительную и принципіальную формулу постоянно нейтральнаго государства.

6. Можно, въ сущности говоря, провести полную параллель между предпосылками господствующихъ воззрѣній на лицо въ правѣ международномъ и доминирующими въ общей теоріи права воззрѣніями на лицо: въ основѣ тѣхъ и другихъ кладется мысль, что данной системѣ права предуказаны

Digitized by Google

носители правъ какими-то внѣ этой системы права лежащими факторами.—Дѣйствительно основная посылка современной теоріи международнаго права гласитъ: «международная личность можетъ принадлежать только государствамъ, и каждое государство является лицомъ въ смыслѣ права международнаго»; «международноправовая личность есть послѣдствіе государственнаго характера общественной группы» [29]); такимъ образомъ самостоятельное творчество лица въ правѣ международномъ исключается и роль международнаго права сводится къ нормировкѣ отношеній между предуказанными субъектами—государствами.

Такая формула равенства «лицо въ международномъ правѣ = государству» опирается въ современной доктринѣ на безусловно въ настоящее время господствующее убѣжденіе, что государство вообще можетъ и должно конструироваться не иначе, какъ юридическое лицо. Этотъ выводъ создаетъ весьма благопріятную логическую атмосферу, которая питаетъ указанную выше точку зрѣнія въ наукѣ права международнаго.

Теорія, опредѣляющая государство, какъ юридическое лицо, стариннаго происхожденія. Намѣченная въ сочиненіяхъ Молины, Суареца и Альтузія [30]), развитая затѣмъ Гроціемъ, Гоббесомъ и Пуфендорфомъ [31]), она входила, какъ необходимая часть, въ общій кругъ идей естественноправовой доктрины о государствѣ; переплетаясь съ понятіемъ организма и связанное съ такими общими метафизическими концепціями этой школы, какъ общественный договоръ и суверенитетъ народа, опредѣленіе государства, какъ лица, несомнѣнно носило и мало опредѣленный, и главное не юридическій характеръ [32]); остатки этихъ воззрѣній, со-

[29]) Gareis, Institutionen des Völkerrechts, 48; Jellinek, Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1900, 446 n. 1.

[30]) Gierke, Althusius, 158 ff.

[31]) Rehm, 237 ff., Gierke, ibid., 189 ff.

[32]) Объ этихъ взглядахъ Bernatzik, 18 ff., Preuss, Gemeinde Staat, Reich, als Gebietskörperschaften, Berlin, 1889, 173 ff.

Digitized by Google

хранившіеся доселѣ во французской политической доктринѣ, хорошо иллюстрируютъ ихъ недостатки: личность государства смѣшивается здѣсь съ личностью суверенаго народа, а опредѣленіе этого послѣдняго, какъ личности, является воспоминаніемъ о persona artificialis, созданной, по ученію Гоббеса, договоромъ свободныхъ индивидуумовъ [33]). Эти воззрѣнія,—оказывавшія въ свое время несомнѣнное вліяніе на науку международнаго права, гдѣ во времена господства естественноправовой методы равнымъ образомъ опредѣляли государство, какъ духовное лицо, происшедшее изъ договора индивидуумовъ [34]), — давно уже уступили мѣсто другимъ. Въ теоріи государственнаго права честь первой строго юридической концепціи государства, какъ лица, принадлежитъ Герберу. «Чтобы юридически опредѣлить ту общественную группу, которую называютъ государствомъ, говоритъ этотъ писатель, у юриспруденціи есть средство и средство это, заключающееся въ признаніи за нею личности, есть общее средство всякихъ юридическихъ конструкцій, какъ въ частномъ правѣ, такъ и въ правѣ государственномъ...»; «государство есть высшее юридическое лицо, которое извѣстно праву» [35]). Это опредѣленіе имѣло огромный успѣхъ; за Гербером одинъ за другимъ слѣдовали всѣ выдающіеся нѣмецкіе публицисты [36]), и нынѣ признаніе государства

[33]) Esmein, Elèments de droit constitutionnel, Paris, 1896, i: Le fondement même du droit public consiste en ce qu'il donne à la souveraineté, en dehors et au-dessus des personnes qui l'exercent à tel ou tel moment, un sujet ou titulaire idéal et permanent, qui personnifie la nation entière: cette personne morale c'est l'Etat, qui se confond ainsi avec la souveraineté, et qui en est l'expression supérieure. Напрасно Duguit, L'état, le droit objectif et la loi positive, Paris, 1901, 4 отождествляетъ эту метафизику съ новѣйшей нѣмецкой теоріей о государствѣ лицѣ.

[34]) Достаточно сослаться на Клюбера, Droit des gens, § 20 и на его современниковъ Шмальца, Шмельцинга и т. д.

[35]) Gerber, Grundzüge des Deutschen Staatsrechts, Dritte Auflage, Leipzig, 1880, 225 ff., 1 ff. (первое изданіе 1865).

[36]) Достаточно указать на столь различныхъ писателей, какъ Hänel, Studien zum Deutschen Statsrechte, I, Leipzig, 1873, 60, какъ Laband,

Digitized by Google

юридическимъ лицомъ можно признать господствующимъ [37]).

Отличительною особенностью этихъ новѣйшихъ воззрѣній является, какъ справедливо указалъ Bernatzik [38]), тотъ фактъ, что понятіе юридическаго лица носитъ въ нихъ совершенно отвлеченный характеръ, значеніе лишь общей юридической категоріи, не предрѣшающей, носителями какихъ правъ лицо выступаетъ. Это опредѣленіе говоритъ одно: государство можетъ имѣть самостоятельныя и независимыя отъ своихъ органовъ или подданныхъ права и обязанности, и совершенно игнорируетъ вопросъ о томъ, что это за права и обязанности.

При такихъ условіяхъ весьма понятно, что положеніе: «лицо въ смыслѣ международнаго права = государству» находитъ себѣ твердую точку опоры въ общихъ построеніяхъ государства: она какъ бы включена въ только что указанную отвлеченную формулу о государствѣ — лицѣ; наука международнаго права избавлена отъ необходимости самостоятельно строить понятіе лица, находя въ государствѣ уже готоваго носителя между прочимъ и международныхъ правъ. — Насколько глубока связь между этими двумя воззрѣніями, свидѣтельствуетъ одинъ изъ новѣйшихъ курсовъ международнаго права, стремящійся установить, что опредѣленіе государства, какъ лица, логически вызываетъ необхо-

---

I, 50 ff., Bernatzik, 75 f., Jellinek, Allg. Staatslehre, 144 ff., какъ Preuss, 160 ff. (мы цитируемъ наиболѣе выдающіеся примѣры).

[37]) Уклоненія, какъ извѣстно, существуютъ въ пользу, съ одной стороны, опредѣленія государства, какъ объекта власти, а съ другой, какъ правоотношенія. Примѣрами перваго могутъ служить: Seidel, Vorträge aus dem Allgemeinen Staatsrechts, München, 1903, 5; Bornhak Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1896, 9 ff. — Что касается теоріи правоотношенія, то Hänel, на котораго обычно ссылаются, отнюдь не отрицаетъ личности государства, а лишь комбинируетъ этотъ взглядъ съ другими общими своими воззрѣніями. Представителемъ этой теоріи можно считать собственно Коркунова, Русское государственное право, I, изд. 2, С.-Петербургъ, 1893, 9 слл.

[38]) Bernatzik, 23.

Digitized by Google

димость признать, что единственно возможное лицо въ смыслѣ международнаго права есть государство. «Строеніе государственныхъ отношеній какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ необходимо ведетъ къ признанію государства лицомъ, единымъ субъектомъ правъ. Такъ какъ народъ только въ государствѣ и только при посредствѣ государства дѣлается носителемъ юридически существенной воли, то тѣмъ самымъ отношенія этого народа къ другимъ могутъ получить юридическое значеніе лишь при сліяніи ихъ съ личностью государства; общая воля народа можетъ быть выражена вовнѣ юридически дѣйствительно лишь при посредствѣ государственной организаціи. Поэтому только государственнымъ образомъ организованные народы въ отношеніяхъ къ другимъ народамъ могутъ выступать въ качествѣ субъектовъ правъ и обязанностей. Поэтому только государства могутъ быть субъектами международнаго права» [39]).

Такая попытка ближайшимъ образомъ уяснить взаимную логическую зависимость двухъ воззрѣній встрѣчается далеко не у всѣхъ писателей, но это не мѣшаетъ тому, что признаніе тождества понятій государства—юридическаго лица и субъекта международныхъ правъ является теперь общимъ мѣстомъ доктрины международнаго права. При этомъ мы наблюдаемъ любопытное явленіе: на ряду съ большинствомъ писателей, которые говорятъ, что для опредѣленія лица въ правѣ международномъ достаточно позаимствовать формулу науки государственной, появляются и такія воззрѣнія, которыя говорятъ обратное—опредѣляютъ государство ссылкою на понятіе субъекта международнаго права, — но которые тѣмъ не менѣе свято блюдутъ это отождествленіе двухъ понятій и не допускаютъ мысли о самостоятельности каждаго изъ нихъ. Таково ученіе Рема, который опредѣляетъ государство, какъ группу, обладающую международноправовою личностью [40]).

---

[39]) Ullmann, 40.

[40]) Rehm, Allg. Staatslehre, 28, 38.

Digitized by Google

Указаный нами классическій путь опредѣленія субъекта международнаго права путемъ предварительнаго общаго признанія государства юридическимъ лицомъ въ абстрактной формулѣ, не опредѣляющей содержанія возможныхъ для этого лица правъ и обязанностей (безразлично совершаемъ ли мы этотъ путь въ томъ или въ другомъ направленіи), представляется намъ неправильнымъ и неправильнымъ прежде всего потому, что безусловная формула: государство есть юридическое лицо, представляется, на нашъ взглядъ, далеко не точною.

7. Остановимся подробнѣе на только что отмѣченномъ положеніи.

Опредѣленіе государства, какъ лица, имѣетъ въ виду слѣдующую основную цѣль. Государство представляетъ изъ себя безспорно нѣкоторое единство, основанное на существованіи власти, съ одной стороны, и подданныхъ и территоріи, съ другой; необходимо юридически объяснить это единство; единственный путь къ тому усматриваютъ въ признаніи государства юридическимъ лицомъ; такое признаніе дѣлаетъ легко понятнымъ, какъ при постоянной смѣнѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ и отдѣльныхъ органовъ власти государственная группа не умираетъ и не измѣняется [41]). Въ этомъ отношеніи принятіе тезиса, господствующаго въ современной наукѣ государственнаго права, представляетъ несомнѣнные логическіе выгоды. Но для того, чтобы имѣть право воспользоваться этими выгодами, необходимо доказать, что государство, какъ таковое, является носителемъ опредѣленныхъ публичныхъ правъ и точно опредѣлить, какимъ именно. Субъектомъ какихъ правъ въ сферѣ государственныхъ правоотношеній [42]) можетъ выступать это

[41]) Что въ этомъ основное достоинство формулы въ глазахъ ея защитниковъ, явствуетъ прежде всего изъ тѣхъ возраженій, которыя выставляются противъ другихъ теорій; см. Rehm, 156 ff.; Jellinek, 146 ff. Прямыя указанія, сверхъ того, и у основателя теоріи: Gerber, 226.

[42]) Мы намѣренно оставляемъ въ сторонѣ и гражданскія, и между-

Digitized by Google

юридическое лицо? Казалось бы, отвѣтъ на этотъ вопросъ не долженъ вызывать ни минуты колебаній. Между тѣмъ онъ далеко не ясенъ. Обыкновенный отвѣтъ гласитъ — «субъектомъ властвованія» [43]). Достаточно ли это опредѣленно? Чтобы доказать такой тезисъ, необходимо — это ясно само собою—доказать, что существуетъ въ системахъ позитивнаго права такое право властвовать и что это право принадлежитъ именно государству, какъ лицу, а не отдѣльныхъ органамъ этого государства.

Постараемся безъ всякой предвзятой мысли и отвлекаясь отъ спорной, на нашъ взглядъ, отвлеченной формулы, господствующей въ литературѣ, взглянуть, какъ строитъ дѣйствующее право тѣ правовыя отношенія, которыя въ совокупности своей и даютъ то сложное явленіе, которое мы именуемъ государствомъ.

Возьмемъ три слѣдующихъ типичныхъ государственныхъ устройства: абсолютную монархію, простую республику и союзную республику, и посмотримъ, удовлетворяютъ ли эти системы только что указаннымъ необходимымъ реквизитамъ построенія государства, какъ лица, въ сферѣ права государственнаго.

народныя правоотношенія. Вторыя потому, что вопросъ о государствѣ—субъектѣ этихъ правъ еще впереди; первыя, дабы не вдаваться въ полный контроверзъ вопросъ о фискѣ. Замѣтимъ по этому поводу лишь одно—новѣйшія теоріи признаютъ за фискомъ самостоятельное лицо лишь въ сферѣ гражданскаго права, по отношенію къ другимъ субъектамъ послѣдняго, въ правѣ же публичномъ считаютъ его лишь за государственную компетенцію; Hatschek, Die rechtliche Stellung des Fiskus im Bürgerlichen Gesetzbuche, Berlin, 1899, 40 f.; вопросъ о фискѣ, какъ лицѣ въ гражданскомъ оборотѣ, представляетъ полную аналогію съ вопросомъ о субъектѣ права международнаго, ибо въ обоихъ случаяхъ появленіе лица объясняется, по нашему мнѣнію, требованіями данной системы права, а вовсе не является слѣдствіемъ общей отвлеченной посылки.

[43]) Gerber, 3, n. 3: Der Begriff «Herrschen»... bezeichnet den eigenthümlichen Willensinhalt der Staatspersönlichkeit. За нимъ большинство другихъ представителей тѣхъ же воззрѣній.

Digitized by Google

Основныя положенія русскаго государственнаго права, посвященныя организаціи власти глясятъ такъ: Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный.—Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ.—Всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, потомъ восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе, и не иначе поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію какъ дѣйствіемъ Самодержавной Власти.—Власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Государю. Въ управленіи верховномъ власть его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣнію.—Власть Министровъ состоитъ въ томъ, что они могутъ понуждать всѣ подчиненныя имъ мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій,—и т. д., и т. д.

Основныя положенія французскаго государственнаго права сводятся къ слѣдующему: Законодательная власть осуществляется двумя Собраніями: Палатою депутатовъ и Сенатомъ.—Президенту Республики принадлежитъ инціатива законовъ совмѣстно съ членами двухъ Палатъ. Онъ объявляетъ законы, когда они вотированы двумя Палатами; онъ слѣдитъ за ихъ исполненіемъ и обезпечиваетъ послѣднее. Всякій актъ Президента Республики долженъ быть контрасигнированъ министромъ. — Министры солидарно отвѣтственны передъ Палатами за общую политику Правительства и индивидуально за ихъ личныя дѣйствія, и т. д., и т. д.

Конституція Соединенныхъ Штатовъ покоится на слѣдующихъ основахъ: Всѣми законодательными полномочіями будетъ облеченъ Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, который будетъ состоять изъ Сената и Палаты Представителей.—Палата Представителей будетъ состоять изъ членовъ, выбираемыхъ разъ въ два года Народомъ всѣхъ Штатовъ.—Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ состоять изъ двухъ

Digitized by Google

Сенаторовъ отъ каждаго Штата, выбранныхъ законодательными собраніями послѣднихъ на шесть лѣтъ.—Конгрессъ будетъ имѣтъ право назначать и собирать подати,... заключать внѣшніе займы, ...—Исполнительной властью будетъ облеченъ Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Америки.—Президентъ будетъ Главноначальствующимъ Арміей и Флотомъ Соединенныхъ Штатовъ... Онъ будетъ имѣть власть... заключать договоры... Судебная власть Соединенныхъ Штатовъ будетъ сосредоточена въ рукахъ одно высшаго Суда... и т. д., и т. д.

Если вдуматься въ этотъ рядъ статей, почерпнутыхъ изъ столь разнообразныхъ актовъ, и число которыхъ можно безконечно увеличить, то можно будетъ признать, что позитивное право всѣхъ странъ при построеніи внутреннихъ государственныхъ отношеній не знаетъ самостоятельной личности государства и самостоятельнаго права послѣдняго «на властвованіе». Оно знаетъ лишь органы государства и ихъ снабжаетъ отдѣльными правами властвованія [44]). Почему же явилась потребность уклониться отъ этого простого построенія позитивнаго права и замѣнить его гораздо менѣе понятными конструкціями современной доктрины?

---

[44]) Тотъ фактъ, что позитивное право при строеніи внутреннихъ государственныхъ отношеній не знаетъ государства, какъ лица, подтверждаетъ Rehm, Allg. Staatslehre, 150 ff, который силится доказать, что понятіе государства—лица опирается на твердой основѣ положительнаго права, и который тѣмъ не менѣе принужденъ довольствоваться ссылкой въ дѣйствующихъ конституціяхъ лишь на § 85 Вюртембергской конституціи «Der König vertritt den Staat in allen seinen Verhältnissen gegen auswärtige Staaten» и на аналогичныя ст. 6 Ольденбургской и ст. 22 Гамбургской конституціи. Конечно, эти немногочисленные примѣры ничего не говорятъ въ пользу необходимости строить самостоятельное лицо государства для пониманія внутреннихъ его отношеній, ибо въ нихъ имѣется въ виду совершенно иное—положеніе государства среди другихъ, а что въ международныхъ отношеніяхъ понятіе лица необходимо, стоитъ внѣ спора.—Другіе писатели не дѣлаютъ подобной попытки стать на почву позитивнаго права, очевидно заранѣе сознавая неудачу, которая ихъ постигнетъ.

Digitized by Google

Это вполнѣ понятно: всѣ перечисленные въ приведенныхъ статьяхъ субъекты правъ являются органами какого-то одного цѣлаго—Россіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ—и неразрывной и постоянной связью сплетены между собою, образуя въ своей совокупности одно государство. Таковъ неоспоримый фактъ нашего сознанія; спрашивается лишь, въ какую юридическую формулу можетъ и долженъ быть этотъ фактъ переведенъ и необходимо ли то объясненіе его, которое предлагаетъ доктрина.

Этотъ общій вопросъ конкретно сводится къ вопросу о томъ, каково соотношеніе между органомъ государства и самимъ государствомъ, существуютъ ли права органовъ или мыслимы лишь права государства. Три отвѣта на этотъ вопросъ даются въ литературѣ. Первый гласитъ: права органовъ суть одновременно права государства, второй: органы не имѣютъ правъ, а права принадлежатъ государству, третій: права принадлежатъ именно органамъ, ибо въ внутреннихъ отношеніяхъ государство не лицо, а правоотношеніе. Типичнымъ образцомъ перваго рѣшенія вопроса служитъ Bernatzik. Онъ говоритъ: органы государства суть носители правъ, но правъ чужихъ, правъ государства [45]). На это возражаетъ — и совершенно основательно — вторая теорія въ лицѣ Jellinek'a: государство для своихъ органовъ не есть чужая личность, напротивъ того именно эти органы и составляютъ то, что мы называемъ государствомъ, противопоставленіе своихъ и чужихъ правъ не можетъ имѣть мѣста внутри единаго государства; поэтому взглядъ Bernatzik'a не выдерживаетъ критики и долженъ быть замѣненъ другимъ: то, что намъ кажется правомъ органа, не есть его право, а есть его компетенція, права принадлежатъ государству, какъ таковому, по отношенію къ подданнымъ, и лишь осуществляются физическими лицами, воля которыхъ внутри дарованной компетенціи есть

[45]) Bernatzik, 60 f.

Digitized by Google

воля государства [46]). Эта теорія была бы вполнѣ пріемлема, если бы намъ было ясно, что такое компетенція въ отличіе отъ права. Jellinek разграничиваетъ эти понятія указаніемъ, что компетенція всегда объективное право и споръ о компетенціи всегда споръ объ объективномъ правѣ. Но развѣ всякій споръ о субъективномъ правѣ не есть въ то же время споръ о правѣ объективномъ, споръ о «компетенціи»? Искусственность построенія Jellinek'а заставляетъ насъ пойти при рѣшеніи вопроса о внутреннемъ строеніи государства по третьему пути, создателемъ и талантливымъ представителемъ котораго является Hänel. Онъ сознательно устраняетъ то противопоставленіе органа и государства, правъ органа и правъ государства, на которомъ покоится взглядъ первой школы. «Отвлеченно отъ своихъ органовъ государство не имѣетъ никакой реальности... Реальность государства состоитъ лишь въ разграниченіи и согласованіи множества отдѣльныхъ воль... Съ точки зрѣнія аналитической методы, которая не довольствуется схоластическими формулами, метафизическими понятіями и техническими тонкостями, но ищетъ объясненія реальныхъ явленій, не возможна теорія, которая... всегда и всюду видитъ въ корпоративномъ соединеніи единое лицо, а не-то, что, съ точки зрѣнія внутренняго строенія его, въ сферѣ опыта представляется единственно правильнымъ,—правоотношеніе совокупности лицъ» [47]).

Если такъ, если органы государства обладаютъ правами, и если права эти суть права органовъ, а не права самостоятельнаго лица государства, то какое же значеніе имѣетъ формула государство—юридическое лицо. Рѣшая частный вопросъ о природѣ органовъ государства, Hänel даетъ тѣмъ самымъ отвѣтъ и на тотъ болѣе общій вопросъ, который поставленъ выше. Для того, чтобы построить внутреннія

---

[46]) Jellinek, System der subjektiven öffentlichen Rechte, Freiburg i. B., 1892, 212 ff.

[47]) Hänel, Studien zum Deutschen Staatsrechte, II, 2, Leipzig, 1888 231 ff.

Digitized by Google

государственныя отношенія нѣтъ нужды обращаться къ понятію государства-лица. Они совершенно понятны и безъ того. Но, спросятъ насъ, гдѣ же единство государства съ этой точки зрѣнія Единство это заключается именно въ томъ, что совокупность всѣхъ отдѣльныхъ правъ и обязанностей внутри государства даетъ весьма сложную, но единую и постоянную систему правоотношеній. Измѣненіе въ лицѣ конкретныхъ носителей правъ отнюдь не значитъ, что измѣняется правоотношеніе; напротивъ того, это правоотношеніе живетъ, лишь обновляясь въ своихъ фактическихъ основахъ.

Но изъ того, что внутреннія государственныя отношенія должны конструироваться безъ помощи понятія лица, еще не слѣдуетъ, что государство никогда не является лицомъ. Это было бы большой ошибкой. Въ какомъ же смыслѣ и когда государство можетъ быть опредѣлено какъ лицо? Только что приведенная выдержка даетъ, на нашъ взглядъ, элементы совершенно яснаго отвѣта на этотъ вопросъ: государство не всегда и всюду юридическое лицо; во внутреннемъ своемъ строеніи оно правоотношеніе; слѣдовательно лицомъ оно является въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Развивая эту мысль, высказанную въ Studien zum Deutschen Staatsrechte въ 1888 году, Hänel въ своемъ курсѣ германскаго государственнаго права въ 1892 году далъ слѣдующее построеніе [48]). Всякій корпоративный союзъ объединяется извнутри существованіемъ ряда органовъ, обладающихъ извѣстными правами; пока рѣчь идетъ о внутренней жизни этого союза, послѣдній является совокупностью нѣкоторыхъ правоотношеній между его органами и членами; но какъ только союзъ выступаетъ изъ этой сферы и проявляетъ нѣкоторую активность вовнѣ, органы его необходимо пріобрѣтаютъ нѣсколько иное положеніе: за дѣятельностью ихъ должно теперь признаваться значеніе дѣятельности отъ лица союза, органъ дѣлается представителемъ союза; съ этою минутою союзъ превра-

[48]) Hänel, Deutsches Staatsrecht, Leipzig, 1892, 102 ff.

Digitized by Google

щается въ юридическое лицо; это превращеніе совершается правомъ, которое можетъ однако и отказать въ признаніи и тогда союзъ не выступаетъ уже самостоятельно въ правовомъ оборотѣ. «Корпоративный союзъ есть внутри себя основанное и покоющееся на самомъ себѣ явленіе. Естественное развитіе его бытія можетъ придать ему юридическую личность; она можетъ быть для него иногда необходимостью для достиженія нѣкоторыхъ цѣлей. И тѣмъ не менѣе вообще юридическая личность не входитъ въ составъ этого понятія; даже тамъ, гдѣ правовая личность появляется, юридическія послѣдствія этого факта находятся въ зависимости отъ внутренняго строенія союза». Все это общее разсужденіе о корпоративномъ союзѣ относится всецѣло и къ государству, какъ одному изъ его видовъ. Появленіе юридической личности вызывается потребностью въ внѣшней активности государства. Только въ смыслѣ внѣшнихъ отношеній, а не съ точки зрѣнія внутренняго своего строенія государство является лицомъ [49]).

Сдѣлаемъ еще шагъ на пути намѣченныхъ Hänel'емъ выводовъ. Онъ кончаетъ только что выписанное разсужденіе указаніемъ на то, что государство не только въ силу своей энергіи и многосторонности своей дѣятельности, но и благодаря присущей ему силѣ правового творчества всегда и всюду получаетъ характеръ юридическаго лица. Нельзя не замѣтить, что этотъ въ общемъ, конечно, близкій къ истинѣ выводъ едва ли вполнѣ послѣдователенъ. Несомнѣнно возможно себѣ представить,—и мы постараемся доказать это ниже на основаніи позитивнаго права,—государство, не знающее внѣшнихъ отношеній или знающее вовнѣ только отношенія государственноправового подчиненія другому госу-

[49]) Элементы правильнаго въ общемъ рѣшенія вопроса находимъ у Schmalz'a. Das europäisshe Völkerrecht in acht Büchern, Berlin, 1817,8: Das Staatsrecht trennt den Verein in zwei moralische Personen, Souverän und Volk; das Völkerrecht nimmt den gesammten Verein, als Volk für eine moralische Person, und erforscht nur dessen Verhältniss zu denen, welche aussen ihm sind.

Digitized by Google

дарству; тогда, конечно, юридическаго лица возникать не будетъ или будетъ возникать лишь въ очень узкомъ смыслѣ отношеній къ одному верховному государству.

А если такъ, то, возвращаясь къ поставленному выше вопросу, мы должны будемъ признать, что формула государство-юридическому лицу не имѣетъ того безусловнаго значенія, которое ей приписывается. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы найти въ этой формулѣ ту точку опоры, которую видятъ въ ней для второй формулы: лицо въ смыслѣ права международнаго есть всегда государство, мы пришли, напротивъ того, къ выводу, который отсылаетъ насъ при рѣшеніи вопроса, есть ли государство юридическое лицо, къ масштабу внѣшнихъ отношеній этого государства.

8. Приходя къ отрицательнымъ выводамъ о невозможности опереться при построеніи лица въ смыслѣ международнаго права на общую формулу: государство есть юридическое лицо, мы намѣтили попутно и нѣкоторое зерно выводовъ положительныхъ.

Мы пришли къ заключенію, что государство дѣлается юридическимъ лицомъ только по силѣ признанія его таковымъ во имя потребности его во внѣшнихъ отношеніяхъ. Вступая въ эти внѣшнія отношенія государство изъ корпоративнаго союза превращается въ юридическое лицо. Такимъ образомъ юридическое лицо есть извѣстный даръ со стороны тѣхъ правовыхъ нормъ, которыя регулируютъ внѣшнія отношенія государства. Внѣшними отношеніями мы называемъ въ данной связи слѣдующаго рода отношенія. Вопервыхъ, таковы частноправовыя отношенія государства-фиска: здѣсь индивидуумы и коллективныя лица лежатъ внѣ сферы государства и совершенно равны ему, какъ частноправовые субъекты; во-вторыхъ, такими внѣшними отношеніями являются отношенія членовъ союзнаго государства къ центральному государству, основанныя на государственноправовомъ подчиненіи, не уничтожающемъ однако государственнаго характера низшихъ единицъ; въ третьихъ, наконецъ, внѣшними отношеніями мы называемъ –

Digitized by Google

и это самый характерный примѣръ—отношенія къ другимъ государствамъ. Каждый разрядъ отношеній государства къ субъектамъ другой правовой сферы, лежащей внѣ совокупности правоотношеній внутри даннаго государства,—которыя мы и называли внѣшними,—порождаетъ самостоятельную и независимую отъ порождаемой другимъ разрядомъ юридическую личность [49a]). Однимъ изъ источниковъ появленія государства, какъ юридическаго лица, служитъ, мы видѣли, международное право. Оно превращаетъ государство, какъ совокупность правоотношеній, въ государство—лицо, самостоятельно пріобрѣтающее права и обязанности. Уже полемика съ господствующими воззрѣніями наводила насъ на мысль, что въ этомъ творческомъ актѣ международное право не связано необходимостью признать правовую личность за любымъ государствомъ. Рядомъ съ этимъ положеніемъ, по нашему мнѣнію, можно поставить еще и другое. Не только не всякое государство непремѣнно лицо въ смыслѣ права международнаго, но, сверхъ того, иногда международно-правовое лицо не государство.

Оба эти положенія имѣютъ для насъ очень существенное значеніе, ибо въ результатѣ своемъ они даютъ ту первую посылку о самостоятельномъ возникновеніи международной правоспособности, на которую опирается конечный выводъ общаго нашего построенія. Поэтому мы должны особенно внимательно отнестись къ обоснованію ихъ на почвѣ позитивнаго права.

Прежде чѣмъ сдѣлать это, необходимо методологическое замѣчаніе. Для того, чтобы установить оба указанныхъ вывода, нужно сразу же условиться относительно того, что мы будемъ разумѣть, говоря о государствѣ. Чтобы сопоставить это понятіе съ понятіемъ лица въ смыслѣ права международнаго, мы должны заранѣе отказаться отъ критерія,

---

[49a]) Такъ, несомнѣнно штатъ есть лицо въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ и не есть лицо въ смыслѣ международныхъ отношеній.

Digitized by Google

который можетъ быть данъ на основаніи изученія признаковъ государства въ его внѣшнихъ отношеніяхъ, а, напротивъ того, искать опредѣленія независимо отъ этихъ послѣднихъ, въ сферѣ внутреннихъ правоотношеній, составляющихъ въ своей совокупности единое государство. Литература давно уже намѣтила именно этотъ путь и изыскиваетъ опредѣленіе государства при помощи сопоставленія его съ земскими самоуправляющимися единицами. По этому вопросу столько писано, что мы не считаемъ необходимымъ останавливаться на немъ особенно подробно. Наиболѣе удовлетворительнымъ изъ предложенныхъ рѣшеній намъ представляется слѣдующее. Суверенитетъ на есть необходимое свойство государства [50]) и не суверенная политическая единица есть государство, если она удовлетворяетъ нѣкоторымъ требованіямъ, которыхъ наличность отличаетъ ее отъ самоуправляющейся единицы; эти необходимые реквизиты заключаются въ правѣ самостоятельно устанавливать внутреннюю свою организацію и самостоятельно преслѣдовать нѣкоторыя политическія задачи внутри признанной за нимъ компетенціи, совершенно независимо отъ какого бы то ни было контроля и директивъ; въ этомъ смыслѣ власть органовъ всякаго государства не должна имѣть производнаго характера, а почерпается изъ лежащихъ во внутренней сферѣ государства правовыхъ титуловъ [51]).

---

[50]) О суверенитетѣ см. ниже.

[51]) Сдѣланное въ текстѣ опредѣленіе представляетъ парафразъ формулъ, которыя даютъ Meyer, Lehrbuch, 8 и n. 17; Hänel, Deutsch. Staatsrecht, 801; Jellinek, Allg. Staatslehre, 446 ff. Мы считаемъ поэтому неудачными другія попытки разграничить понятія государство и земская единица; такъ: Rosin, Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung въ Annalen des Deutschen Reichs, 1883, 289 ff., который говоритъ о «мѣстныхъ задачахъ» общины и «національныхъ задачахъ» государства, какъ будто княжество Вальдекъ имѣетъ національныя цѣли; Brie, Theorie der Staatenverbindungen, 5 f., 12 ff, который считаетъ признакомъ государства всесторонность его цѣли, что невѣрно для членовъ союзнаго государства; Laband, I, 62, который останавливается на неопредѣленномъ положеніи, «dass jeder Staat, auch der kleinste, Herrschafts-

Digitized by Google

Пользуясь этимъ опредѣленіемъ, постараемся доказать тезисъ о независимости понятія субъекта международнаго права отъ понятія государства.

Сначала первая половина тезиса: не всякое государство есть лицо въ смыслѣ права международнаго. Оставляя въ сторонѣ излюбленный школьный примѣръ штатовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, мы воспользуемся инымъ матеріаломъ.

Около 600.000 кв. миль Британской Индіи занято территоріями такъ называемыхъ «Native States», населеніе которыхъ достигаетъ 66 милліоновъ. Англійская юридическая наука твердо усвоила себѣ опредѣленіе этихъ мѣстныхъ политическихъ единицъ, какъ «государствъ». Такую терминологію слѣдуетъ признать вполнѣ точною. Дѣйствительно, дѣйствующее англійское право признаетъ полную самобытность этихъ политическихъ единицъ: оно не считаетъ подданныхъ мѣстныхъ Князей британскими подданными [52]), отказывается отъ признанія территоріи этихъ государствъ за территорію Британской Индіи [53]) и оставляетъ за ними ту власть, которая характеризуетъ государство въ отличіе отъ самоуправляющейся единицы, а именно власть въ предѣлахъ своей компетенціи совершенно независимую и самобытную, основанную на своей собственной организаціи и преслѣдующей свои собственныя цѣли [54]). И тѣмъ не менѣе эти го-

---

rechte hat, dagegen der Communalverband nicht»; Preuss, 405 f., который видитъ въ государствѣ «eine Gebietskörperschaft mit Gebietshoheit», тогда какъ доказано, что нѣкоторая часть Gebietshoheit принадлежитъ и общинамъ.

[52]) Their subjects are not british subjects; Ilbert, The Government of India, Oxford, 1898, 142; cp. Hall, A treatise on the foreign powers and jurisdiction of the British Crown, Oxford, 1894, 127, 287 n. 1 и интересныя историческія замѣчанія Westlake, Etudes sui les principes, 205 ss.

[53]) Ilbert, 142.

[54]) Ilbert, 142 s., 461. Отмѣтимъ, что степень автономіи каждаго изъ «Native States» далеко не равна, такъ что могутъ среди нихъ оказаться единицы, не удовлетворяющія необходимымъ реквизитамъ государства. Atlay's Hall, 27 n. 1 говоритъ даже: Indian native states are theoretically in possession of internal sovereignty, что, конечно, не точно.

Digitized by Google

сударства ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны лицами въ смыслѣ права международнаго. Введеніе къ одному изъ парламентскихъ актовъ объ Индіи (1876, st. 39 and 40 Vict., c. 46) гласитъ: «Князья и государства Индіи, состоящіе въ союзѣ съ Ея Величествомъ, не имѣютъ никакихъ связей, взаимныхъ обязательствъ или сношеній съ иностранными державами» [55]); такой тазисъ находитъ себѣ всеобщее признаніе [56]), и это совершенно понятно, ибо верховенство Британской Имперіи надъ индійскими мѣстными государствами направлено именно на тщательное вытравленіе всякой возможности соприкосновенія между ними и иностранными государствами [57]).

Теперь вторая половина тезиса: лицомъ въ смыслѣ права международнаго можетъ быть и не государство. Оставляемъ въ сторонѣ спорный вопросъ о папѣ [58]); намъ представляются еще болѣе характерными явленія, возникающія вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ. Когда возникаетъ новое государство, то обыкновенно остальныя государства его признаютъ, т.-е. соглашаются видѣть въ немъ субъекта международныхъ правъ и обязанностей. Отъ этого акта существеннымъ образомъ

---

[55]) Цит. у Westlake, International law, I, Cambridge, 1904, 42.

[56]) Ilbert, 461; Westlake, Etudes, 233 (les princes indigénes n'ont point d'existence internationale).

[57]) Подробности соотвѣтствующихъ ограниченій у Ilbert, 142 ff., Hall, Foreign judisdiction, 128 f.

[58]) На нашъ взглядъ, папа несомнѣнный субъектъ международнаго права; въ этомъ отношеніи мы вполнѣ присоединяемся къ конечнымъ выводамъ недавней книги Байкова, Современная международная правоспособность папства, С.-Петербургъ, 1904, который идетъ однако въ своемъ разсужденіи совершенно, на нашъ взглядъ, неправильнымъ путемъ; анализъ понятія государства даетъ ему нѣкоторую совокупность признаковъ, которые онъ потомъ цѣликомъ старается приписать папѣ, что приводитъ его къ страннымъ выводамъ: чтобы доказать, напр., территоріальное верховенство папы, онъ утверждаетъ, что, хотя «капитуляція Рима послужила основой относительному стратегическому господству Италіи надъ Ватиканомъ», тѣмъ не менѣе въ предѣлахъ послѣдняго «Св. Престолъ сохранилъ до настоящаго времени абсолютное стратегическое господство»! (стр. 256).

Digitized by Google

отличается актъ «признанія воюющею стороною»; такое признаніе даруется обыкновенно части государства, возставшей противъ центральнаго правительства. Послѣдствіемъ такого признанія является возникновеніе между возставшею частью государства и третьими державами нѣкоторыхъ международныхъ правоотношеній, прежде всего правоотношеній нейтралитета, а затѣмъ и другихъ [59]). Возникаетъ такимъ образомъ новый субъектъ международныхъ правъ, новое лицо въ смыслѣ права международнаго. Кому даруется это признаніе? Указаніе на «возставшую часть государства» не достаточно опредѣленно, ибо, само собою разумѣется, не всякая возставшая часть всякаго государства получаетъ признаніе въ качествѣ воюющей стороны. Разные отвѣты предлагались на этотъ вопросъ. Въ 1825 году, послѣ признанія Греціи Англіею воюющею стороною, англійское правительство, въ отвѣтъ на протестъ Турціи, заявило: «нѣкоторая степень силы и устойчивости (a certain degree of force and consistency), пріобрѣтенная населеніемъ, ведущимъ войну, даетъ право этому населенію быть признаннымъ воюющей стороною» [60]). Въ 1836 году, по поводу признанія Техаса, отложившагося отъ Мексики, Соединенными Штатами, государственный секретарь Форзисъ писалъ: «никогда не считалось необходимымъ для признанія, чтобы взвѣшивались шансы войны и опредѣленъ былъ вѣроятный эвентуальный успѣхъ воюющаго. Для этой цѣли признавалось достаточнымъ, чтобы партія активно объявила свою независимость и въ данное время активно ее поддерживала» [61]). Въ литературѣ также много разъ пытались фурмулировать условія, при которыхъ совершается признаніе воюющей стороною: говорилось о способности возставшихъ создать новое государство, высказывалось требованіе, чтобы воюющая группа имѣла уже внѣшній обликъ

[59]) Rougier, Les guerres civiles et le droit des gens, Paris, 1903, 410 ss.

[60]) Atlay's Hall, 31, n. 1.

[61]) Lawrence to Wheaton, Elements of international law, 2-d annotated edition, Boston, 1863, 10, note 16.

Digitized by Google

государства, чтобы она представляла элементы правильнаго правительства и т. д., и т. д. [62]).—Какъ бы разнообразны ни были квалификаціи тѣхъ условій, при которыхъ возможно превращеніе возставшей политической группы въ «воюющую сторону», безспорнымъ остается одно: для этого отнюдь не нужно, чтобы имѣлась налицо та степень политической организаціи, которая дѣлаетъ группу государствомъ. А если такъ, то мы можемъ считать доказанною возможность появленія субъекта международнаго права, не представляющагося въ то же время государствомъ.

Такимъ образомъ, на почвѣ позитивнаго права, можно считать доказанными обѣ стороны выставленнаго выше положенія о томъ, то понятіе государства и понятіе лица въ области права международнаго не совпадаютъ въ своихъ границахъ. Такое положеніе вполнѣ гармонируетъ съ общими результатами сдѣланнаго выше экскурса въ общую теорію лица въ правѣ.

Сопоставляя съ ними только что сказанное, мы можемъ сказать, что субъектомъ международнаго права является такая политическая единица, которой дарована въ системѣ этого права способность къ пріобрѣтенію тѣхъ или другихъ международныхъ правъ, и что творчество международной правоспособности свободно отъ какихъ-либо ограниченій, лежащихъ внѣ сферы международнаго права [63]).

---

[62]) См. обзоръ у Rougier, 388 ss. Едва ли практичны попытки de lege ferenda установить непререкаемыя правила для признанія возставшей группы воюющею стороною: въ этомъ отношеніи извѣстный произволъ государствъ неизбѣженъ.

[63]) Высказывая такое положеніе, мы отнюдь не теряемъ изъ виду той безспорной истины, что все же безусловно господствующимъ типомъ международнаго лица является государство. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что творчество субъектовъ, вполнѣ независимое отъ существующихъ государственныхъ соединеній, есть соціологически весьма рѣдкое явленіе. Творческая способность международныхъ силъ вообще крайне ограничена; историческіе процессы, дающіе жизнь субъектамъ международнаго права, происходятъ внутри государственныхъ группъ, и международный правопорядокъ подчиняется результатамъ, достигну-

Digitized by Google

9. Намъ предстоитъ теперь перейти къ изученію положительнаго содержанія понятія лица въ международно-правовомъ смыслѣ. Мы показали выше, что дарованная той или другой политической единицѣ правовая личность отнюдь не представляется всегда единою и неизмѣнною, а что, напротивъ того, внутри понятія международной правоспособности возможны нѣкоторые варіанты, и личность, дарованная единицѣ, можетъ получать разную характеристику.

Для того, чтобы выразить эти различія въ личныхъ характеристикахъ субъектовъ международнаго права, господствующія воззрѣнія пользуются заимствованнымъ изъ права государственнаго понятіемъ суверенитета. Отождествляя субъектъ международнаго права съ государствомъ, въ ученіи международнаго права при помощи этого понятія строятъ іерархію различныхъ типовъ субъектовъ.

Мы отвергли основательность формулы равенства: государство = лицу въ международно-правовомъ смыслѣ. Изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы слѣдовало отвергнуть понятіе суверенитета, ибо можетъ статься, что оно имѣетъ такую эластичность и такія достоинства, которыя позволяютъ отнести его и къ субъекту международнаго права, какъ таковому.

Что это за понятіе и каково его значеніе для построенія международнаго права?

Съ тѣхъ поръ, какъ Бодэнъ въ своей книгѣ о государствѣ далъ знаменитое опредѣленіе государства, какъ «droit gouvernement de plusieurs ménages et de ce qui leur est commun avec puissance souveraine», понятіе суверенитета

тымъ этими процессами. Нѣтъ однако сомнѣнія, съ другой стороны, и въ томъ, что соціологически въ извѣстной мѣрѣ творчество доступно въ изучаемой нами сферѣ и силамъ международнымъ. Есть государства, именно имъ обязанныя своимъ возникновеніемъ; въ этомъ отношеніи исторія Болгаріи, можетъ быть, представляетъ особенно характерный примѣръ. Въ текстѣ мы имѣемъ въ виду не эту соціологическую сторону явленій, а разсматриваемъ ихъ исключительно съ точки зрѣнія юридической.

Digitized by Google

неразрывно связано со всякими разсужденіями о государствѣ, будь то государственно—,либо международноправовыми [64]). Опредѣленіе суверенитета, которое далъ Бодэнъ, послужило исходною точкою всего послѣдующаго развитія доктрины; оно сводилось къ формулѣ: «majestas est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas», и имѣло въ виду установить тотъ фактъ, что высшій органъ государства обладаетъ высшею въ государствѣ и ничѣмъ не ограниченною властью [65]). [66]). Эта формула подверглась въ

---

[64]) Въ 1892 г. Hänel, Deutsches Staatsrecht, 108, n, 1, жаловался, что исторіи понятія суверенитета не существуетъ; съ тѣхъ поръ этотъ пробѣлъ, благодаря ряду трудовъ, несомнѣнно пополненъ, поскольку дѣло касается литературы государственнаго права. Что же касается доктрины интернаціоналистовъ, то исторія ея доселѣ не написана; бѣглыя замѣчанія въ текстѣ ниже не могутъ, конечно, исчерпать этой темы.

[65]) Несомнѣнный парафразъ той же формулы представляютъ ст. 1 и 2 нашихъ основныхъ законовъ «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный...» «Та же власть верховная и самодержавная принадлежитъ и Императрицѣ, когда наслѣдство престола... дойдетъ до лица женскаго...»

[66]) По почину Rehm'a, Staatslehre, 44 говорится часто, что Бодэнъ придаетъ понятію суверенитета прежде всего международноправовое содержаніе (der Souveränitätsbegriff... in erster Linie zu einem völkerrechtlichen wurde); такъ Jellinek, 412 (Der Staat hat eine souveräne Gewalt, heisst zuvörderst nur: der Staat ist schlechthin unabhängig von jeder anderen Macht) и въ особ. Паліенко, Суверенитетъ, Ярославль, 1903, 87. (впрочемъ, стр. 414 иной взглядъ). Если обратиться къ восьмой главѣ первой книги De republica, то этотъ выводъ не подтверждается; общее опредѣленіе: majestas est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas (цит. editio quinta, Francofurti, 1659, 123) указываетъ уже на первенствующее значеніе именно государственноправового, а не международнаго момента въ понятіи суверенитета; нѣкоторыя фразы при бѣгломъ чтеніи могутъ ввести въ заблужденіе; такъ второе опредѣленіе, которое онъ даетъ: majestas vero nec majore potestate, nec legibus ullis nec tempore definitur (ibid., 125). Но если слѣдить за строго логичной аргументаціей въ доказательство этого тезиса, то мы увидимъ, что слова «nec majore potestate» относятся къ чисто внутреннимъ условіямъ: этотъ тезисъ подтверждается ссылкой на то, что регентъ, временно замѣняющій другую власть, не суверенъ и т. д

Digitized by Google

послѣдующей литературѣ видоизмѣненіямъ въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, высшимъ органомъ признавался не монархъ, какъ у Бодэна, а народъ, и суверенная власть приписывалась этому послѣднему, — это видоизмѣненіе насъ здѣсь не интересуетъ,—а съ другой—изъ свойства государя суверенитетъ постепенно превратился въ свойство самого государства. Возникло это послѣднее ученіе въ тѣ времена, когда стала назрѣвать доктрина о государствѣ—юридическомъ лицѣ; у тѣхъ самыхъ писателей, у которыхъ впервые зарождается это послѣднее ученіе,—у Гроція и Гоббеса,—мы видимъ первые слѣды признанія суверенитета свойствомъ не только высшаго органа, но вмѣстѣ съ тѣмъ самого государства [67]). Окончательно же оно утверждается въ такой же формѣ во второй половинѣ 18-го и началѣ 19-го столѣтія въ теоріи права международнаго, которая, заимствуя Бодэновское понятіе суверенитета, — понятіе власти верховной и самодержавной,— окончательно превратило его въ «свойство» государства, какъ такового. Въ серединѣ 18-го вѣка оно не признавалось еще необходимымъ для построенія правоотношеній между государствами; какъ оно прививается и претворяется здѣсь, ясно видно изъ сочиненія Ваттеля. Ваттель знаетъ слово «souveraineté» лишь для выраженія свойствъ высшаго органа государства, и оно равнозначуще въ устахъ его по-

---

Гораздо правильнѣе изложеніе у Rehm, Geschichte, 222, гдѣ этотъ внѣшній моментъ отнюдь не выдвигается. Дѣйствительно внѣшній суверенитетъ высшаго органа государства есть лишь одно изъ попутно отмѣчаемыхъ послѣдствій положенія: «majestas nec... nec legibus... definitur»; «aequalibus imperare ex lege nemo potest», говоритъ Бодэнъ (ibid., 141); ср. далѣе разсужденіе на тему: «habet majestatem qui post Deum immortalem se ipso majorem videt neminem». Изложеніе Бодэна безъ этихъ зѣднихъ мыслей находимъ у Janet, Histoire de la science politique, 3-e éd., Paris 1887, II, 119.

[67]) Чтобы судить, насколько близки въ своихъ корняхъ ученіе о суверенитетѣ органа и о суверенитетѣ государства, полезно прочесть у Гоббеса въ de cive, cap. VI, XIII.

Digitized by Google

нятію высшая и неограниченная власть суверена [68]); то, что мы привыкли разумѣть подъ суверенитетомъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ отношеній государства, у Ваттеля выражается понятіемъ независимость. «Народы свободны и независимы другъ отъ друга»; послѣдствіемъ именно этой «свободы и независимости» является ихъ право самостоятельно управлять своими дѣлами и неприкосновенность правъ ихъ внутренней верховной власти, ихъ «суверенитета» [69]). Это разсужденіе позволяетъ отдать себѣ полный отчетъ въ томъ, почему понятіе суверенитета безъ всякаго труда перенесено было въ характеристику свойствъ субъекта международнаго права. Необходимое качество всякаго носителя послѣднихъ есть независимость отъ другихъ государствъ; въ чемъ она можетъ выразиться, какъ не въ неприкосновенности «суверенитета», высшей внутренней власти; то государство, гдѣ суверенитетъ остается неприкосновеннымъ, есть суверенное государство; суверенитетъ есть, слѣдовательно, свойство самого государства. При такомъ пониманіи слово суверенитетъ исполняетъ двоякую службу: оно выражаетъ, съ одной стороны, свойство государства;—это «внѣшній суверенитетъ»; съ другой стороны, оно не утрачиваетъ своего коренного значенія и выражаетъ свойство органа власти государства; это «внутренній суверенитетъ». Таково происхожденіе ученія о двухъ суверенитетахъ, внѣшнемъ и внутреннемъ. Чтобы видѣть наглядно переходъ отъ Ваттеля къ этому ученію, слѣдуетъ раскрыть одинъ изъ курсовъ международнаго права, вышедшихъ въ первой четверти прошлаго столѣтія. Вотъ что говоритъ Шмальцъ: «Кто бы ни былъ представителемъ народа, монархъ или народное собраніе, на этого представителя переходитъ независимость самого народа... А такъ какъ эта независимость и есть именно то, что называется суверенитетомъ и высшею властью въ государствѣ или державностью (Majestät), то безсмысленнымъ споромъ о словахъ является

---

[68]) Vattel, Livre, I, ch. I, § 1.

[69]) Ibid., prélim., § 15; Livre II, ch. IV, §§ 54 и 55.

Digitized by Google

споръ о томъ, принадлежитъ ли суверенитетъ и державность народамъ или ихъ повелителямъ. Конечно, народамъ, ибо это значитъ ихъ повелителямъ; конечно, повелителямъ, ибо это значитъ народамъ... Въ международномъ правѣ необходимо и всегда сила повелителя является суверенитетомъ» [70]). Клюберъ дѣлаетъ нѣкоторый шагъ впередъ, обнимая понятія внѣшній суверенитетъ (бывшая «независимость» Ваттеля) и внутренній суверенитетъ («суверенитетъ повелителя» Шмальца) однимъ общимъ понятіемъ «суверенитета въ широкомъ смыслѣ слова». Онъ говоритъ: «суверенитетъ въ широкомъ смыслѣ... обнимаетъ полную независимость государства по отношенію къ другимъ народамъ и законную власть правительства или авторитетъ, который необходимъ въ цѣляхъ государства»; обѣ формы суверенитета связаны между собою: въ узкомъ смыслѣ слова «суверенитетъ есть независимость отъ иностранной воли въ дѣлѣ осуществленія правъ суверенитета» [70a]).

Въ такомъ видѣ ученіе о суверенитетѣ сохраняется до настоящаго времени. Не будемъ загромождать изложенія цитатами изъ литературы на протяженіи всего 19-го столѣтія. Варіаціи только что приведенныхъ выдержекъ характерны для огромнаго большинства представителей этой литературы. Ученіе о суверенитетѣ, распадающемся на суверенитетъ внѣшній и внутренній, живетъ до настоящаго времени; сошлемся на двѣ характерныя формулы; Еллинекъ съ свойственною ему опредѣленностью заявляетъ: «внѣшній и внутренній суверенитетъ... не мыслимы отдѣльно другъ отъ друга... Это не два раздѣльныхъ суверенитета, а одинъ и тотъ же; попытки раздѣлить суверенитетъ по тому, на что онъ направленъ, слѣдуетъ считать неудавшимися. Всякое государство, которому принадлежитъ съ точки зрѣнія государственнаго права высшая власть, вслѣдствіе того съ точки зрѣнія

---

[70]) Schmalz, 33 f. Варіантъ тѣхъ же соображеній у Schmelzing, Systematischer Grundriss, I, 66, 107 f.

[70a]) Klüber, §§ 20 и 21.

Digitized by Google

права международнаго независимо. То, что именуется международноправовымъ суверенитетомъ, есть необходимый рефлексъ вовнѣ высшей въ смыслѣ государственнаго права власти» [71]); парафразируя это положеніе только что вышедшій курсъ Ниса говоритъ: «суверенитетъ права публичнаго... и суверенитетъ права международнаго... не суть раздѣльные суверенитеты: они двѣ стороны одного и того же суверенитета» [72]). Утвержденію этой формулы о «двухъ сторонахъ» суверенитета, о суверенитетѣ внѣшнемъ, какъ «рефлексѣ» внутренняго не мало, конечно, способствовало то обстоятельство, что въ литературѣ государственнаго права, подъ вліяніемъ общихъ концепцій современной доктрины, теперь твердо усвоено положеніе, что суверенитетъ принадлежитъ не тому или иному органу государства, а самому государству какъ юридическому лицу; эта доктрина окончательно сблизила понятія суверенитета внѣшняго, который всегда разсматривался и не могъ иначе разсматриваться, какъ свойство государства, субъекта международнаго права, съ понятіемъ внутренняго суверенитета [73]). Лишь въ самое послѣднее время раздаются изрѣдка голоса, утверждающіе, что эта неразрывная связь между двумя суверенитетами не есть нѣчто само собою ясное и понятное; эти голоса исходятъ изъ среды представителей новѣйшей науки права государствен-

---

[71]) Iellinek, Staatenverbindungen, 23 ff.

[72]) Nys, Le droit international, I, 2-e édition, Bruxelles—Paris, 1904, 353; тоже Westlake, Intern. law, 20 f. Изъ старыхъ писателей особенно характерна формула Lawrence's Wheaton, 357; ссылки на новѣйшую литературу даетъ Rehm, Allg. Staatslehre, 60 f.

[73]) Объ эволюціи доктрины въ теоріи права государственнаго подробныя указанія у Паліенко, passim. Рѣшающее значеніе имѣлъ въ этомъ отношеніи, какъ и по вопросу о понятіи государства лица, Gerber; его положеніе— Die Ausdrücke «Fürstensouverainetät, Volkssouverainetät, Nationalsouverainetät» sind nur Stichworte für verschiedene politische Bestrebungen. Mit dem Begriffe des Monarchenrechts im engeren Sinne steht der Begriff Souverainetät in gar keiner Relation .. (Grundzüge, 22, n. 5) — признается, на ряду съ ученіемъ Альбрехта, началомъ современной доктрины; Jellinek, Allg. Staatslehre, 430.

Digitized by Google

наго и приходятъ въ результатѣ своемъ къ прямо противоположнымъ выводамъ; Rehm, напримѣръ, утверждаетъ, что суверенитета съ точки зрѣнія права государственнаго нѣтъ, а есть лишь суверенитетъ международноправовой [74]), Hänel, а за нимъ Паліенко, напротивъ того, утверждаютъ, что суверенитета нѣтъ именно въ правѣ международномъ, а есть лишь въ правѣ государственномъ [75]). Но все же доминирующее значеніе имѣетъ несомнѣнно то воззрѣніе о двухъ неразрывно связанныхъ между собою сторонахъ суверенитета, образцы котораго мы привели выше, и въ этомъ несомнѣнно та точка опоры, на которой основывается убѣжденіе въ пригодности понятія суверенитета для конструкціи права международнаго.

Прежде чѣмъ перейти къ ближайшей характеристикѣ ученій о суверенитетѣ въ теоріи международнаго права, остановимся на минуту на этомъ первомъ результатѣ, къ которому привело развитіе вопроса, посмотримъ, на чемъ основывается и къ чему сводится эта «универсальность» понятія суверенитета.

Попробуемъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что значатъ формулы внутренній и внѣшній суверенитетъ. Господствующія воззрѣнія совершенно правильно утверждаютъ, что между явленіями, которыя они подводятъ подъ эти формулы, существуетъ тѣсная связь, но въ сущности не даютъ отвѣта на вопросъ о томъ, чѣмъ эта связь обусловлена. Для нихъ внутренній и внѣшній суверенитетъ выраженіе двухъ «сторонъ» какого-то единаго явленія, двѣ ипостаси единаго понятія. Чему на самомъ дѣлѣ отвѣчаетъ эта нѣсколько туманная формула? Объясненіе очень просто. Внѣшній суверенитетъ въ устахъ господствующей доктрины означаетъ независимость одного государства отъ другого; эта независимость, какъ всякое явленіе международноправового порядка, можетъ получить конкретное фактическое осу-

[74]) Rehm, ibid., 61 ff.
[75]) Hänel, Deutsch. Staatsr., 118 f.—Паліенко, 416,

Digitized by Google

ществленіе только путемъ установленія соотвѣтствующаго требованіямъ международнаго права положенія во внутреннемъ правѣ государствъ; всякая международная норма вызываетъ извѣстныя новыя обязательства или права для органовъ государства; независимость международная есть поэтому необходимо независимость органовъ даннаго государства, неприкосновенность ихъ внутренняго верховенства. Наоборотъ, ограниченіе независимости въ международномъ порядкѣ умаляетъ независимость органовъ, ихъ внутреннее верховенство. Совершенно понятно поэтому, почему внѣшній суверенитетъ вызываетъ появленіе суверенитета внутренняго.

Если теперь обратить вниманіе на обратную сторону дѣла и посмотрѣть, чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что ограниченіе верховенства, происходящее изъ титула государственноправового, сопровождается соотвѣтствующимъ ограниченіемъ международноправовымъ, то объясненіе будетъ нѣсколько болѣе сложнымъ. Возьмемъ такой примѣръ: въ конституціи союзнаго государства, дающей центральному государству компетенцію надъ своей компетенціей, указывается рядъ предметовъ, гдѣ власть низшихъ государствъ перестаетъ дѣйствовать; здѣсь имѣется вытекающее изъ отношеній государственноправовыхъ ограниченіе суверенитета государствъ-членовъ. Почему такое ограниченіе служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіемъ международноправовымъ, почему, напр., Баварія и Франція не вправѣ заключить между собою оборонительнаго и наступательнаго союза. Очень понятно: здѣсь внутреннее ограниченіе воспринято международнымъ правомъ. Признавъ Германскую Имперію, Франція признала, что въ отношеніяхъ къ ней государства-члены имперіи не выступаютъ, какъ державы независимыя, а ограничены въ своей правоспособности.

Въ первомъ случаѣ внутренній суверенитетъ есть явленіе, которое, съ точки зрѣнія новѣйшей доктрины о соотношеніи источниковъ права, относится къ категоріи «международно необходимаго внутренняго права» (international

Digitized by Google

unentbehrliches Landesrecht), во второмъ внѣшній суверенитетъ есть результатъ «рецепціи» внутренняго права въ правѣ международномъ (Reception von Landesrecht in das Völkerrecht) [76]).

Спрашивается, имѣетъ ли это взаимное воздѣйствіе двухъ сферъ—международной и внутреннегосударственной—въ вопросѣ о «суверенитетѣ» безусловное значеніе. Оно несомнѣнно нормальное явленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему мнѣнію, теоретически мыслимы оба суверенитета независимо другъ отъ друга; возьмемъ опять-таки оба случая: переходъ международнаго суверенитета во внутренній и наоборотъ. Для того, чтобы иллюстрировать первое положеніе, вспомнимъ сказанное въ шестой главѣ относительно нешательскаго конфликта между Пруссіей и Швейцаріей: между 1848 и 1857 гг. Нешатель оставался въ смыслѣ международномъ подъ властью прусскихъ королей и его международная независимость ограничена была подчиненіемъ не только Швейцаріи, но и Пруссіи. Между тѣмъ въ то время швейцарское внутреннее государственное право уже не признавало этой послѣдней зависимости. Примѣромъ второго случая—отсутствіе внутреннихъ ограниченій при наличности внѣшнихъ—можетъ служить слѣдующее: передъ послѣдней восточной войной, съ точки зрѣнія внутренняго строя Турціи, Румынія являлась частью оттоманской имперіи; очевидно, Румынія не имѣла права заключать оборонительнаго союза противъ своего сюзерена. Россія тѣмъ не менѣе признала за нею полный внѣшній суверенитетъ, подписавъ договоръ съ нею 4/16 апрѣля 1877 года о борьбѣ съ султаномъ. Такимъ образомъ внутренній суверенитетъ мыслимъ безъ внѣшняго, а внѣшній безъ внутренняго. Конечно, такія явленія рѣдки и переходящи, и это вполнѣ понятно. Ткани правовыхъ системъ разнаго порядка суть жизненныя ткани и вполнѣ мыслимая разноголосица ихъ въ теоріи — въ жизни долго существовать не можетъ [77]).

---

[76]) Triepel, 211 ff., 301 ff.

[77]) Съ этою оговоркою мы вполнѣ присоединяемся къ выводамъ Hänel'я, Deutsch. Staatsr., 118 f. о взаимной связи двухъ понятій.

Digitized by Google

Эти немногія замѣчанія позволяютъ такимъ образомъ сказать, что «внѣшній суверенитетъ» и «суверенитетъ внутренній» понятія вполнѣ независимыя другъ отъ друга и что обычная близкая связь двухъ соотвѣтствующихъ явленій отнюдь не влечетъ за собою сліянія въ теоріи двухъ понятій, совершенно различныхъ.

10. Этотъ выводъ въ свою очередь дѣлаетъ обязательнымъ самостоятельный анализъ внутренняго содержанія понятія внѣшній суверенитетъ [78]), ибо вмѣсто того, чтобы говорить въ теоріи права международнаго о суверенитетѣ, какъ о какомъ-то всеобъемлющемъ и всюду одинаково пригодномъ понятіи, мы поставлены предшествующими указаніями въ необходимость точно установить, какое значеніе имѣетъ именно съ точки зрѣнія права международнаго понятіе суверенитета.

Содержаніе этого понятія представляется въ литературѣ довольно спорнымъ. Мы видѣли, что оно появляется для обозначенія одного изъ свойствъ государства—субъекта права международнаго, его независимости. Припомнимъ хотя бы приведенное въ текстѣ опредѣленіе Клюбера, гласившее: «суверенитетъ есть полная независимость государства отъ другихъ народовъ». Все послѣдующее развитіе доктрины остается въ общемъ вѣрнымъ такому опредѣленію и, если мы раскроемъ какое-нибудь новѣйшее сочиненіе, то мы найдемъ въ немъ часто почти дословное воспроизведеніе указанныхъ словъ Клюбера [79]); Ривье говоритъ

[78]) Вопросъ о внутреннемъ суверенитетѣ мы оставляемъ въ сторонѣ; на нашъ взглядъ, это понятіе, необходимое для конструкціи сложнаго государства и вообще всѣхъ явленій, гдѣ государство выступаетъ, какъ лицо въ смыслѣ права государственнаго; ср. выше стр. 591—592. Для конструкціи простого государства оно не пригодно, если разумѣть подъ нимъ суверенитетъ государства, какъ такового, а не суверенитетъ органовъ.

[79]) Мы не хотимъ, конечно, сказать, что формула эта изобрѣтена Клюберомъ; до него одинаково понимался суверенитетъ, какъ независимость, у такихъ писателей какъ G. F. Martens, Einleitung, 28 (§ 14), Schmalz и др.

Digitized by Google

напримѣръ: «государство суверенно, когда оно независимо отъ всякаго другого государства» [80]). Варіанты касаются лишь словъ для выраженія одной и той же мысли; вмѣсто независимости говорятъ самостоятельность [81]), свобода [82]), и т. д., но эти подстановки не мѣняютъ существа дѣла. Истинный пунктъ разногласія лежитъ въ иномъ, и только познакомившись съ нимъ, мы въ состояніи оцѣнить содержаніе того общаго понятія независимости, около котораго вращаются опредѣленія международноправоваго суверенитета.

Чтобы понять это разногласіе, вернемся еще разъ къ Клюберу; давая опредѣленія, которыя мы привели выше, онъ говоритъ между прочимъ, что суверенитетъ есть «совокупность правъ, принадлежащихъ независимому государству» [83]); нѣсколькими десятилѣтіями отдѣленная отъ Клюберовской Система международнаго права Оппенгейма, повторяя, что «суверенитетъ есть совокупность основныхъ правъ государства, безъ которыхъ оно не можетъ существовать», дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «всѣ отдѣльныя верховныя права относятся къ суверенитету такъ, какъ отдѣльныя права людей, собственность, семейныя и наслѣдственныя права и т. д., относятся къ его жизни, изъ которой они проистекаютъ... Государство есть моральное лицо, котораго отдѣльныя права проистекаютъ изъ его жизни— суверенитета» [84]). При всей туманности этихъ фразъ въ нихъ несомнѣнно элементы существенно отличнаго отъ Клюберовскаго признанія суверенитета «совокупностью правъ». Сдѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ впередъ. У Блюнчли новая формула: суверенитетъ для него уже одно изъ трехъ основныхъ «свойствъ государства» на ряду съ дѣеспособностью и равенствомъ, тѣмъ самымъ, повидимому, не право

---

[80]) Rivier, Principes, I, 52.

[81]) Liszt, 27.

[82]) Bluntschli, 88; Паліенко, 416.

[83]) Klüber, loc. cit.

[84]) Oppenheim, System des Völkerrechts, 2 Auflage, Stuttgart und Leipzig, 1866, 87 f. (первое изданіе 1845).

Digitized by Google

и не совокупность правъ [85]). Ф. Ф. Мартенсъ, воспринимая формулу Блюнчли о суверенитетѣ, какъ «свойствѣ государства», дополняетъ ее еще указаніемъ, что независимость, т.-е. тотъ же суверенитетъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ право государства [86]). Голль даетъ во многомъ сходныя разсужденія: независимость для него, съ одной стороны, «признакъ» государства, какъ субъекта международнаго права, а съ другой, одно изъ основныхъ правъ [87]). Гольцендорфъ, повторяя, что суверенитетъ есть свойство лица въ правѣ международномъ, даетъ рядомъ съ нимъ еще и иное указаніе: суверенитетъ есть, по его словамъ, «нормальное предположеніе международноправовой личности» [88]). Приведенныя выдержки даютъ возможность судить, насколько разнообразно пониманіе функцій понятія суверенитета въ теоріи международнаго права: для однихъ это свойство государства, для другихъ—право государства, для третьихъ—предположеніе его личности, для четвертыхъ — совокупность правъ. Что значитъ это разнообразіе оцѣнокъ и гдѣ въ немъ истина?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, попытаемся прежде всего строго юридически анализировать понятіе независимости, въ которомъ большинство, какъ мы сказали, видитъ содержаніе суверенитета; мы должны въ этомъ анализѣ постоянно помнить, что рѣчь идетъ именно о независимости въ смыслѣ международноправового понятія, не допускающаго истолкованія при помощи понятій государственноправовыхъ. Это—методологически необходимое требованіе предпринимаемаго анализа, разъ въ предшествующемъ изложеніи мы констатировали полную самостоятельность понятій суверенитета внѣшняго и внутренняго. Мы не вправѣ поэтому давать то толкованіе независимости, которымъ довольствуется

[85]) Bluntchli, 88 f.

[86]) Мартенсъ, I, 288, 300.

[87]) Atlay's Hall, 17, 47.

[88]) Holtzendorff, Der Staat als völkerrechtliche Persönlichkeit въ Holtzendorff's Handbuch, II, 6, 8.

Digitized by Google

большинство и которое сводится къ указанію на результаты, которые вызываетъ независимость для внутренняго строя государства, а именно на неограниченность и безконтрольность верховенства внутренней власти; это положеніе есть отраженіе независимости въ совершенно иной сферѣ отношеній, а не самая независимость въ сферѣ международно-правовой. Чтобы выразить значеніе независимости понятіями, почерпнутыми внутри этой послѣдней сферы, прибѣгнемъ къ слѣдующему разсужденію. Мы имѣемъ, положимъ, международныя лица A, B и C, между которыми возникаютъ правоотношенія, скажемъ A хочетъ заключить извѣстную международную сдѣлку съ B и C; B—независимое, суверенное лицо, C—зависимое, не суверенное. Въ чемъ съ точки зрѣнія имѣющихъ возникнуть правоотношеній выражается разница между B и C. Это совершенно ясно. Съ B лицо A можетъ заключить любую сдѣлку изъ существующихъ въ области международнаго права, съ C не всякую, ибо въ извѣстныхъ предѣлахъ возможность пріобрѣтенія самостоятельно правъ исключена зависимостью этого лица. Конкретно, Россія заключаетъ торговый договоръ съ независимой Франціей и намѣрена заключить такой договоръ съ зависимой Баваріей; она не сталкивается въ первомъ случаѣ ни съ какими препятствіями въ личной характеристикѣ Франціи; напротивъ того, она встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ личной характеристикѣ Баваріи; препятствіе это сводится къ тому, что зависимое государство Баварія не обладаетъ правовою возможностью вступать въ торговые договоры съ иностранными государствами. Вотъ къ чему съ точки зрѣнія международнаго права сводится зависимость и, на нашъ взглядъ, только къ этому. Мы знаемъ, какъ выражается юридически эта разница: это—разница въ размѣрахъ правоспособности. Баварія не тѣмъ отличается отъ Франціи, что не обладаетъ тѣми или другими правами, а тѣмъ, что не можетъ, какъ несуверенное въ международномъ смыслѣ слова государство, ими обладать.

То обстоятельство, что, въ смыслѣ права международ-

Digitized by Google

наго, суверенитетъ означаетъ именно полноту правоспособности, а ограниченіе его—ограниченіе правоспособности, и объясняетъ, на нашъ взглядъ всѣ указанныя выше колебанія въ опредѣленіи связи между лицомъ и суверенитетомъ; ища этой связи то въ указаніи, что суверенитетъ сумма правъ или одно изъ основныхъ правъ, то въ томъ, что это свойство лица, предположеніе этого послѣдняго или первоисточникъ его правъ, доктрина нащупываетъ правильный путь, но не можетъ его найти. Суверенитетъ, какъ полнота правоспособности, есть несомнѣнно свойство лица и то именно свойство, которое порождаетъ права, неограниченный суверенитетъ есть возможность обладать всею суммою международныхъ субъективныхъ правъ. Тотъ символъ, къ которому прибѣгаетъ Оппенгеймъ, сравнивающій суверенитетъ съ жизненною силою лица, былъ бы вполнѣ точенъ, если бы онъ понялъ его юридическое основаніе; правоспособность есть въ юридическомъ мірѣ именно тотъ источникъ жизни правоотношеній, о которомъ говоритъ приведенная цитата.

Было бы ошибочно думать, что только что указанное и единственно, по нашему мнѣнію, правильное толкованіе содержанія суверенитета какъ независимости во внѣшнихъ отношеніяхъ, совершенно чуждо литературѣ. Напротивъ того, мы находимъ у такого первостепенной силы мыслителя, какъ Hänel, совершенно ясное указаніе въ этомъ смыслѣ. То, что разумѣется подъ международнымъ суверенитетомъ, говоритъ Hänel, есть не что иное, «какъ полная правоспособность въ сферѣ международнаго права»[89]). Вслѣдъ за нимъ Ullmann,—и это одна изъ большихъ заслугъ его курса международнаго права,—равнымъ образомъ опредѣляетъ международный суверенитетъ, какъ полную право- и дѣеспособность, а зависимость, какъ ограниченіе этой право- и дѣеспособности[90]); Листъ повторяетъ ту же формулу, но

[89]) Hänel, Deutsch. Staatsr., 118.
[90]) Ullmann, Völkerrecht, 41

Digitized by Google

очень существенно ее дополняетъ, доказывая, что право—и дѣеспособность сливаются въ одно въ международномъ правѣ; это дѣлаетъ его теорію вполнѣ сходною съ теоріей Hänel'я [91]). Рядомъ съ этимъ изученіе отдѣльныхъ формъ зависимости государствъ привело Heilborn'а къ аналогичному въ общемъ положенію о зависимости, какъ ограничевіи дѣеспособности, а, по его стопамъ, въ ученіи о полунезависимыхъ государствахъ стали постоянно оріентироваться въ томъ же направленіи [92]).

11. Сводя воедино наши разсужденія по вопросу о лицѣ въ правѣ международномъ и о пріемахъ характеристики послѣдняго, мы можемъ выставить слѣдующій рядъ положеній. Творчество лица въ этой системѣ права совершается путемъ самостоятельнаго возведенія на степень личности политическихъ единицъ, не обладающихъ, какъ необходимымъ признакомъ, государственнымъ характеромъ; понятіе лица въ правѣ международномъ въ своихъ границахъ не совпадаетъ съ понятіемъ государства: лицомъ является не всякое государство и не всякое лицо является государствомъ. Содержаніе понятія лица опредѣляется его правоспособностью; господствующая терминологія усвоила себѣ для выраженія правоспособности слово суверенитетъ; подъ нимъ разумѣется два совершенно различныхъ понятія, внутренній суверенитетъ, какъ понятіе, почерпаемое изъ анализа правоотношеній внутри государства и служащее для выраженія верховенства внутренняго государственнаго властвованія, и внѣшній суверенитетъ, какъ понятіе, почерпаемое изъ анализа правоотношеній международныхъ и отвѣчающее тому, что въ иныхъ отрасляхъ права именуется правоспособностью; оба явленія тѣсно въ жизни связаны другъ съ другомъ: нормальная правоспособность сопровождается неприкосно-

---

[91]) Liszt, Völkerrecht, 41 ff.

[92]) Heilborn, Protektorat, 47 f. ср. также указанія выше стр. 497, прим. 25.

Digitized by Google

веннымъ верховенствомъ внутренней власти, но—логически—соотвѣтствующія имъ понятія совершенно независимы другъ отъ друга. Этотъ рядъ положеній всецѣло отвѣчаетъ тому пониманію лица и правоспособности, къ которому привелъ насъ предпринятый выше анализъ этихъ понятій въ общей теоріи права, и сдѣланное нами, на основаніи сопоставленія общаго строенія права международнаго съ другими системами сравнительно мало развитого права, предположеніе о сходствѣ въ конструкціи этихъ понятій теоретически находитъ себѣ полное оправданіе.

Каково значеніе всѣхъ только что указанныхъ выводовъ для ближайшихъ задачъ предпринятаго въ настоящемъ изслѣдованіи анализа? Въ концѣ прошлой главы мы должны были остановиться на простомъ констатированіи уклоненія постоянно нейтральнаго государства отъ нормальнаго типа международнаго лица, выражавшагося въ ограниченіи принадлежащаго послѣднему права на войну. Теперь мы въ состояніи точно выразить, въ чемъ заключается это уклоненіе. Мы видѣли, что всякому государству нормальнаго типа даровано право воевать; это не значитъ непремѣнно, что всякое государство такое свое право осуществляетъ, а значитъ лишь, что въ этомъ отношеніи его правоспособность не знаетъ никакихъ ограниченій. Постоянное нейтральное государство ограничено въ этомъ правѣ. Это значитъ, что оно обладаетъ не полнотою правоспособности, а правоспособностью ограниченною. Слѣдуетъ ли отсюда, что оно не суверенно? Согласно тому, что было сказано выше, отвѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ. Въ смыслѣ международномъ оно, конечно, не суверенно.

Чтобы оцѣнить значеніе этого вывода, остановимся на тѣхъ нѣсколькихъ спорныхъ пунктахъ, которые по отношенію къ постоянно нейтральному государству выдвинуты новѣйшею доктриною. Припомнимъ, что было сказано нами о воззрѣніяхъ Уэстлэка и Гейльборна, изъ которыхъ каждое служитъ весьма подходящимъ матеріаломъ для всесторонней

Digitized by Google

иллюстраціи вывода о несуверенности постоянно нейтральнаго государства [93]).

Уэстлэкъ утверждаетъ, что постоянный нейтралитетъ не есть ограниченіе суверенитета, ибо всякое ограниченіе суверенитета вызываетъ непремѣнно передачу отсутствующихъ правъ какому-нибудь высшему государству, а въ разбираемомъ нами институтѣ право войны за нейтральнаго никому не принадлежитъ. Это разсужденіе служитъ типичнымъ примѣромъ смѣшенія того, что мы называемъ внѣшнимъ суверенитетомъ, съ тѣмъ, что именуется суверенитетомъ внутреннимъ. Несомнѣнно «внутренній суверенитетъ» обладаетъ тѣмъ свойствомъ, о которомъ говоритъ Уэстлэкъ. Если одно государство не обладаетъ верховенствомъ внутренней власти, то очевидно имъ обладаетъ какое-нибудь высшее цѣлое, ибо понятіе о верховенствѣ представляетъ понятіе относительное и безъ признанія верховенства за высшимъ государствомъ мы не можемъ отрицать его за низшимъ. Но это разсужденіе никоимъ образомъ нельзя переносить на суверенитетъ внѣшній: правоспособность можетъ быть ограничена безъ какой бы то ни было передачи соотвѣтствующей этому ограниченію частной способности къ пріобрѣтенію тѣхъ или иныхъ правъ другому лицу. Цѣлесообразность ограниченія можетъ заключаться именно въ томъ, что

[93]) Этими замѣчаніями можно ограничиться въ оцѣнкѣ литературной доктрины о нейтральныхъ. Мы знаемъ, что доктрину занимаетъ вопросъ о суверенитетѣ этихъ государствъ; особаго интереса въ этомъ отношеніи доктрина не представляетъ, ибо она сводится или къ отрицанію, или къ утвержденію несуверенности постоянно нейтральнаго государства, безъ всякой аргументаціи. Изъ общаго типа разсужденій выдѣляется, кромѣ Уэстлэка и Гейльборна, лишь взглядъ Carnazza Amari (въ томъ же смыслѣ послѣ него, еще болѣе категорично, Cimbali, Lo stato secondo il diritto internazionale universale, Roma, 1891, 197 ss. и Kleen, Lois et usages de la neutralité, I, Paris, 1898, 95 ss), отрицающій «законность» постояннаго нейтралитета въ виду именно того, что онъ ограничиваетъ суверенитетъ. Доказывать неосновательность этого тезиса не нужно, онъ противорѣчитъ всему дѣйствующему международному порядку.

Digitized by Google

оно ничѣмъ не компенсируется. Сліяніе въ единое цѣлое двухъ понятій совершенно различныхъ помѣшало Уэстлэку правильно понять природу института и доказать тотъ тезисъ, который онъ защищаетъ.

У того же Уэстлэка и затѣмъ съ гораздо большею опредѣленностью у Гейльборна высказывается другой серьезный аргументъ противъ признанія нейтральнаго государства не суверенным, который сводится къ тому, что отношенія нейтралитета носятъ чисто обязательственный характеръ и не ограничиваютъ суверенитета, какъ не ограничиваютъ его другія международныя договорныя отношенія. Чтобы сознательно отнестись къ этому ученію, необходимо прежде всего сдѣлать одну общую оговорку. Еще Hänel глубокомысленно замѣтилъ: «Договоръ есть общая, обусловленная единствомъ воли нѣсколькихъ лицъ форма возникновенія, измѣненія и уничтоженія правоотношеній.... Въ области частнаго права долго существовала и широко распространена была ошибка, что понятіе договора сливается съ однимъ изъ возможныхъ его приложеній, съ обязательственнымъ договоромъ и что изъ договорнаго порядка возникновенія правоотношенія вытекаетъ его обязательственная природа... Теперь общепризнано для частнаго права, что путемъ договора могутъ возникать обязательственныя отношенія и вещныя права, бракъ и семейныя правоотношенія. Тѣмъ же путемъ возникаетъ затѣмъ корпорація... Договоръ выходитъ за предѣлы частнаго права. Онъ можетъ составлять юридическое основаніе возникновенія публично-правовыхъ корпорацій и самого государства»... [94]). Нельзя не согласиться съ этими положеніями, а, если такъ, то самъ по себѣ тотъ фактъ, что характеристика постоянно нейтральнаго покоится на договорѣ, отнюдь не предрѣшаетъ обязательственнаго характера возникшихъ правоотношеній. Для того, чтобы доказать свой тезисъ, Гейльборнъ долженъ былъ бы обосновать его нѣсколько иначе. Онъ долженъ

[94]) Hänel, Studien, I, 31.

Digitized by Google

былъ бы доказать, что ограниченіе, лежащее на нейтральномъ, носитъ частный, а не абсолютный характеръ, что воздержаніе отъ войны не есть по отношенію ко всѣмъ государствамъ обязательный status нейтральнаго, устраняющій всякую возможность для него войны, а лишь обязательство по отношенію къ нѣсколькимъ лицамъ; рабство и договоръ locatio conductio operarum имѣютъ много точекъ соприкосновенія, но въ первомъ случаѣ ограниченіе свободы носитъ именно абсолютный и принципіальный характеръ, а во второмъ нѣтъ. Внимательное изученіе актовъ, на которыхъ покоится характеристика всѣхъ безъ исключенія постоянно нейтральныхъ государствъ, должно было бы убѣдить Гейльборна, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ такимъ узкаго обязательственнаго значенія правоотношеніемъ, а съ принципіальнымъ ограниченіемъ правового status'a государства.—Попытку Гейльборна можно признать въ виду этого неудавшеюся, и общее положеніе, выставленное нами выше, не поколебленнымъ.

12. Въ заключеніе нѣсколько словъ о значеніи и цѣли созданія тѣхъ ограниченій общей международной правоспособности, которыя наложены на постоянно нейтральное государство [95]). Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, да позволено намъ будетъ еще разъ отмѣтить, что система права между-

[95]) По вопросу о значеніи созданія постоянно нейтральныхъ государствъ въ дѣлѣ общаго умиротворенія международнаго оборота обыкновенно ограничиваются констатированіемъ самаго факта, какъ извѣстнаго минуса въ общей суммѣ шансовъ войны въ современномъ международномъ строѣ; образцомъ такой оцѣнки являются указанія Rettich'a, Zur Theorie und Geschichte, 145 ff, который даетъ подробный инвентарь этихъ минусовъ въ сферѣ объектовъ права войны и его субъектовъ, иллюстрируя свои разсужденія даже таблицами. Другіе писатели даютъ болѣе принципіальныя формулы, предсказывая, что по образцу имѣющихся уже постоянно нейтральныхъ государствъ будутъ создаваться другія и образуется такимъ путемъ лига мирныхъ единицъ, предвозвѣстницъ будущаго строя, когда всѣ государства будутъ постоянно нейтральны. Наиболѣе серьезное значеніе въ области подобныхъ оцѣнокъ-предсказаній имѣютъ идеи Dascamps о «pacigé-

Digitized by Google

народнаго въ своемъ строеніи во многомъ напоминаетъ другія системы права въ эпохи ихъ низшаго развитія; намъ приходилось уже иногда обращаться къ такимъ аналогіямъ, сопоставляя, напр., характеристики лицъ въ средневѣковомъ обществѣ съ характеристиками дѣйствующаго международнаго права. Одна параллель напрашивается сама собой, когда ставишь себѣ вопросъ той роли, которую призванъ съиграть институтъ постояннаго нейтралитета ьъ общемъ развитіи международныхъ отношеній. Средневѣковое общество, не знавшее войны въ точномъ смыслѣ этого слова, знало ее и, въ предѣлахъ очень широкихъ, въ сферѣ отношеній между гражданами. Феодальный строй есть эпоха частныхъ войнъ, войнъ одного индивидуума противъ другого; споръ о правѣ и споръ объ интересѣ разрѣшался одинаково обращеніемъ къ силѣ оружія и передъ этимъ путемъ рѣшенія ихъ блѣднѣла уже существовавшая, но слабая юстиція. Не представляется ли такая картина сходною съ картиною современнаго международнаго порядка? Юридически есть несомнѣнно много точекъ соприкосновенія и прежде всего въ томъ, что у индивидуумовъ феодальнаго общества есть несомнѣнно право на частную войну, подобное праву на войну международную у современныхъ государствъ, и что такое право въ обоихъ случаяхъ находитъ себѣ нѣкоторыя ограниченія. Каковы эти ограниченіи въ средневѣковомъ обществѣ? Основное значеніе имѣло положеніе, по которому право на войну не принадлежитъ rôturiers, а принадлежитъ лишь дворянамъ. Рядомъ съ этимъ кореннымъ положеніемъ мало-по-малу усваивались другія: возникъ институтъ такъ называемаго «asseurement» или «sauvegarde», въ силу котораго одно лицо давало другому торжественное обѣщаніе воздерживаться во взаимныхъ отношеніяхъ отъ всякаго насилія; торжественное обѣщаніе, сначала основан-

---

rat», режимѣ мира, изложенныя въ Discours et rapport sur le pacigérat, Union interparlementaire pour l'arbitrage internationale, X-e conférence interparlementaire.. à Paris... 1900, Paris, 1901.

Digitized by Google

ное на взаимномъ соглашеніи, постепенно превратилось въ обязательное и по постановленію суда налагавшееся ограниченіе. Въ XIV вѣкѣ частная война считается еще попрежнему правомъ дворянства, но право это исключается, если одна изъ сторонъ готова «à ester à droit». Современный международный оборотъ равнымъ образомъ выработалъ рядъ ограниченій въ правѣ государствъ на войну и въ частности создалъ институтъ постояннаго нейтралитета. Продолжая проводить указанную аналогію, можемъ ли мы сказать, что постоянно нейтральное государство слѣдуетъ уподобить средневѣковому «rôturier», лишенному «дворянской привилегіи» другихъ государствъ? Едва ли это сопоставленіе при всей его соблазнительности будетъ основательнымъ. Rôturiers и вилэны не имѣли самостоятельнаго права на частную войну потому, что они воевали въ рядахъ своихъ господъ, когда было угодно этимъ послѣднимъ; ихъ положеніе напоминаетъ скорѣе положеніе членовъ союзнаго государства или государствъ подъ протекторатомъ или сюзеренитетомъ. Договоръ о постоянномъ нейтралитетѣ гораздо болѣе похожъ на актъ «asseurement» или «sauvegarde» въ его первоначальномъ видѣ; это взаимное соглашеніе объ отказѣ чинить насиліе надъ другимъ. А если заглянуть нѣсколько впередъ, то, можетъ быть, теперь уже въ международныхъ отношеніяхъ замѣтны элементы дальнѣйшей мирной эволюціи, подобной той, которую пережила частная война. И элементы эти лежатъ въ обнаруживаемой современными государствами готовности à ester à droit. Такая готовность не можетъ не превратить и тутъ asseurement изъ частной сдѣлки въ общее правило и въ этомъ отношеніи созданіе института постояннаго нейтралитета есть несомнѣнно важный шагъ на пути къ упроченію порядка и права въ международной системѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ типогр. М. М. Стасюлевича,
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

HARVARD LAW LIBRARY

Received

Digitized by Google

Digitized by Google